

**ҚАРАҒАНДЫ
УНИВЕРСИТЕТІНІҢ
ХАБАРШЫСЫ
ВЕСТНИК
КАРАГАНДИНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ISSN 0142-0843

ФИЛОЛОГИЯ сериясы
№ 4(68)/2012
Серия **ФИЛОЛОГИЯ**

Қазан–қараша–желтоқсан
1996 жылдан бастап шығады
Жылына 4 рет шығады

Октябрь–ноябрь–декабрь
Издается с 1996 года
Выходит 4 раза в год

Собственник РГП **Карагандинский государственный университет
имени академика Е.А.Букетова**

Бас редакторы — Главный редактор
Кубеев Е.К., д-р юрид. наук, профессор

*Зам. главного редактора
Ответственный секретарь*

**Х.Б.Омаров, д-р техн. наук
Г.Ю.Аманбаева, д-р филол. наук**

Редакция алқасы — Редакционная коллегия

М.И.Абдуов,	редактор д-р филол. наук;
Г.Ю.Аманбаева,	д-р филол. наук;
З.Т.Жумағали,	д-р филол. наук;
Ж.А.Жакупов,	д-р филол. наук;
Ш.М.Мажитаева,	д-р филол. наук;
Т.Т.Савченко,	д-р филол. наук;
Ж.Н.Жунусова,	д-р филол. наук;
Н.И.Букетова,	д-р филол. наук;
А.С.Адилова,	д-р филол. наук;
Б.Шалабай,	д-р филол. наук;
М.К.Исаев,	д-р филол. наук;
Н.Ж.Шаймерденова,	д-р филол. наук;
С.А.Матяш,	д-р филол. наук (Россия);
М.Д.Джусупов,	д-р филол. наук (Узбекистан);
У.М.Бахтикиреева,	д-р филол. наук (Россия);
Т.В.Белошاپкова,	д-р филол. наук (Россия);
К.Жанбозулы,	д-р филол. наук (КНР);
А.Ш.Тажикеева,	отв. секретарь PhD

Редакторы *Ж.Т.Нұрмұханова*
Техн. редактор *Д.Н.Муртазина*

Издательство Карагандинского
государственного университета
им. Е.А.Букетова
100012, г. Караганда,
ул. Гоголя, 38,
тел.: (7212) 51-38-20
e-mail: izd_kargu@mail.ru

Басуға 28.12.2012 ж. қол қойылды.
Пішімі 60×84 1/8.
Офсеттік қағазы.
Көлемі 29,5 б.т.
Таралымы 300 дана.
Бағасы келісім бойынша.
Тапсырыс № 869.

Подписано в печать 28.12.2012 г.
Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная.
Объем 29,5 п.л. Тираж 300 экз.
Цена договорная. Заказ № 869.

Адрес редакции: 100028, г. Караганда, ул. Университетская, 28
Тел.: 77-03-69 (внутр. 1026); факс: (7212) 77-03-84.
E-mail: vestnick_kargu@ksu.kz Сайт: <http://www.ksu.kz>

Отпечатано в типографии
издательства КарГУ
им. Е.А.Букетова

МАЗМҰНЫ

ҚАЗАҚ ТІЛ БІЛІМІ

<i>Хасенов Б.Р., Әділова А.С.</i> Түр-түс атауларының шығуы туралы.....	5
<i>Жүнісова Б.А.</i> М.О.Әуезовтің «Абай жолы» роман-эпопеясындағы көп мағыналы космонимдік атаулардың қолданылу ерекшеліктері.....	11
<i>Жуынтаева З.Н., Қожамбердина М.Т.</i> Қазақ тіліндегі тұрлаулы мүшелердің түсірілуі.....	18
<i>Тұрсынова М.А., Жуынтаева З.Н.</i> Қазақ тіліндегі ата, ана, ұл, қыз атауларының басқа түркі тілдеріндегі көрінісі.....	24

ӘДЕБИЕТТАНУ ЖӘНЕ ФОЛЬКЛОРТАНУ

<i>Смағұлов Ж.Қ., Абдикадирова А.Ж.</i> А.Сейдімбек және күй аңыздарының жанрлық табиғаты..	30
<i>Каренов Р.С.</i> Есімі қазаққа мәлім болған, сөзі үш жүзге тәлім болған дүлдүл әнші-ақын Үкілі Ыбырай.....	38
<i>Жарылғапов Ж.Ж., Мирзахметов А.А.</i> Қазіргі қазақ прозасындағы романтизм.....	60
<i>Жұмағұл С.Б., Сармурзин Е.</i> XX ғасыр соңындағы алаштану ілімі (1988–1991 жылдардағы зерттеулер негізінде).....	66
<i>Жарылғапов Ж.Ж., Рахымжанова А.Б.</i> Мифтің жазба әдебиетімен ара-қатынасы.....	73

САЛҒАСТЫРМАЛЫ ТІЛ БІЛІМІ

<i>Жақыпова Ш.С.</i> Лингвистикалық жүйелердің өзара ықпал етуі.....	80
<i>Жақыпова Ш.С.</i> Ағылшын тіліндегі араб және түркі кірме сөздері.....	87

ҰСТАЗ ТУРАЛЫ ЕСТЕЛІК

<i>Бахтикиреева У.</i> Қазақстандық түркітанушы-ғалым Алтай Сәрсенұлы Аманжолов туралы естелік.....	94

«ФИЛОЛОГИЯ ЖӘНЕ ҚАЗІРГІ ГУМАНИТАРЛЫҚ БІЛІМ» РЕСПУБЛИКАЛЫҚ ҒЫЛЫМИ-ТЕОРИЯЛЫҚ КОНФЕРЕНЦИЯНЫҢ МАТЕРИАЛДАРЫ

<i>Савченко Т.Т.</i> Өміршең филология. (Конференцияның ашылуындағы құттықтау сөз).....	96

СОДЕРЖАНИЕ

КАЗАХСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Хасенов Б.Р., Адилова А.С.</i> Об этимологии цветообозначения.....	5
<i>Жунусова Б.А.</i> Особенности использования многозначных космонимных названий в романе-эпопее М.О.Ауезова «Путь Абая».....	11
<i>Жуынтаева З.Н., Кожамбердина М.Т.</i> Пропуск главных членов предложения в казахском языке.....	18
<i>Турсынова М.А., Жуынтаева З.Н.</i> Казахские наименования ата-дедушка, ана-мать, ұлы, қыз-дочь в других тюркских языках.....	24

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Смағұлов Ж.К., Абдикадирова А.Ж.</i> Жанровые особенности легенд о кюях в исследованиях А.Сейдимбека.....	30
<i>Каренов Р.С.</i> О творчестве и судьбе поэта, певца и композитора Ибрая Сандыбаева.....	38
<i>Жарылғапов Ж.Ж., Мирзахметов А.А.</i> Романтизм в современной казахской прозе.....	60
<i>Жұмағұл С.Б., Сармурзин Е.</i> Алашоведение в конце XX века (на материалах исследований 1988–1991 годов).....	66
<i>Жарылғапов Ж.Ж., Рахымжанова А.Б.</i> Соотношение мифа с письменной литературой.....	73

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Жакупова Ш.С.</i> Взаимовлияние языковых систем.....	80
<i>Жакупова Ш.С.</i> Арабские и тюркские заимствования в английском языке.....	87

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧИТЕЛЕ

<i>Бахтикиреева У.</i> Памяти казахстанского ученого-тюрколога Алтая Сарсеновича Аманжолова.....	94

МАТЕРИАЛЫ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ФИЛОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ»

<i>Савченко Т.Т.</i> Филологии — жить. (Приветственное слово на открытии конференции).....	96

1-секция
КӨРКЕМДІКТІҢ ҚАЗІРГІ
ПАРАДИГМАЛАРЫ

<i>Савченко Т.Т.</i> Н.Заболоцкийдің «Столбцы» («Бағаналар») лирикалық кітабындағы өзіндік «мен».....	97
<i>Горбунова Г.З.</i> Көркем әдебиеттегі симулякр: типология мәселелері.....	104
<i>Иост О.А.</i> В.М.Шукшиннің «Кызыл бүрген» киноповесіндегі имагологиялық мәселесі.....	111
<i>Әбишева У.К.</i> XX ғасырдың басы романындағы жаңа үрдістер (Б.К.Зайцевтың «Алыс аймақ» романы мысалында).....	121
<i>Савченко Т.Т., Безкоровайная К.В.</i> И. Бродскийдің «В деревне Бог живет не по углам...» өлеңінің мәтіні мен контексті.....	126

2-секция
ОРЫС ТІЛІНІҢ СИНХРОНИЯСЫ
МЕН ДИАХРОНИЯСЫ

<i>Гайнуллина Н.И.</i> XX–XXI ғғ. тоғысындағы тілдік өзгерістердің тарихи себебі.....	131
<i>Байгарина Г.П.</i> Заманауи медиалық дискурс: метатілдік түсініктеме.....	137
<i>Қиынова Ж.К.</i> Орыс тіліндегі көнеславян фразеологиясы: тілдің диахрониясындағы синхрония....	143
<i>Нарожная В.Д.</i> Орыс фразеологизмдерінің құрамындағы лексикалық және фонетикалық архаизмдер.....	149
<i>Сансызбаева С.К.</i> Қазақ-орыс зооморфизмдерінің тұрақты қолданылатын коннотативті ерекшеліктері.....	157
<i>Исенова Ф.К., Сатибекова К.</i> Тіл және сөйлеу категориялар ара-қатынасы тұрғысынан қарастырылған окказионалдық.....	163
<i>Треблер С.М.</i> Көркем мәтін бейнесіндегі дәуірдің тілдік жағдайы.....	167

3-секция
ЛИНГВИСТИКА МЕН
ЛИНГВОДИДАКТИКАНЫҢ
ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ

<i>Екшембеева Л.В.</i> Оқу үдерісіндегі картаға түсіру.....	173
<i>Мирзоева Л.Ю.</i> Эмотивтік қиысу көпдеңгейлі бағалаушытық жүйенің көрсеткіші ретінде.....	179
<i>Дмитрюк Н.В.</i> Этностың тілдік санасының менталды таңбаланған концептілері: зерттеу әдіснамасы.....	185
<i>Нұршайыхова Ж.А.</i> Прагматикадағы құрылымдық синтаксис.....	191
<i>Мельникова Э.В.</i> Ауызша тілдік көркем шығармадағы коммуникативтік құралдардың эстетикалық ролі («Цветы от Лизы» телехикаясындағы кейіпкер Лизаның мысалында)....	197

Секция 1
СОВРЕМЕННЫЕ ПАРАДИГМЫ
ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ

<i>Савченко Т.Т.</i> Своеобразие «я» в лирической книге Н.Заболоцкого «Столбцы».....	97
<i>Горбунова Г.З.</i> Симулякр в художественной литературе: к проблеме типологии.....	104
<i>Иост О.А.</i> К проблеме имагологичности киноповести В.М.Шукшина «Калина красная»....	111
<i>Абишева У.К.</i> Новые тенденции в романе начала XX века (на примере романа Б.К.Зайцева «Дальний край»).....	121
<i>Савченко Т.Т., Безкоровайная К.В.</i> Текст и контекст стихотворения И.Бродского «В деревне Бог живет не по углам...».....	126

Секция 2
РУССКИЙ ЯЗЫК В СИНХРОНИИ
И ДИАХРОНИИ

<i>Гайнуллина Н.И.</i> Историческая детерминированность языковых изменений на стыке XX–XXI вв.	131
<i>Байгарина Г.П.</i> Современный медийный дискурс: метаязыковое комментирование.....	137
<i>Қиынова Ж.К.</i> Старославянская фразеология: синхрония в диахронии языка.....	143
<i>Нарожная В.Д.</i> Лексические и фонетические архаизмы в составе русских фразеологизмов... ..	149
<i>Сансызбаева С.К.</i> Узуальные коннотативные особенности казахско-русских зооморфизмов... ..	157
<i>Исенова Ф.К., Сатибекова К.</i> Окказиональность в аспекте соотношения категорий языка и речи.....	163
<i>Треблер С.М.</i> Языковая ситуация эпохи в отражении художественным текстом.....	167

Секция 3
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ЛИНГВИСТИКИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ

<i>Екшембеева Л.В.</i> Картирование в учебном процессе.....	173
<i>Мирзоева Л.Ю.</i> Эмотивное согласование как показатель многоуровневости оценочной системы... ..	179
<i>Дмитрюк Н.В.</i> Ментально маркированные концепты языкового сознания этноса: методология исследования.....	185
<i>Нуршайыхова Ж.А.</i> Структурный синтаксис в прагматике.....	191
<i>Мельникова Э.В.</i> Эстетическая роль коммуникативных средств в звучащем художественном произведении (на примере образа Лизы в т/с «Цветы от Лизы»).....	197

<i>Оразгалиева Ф.Ш.</i> Әр халықтардың түс атауларының мәдени коннотациясы	202	<i>Оразгалиева Ф.Ш.</i> Культурная коннотация цветообозначения у разных народов	202
<i>Кильдюшова И.В., Курманова Т.В.</i> Шетелдік студенттердің өзіндік жұмысын өткізу тәжірибесінен	210	<i>Кильдюшова И.В., Курманова Т.В.</i> Из опыта организации самостоятельной работы иностранных студентов	210
<i>Рахимбекова М.К.</i> Орыс тілін екінші тіл ретінде меңгерудегі фразеологизмдер мен мақал-мәтелдердің лингвомәдениеттанушы әлеуеті ..	215	<i>Рахимбекова М.К.</i> Лингвокультуроведческий потенциал фразеологизмов при усвоении русского языка как второго	215
<i>Шабленова А.Т.</i> Ағылшын тілін оқыту барысындағы рөлдік ойындар	220	<i>Шабленова А.Т.</i> Ролевые игры при обучении английскому языку	220
АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР	229	СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	229
2012 жылғы «Қарағанды университетінің хабаршысында» жарияланған мақалалардың көрсеткіші. «Филология» сериясы	231	Указатель статей, опубликованных в «Вестнике Карагандинского университета» в 2012 году. Серия «Филология»	231

Б.Р.Хасенов, А.С.Әділова

Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті (E-mail: boka_001kz@mail.ru)

Түр-түс атауларының шығуы туралы

Қазіргі қазақ тілінің антропологиялық бағыттағы зерттеулерінде түр-түске ерекше көңіл бөлініп, тың зерттеулер жасалынып жатыр. Қоршаған ортадағы шындықты көп жағдайда түр-түс арқылы қабылдаймыз және де түр-түс атаулары әр халықтың мәдени коды болып табылады. Мақалада түр-түс атауларының шығуы жайлы сөз болады. Авторлар түркітанудағы, қазақ тіл біліміндегі ірі ғалымдардың түр-түске қатысты пікірлеріне өз ойларын қоса отырып, қазақ халқының идиоэтикалық танымында ерекше орын алатын «қоңыр» сөзінің шығу табиғаты жайлы өз тұжырымдарын ортаға салады.

Кілтті сөздер: түр-түс этимологиясы, түр-түс атаулары, колоративті лексика, этимология, көк, ақ, кара, қызыл, сұр, боз, сары, қоңыр, түркі танымы, түркі тілі, қазақ тіл білімі.

Колоративті лексика — қазақ тіл білімінде ерекше назарға ілінген мәселелердің бірі. Ғалымдар түр-түс атауларын адамның тану әрекетімен, мәдениетімен, сол халықтың өзімен байланыста қарап, түр-түстану деген бір саланың негізін қалап, тың зерттеулер жүргізіп жатыр. Әр халықтың ғасырлар бойы қалыптасқан сарқылмас қазынасы болып табылатын өзіндік тарихы, мәдениеті, салт-дәстүрі, әдет-ғұрпы бар. Міне, осы мәдениетті, тарихты, дәстүрді түр мен түссіз елестету мүмкін емес. Мысалы, тарихтан белгілі Көк түрік, Ақ Орда, Көк Орда, мәдениетімізбен байланысты кісі өлсе, үй сыртынан ту тігу, бала алғаш жүргенде аяғына ала жіп байлау — бәрі-бәрі түр-түспен байланысты болып келеді. Тіпті, тұрмысқа жаңа шыққан қыз баланың ата-анасына орамал тігіп, өз мұңын, жағдайын, қуанышын жіптің түр-түсімен жеткізіп отырған. «Егер орамал қызыл жіппен кестеленсе, оның әке-шешесі бұл хабарға өте қатты қуанып, барған жеріне риза болған. Өйткені қызыл жіп қуанышты, шат көңілді, бейбіт өмірді білдіреді де, ал сары жіп — керісінше, уайым-қайғының белгісі болғандықтан, қыздың әке-шешесін сағынып жүргендігін білдірген» [1]. Бұның барлығы айналып келгенде қазақ халқының түр-түстанудағы идиоэтикалық болмысын танытады.

Түр-түстердің шығу төркіні жайлы мәселеге байланысты ғалымдар тарапынан әр түрлі көзқарастар айтылып, қилы-қилы болжамдар жасалған еді. Ғалымдардың кейбіреуі түр-түстерді қытай сөзінен алынған десе, кейбіреуі монғолдан кірген кірме сөз, кейбіреуі өзіміздің түркінің төл сөзі деген пікірді білдірген еді. Барлық ғалымдар талдауды *ақ* сөзінің шығу этимологиясынан бастаса, біз түркі танымындағы дүниенің бастауы саналатын түс — *көк* сөзінен бастаймыз.

Көк, ғалымдар пікірінше, синкретикалық түбір болып табылады. Академик Ә.Қайдар: «Алғашқы адамдар көк күмбесін оның түсіне қарап, «көк» деп атап кетуі қаншалықты заңды болса, керісінше, жер бетіндегі көк түсті заттардың бәрін аспан түсімен салыстыра отырып, жалпылама «көк» деген түр-түс атауын жасап алуы да мүмкін ғой.» [2; 39] — деп, *көк* сөзіне қатысты пікірін білдірген болатын. Шынымен де, бұның құбылыс ретіндегі мағынасы бірінші пайда болды ма, әлде сындық (түстік) мағынасы бірінші пайда болды ма деген сұрақ әлі күнге шейін өз шешімін таппай келеді. Зерттеуші Н.Аитова бұл сөзге қатысты ойын былай дейді: «Түркі тектес халықтардың ішінде қазақта көк күшейту мәнінде «көкпенбек» болып қолданылады. Бұл «көк пен көк», яғни *көкпен* бірдей деген ұғымға келеді. Әр сөздің екі рет қайталануы оның рендік мәнін әсірелеп, үдетіп жіберген» [3].

Көк пен Тәңір аспан мағынасындағы синоним сөздер болып табылады. Бұған дәлел ретінде түркінің ұлы ғалымы М.Қашқари сөздігінде көктің бірнеше мағынасы берілген, соның бірі — *аспан*. Ал осы сөздікте *тәңір* номинативінің мағынасы да *аспан* деп көрсетілген. Ш.Уәлихановтың «Қырғыздардағы шамандықтың қалдығы» атты мақаласында: «Аспан — бұл шамандықта ең жоғарғы құдірет. Көк тәңірі — көк аспан. Қырғыздарда бірінші сын есім көк сөзі көрінетін заттық нәрсені білдіреді, ал тәңірі зат есімі Алла және Құдай сөздерінің синониміне айналған», — дейді [4]. Сондай-ақ бұл діни-танымдық мақалада «тәңірі жарылқасын», «көк соқсын» деген тұрақты тіркестер бар. Бұл тілдік бірліктер де екі сөздің мағыналас екендігінің тағы бір дәлелі. «Тәңір» деген атаудың этимологиясы туралы М.Есжанның мына бір дерегін келтіре кетсек, артық болмас. «Көне шумерлер құдайларын «Ди-ниг-ир» деп атапты. Тағы бір дерек бойынша, «тәңір» сөзі көне тибет тілінде «аспан» дегенді білдіреді. 2003 жылы Анкара қаласында бас қосқан түркі тектес 36 мемлекеттің ғалымдары «тәңір» сөзінің төркіні көне түркі тіліндегі «тен» (тұрақты), «ңір» (шексіз) дейтін екі атаудың қосындысы деген пікірге тұрақтағандай болды», — дейді [5].

Сонымен қатар *көк* сөзімен байланысты шыққан қазақта көптеген сөздер бар. Бұған *көк тәңірідегі* алғашқы компоненттің ықпалы бар секілді. Мысалы, *көк шықты* дегендегі көк заттың түсін емес, *жаңа шыққандығын* білдіреді. Тәңірідегі көк дүниенің бастауы деп түсінсек, *шөп* сөзімен тіркескен көктің мағынасын біз *көктем* мезгілінің келгендігі, *жаңа тірліктің* басы деп ұғамыз.

Көк сондай-ақ көне түркіде туыстық мағынада қолданылған. Мысалы, М.Қашқаридағы *көгің кім?* деген сұраудың аудармасы — *шыққан тегің қандай?* Сөздікте *көке* деген туыстық атауы да кездеседі. *Көке* деп әкесінің апа-қарындастарын атаған екен. Қазіргі қазақ тілінде бұл сөз ауыз екі сөйлеуде *көкең кім?* түрінде жиі қолданылады. Бұл тіркес туыстық атауды білдіргенімен, *тірек*, *демеуші* деген мағынада жұмсалады. Дегенмен кей отбасыларда көне түркілік мәні әлі де болса сақталған.

Қарақ — қазақ әдет-ғұрпында, салт-дәстүрінде қасиеттілікті білдіруімен қатар, қайғы-қасіретпен ассоциацияланады. Бұл сөздің шығу табиғатын көзбен байланыстыруға болады. Адамның дүниені танудағы ең негізгі мүше — *көз* болып табылады. Көзге қатысты тілімізде көптеген тұрақты тіркестер қалыптасқан. Қазақтар көзінің ағымен қарасындай деп ең қымбатты, ең ардақты адамдарына айтса, көзінің қарашығындай немесе қарасындай сақтау деп атадан мирасқа қалған бағалы бір затты, мұраны сақтауды айтады. Абайдың «Көзімнің қарасы» деген өлеңіндегі мағына да жоғары айтылғандармен мәндес. Бұны айтып отырған себеміз мынада: М.Қашқаридың сөздігінде «қарақ» *көздің қарашығы*, *көз* мәнінде түсіндірілген. Яғни, *қарақ* және *көз* сөздері бір-біріне синоним болып келеді. Алайда қазіргі қазақ тілінде бұл көздің бір ғана бөлшегі (*қарашық*) болып қалыптасты. Қазіргі қазақ тілінде *көзі қарақты*, *қарақтау* секілді сөздер қолданылады және де көне түркілік *қарақ* сөзінен қаншама сөз пайда болды. *Қара*, *қарашы*, *қарғам*, *қарығу*, *қар* барлығы да көзбен, яғни *қарақпен* байланысты. *Қара* түс атауы да заттық ұғымнан (*қарақтан*) туындаған. Ал қазақ халқының *қарғам* деп еркелету мәнінде айтылатын сөзі — 300 жыл жасайтын *қара құсқа* байланысты шықты ма, әлде көне түркілік *қарақтан* пайда болды ма? Бұл өте даулы мәселе болып табылады. Мысалы, *аққу* құсы кез келген көлге мекендемей, аса талғампаз, тәкәббар болып келгендіктен, қазақ халқы үшін тазалық пен сұлулықтың символы болып танылады. Ал *қарғаға* қатысты халқымызда *қарға тамырлы* деген бейнелі сөз бар, яғни бұл қарғаның ұзақ өмір сүруіне қатысты шыққан. Сонда *қарға ұзақ ғұмырдың* белгісі болып саналады. Зерттеуші Н.Аитова *қарғам* деген еркелету сөзі *қара құстың* атына қатысты емес, көзге байланысты туындағандығын айтады. Ғалым *қарық* сөзін *қар* және *-ық* деп екі морфемаға бөліп талдап, *қар* сөзі көз мағынасында жұмсалатынын атап көрсетеді. Сонымен қатар *ғаш*, *ғай* сөздері құс мағынасын береді дейді. Дегенмен де ғалым *қарғам* еркелету сөзінің құрамын толықтай ашып, дәлелдемеген.

Қарығу деген көздің ауруы да бар. Б.Қыдырбекұлы бұл сөздің этимологиясы жөнінде былай дейді. «Қарығу — көздің суықтан, әсіресе қарлы далада ұзақ жүруден болатын ауру, көздің төңірегінде иненің жасуындай ақ бөріткеннің пайда болуы, ол көзге тікендей қадалып тұрады. Қазақ оны қардың ақтығынан көреді. Сондықтан «қарығ», яғни «қар қапты» деседі» [6]. «Дивани Лұғатта» *қарықты* дегенге адамның көзі *қардан қамалды* деген анықтама берілген. Бұдан түйетініміз — *көздің қарға шағылысуынан қарығу* сөзі, ал *қарақтың* ауруын тудырған *ақ* нәрсені *қар* деп атап кетуі мүмкін. Қорытындылай айтатын болсақ, зат мағынасындағы *қарақтан* сындық, іс-әрекет, ауыс, символдық мағыналар туындаған деген пікірдеміз.

Ақ сөзі түркі тілдерінде *ақ//ах//ағ//а*: *қ* формасында қолданылып, бір-біріне жақын үш топ мағынаны аңғартады: 1) «ақ» деген негізгі түстік мағына («белый»); оның төңірегіне: *ақшыл*, *көздің*

ағы, жұмыртқаның ағы, т.б. мағыналар туған; 2) «ақ» сөзінің ауыс мағыналары: *кіршіксіз таза, кінәсіз, ақжүрек, адал*; 3) керемет, тамаша, ғажайып. *Ақ* сөзінің этимологиясы жөнінде, оның заттық не түстік негізі жайында ХХ ғасырдың өзінде-ақ түркологтар арасында әр түрлі пікірлер қалыптасты. Э.В.Севортян «аға» және «әке» деген туыстық атаулардағы екі сөздің де негізі «ақ» — «оқ» (қартаю) етістігінен өрбіген дегенді айтады. Жалпы сүт тағамдарын білдіретін *ақ* атауы (қымыз, сүт, шұбат, құрт т.б.) *ақ* етістігі негізінен өрбігенін аңғаруға болады. Оған дәлел «ақ» — ағу, жоғары-төмен жылжу, құйылу» мәніндегі етістік. Сүттің төмен сауылып, сорғалап құйылатыны белгілі. Әрі өзі де ақ, басқа реңкі жоқ, өзгермейтін ақ түсті ақ атау да көңілге қонымды. Көне түркі тілінде «үрүң» атаудың тілден ығыстырылып шығуына да *ақ* сөзінің конверсиялануы әсер еткен. Көне мұраларда кездесетін «таң ағару» тіркесіндегі «ақ» жоғары көтерілу, «таң көтерілу» мағынасын беретін *ақ* — етістігінің әр түрлі сапада жеткендігін ғалым Б.Сағындықұлы дәлелдейді [7].

Тарихшы-ғалым Х.Көктәнді «ақ» сөзінің ежелгі нұсқасы ретінде «су» сөзіне де үлкен мән береді: «Су — ақ деген сөз. Судың ақ деген мағынаны білдіретінін көптеген деректер айғақтайды. Жапондарда да су дыбысталуы ақ мағынасын білдіреді екен. «Ақ сунбу — ақ-ақ биік» болып аударылады. Сырдария өзенінің «Авеста» кітабындағы атауы — Ардвисур. Бұл өзеннің ежелгі аты — «таза ақ құндар өзені» деген мағына берген. «Су» сөзінің «ақ» мәнін білдіретіндігіне тағы бір мысал: Сурманак — жалайыр тайпасының Шыңғыс хан заманындағы бір тармағы, екінші тармағы — Шуманак. Жалайырлар үлкен екі тармаққа бөлінген. Алғашқы тұлғалық атауы Су-ман, кейін Суман (мәні *ақ* деген мағынада), түсініксіз болған соң, алғашқы мағынасын калькалық тәсілмен көшіре аударып, «ақ» сөзін қосқан, содан кейін Сурманак болып шыққан. Шуманак тармағы атауы да осындай тарихқа ие. Тұңғыс-маньчжур тілінде «су» сөзі «чуу» дыбысталуында сақталып, «өте» мағынасын берген. Қазақ тіліндегі «су қараңғы соқыр» тұрақты тіркесі «көзі аппақ болып ағарып кеткен адам» деген ұғымды білдіреді. Екінші бір мысал: Алтын Орданың Жошы заманындағы атауы — «Сыр Орда». Көптеген тарихшылар, соның ішінде Рашид-ад-дин, Вассаф, А.Б.Греков, А.Якубовский сынды ғалымдар Алтын Орданы «Сыр Орда» деп атаған немесе «Су Орда — Алтын Орда деген атауға еге» деп жазған», — деген деректер келтіреді [8; 148]. Су — ақ. Осыған қарағанда Шыңғыс заманында «су» атауы әлі де «ақ» деген мағыналық мазмұнын жоймаған. Бұл күндегі тілімізде кеңінен қолданылатын «сүттен ақ, судан таза» деген тұрақты тіркесіндегі мағынасы да *аппақ, мөлдір* түске қатысты айтылып, *кінәсіз* деген мағынаны білдіреді.

Енді бірқатар ғалымдар Қ.Ғабитханұлы, Т.Жанұзақов «ақ» сөзінің шығу төркінін «ай» космонимімен сабақтастырып, оның фонетикалық өзгерісінің схемасы *ajas>aja>aj* болуы мүмкін деп болжайды. Мұның дәлелі ретінде түркі тілдерінде үнемі қолданылатын «ай йүзлүк» тіркесінің мағынасына тоқталады. «Ай» атауын «ақ» сын есіммен байланысты қарауының негізі бар. Сөздердің тілдегі қолданысы мен оның беретін мағынасына қарасақ, расында да «ай» атауы о баста заттың сын-сипатын білдіретін сөз болғанға ұқсайды. Қазақ тіліндегі айдын, айқын сөздері «ай» түбір сөзінің негізінде жасалған [9]. Бұл сөзді кейбір ғалымдар (Менгес, Ряснен) қытай тілінен енген кірме сөз деп қарайды. Бірақ Ә.Қайдар бұл ғалымдардың пікірімен еліспей мынадай уәж айтады: «...қытай тілінен түркі тілдеріне енген элементтердің таралу шегі белгілі региондармен шектеулі ғана. Ал «ақ» сөзі болса, барлық түркі тілдерінде кездеседі» [2; 37].

Сонымен «ақ» түс атауының шығу төркінін дәл басып айтудың қиындығы «ақ» сөзінің көнелігін көрсететіні даусыз. Бұл орайда біз Қ.Ғабитханұлы мен Т.Жанұзақовтың «ай» сөзі о баста «ақ» деген түстік мағынаны білдіретін сөз болған, осы сөзден кейін келе қазіргі тіліміздегі сын есім «ақ» туындаған» деген пікірін қолдаймыз.

«Ал» сөзі де көне түбірлердің қатарына жатады. Бұл сөз *ашық қызыл* деген мағынасында қызыл, сары, қара сөздерімен тіркесе қолданылады. Мысалы, *ал қызыл, ал сары, ал көк* т.б. Бұл сөздің төркіні туралы да біржақты пікір жоқ. Кейбір авторлар «ал» сөзі монғол тіліндегі «гал» («от») сөзімен (мысалы, *гал шара* — огненно-рыжий) байланысты деп қараса, енді бір тобы түркі тіліндегі *жалын, ялкун, йалун* сөзінің түбірі *жал//ял//һал* (ұйғыр тілінде: *һал тармақ* — қызару, қызғылттану) деп қарайды. Сөз басындағы дауыссыз дыбыстардың (*з//ж//й//һ*) түсіп қалу заңдылығын ескерсек, «ал» сөзінің бастапқы заттық негізі «от», «оттың жалыны» болуы мүмкін.

Осыған орай *ал* сөзін түркі тілдерінің *өз төл* сөзі деп қарауға болады. Бұның екі түрлі негізін Ә.Қайдар былайша дәйектейді: «Біріншісі — *ал* сөзінің бүгінгі түркі тілдерінің көбінде-ақ жеке-дара күйінде де, күшейткіш элемент күйінде де қолданылуы болса, екіншісі — орыс, тағы басқа славян тілдеріндегі «калый» сөзінің түбірі «алды» мамандардың барлығы бір ауыздан түркі тілдерінен енген кірме сөз деп есептейді».

Ал кейбір этимологтар түркі тіліндегі «алтын» және монғол тіліндегі «алтан» сөздерімен жақындастырып, оларды ал (алқызыл) мен *тұн* (қызғылт) мыс) түбірінен пайда болған деп қараса, енді бір жерде *алмұрт*, *алма*, *алқор*, *алиша* сияқты жемістердің алғашқы компоненті *ал* — парсы сөзі деген де пікір бар [2; 34–35]. *Ал* сөзі парсы тілінде *ашық қызыл*, *солғын қызыл* мағынасында қолданылады екен. Яғни, бұл сөздің қай тілге тиесілі екендігі белгісіз. Дегенмен кей ғалымдар (Ө.Қайдар, З.Ахтамбердиева) бұны славян тілдеріне енген сияқты, парсы тіліне енуі мүмкін екендігін жорамалдайды.

Қазақ және басқа түркі тілдеріндегі *қызыл* мен *жасыл* сөздерінің түбірі «қыз» бен «жас» деген пікір көптен бері айтылып келеді. Сондағы ғалымдардың дәлелі: бұлардың екеуі де *-ыл -іл* моделі негізінде бүгінде жеке-дара қолданылмаса да, бөліп алып қарауға болатындығы. Ал белгілі топонимист Е.Қойшыбаев *қызыл* сөзін тіліміздегі *қысыл* (*тар*, *қысылу*) етістігімен байланыстырады. Ғалымның мұндағы сүйенетін дерегі — Жоңғар және Іле Алатауларындағы шатқал аты — *Қызылауыз* («узкие ворота» мағынасында). Бірақ та көптеген ғалымдардың пікіріне сүйенсек, жоғарыдағыдай, *қызыл* сөзінің түбірі — *қыз*: бірде етістік («краснеть», «пламенеть»), бірде сын есім мағынасында («красный», «багровый») екіұдай қолданылған екен. Сын есім мағынасында қолданылғандығын дәлелдеу үшін *қызар* етістігін алып, *боз* — *бозар*, *көк* — *көгер*, *ақ* — *ағар* моделі бойынша талдаса да жеткілікті. Бұл жердегі түбір тек зат есім немесе сын есім ғана болуы керек. Сонда қазіргі қазақ тіліндегі *қызыл* сөзінің құрамындағы о бастағы дербестігін жойған «қыз» түбірінің төркіні айқындалмақшы. Ол тек қызыл түстің ғана емес, тіпті алабұртып, қызу қанды, сұлу ренді мағынасындағы «қыз» сөзінің шығуына да негіз болса керек [9]. М.Қашқаридің «Диуани-лұғат-ат-түрік» сөздігінде бұл *қыз* түбірінің тағы бір мағынасы беріледі: *Бұ ат қыз алдым* — Бұл атты қымбат алдым. Сонда *қыз* түбірінің мағынасы: 1) *қызыл*; 2) *қымбат*, соған тағы да *-ыл* жұрнағы қосылып, тарихи тұрғыдан қатыстық сын туғызса, біздің тілімізде сапа сыны болып қалыптасқан.

Жасыл түс атауының да түбірін *жас* деп тануға болады. Мұнда да о бастан заттық не сындық, сипаттық мағына болған. *Жас* сөзінің бастапқы мағынасы «жаңа шыққан көк, өсімдік, көкөніс» деуге болады. Әзербайжан тілінде *йаш* — «дымқыл», «сулы», «көк» деген мағына берсе, ұйғыр тілінде *көк-яш*, *қыл-яш* деген күрделі сөз құрамындағы «яш» та сол мағынада қолданылады.

Н.Қарашева: «*Жас* сөзінің... бастапқы мағынасы «жаңа шыққан көк өсімдік» деп ұйғаруға болады. «*Жас*» сөзінің жаңадан көгеріп шыққан өсімдікті білдіретін мағынасы жаңа өсіп келе жатқан балаға, одан кісінің өмір сүрген жыл санына ауысқан. Көк өсімдіктің дымқыл, ылғалды болуымен, әсіресе таңертеңгі шық түскен кездегі күйімен байланысты, бұл сөз «көз жасы» деген ауыспалы мәнге ие болған тәрізді», — деп көрсетеді. Яғни, *жасыл*, *көздің жасы*, *адамның жасы*, *жаңа өсіп келе жатқан* балаға байланысты айтатын *жас* сөзі шығу тегі бір, яғни гомогенді омоним (гомогенді омоним деп — «о бастағы бір сөздің мағыналық дамуы нәтижесінде туындап, арақатынасы алыстап, бара-бара екі сөзге айналып кеткен лексемалар» [10]) деп айтуға болады.

Қазақ тілінде де, жалпы түркі тілдерінде де *сары* түс атауы сындық мағынада қолданылады. Жоғарыдағы талданған түр-түс атаулары сияқты бұл сөздің де шығу тегін, этимологиясын анықтау қиындық туғызады. *Сары* сөзінің негізгі түстік мағынасымен қатар көптеген ауыс мағыналары да бар. «*Сары*» сөзі жер-су атауларымен тіркескенде «сар» тұлғасында қолданылатынын байқау қиын емес. Топонимист Е.Қойшыбаев «сар» сөзі топонимдік атаулармен тіркескенде көбінесе «айқын, кең, негізгі, басты» деген мағынада жұмсалатынын айтады. Ал Р.Сыздықова «сары алтын» тіркесіндегі *сары* сөзінің мағынасы *қоспасыз*, *таза*, ал «сары уайым» дегендегі «сары» сөзі парсы тілінде *уайым*, *қайғы* екенін айта келіп, «сары уайым» тіркесі бір мағыналы екі сөздің қабаттаса айтылуынан пайда болып, бала-шаға, бекер-босқа сияқты бір сынары парсыша — уайым (сар), екіншісі — қазақша уайым сөзінен жасалған плеонастық тіркес болып табылады», — дейді [11]. Алайда зерттеуші Р.Лауланбекова: «*Сары уайым*» тіркесіндегі «сары» сөзі түсті білдірмейді, плеонастық тіркес те емес. Себебі, «сар (ы)» сөзінің түркі тілдеріндегі бір мағынасы — «шын», «нағыз». Е.Қойшыбаевтың «сары» туралы «айқын», «анық көрінген», «басты» деуі қисынды. Осыған орай «сары уайым» — «негізгі, анық уайым», ал «сарыла күту» — «шыдаммен, нағыз күту» дегенге саяды», — деген ойын білдіреді [9; 11]. Сонымен қатар «сары» сөзінің «нағыз, таза» деген мағынасының барлығын тарихшы-ғалым Х.Көктәнді де *сары* сөзіне берген талдамасында анықтайды. Ғалым *сары* сөзінің түбірін *са/со* деп бөліп алып, «са» түбірі *дала* деген ұғымды білдіретінін айтады. Кейбір тарихшылар *сары ұйғыр* дегенді *көне ұйғыр* ұғымын береді деген пікір айтады [8; 148]. Бұл асылы, *таза далалық ұйғыр* деген сөз. *Ра* — *таза*, *шын* деген сөз. *Со* — *дала*, *со* сөзі, *салқар* (*c//u*), *сақара* деген сөздердің түпкі буынында сақталған. *Сайын* сөзі жеке тұлғасында ұғынықсыз болған соң, кейін халықтың өзі

сайын дала деп калькалық тәсілмен көшірме аударма жасаған. Осы күнге дейін бұл екі сөз қосарланып айтылады.

Боз сөзі түркі тілдерінің төл сөздеріне жатады. Түркі тілдерінде ол *боз // бо: з// бос// бөз// бұз// бот* тұлғаларында кездесіп, этимологиялық сөздіктің анықтауы бойынша 11 түрлі мағынада қолданылады. Олардың тура мағынасы — *ақ* түстің бір түрі. Кейбір ғалымдар *боз* бен *бордың* төркіні бір екендігін айтады. Сонымен қатар «*боз*» сөзінің архетипін А.Щербак *по:с* деп жорамалдайды. Бірақ та Э.Севортян *боздың бордан*, не керісінше *бордан боздың* шыққанын анықтау қиын екендігін көрсетеді. Академик Ә.Қайдар «*боздың* алтай тілдеріне ортақ және ротацизм (р~з~с) заңдылығын және *боз//бор//бора* (осыдан *боран//баран*) сөздерінің түстік мағынасын ескерсек, түркі тілдеріндегі: *бор* (мел), *боз жер*, *бөрі...*, *монғолиша бору*, *бор* (серый, коричневый) хакасша *пораң*, сондай-ақ славян тілдеріндегі *бусый* — *темно-серый, пепельный* т.б. сөздерді *боз//бор* сөздерімен туыстас, ұялас», — деп қарайды.

Сұр сөзінің табиғаты онша анық емес. Дегенмен оның тұлғасына және мағынасына қарап бірнеше жорамал айтуға болады. Мәселен, түркі, монғол тілдерінде «серый» және оған жақын мағыналарда бірнеше сөз қолданылады. Қазақ тілінде *сұр*, қарақалпақ тілінде *сур*, башқұрт тілінде *һоро*, алтай тілінде *боро*, ноғай тілінде *қуба* т.б. Осыған қарап отырсақ, *боз* бен *бор//бора//боро*, сондай-ақ *сұр//сур//сара//һоро* және *қу//қуу//құба//куба* сөздері мағыналас. *Сұр* сөзінің шығу төркініне келер болсақ. Тұлға мен мағына жағынан жақын тұрған *сұр//сур//сара//һоро* сөздері төркіндес деп қарап, оны фонетикалық заңдылықтарға сүйене отырып, дәлелдеуге болатын сияқты. Мәселен, о бастағы бір буынды сөздің кейде ашық, кейде жабық буын болуы ықтимал. Сонда чуваш пен башқұрт тілдеріндегі *сара* мен *һора* сөздерін *сұр* сөзінің ашық буынды варианты деп қарауға болады.

Қоңыр сөзінің пайда болу табиғаты жоғарыда аталған түр-түстерден өзгеше болып келеді. Топонимист-ғалым А.Әбдірахманов *қоңыр* сөзін монғол тіліндегі *хонхор*, *хонхур* (*ой, шұңқыр, үңгір, сай, жыра*) сөзінің дыбыстық тұрғыдан өзгерген түрі деп қараған. Бұл пікірді А.Жартыбаев та қуаттап, Қарағанды облысындағы *Дарақоңыр* орониміндегі *қоңыр* сөзін монғолдың *хонхур* сөзі дей отырып, *Дарақоңыр* оронимінің мағынасын «бөлек, дара тұрған сайлы, жыралы төбе» деп санайды [12]. Біздіңше, бұл алтай тілдеріне ортақ сөз. Және де біз *қоңыр* сөзінің этимологиясына қатысты өз пікірмізді ұсынамыз.

Халқымыздың ұрпақтан ұрпаққа ғасырлар тереңінен ауызша жеткен төрт түліктің баласын сүюі деген жыр бар.

*Қой сүйеді баласын «қоңырым» деп,
«Ештеңе білмейтін момыным» деп.
Сыыр сүйеді баласын «торпағым» деп,
«Қараңғыға баспаған қорқағым» деп.
Түйе сүйеді баласын «боташым» деп,
«Жаудыраған көзіңнен, тоташым» деп.
Жылқы сүйеді баласын «құлыным» деп,
«Тұлпар болып жүгірер жұрыным» деп.
Ешкі сүйеді баласын «лағым» деп,
«Тастан тасқа секірген шұнағым» деп.*

Байқап отырғанымыздай, әр түлік өзінің төлін өз атауымен атаған. Ал қой малының қошақан, қозы секілді төлінің атауы болса да, қоңырым деп сүйеді. Бұл жерде халқымыз қоңыр түсіне қатысты атады десе, қозының ақ, қара, ала, қызыл түсті болатыны және белгілі. Біз бұл қолданыстағы *қоңырдың* қазіргі мағынасын қойдың *жуас*, *момын* болуына байланысты баласын да солай атады деп түсінеміз. Алайда жылқы құлыным деп баласын атағандай, қой да қоңырым деп қошақанын атаған. Сонда *қоңыр*, *қозы*, *қошақан* деген сөздер өзара мағыналас болады.

Академик А.Щербактың түркі халықтарының үй және дала жануарларының атауларына қатысты мақаласында: «*Кoj* (ун)» — *сарік*, «овца», «самка овцы», монғ. — *хони* (н), маньч. — *хонин*.

Тув. — *којун.*, хак. — *хоі*, узб. — *куі*, каз., ног. — *кой*... В фонетическом отношении наиболее ранней является форма *конун* (*кон*). Дополнительный слог (*ун*) — морфологический элемент, некогда выражавший значение уменьшительности. В древних тюркских языках он (*яғни*, *ун жұрнағы*. — Х.Б., Ә.А.) был весьма употребительным, однако впоследствии утратил продуктивность и полностью слился с основой, ср. *Куртун* «червяк», *бојун* «шея» и т.д.» [13]. М.Қашқари өзінің сөздігінде «кон»

сөзіне *қой* деп анықтама берген екен. Түркі тектес халықтарда *қоңырды қонур* (қырғыз), *қонгир* (өзбек) деп те атайды. Байқасақ, бұлардың түбірі *қон*, ал *-ыр*, *-ур* жұрнақтары *-ун* жұрнағының кейінгі өзгерген түрі. Сонда екі морфеманың бірігуінен *қоңыр* сөзі пайда болған деген пікірдеміз.

Қой мәніндегі *қоңыр* сөзі кейіннен басқа мағыналардың туындауына ұйтқы болған. Қой малы көбіне масасы жоқ, желі бар жерлерде жайылғанды жақсы көреді. Өйткені жылқы, сиыр секілді масашыбыннан қорғанатын оның құйрығы жоқ. Сонымен қоса, қой малы тегістеу жерге жатпайды, олар төбенің, қырдың басында жатады. Осыған байланысты биік емес, аласа тауларды, жондарды, сол төбелердің басында өсетін өсімдікті *қоңыр* деп атаған.

М.Қашқари сөздігінде *қоңырдан* жасалған етістік берілген. «Қоңрады — қоңырлады, қоңырқай тартты. Оғлан үні қоңрады — баланың даусы қоңырлады. Баланың даусы балиғатқа жеткенде даусы өзгерді. Қой қоңрады — қойдың түсі қоңыр болды» [14]. Бұл жерде ең әуелі қойдың түсінің емес, белгілі бір жасқа жеткендігі айтып тұрған секілді. Соған ұқсатудан адамға қаратылып айтылып, баланың белгі бір жасқа жеткенде, оның өзгергенін, яғни даусының қоңырланғанын, жуанданғанын білдірден болуы керек. Сөздікте *қоңыр үн* дегеннің анықтамасын — *көмекейден шығатын үн* деп түсіндірген. Яғни, бұл ән айтқанда қолданылған. Көмекеймен ән айту деген дәстүр күні бүгінге дейін бар. Бұл тіркестің кейіннен семантикалық өрісі кеңейіп, *саз*, *ән*, *күй* деген сөздермен *қоңыр* синтагмалық байланыс түзген. Қоңыр қазақ музыкасының брендіне айналып, құлаққа жағымды, табиғи үн деген мағынаға ауысқан.

Сонымен, *қоңыр* сөзін қой малымен байланысты пайда болды деген пікірді ұсынамыз. Қой жуастықтың, қарапайымдылықтың, байлықтың символы болып саналғандықтан, содан пайда болған қоңырдың да беретін мағынасы соған жуық келеді. Қазақтың *қоңырым*, *қоңыр қозым* деп еркелетуі, қарапайым тірліктің қоңыр аталуы, қоңыр үннің құлаққа жағымдылығы, қоңыр желдің саялылығы — бәрі де қоңырға деген қазақтың ерекше ықыласын білдіреді. Қазақ қоңыр аңның киесі атады деп оны атпаған, ерекше қастерлеген, оны кие тұтқан. Және де, біздің байқағанымыздай, өзге түркі тектес халықтар қоңырды көп қолдана бермейді, оның орнына *күрең* сөзі жүреді.

Қорытындылап айтағын болсақ, колоративті лексиканы зерттеу — қазақ тіл білімінде қарқынды дамуда. Түр-түстердің мағынасы, символикасы, этимологиясы, концепт құру ерекшелігі қазіргі кездегі тіл еңбекшілерінің назарына ілініп, адамтану парадигмасы тұрғысынан зерделеніп жатыр. Біз бұл мақаламызда бұрыннан бар пікірлерге өз көзқарасымызды білдіре отырып, ұлттық тіліміз бен ділімізде өзіндік сипаты бар *қоңыр* сөзінің этимологиясын қарастырдық.

Әдебиеттер тізімі

- 1 Құмарова Б. Көне өнерді жанғыртайық // www.vkoem.kz
- 2 Қайдаров Ә., Ахтамбердиева З. Өмірбеков Б. Түр-түстердің тілдегі көрінісі. — Алматы: Ана тілі, 1992. — 160 б.
- 3 Аитова Н. Қазақ тіліндегі «қара» және «көк» түске байланысты семантикалық сипаты. Тіл тарихы және сөз табиғаты. — Алматы: Ғылым, 1997. — 48-б.
- 4 Уәлиханов Ш.Ш. Көп томдық шығармалар жинағы. — Т. 4. — 2-бас. — Алматы: Толағай групп, 2010. — 62-б.
- 5 Мұрат Есжан. Құлшылық қылғым келмейді // jaqsy.kz
- 6 Қыдырбекұлы Б. Түгел сөздің түбі бір. — Алматы: Қазақ ун-ті баспасы, 1993. — 175 б.
- 7 Сағындықұлы Б. Қазақ тілі лексикасы дамуының этимологиялық негіздері: Монография. — Алматы: Санат, 1994. — 137-б.
- 8 Көктәнді Х. Аспан мен даланың арасындағы 4 ұмытылған тарих. — Алматы: Қасиет, 2001. — 462 б.
- 9 Лауланбекова Р. Түр-түс компонентті күрделі аталымдардың танымдық сипаты (сын есім + зат есім үлгісі бойынша): Канд. дис. автореф. — Алматы, 2010. — 29 б.
- 10 Құрманалиева А. Қазақ тілінің гомогенді омонимдердің этимологиялық негіздері. Тіл тарихы және сөз табиғаты. — Алматы: Ғылым, 1997. — 40-б.
- 11 Сыздықова Р. Сөздер сөйлейді. — Алматы: Мектеп, 1980. — 106-б.
- 12 Жартыбаев А., Сламбеков Н. Қарағанды облысы оронимдерінің кейбір этнолингвистикалық факторлар көрінісі. Тіл тарихы және сөз табиғаты. — Алматы: Ғылым, 1997. — 227-б.
- 13 Щербак А.М. Названия домашних и диких животных. Историческое развитие лексики тюркских языков. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — С. 410.
- 14 Қашқари М. Түркі тілінің сөздігі (Дивани-лұғат-ат-түрік): III т. шығармалар жин. — Алматы: Хант, 1997. — 536-б.

Б.Р.Хасенов, А.С.Адилова

Об этимологии цветообозначений

В исследованиях антропологического направления современной казахской лингвистики значительное место уделяется изучению колоративной лексики, так как многое в окружающей действительности воспринимается посредством цвета и цвет является культурным кодом любого народа. В данной статье рассмотрена этимология колоративной лексики казахского языка. Авторы, опираясь на точки зрения об этимологии колоративов ведущих тюркологов и отечественных ученых, предлагают свою версию происхождения слова «қоңыр», семантика и символика которого являются очень значимыми в идиоэтническом сознании казахов.

B.R.Hasenov, A.S.Adilova

About an etymology of color namings

In the anthropological research areas of modern Kazakh linguistics significant place is given to the study of color lexicon, since a great deal in the surrounding reality is perceived by means of color, and the color is a cultural code of any nation. The etymology of the color lexicon of the Kazakh language is considered in the present article. The authors, considering the point of views of leading Turkic and Russian scholars on the etymology of color lexis offer their version of the origin of the word «konir», the semantics and symbolism of which are of great importance in idioethnic conscious of Kazakh people.

ӨЖ 811.512.122:81'373

Б.А.Жүнісова

*Қарағанды «Болашақ» университеті (E-mail: bayan75-75_75@mail.ru)***М.О.Әуезовтің «Абай жолы» роман-эпопеясындағы көп мағыналы космонимдік атаулардың қолданылу ерекшеліктері**

Мақалада М.Әуезовтің «Абай жолы» роман-эпопеясында кездесетін космонимдік атаулар қарастырылды. Осы ретте космонимдік атаулардың мағына сипаттарына семантикалық талдау жұмыстары жүргізілді. Космонимдердің полисемиялық өзгеру себептері ашыла түсеті. Космонимдік атаулардың мағынасына қатысты ерекшеліктер көрсетілді. Сондай-ақ жазушы қаламынан туған сирек қолданылатын атаулар мен соны тіркестер мәні, яғни жазушының кейбір стильдік қолданыстары да, зерттелді. Бұдан жазушының қазақ тілінің сөздік қорын байытуға қосқан үлесі анық байқалатыны сөзсіз.

Кілтті сөздер: сөз мағынасы, космонимдік атаулар, сөз мағынасының ауысуы, туынды мағына, ауыспалы мағына, авторлық ерекше қолданыс, Абай жолы, роман-эпопея, негізгі мағына, ай, күн, жұлдыз.

Көк түріктің ұрпағы саналатын қазақ халқы ежелден аспан денелерін киелі ұғымдардың бірі ретінде бағалағаны белгілі. Оның небір сырлы құпияларын танып білуде өз қызығушылықтарын танытқан. Оған дәлел Орта Азия мен Қазақстаннан шыққан ұлы ғұламаларымыз Әбу Насыр әл-Фараби, Ғаббас Жауһари, Әбу Райхан әл-Бируни, Ұлықбек т.б. еңбектерінен аспан шырақтары туралы көптеген ғылыми тұжырымдарды кездестіруге болады.

Түркі халықтарындағы аспан денелері туралы мәліметтерді көне жазба ескерткіштер мен М.Қашқаридің сөздігінен, XI–XIV ғасырлардағы кейбір жазба ескерткіштеріндегі аспан шырақтарының атаулары Ә.Құрышжановтың, З.Мұхамединованың еңбектерінен, қазақ халқындағы аспан шырақтарының атаулары мен олар туралы ұғым-түсініктерді Ш.Уәлиханов, Г.Потанин,

Ә.Диваев, Б.Куфтин еңбектерінен, Ұлы Отан соғысынан кейінгі кезеңдерде Х.Әбішев, Ә.Маманов, М.Ысқақов сынды зерттеушілердің еңбектерінен көруге болады [1].

Космонимдік атаулар «Абай жолы» роман-эпопеясында да молынан ұшырасады. Олардың мән-мағынасын ашу үшін *ай, күн, жұлдыз, аспан, көк, сәуле* сияқты сөздерді алып отырмыз. Себебі бұлар өзара семантикалық байланысқа ие сөздер, оларды байланыстырып тұрған семалар тең, олардың барлығына ортақ бір мағыналық элемент — сема, ол аспан әлеміне қатысты атаудың болуында.

Мұсылмандардың қасиетті санайтын ұғымдарының бірі — *ай*. Себебі араб сиқыршылары, астрологтары *айды* қасиетті шырақ деп санаған, өйткені ол адам тағдырына ықпалын тигізеді-міс. Сондықтан *айдың* тууы мен толуына қарап солар бал ашатын болған. Ал қазақтар *айды* құрметтеп, жаңа туған **айды** көргенде үш рет орнынан тұрып, үш рет бас иіп сәлем салады. Жазғы уақытта *айға* тағзым еткен жеріндегі шөптен жұлып алып, үйге кіргізіп, отқа тастайды. Келе-келе оны ислам діні ритуалдарының біріне айналдырған [2; 78]. Шығармада *ай* сөзі қандай мағыналарда қолданылғанына назар аударайық.

1. *Аздан соң ай туып, аса бір тынық, жым-жырт, жайлы түн жылжып келді* (М.Ә.). Бұл жерде зат, сөз, ұғым деген үш компоненттен тұрған «Жерді, күнді айналатын, түнде жерге жарық сәуле беретін аспандағы планета» [3;17] деген негізгі мағынаны аңғарамыз. *Ай* мерзімі әдетте төрт ширекке бөлінеді: айдың бірінші ширегі — толық ай, одан кейін — жарты ай, екі айдың арасы — өлі ара, соңғы ширегі — жаңа ай. Бұлардың ішінде де *толған ай* мен *жаңа туған ай* ерекше ауызға алынады [2;80]. Мысалы:

2. *Толық ай ашық көкті қалқып, сызып келіп, бір топ шоғыр қара бұлтқа кірді* (М.Ә.). Бұл жерде *ай* сөзінің мағынасы ауыспағанымен, белгілі уақытқа байланысты айдың пішінінің өзгеріске ұшырайтындығының әсерінен белгілі бір мерзімді аңғаруға болады, сондықтан бұл жерден мерзімдік мәнді байқау қиын емес.

3. *Соңғы алты ай ішінде, барлық жалын атқан қайғысы — жалғыз баласы Құтжан жайлы* (М.Ә.). Сөйлемдегі *ай* сөзі зат, сөз, ұғым екінші затқа туынды атау болуға тірек болатын бастапқы зат белгісі деген төрт компоненттен тұрып, «жылдың он екіден бір бөлшегін көрсететін мезгіл (30 күн)» [3;17] деген туынды мағынада қолданылған. Айдың отыз күнде бір жаңарып отыруына орай сөз мағынасы ауысты. Жаңа атаудың тууына негіз болды.

4. *Ақпан, қаңтар, бірдің айы — баршасы да қазір Абайлар жүріп келе жатқан сары дала, қоңыр адыр, сай-сала, қорық-қойнауларға өздерінің ақ ирек, сар-кідір омбыларын, оқаптарын, мұздақ жалтырларын жапқан көрінеді* (М.Ә.). Мұндағы бірдің айы, жазушының өзінің көрсетуі бойынша, *март* (ескіше жыл басы) деп (сонда), яғни қазіргі *наурыз айы*, түркі халықтарының жыл басы бір сөзімен тіркесіп, «жылдың алғашқы кезеңі», «бастамасы» деген мағынада қолданылған. (*Мұндай қолданыс өзге шығармалардан бұрын-соңды кездескен емес. Сөз мағынасының көнеленгендігі, қолданыстан шығып қалғандығы анық.* — Ж.Б.).

5. *Бұл жолы ай жарым жүріп, Ділдені алып келді* (М.Ә.). *Ай* сөзі «отыз күннен аса уақыт» деген мәнде қолданылған.

6. *Сауын, астың болатын ай, күнін, орнын жариялаған* (М.Ә.). Бұл жердегі *ай* сөзінен «дәл болатын мерзімі, уақыты» деген ауыспалы мағынаны аңғарамыз. Бір ескерерлік жайт — бұл сөздің көрсетілген мағынасын айқындауға онымен бірыңғайлана қатар қолданылған сөз мағынасы да ықпал етеді.

7. *Арада сан рет арыз, тексеру, іздеудің айлары өтеді* (М.Ә.). Бұдан да сөз мағынасының ауысқанын көреміз, яғни *ай* сөзі «азапты күндердің ұзақты мерзімі» деген мағынада ұғынылады.

8. *Жыл он екі айда ішері, мінері сол* (М.Ә.). Мұнда «күнделікті, үнемі» деген мағыны білдіріп тұр. Туынды мағынаның негізінде сөз мағынасы ауысқан. Мұнда, бір қарағанда, «мерзім» сөзімен байланысты қолданылып тұрғаны белгілі. Алайда мұның астарында «үнемі», немесе «ылғи», деген мәннің тұрғандығын ескеруіміз керек. «Мән» деуіміздің себебі «ай» сөзінің лексикалық мағынасында «үнемі» сөзі лексикалық қатарды құрамайды. Кейбір авторлық қолданыстарда ғана кездеседі. Оның өзі жылдың он екіден бір бөлігі болып саналатын отыз күндік мерзімді осылай атауымыздан келіп шыққан. Ал отыз күндік мерзімнің бұлайша аталуы — туынды мағыналы сөз. Ол туралы ілгеріде атап өткен болатынбыз. Қазақ халқы Ай планетасының отыз күнде бір жаңарып отыратындығын білгендіктен, осындай атау беріп отыр. Бұдан сөз мағынасының дамуы ділге байланысты жүріп отыратындығы айтпаса да түсінікті болар. Себебі орыс тілінде планета мағынасындағы *ай* сөзін «луна» деп атаса, жылдың он екіден бір бөлігін, отыз күндік мерзімді, дәл осы сөзбен атамай «месяц» деп қолданатындығы сөзіміздің дәлелі бола алар деген ойдамыз.

Қазақ халқы *айды* қашаннан сұлулықтың, нәзіктіктің символы ретінде бағалаған. Сондықтан да ажарлы, көрікті, ару қыздарымызды айға теңеп жатамыз. Роман-эпопеяда да сұлулыққа қатысты небір тіркестер молынан кездестіресіз.

1. *Қарлығаш қанатының ұшындай боп, айдай сызылған жіп-жіңішке қастары көтеріліп-жазылып, Абайға өзгеше бір үн қатқандай болды* (М.Ә.). Жарты айдың бейнесін негізге ала отырып, тілімізде әдетте жіңішке, дөңестеу болып келген қастарды осылайша айға теңеп жатамыз.

2. *Екіншісі — өмірде өлім сағатына шейін ұмытылмай, сана-сезім өшерде ең соңғы рет жалт етіп, бірдің өзі боп, көз алдына ай жүзімен күліп келетін Тоғжанын ойлаған шағы еді* (М.Ә.). Айдың пішінінің дөңгелек болып келетіні және көз тартатын сұлулығын ескере ала отырып жасалған тілімізде бірнеше тіркестер кездеседі. Осы негізде автор да «дөңгелеңген, ажарлы» деген мағынада метафора тәсілі арқылы сөз мағынасы ауысып қолданады.

3. *Абайдың көз алдына Тоғжанмен ең соңғы айырылысар шағы соншалық ап-ашық, айдай айқын боп келді* (М.Ә.). Осындағы айдай сөзі «анық» деген мағынада қолданылған. Және тілімізде кездесетін «айдай анық» тұрақты тіркесінен келіп туған. Бұл тіркесті жазушы қаламынан туған ерекше стильдік қолданыс деп ұғуымызға болар. Себебі автор тілімізде кездесетін жоғарыдағы тіркесті білмегендіктен немесе соған бір өзгеріс енгізейін дегендіктен қолданбаған болар, асылы, жиі қайталаушылықтан ауытқыған болуы керек. Олай болса, осы тектес тағы бір тіркеске назар салып көрейік.

4. *Ұлықтар сайлау жасай алмайтыны айдан айқын еді* (М.Ә.). Мұнан «белгілі» деген мағынаны көреміз. Сөз мағынасының ауысуына негіз болып тұрған белгі — қараңғы түнде айдың жарық, ашық әрі айқын болып келуі.

5. — *Ай батқандай қылды да, адастырып кетті ғой! Бірақ сонда да жолы болсын! Жақсы қызық көрсін, Сәлем айт! — депті де, Ербол кете бергенде, орамалымен көзін басып, жылап қапты* (М.Ә.). «Хабарсыз, жоқ болып кету; көрінбеу» деген мағынаны аңғартады. Тілімізде «күннің батуы» деген тіркес бар. Егер жазушы тіркесті осы күйінде алатын болса, күн батқан мезгілде қараңғылықтың түсе қоймайтыны белгілі, олай болса, Тоғжанның ішкі толқынысы дәл, анық, әсерлі шықпаған болар еді. Бұл жерден жазушының оқырманына айтайын деген ойының сәтті шыққандығын көруге болады.

Келесі космонимдік атаудың бірі — **күн** сөзі.

Әлемді билеп, жерге тіршілік сыйлап тұрған күн аймен қатар қолданылады. Күннің мейірімін өзіне көбірек аудару үшін адамдар оған табынды, құрбандық шалады. Ал жас балалардың мандайына қанмен дөңгелек салу дәстүрі — **Күнді** құрметтеуден туған көне ырым [2]. Ал семасиология ғылымында космонимдік атаулардың ішіндегі парадигмалық байланысты өте көп сақтаған сөздердің бірі деп осы күн сөзін айтуымызға болады. Мысалы:

1. *Қорықтан күн шыға атқа мінейік деп асыққанды* (М.Ә.). Зат, сөз, ұғым деген үш компоненттен тұратын «Жер және басқа планеталар жағалай айналатын аспан әлеміндегі жарық» [3; 326] деген негізгі мағынаны білдіріп тұр.

2. — *Қарағым Қамқа, бүгін күн жұма ғой осы? — деді* (М.Ә.). Бұл жерден зат, сөз, ұғым, екінші затқа туынды атау болуға тірек болатын бастапқы зат белгісі деген төрт компоненттен тұрып, «24 сағатқа тең тәуліктік мерзім» мағынасын білдіреді.

3. *Ертең қыстау-қыстауға кетеміз де, қыс бойы інге кіргендей жатып қаламыз. Қатынның күні со да* (М.Ә.). Зат, сөз, ұғым, алғашқы заттың кейінгі затқа негіз болатын заттық белгісі, екінші бір заттың синонимдік атауы деген бес компоненттен тұрып, «таңертеңнен кешке дейін көретіні, тіршілігі» деген ауыспалы мағынада қолданылған.

4. *Жалғыз ұғып білгені, ішінде күн туғандай* (М.Ә.). Бұл жерде күн сәулесінің жерге жылу шашатындығына орай, сол мағынасына ұқсатып, жылылық сезімді білдіретін «қуаныш, бақыт» сияқты ұғымдарды күнге теңеген. Және мұны М.Әуезов қаламынан туған, соны қолданыстардың бірі деп ұғуымыз керек.

5. *Құнанбайдың жері кеңір!.. Мен көшермін бұл дүниеден!.. Кетермін! Бөгет болмай кетермін!.. Бірақ... күндерің не болар? — деді* (М.Ә.). Бұл жерде «өмірде көретіндерің, тіршіліктерің» деген мағынаны ұғынамыз.

6. *Бірталай күн болды, Жампейіс тауда, көрші ауылдардың қойшыларымен кездесіп, сондағы естіген сөзінен бірдемені бықсытып айта бастағанда, Қодар толық түсінбей, түсінгеніне ыза боп, түсінгісі келмей тойтарып тастаған, айтқызбаған* (М.Ә.). Бұл жердегі «күн» «уақыт» сөзінің орнын ауыстырып тұр. Тілде «сөз мағынасын ауыстыру» және «сөзді ауыстыру» деген ұғымдар бар.

Бірінші жағдайда белгілі бір зат атауын басқа затқа атау етіп, ауыстыру полисемияға, жаңа мағынаның пайда болуына әкелсе, екінші жағдайда сөздің мағынасы өзгермей, тек ауыспалы мәнде қолданылады [4]. Яғни, белгілі бір сөйлеу ситуациясында ғана пайдаланғандықтан, бір мағынаның бірнеше мәні, реңкі, варианты болып табылады.

7. *Қыс бойы ауылда, елді сағынғанда есінен кетпейтін соңғы күндері дәл осы Есенбайда өткен* (М.Ә.). Мұнда да «мерзімі, уақыты» деген мәнде қолданылған.

8. *Сол осы күні мәтел боп кетіпті, деді* (М.Ә.). Бұл жерден де «қазіргі кезде» деген мәнді ұғынамыз.

9. *Оны әлі күнге өз ырқынан шығарған емес* (М.Ә.). «Осы уақытқа дейін» деген мәнде қолданылған.

Космонимдік ұғымдар арасында ең көп тілдік қолданыстағысы *күн* космонимі екенін ілгеріде айтқан болатынбыз. Сондай-ақ бұлар тұрақты сөз тіркесінің құрамында да түрлі стильдік мәнде, синонимдік қатарда жұмсалуда өте бейім.

1. *Күні бойы* — таңертеңнен кешке дейін.

Күні бойы осылай етуге байлаған (М.Ә.).

2. *Күн ұзын* — таңертеңнен кешке дейін, күні бойы.

Татулықтары сәл болса, ұрыс-таластары күн ұзын айықпайды (М.Ә.). Бұл жердегі «күн ұзын» тіркесін «ұзақ күнге» деп алмастыратын болсақ, Оспан мен Смағұлдың күні бойғы қарым-қатынасын көруге болады. Ал жазушының қолданысынан төбелестің ұзақ, әрі жиі қайталанатынын аңғарамыз. Бір қарағанда алдыңғы тіркестің синонимі сияқты болғанымен, айрықша тілдік қолданысты көруге болады. Бұл жерден де шеберліктің сырын ұғатыныңыз хақ.

3. *Бала күнінен* — жасынан, ертеден.

Бұл бала күнінен Құнанбайдың жігіті боп, қабысып кеткен адам (М.Ә.).

4. *Кішкентай күнінен* — жасынан, сәби күнінен.

Тегінде ертекіші, өлеңші, не басқа әңгімеші адамға талай уақыт тапжылмай тесіле қарап қалу Абайдың кішкентай күнінен бергі әдеті еді (М.Ә.). Бұл тіркестен де «жасынан» деген мағынаны аңғарғанымызбен «кішкентай» сөзі жастықтың сәби кезеңі екендігін аңғартады. Бұл жерден де жазушының тіркесті дөп тауып, қолданылу орнын анық айқындағанын көреміз.

5. *Күн көру* — өмір сүру, тіршілік ету.

«Иық сүйесіп, күн көрейік» деп, Құтжанға құран оқи келгенде, Қодар Жәмпейіске зарын шақты да, қолына ұстап қалды (М.Ә.).

6. *Күн кешу* — өмір сүру, тіршілік ету.

Өз өмірі, өз үй ішімен, өз айранын ішіп күн кешетін (М.Ә.).

7. *Күні түсу* — басына іс түсу, тәуелді болу.

Бұларға күні түсіп отырған кім десеңші! (М.Ә.).

8. *Күн туу* — басына іс түсу.

Қазір қысылып, басына күн туып кеп тұр (М.Ә.).

9. *Күндердің күні* — болашақта, бір уақытта.

Күндердің күні боп, *Талшоқы мен Қарауылға келер болсаң, орның әзір* (М.Ә.).

10. *Күн ілгері* — болашақта, келешекте.

Дағды бойынша, «жаманға, залалға бастан бара жатқан жоқ! Күн ілгері көреміз» дескен (М.Ә.).

11. *Күн райы* — ауа райы.

Бала ес білгеннен бері қарай әкесінің қабағын жұтаң қыста күн райын баққан кәрі бақташыдай бағып, танып өскен (М.Ә.).

Сонымен қатар осы «күн» сөзі өте сирек қолданылатын тіркестердің құрамында кездеседі. Мұндай қолданыстағы тіркестердің бірі ұлттық салт-дәстүрді көрсетсе, енді бірінен қолданыстан шығып қалған, архаизмдерді байқаймыз. Мысалы:

12. *Күн қайыру* — ауа райын алдын ала болжау, анықтау. Қазақ халқында көкектің суығын «отамалы» деп атау бар. Шығармада сондай аңыз айтылады.

Отамалы деп атағаны бір байдың Отамалы деген қойшысы болған екен. Сол бақыр күн қайырады екен-ау! (М.Ә.).

13. *Күн қақты* — әлсіз.

Әуелі мінген аттарының көпшілігі арық, күн қақты (М.Ә.).

Келесі тоқталатын космонимдік атау — *жұлдыз* сөзі. Шығармада бұл сөз де бірнеше мағынада қолданылады. Бұл атаудың да қыр-сыры өте мол. Және тілімізде қолданылу аясы да біршама. Мәселен, 1959 жылы І.Кеңесбаевтің басқаруымен шыққан «Қазақ тілінің түсіндірме сөздігінде» «жұлдыз» сөзінің үш түрлі мағынасы берілсе, осы автордың «Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігінде» 12 тұрақты тіркес берілген. Біздің талдайтын мысалдармыздан негізгі мағына болмаса, қалғандарын сөйлеу тілімізде қолданғанымызбен, сөздіктерден кездестірмедік. Алайда бұлардың сөздік қордан орын алғаны белгілі. Осыдан-ақ халқымыздың космонимдердің сырын қаншалықты меңгергендігін көруімізге болады. Енді бірер сәт шығармаға назар аударайық.

1. *Ай батқан, жұлдыздар да сиреп, бір-бірден сөніп жатыр* (М.Ә.). Бұл жерден зат, сөз, ұғым деген үш компоненттен тұрып, «Көкте жай көзге жарқырап нүкте сияқты көрінетін аспан денесі» деген мағынаны ұғамыз.

2. *Енді мынау жұлдызынан көз жазбақ емес, айырылмақ емес...* (М.Ә.). Бұл жерде жазушы тілдің көркемдегіш тәсілдері арқылы Әйгерімді жұлдызға балап, сөз мағынасын ауыстырып отыр. Негізгі байланыстырушы сема — «жарқ етіп көріну».

Жоғарыда тоқталып өткен *Ай, Күн* атаулары сияқты *Жұлдыз да* сұлулықтың символы ретінде қолданылады. Сондықтан да сұлу қызды аспандағы Айға, Күнге, Жұлдызға теңеу жазушыларымыздың көпшілігінің стилінде кездеседі.

3. *Құлағында үлкен алтын сырғасы ырғалып келе жатқан Тоғжан, мынау ат үстінде, мынадай топ қыздың тап ортасында, дәл көп жұлдыздың арасындағы шолпандай* (М.Ә.). Мұнан жұлдыз атауларының өзін ерекшелеп, «шолпан» сөзінің «көптің бірі емес» деген мәнде арнайы қолданылғандығы байқалады. Космонимдік атаулардың осындай қасиеттерін қазақ халқы қыздарына ат қоюда, есім беруде, жиі ескеріп отырған. Жұлдыздардың ішінде көлемі жағынан, жарық таратуы жағынан ерекшеленіп тұратын белгілерін үнемі ескеріп отырған. Мұнан сөз мағынасын ауыстыруда ұлттық менталитеттің қаншалықты орын алатындығын байқауға да болады.

Аспан денелерімен адамдардың өмірі тығыз байланысты болған. Аспандағы аққан жұлдыз наным-сенімдерде адам өмірінің сөнудің тұспалдайды [2].

4. *Ағып сөнген жұлдыздай, мұның қиял жұлдызы сонша жарқырап ақты да, енді міне өшіп барады* (М.Ә.).

Келесі космонимдік атауға қатысты сөздердің бірі — *аспан* сөзін алып отырмыз. Себебі жазушы бұл сөзге де бірнеше мағына беріп, парадигмалық байланыста қолданады. І.Кеңесбаев «Қазақ тілінің түсіндірме сөздігінде» бір ғана негізгі мағынасын береді [3; 50]. Ал 2008 жылы Т.Жанұзақовтың басқаруымен шыққан сөздікте бір ғана атауыштық мағына, он бір тұрақты тіркес көрсетілген [5;61].

1. *Бар жиынға, бар дүниеге, барлық жұлдызды аспан, жарқын айға да, «Көрші бізді, кінәлап көрші!» дегендей* (М.Ә.). Зат, сөз, ұғым деген үш компоненттен тұрып, «Төбедегі кеңістік, көк, әуе» [3; 50] деген мағынаны білдіріп тұр.

2. — *Әкім аспанда тұрмақ па екен?* (М.Ә.). Бұл жерден «қол жетпес биік» деген ауыспалы мағынаны көреміз.

Сонымен қатар мұны Әуезов қаламынан туған мынадай тіркес құрамынан да көреміз:

1. *Аспан ату* — алай-дүлей болу, астан-кестені шығу, шапшу: төменнен биікке (жоғарыға) деген негізден сөз мағынасын ауыстырып тұр.

Не тулаған теңізде тау толқынының көбігін аспан атып, шапшып құлағандай (М.Ә.).

2. *Аспан жарылу* — алай-дүлей, астан-кестен болу. Мұнда сөз мағынасы екіге жарылу дегеннен ауысқан.

Олжай іші болса, үстіндегі аспан жарылып, жай оты төгілгендей өрекіп бүлінді (М.Ә.).

Келесі космонимдерге қатысты атау — *әуе*. Шығармада көп қолданылмағанымен, бұл сөзге де жазушы ерекше стильдік сипат береді.

1. *Әуе тұнжыр ғана тұнып тұр* (М.Ә.). Зат, сөз, ұғым деген үш компоненттен тұрып, «Аспан, көк» [3; 76] деген негізгі мағынаны білдіріп тұр.

2. *Құдайдың ыстығы мынау — әуе айналып жерге түскен* (М.Ә.). «Өте ыстық, шыжып тұрған, шайдай ашық ыстық күн» [3;76] деген мағынаны беретін тұрақты сөз тіркесі.

Келесі тоқталатын сөзіміз — *көк*.

1. *Толық ай ашық көкті қалқып, сызып келіп, бір топ қара бұлтқа кірді* (М.Ә.). Зат, сөз, ұғым деген үш компоненттен тұрып, «Жер үстіндегі түпсіз тұңғыық әуе, аспан» деген негізгі мағынасында қолданылып тұр.

2. *«Көк шекпенді біздің мырза пішкен жоқ, құдай пішкен. Кім киерін көрерміз...» депті* (М.Ә.). Бұл жердегі «көк шекпен» тіркесі «асқақтықты, биіктікті, билікті» білдіріп тұр. Негізгі байланыстырушы сема орналасу ретіне қарай туған «биік» семасы бірінші кезекке шығып тұр. Мұны да жазушы қаламынан туған сәтті қолданыстардың бірі деп бағалауымызға болады.

3. — *Өлтір иттерді, өлтір! — деген қалың шумен, өңшең бір көк аттылар тиіп кеп кетті* (М.Ә.). Бұл жерде де «көк аттылар» жоғарыда талданған мысалмен үндес келеді. Мұнда да «көк» сөзінің негізінде асқақтықты, қолында билігі бар адамдарды астарлы түрде білдіріп тұр. Осының өзінен екі түрлі мағынаны байқауға болады: бірі «биіктің» негізінде туған асқақтық болса, екіншісі «көк» сөзінің «молшылықты» білдіретін ауыспалы мағынасынан туған «бай» семалары біріккен сияқты. Бұл жерде мағыналарды өріс деңгейінде анықтаған нақтырақ болар. Сындық мағынаны білдіретін «көк» сөзінің өзі — түптеп келгенде «әуенің» түсінен туған мағына. Яғни бір негізден өрбіген сөздер. Мұндай құбылыстарды тіл білімінде «конверсия» деп атайды. Осындай мағыналық қатынастағы сөздерді шығармадан да кездестіруге болады.

Мысалы:

4. *Биыл Қарауыл суы мол боп тасып, Жидебай, Мұсақұл үстіндегі кең қорық көк жайқын қалың шалғын боп келе жатыр еді* (М.Ә.). Көк сөзінің мағынасы «көгеріп шыққан шөп» дегеннен туып отыр.

5. *«Әй, анау да көк желкеден ұрады-ау!» — деп жасқаншақтап келе жатыр еді* (М.Ә.). Мұндағы «көк желке» «арқа тұс, ту сырт» [5;407] деген мағынаны білдіріп тұр.

Космонимдік атауларға қатысты сөздердің біріне «Сәуле» сөзін де алып отырмыз. Себебі мұнда да аспан әлеміне қатысты семалық байланысы бар. Жазушы бұл сөзді де бірнеше мағыналық қатынаста пайдаланады.

Мысалы:

1. *Ұзаққа, ұшан-теңізге созылып жатқан қалың таудың биік жоталарын күн сәулесі бір сәтте алтынга малғандай қып рең берді* [6]. Бұл жерде «күннің нұры» деген негізгі мағынада қолданылған.

2. *Екеуі қалың ағаштың арасында, ай сәулесі үзіліп түсіп тұрған бір алаңқайда кездесті* (М.Ә.). Бұл жерде «Айдың жарығы» деген мәнде қолданылған. Бір байқайтынымыз, сәуле сөзінің мағынасын түсіндірме сөздіктерде «нұр, жарық» деп береді. Ал біздің талдап отырған мысалдарымыз бұл екі сөзді синоним ретінде қатар қолдануға болмайтындығын көрсетіп отыр. Себебі екеуін бір өрісте қарауға болғанымен, атауыштық қызметі мен қолданыстық реңкі екі басқа.

3. *Өмірін, балалығын қайта тапқандай, ішіне мол сәуле, игі сәуле кіргендей* (М.Ә.). Бұл жерден «жылы сезім, жақсы ой» деген ауыспалы мағынаны көреміз.

4. — *Сәулем! Бұл сенің сөзің емес, менің сөзім ғой* [7]. Бұл мысалда тілдегі табу арқылы сөзге ерекше эмоционалдық мән бере қолданылған. Жалпы келін ат қойғанда кездейсоқ түрде емес, ат қоятын адамдардың мінез-құлқын, түр-тұрпатын, өнер-талабын жан-жақты тексеріп, түрлі қасиеттеріне қарай сәйкестендіріп атаған. Сонымен қатар осы сөзге жалғанған тәуелдік жалғауы да екі түрлі қызмет атқарып тұр. Біріншіден, сөздің жұмсалып қызметін өзгерткен. Егер тәуелдік жалғауы болмаса, адамның есімі күйінде жұмсалар еді. Екіншіден, тәуелдік жалғауы еркелету, жақын тұту, сүйсіну сияқты мағыналық реңк үстеп тұр.

Осы тұста бір айта кететін жағдай — космонимдік атаулардың тәуелдік формада жұмсалыуы жиі кездеседі. Алайда тәуелдік жалғауы мұндай қолданыстарда негізгі грамматикалық мағынасында қосымша сөзге семантикалық ерекше мән үстейді. Мәселен, *айым, күнім, жұлдызым* деген қолданыстардағы тәуелдік жалғауы осы аталған аспан денелерінің меншіктілігін емес, адамға қаратыла айтылатын ерекше сөздер екендігін, сонымен бірге эмоционалды-экспрессивті реңкін арттыра түсетіндігін аңғартады. Өз перзентін ерекше жақсы көріп еркелеткенде аспан денелерінің атымен атау ұлттық діліміздің бір қырын көрсететін сияқты. Себебі өзге тілдерде де мұндай қолданыс кездескенімен олардың айтылу мақсаттары өзгеше сипатта орын алады. Орыс тілінде «солнышко моё» тіркесі қолданылғанымен, «ай» мен «жұлдыз» сөздеріне қатысты бұлай деп атау кездеспейді. Қазақ халқының космонимдік атауларға ерекше мән беріп, оларды түрлі мағынада түрліше қолдануының себебі ұлтымыздың бір кездері тәңірлік сенімде болғандығында жатса керек.

Сонымен, жоғарыда талданған мысалдардың негізінде космонимдік атаулардың мағынасын ашуда мынадай ерекшеліктерді байқадық:

1. Бұл сөздердің барлығында да ортақ бір мағыналық элементтің, семаның, барлығы және ол сөздердің барлығының да аспан әлеміне қатысты қолданылатындығы.

2. Космонимдік атаулардың парадигмалық байланыс түзетіндігі, яғни көп мағыналық қатынас жасауға бейім тұратындығы.

3. Космонимдердің ұлттық танымды бойына сіңірген ұғымдар екендігі.

4. Олардың мағыналарын ашу арқылы тіліміздің жұмсалы мүмкіндігінің кеңдігі.

Тағы бір айта кететін жайт, бұлар тілдің стильдік қабаттарының ерекшеліктерін танып-білуге септігін тигізеді. Жазушы шығармасын оқу барысында өте сирек қолданылатын атаулар мен соны тіркестерді көптеп кездестіреміз. Мұны жазушының қазақ тілінің сөздік қорын байытуға қосқан үлкен үлесі деп бағалауымыз керек.

Әдебиеттер тізімі

- 1 *Тұрысбаева М.* Космонимдік атауларға лексикалық талдау // ҚазҰУ хабаршысы. Филология сер. — 2004. — № 6 (78). — 126–127-б.
- 2 *Рысбаева Г.* Айдың таңбалық сипаты // ҚазҰУ хабаршысы. Филология сер. — 2007. — № 4 (86). — 78–80-б.
- 3 Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. — I-т. — Алматы: ҚазССР ҒА баспасы, 1959. — 337 б.
- 4 *Жалмаханов Ш.Ш.* Қазіргі қазақ тіліндегі көп мағыналы зат есімдердің мағыналық құрамы. — Қарағанды: ҚР ПМ Қарағанды заң ин-ты, 2001. — 42-б.
- 5 Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. — Алматы: Дайк-Пресс, 2008. — 965 б.
- 6 *Әуезов М.* Шығармалар жинағы. Абай жолы. — III-т. — Алматы: Жазушы, 1979. — 423 б.
- 7 *Әуезов М.* Шығармалар жинағы. Абай жолы. — IV-т. — Алматы: Жазушы, 1979. — 446 б.

Б.А.Жунусова

Особенности использования многозначных космонимных названий в романе-эпосе М.О.Ауезова «Путь Абая»

В статье изучены космонимные названия, которые встречаются в романе-эпосе М.Ауезова «Путь Абая». Проведены семантический анализ данных названий, а также работы по разбору значений космонимных названий. Раскрыты причины полисемических изменений космонимов, по особенностям значений космонимные названия собраны в группы. Также отмечены редко используемые авторские названия и словосочетания. Кроме того, рассмотрены некоторые стилистические способы образования новых слов. При этом ясно виден огромный вклад писателя в развитие лексики казахского языка.

B.A.Zhunusova

Peculiarities of using multi-meaningful cosmic titles in the epic novel of M.O.Auezov «Abay zholy (The way of Abay)»

The article describes the cosmic titles in the epic novel of M.Auezov «Abay zholy (Way of Abay)». These titles were semantically analyzed. On the basis of those analyses examination works about informative features of cosmic titles were fulfilled. The article defines reasons of polisemic change of cosmic titles. Also groups of peculiarities due to the meaning of cosmic titles were shown. Exotic titles and word combinations were also described in the present article, i.e. the article defines some stylistic patterns of the author. These features show the great contribution of the writer to development of the lexicon of the Kazakh language.

З.Н.Жуынтаева, М.Т.Қожамбердина

Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті (E-mail: zamza_bota@mail.ru)

Қазақ тіліндегі тұрлаулы мүшелердің түсірілуі

Мақалада қазақ тіліндегі бастауыш пен баяндауышсыз толымсыз сөйлем жайы сөз болды. Автор сөйлем толымсыздығының басты шарты контекст екендігіне тоқталды. Тіл біліміндегі зерттеулерді басшылыққа ала отырып, бастауыштың түсірілу себептері көрсетіліп, тілдік деректермен дәлелденді. Қазақ тілінде бастауыштың түсірілу жағдайы жиі кездесетіндігі сөз болды. Баяндауыштың түсірілуі контекст пен ситуацияға байланысты екендігі көрсетілді. Контекстік толымсыз сөйлемдер дербес сөйлемдердің арасын байланыстырудың амалы екендігі, олардың мәтін түзімдік қызметі ашылды.

Кілтті сөздер: сөйлем, синтаксис, мәтін, контекст, бастауыш, баяндауыш, тұрлаулы мүшелер, толымсыз сөйлемдер, бастауышсыз толымсыз сөйлем, баяндауышсыз толымсыз сөйлем.

Сөйлем — белгілі бір мағыналық және интонациялық тұтастыққа ие, грамматикалық тәртіппен байланысқан сөздер тізбегі ретінде көрінетін адамдар тілінің кіші бөлшегі (единицасы). Сөйлем сонымен бірге қарым-қатынас бірлігі бола отырып, ойдың да қалыптасуы мен берілісінің единицасы ретінде ойлаудың бірлігін көрсетеді. Сөйлем логикалық пікірмен қатысты, бірақ онымен бара-бар емес: әрбір пікір сөйлем түрінде беріледі, бірақ кез келген сөйлем пікірді білдіре бермейді. Сөйлем адам әрекетін білдіре отырып, оның еркі мен сезіміне қатысты эмоциялық, сезімдік ұғымдарды білдіруге де қызмет етеді. Сөйлемнің грамматикалық негізін шақ, жақ, модальдік категорияларының және хабарлау интонациясының жиынтығынан тұратын предикативтілік құрайды...» [1].

«Бастауыш — сөйлемнің ең негізгі қазығы, өйткені сөйлемнің нақтылы иесі, субъектісі. Субъект — ойдың, істің, қимылдың басы. Кей сөйлемдерде бастауыш болмаса, баяндауыш болмай қалады, бірақ бұл относителді түгелсіздік. Негізінде, бастауыш болған жерде баяндауыш болмай қалуы мүмкін емес», — деп жазады С.Аманжолов [2].

Бастауыш — субъектінің грамматикалық баламасы. Ол іс істеуші, қимыл иесі болатындықтан, сол қызметті өтей алатын заттардың аты арнаулы бастауыш болуға бейім болады [3; 107].

Бастауыш — сөйлемнің ең басты, негізгі мүшелерінің бірі. Оның қызметі, мағынасы өзінің баяндауышпен грамматикалық қатынасынан туындайды. Басқаша айтқанда, бастауыш сөйлемде баяндауыш болатын сөзбен тіркесу нәтижесінде мүшелік қатынаста жұмсалады. Бастауыш — сөйлемде айтылған қимылдың не басқа сапаның субъектісі болып табылады. Ол грамматикалық жағынан сөйлемнің басқа мүшелеріне бағынбайды. Бұл жағынан алғанда бастауыш — сөйлемдегі ең негізгі тұрлаулы мүше.

Баяндауыш сөйлем арқылы айтылған ойды тиянақтап, көптеген сөздерді ілестіріп барып, сөйлемді аяқтап тұрады. Бұл жағынан ол — сөйлемнің ең негізгі ұйымдастырушы мүшесі [3; 107].

Бастауыштың да, баяндауыштың да сөйлемнің тұрлаулы мүшесі екені белгілі. Осы мүшелердің сөйлемнің толымсыздығына қандай ықпалы бар екендігін қарастыру мақаламыздың мақсаты болып табылады.

Үнемдеу заңы адамға өз ойын көп сөйлемей-ақ, өз уақытын үнемдеу мақсатында аз ғана сөзбен білдіруге себепкер болады. Ал мұның өзі белгілі бір ойды білдіру үшін керекті сөйлем мүшелерінің сөйлем құрамында түгел болмауына әкеп соқтырады. Осыдан сөйлемнің грамматикалық жақтан толымсыздығы туындайды. Бірақ бұл құбылыс бір тілде сөйлеуші әлеуметтік жағынан, аялық білімі деңгейлес коммуниканттардың арасында ойды жеткізу мен қабылдауда қиыншылық немесе түсініксіздік тудыра қоймайды. Сондықтан, тілімізде коммуникациялық жағдайдың орнына қарай, толымды да, толымсыз да сөйлемдер қолданыла береді.

О.Төлегенов толымсыз сөйлемдер мәселесіне арнайы тоқталып, олар «жалпы сөйлем құрылымының толымсыздығы сөйлеу түрі мен стилінің өзгешелігіне байланысты болатындығын, сондықтан ол қосымша бір топтастыру принципі ретінде анықталатынын» айтады [4].

Зерттеуші Ж.Сәдуақасұлы толымсыз сөйлемдерге «контекст пен ситуациядан алғанда сөйлемнің мағыналық толымсыздығы байқалып, оны толықтыруға болатын сөзді контекстен табу мүмкіндігі болса және оны сөйлемге енгізгенде мағынасына нұқсан келтірмейтін болса ғана, ондай сөйлемдерді толымсыз сөйлемдер деп атаймыз» деген анықтама береді. Ғалым «Қазақ тіліндегі бірқұрамдық

сөйлемдердің құрылымдық типтері» атты докторлық диссертациясында: «Толымсыз сөйлем жөніндегі Б.П.Ардентовтың «кейбір ұғымдар мен түсініктер ойда болғанымен, арнайы сөзбен беріле бермейді. Ойдың толықтығы үшін қажет болатын сөйлем мүшелері ойда бар деп есептеледі, олар алдыңғы ойдан белгілі болады немесе олар туралы сөз сөйлеу кездегі жағдайдан анық түсінуге болады» дейтін, В.В.Бабайцеваның «Толымсыздықтың негізгі критерийі — сөйлемде берілуге тиісті ойдың сипатын өзгертпей-ақ, оның құрамына ене алатын сөздің контексте болуы» дейтін пікірлері орыс тіл біліміндегі ғана емес, түркі тіл біліміндегі көптеген ғалымдардың көзқарастарымен сәйкес келіп жатады дей келе, осы пікірдің негізінде толымсыздықты айқындаудың басты белгісі — контекст пен ситуация екендігін айтады. Нақтырақ айтқанда, контекст пен ситуациядан тыс қалғанда, сөйлемнің мағыналық толымсыздығы байқалып, оны толықтыруға болатын сөзді контекстен табу мүмкіндігі болса және ол сөйлемге енгізгенде мағынасына нұқсан келмейтін болса ғана, ондай сөйлемдерді толымсыз деп атауға болады [5] деген тұжырым жасайды. Мәселен, *1. Дәулеткелдінің өзінен бұрын Абайға жеткен бір әзіл өлеңі болатын. 2. Ол — «Шешесіне айтты» деген өлеңі. 3. Абай қазір Дәулеткелді қасына кеп отырып, шай ішіп болған соң-ақ, оған өтініш айтты. 4. — Өзіңнен бұрын сөзің жетіп еді. 5. Әлі қоңыр тай жамандатып өлгенде, шешеңе не депен, соны айтшы? — деді (М.Ә.).* Күрделі синтаксистік тұтастықтың 1-ші және 3-сөйлемдері — толымсыз. Себебі, 1-сөйлемдегі Абайға жеткен әзіл өлеңі қайсы екендігін 2-сөйлем арқылы білуге болады. Ол «Шешесіне айтты» деген өлеңі болып табылады. Ал 3-сөйлемдегі Абайдың Дәулеткелдіге қандай өтініш айтқаны өзінен кейінгі сөйлемнен байқалады. Дәулеткелдінің «шешесіне не деп айтқанын сұрауы» 5-сөйлем арқылы көрінеді. Бұдан толымсыз сөйлемнің мәтінмен байланысы бар екендігін аңғару қиын емес.

Субъектіні атау, оны білдіріп тұру — бастауыш мүшенің ең бастапқы әрі негізгі қызметі. Бірақ сөзді түрлендіру, сөйлемнің қатынас құралы ретінде мүмкіншілігін кеңейту үстінде бастауыш мүше ылғи субъектінің тілдік көрінісі бола бермейді. Бастауыш мүше кейде сөйлемнің тек құрылымдық құрылысының негізі болып қана жұмсалуды да мүмкін.

Бастауыштан гөрі баяндауыштың синтаксистік қызметінің басым екендігінің бір дәлелі бастауышсыз айтыла беретін сөйлемдердің көптігінен десе де болады. Мысалы: *1. Базаралы Ерболды тыңдап отырып, осы жиындар ортасында бірінші рет босағандық көрсетті. 2. Екі-үш тамшы жаса та ағызып жіберді. 3. Сөзбен жауап қатқан жоқ, бірақ жаңағы қалпы үй ішіне байқалмай қалған жоқ (М.Ә.).* Мәтіндегі 2-ші және 3-сөйлемдердің бастауышы 1-сөйлемдегі Базаралы екендігін контекстен байқауға болады.

Тіліміздегі толымсыз сөйлемдер сөздерді үнемдеп жұмсау, орынсыз бір сөзді қайталамау мақсатында, ойды ықшамды, тұжырымды етіп жеткізу мақсатында жұмсалатындығын ескере отырып, бастауыштың сөйлемде түсіп қалуының да өзіндік себептері бар екендігі белгілі.

Контекстік толымсыз сөйлемдер белгілі бір мүшенің я мүшелердің дәл осы сөйлемде қатыспай тұруымен, ол мүшенің басқа көршілес сөйлемдерден табылуымен сипатталады. Бұндай сөйлемдерде сөйлемнің қай мүшесі болсын толымсыздыққа себеп бола алады [6].

Толымсыз сөйлемдегі тиісті мүшенің я мүшелердің қатыспай тұруының екі себебі бар: контекст және ситуация. Түсірілген сөйлем мүшесін контекст пен ситуация арқылы тауып алуға болады.

Тілімізде мәтін белгілі бір тақырыпқа байланысты айтылып, онда айтушының ойы ашылатындығы, негізгі ойды білдіре алатындай ат қоюға лайық мазмұнды қамтып тұратындығы белгілі. Олай болса, тұрлаулы мүшелердің түсірілуі арқылы сөйлем толымсыздығы, ал толымсыздық нәтижесінде күрделі синтаксистік тұтастық, яғни мәтін, қалыптасады.

Бастауыштың түсірілу себептерін қарастырып, олардың мәтін түзуге атсалысатындығына назар аударып көрейік.

Ұ.Керімбекова бастауыштың төмендегідей жағдайда сөйлем құрамынан түсіп қалатындығын көрсетеді:

1. Қатар айтылған сөйлемдер мағыналық байланыста келіп бір сөзге ортақтасқанда, бастауыш түсіп қалады. Белгілі бір контекстің алғашқы сөйлемінде айтылғандықтан, бір сөзді қайталай бермеу үшін бастауыш қатыспайды. Бұл бастауышсыз толымсыз сөйлемдер алдыңғы сөйлемдегі ойдың тікелей мағыналық жалғасы ретінде келіп, аталған субъектінің қосымша белгілері, іс-әрекет, қимылын көрсетеді. Мұндайда бірнеше сөйлемнің бір ғана бастауышы болады [7; 46]. Осындай бір бастауышқа ортақ толымсыз сөйлемдер молынан кездеседі. Мысалы: *1. Ішпей Мәніке Абайды ұнатпайды. 2. Оңашада Ысқаққа, малышы, көршіге Абай аулын, Абай балаларын, тіпті Абайдың өзінің кей мінезін де жақтырмай, сыртынан қыжырта сөйлеп отырады. 3. Өзі және Абай айтты деген күндегі сөзінің бәрін естіп, жадына сақтай біледі. 4. Бірақ оның жақсы сөзіне бір сүйсінген*

емес (М.Ә.). Күрделі синтаксистік тұтастықтағы төрт сөйлемге ортақ бастауыш — Мәніке. Жазушы бұл сөзді қайталай бермеу үшін түсіріп қолданып тұр.

Енді бір мысал келтірейік. 1. *Зейнеп ескі шежірені де біледі екен.* 2. *Жоқтауының арасына Оспанның әкесі Құнанбай қажыны да қосады.* 3. *Енесі Ұлжанды да туған анасындай, ардақтап жоқтайды.* 4. *Оспанның үлкен әкесі Өскенбай биді де атап, мақтап кетеді.* 5. *Кейде ұзақ айтатын даусына бұл ауылдардың арғы атасы Ырғызбайды да қосады* (М.Ә.). Мұнда 2–5-ші сөйлемдер — бастауыштары түсірілген толымсыз сөйлемдер. Түсірілген бастауыш — 1-сөйлемдегі Зейнеп.

2. Бастауыш жақтық мағынаға байланысты I, II, III-жақтарда баяндауышқа ой екпіні түспесе, айтылмайды [7; 46]. 1. *Көлігі қан сорпа болған көш ақ пен қызыл арасында бір шұңқырға кеп түйелерін шөгертті.* 2. *Қара терге малынған аттардың арқасынан ер тоқымын алмай, ақ шоқалақтың тасасына тізгінін түйістіріп тастады.* 3. *Қаруын ер басына іле салды да, қолына күрек, кетпен алды.* 4. *Екі шоқалақ аралығындағы ойпаңдау жердің бір түп көк қияқ өскен тұсынан құдық қазды* (Ә.Н.). Келтірілген мәтіндегі әрбір сөйлемде ол есімдігінің түсіріліп қалғандығы байқалады. Немесе: 1. *Шырағым-ау, соғыс салмағы бізге батып тұрған жоқ па?* 2. *Азаматымызды қозыдай көгендеп әкетті.* 3. *Алым-салығы да жұтатып барады.* 4. *Үстінен жонып жеп отырған мал-тегенемізден ада болдық.* 5. *Қара азық емге жоқ.* 6. *Қаптың түбін қағып отырмыз.* 7. *Осының бәрі соғыстың лаңы емес пе?* (Ә.Н.). Мұндағы 4-ші және 6-сөйлемдердегі біз есімдігінің түсірілгендігі баяндауыш формасынан белгілі болып тұр.

Дәлел ретінде тағы бір мысал келтіреміз. 1. *Дос-жар, қонағуар үйдің іші әзірлігін жасай бастаса да, Әбіштің бұларды шығындатқысы келмеді.* 2. — *Жоқ, Дәке!..* 3. *Жоқ, жеңеше!* 4. *Малды ауызға алмаңыз.* 5. *Малды қойыңыз.* 6. *Біз қайтамыз.* 7. *Тек шай-пай ауыз тисек болды.* 8. *Тінті болмаса, әдемілеп сүт пісіріп беріңіз.* 9. *Мен еттен де, кейде оның сүтін артық көрем!* — деді (М.Ә.). Бұл мәтінде 4-ші, 5, 8-ші сөйлемдердегі «алмаңыз», «қойыңыз», «пісіріп беріңіз» баяндауыштарынан «сіз» есімдігінің түсірілгенін көреміз. Ал 7-сөйлемде бастауыш орнына «біз» есімдігі болу керек.

3. Бастауыштың түсіп қалуы жалпы толымсыз сөйлемнің мағынасынан белгілі болады [7]. Оны төмендегі үзіндіден аңғаруға болады: 1. *Аздан соң Әйгерім «Татьяна әнін» айтып жөнелді.* 2. *Әлі де сонау бір күндердей барынша сырлы нәзік, терең толқумен айтады екен.* 3. *Үй іші жым-жырт қатып, ұйып тыңдады.* 4. *Базаралы Абайдың бұл айтылған өлеңінің бәрін де білмеуші еді.* 5. *Ол шетке кеткен соң туған әндер екен.* 6. *Қасындағы Көкбайдан жабыса сұрап, әр өлеңнің әнінің мәнін, жөнін ұғынып отыр* (М.Ә.). 6-сөйлемнің бастауышы 4-сөйлемдегі Базаралы екендігі мәтін мазмұнынан аңғарылып тұр.

Қай сөздің болса да сөйлемде баяндауыш қызметінде тұруы сол сөйлемдегі субъектілік, предикаттық қатынастан көрінеді. Сондықтан баяндауыштың қызметі басқа мүшелермен, әсіресе бастауышпен қатар қойып айтқанда айқын болады [3; 115].

Ауызекі сөйлеу ерекшелігінің көрінісі саналатын баяндауышсыз толымсыз сөйлемдерде тілдік элементтер белгілі бір сөйлеу жағдаятына қарай жұмсалады. Түсірілген баяндауыштың қызметін өзге объектілік мағынадағы мүше қоса атқарып тұрады. Ал ондай мүшелер белгілі бір септік жалғауында тұрады. Мысалы: 1. *Бұл кезде Ақылбай бөлек қыстау иесі болатын.* 2. *Оның отауы Байғабылдағы жатақтарға жақын Аралтөбе, Миялы деген жерде.* 3. *Ақшоқыдан жарым күндік жер* (М.Ә.). 2-сөйлемнің баяндауышы жатыс септік тұлғасындағы сөз, ол еді немесе болатын көмекшілерінің түсірілуі арқылы жасалған.

1. *Әбіштің айтуынша, бұл зорлықтың бір шеті елдегі бүліктерде жатса, ел дұшпандарында жатса, екінші жағы патшалықтың ұлықтарында.* 2. *Осындай зорлық бар Россияның көп миллион крестьянының басында да дәл осылайша.* 3. *Сондықтан да жыл сайын крестьян ереуілі, тартысы болады* (М.Ә.). Мәтіннің 2-сөйлемінде тұрған ұлықтарында баяндауышы жатыс етістігінің түсірілуі арқылы беріліп тұр. Себебі құрмалас сөйлемнің бірінші сыңарындағы жатса етістігін қайталай бермеу мақсатында жатыс септіктіңіндегі сөз актуалданып тұр.

1. *Тайлақпай құдығы — мол ауылға қоныс болғандай алқабы кең, ойдым-ойдым көгалы көп және суы да, құдықтары да жеткілікті қоныс.* 2. *Алпыс үйлі кедейлер бәрі бұл құдықта болмаса да, жарымынан артығы осында.* 3. *Бұлар он екі, он бес үйлерден үш жерге бөлініп отырған жатақ, егінші ауылдар еді* (М.Ә.). Бұл мысалдың 2-сөйлеміндегі жатыс септік формасында тұрған «осында» сөзі өзінен кейін «отыр» модаль етістігін қажет етіп, сөйлемді баяндауышсыз толымсыз сөйлем етіп тұр.

Қазақ тіл білімін зерттеуші профессор Қ.Жұбанов толымды және толымсыз сөйлемдерді «толық сөйлем» және «олқы сөйлем» деген атаулармен атайды да, «негізгі мүшелері түгел (бастауышы да, баяндауышы да бар) сөйлемді толық сөйлем дейміз», ал «негізгі мүшелерінің (бастауышының немесе баяндауышының) біреуі не екеуі де жоқ болса, сөйлес олқы сөйлем деп аталады» деген анықтама береді. Автор мысал ретінде мына өлең жолдарын келтіреді: *Қартайды. Қайғы ойлады. Ұлғайды арман* (Абай). Берілген өлең жолының соңғы сөйлемін толық сөйлем деп, алдыңғы екі сөйлемді олқы сөйлем деп көрсетеді [8].

Сөйлемнің толымсыздығын анықтау барысында сөйлемнің мағыналық жақтан толымсыздығын алатын болсақ, онда біздің ауызекі сөйлеу тіліміз, оның ішінде, әсіресе диалогтар толымсыз сөйлемдерден тұрар еді. Өйткені ауызекі сөйлеу тілінде сөйлемдер контекстен тыс тұрып еш мағынасыз, түсініксіз болып қалады.

Ал толымсыз сөйлемдердің толымсыздығы бас мүшесінің ғана емес, кез келген мүшесінің түсірілуінен де көрінеді, сондай-ақ сөйлем мүшесінің түсірілуі контекстке, жағдаятқа және стильдік мақсаттарға байланысты болады. Мысалы:

Әбіш өз ішіндегі байлауын таласқа салғысы келмейді. Сондықтан кесіп айтты.

– *Мені өз байлауымнан ойыстырам деме, Дәрмен.*

– *Әлде, Мағрипаға көңілің...*

– *Жо... жоқ!.. — деп Әбіш жауап қатты да: — Егер жар алатын болсам, жер жүзінде Мағрипадан басқаны тілемес едім, бәлкі! Бірақ айттым ғой, оқу бітіріп болмай, шешпеймін. Кешеден менен жауап күтіп жүрген шығарсыңдар. Менің сөзім осы. Бұдан соң қайталап қажамандар! — деді (М.Ә.).* Берілген мысалдағы *Мағрипаға көңілің...* деген сөйлемнің баяндауышы жағдаятқа байланысты түсіп қалғандығы аңғарылып тұр. Мұны Мағрипаға көңілің кетті ме? деп толықтыруға болады.

1. — Рас. 2.Әке-шеше, аға-туыстары Мағрипаның жіпсіз тұсалғандай болғанына қосылатын болса керек. 3.Бірақ біздің ауылдар кеңшілік береміз деп жүрген жоқ. 4.Былтыр болмаса биыл... 5.Тіпті болмаса, өзің айтқан ендігі жыл, әйтеуір батаны бекітеміз деп жүр. 6.Ал Мағышқа осы жазда үміт беріп, серт байласып кетпесең, ұзақ қинауға салған боларсың (М.Ә.). Бұл мысалда 3-сөйлемде баяндауыш жоқ, ол ситуацияға байланысты түсіріліп, сөйлемді толымсыз етіп тұр. Баяндауыш ретінде *батаны бекітеміз деп жүр* дегенді алуға болады.

А.Атажанова өзінің «Эллипсистенген сөйлемдер» атты мақаласында: «Құрамында кейбір сөздер айтылмай, түсіп қалу нәтижесінде сыйыстыра қалыптасқан сөйлемдерді эллипсистенген сөйлем», — деп таниды [9]. Автордың пікірінен түсірілген мүшенің тек баяндауышқа қатысты еместігін, басқа мүшелердің де түсірілуі эллипсис құбылысы болатындығын мысалдарынан аңғаруға болады.

Тілдің құрылымдық нормасына жатқызылмай, ауызекі сөйлеу ерекшелігінің көрінісі саналып жүрген баяндауышсыз толымсыз сөйлемдерден тілдік элементтердің потенциалдық мүмкіндігінің жүзеге асатынын, белгілі бір сөйлеу ситуациясына икемделуін көруге болады. Ондай актуализаторларды біз баяндауыштың жүгін қоса атқарып тұратын объектілік мағынадағы мүшеден табуымызға болады. Бұндай мүшелер белгілі бір септік жалғауында тұратыны белгілі.

Баяндауышсыз толымсыз сөйлемдердің қазіргі тіліміздегі көрінісіне тоқталып өтейік.

1. Оспан аулына тағы бір оқыршы келіп, алғашқы бір жұма, он күн ұдайы қонақ күтумен өтті.

2. Бұл ауыл қазір Ойқұдықта. 3. Осы қоныста Тәкежан, Абай, Ақберді, Майбасар ауылдары да бар. 4. Бар ауылдардың бойдақ жылқысы бөлек жайылады (М.Ә.). Бұл жерде 2-сөйлем баяндауышсыз беріліп тұр. Жатыс септігімен келген эллипсистенген сөйлем «тұр» немесе «отыр» сөзінің түсірілуімен мекендік мағынада жұмсалған.

Жатыс септікті сөз өзі тіркескен сөздің қалып-күйін білдіретініне мысалдар арқылы көз жеткіздік. Сонда жатыс септігі актуалдандырушы қызметке ие болып тұрса, эллипсистенген сөйлемдерде көбіне қалып етістіктері (*отыр, тұр, жүр, жатыр*) ықшамдалады екен. Қалып етістіктерінің қайсысы түсіп қалса да, бастауыштың не басқа мүшенің мағыналық валенттілігіне сүйеніп анықтауға болады.

Шығыс жалғаулы есім сөздің бастауышпен қиысып баяндауыш болып келетіні бар, ол бұл қызметте, негізінен, мекендік, заттың шығу тегін білдіру мағынасында болады. Мысалы: *1. Оразбай осыған таңырқап, біраздан соң өзі де күле сөйлейтін болды. 2. Оспан: —Оразке! 3. Ашу ағадан, айып ініден! 4. Маған томғырылып кетіпті депестіп ем! 5. Мен, өзің білесің, қазақ баласына жалынып, жорғалап көргем жоқ-ты. 6. Сенен қорқып отырғам жоқ. 7. Қойның толы арыз болғанымен, одан шошып деп отырған Оспан жоқ (М.Ә.). Ашу ағадан, айып ініден!* деген сөйлем шығыс септігі

арқылы актуалданған, іс-әрекеттің шығу тегін білдіріп тұр. Түсірілген мүшені сөйлеу жағдаяты немесе контекст арқылы толықтырып, түсінікті етуге болады. Ондай жағдайда сөйлем мазмұнына да көп нұқсан келе қоймайды.

Тілімізде көмектес септігіндегі сөздің актуалдану жолымен эллипсистенген сөйлемдер де кездеседі. Бұл жағдайда сол сөйлем ішіндегі контекст, ситуация арқылы баяндауышты анықтауға болады. Мысалы: *1. Сүйеу қарт етреден бері бұлардың әңгімесіне араласпай, үлкен үйдің оң жағына салған төсекте тіп-тік боп қазықтай шанышылып отырған-ды. 2. Ол осы тұста гана жүзін Еламанға шұғыл бұрды:*

– Кіммен келдің?

– Жолдасыммен.

– Е, ол қай жолдасың?... (Ә.Н.).

Жолдасыммен деген толымсыз сөйлем көмектес септігі арқылы актуалданып «келдім» етістігінің түсірілуі арқылы жасалып тұр.

Тілімізде заттың әр түрлі күйін білдіретін есімдерден болған баяндауыш қатыспай тұрған сөйлемдер көп кездеседі. Мысалы: *Сол елдің дәл ортасында Оспан ауылы немесе: Дәркембайдың өзінен жасы көп кіші әйелі, Рахымның шешесі — Жаңыл (М.Ә.).*

Бұл жерде «тұр» қалып етістігі түсіп қалса, *Оспан әйелдерінің үлкені — Еркежан (М.Ә.)* дегенде «бар» модаль сөзі болмаса «еді» көмекшісі түсіріліп тұр. Қалып етістіктері де, «бар» есімі де заттың хал-күйін білдіретіндіктен, кейде түсіп қалған баяндауыштың орнына қатар үйлесіп келе береді. *1. Ағылшын генералы аттанған бойда бұл бір топ кісімен алдыңғы шепке барды. 2. Қасына ерген құрама командирлері. 3. Ішінде Тәңірберген де бар (Ә.Н.).* 2-сөйлемдегі «бар» сөзінің түсіп қалғандығын өзінен кейінгі сөйлем аңғартып тұрғаны белгілі.

Көмектес септігіндегі сөздің актуалдануы арқылы жасалған эллипсистенген сөйлемдер тілімізде сирек кездеседі. Бұл жағдайда да баяндауышты контекст немесе жағдаят арқылы анықтауға болады. Тағы бір айта кететін жайт, актуализатор қызметін сирек те болса септеулік шылауларда атқара алады. Мысалы: *Түсім — күзге қарсы, Бәрі — сен үшін, Алдымен — өзің туралы сияқты сөйлемдерде болады, істеледі, айт* етістіктерінің түсіріліп тұрғандығы көрінеді.

Баяндауышсыз толымсыз сөйлемдерде контекст қызметінің зор екеніне, оның (контекстің) қызметін сол сөйлем ішіндегі актуалдандырушы мүшелер атқаратындығына көз жеткіздік.

П.А.Лекант бастауышқа қарағанда баяндауыш сирек түсіріледі. Біріншіден, баяндауыш сөйлемде хабарланатын жаңа ойды өзіне қорытады. Екіншіден, баяндауыштың көмегімен көп жағдайда сөйлемнің негізгі мағынасы предикативтілігі айтылады. Баяндауыштың түсірілу көрсеткіші толымсыз сөйлемдегі баяндауышқа қатысты тұрлаусыз мүшелердің тәуелді формасын көрсететін контекст болып табылатынын айтады [10]. Осы еңбегінде ғалым эллипсистенген сөйлемдерді толымсыз сөйлемдердің қатарына жатқызбайды. Біріншіден, оларға мағыналық толымдылық тән және контекске тәуелсіз. Екіншіден, оның құрамындағы сөйлем мүшелері контексттегі қандай да бір сөздермен грамматикалық жағынан байланыссыз болып келеді. Үшіншіден, көрсетілген конструкцияларды кейбір етістіксіз сөйлемдермен тікелей салыстыруға келмейді дей келе, *я — домой* тәріздес мысалдар береді. Эллипсис — сөйлемдерде етістікті сөз тіркесінің қысқартылуы, етістікті компоненттердің түсірілуі. Әдетте, жалпы семантикалық және формалдық белгілері бар сөз тіркесі топтары түсіріледі [10; 143] деген. Зерттеушінің ойынша, баяндауышсыз толымсыз сөйлемдерді контекске тәуелді деп, эллипсистенген сөйлемді контекске тәуелсіз деп, екеуін екі құбылыс ретінде қарастыру қажет деп түйеді.

Баяндауышы түсірілген контекстік толымсыз сөйлемдер тек құрмалас сөйлем мен диалогтарда ғана кездеспейді де, синтаксистік тұтастықты қалыптастыратын келесі сөйлемдерде де кездеседі. Бұл синтаксистік бірлік құрамындағы бірінші бөлігі толымды, екіншісі толымсыз болады, түсірілген баяндауыш толық сөйлеммен толығыады [11; 23–24].

Толымсыз сөйлеу үнемі синсемантикалы болып келеді. Синсемантикалық — толымсыз сөйлеудің негізгі функционалды қасиеті дей келе, А.Э.Гатина да жоғарыдағы ғалымдардың пікірімен үндес толымды-толымсыз айтылымның басты критерийі мәтіндік деңгейде көрінетіндігін айтады [12]. Жоғарыда келтірілген пікірлерді саралай келгенде, ғалымдардың көзқарастарында көп алшақтық жоқ. Көпшілігінде толымсыз сөйлемдердің контекст пен ситуацияға байланыстылығы айтылады. Эллипсистенген сөйлем мен толымсыз сөйлемдерді бір-біріне синоним ретінде қарастырады. Ал біз эллипсистенген сөйлемді баяндауышсыз толымсыз сөйлем деп қарастырдық.

Себебі эллипсиске ықшамдалу тән, көбіне ықшамдалып қолданылатын — сөйлемнің баяндауыш мүшесі.

«Эллипсистік сөйлемдер толымсыз сөйлемдердің шегенделіп қалыптасқан түрі сияқты. Эллипсистік сөйлемдердің «түсіріп тастау» сияқты толымсыздығы жалпы контекспен «толығын» және түсірілген сөздің контексте болуымен толымсыз сөйлемдерден елеулі айырмашылығы бар. Эллипсистенген сөйлемдердің бәріне тән ортақ жайт — баяндауыштың қатыспауы. Мұндайда сөйлем негізін жасайтын мүшеге айрықша мән беріледі» деп, З.И.Будагова эллипсистенген сөйлемдерді баяндауышсыз сөйлеммен пара-пар қарастырады [11]. Біз де осы көзқарасты құптайтындығымызды жоғарыда айтып кеткенбіз.

«Эллипсистену критерийі — оның құрастырушы сыңарларының бәрі бірдей есепке алынғанда ықпал ететін кешенді критерий. Эллипсисті тек осылай кешенді тұрғыдан қарастырғанда ғана, белгілердің тұтас шоғырын есепке алғанда ғана, біріншіден, «эллипсис» ұғымын контексті «нольдік қайталаудан» алшақ болуға, екіншіден, эллипсис пен тілдік көмескіліктердің түрлерінің ара жігін айқын ажыратуға болады» [13].

Қорыта айтқанда, сөйлемдегі түсірілген бастауыштың орнын контекст арқылы толықтыруға болады. Бірақ бұл үнемі сөйлем құрамынан бастауышты түсіріп тастай беруге болады деген сөз емес. Оның (бастауыштың) түсірілуі немесе, керісінше, түсірілмей айтылуының өзі стилистикалық талаптарға байланысты жүзеге асады. Осыған орай, тілімізде бастауышсыз толымсыз сөйлемдерді немесе толымды сөйлемдерді қолдану әр түрлі жағдайларға байланысты болып келеді. Белгілі бір ойды кейде толымды сөйлеммен жеткізу дұрыс болса, кейде толымсыз сөйлемдермен берген жөн. Белгілі бір мүшенің сөйлем құрылымында болмай қалуы берілетін хабардың, мәліметтің қабылдаушы санасына дұрыс жетпеуі не дұрыс түсінілмей қалуына ықпал етеді. Бұл жағдай, яғни бастауыштың түсірілуі, ауызекі сөйлеу тілінде кең таралған, ал автор тілінде мұндай жағдай автор тілінің ауызекі сөйлеу тіліне жақындаған сәтінде байқалады.

Баяндауышсыз толымсыз сөйлемдер контекст арқылы жасалатынын және оны жасауға белгілі бір септік жалғауында тұрған сөз, кейде аз да болса шылаулар актуалдандырушы қызмет атқаратындығын аңғардық. Тілімізде контекст пен ситуация арқылы баяндауышсыз толымсыз сөйлемдер кездесетіні көрініс береді.

Сонымен, контекстік толымсыз сөйлемдер дербес сөйлемдерді синтаксистік күрделі бірлікке біріктірудің бір жолы болып табылады. Мұны қазіргі қазақ тілінің фактілерінен байқадық.

Әдебиеттер тізімі

- 1 Розенталь Э.Д., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. — М.: Просвещение, 1985. — С. 227.
- 2 Аманжолов С. Қазақ әдеби тілінің қысқаша курсы. — Алматы: Санат, 1994. — 96-б.
- 3 Балақаев М. Қазіргі қазақ тілі. — Астана, 2006. — 235 б.
- 4 Төлегенов О. Жалпы модальды және мақсат мәнді жай сөйлем типтері. — Алматы: Мектеп, 1968. — 44-б.
- 5 Сәдуақасұлы Ж. Қазақ тіліндегі бір құрамдық сөйлемдердің құрылымдық типтері: Филол. ғыл. д-ры ... дис. автореф. — Алматы: Ғылым, 1997. — 26-б.
- 6 Жақыпов Ж.А. Сөйлеу синтаксисінің сипаттары. — Қарағанды: ҚарМУ баспасы, 1999. — 67-б.
- 7 Керімбекова Ұ. Бастауышсыз толымсыз сөйлем // Қазақстан мектебі. — 1973. — № 5. — 47-б.
- 8 Жұбанов Қ. Қазақ тілі жөніндегі зерттеулер. — Алматы: Ғылым, 1966. — 146-б.
- 9 Атажанова А. Эллипсистенген сөйлемдер // Қазақстан мектебі. — 1981. — № 7. — 81-б.
- 10 Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. — М.: Высш. шк., 1974. — С. 136.
- 11 Будагова З.И. Эллиптические предложения в современном азербайджанском языке // Советская тюркология. — 1972. — № 5. — С. 10–16.
- 12 Гатина А.Э. Неполное высказывание как строевая единица связного текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М.: Высш. шк., 1989. — 28 с.
- 13 Сковородников А.А. О критерии эллиптичности в русском синтаксисе // Вопросы языкознания. — 1973. — № 3. — С. 23.

З.Н.Жуынтаева, М.Т.Қожамбердина

Пропуск главных членов предложения в казахском языке

В статье рассмотрены неполные предложения казахского языка. Главным условием неполности предложения авторами указан контекст. Основываясь на исследованиях в языкознании, выявлены причины пропуска подлежащего и приведены языковые примеры. Отмечено, что пропуск сказуемого связан с контекстом и ситуацией. Контекстные неполные предложения — средство связи самостоятельных предложений; кроме того, раскрыта их контекстообразующая функция.

Z.N.Zhuynntaeva, M.T.Kozhamberdina

Elimination of the principal parts of the sentence in the kazakh language

The present article touches upon incomplete utterances of the Kazakh language where a subject and predicate are eliminated. The authors indicate a context as the main condition of utterance incompleteness. Based on research in linguistics, reasons of subject elimination are revealed and proved by linguistic material. Also authors point that elimination of predicate is related to the context and situation. Contextual incomplete utterances are means of the relation of independent utterances and their context-forming function is revealed.

ӘОЖ 811.512.1

М.А.Тұрсынова, З.Н.Жуынтаева

Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті (E-mail: t_marhaba@mail.ru)

Қазақ тіліндегі *ата, ана, ұл, қыз* атауларының басқа түркі тілдеріндегі көрінісі

Мақалада тарихи-салыстырмалы зерттеу арқылы қазақ тіліндегі *ата, ана, ұл, қыз* атауларына талдау жасалған. Талдау барысында бұл сөздердің көне түркі тіліндегі қолданысы, этимологиясы сөз болып, қазіргі түркі тілдеріндегі нұсқаларымен салыстырылған. Көне түркілік қолданысының қарлұқ, ұйғыр-оғыз тілдерімен ортақтығы, ал фонетикалық өзгеріске түскен тілдер ретінде қыпшақ тобындағы тілдердегі көрінісі мысалдармен дәлелденген. Әр сөздің қазақ тіліндегі қолданысы жеке қарастырылып, жалпы түркі тілдеріндегі ортақтықтары мен ерекшеліктері көне түркі тілінің және түркі тілдерінің этимологиялық сөздіктері негізінде сараланған.

Кілтті сөздер: тарихи-салыстырмалы зерттеу, түркітану, қазіргі түркі тілдері, салыстырмалы лексика, туыстық атаулар, көне түркі тілі.

Орхон-Енисей түркілерінің өздеріне сай бай лексикасы бар. Ол қалай болса, солай сөз жиынтықтарынан құрала салған емес, оның әлденеше замандар бойына жинақталып, қалыптасуының, толығып баюының өзіндік ерекше заңдары мен тәсілдері бар. Қай елдің де сөздік қоры біріне-бірі қатысты сөздер жүйесінен құралады. Жүйесіз тіл болмайды. Ендеше, Орхон-Енисей ескерткіштері тілінің де белгілі бір лексикалық жүйесі болғанын аңғарамыз. Сондықтан Орхон-Енисей ескерткіштері тілінің сөздік құрамы қалыптасуы, дамуы сол түркі тайпаларының тарихымен тығыз байланысты [1].

Лексика — тілдің өте құбылмалы қаттауы екені мәлім. Сондықтан Орхон-Енисей ескерткіштері тілінің лексикасы мен қазіргі түркі тілдері арасындағы өзгешеліктердің болуы заңды. Сөйте тұра сына жазулы көне түркі ескерткіштер тіліндегі жеке сөздердің көпшілігінің мағыналық және тұлғалық бітімі жағынан қазіргі бірқатар түркі тілдеріндегі, соның ішінде қазақ тіліндегі сөздермен бірдей түсетіндігі байқалады. Оларды зерттеушілер:

1) адамдарға және туыстық қатынастарға байланысты сөздер: *ата, қатун, қыз, іні, сіңлі, келін, йегін* (жиен), *оғул* (ұл);

2) табиғат құбылыстарына қатысты сөздер: *йер, тағ, қар, таи, йыл, күн, суб* (су), *құм*;

- 3) әлеуметтік қатынастарға байланысты сөздер: *ел, іл, йурт, қан* (хан), *қаған, бек, бай, күң, шығай* (кедей), *төрү* (төре, заң);
- 4) әскери лексикаға жататын сөздер: *сү* (әскер), шерік (шеру), *уруш, қылыч, сүңгі, оқ*;
- 5) шаруашылыққа, тұрмысқа қатысты сөздер: *бедіз* (өрнек), *ағыл* (ауыл), *қапығ* (қакпа), *еб* (үй);
- 6) жан-жануарлар атаулар: *адғыр, ат, інгек* (сиыр), *бөрі, қой, йылықы, йонт* (жылқы), *барс, бічін*;
- 7) анатомиялық атаулар: *баиш, бас, адақ, көз, қаиш, құлғақ, йүрек, сач, тіл, өд* (өт);
- 8) заттардың сынын көрсететін сөздер: *ақ, қызыл, сары, йегрен* (жирен), *йаишыл, көк, қара, улуғ, бедүк*, (биік), *йүйқа* (жұқа), *йінйічке, қалун* (қалын);
- 9) есімдіктер: *бен, мен, сен, сін, ол, біз, сіз, не, қаны, бу, кім*;
- 10) сан есімдер: *бір, екі, үч, төрт, беш, алты, йеті, секіз, тоқуз, он, йігірмі, отуз, қырық, еліг, йуз, мың, биң, түмен*;
- 11) етістіктер: *ет, олур* (отыр), *йат, йарат, көр, біл, тут, йағыл, сақын* (ойлан), *сығта*;
- 12) үстеулер: *ілкi, кiдiн* (кейін), *күнтүз, таңүнтүрү* (таң ата) сияқты сөздер деп бөліп, олардың қазақ тіліне де тән екендігін, бірлі-жарым фонетикалық айырмашылықтары болмаса, негізінен сол қалпында сақталғандығын көрсетеді [2; 46–47].

Зерттеуші Ә.Құрышжанов пен М.Томанов Орхон-Енисей ескерткіштері тіліндегі қазіргі қазақ тілінен тұлғалық әрі мағыналық жағынан ұқсастығы айқын, ешқандай айырмашылығы жоқ сөздер деп 130 сөзді, ал қазіргі қазақ тілімен салыстырғанда кейбір фонетикалық ерекшелігі бар сөздер деп 397 сөзді, тұлғалық та, мағыналық жағынан ұқсастық таппайтын сөздер деп 311 сөзді тізіп көрсетеді [3].

Сөздік қазынасының негізі сақталып келгенмен, ондаған сөздердің бұл күнде, мысалы, қазақ тілінде қолданылмайтындығын білеміз. Дегенмен қай түркі тілі болмасын өздерінің бүгінгі лексикалық қазынасында көне сөздерді ішінара сақтап қалғандығы да байқалады. Мысалы, қазақ тілінде «мүлік» мағынасындағы көне түркілік *барым* сөзі, «шақыру» мағынасындағы *оқу*, «сөйлеу, сөз» мағынасындағы *саб* (сөз саптау, «сөз сөйлеу»), «кедей» мағынасындағы *шығай* (Шықбермес Шығайбай) деген сөздер тұрақты тіркестердің құрамында немесе жалқы есімдердің аталуында сақталған [2; 47].

Белгілі бір тілдегі сөздердің барлығы сол тілдің сөздік құрамын немесе лексикасын құрайды. Біз қарастырып отырған тілдің өткен дәуірлер ішінде қалыптасқан өзіндік бай лексикасы бар. Оның қалыптасуы, байып дамуы сол тілді қолданушы тайпалардың өткен өмірімен тығыз байланысты. Ескерткіштер тілінің бірнеше қабаттары бар. Соның бірі — туыстық атаулар.

Ата — ата. *Қағаным атачым өлті* — Қағаным атам қайтыс болды.

Апа — ұлы туыс. *Апамыз* — біздің туысымыз.

Ақа — аға. *Ақаңым* — ағамыз.

Ечі — әже. *Ечүміз* — әжемiз.

Йегін — жиен. *Екі шад улайу іні-йігүнім, оғланым, беглерім, будуным көзі, қашы йаблақ болтачы тіп сақынтым* — Екі уәзір ілескен іні-жиенім, ұлдарым, бектерім, халқымның көзі, қасы жаман болар деп қайғырдым.

Йотаз — әйел. *Йотазын анта алтым* — Әйелін сонда алдым.

Оғул — ұл. *Іні* — іні. Ел *етміс Йабғу оғлы Есбара тамған Чор Йоға інісі білге Есбара тамған тарқан йумғылығ бес йетміс ечім атым...* — Ел еткен Йабғы ұлы Есбара тамған Чор Йоға інісі білгіш Есбара тамған тарқан, барлығы менің алпыс бес ата-бабам...

Қатун — қатын (құрметті кісілердің әйелі). *Он йаашта Умай тег егім қатун құтыңа, інім Күлтегін ер ат болты* — Он жаста шешем Күдайдай қатынның бағына інім Күлтегін ер атанды.

Қунчуй — бикеш (бектердің әйелі). *Сіңлім қунчуйлығ біртiмiз* — Қарындасым бикешті бердік.

Өг — өгей, *егім* — өгей шешем. *Өгім қатунығ көтүрміш теңрі, іл бірігме теңрі, түрк будунығ аты-күсі йоқ болмазун тійін, қаған олуртды ерінч* — Шешем қатынды көтерген тәңірі түркі халқының атақ-даңқы жоқ болмасын деп, мені қаған отырғызған-ды [4].

Түркі лексикасының дамуы жеке халықтардың қалыптасуына да, басқа халықтармен араласуына да байланысты болары сөзсіз.

Туыстық атаулар және олардың түрлері түркі халықтарында көптеп кездеседі және түркі тілдеріне тән ортақтығы да, жеке тілдерге тән өзгешелігі де бар. Өзгешеліктің сипатын әр тілдің табиғатындағы фонетикалық өзгерістермен де, жеке тілдің даму тарихындағы жүріп өткен жолымен де байланыстыруға болады.

Туыстық атаулар қандық туыстық атаулар және некемен байланысты туыстық атаулар деп қарастырылады. Осының ішінде қандық туыстық атауларға түркі тілдерінің барлығында дерлік қолданылатын *ата, ана, ұл, қыз* сөздерін жатқызуға болады.

Ата сөзі түркі тілдерінде *ата, ада, аата, ате, ати* түрлерінде кездесіп, «әке, әкенің әкесі, үлкен адам, қайын әке, еркек» сияқты мағыналарымен орын алған [ЭСТЯ, 200].

Көне түркі тілінде «әке» мағынасында кездескен *ата* сөзі қазақ тілінде туған *әке, өз әкесі, үлкен әке, әкенің әкесі, адамдардың туыстық қандастық жігі, тегі, нәсілі, шыққан жері, ерлі-зайыптылардың қайын әкесі, қария, қарт, ақсақал* мағыналарында қолданылады [ҚТТС].

Көне түркі тілінен мысалдар: *Кісі оғлынта үзе ечүм апам Бумын қаған, Істемі қаған олурмыш* — Адам баласын басқаруға ата-бабам Бумын қаған, Істемі қаған отырған; *Ата айтди: «Арқасида дию уа пери, орнаб ирди беш иуз қамчи аңа тигди»* — Ата айтты: «Арқасында бар оның дию-пері, қорғаған соң бес жүз қамшы соған тиді»; *Атаниң ерлигини анда билди* — Атасының ерлегенін сонда білді.

Қазіргі түркі тілдерінде *ата* сөзі әзербайжан, башқұрт, қарақалпақ, қырғыз, татар, түрікмен, ұйғыр тілдерінде көне түркі тілімен ұштасып *ата* түрінде қолданылса, өзбек тілінде *ота*, чуваш тілінде *атте*, алтай, тува, хақас тілдерінде *ада* фонетикалық нұсқаларымен кездеседі және бұл тілдердің барлығында «әке, баба» мағыналарымен сәйкес. Бұның өзінде түрік, гагауз тілдерінде «әке, ата» мағыналарындағы *баба* сөзі орын алса, хақас тілінде «әке» мағынасындағы *ада, баба* сөздері синонимдес. Түрікмен тілінде *ата* сөзі «әке, әкесінің әкесі», ал *баба* сөзі «нағашы ата» мағынасында қолданылады [5; 26].

Фонетикалық ерекшеліктердің ішінде өзбек тілінде *ота* сөзінің қолданысындағы *о* дыбысының сипатын түркі тілдеріндегі құрамында *а* дауыстысы бар сөздерге өзбек тілінде *о*-ның сәйкестігімен түсіндіруге болады. Себебі өзбек тіліндегі *о*, басқа түркі тілдеріне қарағанда, өзіндік ерекшелігі бар фонема. Еріндік мәнде айтылатын *о* өзбек тілімен қоса, татар, башқұрт тілдерінде кездескенімен, өзбек тілінде ғана фонологиялық мәні бар [6].

Чуваш тілінде *атте* түрінде қолданылуы түркі тілдеріндегі қосар дауыссыздардың сипатына қатысты, себебі қосар дауыссыздар көп кездесетін тілдер ретінде чуваш тілін де айтуға болады. Басқа тілдерде қатар келген екі дауыссыз қолданылатын кей сөздер аталған тілде қосар дауыссызбен қолданылатынына «*суккар-соқыр, аппа-апа, пичче-аға, кукка-көке, чечче-шешек, качча-күйеу*» сөздерін мысал ретінде көрсетіп, ал алтай, тува, хақас тілдерінде *ада* түріндегі қолданысты түркі тілдерінде жиі кездесетін қатаң-ұяң дыбыстық сәйкестіктермен байланыстыруға болады.

М.Қашқари сөздігінде *аба* сөзі де қолданылып, оғыз тіліндегі нұсқасы ретінде көрсетілген. Бұл туралы түркітануға қатысты оқу құралында төмендегідей түсінік берілген: «Монғол тілінде *ав* сөзі «әке» мағынасында қолданылады. Көне жазба монғол тілінде бұл сөздің *ава* түрі де кездеседі. *Аба* сөзі хакас, қырғыз, алтай, татар, башқұрт, түрікмен тілдерінде де бар. В.В.Радлов *аба* сөзінің «отец, предок, дядя со стороны отца, старший брат» сияқты мағынасын көрсетеді. Сондай-ақ монғол тілінде *авака*, түрікмен тіліндегі *абга* — жасы үлкен адамдарға байланысты айтылатын сөз. Ал, монғол тіліндегі *авгай* — қыздардың жасы үлкен анасына байланысты қолданылатын сөзі. Түрікмендердің сөйлеу тілінде *аба* «әке» мағынасын білдіреді. Көне түркі тілдеріне тиісті жазба ескерткіштерде *аба//ава* сөздері «предки, прародитель», сондай-ақ «ата», «апа» мағынасында қолданылған. Демек, *аба* сөзі «арғы ата» мағынасынан «ата-ана» мағынасына ауысып, одан кей тілдерде жалпы жасы үлкен адамдарға байланысты қолданылатын болған. Қазіргі татар тіліндегі *абзый*, қазақ тіліндегі *абысын* сөздерінің түбірі осы *аба* сөзімен байланысты болса керек. Э.В.Севортян *ава* сөзін *ана* (мать) сөзімен түбірлес деп санайды. Түркі тілдерінің фонетикалық заңдылығы негізінде *б* мен *п* дыбыстарының алмасуын дәлелдеуге болады. Якут тілінде *абақа* сөзі 1) «белгілі бір рудын қарт адамы», 2) «өлкенің үлкен ағасы» сияқты мағынаны береді. Монғол тілдерінде *ав* (*а*) қандық туыстықты білдіреді де, жасы үлкендерге байланысты айтылады. Монғол тілінде бұл сөздің созылыңқы дауысты дыбыспен де (*аав*), қысқа дауысты дыбыспен де (*ав*) айтылатын нұсқасы бар. Бір ескертетін жағдай: монғол тілінде *аба* «әке» мағынасында қолданылса, *аву* «әкенің інісі», тіпті «бала» мағынасында да қолданылады» [7; 113].

Қазақ тілінде *ана* сөзі туған *шеше, жалпы шеше* мағыналарында қолданылады [ҚТТС].

Көне түркі тілінен мысалдар: *Атасы анасы ашығ алмыла иесе оғлы қызы тышы қамар* — Ата-анасы ашы алма жесе, ұл-қызының тісі қамалар.

Ана сөзінің түркі тілдеріндегі нұсқалары да фонетикалық ерекшеліктерімен кездесіп, *ата* сөзімен ұштасып жатады. Яғни қарақалпақ, татар, түрік, ұйғыр тілдерінде *ана*, өзбек тілінде *она*

түрінде қолданылып, көне түркі тіліндегі *ана* сөзімен фонетикалық та, лексикалық та жағынан үндес болып келеді. *Ана* сөзінің жеке түркі тілдерінде *эни*, *әннә* (тат.), *анне* (чув.), *ине* (хақ.) нұсқалары да бар.

Мысалы: *Абайнинг туғилган ери, онасининг қуниси, қишлиқ қишилови Жидебойда пичанлик ут-уланлар буй чузиб усиб булган* (өзб.) — Абайдың туған жері, анасының қонысы, қыс қыстауы Жидебайда пішендік шалғын ұзарып өсіп болған. Бу йигит қазды *олардынъ алтавына да тегиз пайляк болып, баслап қаздынъ басын кесип*: — *Сен элдинъ, халктынъ атасы эм басы, — деп ханга қаздынъ басын береди* (ноғ.) — Бұл жігіт қазды олардың алтауына тегіс бөлмек болып, қаздың басын кесіп: — *Сен елдің, халықтың атасы әрі басы, — деп ханға қаздың басын береді. Анну пурнать-и?* (чув.) — *Сенің анаң тірі ме? Айыке өз тилегин энесина түшүндүрүү үчүн, бир далай аракет кылып көрдү* (қырғ.) — Айыке өз тілегін шешесіне түсіндіру үшін бірталай әрекет қылып көрді. *Ойингга айт, кела қолсин, сигирини соғиб булгандир* (өзб.). — Анаға айт, келе қалсын, сиырын сауып болған шығар. *Абайдын жаңы төрөлүшүн жактырып отурган калк ата, калк эне ушул эле* (қырғ.). — Абайдың жаңа бір туысын қабыл алып отырған халық-ата, халық-ана осы еді. *Атте вата* (чув.) — Әкем кәрі.

Қазақ тіліндегі *ана* немесе *ене* сөздері *ана* мағынасымен ұштасып жатқанымен, айырмашылығы бар. Көптеген түркі тілдерінде *ана* немесе *ене* сөздері ортақ мағынада қолданылса, қазақ тіліндегі *ене* сөзі қандық туыстықты емес, неке арқылы болған туыстықты білдіреді (ерлі-зайыптылардың аналары бір-біріне *ене* болады). Ал алтай, қарақалпақ, қырғыз тілдерінде *эне*, чуваш тілінде *анне* «ана» мағынасында болса, тува тілінде *эне* «тәте» мағынасында, *эней* «әже» мағынасында, хақас тілінде *ине* «ұрғашы», *иней* «кемпір», «әйелі» мағыналарында кездеседі.

Мысалы: Э.В.Севортян *ене* сөзінің қазіргі түркі тілдеріндегі мағынасын «ана», «сыйлы әйел», «әже», «тәте», «тәрбиеші», «малдың енесі», «ұрғашы мал», «бір заттың негізі, басы» түрлерінде көрсетеді [ЭСТЯ].

Монғол тілінде «ана» мағынасында *эх* (*e*) сөзі қолданылады. *Эхе* сөзі, түркі тілдеріндегі *ене* сөзі сияқты, тек адамға ғана емес, жан-жануарға да байланысты қолданылады. Қазақ тіліндегі «енесіне асыққан құлындай» деген тіркесте де *ене* «құлынның анасы» мағынасында қолданылып тұр. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігінде *ене* сөзінің «бала тапқан ана», «шеше» мағынасын ауыс мағынасы деп көрсеткен. Ал дұрысы — бұл оның о бастағы мағынасы болса керек. Монғол тіліндегі *эх* (*e*) — «мал, матка, маточное поголовье» жоғарыда келтірілген қазақ тіліндегі мысалымызға сәйкес келеді.

Эне сөзі тұнғыс-мәншіжүрде бар. Оларда бұл сөздің *эни/эне/әннэ/энике/эниэнэ* формалары қолданылады да, мағынасы «ана», «апа», «әже» сөздерімен тең түсіп жатады. В.И.Цинциус монғол тілдеріндегі *эмэ, энэ* сөздері мен *экэ (эхэ)* сөздерін түбірлес сөздер деп қарайды [7; 112].

Қазақ тілінде ұл сөзі *еркек бала, ер бала, халық қамын ойлайтын ер азамат*, ал ұлан сөзі *жасөспірім, жеткіншек, өрен* мағыналарында қолданылады [ҚТТС].

Қазақ тіліндегі ұл сөзі көне түркі және көптеген түркі тілдерінде *оғул* сипатында, хақас, тува, шор тілдерінде *оол*, якут тілінде *уол*, алтай тілінде *уул*, өзбек тілінде *уғил*, чуваш тілінде *ывал* түрінде кездеседі.

Э.В.Севортян көне түркілік *оғул* сөзінің этимологиясы мен қазіргі түркі тілдеріндегі сипатын төмендегідей саралайды:

Барлық түркі тілдері мен ескерткіштерінде — *баласы, ұлы* (сын); башқұрт диалектілерінде — *інісінің баласы*; якут тілінде — *немере, шөбере*; чуваш — *бала* (дитя, ребенок); өзбек, тува, якут, чуваш — *ұл* (мальчик); тува, хақас, якут — *жасөспірім жігіт* (юноша, молодой человек); түрік, түрікмен, алтай, хақас, тува, якут — *жігіт, жас жігіт* (парень, паренек); якут, чуваш — *қайны, оның баласы, немересі* (младший деверь, его сын, внук); өзбек — *жалқы есім*; якут — *қызметші, жұмысшы* [ЭСТЯ, 191].

Көне түркілік *оғул* сөзі қазіргі түркі тілдерінде *оглан* қалпына еніп, «ұл, жігіт, жас әскер» мағыналарында қолданылады. Олардың қатарына *оглан* (әзербайжан, түрік), *оглан* (түрікмен, гагауз), *ұлан* (қазақ), *уулан* (алтай), *олан* (татар) сипатындағы қолданыстар бар [5; 15].

Мысалы: *Аьт өлүр — баглаажы артар, Ада өлүр — оглу артар* (тува) — Ат өлер — байлайтыны қалар, Ата өлер — ұлы қалар. *Гелди вакыт да башардылар ооллары онун школайы* (гаг.) — Уақыт келіп, олардың ұлдары мектеп бітірді. *Канымгүлдүн колунда көтөргөн эки жашар уулу Токон бар* (қырғ.). — Қанымгүлдің қолында екі жасар ұлы Токан бар.

М.Қашқари сөздігінде *оғұл* сөзіне «өз ұлы болмаса да, ер балаларға «оғұл» дейді. *Оғұл* сөзі *оглан* болып кеткен. Дұрысы *оғұллар* болуы керек еді», — деп түсінік береді [МҚ, 1-т., 103-б.]. Яғни көптік

мағына беріп тұрғандығын айтады. Мысалы: *Ұлұқ йағыры оғұлқа қалыр* — (Ат) жалының жауыры ұлға қалар; *Оғлы та қаған болмыс ерінч* — Ұлы да қаған болды.

Көне түркілік *оғул*, *оғлан* сөздері біраз түркі тілдерінде сол сипатында сақталғанымен, қазақ тіліндегі қалыптасуын *оғ-ұ* дыбыс сәйкестіктерімен түсіндіруге болады. Себебі қазақ тілінде сөз басындағы *ұ* дыбысы көне түркілік *оғ*, *уғ*, *ығ* дыбыс тіркестеріне сәйкес айтылады: *оғлан*, *оғыл*, *оғры*.

М.Қашқари сөздігінде *қыз* сөзіне «менің қызым, ев қызы (үй қызы, үйде отырған қыз), иінішке қыз (бойжеткен қыз)» сөздерін мысалға алып, «бұл сөз басы азат қыздарға қолданылған секілді, сатып алынған күң қыздарға да қолданылады. Әсілінде, бойжеткен, әйтсе де тұрмысқа шықпаған, жат жұрттық болмаған қыз дегенді білдіреді», — деп түсіндіреді [МҚ, 1-т., 385-б.].

Көне түркі тілінен мысалдар: *Өрүң күмүс қыз-қудыз егіртебі ағы буңсыз келүрті* — Ақ күміс қыз-қырқын бағалы қымбат мүліктер есепсіз келіп жатты.

Қазақ тілінде *қыз* сөзі «әйел бала, сәби, күйеуге тимеген бойжеткен, жігіттің көңіл қосқан, жүріп жүрген адамы, қалыңдық» мағыналарында қолданылады [ҚТТС].

Қыз сөзінің көне түркі және қазіргі көптеген түркі тілдеріндегі сипаты *қыз*, *кыз* қолданыстарымен қоса *гыз* (әзербайжан, түрікмен), *қиз* (өзбек, ұйғыр), *кыс* (алтай, гагауз, тува), *кыыс* (якут), *хыс* (хақас), *хер* (чуваш) түрінде кездеседі.

Мысалы: *Сиз ханнынъ кол-канаты* (ноғай), — *деп эки канатын эки увылына береди*. — Сіздер — ханның қолғанаты, — деп екі қанатын екі ұлына берді. *Сиз ханнынъ эки аяғы*, — *деп эки кызына эки аяғын береди*. Сіздер — ханның екі аяғы, — деп, екі қызына екі сирағын берді. *Маторлы балық аулау кемелерин көбейту ушын хаял-қызларды оқытажақбыз* (қарақ.) — Моторлы балық аулау кемелерін көбейту үшін әйел-қыздарды оқытпақшымыз. *Эргя кайтарылырэд бурунгу кыз* (қарайым) — Күйеуге үлкен қыз шығады.

Чуваш тіліндегі *қыз* сөзінің *хер* түріндегі нұсқасы — басқа түркі тілдеріндегі *з* дыбысының орнына аталған тілде *р* дыбысының қолданылуы. Себебі чуваш тілінің басқа түркі тілдерінен ерекшелігін сәйкестіктер ретінде түркітанушылар *ш*, *с-л*, *з-р* сәйкестіктерін айтады және бұл мәселе бұлғар тобының басқа тілдерден айыратын критерий сипатында да қолданылады. Бұған басқа түркі тілдеріндегі *буз/муз/боз* сөздерінің чуваш тілінде *пар*, *қадың/қазың/қайың* сөздерінің *хуран*, *қыс/қыш* сөздерінің *хел*, *есік/ешик* сөздерінің *алак*, *бес/беш* сөздерінің *бел* түрінде қолданылуы мысал бола алады.

Қыз сөзінің барлық түркі тілдерінде мағынасы бірдей болғанымен, тува тілінде «ұрғашы» мағынасында қолданылады (*кыс бөрү* — ұрғашы қасқыр, *кыс адыг* — ұрғашы аю) да, *қыз* (дочь) мағынасы *уруу* сөзі арқылы беріледі. *Уруу* сөзі көне түркілік *уруғ* (род, племя, родство) сөзімен төркіндес [5; 17, 18].

Туыстық атауларға қатысты сөздерді салыстыру барысында көне тілмен салыстырғанда ортақтық басым екендігі көрінді. Бұл жерде негізгі ерекшелік ретінде фонетикалық алмасулар мен жеке тілдерге қатысты сөздің мағынасының өзгеруін айтуға болады. Талданған сөздердің *ата-ата-атте-ада*; *ана-она-әни-әннә-анне-ине*; *ұл-оғул-оол-уол-уул-уғил-ывал*; *қыз-кыз-гыз-қиз-кыс-кыыс-хыс-хер* сипатында болуы дыбыстардың сәйкестігі деп және оны көне түркі тілімен ортақ немесе қазіргі түркі тілдерінің әр түрлі сипатта дамуы ретінде көрсете аламыз. *Ата*, *ана*, *ұл*, *қыз* сөздерінің мағыналарындағы ортақтық түбі бір түркі тілінің сипатын көрсетумен қатар, мағыналарындағы аздық-кем айырмашылықтар сөздің мағынасының дамуы мен өзгерісі болмақ.

Салыстырмалы-тарихи зерттеу жүргізу арқылы туыстас тілдердің фонетика, лексика, грамматика салаларындағы ортақтықтар мен ерекшеліктердің сипатын білуге болады. Соның ішінде лексиканың да өзіндік ерекшелігі бар. Ең алдымен, ол — тілдердің туыстық белгісін, сәйкестігін анық көрсететін фактілерге бай сала. Сол арқылы түркілік ортақ сөздердің табиғатын ашуға, кірме сөздердің ерекшелігін көрсетуге, өзгеріске түскен сөздердің сипатын көрсетуге болады.

Лексиканы салыстырмалы-тарихи тәсілмен зерттеудегі мақсаттың бірі — сөздердің о бастағы мағынасын анықтау. Тіл тарихына байыптап қарайтын болсақ, сөз мағынасы да өзгеріп, дамып отырады. Оны жеке тілдердің материалдарынан да, оларды салыстырып та байқауға болады. Көне дәуірден келе жатқан, не басқа тілдерден енген сөздердің бәрі де әрі фонетикалық, әрі семантикалық өзгеріске түсуі мүмкін.

Сөз мағынасының өзгеруіне ішкі және сыртқы факторлар әсер етуі мүмкін. Сөз мағынасының дамуы тілдің ішкі даму заңына байланысты болса, ал сыртқы факторлар сол халықтың өмір сүрген дәуірімен, тарихымен, мәдениетімен, әдет-ғұрпымен тікелей байланысты.

Әдебиеттер тізімі

- 1 *Айдаров Ф.* Күлтегін ескерткіші. — Алматы: Ана тілі, 1995. — 46-б.
- 2 *Сыздықова Р.* Қазақ әдеби тілінің тарихы. — Алматы: Ана тілі, 1993. — 320 б.
- 3 *Құрышжанов Ә., Томанов М.* Орхон-Енисей ескерткішінің зерттелу тарихы мен грамматикалық очерктері. — Алматы, 1964. — 45–57-б.
- 4 *Жуынтаева З.Н., Тұрсынова М.А.* Көне түркі тілі. — Қарағанды: «Санат-Полиграфия» ЖШС, 2009. — 135 б.
- 5 Историческое развитие лексики тюркских языков. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — 466 с.
- 6 *Тұрсынова М.А.* Түркі тілдерінің дыбыс жүйесі. — Қарағанды: ҚарМУ баспасы, 2011. — 6-б.
- 7 *Қайдаров Ә., Оразов М.* Түркітануға кіріспе. — Алматы: Арыс, 2004. — 360 б.

Мақалада кездесетін қысқартулар:

- ЭСТЯ — Этимологический словарь тюркских языков / Севортян Э.В. — М.: Наука, 1974. — 766 с.
 ҚТТС — Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. — Алматы: Ғылым, 1986. — 560 б.
 МҚ — Түрік сөздігі / Қашқари М. — Алматы: Хант, 1997. — 590 б.

М.А.Тұрсынова, З.Н.Жуынтаева

Казахские наименования *ата — дедушка, ана — мать, ұл — сын, қыз — дочь* в других тюркских языках

В статье проанализированы наименования «ата — дедушка, ана — мать, ұл — сын, қыз — дочь» с позиции историко-сравнительного исследования. Рассмотрены употребление и этимология названных наименований в древнетюркском языке, а также проведено их сравнение с вариантами в современных тюркских языках. На конкретных примерах доказано сходство древнетюркских употреблений в языках карлукской и уйгуро-огузской групп. Также авторами выявлены языки кипчакской группы, в которых употребления указанных наименований подверглись фонетическим изменениям. На материале Древнетюркского словаря и Этимологического словаря тюркских языков проанализировано употребление каждого слова в современном казахском языке, при этом определены общие его употребления для всех тюркских языков и их особенности в каждом отдельном языке.

M.A.Tursynova, Z.N.Zhuynntaeva

Kazakh names *ata-grandfather, ana-mother, ul-son, kiz-daughter* in other Turkic languages

The present article analyzes the names «ata-grandfather, ana-mother, ul — son, kiz-daughter» from the viewpoint of historical and comparative study. Usage and etymology of the above-mentioned names in the ancient Turkic language are considered and compared with the variants in the modern Turkic languages. The authors prove similarity of the ancient Turkic usages in the languages of the Karluk and Uighur-Oguz group. Also authors emphasize languages of the Kipchak group, where the usage of the mentioned names underwent phonetic changes. The usage of each word in modern Kazakh language is analyzed on the material of the ancient Turkic and etymological dictionaries of Turkic languages, meanwhile defining the common uses for all Turkic languages and their peculiarities in each separate language.

ӘДЕБИЕТТАНУ ЖӘНЕ ФОЛЬКЛОРТАНУ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ӘОЖ 398.2:821.512.122

Ж.Қ.Смағұлов, А.Ж.Абдикадирова

Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті (E-mail: zharullakizi@mail.ru)

А.Сейдімбек және күй аңыздарының жанрлық табиғаты

Мақалада А.Сейдімбектің күй аңыздарына арналған зерттеу еңбектері қарастырылған. Ол қазақ халқының әдеби шығармашылығындағы осы бағытқа баса назар аударған болатын. Қазақ фольклорындағы музыканың орны әсіресе күй аңыздары арқылы ерекше көрінеді, сондықтан да ол өзінің жұмысының үлкен бір бөлігін дәл осы тақырыпқа арнады. Күй аңыздарының тарихи кезеңдері мен тақырыптары жайлы айтылып, ғалымның ғылыми тұрғыда жанрлық ерекшеліктеріне қарай жіктелуі келтірілген және де күйшілердің өмірі мен шығармашылығы жайлы зерттеулері ескерілген.

Кілтті сөздер: Ақселеу Сейдімбек, күй, күйші, аңыз, музыка, фольклор, мәдениет, өнер, шежіре.

Қазақтың Аханы атанған Ахмет Байтұрсынов өз еңбегінде өнерді тірнек өнері және көрнек өнері деп екі салаға бөлген. Тірнек өнері адамға күн көруге қажетті нәрселерді жасауға жұмсалатын өнер болса, көрнек өнері жылуынан сұлуы басым өнер болып табылады. Ахмет Байтұрсынов көрнек өнерінің өзін сәулет өнері, сымбат өнері, кескін өнері, әуез өнері, сөз өнері деген бес тарауға бөледі.

Жалпы адамзат мәдениетінде, қазақ мәдениетінде де өнердің осы түрлері кеңінен құлаш жайған. Соның ішінде Ақселеу Сейдімбек қазақтың дәстүрлі рухани мәдениетінде айрықша орын алатын үш саланы атап өтеді: біріншісі — сөз өнері, екіншісі — музыка өнері, үшіншісі — қолөнері. Шынымен де қазақ халқы ұлт ретінде өзінің бүкіл рухани сұранысын үйіп-төгіп осы үш арнауға теңдеген сияқты. Академик Ахмет Жұбанов: «Музыка — жан азығы. Әдебиет — адамтану ғылымы болса, музыка — сол адамның жан жүйесін баурап алатын өнер», — деп айтып кеткен [1].

Ақселеу Сейдімбек өз туындыларында осы аталған «жылуынан сұлуы басым» өнердің бірнеше түріне тоқталып кеткен. Қазақ жеріндегі сәулетті мазарлар, кесенелер, сарайлар, алып үңгірлер мен тасқа қашалып жазылған жазу-сызулар, кескіндер мен суреттер сияқты сәулет, кескін өнерінің құнды жәдігерлері жайлы өзінің «Күңгір-күңгір күмбездер», «Қазақ әлемі. Этномәдени пайымдау» атты еңбектерінде тоқталған. Қазақ өмірінде ерекше орында тұратын музыка өнері, Ахмет Байтұрсыновтың атауы бойынша, әуез өнері туралы Ақселеу Сейдімбеков «Күй шежіре», «Қазақтың күй өнері» еңбектерінде қарастырады, ал қазақтың сөз өнерін зерттеуге мол үлесін қосқан, қазақтың қара өлеңінің табиғатына зер салған ол кісінің «Мың бір маржан» атты еңбегі бар. Ақселеу Сейдімбековтың өнертануға үлкен үлес қосқан, қарымы мол туындылары осы музыка өнері, оның ішінде күй өнері мен күй аңыздарын зерттеуге арналған еңбектері болғандықтан, қазақ халқының рухани өміріне азық болған күй өнері жайлы сөз қозғауды жөн көрдік.

Екі жарым мың жыл бұрын әуен болып домбыраның пернесіне түскен әуенді бүгінгі күнге жеткізген қандай құдірет?! Ол — рухани күй аңыздары. Тіпті сахнада күй тарту дәстүрге айналған қазіргі уақыттың өзінде де орындалған күймен қоса оның аңызын санамызда ұстаймыз, күй аңызын әлі де дәстүрлі таным тәсілі ретінде түсінеміз. Күйдің шығуы туралы аңызын айтып, ырғағы мен сөзін қоса түсіндіріп барып тартса, қазақ күйі әлемге жайылар еді. Өйткені күй аңызы тыңдаушының көңіл-күйін белгілі бір тылсым әлемге дайындайды. Әуен — бейнесіз тарих. Ал оны көз алдына әкелетін құдірет — сөз.

Қазақта қанша мыңдаған күй болса, сол күйлердің шығу себебін баяндайтын соншама аңыз-әңгімесі бар болса, бұл — қазақ халқының мәдени-рухани әлеміндегі ерекше бітімдегі төлтума құбылыстарының бірі. Қазақ фольклорындағы күй аңызы сынды арналы бір саланың тарихи деректілігін, құрылымын, жанрлық ерекшеліктерін және күймен арақатынасын қарастыру — Ақселеу Сейдімбек еңбегінің негізгі мақсаты. Зерттеу жұмысын бұлайша жүргізудің өзіндік мәнді себептері бар. Тіптен, күй аңыздарының ел ішінде мейлінше молдығына қарамастан, бұған дейін жүйелі түрде жиналмағанын, өзінің айтылу үлгісінде айтарлықтай хатқа түспегенін атап өтуге болады.

Осы уақытқа дейін қазақ музыкасының, дәлірек айтқанда, қазақтың музыкалық фольклорының бір ғана қырына баса назар аударып келгені аңғарылады. Ол — ән-күйлердің таза музыкалық туынды ретіндегі қасиеттері. Яғни, ән-күйлердің әуендік, сарындық ерекшеліктеріне ғана мән беріліп келді. Ең талдап сөз еттік дегенде сол ән-күйлердің музыкалық туынды ретіндегі жанрлық сипаты, ішкі құрылым-бітімі, орындалу ерекшеліктері тілге тиек болып отырды. Алайда қазақтың аса бай музыкалық фольклорының екінші қыры сөзбен байланысты филологиялық қыры назардан тыс қалып келді. Ән-күймен біте қайнасып жатқан өлең, жыр, толғау, аңыз-әңгіме сияқты көптеген жанрлар музыка зерттеушілері үшін филологиялық объект болып есептелсе, филологтар үшін музыкалық мұраның объектісі ретінде ескерусіз қалып отырды.

Нәтижесінде, қыруар мұраның назардан тыс қалып, жиналмай келуі өз алдына, оған қоса музыкалық фольклордың синкретті болмысындағы тарихи-эстетикалық қадір-қасиеті де толық ашылмай келді. Әрине, мұндай жағдайда музыкалық фольклордың және онымен шендесіп жатқан күй аңыздарының да төл ерекшеліктері туралы ойдың өрбуі мүмкін емес. Бұл тұрғыдан келгенде, қазақ халқының тарихи-рухани шежіресінің құнарлы бір арнасы болып табылатын көл-көсір күй аңыздарын жинап бастырудың, саралап-зерттеудің мән-маңызы ерекше зор. Мұхтар Әуезовтың осы орайда күй аңызының көп екендігін ел көп білетіндігін, бірақ оны жинастырып жарыққа шығаруды баспалардың қолға алмай отырғандығын қынжыла әңгімелегенін еске түсіреміз. Кезінде академик Мұхтар Әуезов былай деп жазды: «Күй аңыздарының көп екенін ел біледі, бірақ кітап, баспа білмейді. Егер олқылықтар толып, күйлердің көрікті аңыздары, тілдегі баяндауыш әңгімелері жазылса, онда қазақ халқының музыка фольклорына әдемі айшық, нақыш қосылуымен, мағыналы мазмұн анықталып жалғасуымен қатар, ауызша фольклор да өзінің бір қысқа түрдегі көркем әңгіме, новеллаларын көп байытқан болар еді.

Ұмытылып, жоғалып бара жатқан көп-көп ескі күйлердің қызық, терең сырлы, мол мағыналы аңыздары да мәдениет мұрасы болып, жөнін тауып жол ашар еді» [2; 60]. Мұхтар Әуезов көтерген, жүзеге асуын арман еткен бұл проблема өзінің мән-маңызын әлі күнге жойған жоқ. Мұқанның мезгеуін мезгілінде байқап, басшылыққа алған Ақселеу Сейдімбек болды. «Күй шежіренің» жазылуына Мұхтар Әуезовтің сол пікірлері де себеп болды десек те болады.

«Біз әдетте, ән-күйлерімізді музыкалық туынды ретінде қарастырып, осы қырын ғана әңгімелеп келдік. Ал «Күй шежіре» төлтума мәдениетіміздің дара сипатын айғақтайтын мәнді мәселе көтеріп отыр. Жазушы ән-күйлерімізді қазақтың тарихи-әлеуметтік өмірімен сабақтастыра саралауға ден қойған. Бұл болса музыка мамандарының назарына ілінбей келген зерттеудің жаңа қыры, Ақселеу Сейдімбек осылайша күй аңыздарын әңгімелей отырып, күй өнерінің көркемдік-эстетикалық мән-маңызын түсіндірудің кілтін тапқан. Нағыз ұлттық музыка халықтың тарихи тағдырымен тамырлас екендігін дәлелдеп шығуы «Күй шежіренің» құнды ғылыми еңбек ретінде бағасын асырып тұр. Сонау есте жоқ ескі замандардан бүгінге сол әуелгі әуенімен, таза қалпында жеткен музыкалық мұраларымыздың шындықты көркем бейнелеудің шырқау биігіне көтерілген асыл қазына екені ақиқат. Ал сонау VIII ғасырда ғұмыр кешкен Қорқыттан бастап мыңдаған күйлердің саф алтындай сақталып, хан-қараға бірдей түсінікті болуы кім-кімді де қайран қалдырары хақ. Міне, Ақселеу Сейдімбектің «Күй шежіресінде» қазақ күйлерінің осындай керемет қырларын аша білген, әрі жеріне жеткізіп айта білген. Жазушы күй аңыздарын әңгімеге арқау ете отырып, олардың көне замандарға, тарихи оқиғалар мен тұлғаларға айғақ болар құнды дерек көзі екендігін де дәлелдеп шыққан» [3; 3].

Сонымен, күй аңыздары көркем туындыға арқау болған. Осы тұрғыдан алғанда Ақселеудің күйді зерттеген еңбектері — көркем әдебиеттің тумысы бөлек туындысы дерлік дүние. Күй аңыздарын жинауда ғалымның жазушылық дарыны бар қырынан көрінген. Қара сөздің қаймағын ағызып, айызынды қандырған, ақиқаттығына нандырған небір тарихи оқиғалардың куәсі боламыз. Қазақи әңгімелердің нағыз нақышты, құлақ құрышын қандыратын шешендігі мен оқиғаның қызықтығы қосылып, шебер шендесіп, әдемі үндесіп отырады.

«Күй аңызы» — Ақселеу еңбегінің негізгі нысанасы. Өйткені бұл музыкадан гөрі фольклорға, әдебиетке жақын, күйдің тууына себеп болған жағдайларды, оның туу процесін таныта алатын аңыз-әңгімелер. Осы күнге дейін музыкалық фольклордың өзін ғана сөз етіп, оның филологиялық сыңарын сөз етпей келген болсақ, Ақселеу соның орнын толтыра зерттейді. Әнмен, күймен біте қайнасып жатқан өлең, жыр, толғау, аңыз, әңгіме сияқты көптеген жанрларды еске алады. Бұларсыз музыкалық фольклордың және онымен шендесіп жатқан күй аңыздарының ерекшеліктері туралы ой өрбуі мүмкін емес» [4].

Осы уақытқа дейінгі ғылыми-зерттеу еңбектерде қазақ фольклорының жиналуына, жүйеленуіне, жанрлық ерекшеліктерін саралауға, категориялық ұғымдар жүйесіне, поэтикасына айтарлықтай мән беріліп келгені әлі де арналы зерттеулердің объектісі болып отырғаны ақиқат. Әсіресе, жеке жанрлардың тегі мен түріне қатысты төл ерекшеліктерін анықтау, олардың даралық қасиетін жан-жақты көрсету мәселелері — қазақтың фольклортану ғылымында бел алып келе жатқан үрдіс. Жалпы қазақ фольклорына, оның ішінде әлі де болса тегі тектелмеген қасиет-қалыбы сараланбаған жеке жанрларға назар аударып, арнайы зерттеу объектісі етіп отырудың мән-маңызы айрықша зор. Осы орайда қазақ фольклорында арнайы зерттелмеген жанрлардың бірі ретінде күй аңыздарын атауға болады.

Ақселеу Сейдімбектің музыканың ішінде фольклорлық жанр болып табылатын күй аңыздарын таңдауының өзіндік себептері бар.

Біріншіден, күй аңыздарын осы уақытқа дейін ғалым-зерттеушілердің жалпы фольклорлық мұра аясында жол-жөнекей назар аударып отырғаны болмаса, арнайы зерттелген емес. Тіптен күй аңыздарының ел ішінде мейлінше молдығына қарамастан, бұған дейін жүйелі түрде жиналмағанын, айтарлықтай хатқа түспегенін атап өтуге болады.

Екіншіден, күй аңыздары қазақ фольклорына тән барша төлтума қасиеттерді (жанрлық, поэтикалық, көркемдік-эстетикалық т.б.) айғақтай алады.

Үшіншіден, қазақ фольклорындағы басқа жанрларға қарағанда, күй аңыздарының назар аудартатын ерекшелігі — ол қоғам өміріндегі салт-дәстүрмен, әдет-ғұрыптар мен кісілікті қалыптартармен, күнделікті тұрмыс-тіршіліктермен, қысқасы, халықтың барша тарихи-әлеуметтік өмірімен біте қайнасып жатыр.

Осы тұрғыдан келгенде, күй аңыздары қазақ фольклорының төлтума табиғаты мен қызметін парықтауда айрықша танымдық мәнге ие. Міне, осы бағытта жалпы қазақ фольклорына, оның ішінде күй аңыздарына ұлттың рухани мәдениетінің мәнді айғағы ретінде зерттеу барысында бірінші кезекте мән берілген. Бұл ретте ұлттық төлтумалықты орнықтыруға, этностың тарихи жадын сақтауға, ұрпақтар арасындағы рухани сабақтастыққа, салт-дәстүрдің тұрақтылығына, қоғамдық өмірге, әсіресе халықтық өнердің дамуына жалпы фольклорлық мұраның, оның ішінде күй аңыздарының да тікелей ықпал ететінін ашып көрсетуді осы мақаланың өзекті мақсаты деуге болады.

Бұл еңбекте күй аңыздарының жанрлық ерекшеліктері жан-жақты ашылып көрсетілген, сонымен қатар күй аңыздары жалпы этникалық мәдениеттің тек-тамырымен біртұтас рухани құбылыс ретінде қарастырылады. Автор күй аңыздарының пайда болу, қалыптасу және күні бүгінге дейін туындау үрдісін тарихи-әлеуметтік және мәдени-рухани аспектіде саралаған. Фольклор жанрларының қай-қайсы да дара күйінде дүниеге келмейді. Жанрлардың бір бірімен астасып, біріне бірі ұласып жатуы — табиғи қасиеті. Бұл ретте күй аңыздары да өзінің көп құрамдылығымен дараланады. Халық мұрасын зерттеушілердің халық прозасын «ертегілік проза» және «ертегіге жатпайтын проза» деп жіктейтінін білеміз. Ақселеу Сейдімбек соның ішінде күй аңыздарын «ертегіге жатпайтын проза» деп атайды. Қазақтың фольклорлық мұрасын жинақтап зерттеген С.Сейфуллин, М.Әуезов, С.Мұқанов, Ә.Марғұлан, А.Жұбанов, Қ.Жұмалиев, Е.Ысмайылов, М.Ғабдуллин, Ә.Қоңыратбаевтар іргелі зерттеулер жүргізгендерімен, ертегіге жатпайтын прозаның жанрларын талдап, арнайы зерттемеген. Ал, аңыз жанрын «тарихи адамдар жайындағы аңыздар» және «күй аңыздары» деп тұңғыш рет күй аңыздарына жеке мән берген Мұхтар Әуезов болды [2; 60]. Сонымен бірге Сейіт Қасқабасов күй аңыздарына, шежірелік аңыздарға және топонимдік аңыздарға қатысты тұңғыш рет жан-жақты талдау жасаған. Десек те, бұл ғалым-зерттеушілердің халық прозасы туралы айтқан, миф, аңыз, эпсана, хикая, жағдаят жайында айтқан ойлары ғалымның күй аңыздарын талдап, саралауына үлкен септігін тигізген.

Ақселеу Сейдімбек зерттеу еңбегінде күй аңыздарын өмірдеректермен ұштастыра отырып, тарихи кезеңдердің аясында қарастырған. Күй аңыздарының оқиғаларын және күйші-композиторлардың ғұмыр кешкен замандарын қарастыра келе, тарихи кезеңдерге бөлген. Бұл орайда

автор Әлкей Марғұланның қазақ эпостарын тарихи кезеңдер бойынша саралаған үлгісін басшылыққа алған. Академик Әлкей Марғұлан қазақ эпостарының бес кезеңге бөлген. Қазақ эпостарын тектегенде саралаған тарихи кезеңдер күй аңыздары үшін де ұрымтал кілт бола алатынына күмән жоқ. Ол кезеңдер:

1. Ең байырғы заман.
2. Оғыз-қыпшақ заманы.
3. Тарихи дәуірлер (XIII–XIV), яғни қазақ даласына Жошы ұлысының ірге тебуі.
4. Жоңғар арасындағы екі ғасырға созылған күрес кезеңі.
5. Феодалдық қайшылықтарға қарсы күрес кезеңі.

Бірінші кезеңнің күй аңыздары жаңаша жыл санауға дейінгі VIII–V ғасырлар мен жаңа заманның VI ғасырдағы аралықты қамтиды. Бұған Еуразияның Ұлы даласындағы көшпелілер арасына ислам діні тарағанға дейінгі қиял-ғажайып тақырыптарға арналған күйлер, жорық сарындары, жаугершілік кезеңдерде ел есінде қалған айтулы батырлар, ақылды арулар, ерге серік болған қанатты пырақтар, киелі жануарлар туралы күйлер мен олардың аңыздары жатады. Бұл кезеңнің күйлеріне А.Сейдімбек «Қос мүйізді Ескендір», «Көк төбет», «Көк бөрі», «Аққу», «Сарын», «Өгіз өлген», «Тарғыл бұқа» сияқты күйлер мен күй аңыздарын жатқызған.

Екінші, оғыз-қыпшақ кезеңінің (VI–XII ғғ.) күй аңыздары. Бұған «Қорқыт ата аңыздары», «Абыз толғауы», «Саймақтың сары өзені», «Балжынгер» сияқты күйлердің аңыздары жатады. Осы заманды Қорқыт заманы деседі. Қорқыт — бақсылық дәстүрді ұстай отырып, қазақ музыкасының негізін қалыптастырған адам.

Ал үшінші — ноғайлы кезеңінің (XIII–XVI ғғ.) күйлері. Ғасырлар талқысында тарихи тағдырын ортақтастырған ру-тайпалардың саяси одақ құрып, бір бірімен біте қайнасып «қазақ» деген этникалық атаумен тарих сахнасына шыға бастаған кезеңі осы тұс. «Ер Төстік», «Жиренше шешен», «Алдар көсе» сияқты циклданған ертегі-аңыздар, «Алпамыс», «Қобыланды батыр», «Қамбар батыр», «Едіге», «Ер Тарғын», «Ер Қосай», «Ер Шорай», «Ер Жабай», «Орақ-Мамай» сияқты эпикалық жырлар, Сыпыра жырау, Асанқайғы, Қазтуған, Доспанбет, Шалкиіз, Жиренше шешен сияқты жыраулар, тапқыр шешендер бәрі-бәрі сол ноғайлы заманына қатысты.

Ноғайлы кезеңінде туған музыкалық және фольклорлық мұралардың санатына «Жошы ханның жортуы», «Шора батыр», «Әмір ақсақ», «Қамбар күйі» сияқты халық күйлерімен бірге, Кетбұғаның «Ақсақ құлан», Асанқайғының «Ел айырылған», Қазтуғанның «Сағыныш» күйлерін және олардың аңыздарын жатқызуға болады.

Төртінші, жоңғар шапқыншылығы кезіндегі (XVII–XVIII ғғ.) күйлер мен күй аңыздары. Осы бірнеше ғасырға созылған аласапыран халықтың сан-сала рухани мұрасында шыншылдықпен, тарихи деректілікпен орын алды. Аңыз-әңгіме, жыр-дастан, толғау-термелерден бастап, ән-күйге дейін халықтың азатшыл рухы аста-төк көрініс тауып отырды. Осы кезең Бұқар, Тәттіқара, Қанай, Толыбай, Төле, Қазыбек, Әйтеке сияқты шешен-билерді, жыршы-жырауларды дүниеге әкеліп, олар қара халықтың күйзелісі мен қаһарман ерлігін өлмес өнер тілінде бейнелеп отырды. Мұның айғағы ретінде «Қаратаудың шертпесі», «Қалмақ биі», «Беласар», «Қалмақтың қара жорғасы», «Кенес», «Абылайдың қара жорғасы», «Қоржынқакпай» сияқты күйлер мен олардың аңыз-әңгемелерін атауға болады.

Бұл кезеңнің күй аңыздары ширыққан оқиғасымен, тосын шешімдерімен назар аударады. Күй аңыздарының белгілі бір тарихи оқиғамен сабақтастығы, нақтылы тұлғалар өміріне арнаулы деректілігімен иландырып отырады.

Бесінші — XVIII–XIX ғасырларда және XX ғасыр басында туған күйлер мен олардың аңыздары. Автор бұл кезеңнің рухани мұраларына саяси-элеуметтік сарынның мейлінше айқын көрінісі тауып отыратынын алдымен айтып өтеді. Бұл кезеңде туған күйлер де, күй аңыздары да ерекше молдылығымен, тақырыбының әр алуандығымен, оқиғасының деректілігімен назар аудартады. Әсіресе күйлердің әуен-сазының мейлінше шындалған деңгейін айрықша атап өткен жөн. Автор бұл кезеңдегі Боғда, Құрманғазы, Тәттімбет, Дәулеткерей, Тоқа, Ықылас, Қазанғап, Сейтек сияқты ондаған дәулескер күйшілердің қазақ музыкасының ұлттық деңгейін көтергендігін айрықша атап өтеді.

Сонымен қатар автор күй аңыздарын құрылымдық-тақырыптық қасиеттері бойынша былай жүйелейді:

- 1) Тарихи оқиғаларға арналған күй аңыздары.
- 2) Күйші-композиторлар өміріне қатысты күй аңыздары.

- 3) Тұрмыс-салтқа байланысты туған күй аңыздары.
- 4) Арнау күйлерінің аңыз-әңгімелері.
- 5) Қоршаған орта, табиғат туралы күй аңыздары.
- 6) Жан-жануарлар туралы күй аңыздары.

Қазақ арасындағы мыңдаған күй аңыздарының қомақты бөлігі тарихи оқиғаларға арналған. Көбінесе ел басынан өткен тарихтың бір ғана түйінді сәтін немесе тарихи тұлғалардың басынан кешкен бір ғана оқиғаны арқау етіп отырады. Тарихи оқиғаға арналған күйлер неғұрлым байырғы болса, оның мифтік, эпсаналық, аңыздық сипаты басым түсіп жатады. Ал күйші-композиторлардың өміріне қатысты күй аңыздары сол күйшінің өмірбаянын тереңрек білуге, жан-жақты танып түсінуге себепші болып отырады. Қорқыттың «Қорқыт», Махамбеттің «Қиыл қырғыны», Құманғазының «Кісен ашқан» сияқты күйлері осыған мысал бола алады. Сонымен қоса түрлі салт-дәстүрі, жол-жоралғысы, ырымы бар көшпелі өмірге күй өнері де белсене араласып отырды, осылайша тұрмыс-салтқа байланысты күйлер мен күй аңыздары дүниеге келді. Ал арнау күйлердің аңыздары, өзі аты айтып тұрғандай, күйші өзі қадір артқан адамына күй арнайды, соған байланысты аңыз да шығады. Табиғат туралы, оның небір көрікті орындары жайлы күй аңыздары қаншама. Мысалы, Тәттімбеттің «Саржайлау», Боғданың «Бозтөбе» сияқты күйлері. Күй аңыздарының ең бір қызықты да қомақты саласы жан-жануарлар дүниесіне арналған. Мұнда көктегі құс, жердегі аң, судағы балық, сондай-ақ төрт түлік мал туралы күй аңыздарының небір қызықты үлгілері кездеседі. Бұл түрге «Ақсақ құлан», «Аққу», «Боз інген» сияқты күйлердің аңыздарын жатқызамыз.

Акселеу Сейдімбек күй аңыздарын жанрлық сипатына қарай топтастыра келе, мифтік күй аңыздары, эпсаналық күй аңыздары, аңыздық күй аңыздары, жағдаяттық күй аңыздары деп бөледі. Мифтік күй аңыздарында ондағы болған қиял-ғажайып оқиғаны ғибрат етеді. Күй аңыздарының мазмұндық, оқиғалық, себептік бітімдеріне қарап, мифтік сипатын бірден тануға болады. Мысалы, «Таукүдірет» күйіндегі таукүдірет құсының алғаш жаралғанда сыңар қанат болуы, сонан соң оның зарына Тәңірдің құлақ асуы, одан кейін аталық және аналық таукүдіреттердің қолдасып ұша бастауы, кейін олардан тараған ұрпақтың қос қанатты болуы, ең алдымен, осы құстың қалай құс болып жаратылғанын түсіндіруге арналғанын аңғартады. Яғни, мифтік белгілері айқын. Осы мифтік аңыздың айтпақ ойы — құстың сыңар қанат болып ұша алмайтындығы сияқты домбыраның да сыңар ішек болып тартылмайтындығы. Сонымен қоса, «Шұбар киік» атты күй аңызы да осы мифтік күй аңыздарына мысал бола алады. Сұрмерген мен киіктің адамша сөйлесуі, бұрын атқанын құтқармайтын мергеннің киелі шұбар киікті атқаннан кейін жолының болмауы, Сұрмерген атқаннан кейін шұбар киік көп аңның бірі сияқты өліп қалмай, киелі болғандықтан да шұбар тасқа айналуы — бұл аңыздың мифтік сипатының басым екендігін аңғартады. Осындай күй аңыздары арқылы адам санасына ой салып, тәрбиелеуге тырысады.

Ал эпсаналық күй аңыздары болған бір оқиғаны көркемдей баяндау арқылы тыңдаушыға ғибрат береді. Бұл күй аңыздары тарихи-мекендік, кітаби-діни, әлеуметтік-утопиялық, жан-жануарлық сияқты түрлерге жіктеледі. Соның ішінде тарихи-мекендік түріне Қорқытқа байланысты күй аңыздарын жатқызуымызға болады: Қорқыттың қалай өлімді пендеге айналуы («Тарғыл тана»), өлімді пендеге айналғанын білген соң ел-жұртының қамын ойлап мұңға батуы («Елім-ай, халқым-ай»), одан әрі өлімнен құтылудың жолын іздеп шарқ ұруы («Қорқыт», «Желмая»). Дәл осындай эпсаналық белгілерді Ескендір туралы айтылатын күй аңыздарынан да («Қос мүйізді Ескендір») аңғаруға болады. Ал кітаби-діни сарындағы эпсаналық күй аңыздарға бағана айтып өткен «Шұбар киік» аңызының екінші бір нұсқасын жатқызуымызға болады. Себебі бұл аңызда Мұхаммед (с.ғ.с) пайғамбардың кездесуі діни-насихаттық идеяның жатқандығын сездіреді. Ал әлеуметтік-утопиялық сарындағы аңыз-әңгімелердің ең негізгісі Асанқайғы туралы және оның күйлерінің шығу себептері жайында болып келеді. Бұл күй аңыздарының өн бойында ел-жұрттың жақсы тұрмысқа, бақытты өмірге жетуі әлеуметтік арман ретінде бейнеленіп отырады. Көшпелі қазақ үшін төрт түлік малдың орны ерекше, сондықтан да эпсаналық күй аңыздарының біраз бөлігі осы жан-жануарлар жайында болып келеді. Мысалы, қонжығы суға кетіп, жар жағалай жүгірген қоңыр аю («Жорға аю»), ет пісірім уақытта Марқакөлді айналып шығатын қанатты пырақ — Балжыңгер («Балжыңгер»), топшысына оқ тиіп, жылы жаққа ұша алмай қалған ақсақ қазды келер жылы сынарының іздеп келуі («Ақсақ қаз», «Сау қаз»).

Күй аңыздарының көп бөлігі аңыздық күй аңыздары болып келеді. Аңыздық күй аңыздары тарихи және мекендік деп жіктеліп қарастырылған. Тарихта болған оқиғалар аңыздық күй аңыздарын қалыптастырады, олардың кейбіреулері көпнұсқалы болып келеді. «Мәселен, Бейсенбі

Дөненбайұлының «Бодау кеңес» атты күйі — нағыз аңыздық күй аңызының әдемі үлгісі. Мұнда ру аттары, адам есімдері, жер атаулары ғана нақтылығымен назар аудартып қоймайды, оқиғаның тарихи деректілігі де аңыз жанрының негізгі ерекшелігімен үндес. Сонымен бірге бұл аңыз-әңгіменің ауыздан ауызға көшу барысында ысылып, ширағаны, шешендік сөздердің тұрақты қалыпқа түскені, сондай-ақ гибраттық, мағлұматтық қасиетінің қанықтығы да назар аудартады. Ең бастысы, бұл аңыз-әңгіме «Бодау кеңес» күйінің дүниеге келу себебі ретінде айтылғанда аңыздық күй аңызының келісті үлгісі ретінде ден қойдырады» [5; 178].

Акселеу Сейдімбек сонымен қоса күй аңыздарының ішінде жағдаяттық күй аңыздары деген жанрды бөліп қарастырған. Ол «әңгіме», «жай әңгіме», «ауызша әңгіме» деп әр түрлі айтылып келген қарапайым тұрмыстық аңыз әңгімелерді бір сөзбен «жағдаят» деп атауды ұсынып, оны еңбегінде терминдік деңгейде ұтымды пайдаланған. Күй аңыздарының ішінде жағдаяттық аңыз-әңгімелер мол кездеседі. Жағдаяттық күй аңыздары әмбебап сананың үлгісі ретінде көрініс табатын мифке де ұқсамайды, белгілі бір оқиғаға ойдан шығарылған қиялды теліп айтатын эпсанаға да келмейді немесе тарихи кесек оқиғаларды тұғыр ететін аңыздан да бөлек. Жағдаяттық аңыз-әңгімелер қарапайым өмірлік оқиғаларға құрылып, әлеуметтік-тұрмыстық жағдайлармен байланысты болады. Олар естелік, хабар, дерек түрінде болуы мүмкін. Әңгіме көбінесе бірінші жақпен айтылады, әңгімені айтушы көбінесе өз басынан өткен, жолдас-жоралары мен таныстарының бастарынан өткен оқиғаларды сөз етеді. Бұл күйлерге мысал ретінде Акселеу Сейдімбек «Қыз қашқан», «Қағытпа», «Жорға аю» сынды халық күйлерін жатқызады.

Акселеу Сейдімбектің зерттеу еңбегінің басым бөлігінде күй аңыздары мен күйшілер шығармашылығы қамтылған. Кітаптағы әр күйшінің шығармашылығын немесе әр күйдің туу тарихы, яғни, аңызын талдау міндет емес, ең бастысы — бұл кітаптың қазақ руханиятында, мәдениетінде алар орнын саралау. Бірақ ол бөлімдерге да соқпай кетуге болмайды.

«Байырғы күйшілер» (Бесінші тарау) санатында, біз Қорқытты, Кетбұғаны, Асанқайғыны, Қазтуғанды, Байжігітті білеміз. Ал Абылай, кәдімгі Абылай хан домбырашы болыпты, күйші болыпты дегенді көпшілігіміз жете біле бермейміз. Бұл тың да қызықты дерек. Кітапта Уәлиұлы Абылай ханның «Ақ толқын», «Алабайрақ», «Бұлаң жігіт», «Дүние қалды», «Дүние сарсаң», «Жетім торы», «Қайран елім», «Қара жорға» (екі түрі бар), «Қоржынқақпай», «Майда жал», «Майдақоңыр» (екі түрі бар), «Садаққақпай», «Сары бура», «Шанды жорық» т.б., соның ішінде «Сары бура», «Жетім торы», «Дүние қалды» күйлерінің аңыздары берілген.

Оның жорықтары, батырларының ерлік істері эпикалық жыр-шежіреге айналған сыбызғыда, қобызда тартылатын күйлердің басым көпшілігі оның заманы мен өмірінің қилы кезеңдеріне арналған. «Шанды жорық» деген күй шапқыншылық кезде ер жүрек Баян батырдың қаза табуына орай шығыпты. Қазақтар Еділ бойындағы қалмақтарға қыстың көзі қырауды жорыққа аттанып, қашан олжа түсіргенше жеті күн бойы ашығады. Осы оқиғаға байланысты «Қоржынқақпай» күйі туған. Ал «Сары бура» күйінің туу тарихы жайлы мынандай аңыз бар: «Қазақтың дәстүрлі наным-сенімінде алапаты артық туған адамның желеп-жебеп жүретін киесі болады деген ұғым бар. Ер басына күн туған алмағайып кездерде желеп-жебейтін киесі көмекке келіп, дұшпанның мысын басу үшін көзге көрінеді екен дейді. Мәселен, қиын-қыстау сәттерде Қаз дауысты Қазыбек биді аузынан от шашқан аю желеп-жебейтін болыпты, Тарақты Байғозы батырдың иесі ақиық бүркіт болса керек, Жарылқап батыр қызыл алтай түлкісіне сенеді екен. Әйгілі Кемпірбай акын өз бойындағы бұл дарынның иесін көк үйрек дейді.

Міне, осы сияқты қиын-қыстау кезеңде желеп-жебейтін, жол жүретін, белгі беретін кие Абылай ханда да болыпты. Ол шудасы жер сызған сары бура еді дейді. Ат үстінде өмірі өткен Абылай хан қиын сапарға, қанды жорыққа аттанарда жолы болатын болса, ойға алғаны сәтімен орындар болса, жаңағы сары бура жолына маңдайын беріп жатады екен» [5; 338]. Шынымен де, Абылай ханның күйшілігі жайлы келтірілген мәліметтер мен тың деректер оқырман қауым мен тыңдармандарды қызықтырады анық.

Ал «Жаңа заман күйшілері» атты алтыншы тарауда Қараұлы Боғдадан бастап Махамбет, Дәулеткерей, Тәттімбет, Абыл, Құрманғазы, Тоқа, Ықылас, Қазанғап, Дайрабай, Дина, Сейтек, Сүгір сияқты, бертінде өмір сүрген Нұрғиса Тілендиев, Қаршыға Ахмедияров сияқты қазақ халқының атақты дәулескер күйшілерінің шығармашылығы мен бірнеше күйлерінің туу тарихы, күйлердің ноталары берілген.

Ең соңғы «Қосымша» атты жетінші тараудың өзінде XIII ғасырдан — Сары Салтық, Қодан, Саймақ, Жантөре, Арынғазы, Ұзақ, Байжұма, Қарабастардан бастап, Түркеш, Құлыншақ, Кенен,

Оқап, Сейілхан, Әбдімомын, Уәли, Жүсіптен тартып, Секен, Нұрсаттармен бүгінге тірейді. Дәл осы тараудың өзінде бірегей 103 күйшінің өмірдегі келтіріледі.

Кейбір күйшілердің шығармашылығы мен күйлерінің аңыздарын жазу барысында А.Жұбанов, Т.Мерғалиев сынды ғалым-зерттеушілердің пікірлері кездесіп отырады. Осындай қыруар еңбек жасау Ақселеу Сейдімбектің ерекше дарынын, мол білімін, ғылыми өресінің биіктігі мен жазушылық шеберлігін танытады. Кітапты оқып отырып осындай ойға қаласың.

Ең соңында айтарымыз, үш мың жылдық тарихы бар көшпелілер өркениетінің ұзын-сонар ғұмыржолына, әсемдік әлеміне қиял жүгіртіп, ой толғап, күй және күйшілер өмірін арқау етіп, әрі ғылыми, әрі әдеби шығарма жазған жазушы еңбегі — елдігімізді танытуға, мәдениетімізді марқайтуға қосылған тамаша туынды. Мың жыл аралығында дүниеге келген бес мыңға тарта күйдің аңызына арқа сүйеп, көшпелілер мәдениетінің көшелі тарихын жазу, сөйтіп, халық болмысының жанды шежіресін жарыққа шығару көзсіз ерлік екендігін мойындауға және бағалауға тиіспіз. Осындай ұлттың рухани қазынасын байытқан шырайлы шығарма қандай мақтауға да лайық. Бұл, сайып келгенде, Ақселеу Сейдімбектің төлтума өнеріміздің өресі биік өзге елдермен терезесі тең екендігін айғақтауға қажет бірден-бір құнды шығармасы. «Қазақтың күй өнері» — қазақ баласына, қазақ еліне осы қасиет-қадірімен қымбат кітап.

«Ақселеу Сейдімбек «Қазақтың күй өнері», «Күй шежіре» арқылы қазақтың ұлттық мәдениетінің көне тарихын қазіргі кемел кезеңімен жалғастырған мазмұны терең, мағынасы мәнді өнер туралы өзінің қайталанбас абыз сөзін айтты. Сөйтіп, ол қазақ мәдениетінің тағдырындағы ұлы өзгерістермен біте қайнасқан болмысын жеріне жеткізе жазып, оны өткен замандардың, өнерпаз адамдардың өмір тарихымен шендестіре сыр шертті», — деді Құрманғалиев [3; 3]. Қазақ өнерінің мыңжылдық тарихын жүйелеп, халқына танытқан ғалымның еңбегінің маңызы айрықша. Жалпы күй аңыздарын жинаудан, жариялаудан бастап, зерттеуге дейін автордың сіңірген еңбегін қазақ фольклортануының теориялық және қолданбалы ізденіс саласын дамытудағы елеулі жетістіктерінің бірі ретінде атап айтқан орынды.

«Күй шежіреде», «Қазақтың күй өнері» атты еңбектерінде күй аңыздарының шығу тегі, күй мен тілдің табиғи бірлігі, күй мен күйші тағдыры, күйдің жанрлары және күй аспаптары да жан-жақты әңгімеге арқау болған. Айтылған пікір, ортаға салынған ой — бәрі-бәрі жалаң сөз емес, көңілге қонатын ауқымды тұжырымдар жасау арқылы жазылған. Нағыз өнер мен сол киелі өнерді тудырған халықтың кіндігі бір, өмірі өзектес, яғни біртұтас екендігін, бұл туынды тарихи тұрғыдан да, ғылыми жағынан да толық дәлелдеп берген.

Ғалым Ақселеу Сейдімбектің «Күй шежіре» және «Қазақтың күй өнері» атты қос кітабы — күйдің тамырын да, тарихын да, танымын да анықтап беретін түбірлі зерттеу. Бұл қос кітап — зерттеушінің өмірлік ізденісінің, өнердегі мұратты және мақсатты таным жолының жемісі. Бұл — қазақтың рухани мәдениетінің тарихы туралы оқулық. Қазіргі «Мәдениеттану» пәнінен өткізілетін дәрістерге таптырмайтын пән құралы және тұжырымды ғылыми зерттеу. Қазақ күйлерінің тарихы, шығу тегі, ішкі құрылымы, заңдылықтары, тақырыптық тарамдары, ерекшеліктері туралы мұндай жүйелі зерттеу осы уақытқа дейін жарық көрген жоқ. Оның үстіне күйдің шығу тарихы туралы аңыздар осы уақытқа дейін арнайы зерттеудің арқауына айналған жоқ. Әңгіме күй әуені қақында ғана емес, сол күйдің ішкі мазмұны мен түйсіктік психологиясын ашатын, сол күй әлемінің ішіне жетелеп кіргізетін тарихи негіз туралы. Ал бұл негіздерге ұлттық таным, тарих, мінез, діл мәйек болады.

Сондай-ақ қазақ фольклорындағы басқа жанрларға қарағанда күй аңыздарының назар аудартатын ерекшелігі — ол қоғам өміріндегі салт-дәстүрмен, әдет-ғұрыппен, кісілікті қалыптармен (нормалармен), күнделікті тұрмыс-тіршілікпен, қысқасы, халықтың барша тарихи-әлеуметтік өмірімен мейлінше етенелікте біте қайнасып жатыр.

«Осынау ғылыми жаңалықтар мен ізденістердің қай-қайсы да толымды теориялық және методологиялық деңгейде көрініс тапқан. Монографияның ғылыми жаңалықтары фольклортанудың, мәдениеттанудың, тарихтанудың ең іргелі жетістіктерін басшылыққа ала отырып, орнықты дәлелдермен түйінделген. Ақселеу Сейдімбек әрбір ғылыми пайымдауларын қисынды дәлелдермен дәйектеп, әрбір ой түйіндерін нақтылы айғақ-деректермен көмкеріп отырады. Мұның өзі, бұл еңбегінің ғылыми салмағын арттырып, жаңа ой тұжырымдарға күмәнсіз иландырып отыруға себепші болған.

Ал, ғылыми жаңалығының деңгей дәрежесі болса, мұның өзі ең алдымен бұрын-соңды қазақ фольклортануында арнайы зерттеу объектісі болмаған тақырыптың биік ғылыми-теориялық деңгейде

орындалуынан айқын байқалады. Алынған нәтижелерді халықтың дәстүрлі мәдениетін парықтаудағы, әсіресе фольклортанудағы елеулі жетістіктердің бірі деп бағалауға әбден болады» [6].

Ғалымның шығармашылық мұрасын, оның қазақ музыкасын, күй аңыздарын, қазақтың фольклорын зерттеген мұрасын түйіндей келе, Ақселеу Сейдімбек — өзінің шығармашылық тұлғасы, жазушылық шеберлігі, болмыс-бітімі, тағдыр-талайымен оқшау көрінетін күрделі тұлға деген ой қорытамыз. Сан қырлы талант иесінің қазақ өнері туралы толымды еңбектері жайлы жазылар ауқымды зерттеудің бас-аяғы бірер еңбектермен шектелмесі де дау тудырмасы анық. Оның әдеби мұрасы мен шығармашылығы қашан да ұрпақ игілігі болып қала бермек.

Әдебиеттер тізімі

- 1 Жұбанов А. Музыка — жан азығы // Қазақ әдебиеті. — 1986. — 2 мамыр. — 6-б.
- 2 Әуезов М. Уақыт және әдебиет. — Алматы: Қазақ мемлекеттік көркем әдебиет баспасы, 1962. — 428 б.
- 3 Құрманғалиев Қ. Күй аңызы — сөз маңызы // Халық кеңесі. — 1994. — 2 желт.
- 4 Қирабаев С. Менің Ақселеуім // Егемен Қазақстан. — 2009. — 12 желт. — 5-б.
- 5 Сейдімбек А. Шығармалары: Алты томдық. — 3-т. Қазақтың күй өнері. — Астана: Фолиант, 2010. — 832 б.
- 6 Ысмағұлов Ж. Текті мұраның тегі // Қазақ әдебиеті. — 1999. — 18 маус. — 8-б.

Ж.К.Смагулов, А.Ж.Абдикадилова

Жанровые особенности легенд о кюях в исследованиях А.Сейдимбека

В статье рассмотрены исследовательские труды А.Сейдимбека, посвященные легендам о кюях. Он придавал особое значение данному направлению в литературном творчестве казахского народа. Роль музыки в казахском фольклоре особо подчеркивается именно легендами о кюях, поэтому большую часть своих работ он посвятил этой тематике. Исследованы исторические этапы и темы легенд о кюях, приведена классификация групп жанровых особенностей с научной точки зрения ученого. Отражены биография и творчество исполнителей кюев.

Zh.K.Smagulov, A.Zh.Abdikadirova

A.Seydimbek and genre features of the legends about kyui

This article deals with A.Seydimbek's research work, which is dedicated to the legends of kyui. He paid more attention to this direction in the literary creative work of the Kazakh people. The role of music in the Kazakh folklore is emphasized exactly by the legends about kyui, that is why most of his works are devoted to this problem. The article is about the historical periods, the themes of legends of kyui and the division of legends of kyui into groups according to genre peculiarities from a scholarly point of view of the scholar. Also research about the life and creative work of kyui performers is mentioned.

Р.С.Каренов

Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті (E-mail: karenov@mail.ru)

Есімі қазаққа мәлім болған, сөзі үш жүзге тәлім болған дүлдүл әнші-ақын Үкілі Ыбырай

Өткен ғасырдың көрнекті ақыны, әншісі және композиторы Ыбырай Сандыбайұлының шығармашылық қызметіне сипаттама берілген. Оның ақындық дарыны ерте байқалып, ерте қалыптаса бастағандығы баса айтылған. Ыбырайдың көптеген лирикалық өлеңдердің авторы екендігі көрсетілген. Ақын атағының елге кеңінен жайылуы, оның халық арасында төрт нұсқада таралған әйгілі «Гэкку» әнімен байланысты екендігіне көңіл бөлінген. Әрі ақын, әрі әншінің турашылдығы, тапқырлығы, батылдығы, шешендігі дәстүрлі суырып салма ақындық өнерге сапалы талаптар әрі үлгі болып табылатындығы пайымдалған. Ақын өз шығармаларында махаббат толғаныстарын, туған өлкенің сұлу табиғатын, білімнің күшін жырлап, халықты рухани тазалыққа, әділеттілікке, шындыққа шақырғандығы дәріптелген. Ыбырайдың шығармашылық өмірі сан қырлы екендігін, ал оның өзінің әрі ақын, әрі композитор, әрі әнші болғандығы дәлелденген.

Кілтті сөздер: Үкілі Ыбырай, ақын, әнші-композитор, гэкку, халық поэзиясы, махаббат тақырыбы, айтыстың ақтангері.

Kipicne

Қазақ әдебиеті мен өнерінің тарихында өздерінің ерекше шығармашылық қырларымен көзге түсетін бір топ ақын-композиторлар бар, олар: Біржан сал, Ақан сері, Жаяу Мұса, Балұан Шолақ т.б.

Қазақтың бұрын-соңды сал, сері-ақындарының дәстүрін жалғастырып, поэзия мен музыканы шебер ұштастыра біліп, оны жаңа көркемдік мазмұнмен толықтыру да, қалың бұқараның ой-армандарын білдіретін өршіл сарындармен байланыстыру да бұл ақындардың шығармашылық дүниесінен мол табылады.

Солардың қатарында тұрғандардың бірі — атақты Үкілі Ыбырай Сандыбайұлы. Ол бала кезінде молдадан оқып, арабша сауатын ашқан. Жасынан әнге, өлеңге құмар Ыбырай қазақтың атақты әнші-ақындарынан үлгі-өнеге алып, олардың шығармашылық дәстүрін бойына сіңірген.

Өз заманында әнші-сазгерлігімен аты шыққан Үкілі Ыбырайдың музыкалық мұрасында 40-қа жуық әндер бар. Мысалы, «Гэкку» (4 түрі), «Қарақат көз», «Арарай», «Бір қызық ит жүгіріп аң ауласа», «Дүние», «Шалқыма», «Көкше», «Сүйгенім кете барды қасыма еріп», «Қалқа бел», «Қалдырған», «Желдірме» т.б. [1].

Үкілі Ыбырай жаңа кеңестік өмірдің ағартушылық пен мәдениет саласындағы саясатына алғаш қолдау білдіргенімен, кейінгі саяси-әлеуметтік өмірге, ұлттық теңдік деген жалаң үгіт сөз екеніне ақындық қырағы көңіл көзімен терең бойлай отырып, жалаң ұраншылдықты, Кеңес үкіметінің жергілікті тұрғындар арасында жүргізген келеңсіз іс-әрекеттерін өзінің өлең жолдарымен өткір сынға алған [2].

Ыбырай Сандыбайұлының поэзиясы тақырыбы жағынан алуан түрлі.

Дарынды ақын, бұлбұл әнші, айтулы композитор Үкілі Ыбырайдың шығармашылығының сан қырлығы

Атадан келе жатқан дәстүр бойынша Ыбырай кезінде ит жүгіртіп, құс салған. Оның санасында бұл — барлық сал-серілердің салты, жігіттіктің жарастығы мен сәні. Осындай дәстүрлі тақырыпта оның өлең шығаруы да табиғи нәрсе.

Аңшылықтың қай түрі болса да қазақтың ұлттық спортының бір түрі. Ол жөнінде өлең мен жырлар аз емес. Соның ішінде арғы-бергі қазақ поэзиясында, аңшылық туралы ең әдемі жазылғандары — ұлы Абайдың «Қаңсонарда бүркітші шығады аңға...» [3] және Ыбырай Сандыбайұлының «Бір қызық ит жүгіріп аң ауласа...» [4; 105–106] деген өлеңдері. Ыбырайдың ел ішіне кең тарап, халықтық болып кеткен шығармасы былай келеді:

*Бір қызық ит жүгіріп аң ауласа,
Мінген ат шабуылмен танауласа,
Кигенің іші қызыл орман түлкі
Құлтыртып жез сабаумен сабауласа.*

*Болғанда биең жарау, атың қату,
Жігітке лайық па қарап жату,
Бір серілік, жастықта ерлік ойға қонып,
Жігітке ол бір қызық дуылдату.*

*Қызыл жел көңіліңді қыздырмалап
Ұрмай ма тағатыңды бұздырмалап
Жүйрік ат, қыран бүркіт, ұшқыр тазы,
Үшеуі ер жігітке құйрық, қанат.*

*Қалың бет, салыңқы төс, қамыс құлақ,
Бөп-бөлек ойынды еті тұрған құлап
Жүйрікті бір досыңнан сұрап алып
Кежімдеп кіреуетте жатсаң сұлап.*

*Бүркітің сонда тұрса саңқ-саңқ етіп,
Күтіліп саятшымен бабы жетіп,
Қанды көз, қайқы тұмсық қарауытып,
Ұмтылып көрінгенге тап-тап етіп.*

*Қарғылы тұрса тазың сылдыр қағып,
Керіліп бір сілкінсе дүр-дүр қағып
Таңертең аңға шығар мезгілінде
Еркелеп келсе жетіп сылаң қағып.*

*Сол күні келе қалса аңқұмарың,
Лепілдеп соға қалса ынтазарың
Бүгілтіп жылқыдағы жарау атты,
Ертемен алып келсе малышыларың.*

*Итті алып аңға шықсақ, құсты біреу
Еріне күміс балдақ қылып тіреу,
Жігіттің бес күн жарым ғұмырында,
«Па, шіркін, болса» деген бұл бір тілеу.*

*Таулардан түлкі қашса бұлдыр қағып,
Соңынан қуса тазы сылдыр қағып,
Кейінгі дабылшының айғайымен
Шайқақтап қыран ұшса бұлтты жарып.*

*Алғанда қыран бастан, тазы таңнан,
Құтылмас қашқан түлкі қос қыраннан,
Жігіттің бес күн жарым өмірінде
Мұншама қызық өтер сұм жалғаннан!...*

Ақын содан кейін аңшылықты сипаттаудың орнына, көңілін қыз жағына аударып:

*Күн ұзын түлкі қуып тауды айналып
Қарайып күн кеш болса көз байланып,
Олжаны қанжығаға байлап алып
Қонуға қызды ауылға ыңғайланып.*

*Желіккен сол көңілмен қайтқанда елге,
Мінген ат қарауытып батса терге.
Өлеңші, домбырашың қасыңда боп,
Кез болсаң қон алқаға бұраң белге.*

*Самауыр ақ шәйнекпен тұрса қайнап,
Отырса бір сұлу қыз көзі жайнап,
Ол күні қыз әкесі үйде жоқ боп,
Отырсаң әзілдесіп күліп-ойнап.*

*Шешесі желөкпелеу жастау келсе,
Ол қызға бір жеңгесі қастау келсе,
Бір жігіт аузы епті түлкі сойып
Әзілді қалжың сөзін бастай берсе.*

*Сол жігіт бастай берсе әзіл сөзін.
Қараса қызға жігіт қарап көзін
Ішінде махаббаттың оты лаулап,
Балқыса қорғасындай сонда сезім... —*

деп кетеді.

Сонымен, бұл туындысында Ыбырай қазақтың аңшылық өнерін поэзия тілімен шебер суреттейді. Халық әдебиетін еркін сусындаған ақын табиғат көріністерін, өз сезімін, аңшылықтың қызулы да қызғылықты сәттерін суреттей отырып, өзінің жаңаша қалыптасқан ірі дарын екенін аңғартады.

Ыбырай әндерінің тізімінде «Қараторғай» деген шығарма бар. Оның сөзі [4; 99]:

*Шаш алмас жасық темір қайрағанға
Тамар су суат бермес жайлағанда.
Белің бу тәуекелге, ей, жігіттер,
Жазудан қайғы келмес ойлағанда.*

*Толмасқа құйма деген бір мақал бар,
Сый, құрмет неге керек тоймағанға.
Көңілің тас та болса бір жібиді,
Таңертең қараторғай сайрағанда.*

*Шекерден сезім тәтті тыңдағанға,
Алтыннан артық деп біл бұлдағанда.
Бай болсын мың жылқылы неге керек,
Айтысқан уағадада тұрмағанда.*

*Бір атым насыбайдан көңіл қалар,
Айта бер, айтсаң сағың сынбағанда.
Жатсаң да шырт ұйқыда оянарсың.
Сәскеде қараторғай шырқағанда.*

*Жағыну неге керек сүймегенге,
Қиянат қылмақ керек тимегенге.
Әуелде заты жаман төрге шықпас,
Қолтықтап жоғарыға сүйрегенде.*

*Шын жақсы бір айтылған сөзден таймас,
Сыртынан өзімсініп билегенде,
Толықсып қорғасындай денең балқыр,
Тал түсте қараторғай сөйлегенде, —*

деп келеді.

Ж.Бекенов Үкілі Ыбырайдың осы өлеңінің тарихын өз мақаласында былай әңгімелейді: «...Ақынға бір кездері мынадай ой түсті. Ақан ағаның бір кездері аңға алып шығатын бүркіті болды.

Сері оны «Қараторғай» деп атады. Одан кейін ел шетінде, тамырын тереңге жіберген, жапырақтары шаңырақтай жайылған қарт Қайың болатын. Төменнен самал жел есіп, жоғарыдан көлеңке түсіріп тұратын осы қайың түбінде отырып ән салуды, ойын-сауық құруды Ақан аға өте ұнатушы еді. Сонда ол бірде тамашалай отырып:

– Мен бұл ағашты жалғыз көлеңкесі үшін ғана ұнатпаймын, кешкілікте және таңертеңгі кезде осы қайың бұтақтарын сансыз көп қараторғайлар мекендейді. Олардың салған ұяларына дейін бар, әне. Панасыздарға пана, ал адамға саяжай болғаны үшін осы ағашты өте жақсы көремін. Ал, оны мекендеген ана қараторғайлар қандай десеңші. Кішкентай қанаттарын дамылсыз қағып, ағаш бұтақтарына келіп қонғанын, қатар-қатар тізіліп отыра қалуларын тамашалаймын да жүремін. Осы қараторғайлар жөнінде ән шығару ойымда болғанымен неге екені белгісіз аяқсыз қала береді деген еді...

Осыдан кейін Ыбырайдың күңгірт болған көп ойлары алакеуімденіп, айқындала бергендей еді. Ол ақырында «Қараторғай» деген ән болып шықты. «Қараторғайдың» көп кешікпей өлеңі де дүниеге келді, жарыққа шықты. Ал, бір күні Ыбырай Ақан серіге жаңа әнін тыңдатуға келеді.

– Ақан аға, өзіңіз қолқалап сұраған тілегіңізді орындағандай болдым, — дейді Ыбырай серіге сәлем беріп.

– Е, бәрекелді Ыбырай. Мен саған тегіннен-тегін сенім артып жүр деймісің. Ал, лебіңді тыңдайық, — дейді Ақан сері.

Ыбырай сол жерде «Қараторғайды» бірнеше рет қайталап айтып, Ақан ағаны аса қатты разы қылады. Көптен бері күпті болып жүрген жарымжан, қам көңіл «Қараторғаймен» бірге қалықтап қанат қақты, биіктерге шарықтады» [5].

1925 жылы «Еңбекші қазақ» газетінде жарияланған «Жазғытұрым» деген өлең [4; 106–108] ақынның табиғат бейнесін суреттейтін керемет шығармасы:

*Март ішінде қар кетті
 Қеңшілік келді, тар кетті.
 Қара жерге жайылып
 Бетіменен мал кетті...
 Байларға қосқан аз малын,
 Өзді-өзіне меңгертті
 Балалар бақ малыңды
 Ұмытпа адал еңбекті
 Қалың бұлтты қақ жарып,
 Күн көрсетті шуақты.
 Алты ай жатқан ақ күртік,
 Қимады жатқан тұрақты.
 Сол жақтан шыққан суық жел,
 Ақ күртіктің арасын
 Дем салғандай үшкіріп
 Үңгірлеп ішін құлапты.
 Шын келгенін білген соң
 Денесіне суық жел,
 Бізғарланып кірген соң
 Қара да бекіп тұрмапты.
 Жердің жүзі саз болып,
 Сазы жоқ жер аз болып,
 Сай-сайдан жылжып су ақты.
 Жол-жолын тауып бұрмаштап,
 Биіктен ақса құлаштап
 Демін алып кідірмей
 Көзі ілініп мүдірмей,
 Қаншама күндер түн қатты.
 Тіке тартып кете алмай,
 Жалпақ жерде ылбырап,
 Терең жерде тұнжырап*

*Биіктен ақса сылдырап,
Тұрымтайдан құлдырап,
Ақылға салсаң, қалайық,
Жалтаң-жұлтаң бұлт еткен,
Көрсетті аз күн бұлғақты.
Бастап жүрген басшы жоқ,
Бұраңдап жүріп бұлтыңдап,
Құятын барып жөн тапты.
Құстар келді шуылдап,
Қанаттары зуылдап.
Білгеніміше айтайын,
Бас-басына буындап.
Көк мойын таған құс алды,
Көрдік міне нысаңды,
Жалаңаш-жалпы шуылдап.
Бала-шаға қотанда
Алты ай көрген қысаңды
Жасыл шұбар жүні бар
Бұлбұлдайын үні бар
Қараторғай деген құс,
Оның да атын біліп ал...
Жер жүзі тойып ыңқылдап,
Буланып беті дымқылдап
Ителгі келді сыбанып,
Сұлу қыздай назданып,
Көмейден даусы сыңқылдап,
Сегіз найза қолында
Тұяқтың ұшы жылтылдап,
Екі көзі мөлдіреп,
Шабыттанып сымпылдап,
Ызғарын төгіп суық жүз
Аузынан жалын бұрқылдап.
Жұмыртқа іздер балалар
Өзекті, шілік, көлдерді,
Ізденіп жүріп аралар,
Балалықпен байқамай
Аяғын шөгір жаралар.
Бұдан басқа мың түрлі,
Ғажаптары жана бар.
Ойлап тұрсаң бұл кезді,
Қиялға қиял жамалар.
Құбылыстың мың түрін,
Қай ақын түгел шамалар.*

Ыбекеңнің осы туындысын С.Мұқанов былай бағалаған: «Қазақтың ауыз әдебиетінде көктем бейнесін бұдан көркем сипаттаған шығарманы мен өзім кездестірген емеспін» [6; 61]. Расында да сегіз буынды жыр үлгісімен шығарылған бұл өлең өте көркем. Қолданылған метафоралар, теңеулер өзінің дәлдігі, өткірлігімен оқушы назарын бірден аударады.

XX ғасырдың басындағы қазақ даласындағы тарихи-экономикалық өзгерістер, әлеуметтік теңсіздік, патша үкіметінің жүргізген отаршылдық саясаты Ыбекеңнің көзқарасына әсерін тигізбей қойған жоқ. Ақын «Жаңғызтау» (кейбір деректерде «Жалғызтау» деп аталады) деген толғауын [4; 100] шығарады:

*Жаңғызтау, төбең биік бұлттан асқан,
Сырласып сұлу күнмен құшақтасқан.*

*Оқалап қызыл пүліш шапан киіп,
Құлтырып май айында жұпар шашқан.
Сылдырап қойнауыңнан бұлақ ағып,
Қарағай, қайың, терек үкі тағып.
Сырласып қыз, келінмен көлеңкеде,
Назданған ғашықтықтың отын жағып.*

*Бауырыңнан қыран ұшып бұлттан асып,
Түйіліп түлкіменен жағаласып.
Тыңдасаң жүрегіңді тербетеді,
Кеткенде бұлбұл, торғай әнге басып.*

*Көпіріп Жаманкөлде күміс көбік,
Бетінде толқын ойнап көрік беріп.
Арудың төстігіндей жұмарланып,
Көк толқын жатыр әне төңкеріліп.*

*Жорталы Жаңғызтауым, асқар белім,
Кір жуып кіндігімді кескен елім.
Ойнақтап ор киіктей тастан тасқа,
Құр-құрлап ағаш атпен кешкен жерім.*

Осы өлеңнің туу тарихы туралы жырдың жезкиігі К.Салықов: «Толғау іспеттес бұл тамаша шығармасын шындықтан алып отыр» десе, көп жыл ақын өмірі мен шығармашылығын зерттеумен айналысқан белгілі ұстаз-әдебиетші, марқұм Сәркен Құлмағанбет өзінің «Қайран, Гәкку!» деген кітабында: «XX ғасырдың басында, яғни 1903–1907 жылдардан бастап орыс байлары қазақ жерін тартып алу мақсатымен, Ыбырайдың туған жері «Жалғызтау» төңірегіне келіп қоныстана бастайды... Орыстар «Жаманкөл», «Сасықкөл», «Сандыбай бұлағында» қоныстанып отырған Ыбырай ауылдарын қуып шығады. Үсейін деген батырын шауып өлтіреді. Туған жерден кету, көшу Ыбырайға оңай болмайды. «Жалғызтау» сол заманда дүниеге келген», — деп жазады [7].

Кейбір деректерге қарағанда, бұл өлең 1911 жылы шығарылған. Ол — Ыбырайдың кәрілікке мойынсұнып, өмірден түңіліп, уайымға беріле бастаған уақыты еді. Енді ақын өзі өмір кешкен дәуіріне үңіліп қарап, байлау айтуға ұмтылады. Замана, дүние жайындағы ой-толғаныстарын тербейді [6; 62].

Міне, осындай өмірінің қиын мезгілінде «Патша үкіметінің саясаты» деген өлеңін [4; 108] шығарады:

*Қазақ халқы ішінде,
Бай болғанын ұнатты.
Жарлыны жардан құлатты —
Зар еңіретіп жылатты,
Абақтыда сұлатты,
Барар жер, басар тауы жоқ
Көшенің бойын таптатты.
Жалбыратып тымағын,
Қайда барсын сорлылар
Сөндірген соң шырақты!..
Тілеуі қабыл бұл қазақ.
Ақырын зарлап сұрапты, —*

деп, ақын патша үкіметінің отаршылдық саясатын сынайды.

Ыбырай егде тартып, жасы келіп, құлақтың естуі кеміп, жүрек нашарлауға айналғанын сезіп, оның бәрінің сол кәріліктің келіп қалғанынан екенін біліп, «Көкейкесті» деген өлеңінде [8]:

*Кәрілік қатты соққан жсынменен тең,
Көзім көрмес болғанда, құлағым кем.*

атамайды. Алтынайдың жаманаты елге жайылмас үшін, оның ауылының тұрған жері «Алтыбасар» деген атпен ән [4; 96] шығарады:

*Қыз қайда енді, сәулем, сенен асар,
Көңілім сені ойлап болады нашар.
Айрылып сенен, сәулем, қайтқан түнде,
Әніне бір басайын «Алтыбасар».*

*Айрылдым сенен, сәулем, жылай-жылай,
Боламын неғып адам бұдан былай.
Қапаға мені, сәулем, салып кеттің,
Алты жыл ғашық болған, қарағым-ай.*

*Келуші ем кеш болғанда көңілім түсіп,
Ежелден қадірлестік бірге өсіп.
Астынан Ақсандықтың аттандырып,
Қалушы ең есендесіп қолды қысып.*

*Ей, қалқа, тасынушы ең бала құстай,
Аулыңа неше келдім ала қыстай,
Бір жаман мал бердім деп алып кетті,
Тұйғыннан жем айырған қара құстай.*

Ыбырайдың қолынан шыққан және көпке белгілі болған шығарма — «Арарай» әні [4; 102]:

*Мөлдіреп қарақаттай көз жанарың
Ер жеттің, енді келді сөз жазарым.
Сыртыңнан талай ғашық зарланып жүр
Сіз қалай жұбатпақсыз көп назарын.
Сүйгенім бұл дүниеден ғашық жарым,
Өзің бас жүрегімнің ынтызарын.
Тәуекел дариясына салдым кеме,
Білмей-ақ түн айығып, күн шығарын.*

Бір айта кететін нәрсе — ақынның бұл туындысының алдыңғы әңгіме болған «Қарақат көз» әнінің ырғағына, ойнақылығына, өткірлігіне жақындығы сезіледі.

Үкілі Ыбырайдың белгілі «Жиырма бес», «Желдірме» атты туындылары осы бір шығармашылық белесінде дүниеге келген сияқты.

Бір қызығы, әр кезең, әр заман, әр толқын кезінде өз «Жиырма бесін» тудырған. Солардың арасында Ыбырайдың «Жиырма бесі» қазақтың әншілік табиғатындағы теңдесі жоқ бір ғажап құбылыс.

Үкілі Ыбырай жиырмасыншы жылдардың аяқ кезінде тағдыры тәлкекке түсіп, Кеңес үкіметінің ең сенімсіз адамы болып, «халық жауы» атанып, әуелі өлім жазасына кесіліп, кейін ол он жыл түрмеге отыруға өзгертіліп, айдалып бара жатады. Жолшыбай сол төңіректегі Қарауылдың бір ауылына қонып отырып, кешегі бір таңды таңға ұрып, жас сұлудың бал сілекейін жұтып, гәккулеткен өмірінің жарқын сәттерін көз алдынан жайната бір өткізеді:

*Шіркін-ай, жігіттігім — жел секілді,
Кәрілік — түн, жігіттігім — күн секілді.
Қонақтап бір түн қонып өте шығар,
Бәрі де көрген бейнет — сел секілді.*

*Жас жігіт жайнап тұрған күнменен тең,
Күн де бір білмегенге түнменен тең.
Он бес пен жиырма бестің арасында,
Болмай ма, жігіт адам жынменен тең!*

Үкілі Ыбырай осылайша жер-көкке сыймай бұлғақтаған жиырма бестегі кезін өң мен түстей көріп, оның қадіріне ештеңені теңгермейді.

Ілия Жақанов «Пай-пай, жиырма бес» атты мақаласында [9] былай толғанады: «Үкілі Ыбырайдың «Жиырма бесін» Көкшенің көне көздері «Ыбекемнің өзімен бірге кетті ғой» десіп, күрсінетін-ді. Ал, бұл терме де өлмепті. Мен 2000 жылы «Рахат» телеарнасында «Сал-серілер» атты бағдарламаны жүргізе бастадым. Сол жұмыстың кезекті бір сәтінде Үкілі Ыбырайдың әндерін үш бөлімге топтап эфирден бердік. Сол әңгімелердің бірінде Қайрат Байбосынов ойда-жоқта Үкілі Ыбырайдың «Жиырма бесін» жарқ еткізгені. Менің қуанышымда шек болмады. Эфирдегі әңгіме үстінде Қайрат: «Сонау бір жылдары «Гүлдер» ансамблінің алғашқы гастрөлімен Көкшетау қаласында концерт бердік. Жас ансамбльдің сол бір қызықты концертінің үзілісі кезінде маған Мұса Асайынов есімді ақын әрі әнші кісі жолығып: «Қайрат, қалқам, Үкілі Ыбырай атаңның әндерінің бағына сендей тамаша әншіні берген екен, бұл тәңір. Сол айтып жүрген «Шалқыма», «Алтыбасар», «Гәккулерінің» қатарына Ыбекемнің «Жиырма бес» атты термесін қос енді. Қағаз-қаламыңды ал да жаз. Әні былай...» деп, бас-аяғы төрт-бес минуттың ішінде осы термені айтып бергені. Ән бірден көкейіме қонды. Мұса ақсақалдың өзіне қосылып, екі рет қайталап айтып ем, ол кісінің толқығаны сондай, көзі жасаурап, үнсіз ғана мақұлдап, бас изеді. Көкшетаудан қайтқанша мен осы «Жиырма бесті» іштей айтумен болдым. Ал арада біраз уақыт өткенде Көкшетауға тағы да концерттік сапармен келгенімде Мұса ақсақалдың дүние салғанын естідім», — деді. Иә, сол жолы Қайрат Байбосынов Мұса Асайыновпен жүздеспесе, Үкілі Ыбырайдың бұл әні де, көкшелік қариялар айтқандай, «Ыбекемнің өзімен бірге кеткен» әні боп, оны ешкім іздемес те еді. Өмірлі әндер осылай жасай береді екен».

Ыбырайдың «Желдірме» атты әні [4; 101–102] қызық басталады:

*Заулап қал, тілім, мүдірмей,
Аққан бір судай, кідірмей,
Еркін жүйрік белгісі —
Бауырын жазбас жүгірмей, —*

деп, одан әрі былай төкпелеп кетеді:

*Пенденің бітпес жұмысы
Қара да жерге көмілмей.
Жайқалды, шіркін, қызыл тіл,
Күзгі бір піскен егіндей.
Сараңнан қайыр тимейді
Түйіп тепкен тебіндей.
Жолдас болсаң жақсымен,
Терең ойлы, ақылы кең,
Кіші пейіл, сыр шашпас
Мінезі, білім келсе тең.
Жанған отқа бір кіріп,
Жау қолына тастамас.
Ішіңе кіріп тор құрып,
Алдап сені қастамас.
Қайқақтамай көтерер
Досы үшін тау тасын.
Таза жүрек, ақ пейіл
Ренжітпейді жолдасын.
Өзің жалтақ, өсекшіл
Болсаң өмір оңбассың.
Іші құлық, сұрқия
Кездессең соған сорларсың.*

Бұл әннің Ақан серінің үлгісімен шығарылғаны сезіледі. Ыбырайдың Ақанды көруі, оның қасында болуы үлкен әсерін тигізген сияқты.

Үкілі Ыбырай көп сұлуларға көңіл артып, талай әндер шығарған. Той үстінде алып-қашып: «Сүйгенім кете барды қасыма еріп» [4; 97–98], — дегені де белгілі:

*Аузыма дүриа, гауһар сөзім келді,
Өзіңменен бірге өскен серің келді.
Қолға алып қу қарағай зарланайын,
Бекетжан, мұң шағатын кезім келді.*

*Не сыймас адамзаттың денесіне,
Құлақ сал, құрбы-құрдас, кеңесіме.
Тайпалған төрт Момынның жорғасы едім,
Ойнаған хан, қараның төбесіне.*

*Бір кезде аяқ емес, бас та емеспін,
Шаруаға олақ туған жан да емеспін.
Білмейтін алды-артымды, оңды-солды,
Ішіме кек сақтаған қас та емеспін.*

*Бір соғар содыр түбі дүние малға,
Өсіп ем залалым жоқ ешбір жанға.
Тырнақтап жиганыңды шашып-төгу,
Әуелден жазды ма екен мендей сорға.*

*Бір іске белді байлап мінген кезім,
Сымбатты бір сұлуды көрді көзім.
Айтқан сөз, уағадаға белді байлап.
Жөнелдім Мақпалды алып жалғыз өзім.*

*Ертерек қамданбадым артымды ойлап,
Нар кескен болат едім қойған қайрап.
Атығай, Қарауыл мен Керей, Уақ,
Баласын төрт Момынның жүрдім жайлап.*

*Жігіттің ең асылы мендей болмақ,
Үлкіер сүт бетінде болдым қаймақ.
Маңдайым жақсылардан қағылмаған,
Қамданбай жұртқа сеніп шықтым жайдақ.*

*Мен келдім жауға бермес елім бар деп,
Қорғайтын сал, серісін елім бар деп.
Жасекем, Масекем мен Жақып ағам
Шеті суат дария көлім бар деп.*

*Артымнан қуып келді жауым бар деп,
Мал берген қалыңдығым, жарым бар деп
Қол жайып ақсақалдар дұға қылса,
Өмірде ойламасын кемім бар деп.*

*Кімдер гашық болмаған көрген түске,
Тәңір ісі келмейді қол мен күшке.
Сайрандап дүрілдетіп жүрген шақта
Сүрлеулі жолға түстім жіп-жіңішке.*

*Қалтам тақыр қыз алар қалың беріп,
Жаным қалса жарайды елге келіп.
Күйеу келіп сайрандап жатқан түні
Сүйгенім кете барды қасыма еріп.*

Бұл өлеңнің шығуы жайында ақынның жолдасы Молдахмет Ержанов былай дейді: «Ыбырайдың жігіт ағасы болып қырықтың ішіне кірген, бірақ ақындық даңқы жер жарып дүрілдеп тұрған шағы, оның алдынан ойын, сауық, қыз-қырқын, сұлу қыз, әнші-ақын кетпейді. Бұрынғы әйелі өліп, қыз таңдап жүрген кезінде, бір талайдан бері таныс, іштей бірін-бірі ұнатқан Жәкеннің ұзатылар тойына келіп, сол той күнгі түнде қызды алып қашып, Атығай Бекет ақынның үйіне жасырады. Бекет пен қызды ертіп Қарауыл Қожахмет, Жақыптың үйлеріне келеді. Бұл екеуі де және Ақан сері мен Ыбырайға әрқашан дос Шалабай қария да, Керей ішіндегі шағалық рулас ел түгелімен Ыбырайды қорғап, алып қашқан Жәкеннің қалың малын бөліп төлеп, жанжалды басыпты» [6; 59].

Кезінде бұл жанжалды басу оңайға түспепті. Себебі ұзатылу тойынан қыз-келінді алып қашу өте үлкен күнә. Бірақ осындай үлкен дау-жанжалдың өзінде халық сүйікті ақынын арашалап алып, қуғыншыларға ұстап бермеуі Ыбырай абыройының қандай жоғары екенінің айғағы. Осы оқиғадан кейін жоғарыда аталған ән дүниеге келеді.

Ыбекеңнің еш талас тудырмайтын, күні бүгін қалың ел айтып жүрген тамаша әндерінің бірі «Қызыл асық» [10]:

*Қыз емес қыздың аты — қызыл асық,
Жастар көп қыз балаға болған ғашық.
Әзілмен ебін тауып сөйлемеген,
Жігіттің қарап тұрсам өзі жасық.*

*Қыз емес қыздың аты — қызыл киік,
Тараған тоты құстай шашын түйіп.
Қымбатты мінездері балдан тәтті,
Тұрады көрген жерден көңілің сүйіп.*

*Тұрмай ма жақсы қызға көңілің ауып,
Әзілмен сөйлеу керек ебін тауып.
Білетін құрбы жанын адам болса,
Ілгегін өзі ашпайма есік жауып.*

*Жақсы қыз иісті май құтыдағы,
Жағуға әркім құмар оны-дағы.
Болғанда қыздар шабақ су ішінде,
Мен шортан мұны қуған жылымдағы.*

*Қыз емес қыздың аты — қызыл қыршын,
Менімен әзілдескен түрің құрысын.
Сертіңнен күндіз берген түнде тайып
Қойдың ғой сипалатып жүктің бұрышын.*

Ауыз әдебиеті тарихында әндер мен күйлердің ауыс-күйіс жүру құбылысы жиі кездеседі. Бірақ Ыбырайдың «Қызыл асығын» олай-бұлай тартқылап Балуан Шолаққа апарып телуді жөн көрмейміз.

«Гәкку» әні — Ыбырай шығармашылығының шыңы

Үкілі Ыбырайдың әндерінің ішінде әлемге кең тарағаны «Гәкку». Бұл ән Қытайда айтылғанын ақын Марфуға Айтқожадан естідік. Белгілі мәмілегер Сайлау Батырашұлы «Гәккуді» жуырда Парижде естігенін бізге үлкен құлшыныспен жеткізсе, неміс тілінің мұғалімі Мағрифа Сейітбатталова «Ганноверде шырқалған «Гәкку» атты мақаласын «Астана ақшамында» жариялады.

Кезінде осы әннің шығуы жайлы Ыбекең былай баяндаған: «...Ән, жиын қуып жүрген кезім, Кәкима деген сұлу қызға әнмен өлең шығармақ болдым. Күндер, айлар толғанып жүріп, бір шілдеханада Кәкимаға осы ойымды білдірдім. Кәкима да домбырамен өлең айтатын. Домбыра кезегі келгенде әлгі қызым маған күлкілі көзін бір қадады да, өлеңді қоя беруі бар емес пе?

*Ақынға неге керек құр мырзалық,
Сүйгенін жаутаңдатып ойға салып.
«Айтатын сертіңе жет» деген мақал,
Болмай ма ән шығарсаң өмірге азық.*

– Жаман қатты ұялдым... аузыма түскені:

*Таусылмас дариясы әзіл, наздың,
Мамығы жаныма ем қоңыр қаздың,
Қыл арқан ат мойнында шірімейді,
Періште, жауабыңа қарыздармын, —*

деп кете бардым [6; 56].

Осыдан кейін біраз уақыт өткен соң әйгілі «Гәкку» әні (бірінші түрі) [11; 17] дүниеге келеді:

*Құс салып, айдын көлде дабыл қақтым,
Ән салып, талай елдің дәмін таттым.
Жетсін деп осынау дауысым «Гәккуіме»,
Гәккуді қайтқан қаздай мамырлаттым.*

*Түрлентіп тоқсан түрлі ән саламын,
Жай тастап құлашымды кең жаямын.
Түскенде сен есіме ерке «Гәкку»,
Құлпыртып осынау әнді толғанамын.*

*Таранған аққудайсың айдын көлде,
Көз тартқан шолпандағы алтын теңге.
Қарағым, айналайын кез келдің зой,
Атанған ақын Ыбырай біздей ерге.*

Бұл әннің шығуына, біріншіден, қызға берген уәдесі түрткі болса, екіншіден, Кәкимаға деген ыстық сезімі итермелейді.

Көп кешікпей бір тойда Кәкимамен дидарласар, махаббат буын бұрқыратар сәтте «Гәккудің» түрлене түсіп, екінші түрі шыққан екен [11; 17–18]:

*Құс салып, айдын көлде дабыл қақтым,
Ән салып, талай елдің дәмін таттым.
Жиналып қыз-бозбала отырғанда,
«Гәккуді» қайтқан қаздай қаңқылдаттым.*

*Шүрегей көлден ұшқан сіз бір тарғақ,
Мұхиттың айдынына салдым қармақ.
Іліксе қармағыма іздегенім
Басайын аяғымды алғақ-шалғақ.*

*Салайын «Гәккуіме» өлеңдетіп,
Мал бітсе кей адамның көңілі тетік.
Ақ тамақ, үкілі бөрік, сұлу қыздар,
Балқысын қорғасындай ой тербетіп.*

«Гәккудің» бірінші түрі кездесудің бастапқы жолдарын әнге қосса, екінші түрі екі жастың көңіл қосарлықтай қуаныштарын баяндайды.

Сәті түсіп бір жиында кездескенін пайдаланып, көкірегін дерт меңдеген ақын өмірдің бар шындығын «Гәккудің» үшінші түрінде ашып береді [11; 18]:

*Түрлетіп тоқсан түрлі ән саламын
Жай тастан құлашымды кең жаямын.
Түскенде сен есіме ерке «Гәкку»,
Құлпыртып осынау әнді толғанамын.*

*Асығыс бара жатыр өмір өтіп,
Өрт шалған табар ма екен көңіл тетік.
Көргенде ажарыңды айдан анық
Алайын қайғы жерді жеңілдетіп.*

*Шомылған дарияда сен қоңыр қаз,
Әнімді естіртейін айтып бір наз.
Айырылып сенен сәулем қалған күні.
Дұшпаным масайрады-ау болып бір мәз.*

*Дарияның ортасында сіз қоңыр қаз,
Қалқама көңіл сүйген айтамын наз.
Толықсып, мың құбылған «Гәккуімді»,
Өзімдей үйреніп ал, бір сал маңғаз.*

Үкілі Ыбырайдың үздік шәкірті Молдахмет Тырбиұлы «Гәккудің» үшінші түрін «Қайран Гәкку» деп атап, ал төртінші түрін [11; 19] «Қайран Гәккудің» екінші түрін» деп атау керек деп толғаныпты:

*Қыздан да қылықтымын жүрген жерде,
Ханнан да қадырлымын туған елге.
Ақ тамақ, шұбар бауыр, қоңыр қаздай,
Сала алмас «Гәккуіме» ешбір пенде.*

*Ақынға қиын емес өлең деген,
Адамның ойында жоқ өлем деген.
Ақ көйлек, үкілі бөрік қыз секілді,
Басайын «Гәккуіме» көлеңдеген.*

*Дүниені сайран қылған мен бір сері,
Бұл әнді айтып жүрмін көптен бері.
Ақ тамақ, алма мойын қыз секілді,
Басайын «Гәккуіме» әрлі-берлі.*

«Гәкку» — үлкен жүрек, шын сезімнен шыққан ән. Ақын «Гәкку, гәкку, гә, гә, гә» деп безілдетіп жібергенде айдын көлде еркелеп жүзіп бара жатқан аспан мен судың періштесі — аққу көз алдымызға елестейді. Бұл әнде үлкен мағынадағы «Поэзия» мен «Музыка» толық үйлесім тапқан. Лирикалық кейіпкер ғашығын бірде айдын көлде таранып жүрген аққуға теңесе, бірде дарияның ортасындағы қоңыр қазға теңейді.

Әйгілі ақын К.Салықов «Гәкку» атты кең көлемді мақаласында [12] Ыбырайдың осы керемет әні жайында өз ойын былай тұжырымдайды: «Гәкку — арман, Гәкку — тағдыр, Гәкку — қазақ өнерінің сөнбес жұлдызы. «Гәкку» 1934 жылы (либреттосын Ғабит Мүсірепов жазған) Е.Брусиловскийдің «Қыз Жібек» операсындағы Жібектің ариясы болып жарқ етті. Бұл ария бүкіл операның музыкалық негізгі әуенін, басты сарынын құрады. 1936 жылы Мәскеуде өткен қазақ өнерінің онкүндігінде Жібектің рөлінде ойнаған бұлбұл үнді Күләш Байсейітова «Гәккуді» бірінші рет орындап, КСРО Халық әртісі атанды. «Гәкку» деген ән жұлдызы мен Күләш деген әншіліктің жұлдызы қатар жанды. Күләштің де, «Гәккудің» де атақтары айға жеткендей ұлттық өнер өрісі кеңейді. Қазақ деген өз атын жаңа иемденген халықтың әні — «Гәкку» әлемдік өнердің биік өресіне көтерілді.

Халық ақыны, Үкілі Ыбырайдың төл шәкірті, тамаша әнші Молдахмет Тырбиев «Гәккуді» айтқанда ерекше толғанатын. Әсіресе қайырмасын қырық құбылтқанда естір жанды естен танғандай балқытып әкететін де, атақты ұстазының әншілік әлеміне апаратын. «Гәккуді» орындаушылар аз болған жоқ, олардың ішінде үздік орындап, қалыбына дәлме-дәл түсіруші ақиық ақын, асқақ әнші Иса Байзақовтың айтуымен нотаға түсірілген. Молдекең Күләш айтқан «Гәккуді» қуаттап, Иса ағамызға да алғысын айта отырып: «Ұлы ән ұшқыр қалпында, аққу-қаздың қаңқыл-саңқылындай құс үнімен үйлесіп, түпнұсқадан аумапты, тек қана Е.Брусиловскийдің операға икемдеп қайырмасын канаттандыра түсетін сәл-пәл қосымшасы бар», — дейтін. Үкілі бабамыздың аруағы қолдап, бұл ұлы

сапарға туған жиені, әйгілі ақын, үздік әнші Тайжан Қалмағамбетов барып, Күләш «гәк-гәкке» басып «гәккулетсе», ол сырнайын өзімен бірге сақ-сақ күлдіріп, нағашыдан бағы ашылған сәтін көрді. Дүние телегей теңіз «гәккушіл» әуенге толқып кеткендей көрінді. Қазақ әні шексіз биікке көтерілді».

Бір сөзбен айтқанда, «Гәкку» Үкілі Ыбырайдың музыкалық өнеріндегі ғана шырқау шыңы емес, ол бүкіл қазақтың халықтық музыкасындағы озық туған құбылыс.

*Ақынның философиялық шынайы толғаныстарға құрылған
«Қалдырған» әнінің туу тарихы*

Кенес тұсында Ыбырай жасы біразға келіп қалса да, ән мен өлеңін үдете түспесе, әлсіретпейді. Ақын жасы алпысқа келгенде өмір, дүние турасында философиялық шынайы толғаныстарға құрылған «Қалдырған» әнін [4; 100–101] шығарған:

*Жасымда болдым балдырған,
Талайды сөзге қандырған.
Сол балдырған кезімде
Ғашықтық оты жандырған.
Айналайын халқыма
Маңдайдан шырақ жандырған.
Мәжілісімді көркейт деп
Халқым бір қалап алдырған.
Бір сағатта он көрсе,
Халқыма әнім жаңғырған
Құрбы-құрдас, замандас
Іздеп кеп атын шалдырған
Сүмбіленің бұлтындай,
Сөзім де жиі жаңбырдан.
Алтысқа келіп ән салып,
Атын бір қойдым «Қалдырған».
Шіркін, дүние, кең едің,
Біраз күн аздап бөгедің.
Орта жүздің ішінде
Ән шырқаған мен едім.
Сарыарқаны сайрандап,
Талай сарқыт жеп едім.
Қартайғанда, дүние-ай,
«Қайдасың Ыбырай?» демедің, —*

деп, жігіттің бағланы, елдің ағасы болғанын мөлдірете баяндайды. Сонан соң әрі қарай:

*Қызығың, дүние өткен күн,
Кейінгі қуып жеткен күн.
Байланбаған асаудай,
Сырт айналып тепкен күн.
Қара бура қартайып,
Жар басына шөккен күн.
Қарлығып қарттың дауысы,
Жалтар желдей ескен күн.
Берейін, жастар, батамды,
Сендерге тізгін көшкен күн.
Кәрілер бесік тербетіп,
Жастар гүлдеп өскен күн.
Жасымда өстім қандай боп,
Күмістен тартқан сымдай боп.
Болам деген ой бар ма
Аппақ қу шұнақ шалдай боп, —*

деп, бұл жалғанның баянсыздығына, тұрлаусыздығына, ойын-сауық, той-домалақтың гүлі болған жауқазын шақтың оралмайтындығына өкінеді. Ең соңында:

*Алтысқа келдім, жамағат,
Шықпады ешбір жаман ат.
«Қалдырғанды» тапсырдым,
Сұраған, саған аманат, —*

деп түйіндейді. Осы тамаша әннің туу тарихы жөнінде Ыбекең былайша әңгімелейді екен: «Жан киналмай ән тумайды, ән де келіншектің толғатып ұл тапқанындай... Жақсы әнім туарда түсімде жақсы келіншекті көретін ежелгі әдетім еді. Келіншек күлімдей қарап, сыңсып ән салып оң шырайын берсе, әнім ойдағыдай сұлу болып шығар еді. Дәл «Қалдырғанды» шығаратын түні ел жайлауда, Сасықкөлдің басында еді. Қалың ел іші болатын, түсімде сұлу келіншек кіріп, күлім қағып, оң шырайымен қарады, әдемі бір ән салғандай болды. Ояна келсем, көкірегім күмбірлеп, әлгі ән әлі сайрап тұр екен... ән сазы да, өлең сөзі де құдайың өзі ауызға салғандай жарастық тауып, сылдырлап ыңғайыма орала берді... Әнімді қайта-қайта айтып жаттығып жатырмын. Көз алдымнан күлімдеген сұлу келіншек, сұлу ән де енді кетер емес. Сол кезде даусымды естіп, баламдай көретін ақын досым Сұраған кіріп келді. Жаңағы әнімді қайта-қайта айтқызып, тез жаттап алды...» [13].

Бұл сүйікті әнін Үкілі Ыбырай Сұраған деген шәкіртіне табыс етеді.

Ы.Сандыбайұлы — жөппелдемеде жыр тасытатын айтыстың ақтангері болған

Импровизатор Ыбырайдың тыңнан суырып салып айтқан өлеңдері де (Доскей, Құдайберген, Есімсейіт ақындармен сөз жарыстыруы) көп.

Доскей Әлімбаев (1850–1946) — халық ақыны, КазКСР-нің еңбек сіңірген өнер қайраткері. Ол жас шағында өнер мәдениетіне әйгілі Біржан сал, Ақан сері, Жаяу Мұса, Балуан Шолақтан үйреніп, оларды өнеге тұтқан. Өз жанынан өлеңдер шығарып, кедей малшы-шаруалардың мұң-мұқтажын жырлаған. Отанды, Қарағандыны жырға қосқан [14].

Үкілі Ыбырай Доскеймен айтысында заманы, халқы жайында өз толғауларын былай аңғартады [15]:

Доскей:

*Уа, інішек, жүрмісің есен-аман?
Сені тақ-тақ жаратқан хақ тағалам.
Қай ру, қай нәсілден боласың сен,
Әуелі соларыңды айтшы маған.*

Ыбырай:

*Төрт момындап келгенде, қалың шормын,
Елім бай, шалқып жатқан көлден молмын.
Келген бұлт төбесінде қақ айрылған,
Атығай, Қарауылдай егіз елмін.*

Доскей:

*Інішек, сөз сөйлейсің әрбір тұстан,
Шын айран көз екенсің қолды қысқан.
«Қоян» деген зымыстан жұт боп еді,
Жаным-ай, елің қалай биыл қыстан?*

Ыбырай:

*Нәпсіге артық шешпейік ұзын бауды,
Ойға алып, тоқтатайық нәпсі жауды.
Жалпы елдің іргесі аман қалып,
Жұт болды әр жерінен ала жаулы.*

Доскей:

*Інішек — жақсы болса, құрық, қанат,
Бас қостық мұнда келіп жақсы сағат.
Құдайберді, Бәйімбет, Қойлы, Сағатай,
Аман ба, Кәдір, Бағыс сау-саламат?*

Ыбырай:

*Доскей ақын, сұраған елің аман,
Мені тақ-тақ жаратқан хақ тағалам.
Ит жүгіртіп, құс салған нешік ерлер,
Көрген асқар, адыр, белім аман.
Көрінген сіздің жерде бел аман ба?
Қоңыр қаз төскеп ұшқан көл аман ба?
Майлы тондай ажары жылтыраған,
Бесқозының мекені — жер аман ба?*

*Бегендік, Шегендік пен Қозған, Қақсал,
Төртуыл мен Қарақойлы ел аман ба?
Жасынан Орта жүзге аты шыққан,
Мейрам мен Жаманкөздей ер аман ба?*

Доскей:

*Інішегім, сөйлейсің сөзді қамдап,
Бас қостық осы арада тәңірі оңдап.
Біздің елде тоқшылық, жұт болған жоқ,
Базарлап жүр ғой әне, өңшең саңлақ.*

Ыбырай:

*Ол рас, ер-тоқымы жер кесіп жүр,
Біздің елдің мырзасы жөндесіп жүр,
Бір ер-тоқым жетеді қайсысына,
Мейманың сусын таппай шөлдесіп жүр.*

Доскей:

*Сәрке қажы алдында биік төбем,
Есімсейіт дарияда алтын кемем,
Қашан біздің меймандар шөлдеп еді?
Алжасты, жалған айтып, мынау неден?*

Ыбырай:

*Ей, Доскей, тілің бар ғой сораңдаған,
Нәпсің бар аш күзендей жалаңдаған.
Табаның жалғыз сағат жерге тимей,
Қашқынсың әр нәрсеге арандаған.
Аққошқар мен Сайдалы ауылына
Барғанда, Серәліні қондырмаған.*

Доскей:

*Өлеңге дәл өзіңдей мен де құмар,
Өлеңменен өртермін ұмар-жұмар.
Бар еркегі базарға кетіп қалып,
Ұрғашы қадір білмей жүрген шығар.*

Ыбырай:

*Мен шықтым Қарауыл мен Атығайдан,
Естірсің түрлі кеңес Ыбырайдан.
Бар сауынын базарға айдап сауып,
Алдымда не күйің бар тапсынғандай.*

Доскей:

*Жібермейін дедің бе намысыңды,
Көрсетейін дедің бе шабысыңды.
Бір аулымнан өреді он мың қара,
Салыссаң, салысып көр табысыңды.*

Ыбырай:

*Өнермен таныстырдым оң мен солды,
Дәулетке көре алмассың менен молды.
Кеше арналып көшкенде, алтын артқан
Естіп пе едің Атығай Қосшығұлды?*

Доскей:

*Осылай мақтандың ба, Ыбырайым,
Бізді тақ-тақ жаратты бір құдайым.
Тұяқты жерді басқан малды айтсаңшы,
Тасыңды жерде жатқан не қылайын.*

Ыбырай:

*Ыбырай Қарауылдан нәсіл еді,
Өлең айтсам мұрадым қасыл еді.
Атқа балап алушы ең алтын жүзік,
Ол тас емей, атаңның басы ма еді?*

Доскей:

*Ой, шырақ, өлеңшіге ұнау керек,
Ағасының сөзіне шыдау керек.
Келмей жатып бетімнен тырналама,
Әдеппен ел-жұрт жайын сұрау керек.*

Бірде Атығай Қожахмет отыз кісімен Көкшетауға құдалыққа кетіп бара жатып, жолда жас та болса Қыпшақ Құдайберген ақынды ала кетеді. Жолда бұлар бір ауылға түсіп отырғанда Ыбырай келіп қалады. Ол кезде Ыбырай елу шамасында екен. Ол осы үйде ақын отыр дегенді есітіп, сырттан өлендете келеді:

*Есіктен кіріп келдім басып қадам,
Он үште сөз сөйлетті хақ тағалам.
Ассалаумағалайкум, үлкен аға,
Қызығың құтты болсын тақсыр бабам.*

*Асқар тау қиядағы белден келдім,
Тасыған дария бұлақ көлден келдім.
Көкшетау дуанындағы атым Ыбырай,
Татуға зәмзәм суын шөлдеп келдім, —*

дейді. Сонда бала жігіт Құдайберген тұрып:

*Уағайлейкүмассәлем, Ыбырай аға,
Мейірбан дидарыңды көрдім жаңа.
Адамға бір ганибет дидарласпақ,
Елу жылда — ел, жүз жылда — қазан жаңа, —*

дегенде, Ыбырай оған қарап, бас аяғын тегіс шолып:

*Көкшетау дуанында атым Ыбырай,
Патшаға сөз сөйлеуші ем бір жылымай.
Алдыма ешбір адам шыққан емес,
Шықты ма жер астынан мына сұмырай? —*

дейді.

Құдайберген оған ашулана қоймай, сыпайы түрде:

*Ыбеке, сұрасаңыз, затым Қыпшақ,
Арғы атам сұрасаңыз, Сейіт болмақ.
Баулының тоқсан екі бұлбұлы едім,
Сайрайды өлең десем тіл менен жақ, —*

дейді.

Екеуі одан әрі біраз айтысады [16; 256–259].

Ыбырай:

*Ия, балам, сен мәз болма ішпей-жемей,
Жол берген әркім маған кімсің демей.
Кереку, Омбы уезі маған мағлұм,
Жазбайтын қолын бүйтіп сорлы кедей.*

Құдайберген:

*Ыбеке, ел қаралау сізге жөнбе,
Барыпсыз мырза болып біздің елге.
Жерің жоқ кіна қояр мырзаларға,
Керек пе мырзаларға сіздей делбе.*

*Қатты-қатты сөйлесем, дұшпан — дейсің,
Бөгелсем, балалықтан пысқан — дейсің.
Кетпесін бүйте берсең миың шіріп,
Қартайған кәрі бүркіт тышқан жейсің.*

Ыбырай:

*Ия, балам, шықтың сөзге мына дайын,
Мен саған көрсетейін сөз ыңғайын.
Симаған тіл аузыңа ақын болсаң,
Үш ауыз кеңесім бар мен сұрайын.*

Құдайберген:

*Аспанның бауыры жазық бір кең дала,
Жаратқан ғарып қылды құдай пана.
Ақын боп сөзден қашсақ жүреміз бе,
Ыбеке, кеңесіңді сұрап қара.*

Ыбырай:

*Ия, балам, тыңдап отыр сөзді барлап,
Мен саған ұқтырайын сөзді ыңғайлап.
Мұқаммет пайғамбардың заманында
Бір-ғарып дарияға салды қармақ.
Дарияға сол ғарыбың қармақ салып,
Алыпты дариядан нені қармап?*

Құдайберген:

*Ыбеке, түсіп кеттің бұл мінезге,
Жоқ па еді жұмбағыңыз бұдан өзге!
Моллалар шариятқа қарап отыр,
Қалмасын бір жаласы соңыра бізге.
Сегіз жыл мектеп жүзін көріп едім,
Кітаптан көрініп тұр біздің көзге.
Қамыстан күркесі бар бір кемпір, шал,
Бір түнде жайнамазға жатып жылдар.
Жылағанда мал бер деп, жылаған жоқ,
Құдайдан жалбарынып бала сұрар.
Алла емес, түсінбейтін айтқан сөзге,
Тілегін қабыл етті сол бір кезде.
Дейтұғын Зейінлабиден бала туды,
Нәрсесі қармақ салған сол емес пе.
Дыбыста зират көпір дәл қасында,
Күмбезде Зейінлабиден тұр емес пе.*

Ыбырай:

*Ия, балам, нағып болды саған оңай,
Құрылған мен емес пе сөзге тоғай.
Симаған тіл аузыңа ақын болсаң,
Қонады бір ағашқа дәл үш торғай.
Екеуі ұшса, бірі қозғалады,
Бірі қалып, екеуі жоғалады.
Ия, балам, бұл жұмбақты шешіп берсең
Осыдан ақындығың сыналады.*

Құдайберген:

*Ыбеке, бұл сұрағың мін емес пе,
Әгеркі шешіп берсем жән емес пе.
Екі торғай дегенің ол екеуі
Ұйықтап барып ашылған көз емес пе.
Жалғыз бір торғай дегенің қаза келіп,
Кеудеден шығатұғын жан емес пе.*

Ыбырай:

*Он алты дария бар көз көрмеген,
Ішпеген онан пәнде кез келмеген.
Он алтысын қақ жарып жүзге бөліп,
Жартысын пәнделерге өлшеп берген.
Білейін, ия, балам, жүйріктігің,
Бекінді бұл кеңесім қайсы жәнмен?*

Құдайберген:

*Ыбеке, адам жоқ қой кәсіп тыйған,
Пәндеңіз кең сарайда дүние жиган.
Он алты дария бар дегеніңіз
Аятпенен бекіткен он алты имам,
Жасымнан сөйлер сөзге болдым құмар,
Сөйлесем жүйріктермен көңілім тынар.
Үш ауыз сөзбен бөгелтем деп еді зой,
Ыбырайды, тақсыр, төре, үйден шығар.*

Құдайберген осылай дегеннен кейін Ыбырай ешбір жауап қайтара алмай, үнсіз қалыпты.

Осы айтыс туралы жазушы А.Жақсыбаев «Иса ақын» деген мақаласында [17] мынадай қызық дерек келтіреді: «Отырысты жандандырып, көптен күткен көңілдегі әндерді салып, мұңы мен назы, сағынышы, өкініші аралас «Гэккуді шырқаған арқалы әншіге ерік беріп, тындаушысының соншалық үздіккенін көз астымен бағып елеусіздеу отырған Нұртаза бір мезгілде Құдайбергеннің тыныс алған сәтін пайдаланып, әңгіме арқауын жалғастырып, көптің көкейінде тұрған сұрақты сыртқа шығарды.

Құдайберген, бастапқы бір сөзінде «Үкілі Ыбыраймен айтыстым» деді де, көңілімізді күпті етіп әнге ойыстың. Сол айтыс қалай болып еді, мына отырған көпшілік соны өзіңнен естігісі келеді, — деді.

– Иә, иә, — деп, көпшілік елең етісіп, білуге құмартып мазасыздана бастады. Құдайберген түзеліп отырып, асықпай сөйлеп, Үкілі Ыбырайға деген құрметінен жаңылмады. Бөлмеде тыныштық орнап бәрі Құдайбергенге қарай қалысты.

– Өзім құдайдай көретін Ыбекеңмен айтысамын деп ойлаған емеспін. Бәрі күтпеген жерден, табан астында туындап, айтыспасқа қоймады. Осы сапарда біздің елдің бір игі жақсысы Көкшетауға құдалыққа бара жатып, мені әрі ақын, әрі әнші деп өз тобына қосып, бірге алып жүрді. Барып түскен үйде ойын-сауықпен көңілденіп отырғанда Үкілі Ыбырай кіріп келді. Үй иесінің қызығына өлеңмен құтты болсын айтып сәлем берді. Сонда бас құда боп барған кісі маған иек қағып, өлеңмен сәлемдесіп, таныстыруды мегзеді. Жүрексініп, Ыбекеңнің айбарынан жасқансам да шабыт қысып, намысқа басып, өлеңмен біраз сөйлеп бердім. Ыбекең де өршеленіп, сөз аяғын күтпей, тізгінін қоя берген жүйріктей бастырмалатып алды-артымды орап, ықтырып алғысы келді. Жиналған жұрт екіге жарылып, қолпаштап, көтермелеп, үн қосып, бәйгедегідей қызбаланып жатты. Мұндайда қысылғаннан ащы терің шығады екен. Аянып қалудың ешбір реті жоғын біліп, мен де сөз жарыстырып, жасы үлкен жақсы ағадан қалыспай, тайталасып бақтым, — деп сөзін аяқтағысы келіп еді, отырғандар айтпасына қоймай, жан-жақтан қолқалап, сөздің жалғасын шыдамсыздана күтті. Көпшіліктің ыңғайына бағынып, Құдайберген сөзін айтысқа қарай жетеледі.

– Содан не керек, Ыбекең қыза келе, «Келсең де қонақ бола бойынды бақ, Желкеңнен мен бір бүркіт шайнайтуғын» деп тұқыртып, ерікке жіберетін емес. Мен де қарап қалмай, сөз асырмақ боп «Шайнайтын желкемізді дәмең болса, Қартайған кәрі бүркіт тышқан жерсің» деп, төтесінен қойып қалдым. Ыбекең бұл сөзді кек тұтты білем, «Мен саған көрсетейін сөз ыңғайын» деп, айтысты жұмбаққа айналдырып, шешуін күтті. Өлеңмен үш рет жұмбақ айтты. Үш рет мен де жұмбағына дәл тауып жауап қаттым. Содан кейін өз жанымнан бір шумақ өлең қосып, тоқтатпақ ниетпен «құтам» деп бекерге әуре боласыз дегендей қаттылау кетіп, тигізе сөйледім. Осыдан кейін ештеңе демей бөгеліп қалды. Мен жеңдім, ол жеңілдім демеді. Айтысты әркім өзінше бағалап, жеңісті өздерінше ұйғарды. Осы ойын-тойда тәтті сыйластықпен мені қасына отырғызды. Көпшіліктің қалауымен жаңа айтқандай беріліп, ырғағымен бар нақышына келтіріп, «Гэкку» әнін шарықтатып, көңіл сырын жария еткендей тебіреніске түсті. Көңілі босамаған жан болмады. Жүректерін сезім шарпыды. Ынтызарлықпен үн қатқан дауыстың дірілі құлақтан кетпестей, ұмытылмастай болды. Кетерінде Ыбекең маған батасын беріп, көптің алдында көңілімді өсірді. Екеуіміз жақсы айырылыстық. Жаратылысы бөлек жан ғой. Оған жету қайда, — деп, елжірей сөйлеп, еріксіз бөгелді».

Үкілі Ыбырай Есімсейіт (кейбір деректерде Есімбет) деген ақынмен де сайысқан. Есімсейітке Ыбекең өзін таныстырғанда кім екенін былай айтып өлеңдетеді [16; 251–252]:

*Есеке, Арғын болсаң жақыныңмын,
Қызыл тілден жұлде алған батырыңмын.
Атығай, Қарауылға аруақ шашқан,
Ыбырай бесті жүйрік ақыныңмын.*

Бұл айтыс ұзаққа созылмай, тоқтайды.
Есімсейіт:

*Өлеңші, тіленшімен пақыр деймін,
Өлеңңді оңды-солды сапыр деймін.
Өнерің өлеңшімнен асқанда ал,
Қайда кетті, әлгі Доскей, шақыр деймін.*

Ыбырай:

*Есеке, көп келгенмін Атбасарға,
Танысайын деп келгем жақсыларға.
Өлеңге, өлең сата жүргенім жоқ,
Өзімде өлең деген он екі арба.*

Есімсейіт:

*Байқаймын жігіттікте сен бір гүлсің,
Қадіріңді тең құрбың ойлап білсін.
Өнерің болса тартынбай тобыма түс,
Қорғалап қашам десең мейлің білсін!*

Ыбырай:

*Есеке, Атбасарға көп келгенмін,
Жақсылардың сарқытын жеп көргенмін.
Айтысып өлеңшімен азаптанбай,
Ат пен шапан киемін деп келгенмін.*

Есімсейіт:

*Бүйте берсең бұл жиын тарар деймін,
Сенің үнің әр жерге барар деймін.
Сен қолыңа шалғы алып шөп шаппайсың,
Бір түніңе үш сом ақша жарар деймін.*

Ыбырай:

*Есеке, сенің сөзің шекер мен бал,
Өлеңшіге бек мұқтаж зой дүние-мал.
Аталы сөзге арсыз тек таласады,
Олай болса үстелге бәйгімді сал.*

Ыбырайдың жас кезінен құрбы-құрдастарымен әзіл-қалжыңы аралас сәлемдесу, қағысу ретінде айтылған өлеңдері болған. Үлкейе келе өзінің ұстаздары Орынбай, Ақан, Біржан, Шөже ақындармен де қағысып, өлең шығарған. Қазірге қолда бары — біз жоғарыда келтірген Доскей, Құдайберген және Есімсейітпен айтыстары. Олар 1965 жылы жарияланған «Айтыс» жинағының бірінші томында жарық көрді. Осы үш айтыстың үшеуінде де Ыбекең қарсыласына әр түрлі сауалдар қоя отырып, қалың топты қақ жарып шыққан нағыз айтыс ақыны екенін байқатқан.

Түйін

Жинақтап айтқанда, Ыбырай Сандыбайұлы поэзияның жаңаша түрлерін аша біліп, сөз сарасының інжу-маржанымен ән әуенін атастыра білген тапқыр талант. Үздік ән мен ұшқыр ойды ұштастыра біліп, ұшар құсқа қос қанат байлап бергендей ән шығармасына зор мән берген тынымсыз талпыныстың иесі. Ол — әрі керемет ақын, әрі аруақ қонған композитор, қатарынан асып туған үздік әнші. Үш өнері біріне бірі ақ жол тілеп, бірі бірінің алдына шырақ жағып берген ғаламаттан ән жұлдызы — «Гэкку» туып отыр. Халық «Гэккуді естісе, Жібектің бейнесін бірінші рет сахнада жасаған біздің заманның ұлы әртісі, әншісі Күләшті көз алдына келтіреді. Ал Күләштің аты аталған жерде «Гэкку» ауызға алынбай қоймайды.

Сондай-ақ Ыбырайдың «Арарайы» «Ер Тарғын» операсында Ақжүністің әні болып енді. Мұның бәрі де дарынды композитор, асқан әнші Ыбырайдың шығармашылығында заманның алдын ораған прогрессивтік тілі, демократиялық негізі болғандығын дәлелдейді.

Сөзімізді белгілі жазушы, қарағандылық ақын Жайық Бектұровтың «Үкілі Ыбырайға» арналған мына бір өлеңімен аяқтағанды жөн көрдік:

*Аққуға аспандағы үнін қосып,
Отырған қалың жұрты жолын тосып,
Бұлбұлды күміс көмей орға жықты,
Құманбай — Жұманбайлар итін қосып,*

*Шырқаған әні балдай қызыл асық,
Үніне нелер сұлу болған ғашық.
Атты жау ән қанатын қалықтаған,
Кеткен де белден асып, таудан асып.*

*Ақынды қартайғанда қамағанын,
Қосқанын оған көп ит қабағанын,
Не дерсің жетпісінде тұтқынға алып,
Сабазды абақтыда сабағанын.*

*Атыңнан айналайын, Ыбырайым,
Жаратқан сені бөлек бір Құдайым,
Әдемі ән, өткір тілді жау деп білген,
Жауызды бүгін басқа мен ұрайын.*

*Қазағым Үкілі деп еркелеткен,
Қыр менен Сыр бойына әні жеткен.
Шәкіртің Біржан сал мен Ақан сері,
Атқаны асқаны ғой шығып шектен.*

*Ойлаймын қасіретті өткенімді,
Езгіден, өктемдіктен шөккенімді.
Білмеймін қалай, қайтіп қайтармақпын,
Барымта жау қолында кеткенімді.*

*Ұшырдым бүгін көкке аққуыңды
Қайтардым ел-жұртыңа гәккуіңді.
Өзіңді өлтірсе де сұмырайлар,
Құлақтан құрта алған жоқ тәтті үніңді.*

Суырып салма ақындығына әншілігі, композиторлығына жыршылығы, бұған ойыншылығы қосылған әмбебап дарын, өрнекті өлеңнің гүлі, ақындық өнердің болат тұяқ мұзбалағы Үкілі Ыбырай бейнесі мен шығармасы болашақтың есігін айқара ашып, төрімізде төредей болып отыратынына кәміл сенеміз.

Әдебиеттер тізімі

- 1 Тарихи тұлғалар: Танымдық-көпшілік басылым / Құраст. Б.Тоғысбаев, А.Сужикова. — Алматы: Алматыкітап, 2006. — 241 б.
- 2 Қазақстан. Ұлттық энциклопедия. — 9-т. — Алматы: Қазақ энцикл. Бас ред., 2007. — 96-б.
- 3 Құнанбаев А. Шығармаларының екі томдық толық жинағы. — 1-т. — Алматы: Ғылым, 1977. — 39, 40-б.
- 4 Қазақ поэзиясының антологиясы (XX ғасырдың бас кезі). — Алматы: Ғылым, 1992. — 488 б.
- 5 Бекенов Ж. Қараторғай // Жұлдыз. — 1997. — № 2. — 188–190-б.
- 6 XX ғасырдың бас кезіндегі қазақ әдебиеті (Қазан төңкерісіне дейінгі дәуір). — Алматы: Ғылым, 1994. — 312 б.
- 7 Сүлейменов Ж. Аққуға аспандағы үнін қосқан // Қазақ әдебиеті. — 2010. — № 25 (3189). — 25 маус. — 6-б.
- 8 Жұбанов А. Замана бұлбұлдары. — Алматы: Дайк-Пресс, 2001. — 197 б.
- 9 Жақанов И. Пай-пай, жиырма бес // Егемен Қазақстан. — 2011. — 2 наур. — 5-б.
- 10 Қазақ әндерінің антологиясы: Екі томдық. — 1-т / Құраст. Ж.Кәрменов. — Алматы: Өнер, 1990. — 319, 320-б.
- 11 Салықов К. «Гәкку» жайлы үзік сыр // Көкшетау. — 2011. — № 1 (13).
- 12 Салықов К. Гәкку // Орталық Қазақстан. — 2009. — 7 наур. — 5-б.
- 13 Негимов С. Қазақтың сал-серілері. Ғылыми эсселер. — Алматы: Ана тілі, 2005. — 28-б.
- 14 Қарағанды. Қарағанды облысы: Энциклопедия. — Алматы: Атамұра, 2006. — 215-б.
- 15 Әлімбаев Д. Кенші жыры: Өлеңдер, толғаулар, ертегі, айтыстар / Құраст. С.Негимов, Б.Ысқақов. — Алматы: Жазушы, 1986.
- 16 Айтыс. — 1-т. — Алматы: Жазушы, 1965. — 556 б.
- 17 Жақсыбаев А. Иса ақын // Жұлдыз. — 2010. — № 6. — 31, 32-б.

Р.С.Каренов

О творчестве и судьбе поэта, певца и композитора Ибрая Сандыбаева

Дана характеристика творческой деятельности выдающегося поэта, певца и композитора прошлого столетия Ибрая Сандыбаева, автора многочисленных лирических стихотворений. Особую популярность ему принесла знаменитая песня «Гакку», имеющая четыре варианта. Указано, что в творениях поэта и певца нашли традиционные для отечественных импровизаторов качества: прямота, находчивость, смелость, красноречие. Отмечено, что поэт в своих произведениях воспевал любовные переживания, красоту родного края, силу знаний и призывал свой народ к духовной чистоте, справедливости, честности.

R.S.Karenov

About creation and fate of the poet, singer and composer Ibray Sandybayev

The characteristic of creative activity of the outstanding poet, the singer and the composer of last century Ibray Sandybayev is given. It is emphasized that his poetic gift was revealed and formed early. Also it is shown that Ibray — is the author of numerous lyric poems. Special attention is paid to that the song «Gakku» which has four variants brought him main popularity. It is pointed that the qualities peculiar to native improvisators are reflected in his works: straightforwardness, resourcefulness, courage, eloquence. It is noted that the poet sang of love experiences, beauty of the native land, power of knowledge and called the people for spiritual purity, justice, honesty in his works. It is proved that creative life of Ibray was many-sided and he gained wide recognition both as the poet, and as the composer, and as the singer.

ӨОЖ 821.512.122

Ж.Ж.Жарылғапов, А.А.Мирзахметов

Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті (E-mail: mirza_achmet@mail.ru)

Қазіргі қазақ прозасындағы романтизм

Романтизмге қатысты мәселелер, оның жаратылысы, романтикалық жанрлардың даму барысындағы типологиясы, жекелей романтикалық шығармалардың поэтикалық жүйесін зерттеу қазіргі қазақ әдебиеттануында ерекше көзге түсіп отыр. ХХ ғасыр әдебиеттануында көркемдік әдіс ретінде «романтизм» деген толыққанды ұғым қалыптасты. Романтизм тарихи үрдіспен қалыптасқан, аса күрделі әдеби құбылыс бола отырып, тамыры терең типологиялық зерттеулермен тығыз байланысты, қазақ прозасында романтизм еуропалық контекст арқылы анықталуда, анығырақ айтатын болсақ, әлем әдебиетіндегі жаңашылдықты, дамуды, әр түрлі романтизм түрлерін, әдеби дамудың алдыңғы және кейінгі кезеңдеріндегі арақатынасын ескеретін тарихи үдерісте зерттеліп келеді.

Кілтті сөздер: қазақ прозасы, қазіргі проза, проза, ұлттық таным, көркемдік әдіс-тәсілдер, әдеби жанрлар, романтизм, романтикалық үдеріс, әдебиет, әдеби тенденция, тәуелсіздік қаламгерлері.

Бүгінгі таңда ұлттық прозадағы романтизм мәселесі арнайы зерттелмей келеді. Кешегі социалистік реализмнің көлеңкесінде қалған шынайы романтизм — бүгінгі әдебиеттануымыздың өзекті мәселелерінің бірі.

Тәуелсіздік тұсындағы әдеби тенденцияны тұтастай алсақ, әдебиеттің бірнеше даму бағыттарын байқаймыз. Олар — дәстүрлі реалистік әдіс және модернистік, постмодернистік ағымдар. Сонымен қатар осы кезең прозасынның өкілдері (М.Мағауин, Б.Мұқай, Р.Тоқтаров, Т.Ахметжан, А.Жақсылықов, Х.Әдібаев, А.Алтай, Д.Рамазан, Д.Амантай, С.Сағынтай, Д.Бейсенбек, А.Мантаева, Л.Қоныс т.б.) 2000–2010 жылдары жарық көрген шығармаларынан романтикалық үдерістің де

айрықша орын алғанын байқаймыз. Қазақ прозасында алуан түрлі көзқарастардың, бағыттардың, көркемдік жүйелердің өзара үзеңгі қағыстыруы әдебиетті жаңа сапаға көшіріп, жаңа деңгейге көтереді. Әлбетте, тәуелсіздік идеясы қаламгерлерге жаңа серпін берді, туындыларына романтикалық рух дарытты. Сондықтан егемендік алған жылдардан бері қазақ прозасының мақсат-мұраты, тыныс-демі, өрнек-айшықтары да жаңаша, өзгеше болып қалыптасты.

XVIII ғасырдың аяғы мен XIX ғасырдың алғашқы жартысында, феодалдық-крепостнойлық қоғам іріп, ыдырап, буржуазия қанат жая бастаған дәуірде, орыс және Батыс Еуропа, Америка елдерінің рухани мәдениетінде: музыка, театр, бейнелеу өнері, эстетика, тағы басқа әдеби-көркем салаларда қанатын кеңге жайған идеялық көркемдік бағыт — романтизм (ағылш. *romanticism*, фр. *romantisme*, нем. *romantik*) болды.

Қоғам өміріндегі экономикалық өзгерістер идеологиялық мәселелер де әр алуан өзгеріс, әр түрлі көзқарастарды туғызды. Айналасында болып жатқан өзгерістерге, өмір құбылыстарына қалай қарау мәселесі, әсіресе көркемөнер, әдебиетте анығырақ.

Ақын, жазушылардың бір алуаны ескі феодалдық заманды аңсап, өткен күндерді мадақтап жырлауға, жаңа кезенді экономикалық дамулардың негізінде туа бастаған құбыжық етіп көрсетуге тырысты.

Екінші тобы жаңалықтың жаршысы болып, жақсылықты келешектен күтті. Бірақ бұлардың барлығына тән нәрсе — төңірегіндегі шындық болмысқа разы болмаушылық, төңірегіне өздерінің жеке идеяларын қарсы қоюшылық, бұл дүниені тастап, басқа бір дүниені аңсаушылық. Бұл романтизм күні өткен феодал табының идеологтарына да, жаңа капиталистік жолға түскен дворянстволарға да және буржуазия идеологтарына да, әсіресе ұсақ буржуазия идеологтарына да тән нәрсе болды.

Феодал табының өкілдері өз үстемдіктерінің құлауына разы болмады, сондықтан өткен өмірді аңсады, мистика, қиял дүниесіне жүгірді. Буржуазия сол кезде қожалықтарын әлі бекітіп болған жоқ еді. Сондықтан олар өмірдің барлық тарауындағы өздерінің тілегендерін асыра көрсетіп, нықтанқырап, өз мақсаттарын ұсынды.

Дамып, өсіп келе жатқан капитализмнен қысымшылық көре бастаған ұсақ буржуазия, бір жағынан, өткен күнді аңсап, өткен күнді асыра дәріптесе, екінші жағынан, қандай болары белгісіз алдағы күндерін де қиял етті. Бұл сықылды идея және көңіл-күйлері ол кездегі қоғам құрылысындағы зор қайшылықтар және белгілі бір қоғамдық құрылыстың әлі толық үстемдік ете алмауымен байланысты еді.

Жоғарғы айтылғандардың жиынтығы әдебиетте романтизмнің дәуірлеп өсуіне әкеп соқты.

Романтизм классицизммен, оның түр мен мазмұнға белгілі бір мөлшер қоюшылығымен және жазу жөніндегі тәртіптерімен күресе отырып, қалыптасты. Романтизм кім қай тақырыпты таңдайды, оны қалай суреттеп береді, бұл жағынан суретшінің ерікті болуын талап етті.

Шындық өмірден алыстап, болған нәрседен гөрі болуы керек деп аңсаған нәрсесін суреттеуші романтик жазушылардың шығармаларында дағдыдан тыс тарихи не географиялық жағдайларды немесе өзгеше бір жаратылыс не әлеуметтік орталарды алатындары өте жиі кездеседі.

Олардың бұл сықылды ерекшеліктері адамның мінездерін суреттеулерінде де мығым болып отырады. Романтикалық шығармалардың қаһармандары көбіне бір жақты және өте асыра дәріптелініп суреттелді. Бұлар не болмаған күшті, не болмаған әдемі немесе мүлде бұзылған, шектен шыққан, бұзақы, әйтеуір өзінің жаратылысында не іс-әрекеттерінде көңіл аударарлық бір қасиеті болады. Романтиктердің назарын аударған нәрсе де жайшылықтағы қалыптан үздік шыққан, дағдыдан тыс ерекшеліктер. Олар сол ерекшеліктерді не жақсы жағынан, не жаман жағынан көрсетті. Бірақ қалай көрсетсе де, дағдыдағы қалыптан өзгеше етіп суреттеді.

Романтизмнің адамзат мәдениеті дамуындағы тарихи рөлі зор. Ол көптеген елдердің рухани мәдениетін гуманистік идеялармен байытты. Романтизм бағытында туған туындылардың кейіпкерлері әдетте болмыстың ырқымен келіспейтін, жақсы өмір, бақыт, азаттық үшін күресетін күшті жандар болып келеді. Романтизм туындарының тілінде әсірелегіш суреттер мол ұшырайды. Адамның бас бостандығын, ірі іс-әрекеттерге ұмтылыстарын мадақтау — романтизм туындыларына ортақ қасиет. Кейде романтиктер туындыларында өмірден түңілушілік, тағдырға бас июшілік сарыны бой көрсетеді. Романтиктер өздерінің мұратына сай келетін өмір материалдарын өткеннен де, келешектен де қатар іздейді. Романтиктер ауыз әдебиеті, тарих, дін, өнер мәселелерін өз идеяларын насихаттау құралы ете білді. Олар дүние жүзі өнерінде тұңғыш рет адам жанының иірімдерін, тұңғыш тереңін ашып көрсетті.

Әдебиеттануда романтизм:

- біріншіден, көркем шығармада өмір шындығын бейнелеудің бір тәсілі, көркемдік әдіс;
- екіншіден, XVIII ғасырдың аяғы мен XIX ғасырдың басында Еуропа мен Америка елдерінде пайда болған, осы әдісті қалыптастырған әдеби бағыттағы XVIII ғасырдың ортасында «романтика» сөзі ағылшын поэзиясында шығармашылық пафосты таныту мақсатында қолданылды. Сол кездегі эстетикалық түсінік бойынша ол поэзияның, әсемдіктің ажырамас бөлігі болуға тиісті ғажайып, құпия, жұмбақ нәрсе ретінде қабылданды.

Ал XVIII ғасырдың аяғында Германияда «романтикалық поэзия» жаңа әдеби бағыттың шығармашылық принциптерінің тұтастығын танытатын термин ретінде қолданылып, «Иен мектебінің» теоретиктері (ағайынды Шлегельдер, Новалис, Ваккенродер, Тик) алғаш рет романтизмнің біршама толыққанды теориясын жасады. Бұл поэзия ереже мен дәстүрді, өмір заңдылығын мүлде мойындамайтын еркін поэзия ретінде қабылданды.

Романтизмге толыққанды әмбебап анықтама беру мүмкін емес, ол әр ұлт әдебиетінде әр түрлі көрініс тапқан. Романтизмде ортақ ұқсастықтармен қатар бір-біріне мүлде ұқсамайтын әр тектілік те бар. Романтизмнің даму кезеңдеріне ортақ типологиялық белгілер:

- қоғамға көңілі толмау;
- оған өзінің идеалын қарсы қою;
- өмірге сын көзімен қарау;
- рухани азғындыққа қарсылық;
- заман шындығынан аулақ кетуге ұмтылыс;
- арман, қиял;
- өткенді дәріптеу;
- азаттық, бостандық идеясы;
- фольклорға, тарихқа ден қою;
- кейіпкерлерінің «ерекше» болуы;
- көтеріңкі эмоционалды стиль;
- қайғы-мұңға, ғажайып-құпия, фантастикалық жайттарға құштарлық;
- лиризм, патетика, әсірелеу т.б.

Романтикалық шығармаларда бейнелеу құралдары, әсерлі суреттеулер (эпитет, теңеу, метафора, ұлғайту, шендестіру, символ) мол кездеседі.

Ұлттық әдебиетіміздегі романтизмнің қалыптасуы сырттан келген, кездейсоқ құбылыс деген пікір негізсіз. Шындығында, романтизм құбылысы қазақ прозасындағы фольклорлық дәстүрімізден бастау алып, өзіндік романтикалық бейнелеу тәсілдері арқылы қазақ прозасының қалыптасу кезеңінде алғашқы романдарымен еніп, әңгіме, повестердің көркемдік-эстетикалық құрылымынан көрініс тапты.

Қандай да бір ұғымды терең тану үшін, оның түп-тамырына, қайнар көзіне үңілу қажет. Романтизм құбылысын саралау үшін де оның тарихи-әлеуметтік негізіне жіті назар аударып, әдеби бағыт ретіндегі дүниеге келгеніне себеп болатын тарихи жағдайларды бағамдап алған абзал.

Жоғарыда келтіргендей, қазақ романтизмі ұлттық әдебиеттің өзіне дейінгі дәуірлерінен бастау алып, ұлттық фольклорлық дәстүріміздің қайнар көзінен сусындаған. Ықылым заман еншісіндегі лиро-эпостық жырлардың өн бойына романтизм көріністерін байқаймыз. Одан бері де қазақ әдебиетінде романтикалық леп елдің еркіндігін, азаттығын аңсау идеясынан туындап жатты. «Алаң да, алаң, алаң жұртымен...» бірге «...күңіреніп, күн түбінде жортқан» баһадүр ақын-жыраулар поэзиясында ел бірлігі, атамекен, туған жер басты тақырыптар болды. Романтизм элементтері қайнауға жатқан ғасырының қоғамдық-әлеуметтік мәселелерін қозғауда, қаһармандық пафоста, оқиға динамикасында, ат үстіндегі жауынгерлік өмір салтын дәріптеуде жоғары көркемдік деңгейде жүзеге асты. Жыраулардың өз «Менін» паш етуі, шаршы топ алдында биік те асқақ жүрекжарды сөзі, дүниенің баянсыздығы мен өзінің жалғыздық болмысын сезіну сияқты романтикалық ойлау жүйесіне тән белгілер олардың жырларында көріне бастайды.

Қазақ әдебиетіндегі романтизм әлемдік әдеби құбылыстың бір бөлшегі бола тұра, өзіндік ұлттық ерекшеліктерімен оқшауланады. Жоғарыда келтірілгендей, халық ауыз әдебиеті үлгілерінен көрініс тапқан романтикалық белгілер XV–XVIII ғасырлардағы жыраулық поэзияда қаһармандық-жауынгерлік, азаттық-патриоттық рухта көрініс тапты. Қазақ әдебиетінде романтизмнің тегеурінді көрінген тұсы XIX ғасырда болды, ол ұлттық сөз өнері дамуының маңызды факторы саналды. XIX

ғасырда романтизм әдісі жазба әдебиетте толық қалыптасып, өткен ғасырдың басында кемелденді. Дәуір алмасуы кезіндегі саяси және идеологиялық дағдарыстар, ұзақ уақыт жат елдің езгісінде болған ұлт санасының қайта оянуы, ұлттың өзін-өзі тануы романтизмді дамытушы негізгі қоғамдық факторлар болды.

Тарих парақтарын ақтаратын болсақ, алмағайып заманда етігімен су кешіп, арғымағы ауыздығымен су ішкен, қазақтардың орыс отаршылдарымен қарсыласып жатқан уақыттарда өмір сүрген Махамбет Өтемісұлы романтизмі Исатай Тайманұлы бастаған ұлт-азаттық көтеріліспен бірге туып, азаттық бағытында өрбісе, «Зар заман» ақындары шығармашылығында орыс отаршылдығына қарсы болған, өз дәуірінің рухани болмысына қанағаттанбаған мінезден көрінді. «Отаршылдыққа, бодандыққа бойсұнбау мотиві зар заман ақындарының шығармашылығында жаңа қырынан көрініп, ХІХ ғасырда Дулат, Мұрат, Шортанбай ақындар бұл тақырыпты жеріне жеткізе жырлады. Зар заман шайырларының шығармашылығында дәстүрдің бұзылуы, жердің тарылуы, діннің әлсіреуі сынды өзгерістер өткен заманға карама-қарсылықта сипатталды» [1; 58].

Қазақтың ғана емес, ғаламның бағына жаралған Абай Құнанбаев әлем әдебиетіне романтизмнің айқын белгілерін көрсетті, өзіндік Абай дәстүрін қалыптастырды, бұл табиғи үрдіс ХХ ғасыр басында рухани жаңғыруға үндейтін М.Дулатов, С.Торайғыров, М.Әуезов, Ж.Аймауытов, М.Жұмабаев шығармаларында өз жалғасын тапты. Абай романтизмінен өзге елдің билігі әсерінен халықтың ыдырап, ұсақталуына қынжылыс байқалды. Ал Ақылбай мен Мағауия сюжетке құрылған романтикалық поэмаларында («Қисса Жүсіп», «Медғат — Қасым») «ерекше жағдайда ерекше мінез жасау» арқылы индивидуалдық романтизмге жол салды.

М.Жұмабаевтың көркемдік жаңалығы — «Шолпанның күнәсі» шығармасында екіұдай күйге түскен жеке тұлғаның карама-қарсы сезімдер арасындағы арпалысын шеберлікпен суреттеуі еді. Қаламгердің шығармашылығында өмірді романтикалық тұрғыда бейнелеу сипаты айқын, адам болмысының сан қилы қырлары, сезім иірімдері тереңінен қозғалады [2].

М.Жұмабаев шығармашылығында романтизм «тұтас дүниетаным мен көркемдік-эстетикалық жүйе» ретінде күрделі, дәйекті дәрежеге жетті [3]. Ал С.Сейфуллин («Айша», «Жұбату»), С.Ерұбаевтың романтикалық рухтағы «Бақыт», «Мәңгілік өмір» новеллаларынан, «Менің құрдастарым» романынан сұлулықты дәріптеген мінезін, ой мен сезім тереңдігін, азаматтық болмысындағы арманшылдықты аңғарамыз. Жазушының новелла, балладалары жаңадан қалыптасып жатқан прозамыздың жанрлық тұрғыдан дамуына елеулі үлес қосты. ХХ ғасырдың басында Б.Күлеев, М.Жұмабаев поэзияларында романтизм биік деңгейде көрінді. Мағжан романтикалық поэмалардың әлемдік деңгейдегі озық үлгілерін әкелді («Батыр Баян», «Қорқыт», «Қойлыбайдың қобызы» т.б.).

Кенес дәуіріндегі әдебиетте романтизм реализммен кіріге жаңа сипат алып, өмірдің жарқын тұстарын бейнелеуге, кейіпкердің ішкі сезім-сырларын жеткізуге қызмет етті. Сөйте тұра романтизм бүкіл адамзаттың, ғаламның, өз дәуірінің, қоғамының трагедиясы мен мұң-зарын көрсете білді, кейде тіпті оны шешуге ұмтылыс жасады. Романтизмнің әдебиетке әкелген жаңалықтарының бірі — адамды тануға деген құштарлық. Романтик қаламгерлер адамның жан дүниесіне, ішкі психологиясына үңіле отырып, оның рухани әлемінің құпиясын, тереңдігі мен күрделілігін, шексіздігін танытуға күш салды.

М.Әуезовтің алғашқы әңгімелерінде («Қорғансыздың күні», «Қаралы сұлу») жеке тұлғаның күрделі табиғаты мен дүниетанымына байланысты романтикалық стиль айшықтары айқын аңғарылады.

ХХ ғасыр басындағы әдеби процессте ұлттық психологиялық прозаны қалыптастырып, дамытуға ерекше үлес қосқан жазушы Жүсіпбек Аймауытов болды. «Ақбілек» романында қазақ қызының тағдыры шынайы суреттелгенімен, романтикалық бейнелеу тәсілдерін байқаймыз. Жазушы Ақбілек пен орыс офицерінің «ерекше» қарым-қатынасын, таудағы тосын тіршіліктерін романтикалық ыңғайдағы бейнелі көріністер арқылы суреттейді. Ауылын шапқан, анасын өлтірген, өзін зар жылатқан қас жауын Ақбілектің жек көруі тиіс. Алайда алғашқыда оның санасында туған ашу мен жек көру сезімі кейіннен басқа реңк алады. Екіұдай күйге түскен қыздың ойын, ақылы мен сезімінің қақтығысын жазушы дамылсыз құбылу үстінде бейнелейді. Сонымен қатар романда Ақбілектің өмірге деген құштарлығы анық көрінеді. Орыс әдебиетіндегі М.Лермонтовтың «Біздің заманымыздың қаһарманы» романында орыс офицері Печориннің черкес қызы Бэланы алып қашуы, екеуінің тосын тіршілігі, махаббаты, А.Пушкиннің «Кавказ тұтқынындағы» тұтқын офицер мен ауыл қызының арасындағы романтикалық ситуация Ақбілек пен орыс офицерінің қарым-қатынасына тым ұқсас.

Романтизм еуропалық мәдениетте әдеби бағыт ретінде ағартушылық дәуіріне қарсы болса, қазақ қаламгерлерінің (Ш.Құдайбердиев, С.Торайғыров, Ж.Аймауытов) шығармаларында романтикалық таным ағартушылық идеялармен сабақтасып жатты. Бұл — қазақ және еуропалық романтизмнің айырмашылығы [4; 29].

Романтизм қазақ топырағында өзінің таза, еуропалық үлгісінде болған жоқ. Еуропалық романтикалық қиялшылдық уақыт пен кеңістік тұрғысынан сол тұстағы өмірден біршама алыс тұрса, қазақ романтизмінің құрылымы заманымен орайлас жатып, өз кезеңімен үндестік тауып отырды. Ортасын олқы көрген тұлғаның жинақталған бейнесі жасалғанымен, ол дәуірінің, сол кезеңнің адамы болды. Алыс мекендер де, экзотикалық шалғай жерлер де суреттелген жоқ, оқиға көбінесе таныс ортада, қазақ қоғамында өтеді.

Романтиктердің шығармашылығында мифтік сюжеттер оқиға құрылымынан жиі орын алады. Олар мифтерге жаңа мазмұн беріп, оны қайтадан жасады. Мифті романтиктер «уақыттан тыс рухани бағдар» деп, «халықтың рухын» бейнелейтін, универсум туралы шынайы және тұтас түсінік қалыптастыратын шығармашылықтың түрі ретінде қабылдады. Романтиктердің мифологиялық сюжеттерге деген құштарлығын қоғам дамуының өзекті мәселелерінен ауытқу деп түсінбеу керек. Романтик-суреткерлер адамзаттың балаң кезінде жасалған рухани дүниелер — мифтер мен мифтердегі образдылықты жаңа көркемдік мақсатқа ғана емес, өз дәуірінің маңызды мәселелерін шешуде оларды түрлендіріп пайдаланды.

Қай кезеңде, қай ұлттың әдебиетінде болмасын романтик суреткерлердің көне дәуірлердің көркемдік тәжірибесіне, фольклорлық мифтерге деген ықыласы ерекше болды. Олар мифтік, фольклорлық шығармалардың идеялық желісін, мифологиялық кейіпкерлерді, архетиптік сарындарды көркемдік мүддеге сай пайдаланды. Халықтың рухын бейнелейтін мифтерге жаңа мазмұн дарытып, өз мифологиясын тудырды.

Романтикалық мифологема сонымен қатар дәуірдің рухын бейнелейтін өздерінің мифтік образдарын жасады. М.Жұмабаев шығармаларындағы «Қойлыбайдың қобызы», Ә.Кекілбаевтың «Аңыздың ақыры» романындағы «мұнара», С.Санбаевтың «Ақ аруанасы», «Бекет бақсысы», О.Бөкеев шығармаларындағы «Бура», «Кербұғы» бейнелері хақында осыны айтуға болады. Олар халықтың өткеніне, рухани мұрасына айрықша мән беріп қана қоймай, өз мифологиясын жасай алатынын дәлелдеді. Романтиктер мифтің шығармашылық потенциалын, оның адамзат үшін уақыттан тыс мәнін белгіледі. Осының негізінде романтиктердің бүгінгі күні мифті жаңғырту мен қайта жасауына ұмтылысы күшейіп, қазақ прозасында 70-жылдардан бастап жаңа мифология идеясы туды.

Аталмыш құбылыс әдеби бағыт ретінде белгілі дәуірмен, нақты тарихи жағдайлармен байланысты болса, көркемдік әдіс ретінде әлдеқайда кең мағына береді. Академик З.Қабдолов әдістің қайталанып отыратын тұрақты құбылыс екенін нақтылай отырып, романтизмді көркемдік әдістің біріне жатқызады [5; 12].

З.Ахметов романтизмге тән бейнелеу тәсілдерінің XX ғасырда жаңа сипат алып, дами түскенін және романтизмнің «негізгі принциптері көркем өнердің табиғатына сай болғандықтан, алдағы уақытта да қолданыла беретінін» жазады [6].

Т.Кәкішұлының қазақ әдебиетінің дамуында ерекшеленіп, «әлі күнге дейін тамсандырып келе жатқан көркемдік амал — романтикалық суреттеу тәсілі» деп ашық көрсетті [1; 74].

Романтизм — басқа әдеби әдістер сияқты, болмысты бейнелеудің спецификалық бір формасы.

Қоғамды қамтитын алуан түрлі көңіл-күйлердің, сезімдердің барлық ренктері романтизмде нақты көрініс табады. Тарихтың қиын-қыстау өтпелі тұсында, болашаққа деген сенім бұлыңғыр тартқан сәттерде романтизм құбылысы түлеп, күшейеді де, келешекті болжаудың көркемдік құралына айналады. Заманының әлеуметтік жағдайына көңілі толмау, айналадағы өмірге сын көзімен қарау, әсем идеал мен нақты болмыс арасындағы ымырасыздық, субъективті әлемге көбірек ден қою — романтизм эстетикасына тән белгілер. Осы орайда жеке тұлғаны, оның ішкі әлемін жеке ғарыш ретінде қарастыру, адам рухының еркіндігі және сол рух еркіндігін бар болмысқа қарсы қоя отырып, өмірдегі бар нәрсе туралы емес, болуы мүмкін дүниелер туралы ойлау романтикалық идеялардың тууына алғышарттар қалыптастырды.

Шын болмыс пен арман, идеал арасындағы ымырасыздық, өмірдегі бар нәрсе мен болуы ықтимал, мүмкін дүниені бір-біріне қарсы қою — романтизм эстетикасындағы айқын белгілердің бірі. Романтиктердің күнделікті күйкілікке, өзгермейтін, қалыпты тоғышар тірлікке қарсы тұруы да тегін емес. Романтизм суреткердің дүниетанымымен, оның өмірге көзқарасы мен оны түсініп

кабылдауымен тығыз байланысты. Романтизм — адамның биікке, асқақтыққа деген ұмтылысы және осы беймәлімге ұмтылушының ішкі рухани дүниесі [7].

Замана, дүние қайшылығын түгелдей шешіп тастауды армандайтын романтиктер әлем әдебиетінде тұңғыш рет адам жанының аса күрделі ішкі әлемін, оның тұңғыық иірімдерін ашып көрсетті. Адамға, оның сезіміне, санасына әсер етіп, оны тұлға ретінде қалыптастыру романтизмнің көркемдік жетістігі болды [5; 97].

Романтизм сан қырлы. Оны реалистік өнерге қарсы қойып немесе сол реализм заңдылықтары бойынша бағамдау мүмкін емес. Күнделікті күйкі тірліктен жоғары тұрып, асқақ арман әлеміне ұмтылғанымен, романтизм де қоғам шындығын өз тұрғысынан бейнеледі. Жазушының дүниедегі, айналасындағы құбылыстарға, өмір шындығына өз дүниетанымы тұрғысынан баға беруі, авторлық «меннің», авторлық дүниетанымының айқын көрінуі романтикалық бейнелеу тәсілінде айрықша орын алады. Шын болмыс пен арман, идеал арасындағы ымырасыздық, өмірдегі бар нәрсе мен болуы ықтимал, мүмкін дүниені бір біріне қарсы қою — романтизм эстетикасындағы айқын белгілердің бірі. Романтиктердің күнделікті күйкілікке, өзгермейтін, қалыпты тоғышар тірлікке қарсы тұруы да тегін емес. Романтизм суреткердің дүниетанымын, оның өмірге көзқарасы мен оны түсініп қабылдауымен тығыз байланысты. Романтизм — адамның биікке, асқақтыққа деген ұмтылысы және осы беймәлімге ұмтылушылардың ішкі рухани дүниесі.

Бүгінгі таңдағы әдеби әлемдегі шығармашылық үдерістегі романтизмнің жаңаша пошымдары мен әдіс-тәсілдері жаңаша зерттеуді қажет етеді. Романтизмнің ұлттану мәселесіне әдеби тұрғыдан қосқан үлесі мол. Романтиктер ұлттық рух пен мәдени құндылықтарға аса қызығушылық танытты. Олар өткен тарихты бағалап қана қойған жоқ, оны өздерінің сан қырлы әлеуметтік, эстетикалық тұжырымдарына тірек етті. Романтизмнің мұндай ерекшеліктері көркем пішіннің жаңаруына: тарихи роман, психологиялық, фантастикалық повесть, әңгіме жанрларының, лиро-эпикалық поэмалардың пайда болуына, лириканың тақырыптық, идеялық ауқымының кеңеюіне зор әсерін тигізді. Романтизм әдебиетке жаңа тақырып, жарқын кейіпкерлер әкелді, сөз өнерін көркемдік ерекшеліктермен байытты. Қазақ әдебиетінде Ғ.Мүсірепов, І.Есенберлин, Ә.Әлімжанов, Ә.Нұрпейісов, Ә.Кекілбаев, О.Бөкеев, Қ.Аманжолов, Т.Айбергенов, О.Сүлейменов, тағы басқа қаламгерлер қалап кеткен қабырғалы «романтизм» бағытын бүгінгі таңда талантты жазушылар да қалт жібермей, өз мүмкіндіктерін ұтымды пайдалануда.

Қорыта айтқанда, қазіргі қазақ прозасындағы көркем шығармаларда романтикалық бастау адам рухының асқақ сәттерімен, жалпы адамзаттық құндылықтармен астасып жатыр. Романтикалық көңіл-күй қашанда адамның жан дүниесі мен рухани сергектікті ұлықтаудан және жердегі кез келген сұлулыққа, қайырымдылыққа тебіреніп, бейжай қала алмаудан туындауда. Қазақ прозасында романтикалық және реалистік бастаулардың бір бірімен алмасып келіп отыратыны айқын аңғарылады. Бұл ретте қазақ прозасында романтизмді реализм алмастырды деп келетін қарабайыр түсініктің ескіргенін, екеуінің де қатар, жарыса жүргенін атап өту орынды.

Әдебиеттер тізімі

- 1 *Кәкішұлы Т.* Жанр жайлауы.: Оқу құралы. — 1-к. — Алматы: Қазақ ун-ті баспасы, 2007. — 462 б.
- 2 *Елеукенов Ш.* Мағжан. — Алматы: Санат, 1995. — 26-б.
- 3 *Майтанов Б.Қ.* Сөз сыны (XX ғасыр әдебиетінің көріністері). — Алматы: Ғылым, 2002. — 184-б.
- 4 *Қирабаев С.С.* Көп томдық шығармалар жинағы. — 1-т. — Алматы: Қазығұрт, 2007. — 456 б.
- 5 *Қабдолов З.* Екі томдық таңдамалы шығармалар. — 2-т. — Алматы: Жазушы, 1983. — 392 б.
- 6 *Ахметов З.* Романтизм // Әдебиеттану. Терминдер сөздігі / Құраст. З.Ахметов, Т.Шаңбаев). — Алматы: Ана тілі, 1998. — 89-б.
- 7 *Жанұзақова Қ.* Қазақ прозасындағы романтизмнің көркемдік әлемі (XX ғасырдың екінші жартысы): Автореф. дис. — Алматы, 2010. — 19-б.

Ж.Ж.Жарылғапов, А.А.Мирзахметов

Романтизм в современной казахской прозе

Проблемы, связанные с поэтикой романтизма, ее эволюцией, типологией романтических жанров в их развитии, изучением поэтической системы отдельного романтического произведения, привлекают особое внимание исследователей современного казахского литературоведения. В литературоведении XX века было изжито представление о «неполноценности» романтизма как художественного метода. Конкретно-историческое изучение романтизма как сложного, целостного историко-литературного явления соединяется с историко-типологическими исследованиями, изучается романтизм в контексте европейского, а вернее, мирового историко-литературного процесса с учетом его новаторства, эволюции, различных типов романтизма, их соотношения с предшествующими и последующими периодами литературного развития.

Zh.Zh.Zharylgapov, A.A.Mirzahmetov

Romanticism in modern Kazakh prose

The problems connected with poetics of romanticism, its evolution, typology of romantic genres in their development, study of poetic system of separate romantic work draw more and more steadfast attention of modern Kazakh literary criticism. The literature of the XX-th century eliminated the notion about deficiency of romanticism as a literary method. Concrete historical study of romanticism as a complex, cohesive literary-historical phenomenon is connected with the historical and typological studies, romanticism is studied in the context of European, exactly, within the world's literary-historical processes based on its innovation, evolution, and different types of romanticism, their interrelation with the preceding and subsequent periods of literary development.

ӘОЖ 82(091):821.512.122

С.Б.Жұмағұл, Е.Сармурзин

Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті (E-mail: nuray28@mail.ru)

XX ғасыр соңындағы алаштану ілімі (1988–1991 жылдардағы зерттеулер негізінде)

Мақалада XX ғасыр соңындағы қазақ әдебиеттануындағы күрделі өзгерістер Алаш әдебиеті тұлғаларының зерттелуі тұрғысынан қарастырылды, атап айтқанда, Алаш интеллигенциясының көрнекті өкілдерінің еңбектері негізге алынды. Аталмыш бағыт өкілдерінің әдеби және ғылыми мұраларын зерттеудегі басты қадамдар анықталып, белгіленді. Кеңестік тоталитарлық жүйенің күйреуімен сабақтас Алаш арыстарының әдеби және ғылыми мұрасын зерттеудегі маңызды қадамдар анықталып, сол кездегі қазақ әдебиетінің «алтын» бағыты болып табылатын Алаштану ілімінің ғылыми бағыт-бағдары талданды.

Кілтті сөздер: алаштану, XX ғасыр соңындағы қазақ әдебиеті, әдебиеттану, әдеби мұра, Алаш арыстары, тоталитарлық жүйе, Алаш мұрасы, қазақ әдебиеті.

Қайта құру мен жариялылық талабына сай СОКП ОК «30–40-жылдар кезеңі мен 50-жылдар басында орын алған репрессиялармен байланысты материалдарды қосымша зерттеу туралы СОКП ОК Саяси бюросының комиссиясын құру туралы» (1987.28.IX), «Заңсыз қуғын-сүргін, репрессиялар құрбандарына ескерткіш орнату туралы» (1988.4.VII), «30–40-жылдар және 50-жылдар басында заңсыз репрессияланған тұлғаларды ақтаумен байланысты жұмыстарды аяқтауға қатысты қосымша іс-шаралар туралы» (1988.11.VII), «30–40-жылдар кезеңі және 50-жылдар басында орын алған репрессияларда құрбан болғандарға қатысты әділдікті орнатуға байланысты қосымша іс-шаралар туралы» (1989.5.I) бірнеше Қаулы қабылдады [1]. Ал «Әдебиет пен өнер мәселелері бойынша 30–40-шы жылдар кезеңі мен 50-ші жылдар басында қабылданған қаулыларды зерттеу жөніндегі Қазақстан

Компартиясы Орталық Комитеті Комиссиясының қорытындысы» [«Қ.Ә».1989.15.XII], «ВКП (б) Қазақ өлкелік комитеті, Қазақстан КП (б) Орталық Комитетінің және Қазақстан Компартиясы Орталық Комитетінің 20–40-шы жылдар мен 50-ші жылдардың басында идеология, тарих және республиканың тарих ғылымы мәселелері бойынша қабылдаған кейбір қаулылары туралы Қазақстан Компартиясы Орталық Комитеті Идеологиялық Комиссиясының қорытындысы» [«Қазақстан коммунисті», 1991, № 10] қазақ ұлтының да тұтас рухани әлемін шарпыған тоталитаризм зардабына үңілдірді. Ол кеңестік идеологияның күштеп танған санадағы үрей мен құлдық психологиядан арылуға серпін беріп, рухани азаттыққа бастады.

XX ғасырдың соңғы ширегі тоталитарлық жүйе қысымындағы саяси-әлеуметтік өмірдің тарихи шындығын түбірлі қалпына келтірудегі түбегейлі өзгеріске толы кезең болды. Ол отандық әдебиеттануға әміршіл-әкімшіл саяси идеология зардабын шеккен ұлттық құндылықтардың болмыс-бітімін тұтастықта ашуға, кешенді қарастыруға мүмкіндік берді. Оған Қазақстан Компартиясы Орталық Комитетінің «Ақын Шәкәрімнің творчестволық мұрасы жөнінде» [«Қ.Ә», 1988, 15.IV], «Қазақ ССР Прокуратурасында» [«Қ.Ә», 1988, 23. XII], «Қазақстан Коммунистік партиясының Орталық Комитетінде: Мағжан Жұмабаевтың, Ахмет Байтұрсыновтың және Жүсіпбек Аймауытовтың творчестволық мұрасы туралы» [Қ.Ә, 1989, 6.I], «Міржақып (Мир-Якуб) Дулатов» [«Қ.Ә», 1989, 28.VII] және әдебиет пен өнер мәселелері бойынша 1930–40 жылдар кезеңі мен 50-жылдар басында қабылданған идеологиялық қаулы-қарарлардың күшін жоюы түбегейлі жол ашты [«Қ.Ә», 1989, 15.XII].

Сталинизмнен өрістеген тарихтың «ақтаңдақтар» атанған ауыр зардаптарын объективті тануға соны серпін берген аталған құжаттар фольклорлық мұралардан бастап, XIX ғасыр және XX ғасыр басындағы ұлт әдебиетінің айтулы тұлғаларының мұрасын жариялау және зерттеуді отандық ғылымның басты нысаны, өзекті мәселесі етіп қойды. Тарихи мәні зор құжаттарда: «Шәкәрімнің әдеби творчествосы идеялық-тақырыптық мазмұнының ауқымдылығымен, әсерлі де көркемдік қуатының молдығымен ерекшеленеді. Жалпы алғанда оның творчестволық мұрасы мол да, мағыналы және ол XIX және XX ғасырдың басындағы қазақ әдебиетінен ерекше орын алады. Бұл мұра ұзақ жылдардағы «үнсіздік» пен нақақ жаладан кейін халыққа оралуға тиіс» [2], «Қазақстандағы Алаш буржуазиялық-ұлтшылдық партиясы мен Алашорда үкіметінің басшыларына кешірім жасау туралы Бүкілресейлік Орталық Атқару Комитетінің 1919 жылғы 4 апрельдегі шешіміне қарамастан, белгілі әдебиетшілер М.Жұмабаев, А.Байтұрсынов, сондай-ақ Ж.Аймауытов 1930 және 1937–38 жылдары социалистік заңдылықтардың тым өрескел бұзылуы жағдайында негізсіз қылмысты жазаға тартылып, контрреволюциялық антисоветтік қызметпен айналыпты-мыс деген желеумен өлім жазасына кесілген болатын. Биыл Қазақ ССР Прокуроры республика Жоғарғы сотының сот коллегиясына үкімді жоюды және аталған адамдардың әрекеттерінде қылмыс құрамының болмауы себепті олар жөніндегі істі тоқтатуды талап еткен наразылықтар енгізген еді. Қазақ ССР Жоғарғы соты наразылықтарды республика прокурорының қатысуымен қарай келіп, оларды толық көлемінде қанағаттандырды. А.Байтұрсынов, М.Жұмабаев және Ж.Аймауытов жөніндегі істер тоқтатылып, олар ақталды» [3], «Қазақстан Компартиясы Орталық Комитетінің комиссиясы жеке адамға табыну кезінде жазықсыз жазаға ұшыраған және социалистік заңдылықты бұрмалаудың құрбаны болған М.Жұмабаевтың, А.Байтұрсыновтың, Ж.Аймауытовтың қоғамдық-саяси, ғылыми-педагогикалық және әдеби қызметі жөніндегі тарихи шындықты толық көлемінде қалпына келтіру қажет деп санайды» [4] деп атап көрсетілді. Ал, М.Дулатұлына қатысты қаулыда Амангелді өліміне Алаш қайраткерлері, соның ішінде Міржақып тікелей айыпты деген саяси догмаға құралған тарихи деректер терістелді: «Шындығына келсек, мұның өзі документтердің де, көзкөргендердің куәлігімен де дәлелденбеген. Сөйте тұра мұнан кейінгі жылдарда да публицистика, тарихи және көркем әдебиет, жеткілікті болмаса да, Алашорданың басшылық етуімен халыққа қарсы жасалған қиянаттың бәрін оның бір басына жапсыра бергендігі де анық. М.Дулатовтың аса бай шығармаларының мұрасына теріс көзқарастың қалыптасуына осындай пиғыл қатты әсер етті» [5].

Әдебиет пен өнер мәселелері бойынша қабылданған қаулы-қарарлардың күшін жоюы XIX ғасырдағы орыс отаршылдығын батыл әшкерлеп, еркіндігінен айрылған халық қайғы-зарын жырлаған «зар заман» ақындары мұрасын, екіншіден, ұлт азаттығына негізделген азаматтық ұстанымы, өнердегі эстетикалық мұрат-мақсаты кеңестік саясатпен мүлде үйлеспейтін отаншыл рухты әдебиет тұлғалары мен мәдениет қайраткерлерінің ғылыми, әдеби мұраларын жариялау, шығармашылық және қоғамдық қызметін зерттеу — әдебиеттанудың тұтас тарихын жаңаша қарастыру, сол арқылы таным үрдісіне күштеп танылған қате теориялардан арылу міндеттерін

жүктеді. Сондықтан да қазақ әдебиетінің тарихын зерттеудегі маркстік-лениндік ілімдегі қателіктерден түбегейлі арылу, әдебиетіміздің толымды тарихын жасау талабы туындады. Атап айтқанда, Ш.Елеуеновтің «Мақсат үлкен, міндет зор» [«Қ.Ә», 1988, 18.III], М.Қаратаевтың «Туған әдебиетіміздің толымды тарихын жасайық» [«Қ.Ә», 1988, 2.IX], Т.Кәкішевтің «Қағидаға айналған қателер түзелсе» [«Жұлдыз», 1988, № 11], С.Қирабаевтың «Қайта құру және әдебиеттану» [«Қ.Ә», 1989, 18.VIII], Р.Нұрғалиевтың «Әдебиет тарихы мен теориясының өзекті арналары» [«Қазақстан мектебі», 1990, № 6] проблемалық мақалаларында қазақ әдебиетінің ғылыми жүйеге келтірілген тарихын жасау мәселелері көтерілді.

1989 жылдың 14 желтоқсанында Ғылым академиясы М.О.Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институтының ұйымдастыруымен «XX ғасырдың бас кезіндегі қазақ әдебиетінің мәселелері» тақырыбында өткен ғылыми-теориялық конференция мақсаты да әдебиеттанудың келелі мәселелерін байыпты қарастырудан туындады. Ш.Сәтбаеваның «XX ғасырдың басындағы қазақ әдебиеті тарихын зерттеу мәселелері», М.Қаратаевтың «Шәкәрім Құдайбердиев және XIX ғасырдың соңы мен XX ғасырдың бас кезіндегі қазақ әдебиеті», З.Ахметовтың «XX ғасырдың басындағы әдеби процесс және теориялық-методологиялық мәселелер», Ш.Елеуеновтың «Батыс-шығыс әдеби тоғысуы проблемасы және Мағжан Жұмабаев», Ж.Ысмағұловтың «А.Байтұрсынов пен М.Дулатов творчествосындағы идеялық-көркемдік ізденістер» баяндамаларында XX ғасыр басындағы ұлт әдебиеті тарихын кешенді зерттеудің басты міндеттері айқындалды. Мәселен, З.Ахметов Алаш арыстары мұрасының ақталуы әдебиеттануда ғасыр басындағы әдеби үрдісті қарастырудың әдістемелік негіздерін түбірлі қайта қарау, сан жылдар бойы үстем болып келген қасаң қағидалардан арылу, көркемдік дамуды тарихи сабақтастық тұрғысынан саралау талабының туындап отырғанын: «Своеобразие казахского литературного процесса начала XX в. можно понять лишь в том случае, если рассматривать литературу в неразрывной связи с историческим развитием общества, важнейшими социальными событиями предреволюционных лет» деп түйді [6], — Ахмет Байтұрсынов пен Міржақып Дулатов туындыларын арқау еткен Ж.Ысмағұлов қос тұлғаның ағартушылық қызметтерінің ерекшеліктері ел азаттығын көздеген қайраткерліктерімен біте қайнасқанын, соған сай шығармашылықтарында елдік пен ерлік дәстүрін жаңа заманға орай түрлендіргенін зерделеді. Мағжан поэзиясындағы Батыс, Шығыс әдебиетінің көркемдік-эстетикалық көрінісін, әлемдік классикалық поэзиямен типологиялық байланысын талдаған Ш.Елеуенов ақынның жаңашылдық қырларына тән негізгі сипаттарды екшеп, «Абай үлгі алған батыс, орыс ақындарының қатарына ол Фет, Бальмонт, Мережковский, Брюсов, Блок сынды өз заманының поэзия дүлділдерін қосты» [7] деген пікір білдірді. Конференцияда «Қазақ» газетінің қоғамдық және рухани өмірдегі маңызын қарастырған М.Жармұхамедов, Ү.Субханбердина баяндамалары және жарыссөзде сөз алған Т.Кәкішев, С.Қасқабасов пікірлерінің де өзегі әдебиеттанудың келелі мәселелерінде қордаланған ғылыми проблемаларының түйіндерін шешудің бағыт-бағдарын айқындау болды.

Шәкәрім Құдайбердіұлы, Ахмет Байтұрсынұлы, Міржақып Дулатұлы, Жүсіпбек Аймауытұлы, Мағжан Жұмабайұлы сынды әдебиет классиктерінің әр жанрдағы туындыларының, ғылыми зерттеулерінің жариялануы қоғамдық санада көркемдік танымның жаңа сипаттағы әдеби-эстетикалық тұғырының орнығуына соны тыныс дарытты. Сондықтан проблемалық және танымдық сипаттағы мақалаларда Алаш ұранды әдебиеттің көркемдік дамудағы бағыт-бағдарының мәнін, ұлттық ерекшелігінің болмыс-бітімін таныту, әдебиет тарихындағы орынын айқындау басты орынға қойылды.

Шәкәрімтанудағы Е.Бөкетовтың А.Қарасартовтан магнитофон таспасына жазып алған (1978, 20.IV) «Білмедім Шәкәрімді кім атқанын...» [«Қ.Ә», 1989, 10, 17,24.II] атты әңгіме-диалогы, Х.Ерғалиевтің «Біз білеміз ақынды кім атқанын» [«Қ.Ә», 1989, 28. IV], Н.Жанділдиннің «Шәкәрімді кім атты? Не үшін атты?» [«Қ.Ә», 1989, 9. VI], Б.Сапаралиннің «Көкек өз атын шақырады» [«Арай», 1989, № 6], З.Ақышевтің «Шәкәрім қалай атылды?» [«Өркен», 1990, 27.I], Ж.Балғабаевтың «Дос болып қас болғаннан сақта құдай, немесе Тағы Шәкәрім тағдыры туралы» [«Жұлдыз», 1990, № 12] мақалалары ақын қазасының шындығын ашуды дйттеуімен, Ахат Шәкәрімұлының «Менің әкем, халық ұлы Шәкәрім» [«Жұлдыз», 1988, № 11], Кәмила Қапарқызының «Жаралы жүрек жазылмай» [«Жұлдыз», 1991, № 4] атты естеліктері ақын өмірінің беймәлім қырларына қатысты тың деректерді қамтудағы маңызы зор болды. Ал, Ш.Құдайбердіұлы шығармашылық тұлғасының күрделі әлемі Қ.Мұхаметханов, М.Мағауин, Р.Нұрғалиев, М.Базарбаев, Р.Бердібаев, Ш.Сәтбаева, Х.Сүйіншәлиев, М.Жармұхамедов, Ү.Субханбердина, З.Жұмағалиев, Х.Матаев, Қ.Жүсіпов, Б.Әбдіғазиев, Т.Жұртбаев, Р.Сейсенбаев, Б.Байғалиев, Б.Сапаралиннің ғылыми және танымдық мақалаларында қарастырылды.

Оларда ақын мұрасын зерттеуде атқарылар істердің бағыт-бағдары айқындалып, шәкәрімтану абайтану, мұхтартану ілімдерімен бірлікте байыпталды. Мысалы, Қ.Мұхаметқанов «Біздің міндет» [«Қ.Ә», 1988, 24. VI], «Шәкәрім ақынның тағдыры мен творчествосы жайлы» [«Қ.Ә», 1988, 15.IV], «Шәкәрімнің шежіресі» [«Қ.Ә», 1989, 14.VII], «Кұдай» деген сөзден құдай сақта» [«Қ.Ә», 1989, 17.III] мақалаларында «Шәкәрім Кұдайбердіұлы қазақ әдебиеті тарихында өзінің орнын алуы керек, шығармалар жинағы шығарылуы керек. Ақынның ғылыми өмірбаяны мен мұрасы жан-жақты терең зерттеліп жазылуы керек» [8], «Шәкәрім шежіресі қазақ тарихы үшін ешқашан маңызын жоймайтын еңбек. Өйткені Шәкәрім шежіресі Абайдың патриоттық идеясынан туған» деп түсіндірді. Ал, «Кұдай» деген сөзден құдай сақтасын» мақаласында Шәкәрім шығармалары (өлеңдер, дастандар, қара сөздер) (1988) мен «Жолсыз жаза: Өлеңдер мен поэмалар (1988) кітаптары ақынның бұрын басылған кітаптарынан және Ахат қолжазбаларынан алынғанын, алайда аталған жинақтар сөз зергерінің толық жинақ еместігін ескертіп, шығармаларын жариялауда орын алған текстологиялық ақаулықтар, алынып тасталған өлең жолдарына орай сын ескертпелерімен ой бөлісті. Ақын мұрасын мүлтіксіз жариялап, кіршіксіз жеткізу барша әдебиетшілердің борышы деген талап қойды [«Қ.Ә», 1989, 17.III].

Б.Әбдіғазиевтің «Шәкәрім шындығы» [«Зерде», 1989, № 11], «Талғамды өлең, терең ой» [«Қазақ ССР ҒА хабарлары. Қоғамдық ғылымдар сериясы», 1991, № 3], Т.Жұртбаевтың «Ақ бостандық туғызған азаматтар» [«Жұлдыз», 1988, № 11] мақаласында «Әділ мен Мария» романының психологиялық шиеленіс пен философиялық иірімдер мақалаларында поэзиясының көркемдік нәрі, ақындық мұратының эстетикалық тұғыры айқындалды.

М.Жармұхамедов, С.Дәуітов, А.Кұдайбердиевтер құрастыруымен, Ә.Тәжібаев, Ш.Сәтбаева алғы сөзімен шығармалар (1988), М.Мағауин құрастыруымен «Жолсыз жаза: Өлеңдер мен поэмалар» (1988), Т.Бекхожина құрастыруымен «Аманат: Әндер» (1989), Х.Сүйіншәлиев құрастыруымен өлеңдері мен поэмалар (1990) жинақтары жарық көрді. Сондай-ақ М.Мырзахметов алғы сөзімен «Үш анық» (1991), «Түрік, қырғыз-қазақ һәм хандар шежіресі» (1991) атты еңбектері жарияланды. Шәкәрім шығармашығын арнайы зерттеген Б.Әбдіғазиевтің «Шәкәрім Кұдайбердиев. Творчестволық өмірбаяны» (1989), Ш.Сәтбаеваның «Шәкәрім Кұдайбердиев» (1990) еңбегі жарық көріп, Б.Әбдіғазиев «Абай дәстүрлері және Шәкәрім Кұдайбердиев поэзиясы» (1990) тақырыбында кандидаттық диссертация қорғады. Бес арыс өмірі мен шығармашылығы алғаш рет жүйелі қарастырылған Ш.Елеуеновтің қазақ және орыс тілдеріндегі «Жаңа жолдан» (1989) зерттеуі жарияланды. Ә.Дербісалиннің «Әдебиет туралы толғаныстар» кітабында «Шәкәрімнің поэмалары» атты мақаласы берілді.

Алаш арыстарының шығармашылық тұлғасын сомдау, ұлттық сөз өнерінің тарихындағы қайталанбас суреткерлік және азаматтық қырларын негіздеу А.Байтұрсыновтың сан салалы ғылыми және әдеби мұрасын зерттеуде жаңаша сипат алды. Атап айтқанда, Ә.Шәріпов, С.Дәуітов құрастыруымен шығармалар жинағы (1989), Р.Нұрғалиев алғы сөзі, құрастыруымен «Ақ жол» (1991) кітабы басылса, ахметтануда Р.Сыздықованың «Ахмет Байтұрсынов» (1990), Р.Нұрғалиевтің «Ахмет Байтұрсынов» (1991) кітапшалары жарық көрді. 1990 жылы шілде айында А.Байтұрсыновтың шығармашылығына арналған ғылыми конференция өтіп, С.Қирабаев, Р.Сыздықова, З.Қабдолов, Ж.Ысмағұлов баяндама жасады.

А.Байтұрсынов шығармашылығы, әдеби мұрасы Р.Нұрғалиев, Ш.Сәтбаева, С.Қирабаев, Ж.Ысмағұлов, Ж.Бектұров, Ғ.Ахмедов, З.Ақышев, Т.Қордабаев, Р.Сыздықова, Ә.Қайдаров, Д.Досжанов, М.Бурабаев, А.Мектепов, Ғ.Әнесов, Б.Қойшыбаев, Б.Байғалиев, С.Негимов мақалаларының арқауын құрады. Мысалы, Р.Нұрғалиев «Ахмет Байтұрсынов қазақ әдебиеттану ғылымының негізін салған, тұңғыш әдебиет теориясын жазған ғалым екендігін мойындамау шындық алдындағы қиянат болар еді» [9] деген сындарлы пікір білдіріп, алып тұлғаның қоғамдық қызметін, әдеби мұрасы, ғылыми зерттеулерінің ұлттық әдебиеттанудағы құндылығын қарастырды. С.Қирабаев А.Байтұрсынов поэзиясының әлеуметтік қуатты күшін, көркемдік танымға тигізген ықпалын дәстүр мен жалғастық тұрғысынан: «Ахмет «Масасы» талай елді оятты. Алдымен, ойы бар, ақылы бар жас таланттар оянды. Олар ұстаз ағасының ісін жалғастырып алып кетті» [10] деп бағалады.

XX ғасыр басындағы ұлт әдебиетінің бірегей өкілі Ж.Аймауытовтың сан қырлы шығармашылығы Б.Кенжебаевтың «Телегей теңіз», М.Қаратаев, М.Қозыбаевтың «Қабырғалы қаламгер», С.Қирабаевтың «Қуатты қалам, күрделі тағдыр», «Жүсіпбек Аймауытов», Ә.Жиреншиннің «Жүсіпбек Аймауытов», Т.Қожакеевтің «Замана түзелер деумен жүрмін», «Ұстаздық еткен жалықпас», Р.Нұрғалидың «Сегіз қырлы, бір сырлы», М.Атымұтовтың «Елі үшін

күйген...», Б.Байғалиевтің «Жүсіпбек Аймауытов», «Аймауытовтың әдеби бүркеншік есімдері», Қ.Керейқұловтың «Ағысы күшті бір арна», Д.Ысқақовтың «Ақбілек» әлемі», З.Ақышевтің «Жүсіпбек және оның «Қартқожасы», Б.Майтановтың «Ақбілек» — психологиялық роман», Б.Құндақбаевтың «Театр өнеріне арналған тағдыр. Жүсіпбек Аймауытов драматургиясы туралы», Д.Әбілевтің «Жүсіпбек аға», Г.Бельгердің «Ж.Аймауытов айшықтары», Р.Тұрысбековтың «Аймауытов әлемі, немесе Жазушының ұзақ шығармашылық жолына қысқа шолу» мақалаларында қарастырылды. С.Қирабаевтың алғы сөзі, М.Атым, Қ.Керейқұлов құрастыруы, Р.Тұрысбеков түсініктерімен Ж.Аймауытовтың Шығармалар жинағы (1989), ал Пьесалар жинағы Б.Құндақбаев құрастыруымен (1990) жарық көрді.

Шығармалар жинағына С.Қирабаев жазған «Жүсіпбек Аймауытов» атты алғы сөзінде «Бір кездерде «ұлтшылдық» әдебиеттің өкілдері саналып келген бұл қайраткерлердің қоғамдық, творчестволық еңбегі шынында да түгелдей қазақ халқының ұлттық мүдделерімен байланыста өтті» деп отаршылдық қысымдағы халық санасын ояту жолындағы әдеби және қоғамдық қызметтерінің ағартушылық идеямен тығыз байланысты шығармашылық тұлғаларын айқындады. Сан қырлы дарынның проза, драматургия жанрындағы әдеби мұрасының тұтас қазақ сөз өнеріндегі классикалық сипатын талдады. Сондай-ақ ғалымның Жүсіпбек шығармашылығына арналған «Жүсіпбек Аймауытов» (1990) кітапшасы басылды.

Мағжан мұрасы, шығармашылығы Б.Кенжебаевтың «Ұстаз», Ш.Елеукеңовтың «Мағжан», «Мағжанның алғашқы сотталуы», «Мағжанның ақырғы сотталуы», «Абай мен Мағжан», «Мағжан шығармаларындағы психологизм», «Мағжан мен Мұхтар», «Батыс-Шығыс әдеби тоғысуы проблемасы және Мағжан Жұмабаев», Р.Нұрғалиевтің «Мөлдір сезім, биік парасат», Ж.Бектұровтың «Батыр Баян», «Мағжанның мұраларынан», Р.Бердібаевтың «Ақын тағдыры», Қ.Мәшһүр-Жүсіповтің «Мағжанның шеберлігі», Д.Ысқақовтың «Мағжанды қапсақа қамаған сын», Ғ.Қаһарманұлының «Мағжан поэзиясы жайлы», Б.Қанарбаеваның «Асыл мұра жайын ойласақ...», М.Әлімбаевтың «Мағжанды оқығанда» (эссе), Б.Дәрімбетовтың «Жүрегі таза, ойы азат», С.Негимовтың «Өлеңім менің Шолпаным, Айым, Күнім», Ғ.Қайырбековтың «Мағжан туралы ой», М.Базарбаевтың «Қазақ елі, бір ауыз сөзім саған...», Ө.Күмісбаевтың «Мағжан және әлем әдебиеті», Х.Абдуллиннің «Сұм өмір абақты ғой саналыға...» мақалаларында қарастырылды. Х.Абдуллиннің құрастыруымен шығармалар жинағы (1989), Ш.Елеукеңовтің «Мағжан Жұмабаев» кітапшасы (1990), әдебиет пәні бойынша 11 сыныпқа арналған қосымша оқу құралы (1991) шықты.

XX ғасыр басындағы отарлық езгідегі қазақтың ояну ұранын ту етіп көтерген және де қазақ әдебиетіндегі тұңғыш роман авторы Міржақып Дулатов шығармашылығын зерттеудің де арнасы жаңа белеске көтерілді. М.Әбсеметов құрастыруымен «Оян, қазақ» өлеңдер жинағы (1991), М.Әбсеметов, Г.Дулатовалар құрастыруы, Ж.Ысмағұлов алғы сөзімен Шығармалары (1991) жарық көрді. М.Әбсеметов «М.Дулатов шығармашылығы және XX ғасырдың бас кезіндегі тарихи-әдеби процесс» (1991) тақырыбында кандидаттық диссертация қорғады.

Б.Кенжебаевтың «Мірдің оғындай», Қ.Мұхаметхановтың «Міржақып Дулатов», Р.Нұрғалидың «Алаш» деп ұран салған», Ө.Тәжібаевтың «Халық деп соққан жүрегі», Ш.Елеукеңовтің «Тұңғыш романист», Ж.Ысмағұловтың «Міржақып Дулатов туралы сөз», «А.Байтұрсынов пен М.Дулатов творчествосындағы идеялық-көркемдік ізденістер», С.Мақырұлының «Міржақып Дулатов шығармашылығы», А.Мектеповтың «Халқын оятқан қаламгер», З.Бисенғалиевтің «Бақытсыз Жамал» тағдыры», «Бақытсыз Жамал» романының көркемдік жүйесі», М.Әбсеметовтың «Ақынның азаматтық ажары, немесе «Оян, қазақ!» авторы хақында бірер сөз», «Азамат ақын», А.Тасымбековтың «Міржақып Дулатов», Р.Батырбекованың «Материалы о казахской литературе в трудах по востоковедению, издаваемых Лазеревским институтом восточных языков» мақалалары, Г.Дулатованың «Ардақтап өтем әкемді», «Аманат» естеліктері М.Дулатов мұрасын, шығармашылығын тануда үлкен мәнге ие.

Алаш арыстарының әдеби мұрасын, шығармашылығын қарастырған мақалалар олардың азаматтық және қаламгерлік мақсаты қашан да ұлттық мұратпен тамырласып жатқанын тарихы шындық тұрғысынан ғылыми негізді бағалауымен құнды. Ол XX ғасыр басындағы Алаш ұранды ұлт әдебиетінің даму белестерін тарихи сабақтастық тұрғысынан қарастыруға, көркемдік ұласудың дәстүрлік негіздерін айқындауға мүмкіндік берді.

М.Жармұхамедовтың «Қазақ» газеті» [«Қ.Ә», 1989, 8.IX], А.Сармурзин, М.Қойгелдиевтің «Халықтың жарық жұлдызы «Қазақ» газетінің шығу тарихынан» [«Жұлдыз», 1990, № 9], Ү.Субханбердинаның «Айқап» туралы ақиқат» [«Зерде», 1991, № 11] мақалаларында Алаш

арыстарының атқарған сан салалы қоғамдық қызметі ұлттық басылым ісін жандандыру, көсемсөздері негізінде байыпталды. «Әлем» альманахында Шортанбай, Мұрат, Албан Асан, Әбубәкір Кердері, Күдері Қожа, Шәкәрімнің «Үш анық», А.Байтұрсыновтың «Оқу жайы. Қазаққа ашық хат», М.Жұмабаевтың «Бала» аудармасы, Ж.Аймауытовтың «Рәбиға», М.Дулатовтың «Қазақ. Қырғыздың аты, тегі туралы» атты әдеби, ғылыми мұралары қамтылды. Ал «Мұра» жинағында Ә.Марғұланның «Шоқан туралы естеліктер (1957 жылғы дәптерден)», С.Өтениязовтың «Шоқанның Қашқар сапарындағы серіктері», Н.Савичевтің «Исатай Тайманов», Қ.Токмырзиннің «Дастан кейіпкерлерінің ұрпақтары қайда?», Р.Отарбаевтың «Мұхамбет-Салық Бабажанов», С.Ақатаевтың «Ер Жалаңтөс кешегі», Бабаш Әбілқасымовтың «Түркістан уәлаяты газеті» мақалалары берілді.

Алаш қозғалысы, Алаш зиялылары тағдыр-талайы Т.Кәкішевтің «Қағидаға айналған қателер түзетілсе», «Қияс қисындар қияметі», «Қазақ зиялыларының тағдыр-талайы туралы», «Алашты аумағымен көрсетсек», «Ақыл-парасатқа азаттық», Т.Жұртбаевтың «Шырмалған шындық, немесе Бір тергеудің тарихы», М.Қойгелдиевтің «Қуандым түнде жүріп, күн шығар деп...», Ғ.Ахмедовтің «Ертеректегі қазақ зиялылары», «Алаш «Алаш» болғанда», Д.Досжановтың «Мұхтар Әуезов», «Жүсіпбек Аймауытов», «Міржақып Дулатов», «Ахмет Байтұрсыновтың істі болу тарихы», «Мағжан Жұмабаев, немесе Ажалына асыққан адам» мақалаларында сөз болды. «Алаш» партиясының программалық жобасы жарық көріп [«Қазақстан коммунисті», 1990, № 5], А.Кенжеұлының «Алаштың азаматтары. Олар кімдер еді» [«Қазақстан коммунисті», 1991, № 8] мақаласында сталинизм құрбаны болған Алаш қайраткерлерінің тізімі берілді.

Ә.Бөкейханов, С.Садуақасов, Қ.Кемеңгеров, Қ.Жұбанов, өзге де әдебиет және қоғам қайраткерлерінің тұлғасы зерделенген Қ.Мұхаметхановтың «Әлихан Бөкейханов», Р.Нұрғалиевтің «Әлихан Бөкейхановтың шығармашылық мұрасы», Б.Қойшыбаевтың «Әлихан Бөкейханов», «Қайраткер Садуақасов», «Профессор Аспандияров», «Нарком Жүргенов», М.Құлмұхамедовтың «Профессор Ермеков: көзқарас эволюциясы», Б.Дәрімбетовтің «Ағып өткен бір жұлдыз (С.Садуақасов)», Ә.Мендекеевтің «Профессор Құдайберген Жұбанов», Ғ.Әнесовтің «Қаламгерлік пен қайраткерлік», А.Ғ.Сармурзин, В.Григорьевтің «Бөкейханов және тарихи шындық», Б.Байғалиевтің «Мұхамеджан Тынышбаев», Б.Сарбалаевтың «Бес бәйтерек: (А.Байтұрсынов, М.Жұмабаев, Ж.Аймауытов, Ш.Құдайбердиев, М.Дулатовтар туралы)», Қ.Түліковтің «Халқымен қайта табысқан қаламгерлер (М.Жұмабаев, А.Байтұрсынов, Ж.Аймауытов)» өзге де мақалалар ұлт санаткерлерінің тарихи ерен істерін тұтастықта танудағы тарихи танымға серпін берді. М.Қойгелдиевтің «Ұзақбай Құлымбетов», Б.Қойшыбаевтың «Бақытжан Қаратаев», Б.Елкеевтің «Көлбай Тоғысов кім еді?», О.Құдышевтің «Жазықсыз жапа шеккен Жақып мырза», Н.Сансызбаевтың «Смағұл Садуақасов», Р.Сағымбековтің «Абдолла Асылбеков» мақалалары жарияланды. Өз кезегінде қазақ әдебиеттануымен қатар тоталитарлық жүйеге танылған тарих ғылымы бойынша қабылданған қаулылардың күшін жоюы да қоғамдық жаңару үрдісін еселей түсті. Бұл құжат Ә.Бөкейханов, Т.Рысқұлов, М.Шоқай, М.Тынышбаев, Б.Қаратаев, Н.Төрқұлов, С.Асфандияров, Ә.Ермеков, С.Садуақасов, Қ.Кемеңгерұлы, Е.Омаров, Е.Бекмаханов, Б.Сүлейменов сынды тұлғалардың қоғамдық қызметін әділ бағалауға, ғылыми еңбектерін игеруге бетбұрыс жасады. Б.Қойшыбаевтың «Жазықсыз жапа шеккендер» (1990) кітабы осы бағыттағы алғашқы қадам десек, онда А.Байтұрсынов, Т.Жүргенов, С.Аспандияров, Н.Төрқұлов, С.Қожанов, С.Садуақасов туралы мақалалары берілді.

Қазақ халқының сталинизм кезеңіндегі басынан өткерген қасірет пен зұлмат жылдар шындығы, тоталитаризм құрбаны болған тұлғалары тағдыр-талайы, шығармашылықтары арқау болған «Дело № ...Летопись горького времени» (1989), «О чем не говорили» (1990), «Зауал» (1991) кітаптары жарық көрді. XX ғасыр басындағы қазақ әдебиеті тарихын жаңаша көзқараста зерттеудің басты күретамырын Алаш арыстары құрай отырып, ол Ш.Бөкеев, Мәшһүр Жүсіп Көпеев, Н.Орманбетұлы, Н.Наушабаев, М.Қалтаев, Ғ.Қараш, С.Торайғыров, Б.Күлеев сынды тұлғалардың идеология тарапынан жариялауға тыйым салынған мұрасын жарыққа шығару, шығармашылығын ұлттық мүдде тұрғысынан қарастырумен ұштастырыла жүргізілді. Мәшһүр Жүсіп Көпеевтің әдеби мұрасынан «Соқыр, саңырау, жалаңаш хикаясы» [«Қ.Ә», 1985, 7.VI], «Жастықтың бір күн көшіп кетер ауылы», «Ақ қағаз, қалам-сия келді бізге», «Ағайын», «Қалмай ма әлі-ақ бір күн Мәшһүр өліп» өлеңдері [«Қ.Ә», 1988, 30.IX], толғамдары [«Егеменді Қазақстан», 1991, 7.XII], Ж.Аймауытовтың М.Ж.Көпеевке жазған хаты [«Социалистік Қазақстан», 1990, 1.V], Нарманбеттің «Сахараға қарасак» [«Жұлдыз», 1990, № 2.], [«Қарқаралы», 1991, № 4], С.Торайғыровтың «Алаш ұраны» [«Жұлдыз», 1991, № 5] жарияланды. Сонымен қатар XX ғасыр басындағы қазақ әдебиетінің айтулы тұлғалары

М.Сералиннің «Топжарған» (1985), А.Мұхамедияровтың «Күндер мен түндер» (1986), Ә.Найманбаевтың шығармалары (1988), С.Дөнентаевтың «Бозторғай» (1989) кітаптары шықты.

«Мәшһүр Жүсіп Көпеев» [«Қазақстан мектебі», 1990, № 2] мақаласы мен ақын мұрасын терең зерттеу мәселесін көтерген С.Дәуітовтің алғы сөзі, құрастыруы, түсініктерімен Мәшһүр Жүсіптің екі томдық (1990–91) шығармалар жинағы жарық көрді. Нарманбет Орманбетұлының ақындық тұлғасына арналған А.Туғанбаевтың «Қайта туған жұлдыз» [«Арқа еңбеккері», 1989, 16.XII], «Жұлдызды жыр» [«Жезқазған туы», 1990, 3.VII], «Нарманбет лирикасы» [«Балқаш өңірі», 1991, 10.VII], Б.Әбдіғазиевтің «Ақын болған адамдар жұрттың қамын жемей ме?» [«Социалистік Қазақстан», 1990, 10.IV], «Нарманбет ақын» [«Социалистік Қазақстан», 1990, 29.VII], С.Ақатаевтың «Сұңқардай қолдан ұшқан қиядағы» [«Халық Кеңесі», 1991, 23.VII], Р.Сағымбекұлының «Қайта жанған жұлдыз» [«Қарқаралы», 1991, № 1] мақалалары жазылды. Ш.Бөкеевтің ақындық әлемі Х.Сүйіншәлиевтің «Шәңгерей Бөкеев» мақаласында [«Жалын», 1991, № 2] жаңаша көзқараста зерделенсе, Қ.Сыдиқовтың «Тайталас тағдыр кешкен» [«Социалистік Қазақстан», 1989, 15.XII], Р.Жанғожин, С.Созақбаевтың «Қайраткер Ғұмар Қарашев» [«Қ.Ә», 1989, 29.XII], С.Ысмағұлованың «Қиын да сұлу тағдыр» [«Жалын», 1989, № 2], Б.Байғалиевтің «Тұсауы алынбаған тұлпар» [«Алматы ақшамы», 1990, 30.I], С.Созақбаевтың «Ғұмар Қарашев — ғалым-педагог» [«Қазақстан мектебі», 1991, № 10], М.Тәжімұратовтың «Біз білмейтін Ғұмар Қараш» («Ана тілі», 1991, 18.IV) мақалаларында байыпталды. Е.Ысмайыловтың ертеректе жазған «Омар Қарашев» зерттеу мақаласы қайта жарияланып [«Алматы ақшамы». 1990. 30.I], Алаш қайраткерінің мақалалары [«Жұлдыз», 1989, № 2], [«Жалын», 1989, № 2], «Аға тұлпар» өлең жинағы басылды [«Жұлдыз», 1991, № 12].

Ғасыр басындағы қазақ әдебиетінің сан алуан мәселелері түрлі аспектіде қарастырылған М.Қараевтың «XX ғасыр басындағы қазақ реализмінің кейбір мәселелері» (1985), Б.Кенжебаевтың «Әдебиет белестері» (1986), Т.Кәкішевтің «Садақ» (1986), Т.Әбдірахмановтың «Таланттар тағылымы (Ағартушы ақындар жайында)» (1988), З.Бисенғалиевтің «XX ғасыр басындағы қазақ прозасы» (1989), Ә.Дербісалиннің «Әдебиет туралы толғаныстар» (1990), Т.Қожақеевтің «Жыл құстары» (1991), Б.Мамраевтың «Казахские литературные связи начала XX века» (1991) еңбектері жарық көрді.

Қорыта айтқанда, Алаш арыстарының қайта оралған әдеби мұрасын, шығармашылығын ұлттық мүддеге орайлас ғылыми негізді тану мен зерттеуде батыл қадамдар жасалды. Олардың азаматтық және қаламгерлік мақсаты қашан да елдік мұратпен тамырласып жатқан қайталанбас құбылыс десек, ұлттық әдебиеттану ізашарларының әдеби, ғылыми мұраларының қайта оралуы XX ғасыр басындағы Алаш ұранды ұлт әдебиетінің даму белестерін тарихи сабақтастық тұрғысынан қарастыруға, көркемдік ұласудың дәстүрлік негіздерін айқындауға мүмкіндік берді. Әдебиеттанудың Алаштануға бетбұрыс жасауы, түптеп келгенде, ұлттың тарихи жадын жандандырды, өткеніне үңілуге, болашағын бағдарлауға түбегейлі жол ашты. Проблемалық мақалалардан бастау алған рухани үрдіс әдебиеттануда Алаш арыстары мұрасының жеке жинақ болып жариялануы, арнайы монографиялық, диссертациялық зерттеу өзегіне алынуы, оқулықтар мен бағдарламаларға ену арқылы жаңа өріске бет алды. Шәкәрімтану, ахметтану, міржақыптану, жүсіпбектану, мағжантану ілімдері әдебиеттанудың және қоғамтанудың басты да келелі өзегіне айналу үрдісіне түбегейлі қадам басты.

Әдебиеттер тізімі

- 1 Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов / Под общ. ред. А.Н.Яковлева. — М.: Политиздат, 1991. — С. 15–19.
- 2 Ақын Шәкәрімнің творчестволық мұрасы жөнінде // Қазақ әдебиеті. — 1988. — 15 сәуір. — 5-б.
- 3 Қазақ ССР Прокуратурасында // Қазақ әдебиеті. — 1988. — 23 желт. — 7-б.
- 4 Қазақстан Коммунистік партиясының Орталық Комитетінде: Мағжан Жұмабаевтың, Ахмет Байтұрсыновтың және Жүсіпбек Аймауытовтың творчестволық мұрасы туралы // Қазақ әдебиеті. — 1989. — 6 қант. — 6-б.
- 5 *Міржақып (Мир-Якуб) Дулатов* // Қазақ әдебиеті. — 1989. — 28 шілде. — 10-б.
- 6 *Ахметов З.* О своеобразии казахского литературного процесса начала XX века // Известия АН Каз ССР. Сер. филол. — 1990. — № 2. — С. 30.
- 7 *Елеуқенов Ш.* Батыс-шығыс әдеби тоғысуы проблемасы және Мағжан Жұмабаев // Қазақ ССР ҒА Хабарлары. Тіл, әдебиет сер. — 1990. — № 2. — 43-б.
- 8 Бес арыс: Естеліктер, эсселер және зерттеу мақалалар / Құраст. Д.Әшімханов. — Алматы: Жалын, 1992. — 39-б.
- 9 *Нұрғалиев Р.* Ұлттық мәдениет мақтанышы // Қазақстан коммунисті. — 1989. — № 4. — 94-б.
- 10 *Қирабаев С.* Ахметтің ақындығы // Қазақ ССР ҒА Хабарлары. Тіл, әдебиет сер. — 1991. — № 1. — 3–10-б.

С.Б.Жумагулов, Е.Сармурзин

**Алашоведение в конце XX века
(на материалах исследований 1988–1991 годов)**

В статье рассмотрены фундаментальные изменения в казахском литературоведении конца XX века, а именно в исследовательских трудах выдающихся личностей и просветителей казахской интеллигенции Алаш. Определены и отмечены важные шаги в исследованиях литературного и научного наследия представителей данного течения. В работах нашли отражение не только исторический процесс развала советской тоталитарной системы, но и отмечены научные направления вновь перерожденного алашоведения, являющегося одним из «золотых» течений казахской литературной эпохи того времени.

S.B.Zhumagul, E.Sarmurzin

**Alash studies at the end of the XX century
(based on materials of 1988–1991 years)**

The given article examines fundamental changes in the Kazakh literature studies of the end of the XXth century, in particular, research works of outstanding people and enlighteners of the Kazakh Alash intelligentsia. Significant steps in the studies of the literary and scientific heritage of the representatives of the mentioned trend are defined and shown. Not only the historical process of the collapse of the Soviet totalitarian system is reflected in the work, but research areas of the reemerged Alash studies which is one of the «golden» streams of the Kazakh literary era of that time are pointed as well.

ӨОЖ 821.512.122

Ж.Ж.Жарылғапов, А.Б.Рахымжанова

Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті (E-mail: Aizoka_jan@mail.ru)

Мифтің жазба әдебиетімен ара-қатынасы

Мақалада миф, оның жазба әдебиетіндегі қолданысы зерттелді. Мифтің жаңа дәуір әдебиетіндегі көрінісі жайындағы шетелдік ғалымдардың көзқарастары талданды. Мифтің қазіргі қазақ әдебиетінің поэтикалық құрылымындағы рөлі көрсетілді. Автор Дүкенбай Досжановтың, Тахауи Ахтановтың, Асқар Алтайдың, Б.Сарыбайдың шығармаларындағы мифтік образдар мен мифтік сюжеттерге тоқталды. Қазақ прозасындағы мифологизмнің зерттелуіндегі жаңа міндеттер анықталды.

Кілтті сөздер: мифологизм, символизм, поэтика, туажат, мифтік ізденіс, фольклор, жазба әдебиет, образ, сюжет, мифтік көрініс.

Фольклорлық санамызға берік орын тепкен, қазіргі прозада ұлттық негізбен байланыстырылатын рухани байлығымыздың бір қайнар көзі — мифтер болып табылады. Қазіргі қазақ прозасындағы миф — бұл өте таңғажайып сан қырлы құбылыс. Қазіргі таңда ежелгі мифтердің жаңа дәуір әдебиетінде қайта түрлену үрдісі байқалуда. Осыған орай мақаламыздың басты мақсаты қазіргі қазақ прозасындағы миф пен жазба әдебиетінің ара қатынасын жан-жақты ашып көрсетуге бағытталады.

Әдебиет пен мифология байланысы әлемдік әдебиеттанудың XX ғасырдағы өзекті мәселелерінің біріне айналды. Жалпы әлемдік әдебиеттануда миф жаратылысты түсінудегі, дүниені танудағы адамзаттың рухани мәдениетінің алғашқы формасы түрінде түсіндіріледі.

Әлемдік фольклорда құдайға қарсылық сарыны әр түрлі жанрда қолданылған. Бірі мифтік сананың ықпалымен эпсана жанрына негіз болып, оның үлгісі Қорқыт арқылы көрінсе, екінші түрі эпостық шығармаларда батырлар тарапынан байқалған. Үшінші — әлемдегі көп халықтың, атап

айтқанда, жапондық «Урасима Таро», грузиндік «Мәңгілік өмір іздеген жігіт», венгерлік «Мәңгілік іздеуші», итальяндық «Жұмақтағы бір күн», орыстардағы «Жұмақ құсы», «Марқұмда қонақта», т.т. ертегілерінде мәңгі өмірге қол жеткізген кейіпкерлер туралы айтылған. Алайда олардың мәңгі өмірге қол жеткізуі шектеулі уақыт аралығында әрі мұнда құдайға қарсылық сарыны ретінде қолданылмай, ертегінің сейілдік функциясына сай жасалған. Бұл халық түсінігінде өзектілігін жойған кезде шыққандықтан осы топтағы шығармалардың қатарында қарастырылмайды. Қазақ және өзге халықтардың шығармаларында орын алған бұлардың әр түрінің стадиялық ерекшелігі кейіпкерлерге жүктелген функция арқылы болатыны сөзсіз. Алдымен мифтік сананың ықпалымен пайда болған эпсана жанрындағы құдайға қарсылық сарыны қарастырылуы қажет. Шынында, бүгінгі ғылымда Прометей мен Қорқытты типтік образдар ретінде тану қалыптасқан. Дегенмен біздің зерттеудің осы кезге дейін айтылған пікірлерге қосатын өзіндік жаңалықтары бар. Қазақ ғылымында алғашқы болып Қорқыттың ажалға қарсы күресін Прометей ісімен байланыстырған М.Әуезов. Бұл тақырып Ә.Марғұлан, тағы басқалар тарапынан дамытылған.

Ал Қорқыттың көріпкелдігі Осман империясын құраған қайы руының ұрпақтарының ақырзаман болғанша үстем билікте болатынын айтумен байланысты көрінеді, ол В.В.Бартольдтың аудармасында сақталған. Мұндай қосымша кейінгі көшірушінің субъективті әрекеті ретінде бағаланғаны дұрыс. Дрезден нұсқасын түрік тілінен қазақ тіліне тәржімалау барысында бұл жолдар берілмеген. Бірақ «Баят бойында Қорқыт Ата дейтін бір ер тұрыпты. Ол кісі оғыз ішіндегі ең білгіші екен. Ғайыптан айтқан болжамдарының бәрі тұп-тура келіп отырған әулиенің көңіліне тәңірім нұр құйған ғой...», — деп берілген. Бұған қарағанда аталмыш жазба ескерткіште Қорқытты бақсы деп атау байқалмайды.

«Қорқыт Ата кітабында» Қорқытты өз ортасының ақылманы ретінде бағалау тұрақты. Оғыздар қауымында қандай іс болса да, оның айтар ақыл-кеңесі сұралады. Бұл оны әулиеге, абызға тән дана ұғымымен қатар қабылдауға жетелейді.

Қорқыттың атқаратын функцияларының көнелігіне қараған С.А.Қасқабасов: «Қорқыт өзінің алғашқы түрінде құл иеленуші мемлекетте бас Құдайға қарсы шығатын титандардан көне образ, олардың алдындағы тип. Ол архаикалық мифтерде тұңғыш адамдарды дүниеге келтіретін, алғашқы еңбек құралдарын, музыка аспаптарын жасайтын, адамдарға от жағуды, күн көруді үйрететін ілкі ата — Демиургке, жасампаз қаһарманға ұқсайды, соларға сәйкес келеді», — деген.

Дегенмен Қорқыт образын кейбір ғалымдар тарапынан оны бақсы, жырау деп қабылдау да белгілі дәрежеде тұрақтап қалды.

Біздің зерттеуіміздің нәтижесі Қорқыттың бастапқы қызметі бақсылық емес, абыз типінде тану қажеттігін көрсетті. Негізі, ғалымдардың көпшілігі — В.В.Бартольдт, Е.М.Мелетинский, В.М.Жирмунский, С.А.Қасқабасов, Ш.Ыбыраев Қорқыт образының көпқабатты стадиялық сипаттарын саралаған. Ғылымның дамуына сай, бұл ғалымдардың еңбектерін зерделей келе, Қорқыт образындағы көпқабаттылық сипат бірте-бірте жіктелгенін аңғаруға болады. С.А.Қасқабасов пен Ш.Ыбыраев, мәселен, Қорқыт бейнесінде ислам дініне тән ештеңе жоқ екенін жазды. Бұл образдың пайда болу кезеңі тым әріде жатқанын айтқан С.А.Қасқабасов мұндағы архаикалық сипаттарды дүниенің төрт бұрышын кезу әлемді көлденеңінен төртбұрышты деп танумен байланысты, дүние жүзінен пана таппай, ақыры, Сырдарияда отыруы — жер ортасына келуі, бұл да жер мифтік түсініктегі жер кіндігі деген ұғыммен сабақтас және «Су аяғы — ер Қорқыт» деген сөздің сақталуын талдаған. Оны: «Қорқыттың Сырдарияда, дәлірек айтқанда, суда өлуі бұрынғы заманда суды, әсіресе, оның астын және төменгі жағын, о дүние — өлілер патшалығы деп түсінген мифологиялық-шамандық санаға мегзейді. Бақсы сарындарында «Су аяғы — ер Қорқыт» деп аталуы осыдан болса керек, — деп, — Қорқыт өлілер әлемінде тұрып жатыр және өзіне сыйынатындарға жәрдем беріп жатыр, әсіресе бақсыларға, — деп есептелген», — деп түсіндірген. Сондықтан Қорқыт образының көне екендігін анықтаған.

Бақсылардың жын шақырғанда «Қорқыт күйін» тартуы, оны өздеріне пір санауы, Ш.Уәлихановтың Қойлыбай бақсының қобызы туралы жазуы — мұның бәрі Қорқытты бақсы типінде тануға ықпал етті. Әрі соңғы ғасырларда бақсылардың қобызбен көрінуі де бұл аспаптың тек бақсыға ғана қажетті атрибут сияқты қабылданды. Сонда қобыз тек бақсыларға ғана керек пе еді? Бұл сауалды шешу үшін қобыздың атқаратын қызметін анықтау қажет. Сол үшін Қорқытты шартты түрде бақсы деп ойлауға ерік беру керек. Гермес грек мифологиясы бойынша Зевс пен Майиден туса да, Олимптегі құдайлардың қатарына кейіннен қосылған. Оның образдық пайда болуы архаикалық мифтен басталғанын есімінің «тас үйіндісі» деген мағынада қабылданғанынан білуге болады әрі ол тас бағана ретінде фетиштік қызмет атқарған. Герместің шығу тегі Кіші Азиямен байланысты болу

керек деген де пікір бар, бірақ оның генезисін анықтау өз алдына жеке мәселе. Біз үшін маңыздысы — оның шамандық қызметі — өлгендердің жанын өзге әлемге жеткізумен байланысты және Герместің қолында адамдарды ұйықтатып, оятатын асатаяғы болғаны. Зевстің хабарын жеткізуші әйелдер арасынан Ирида болса, ерлер тарапынан бұл қызметті атқарушы — Гермес, ол, мәселен, Прометейге Зевстің сәлемін жеткізеді. Ал түрік халықтарында Қорқыттың дәл мұндай түрдегі хабаршы қызметі байқалмайды.

Ал біздің қарастырғалы отырғанымыз — мифтің жазба әдебиетімен ара -қатынасы.

XX ғасырдағы авангардтық румын прозасының көрнекті өкілі, мәдениеттанушы және дінтанушы Мирча Элиаде «Мифтің аспектілері», «Мифтер, түс көру, мистериялар» атты еңбектерінде мифтің мәніне тереңірек үңіліп, жаңаша пайымдар жасауға тырысады. Ол мифті зерттеуде XIX ғасырдағы көзқарастың басқаша сипатқа ауысқанын, яғни «ертегі», «қиял», «ойдан шығарылған» мағынасында емес, алғашқы қауымдық қоғамдарға тән «кәміл болған оқиға», «киелі, елеулі және еліктеуге тұрарлық үлгі болар оқиға» мағынасында қарастырылғанына ерекше тоқталады [1; 22]. Лирикалық поэзияның мифтерді қайталайтындығына және жалғастыратындығына назар аудара отырып, поэзия атаулының жаңа, жеке, тың мағыналы өз сөзін, яғни құпия сөзді табуға тырысатынын баса айтады. Поэтикалық туынды уақыттан, тілде шоғырланған тарихтан бас тартуды ойластырады, сөйтіп әрбір ұлы ақын дүниені «қайта жасап шығарады», — дейді [1; 200–201]. М.Элиаденің бұл тұжырымына сүйене отырып, қазіргі поэзиядағы мифопоэтика туралы тың бағыттағы талдаулар жасауға болады. Ал батыстың тағы бір ойшылы Дороти Норман болса «Мифологиядағы символизм» [2] атты еңбегінде мифтік жасамапаз қаһармандар әрекетінің (Гор мен Сет, Адам ата мен Хауа ана және Ібіліс т.б.) символдық астарына мән бере отырып, адамзат ғұмырындағы қарама-қарсы күштердің күресінің сипатына терең үңіледі. Мифтік символдардың сонау көне замандардағы қаһармандар тұлғасына енуін байыптайды. Ойларын қорыта келе, қазіргі заманғы поэзияның мифтік символдарға қатысы туралы пікірін Әулие Джон Перстің сөзі түрінде былайша келтіреді: «Ол (поэзия) уақыттан шарапат тілемейді. Өз мақсатына адал әрі кез келген идеологиядан азат, ол өмірдің өзіне тең һәм ақталысқа зәру емес екенін біледі....Жалғыз ұлы шумақпен ол өткен мен келешекті, адамдар мен ғажайыптар дүниесін, планеталық кеңістік пен баршаға ортақ кеңістікті қамтиды. Рухтың поэтикалық зәрулігінен дін атаулы өрістеп шыққан, содан да поэзия шапағаты адам жанының шырағданында құдайы отжалынды сөндірмей ұстап тұрады. Мифологиялық жүйелер күйреген кезде, құдайы негіз поэзияда, сірә, оның аралық күйінде жасырынады» [2; 559–560].

Ғалым С.А.Қасқабасов «Қазақтың көне мифінде болуға тиісті ілкі ата — демиург бейнесі Тәңір образымен алмастырылған. Ал, Тәңір аспанның әміршісі саналған. Яғни Тәңір — ең жоғарғы Құдай, ол — аспан мен жердегі тылсым мен тіршіліктің иесі», — деген. М.Ысқақбаевтың «Ұят туралы аңыз» повесін фольклорлық таным пайымы сарынында жазылған жасампаздық мифке жатқызуға болады. Бұл мифтік повесте Тәңірі екі періштесін кезек тыңдап, ғаламда болып жатқан өзгерістерді солардың шар айналарынан қарап біліп отырады. Анда-санда жерге қарап, әуелде адамзат атаулы Адам ата мен Хауа ананы пейіштен қуғанда екеу-ақ еді, қазір ұзын саны бірер мың болыпты деп ой түйеді. Жазушы А.Мекебаевтың «Жезтырнақ» повесі түрленіп, өзгеріп, жаңарып келген реминисценциялық үлгідегі жезтырнақ және авторлық танымға қызмет атқарып тұр. Жазушының «жезтырнағы» бір үйдің шаңырағын ортасына түсіріп, өш алу құралына айналған. Қазақы танымдағы зәрені алатын жезтырнақ образы қолдан жасалып, Тұрманқожа жезтырнақ кейіпіне еніп, мола басында Құран оқып отырған Жұмағұлды жезтырнақ болып қорқытып, ақыры өлтіріп тынады. Автордың айтпағы — «жезтырнақ» деген суық сөздің өзі бір отбасына қаншама қайғы, мұң, зар әкелгендігі [3].

Д.Досжановтың «Тілегімді бере гөр» атты повесінде Шалқардың шалғай түкпірінде жас журналист жігіт Дана сол маңнан мемлекеттік қорық аштырмақ болады. Жергілікті «Охотсоюздың» қорықшысы, өкіметтің байлығына қолын салып, тегін ішіп-жеп отырған араны ашылған Молдаберді зиянкестік әрекет жасап, жас жігітті ай далада соққыға жығып тастап кетеді. Біраз жыл өткен соң Молдаберді ұшты-күйлі жоғалып кетеді. Бұл повесте автор «аш бөрідей» деп қазақ айтпақшы өмірінде «тою» дегенді білмей, өмірі ашкөзденіп, аш қасқырдай жалаңдап өткен Молдабердінің образын символмен ұтымды берген. Автор неліктен кейіпкерін қасқырға айналдырды? Бұл ретте ел арасында тараған танымал аңыз желісімен келетін болсақ, халық қарғысына ұшыраған Қарынбай сараңның суырға айналуын тілге тиек ете кетуге болады. Молдабергеннің қасқырға айналуы оның аш көзділігінің салдары болса керек. Д.Досжановтың тағы бір «Қызылқұмның желі не деп жырлайды» атты әңгімесінде түйеден өзге уайымы жоқ қария алдындағы малды совхоз басшысы басқа кісіге алып бермекші болғанда, қарт ашуланып, түйесіне мінеді де, құмға сіңіп, ұшты-күйлі жоғалып кетеді.

Автор бұл жерде кейіпкерін неліктен түйеге айналдырып отыр? Көзін ашқалы көргені түйе, бар ынта пейілі өзінің алдындағы аз ғана түйесінің қамы болған, адамдардан гөрі түйемен тіл табысу оңайырақ тиетін Мүсіркеп шалды түйе малынан басқа малға айналдырудың жөні жоқ сияқты. Көркем шығармалардағы фольклорлық жанрлардың шығармашылықпен пайдаланылу үлгісі Т.Ахтановтың «Алыстан жеткен сарын» әңгімесінің тұтас желісіне арқау болған фольклорлық аңыздан байқалады. Жазушы фольклорлық әңгіме жанрына тән шарттылықтар мен әңгімешілдік қабілеттің қыр-сырын тани білгендігін көрсеткен. Бұл әңгімеде фольклорлық ұғымдар мен түсініктер авторлық айналымға түскен. Т.Ахтановтың талданып отырған туындысындағы әрбір оқиға нақтылы өмір шындығы іспетті баяндалады. Хан уәзірінің баласы мен елден ерек батыр тұлғаларының арасындағы сұлу қыз үшін тартыс — талай фольклорлық әңгіме-аңыздың сюжеттік негізі. Намыс алаңында айқасқан екі жігіттің сынға түскен ерлігі мен ездiгiнiң, ақылы мен парасатының қозғаушы күші — Айбарша сұлу. Фольклорлық образдарды сомдаудың поэтикасына сәйкес Айбаршаның азғындық пейілі мен тұрақсыз көңілін шегіне жеткізе көрсету үшін автор жазба әдебиетке суреткерлікпен келеді. Тән сұлулығы мен әке байлығына және мансабына мастанған Айбаршаның адамдық болмысынан гөрі, қанағатсыздық пен нәпсіқұмарлық ісі кең суреттелген. Ол ер-азаматқа ғана емес, туған жер мен ел-жұртына да қайырымсыз мінез иесі ретінде бейнеленген. Фольклордың басқа жанрларына қарағанда, ауызекі әңгіме қандай да бір оқиғаға негізделіп туындайды. Болған оқиғаны бейнелеп шығады. Жазушы фольклорлық жанрдың осы ерекшелігін сақтай білген. Аярлық пен кулықтың құрбаны болған жігіттің батырға тән аңғалдығымен қоса аңғырттығы эпостық жырлардағы батыр тұлғаларын еске түсіреді. Батырлық пен ерлік мінездермен жарыса өлермендікпен жасалған зұлымдық та шығарма соңына дейін сақталған. Қаламгер талантының бөлекше бітімі осы жазаға ұрындыру үшін кейіпкер мінезін қилы оқиғамен, шешуші іс-әрекеттермен сабақтастыра бейнелеудің амал-тәсілдерінде жатыр. Әңгіменің «Алыстан жеткен сарын» аталуының да мағынасы терең. Сол сарынның бүгінгі жас ұрпақ, жалпы адам баласы үшін де айтар ұлағаты мен тағылымы айқын. Ол — әділет үшін өмір сүру идеясы. Перзенттің ата-анаға, туған отаны мен еліне озбырлығы неге жеткізеді, сатқындық, аярлық түбі қайда апарады дейтін мәңгілік сауалдарға жауап беруде автор өзіндік шешім тапқан. Бұдан шығатын қорытынды шеберлікпен пайдалана білгенде аңыз, әңгімелер қашан да өміршең ой идеялар берудің құралы бола бермек.

Белгілі жазушы А.Алтай өзінің «Алтай балладасы» атты шығармасының жанрына қатысты «роман-миф» терминін қолдануы тегін емес, өйткені онда қазақ халқының тотемдік, шамандық мифтері пайдаланылған, көне түріктердің, оның ішінде қазақтардың, үш сатылы әлем туралы наным-сенімдері кеңінен көрініс берген. Аю мен адамның арасындағы жақындық туралы халық шығарған, бізге ертегі немесе аңыз пішінінде жеткен және оның тотемдік миф болып табылатынын анық аңғартады. Аюдың дене-тұрқында және күн көру тәсілдерінде де, тұрмысында да адамға ұқсас жайттар көп екенін қарастырылып отырған туындымен танысу барысында айқын сезінеміз. Жазушының бұл туындысында ерекше көңіл бөлген мәселесі — Алтай өлкесінде бұрын болған қызыл қасқырлардың тағдыры. Қызыл қасқырлардың жер бетінен жоғалғаны да Ұлардың жанын жегідей жейтіні аңшы жігіттің: «Кешегі Марқакөлді мекен еткен қызыл қасқырлар секілді бұл... Тұқым қалмаған», — деген ішкі монолог түріндегі естелігі арқылы аңғарылады. Қызыл қасқырлардың қайта оралуын «Алтай балладасының» бас кейіпкері де аңсайтыны сол туындыдағы Ұлардың көрген түстерінің бірінен байқалады.

Сонымен қатар осы автордың «Туажат» роман-модернінен мына бір сәтті мысалға келтіре кетуге болады:

Аңшы жігіт қанша уақыт алаңсыз ұйықтағанын білмейді, кенет бетін желпіген әлдеқандай қанат лебінен оянып кетті. Жүзін желпіген де торғындай жұмсақ, сәби деміндей майда леп. Қамасқан кірпіштерін аша алмай, түйсікпен ғана сезіп жатыр.

Қарқ еткен қарға дауысы кенет құлақ түбінен естілді. Сонда ғана Байбура қой көздерін ашып қалды. Кеудесінде қаздыып қара қарға отыр да, бейіт ішін боз сәуле кеулеп кетіпті. Кенет тіксініп қалған аңшыдан сақ қарға жалп етіп ұша жөнелді. Ол мұның көз алдында зират күмбезін шеңберлей көтеріліп, төбедегі тақиядай тесіктен шығып кетті.

Байбура өңі екенін, түсі екенін түсінбеді. Аң таң күйі тіктеліп отырды. Тыста тұн түнегі айқара басып, алақаншық боран бебеулей түссе де, төребейіт іші бозаң түске ұйып, бар маң анық көзге шалынып тұрғанына аңшы айран-асыр. От баяғыда сөніп қалыпты. Бойы да қара терден дегдip, бұла қуатын жиып алыпты. Тап жамбасы жанында жатқан «32» нөмірлі мылтығын сипап қойды. Құндағы кесілген шолақ қаруы орнында екен.

Байбура арқасын қабырғаға тіреген күйі басын шалқайта көзін жұмды. Жарғақ құлағынан баяғы бір боранның ұлы сарыны шықпай қойды. Ұйқы қашып кетіпті. Шалқайған күйі жанарын ашты. Сол бір сәт Төребейіт күмбезі төбесіндегі тақиядай тесіктен аппақ нұр ішке қарай саулай құйылды. Әлгі бір боз нұр Байбура кірпік қағып үлгерместен қарсы алдына ақ сәулеге шомылған бөрі сұлбасына енді.

Бұл ұлылық қана орын тебетін ғарыш көгінен көктей өтіп, боз боран билік құрған байтақ жер төсінде иненің жасуындай жарықтан саулай түсіп, тәңірі иесі құдіреті мен аң киесі — Ана-Бөрі сұлбасы боп оралған ғажайып құбылыс еді... Бөрі болмысты Бозие еді.

Аңшы бозбаланың үні үрейден өшіп қалды...

Ақ сәулеге бөккен боз бөрі құйрығы сөлеңдеп, оты өшкен ошақ басында олай-былай жүзіп, бұған кесе көлденеңдей керіле тұрды. Бауыр тұсындағы емшектері салақтап, өзі терісін тірідей сыпырған қаншық қасқыр — Ана-Бөрі екенін аңдатты... Мұндай қияметте ғана кездесетін жұмбақ құбылысты өңі түгілі түсінде де елестете алмайтын Байбураның тілі байланып қалды.

Аңшы алдында Бозиесі — Ана-Бөрі сұлбасы ақ сағымдана алышайып тұрды...

Төребейіт үшін боз тұманға бөктіріп, көк төрінен боз сәулеге малынып түскен Ана-Бөрі алышқан бойы аңшыны барлайды. Тек шоқтай жанған көздері ғана сол қалпы. Жалын атқан көк жасыл жанары Байбураның қой көздеріне қандауырдай қадалып қалған. Нұры таймаған жанары бозбаланың өңменінен өтіп, өзіне арбай ұйытып тастаған. Есін аудыра, ал сезімін болса суынта елтіткен.

Байбураның бойында да үрей басылып, үркініш сейілді. Түсініксіз бір таңдану басым! Санасыз күйде орнынан көтерілді. Аппақ сәулеге оранған Ана-Бөрі де бауырындағы ақ мамалары салпылдай сыртқа беттеді. Бозбала өз еркінен тыс күй билеп, соңынан ерді. Бойына Бозиесіне деген кәміл сенім ұялаған.

Тыста түлей таңның бозғыл реңі еніпті. Боз боран абынып күбініп тұр. Бет қаратар емес. Ана бөрі құйрығы бұлғаңдап, алдына қарай бет түзеді. Боз шидің басы жығыла майысып, Байбураның алдын орады. Оған бірақ бозбала аңшы бой берген жоқ, оталулы мотошанасын сүйемелдей итеріп, бөрінің артынан еріксіз ере берді.

Алай-дүлей ақ кебін ораған тамұқ дүниеде Ана-Бөрі аңшының алдына түсті. Бозаң бөрі бұлаңдап келеді. Байбура бөріден бөлініп қалмауға тырысты. Енді адаса қоймасын да аңшылық түйсікпен сезді.

Ал бұла дүние булығып, буырқанған дауыл ұйытқып тұр. Көк төрінен көк тәңірісінің көктей түскен боз сәулесі — бөрі болмыс Бозие құрық салым жерде бұлаңдап барады [4].

Мәтіндегі тағы бір көрініске назар аударалық: ... бас терісі мен тізеден төмен терісін, қызыл шақа бұтына қысқан құйрығын ғана өзіне қалдырып босатып жіберді... Қатты аязда тоңазыған қызыл шақа тәнінен көтерілген аппақ бу өзімен бірге ерді. Бөрі шалма лақтырым жерге дейін буы бұрқырап, сенделіп барды да, сылқ құлап түсті.

...Шаңыт дүниені дір еткізгендей болып, кенет қаншық бөрінің үстінен көтерілген будан бөлініп, Байбураға қарай ақ қардың бетін сәулелі нұрмен шомылдырып, беймәлім боз сағым ақты. Түз тағысындай тегеурінді, темір жүректі Байбураның қолқа жүрегі алмас құйып жібергендей суып сала берді. Қарақшыдай қалқиып қатты да қалды. Қимылдауға дәрмен жоқ. Ал сағым болса, бұған құрық бой жақын келіп, шеңберлеп айналды... Байбура бұл сұмдыққа «бір пәлеге ұшырадым ба» деп әрі шошына, әрі таң қала қарап қалған... Өзінің шеңберлей қоршаған сағымды сәуле тұтқынында қалып, сиқырлы бөрі сұлба арбап алғанын білді. Қара қарға тағы қарқ етіп, шылбыр үзім жатқан бөрінің көзін шоқи бастағанда ғана сағым сұлба оқыс толқып кетті де, дереу жиырыла жиналды. Әп-сәтте құлаштай бөрі сұлба сағымға айналып, жансыз жатқан жалаңаш тәні үстінде қалықтай жүзіп барғаны... бірер мәрте айналы жүзіп, кенет Ақжалдың құба жазығын кеулей ұша жөнелді. Алған беті Алтай биіктеріне қарай ұзай беріп, шарбыдай жұқа, мұнардай ақкіреуке дүниеге сіңіп кетті... [4; 21–23].

Осы мәтін туралы сыншы Дулат Тұрантегі былай дейді: «Бір кезде бүкіл аспан тұтасып, аласапыран Тесікұяның дүлей дауылы басталып кетті. Байбура аққұйын боранмен алысып, көп қиындықтар кешіп Төребейітке жетіп, соны паналады. Талықсып ұйықтап кеткен жігітке таң алдында түстей болып аксәуле бейіт күмбезіндегі кішкене тесіктен саулап құйылып, бөрі кейпіне еніп, мұны сыртқа бастап алып жүрді. Осыдан кейін романның өн бойында кейіпкердің қысылған, тығырықтан жол таппаған, енді қайтсем екен деген шарасыз шақтарында көктен, алыс ғарыштан түсіп, жол көрсетіп, аман алып шығып жүрді. Байбура оны шақырмайды. Бөрі-ана өзі келіп, қамқор пейілін ақ

сәуле болып бұған беймәлім жағдайлардан түсіне еніп, хабардар етіп жүреді. Бұл бір ғажап құбылыс. Қисын бойынша өзі қуып ұстап алып, тірідей терісін сыпырып алған қасқыр кектеніп қалса керек еді. Бірақ бұл олай емес. Өйткені ол өлген жәй бір қасқыр. Ал одан бұ болып ұшып, ақ сағымға айналған жалпы қасқыр атаулының жиынтық, баяғы...баяғы Бөрі-Ана кейпі екенін сезіп біз кейіпкеріміз құсап шошына, түршігіп қаламыз. Бәлкім, адамдармен қатар тіршілік ететін параллель дүние деген осы болар. Бәлкім, суға кетіп бара жатқан адамдарды құтқарып жататын дельфиндердегі түйсік пен мына құбылыстың арасында байланыс бар ма екен? Жо-жоқ, дельфиндердікі құтқару түйсігі ғана. Кие емес!» дей келе: «Мемлекеттік тұрғыдан Байбураның қазіргі жағдайы қылмыскер. Бірақ сонда да болса оқушы оны қорғаштап, оған жанашырлық білдіріп отырады. Тосыннан бір ашық сот отырысы бола қалса, кім де болса кітап кейіпкерінің жағында болып, оны ақта алғысы келіп тұрары сөзсіз деуге болады.

Негізінен «Туажат» романы биылғы жыл басындағы қазақ прозасының ұтымды беташары іспетті. Алдағы кезде ләйім да осындай көркем дүниелер көп болғай» [5], — деп роман жайындағы пікірін түйіндейді.

А.Алтайдың бұл туындысында қасқырлар мәселесін көтеруінің символдық мәні бар, себебі роман-миф жарық көрген кезде түркі халықтарының басым көпшілігі егемендік алып, түркілік идеялар осы заманның ең өзекті мәселесі ретінде көтеріле бастағаны белгілі. Құрып кеткен қасқырлардың бір туындының бас кейіпкерінің түсінде я өңінде көрініп барып, аңшы жігіт Байбураны өзімен бірге ертіп әкетуін бейнелеу арқылы автор түркі халықтарының ежелгі біртұтастығын қалпына келтіруге кедергі келтіріп тұрған шешуін таппаған мәселелердің молдығын мезгеп тұрғандай. Жазушы байырғы қазақ дүниетанымындағы қасқыр тотемінен туындаған мифтік образды қазақтың жаңа прозасына өзінше трансформациялайды.

Жазушы Б.Сарыбайдың «Ертегі» әңгімесінің фольклорлық сипаты композициялық құрылым мен жалпы стиліне ғана емес, негізгі кейіпкердің іс-әрекеті мен ой-санасына толық сіңірілген. Халықтық тәрбие құндағында өскен бала санасының нені көксейтінін автор жеріне жеткізе суреттейді. Әңгіме кейіпкері — Адалбектің адал жолдан айналуына себеп болған түрткі де фольклорлық ұғымдармен байланысты. Ол себеп — арғымақ атын сұрау үшін өтірік айтуға мәжбүрлілік. Өйткені ол ойына алған батырлық, жігіттік ерлігін ұнатқан қызы алдында дәлелдеу эпостық жырлар мен ертегілеріміздегі батырлық сынақ алдындағы тұлпар жарату мотивін еске түсіреді. Әңгіме түйінінде автор кейіпкерін өз тәлім-тәрбиесінің бесігіне қайта оралтады. Атасы үйреткен өмірлік қағидалардан ауытқудың жақсылыққа апармайтынына көз жеткізген бала көңілінде еріксіз айтылған бұл өтірік өмір бойы сақталып қалады. Сондай-ақ А.Сейдімбек «Аңшы өтірік айтпайды» атты әңгімесінде әңгіме ішіндегі әңгіме арқылы аңшылық өмірдің қызық жағы ұтылу, ұту, ерлік пен естілікті, қару сайысы мен қабілет сайысының тартысы болып табылатынын аңғартады. Әңгімедегі Жәкен қарттың жүйрік тазыларының түлкі аулаудағы қимыл-әрекеті арқылы жазушы ит жүгірту кәсібін бүгешүгесіне дейін көрсетуге ұмтылған. Мұндағы түлкінің айлакерлігі, оның тіпті бірнеше рет тазыларға ізін көрсетпей кетуі қызғылықты әңгімеленеді [6].

Мифтік таным негізінде туындаған оқиғалар мен сол негіздегі бейнелер адамзаттың эстетикалық мұраттарына қызмет етіп келе жатқанына арғы-бергі дәуірлердегі фольклорлық мұралар, ауыз әдебиетінің үлгілері және қазіргі көркем әдебиет туындылары, яғни жазба әдебиеті мысал бола алады. Әлем әдебиетіндегі классикалық дәуірден басталып, бүгінгі постмодернистік әдебиетке дейін жалғасқан, жанашыл әдебиетте жаңаша жаңғырған мифтік дүниетаным сан алуан бейнелілікті, көркемдік қалыптарды түзіп, өзінің мүмкіндігін танытуда. Адамзат санасының терең де мәнді «қабаты» болып саналатын мифтік таным өз бойына тылсым сырды, киелілік пен қасиет, ең әуелі адам болмысы турасындағы мағыналы ойларды жинақтаса, сол мифтік таным адам атты күрделі болмыстың «ішкі әлемін» бейнелеуде де маңызды көркемдік тәсілге айналды.

Қазіргі жазба әдебиетіндегі жаңа белестер көркемдік көкжиектің кеңеюіне әкелері анық. Әлемдік әдеби үдерістен шет қалмаған қазақ прозасында М.Әуезов шығармаларында алғашқы белгілері көрініс беріп, XX ғасырдан XXI ғасырға дейінгі аралықта жаңаша прозаның туындауына негіз болды. Тіршілік заңдылығы, өмір мен өлім, ізгілік пен зұлымдық, жақсылық пен жамандық, ақ пен қара арасындағы бітіспес қарама-қайшылық постмодернизм поэзиясында мүлде жаңа қалпымен мүсінделді. Фәнидің қас қағым сәттілігі мен бақидың мәңгіліктігін көркемдік танымында жаңаша түрлендірген жазушыларымыз бұл заңдылықты табиғат құбылысымен астастыра бейнеледі [3; 22–25].

Қазіргі қазақ прозасындағы мифологизм мәселесін бүге-шігесіне дейін зерттеп, таныта алдық деп айта алмаймыз. Бұл зерттеу осы мәселеге қатысты зерделі зерттеулердің бастамасы ғана. Алдағы уақытта қазіргі қазақ прозасындағы мифологизм көрінісін көркемдік-бейнелілік жүйеге қатысты жан-жақты талдау міндеті тұр.

Әдебиеттер тізімі

- 1 *Элиаде. М.* Мифология: Құрылымы мен рәміздері: Зерттеу жин. — Алматы: Жазушы, 2005. — 248 б.
- 2 *Норман. Д.* Мифологиядағы символизм. Мифология. Зерттеу еңб.: Құрылымы мен рәміздері. — Алматы: Жазушы, 2005. — 568 б.
- 3 *Әскербекқызы Ж.* Мифтің поэтикалық қызметі: Филол. ғыл. д-ры дис. ... автореф. — Астана, 2010. — 40 б.
- 4 *Алтай А.* Туажат // Жұлдыз журналы. — 2012. — № 1. — 10–13-б.
- 5 <http://1referat.kz/kazak-adebieti/prozadagy-mifologizm-maselesi-anyzdyq-zheli-o-bokej-a-kekilbaev-shyg-neg.html>. — С. 173–176.
- 6 *Тұрантегі Д.* «Туажат» романы хақында бірер сөз // Жұлдыз. — 2012. — № 6. — 173–176 б.

Ж.Ж.Жарылгапов, А.Б.Рахымжанова

Соотношение мифа с письменной литературой

В статье исследован жанр мифа и его употребление в письменной литературе. Обсуждены взгляды иностранных ученых о месте мифа в современной литературе. Показана роль мифа в поэтической структуре современной казахской литературы. Автором исследованы мифические образы и сюжеты в сочинениях следующих писателей: Д.Досжанова, Т.Ахтанова, А.Алтая, Б.Сарыбая. Исследованы новые задачи в исследовании мифа в казахской прозе.

Zh.Zh.Zharylgapov, A.B.Rahymzhanova

Relationship between the myth and the written literature

This article examines the myth and its use in the written literature. The views of foreign scholars about the reflection of the myth in modern literature are analyzed. The role of the myth in the poetic structure of modern Kazakh literature is shown. Author dwells on the mythical characters and mythical themes in the works of such writers as Dukenbay Doszhanov, Tahauyi Ahtanov, Askar Altay, B.Sarybay. New objectives in the study of the myth in the Kazakh prose are investigated.

САЛҒАСТЫРМАЛЫ ТІЛ БІЛІМІ

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 802.0+806.0

Ш.С.Жакупова

Карагандинский государственный медицинский университет (E-mail: zhakshol@mail.ru)

Взаимовлияние языковых систем

Статья посвящена проблеме изменений внутренней и внешней структуры языка, происходящих в процессе взаимодействия и взаимовлияния различных языковых систем. Рассмотрены вопросы национальных вариантов испанского языка Америки, его отличия от кастильского диалекта Испании. На материалах из американских газет и журналов было установлено тесное взаимодействие испанских и английских слов. Из словаря английских и испанских слов методом сплошной выборки были исследованы региональные особенности в лексике и фонетике, выделены и проанализированы английские слова из восемнадцати регионов Америки, имеющие перевод на испанский язык.

Ключевые слова: взаимовлияние, языковые системы, структура языка, национальные варианты, региональные особенности, испанский язык, билингвизм, двуязычие, английский язык.

Процесс взаимовлияния языков является главным фактором языковой эволюции. Своеобразие конкретного языка обуславливают две группы факторов: 1) его происхождение, определяющее место языка в кругу родственных языков; 2) процесс его взаимодействия с родственными и неродственными языками, т.е. языковые контакты. Контакты языков состоят в их взаимодействии и взаимовлиянии друг на друга. Контакты — это наиболее заметные события языковой истории; именно они сильнее всего изменяют языки. Изменения, обусловленные языковыми контактами, есть в истории каждого языка. Не существует чистых языков, которые бы в течение тысячелетий развивались без всякого влияния окружающей языковой среды, в полной обособленности от соседей. Любой современный язык — это сплав языковых элементов, происходящих из разных, родственных и неродственных, языков и диалектов.

Решение данного вопроса может быть представлено на основе анализа региональных особенностей испанского языка Америки.

Различия в лексическом фоне охватывают большую часть словарного запаса языков. Совпадают по фону обычно термины, а в области неспециального словаря полное совпадение лексических фонов — явление редкое. Однако чем ближе культура и быт двух народов, тем меньше различий в лексическом фоне соответствующих языков. Уже в середине XVIII в. в Лондоне с неудовольствием заметили, что из Нового Света приходят новые слова, нарушающие языковой обычай и вкусы. Американцы же относились к «своим» словам с энтузиазмом и называли их американизмами. Эмигранты не могут не сталкиваться в своей каждодневной практике с обиходными американскими выражениями. Они их слышат в беседах с американцами, по радио и телевидению и встречают эти выражения при чтении американской печати. Широко распространенные американские выражения и их русские соответствия представлены ниже [1].

Blue-collar worker
Many blue-collar workers are labor
union members

In the same boat

Работник физического труда
Многие работники физического
труда являются членами
профсоюзов.
Быть в одинаковом положении

Office workers are all in the same boat because of the inflation

В связи с инфляцией все конторские служащие находятся в одинаковом положении.

Н.Ф.Блэйк, исследуя историю английского языка, установил, что Новый Свет увеличил свой вклад в английский, хотя, естественно, нам нужно различать между британским и американским английским. Многие американские слова пришли в британский английский посредством испанского так же, как *lasso, stampede, pueblo*, другие адаптировались из родных американских слов как *mescal, quinine, coyote*. Некоторые слова пришли в британский английский через американский, такие как *chipmunk* и *apache* [2;173].

В условиях длительного использования английского языка как второго языка, когда влияние на него местных языков продолжает оставаться сильным, появляются его разнообразные варианты [3].

Во времена XX столетия в Латинской Америке влияние английского было сильным и прямых заимствований в некоторых областях было сотни. Так, например, *control, lonche, loncheria, sandwich, jailol (highboll), coctel, ponche, bar, twist, chance, futbol, beisbol, fildear (to field), jonron (home run), noquear (to knock out) labista* и даже такие слова, как *taipear (to type)* и *blofear (to bluff)*. В области соотносительной аналогии или заимствований английский имеет огромное влияние. Например, *educacion (upbringing)* происходит от *pedagogion, instruccion, ensenanza; argumento (plot of a story) — slot of discussion; atender (to wait on) — asistir; andiencia — concurrencia: acta (minutes)* происходит от *ley; complexion (physical constitution)* происходит от *(tez)*.

В своей работе Эдвард Сепир писал о связи культуры и языка: «Культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают» [4]. Особую значимость для изучения взаимосвязей и взаимодействия между языком и культурой имеет новое направление в лингвистике — когнитивная лингвистика, где язык рассматривается с точки зрения его участия в познавательной деятельности человека. Язык — факт культуры [5]. Нельзя не согласиться с таким определением, так как мы проникаем в образ мышления нации, в ее способ видения мира, понимаем особенности менталитета носителей данной культуры и данного языка. Развитие натурализма в литературе позволило писателям выразить повседневную речь с более разговорными оттенками, чем это было прежде, что придало речи реалистичный и живой характер. Особенно это видно из публикаций в газетах и журналах.

Нами были проанализированы три статьи из американских журналов, где представлены испанские слова в контексте английского текста. (Они нами подчеркнуты).

I. «*He will give you one just do to the fourth floor and knock on the door with the cross on it. That is the consultorio and he will be expecting you*». *His hands kept moving as he described the services of a medico familiar or family doctor. I have taught psychology in a department of family medicine for 20 years, so I was pleased to meet a professional companero and I told him so.*

For eight days, my traveling companions and I shared seats on tour bus, visited clinics, hospitals and neighborhoods together, and, in the evenings, sipped mojitos and discussed the trip in the context of our own lives and professions. Except for our hotel's cabaret and the dollar stores where Cuba hopes all tourists will leave behind what Cuba needs most, I saw no conspicuous consumption, fancy shops [6].

II. *Massive deforestation of the regal castanheira is just one of the hidden costs. Vigilantes keep the peace. «If a bandido murders someone, we take him to the woods and kill him», says da Silva. Like a political perpetual motion machine, the militantes scour for new recruits in the city slums, of university campuses, even abroad among Brazilians who migrated to find work in Paraguay.*

It has become a familiar part Brazilian landscape: columns of men, women and children, marching in formation along a country road or gathered in an angry knot in an urban plaza [7].

III. *Letting Go of Abuelo*

I remember when I was still untouched by death — when I was a child who believed in immortality and invincibility. It all changed when I became a nurse and came face to face with the harsh realities of death. Suddenly, the finality of it forced me to see us as the mortals we are. I dealt with my patients dying by maintaining a «qué será, será» attitude. It didn't mean losing my humanity; it didn't mean that I cared less for my patients. It just meant survival for me in a profession that sees a lot of suffering and death.

It was a warm spring day, and on Bed 3 Mr. Contreras lay dying. Brain cancer with metastases — and the devastation of the disease was finally taking its toll on his 80-year-old body. He was unconscious, but a single tear clung to his right eyelashes.

The ED staff knew him as one of our «frequent fliers». He liked to be called «Abuelo» — Grandpa. He was always pleasant, even when he was in pain.

I stood transfixed as a life ebbed away and the single tear rolled down Abuelo's cheek. His face stunned me. I expected to see suffering, but instead I marveled at a face that in death looked peaceful, almost ethereal. He died in peace, surrounded by love [8].

Таким образом, анализ трех примеров установил тесное взаимодействие выделенных испанских слов с английскими словами, что указывает на процесс билингвизма.

Явление билингвизма ясно видно в приведенном ниже примере — в песне, очень популярной в США.

Feliz Navidad

Feliz Navidad

Feliz Navidad

Prospero Ano y Felicidad.

I wanna wish you a Merry Christmas

I wanna wish you a Merry Christmas

I wanna wish you a Merry Christmas

From the bottom of my heart.

Слова американского происхождения являются важнейшей частью испанских заимствований [9]. Наибольшее количество испанских слов содержится в диалектах английского языка, распространенных в южной части США, граничащей с областями, население которых говорит по-испански. Часть этих слов проникла в северные диалекты США, отсюда через американскую литературу стала известна и в Англии.

В каждом языке заложено самобытное мирозерцание. Как отдельный звук встает между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне. В языке таким чудесным образом сочетается индивидуальное со всеобщим. Правильно сказать, что весь род человеческий говорит на одном языке, а каждый человек обладает своим языком [10]. Язык находится в состоянии непрерывного развития, включающего определенные языковые процессы, в том числе и процесс создания новых лексических единиц [11].

Влияние двуязычия распространяется на отдельные социальные или профессиональные группы, и даже при знании источника языкового влияния носителя заимствующего языка используют материал чужого языка лишь частично, в целях восполнения того, чего не хватает в родном языке. Под двуязычием понимается попеременное использование индивидом или группой индивидов двух языков в целях общения [12]. Полное влияние двуязычия происходит тогда, когда оно распространяется на сферу письменной и устной речи. Конкретные результаты подобного влияния зависят от степени ее длительности, исторического периода, социально-общественных условий контактирования.

Р.Раск считал, что языки изменяются по спирали, и новый язык, в котором все грамматические значения передаются значимыми словами, всегда чем-то должен отличаться от своего далекого предка. Для него было ясно, что при изменении от одного типа к другому язык что-то теряет, но и что-то приобретает [13].

Испанский язык относится к группе романских языков и является самым распространенным из них. На испанском языке говорят более 300 миллионов человек: это население Испании, восемнадцати стран Латинской Америки (Аргентина, Боливия, Венесуэла, Гватемала, Гондурас, Доминиканская Республика, Колумбия, Коста-Рика, Куба, Мексика, Никарагуа, Панама, Парагвай, Перу, Сальвадор, Уругвай, Чили, Эквадор), некоторых районов Северной Африки, Филиппин [14]. Испанский язык является одним из официальных рабочих языков ООН и многих других международных организаций. Его развитие в новых условиях происходит под определенным влиянием языков коренного населения и других разнообразных факторов, что привело к появлению национальных вариантов испанского языка в восемнадцати государствах Латинской Америки.

Поэтому в настоящее время в лингвистической литературе говорится о национальных вариантах испанского языка в Латинской Америке (кубинском, мексиканском, аргентинском и др.).

Нами были исследованы региональные особенности в лексике и фонетике в словаре английских и испанских слов. Выделено и проанализировано 128 английских слов, имеющих перевод на испанский язык из 18 регионов Америки.

Accountant s. *contrador, tenedor de libros; certified public- (CPA) contador publico nacional; Ch. registrado*
Accounting s. contabilidad, contaduria; firm empresade contadores publicos;
 -period ejercicio contable; Col. periodo fiscal; -system sistema de contabilidad.
Amass v. amontonar, acumular, apilar, Am. amasar
American adj. & s. (continental) americano; (USA) norteamericano.
Antisocial adj. antisocial; s. Am. criminal
Apple s. manzana; tree manzano; -grove manzanar; Adam's-nuez (del cuello); Ven., Col manzana; -of my eye nina de mis ojos; apple-Pie order orden (estado) perfecto.
Application s. (dedication) aplicacion; (petition) solicitud, peticion; Mex., Carib. Ven. aplicacion; -blank formulario de solicitud.
Apricot s. albaricoque; Am. Chabacano.
Arouse v. deseperator, Riopl., C.A., Ven. recorder (al dormido); excitor; promover, animar.
Asylum s. asilo; hospicio; orphan -orfanto, casa de huérfanos, Mex., C.A., Andes orfanatorio.
Auction s. subasta, almoneda, remote, Am. venduta; v. subastar; rematar; auctioneer subastador, Arg. martillo.
Baby s. nene, bebe, criatura Andes, Ch guagua; C.A. tierno;
Badge s. insignia, divisa; distintivo; Mex. chapa.
Ballot s. balota, Mex., C.A. boleta, cedula para votar; voto; -box urna electoral; v. balotar, votar.
Banana s. platan, banana; C.A. guineo; -tree banano; platan.
Bankruptcy c. bancarotta, quiebra Arg., Ch., Peru, Bol. falencia.
Barbecue s Mex., C.A., Col. Barbacoa; Riopl. churrasco.
Bargain s. (agreement) convenio, pacto; negocio, trato; (cheap) ganga; — sale ganga, Mex., C.A., Ven., Andes barata; into the-por anadidura; de ganancia; to make a-cerrar un convenio; v. regatear; negociar; to-for regaeatr; contar con, esperar.
Bat s. palo, Mex., Carib., Ven., C.A. bate (de beisbol); garrote; golpe, garrotazo; (animal) murcielago; v. apalea; dar palos; Mex., Carib., Ven., C.A. batear; not to-an eye no pestanear.
Batter s. batido, masa; Am. bateador (de beisbol); v. golpear; to-down demoler.
Bean s. judia, habichuela; Mex.; C.A., Ven., c ol. Frijol; ch. r iopl. Poroto coffee granode café.
Bedroom s. cuarto dedormir, alcoba, dormitorio, Mex., C.A. recamara.
Beet s. remolacha, Mex. Betabel.
Cabin s. cabana, choza; bohio, Mex. jacal; Carib. barraca; camarote (de buque);
 air plane- cabina de aeroplano.
Cake s. pastel; bizocho; bollo; torta; Ven., C.A., col. panque; (soap) pastilla (de jabon);
 of ice tem pano de hielo; v. apelmazarse, formar masa compacta.
Cane s. cana; -plantation canaveral; C.A. canal; -chair silla de bejuco; sugar-cana de azucar; walking-baston; chuzo (de sereno); to beat with a -bastonear, apalea.
Cap s. (head covering) gorro, gorra, boina; Mex. cachucha; (academic) birrete; (bottle, wheel) tapa. tapon; (mountain) cima, cumbre; percussion-capsula fulminante; v. tapar, poner tapon a; that-s the climax eso es el colmo.
Car s. coche, automovil, auto, Am. carro; (de ferrocarril); camarin (de ascensor), ascensor; Am. elevador; dining -coche comedor; freight-furgon, vagon de carga.
Carouse v. Andar de parranda, Riopl., Ch. andar de farra; embriagarse.

Из приведенного списка видно, что английский язык и испанский Испании имеют схожесть в фонетике и семантике в некоторых словах, таких как *absorbtion — absorcion, american — americano, antisocial — antisocial, application — aplicacion, artillery — artilleria, asilum — asilo, baby — bebe, ballot — balota, banana — banana, blank — blanco, boot — buta, bulb — bulbo, chat — charba, chil-l-chile, chimney — chimnea, cigarette — cigarrillo, caffee — café, crocodile — cocodrilo, cabin — cabana, form — forma, gum — goma, ham — mock — hamaca, ignition — ignicion, lime — lima, net — neto, park — parque, pear — pera, petition — peticion, policeman — policia, potato — patata, rumor — rumor, servant — sirvidor, tomoto — tomate, unction — uncion, valise — valija, vomit — vomito, vulture — buitre*. Тогда как с испанским Америки английский язык имеет большие расхождения.

Испанский язык Латинской Америки подобен «колониальной» речи, имеет тенденцию быть консервативным в своих структурных изменениях. К тому же он отражает региональные черты юго-западной части Испании, особенно Андалусии и прилегающих районов, откуда пришла большая часть моряков, завоевателей и колонистов. В словарный состав языка вошли сотни индейских слов, особенно в Мексике, Гватемале, Эквадоре, Перу, Боливии и в районе Рио-де-ла-Плата. Индейские слова жителей Карибских островов были использованы первоначальными испанскими поселенцами и

образуют часть общего испанского словаря. Например, *tabaco, canoa, huracan, maiz, uji*. В Мексике из Нахуатл употребляются: *chocolate, tomate, coyote, chicle, cacao*. В Андах из Квечуа используются: *pampa, quinina, condor, puma, poncho*. Регион Рио-де-ла-Плата из Гуарани изобилует словами: *anana, nandu, ombu, yaja, tapioca*.

Среди тех, кто говорит на испанском, мексиканский узнают по интонации, по его тенденции удлинять артикуляцию и по его общему преимущественному положению для согласной через гласную. Если интонация испанского представлена в модели 4 уровней, то мексиканцы (особенно мужчины) усиливают ударение в окончании слов между стандартным и эмфатическим утверждениями.

Натянутая /s/ мексиканского испанского ведет к фактически исключению неударных гласных особенно /e/, в быстрой речи: *accidentes de coches* может быть [aksidents de kočs].

Испанский язык Гватемалы характеризуется сильно ассимилированным /rr/ [r̄r̄] и [r̄] для [r] исключается в интервокальной позиции. *Jota* может быть [h] скорее, чем [x] и [ŋ] может обозначать открытый переход. Гватемальцы имеют тенденцию ослаблять интервокальное /y/, так что *silla* звучит как [sia] и *bella* как [bea]. Через процесс ультракоррелляции *vea* может стать [beya]. Гватемальцы вообще произносят свой /s/ конечный слог с ясностью и напряжением. Достаточно универсальной особенностью испанского Гватемалы является *vosco* или использование *vos* как подчиненной формы близкого обращения в единственном числе. Глагол, используемый с этим словом, находится обычно во множественном числе, но местоименные дополнения — всегда в единственном числе: *Cnando te vayas, llevate tu perro con tigo* как можно сказать в Испании или в Мексике, было бы *Cnando te vayas, llevate to perro con vos* в Гватемале. Маленьких мальчиков в Гватемале называют *patojos*, белокурых — *canches*.

Регион Сальвадора, Гондураса и Никарагуа является богатым в формах сходства сочетаний, особенно образования существительных на базе других существительных. Суффиксы *-ada* и *-on* применяются широко: *babosada, pendejada, lambida, atolada, paisanada, perrada, narizon, piston, quemazon*; и уменьшительная форма *ecito*, которая может быть использована в испанском языке и в Мексике, является просто *-ito*: *llavita, lucita, crucita, piedrita*. Суффикс *-al* используется как *cañal, guacal, platanal, cafetal, piñal, pinal*.

Вместе с Гватемалой и другими центрально-американскими странами, исключая Панаму (этот регион использует форму *vos* в обычном обращении): *Veni y decime; ¿son vos y tu padre carpinteros?*

Многие местные слова используются в каждодневном разговоре: блондин — *chele*, мальчик — *cipote*, грязный — *pushco*, стройный — *peche* и обычный запас ацтекских терминов, которые были введены после завоевания Мексики.

Подобно Гватемале, Коста-Рика выделяется своим ассимилированным /rr/ вместе с ассимилированной /r/ конечного слога. Она также разделяет с Гватемалой достаточно консервативную артикуляцию /s/ в конечном слоге. Как и во всех центрально-американских и карибских странах, /n/ является велярной, когда в конце слова как знак открытого соединения: [eŋ amor], но [enamorar], и интервокальное /y/ ослабляется до исключения через вокализацию.

Как часть синтаксической структуры диалекта оперируют *vos* и родственные формы, где *tu* превалировало бы в Испании или Мексике сегодня, а лексически Коста Рика показывает меньшее ацтекское влияние, чем Гватемала, Сальвадор или Гондурас. Костариканцев нежно называют как *ticos*.

Испанский язык Панамы может быть выражен как «*trade rout Spanish*», в котором он имеет фонологический характер частей Америки, поскольку они были в постоянном общении с Испанией на уровне общих корней и даже были устранены от влияния Мексики и Лимы. Он имеет сильное сходство с испанским Кубы, Пуэрто-Рико, Венесуэлы и северного побережья Колумбии. Вместе с другими карибскими жителями Панамы испанцы имеют тенденцию произносить с придыханием /s/ в конце слога или полностью его устранить.

Колумбийский испанский имеет две общие характерные черты с испанским языком Сальвадора, Гондураса и Никарагуа: /x/ является [h] во всех регионах, и /b/, /d/, /g/ является окклюзивными после любой согласной. Так, *pardo, barba, desale, las vacas* — все имеют окклюзивы, где испанец или мексиканец использовал бы фрикативы.

Испанский житель старой Боготы имеет консервативное отличие /l/ и /y/ подобно Коста-Рике и Гватемале, тенденцию ассимилировать /rr/, /tr/ и конечную /r/. В Колумбии многие говорящие используют *usted* почти исключительно даже к кошкам и собакам. Не только в семье, но и некоторые родственники говорят друг другу *su merced*. Типичными являются идиоматические выражения: *isiga!* и *iala orden!* Первое выражение — приглашение войти, а второе — «что я могу для вас сделать?».

Испанский язык является международным разговорным языком в более чем 20 странах, включая США. Это означает, что имеется много интересных различий в региональном исследовании, в противоположность тому, что часто предполагается. Это не просто вопрос полуостровного испанского, латиноамериканского испанского языков.

Например: слово *bus* имеет один универсально приемлемый испанский эквивалент и несколько других, которые могут привести к путанице.

Универсальное: *autobus*;

Центральная Америка и Мексика: *camion*;

Аргентина и Венесуэла: *colectivo*;

Перу и Уругвай: *omnibus*;

Чили: *micro*;

Канарские острова и Куба: *gua gua*.

Переводы могут означать различные значения в соответствии с их регионом, так: *camion* означает грузовик во всем испано-говорящем мире, включая Центральную Америку и Мексику. В Центральной Америке и Мексике грузовик называют *camion de carga*.

Слово *Colectivo* в нескольких странах Латинской Америки означает пассажирский транспорт.

Micro — во многих испано-говорящих странах является микроавтобусом.

Слово *Gua gua* в странах Анд является разговорным словом младенцев.

Lunch — в Испании и, в основном, в Латинской Америке, *almuerzo* означает *ленч*. В Латинской Америке это стандартное слово для *ленча*, но в Мексике это означает «легкая закуска в середине утра», тогда как в Испании *almuerzo* имеет коннотации официального *ленча*. Слово *Comida* является предпочтительным стандартным словом для *ленча* в Испании и Мексике.

Слово *Coger* посещающие Испанию туристы будут слышать постоянно. Оно имеет несколько значений: такие как «взять такси, автобус, карандаш», «собрать фрукты, цветы», «поймать мяч, вора», «идти по улице» и многие другие. Однако за пределами острова — в Аргентине, Мексике, Парагвае, Уругвае, Венесуэле — это эквивалент неприличного слова в английском языке. Даже в других латиноамериканских странах избегают его использовать. Решением проблемы является использование таких глаголов, как *fomar*, *agarrar*, *atrapar*, посредством которых соблюдается приличие.

Интересно отметить, что именно представители среднего и высшего класса ответственны за сохранение вариативности в языке на некотором постоянном уровне. Одним из важных принципов социолингвистической стратификации является устойчивость верхних слоев общества к лингвистическим преобразованиям, «предлагаемым» более низкими слоями. Это происходит в силу того, что для высших классов именно язык является социальным маркером, индикатором их социальной принадлежности, высокого социального положения, которым они дорожат [15].

По мнению Н.Ф.Блейка, английский язык впитал огромное количество иностранных слов в основном из-за прогресса в науке, технологии, отчасти — из-за развития новых политических идеалов, отчасти — из-за колонизации больших частей земного шара [2;76].

Одни особенности характерны для всех или большинства стран Латинской Америки, другие присущи испанскому языку отдельных государств. При всех взаимных отличиях, однако, испанский язык стран Латинской Америки и испанский язык Испании реализуют структурно единый тип языка.

Процесс билингвизма наблюдается в результате языковых контактов в истории английского языка. Он является характерной особенностью для Американского континента.

Использование двуязычия в разговорной речи, в художественной литературе, в средствах массовой информации позволяет сделать вывод о том, что он явился результатом экономических, социальных, культурных отношений. Он сближает народы и является необходимым в языковом пространстве. Английский язык в результате этих контактов не исчезает, а приобретает несколько иные формы, значения и особый колорит.

За счет влияния языков завоеванных стран процесс смешения языков породил новые языки, пиджин и креольские языки, которые возникали в результате массового, но неполного усвоения языков местным населением. В результате осуществлялось упрощение языка-основы, т.е. английского языка.

Процессы взаимовлияния языковых систем сильнее всего изменяют языки. Любой язык меняется на протяжении всей истории своего существования и претерпевает всевозможные изменения. Именно они влияют на его внешнюю и внутреннюю структуру. Региональные особенности испанско-

го языка Америки позволяют выявить богатую палитру фонетических, лексических и морфемных заимствований, его отличие от кастильского языка Испании.

Таким образом, говоря об особенностях функционирования заимствований, можно сказать, что испанские заимствования имеют практическое применение, которое приводит к обогащению словарного состава английского языка на протяжении всего исторического развития. В современном английском языке, по утверждению зарубежных лингвистов, имеются заимствования примерно из 50 языков.

Несмотря на такой приток иноязычных слов, английский язык не утратил своей национальной самобытности и подчинил большинство заимствованных слов, воздействовал на всю его лексическую систему словообразования, а также оказал влияние на переосмысление слов в развитии словарного состава английского языка.

Список литературы

- 1 *Kosman L.* American-Russian handbook. — N.Y., 1992. — 89 p.
- 2 *Blake N.F.* A History of the English Language. — London, 1996. — 299 p.
- 3 *Исаев М.К.* Особенности национальных вариантов английского языка в мире // Вестн. КазУМОиМЯ им. Абылай хана. — 2003. — № 2(6). — С. 34–39.
- 4 *Сенур Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М.: Прогресс универс, 1993. — С. 193.
- 5 *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика. — Минск: Тетра Системе, 2004. — С. 53.
- 6 *Jeanne Parr Lemkau.* Letter from Havana // Worldview magazine. — 2001. — № 1. — P. 37–39.
- 7 *Margolis.* A plot of their own // Newsweek. — 2002. — № 1. — P. 22–25.
- 8 *Jocelyn Cerrudo Sese.* Letting Go of Abuelo // American Journal of nursing. — 1998. — № 8. — P. 53.
- 9 *Антрушина Г.Б., Афанасьева О.В., Морозова Н.Н.* Лексикология в английском языке. — М.: Дрофа, 1999. — С. 262.
- 10 *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1984.
- 11 *Заботкина В.И.* Новая лексика современного английского языка. — М.: Высш. шк., 2001. — С. 196.
- 12 *Карлинский А.Е.* Роль двуязычия в международном сотрудничестве // Вестн. КазУ МОиМЯ им. Абылай хана // Международные отношения теория — практика — поиск. — Алматы, 1999. — С. 412.
- 13 *Rask R.* Betragtninger: an ledning af de Kredske Sprag // P.Diderichen.Kobenhavn. — С. 134.
- 14 *Ряховская Е.И.* Английский язык и английская социокультура во второй половине XX века // Вестн. МГУ. — 2001. — № 1. — С. 37–39.
- 15 *Fisher J.L.* Social influences on the Choice of a Linguistic Variant // Mir. — 1958. — 121 p.

Ш.С.Жақыпова

Лингвистикалық жүйелердің өзара ықпал етуі

Мақала ішкі және сыртқы тіл құрылысының өзгерістер мәселесін, оның ішінде әр түрлі лингвистикалық жүйедегі үдерістің әрекет және өзара ықпал етуін зерттеуге арналған. Зерттеу барысында АҚШ-тағы испан тілінің ұлттық нұсқалары, Испанияның кастиль тілінің айырмашылығы мәселелері қарастырылған. Американдық мақалалар деректерінде және журналдарында ағылшын және испан сөздерінің тығыз байланысы айқындалған. Ағылшын және испан сөздіктерінен таңдау әдісімен лексика мен фонетикадағы аймақтық ерекшеліктері көрсетілген. Американың он сегіз аймағынан испан тіліне аударылған ағылшын сөздеріне талдау жасалған.

Sh.S.Zhakupova

The mutual influence of the linguistic systems

The article is devoted to the problem of the changes of external and internal structure of language taking place in the process of interaction and mutual influence of different linguistic systems. The problems of national variants of the Spanish language of America, difference from Castilian language of Spain are considered. The close interaction of Spanish and English words was determined on the materials from American newspapers and journals. The regional peculiarities in vocabulary and phonetics were investigated from English and Spanish dictionary by the method of selection, the English words having translation into Spanish language from eighteen regions of America were chosen and analyzed.

Ш.С. Жакупова

Карагандинский государственный медицинский университет (E-mail: zhakshol@mail.ru)

Арабские и тюркские заимствования в английском языке

В статье рассмотрена одна из актуальных проблем лексикологии английского языка — заимствование, обогатившее его словарный состав. Основное внимание уделено вопросам роли и значения арабских и тюркских заимствований в английском языке. В работе освещены причины и способы появления заимствований, их ассимиляция, вопрос соотношения заимствований с исконной лексикой, функционирование в современном английском языке и связь с историческим развитием. Методом сплошной выборки из словарей иностранных слов выявлены арабские и тюркские заимствования, которые проникли в английский язык и относятся главным образом к особенностям жизни и быта.

Ключевые слова: арабские заимствования, тюркизмы, ассимиляция, функционирование, английский язык, испанский язык, исконная лексика, иноязычные элементы, прямые и не прямые заимствования.

С ростом политических, экономических отношений между странами английский язык заимствовал большое количество слов из языков народов, населяющих Азию, Африку, Северную, Южную Америку и Австралию. В современном английском языке, по утверждению зарубежных ученых, имеется много заимствованных слов, примерно из 50 языков. Заимствование увеличивает лексическое богатство, служит источником возникновения новых корней, словообразовательных элементов и терминов и является следствием условий социальной жизни человечества. Этим заимствованиям способствовали торговые отношения со всеми частями мира, поэтому значительная часть заимствований представляет собой названия иностранных изделий, попавших в Англию.

По мнению И.В. Арнольд, большинство слов, заимствованных в связи с колонизаторской деятельностью англичан, употребляется тогда, когда речь идет о той стране, откуда эти слова заимствуются, вне этой сферы они не используются и ощущаются как иностранные [1].

Английский язык заимствовал значительное количество иноязычных элементов неевропейских языков. Тесные политические, экономические и культурные контакты англичан с народами Востока не прошли бесследно для английского языка, который заимствовал значительное количество слов, выражающих новые понятия из жизни и быта других народов. Вне пределов Европы мы сталкиваемся прежде всего с арабскими и тюркскими заимствованиями.

Языком-адстратом, сыгравшим определенную роль в истории формирования и раннего развития иберо-романских языков, главным образом в лексике, можно считать арабский язык. Арабские заимствования составляют наибольшее количество слов восточного происхождения в английском языке. Эти слова отражают культурные и торговые связи Европы с Востоком.

В начале VII века н.э. Испания попадает под власть арабов (мавров), принесших с собой передовую для той эпохи культуру [2]. Арабы находились в Испании до конца XV века. Их высокая культура не могла не сказаться на языке коренного населения полуострова. По этой причине в испанском языке имеется значительное число слов арабского происхождения.

При подборе заимствованных слов из словаря [3] методом сплошной выборки было выявлено 15 арабских заимствований, которые проникли в английский язык опосредованным способом через испанский язык (см. табл.).

Т а б л и ц а

Арабские заимствования, вошедшие в английский язык через испанский

1	2	3
English	Spanish	Arab
	«А»	
Adobe	Adobe	At-tub
Alcove	Alcoba	Alcubba
Alfalfa	Al falfa	A-fasfafa
Artichoke	Alcarchofa	Al-karsufa
Apricot	Albaricoque	Albarkuk

1	2	3
	«C»	
Calibre	Calibre	Kalib
Camphor	Alcanfor	Kafur
Caraway	Alcaravea	Al-karawiya
Cork	Alcorque	Alcorque
Cotton	Coton	Cutn
	«F»	
Felucca	Faluca	Faluca
	«R»	
Roc	Rocho	Rukk
	«V»	
Vizir	Visir	Wazier
	«X»	
Xebek	Xabeque	Sabbak
	«Z»	
Zero	Cero	Sifr

Часть арабских слов попала в английский язык из греческого и итальянского языков, другая — из Испании, где мавры, говорившие на арабском языке, господствовали в течение 700 лет. Некоторые слова прошли более дальний путь — из Испании во Францию и лишь оттуда проникли в английский язык. Здесь наблюдается один из способов заимствований — опосредованный [4]. Так, слово *admiral*, которое произносилось Мильтоном как *amiral* — араб. — «*amir-al-bahr*», исп. *almirante* дословно «начальник моря», *antimony*, *arabesque*, *artichore*, *assasin*, *bedouine*, *caliph*, *caraway*, *coffee*, *cotton*, *garbage*, *garble*, *jasper*, *mask*, *masquerade*, *matras*, *saracin* и т.д. К числу прямых заимствований из арабского языка можно отнести *altarhegira*, *hookah*, *iman*, *islam*, *koran*, *mohair*, *moslem*, *mufti*, *nadir*, *simmon*, *sofa* и др.

Арабские заимствования составляют наибольшее количество слов в английском языке. Согласно исследованиям ученых, всего их насчитывается около 170, из них около 50 — прямых и 120 непрямых заимствований.

Некоторые слова арабского происхождения выражают понятия, характерные для жизни на востоке, например *emir*, *bedouin*, *fakir* — араб. *faqur* — «бедный человек»; *gazelle*, *giraffe* — исп. *jirafa* — араб. *zarafah*; *harem* — араб. *haram*; *hour* — перс. *huri* — *hawira*; *lute*, *myrrh*, *sheikh* — араб. *shaikh* «старик», *visier*.

Наибольшее количество арабских слов было заимствовано в XIV–XVI веках. В основном они представляют собой научные термины или обозначают предметы торговли, особенно восточные товары. Некоторые из них являются названиями лиц или связаны с мусульманской религией. Часть этих слов по своей семантике не поддается какой-либо классификации, ср. *camphor*. — «камфора» — ст. фр. — араб. *kafur*; *alkali* — «щелочь» — араб. *al quail*; *tartar* — «винный камень»; *zenith* — исп., *cenit* араб. *samt arras* — «путь сверху»; *azimuth* — араб. *as-sumut*; *amber* «амбра» — араб. *anbar*; *tara* — араб. *tarhan taraha* — «выбрасывать».

Alcoran, *mosque* — араб. *masgid* и др. *Arsenal* — араб. *dar accinah*, первоначальное значение этого слова в английском языке «док для ремонта кораблей»; *caliber* — араб. *galib*; *mameluke* — араб. *tamluk*; *sultan* — араб. *aultan*; *muezzin* — араб. *muatzzin*, причастие от *ana* «провозглашать», *magazine* — араб. *makazin* — «склады»; *jar* «кувшин» — фр. *jarre*-исп. *jarra* — араб., *jarrah*.

В XVII–XIX столетиях количество арабских заимствований незначительно, к ним относятся *allah*, *candy* — фр.-араб.-перс. — *quand* «сахар», *minaret* — араб. *manaret* и несколько других неассимилированных слов.

Значительное количество слов арабского происхождения относится к области математики и химии благодаря высокому развитию этих наук на арабском востоке в эпоху средневековья, например, *alcohol* — ср. лат. — араб. *al jebr*, дословно «сложение сломанных частей».

Сотни слов арабского происхождения сегодня образуют часть кастильского словаря, среди них *ojala* (я надеюсь, что), в котором мы видим арабское *Allah*; *alcalde* (мэр), а английское *mayor* — из испанского. *Alcohol*, *algebra*, *alfalfa*, *algodon* (хлопок) — все из арабского. Как и *arroz* (рис) *azncor* (сахар), *naranja* (апельсин), *Gibraltar*, *Gvadalqwivir*, *Gvadalupe*, *Gvadalajara*, *Madrid* арабского проис-

хождения. Арабы часто были посредниками проникновения древнегреческой культуры в Западную Европу, где она была в то время еще мало известна. Об этом свидетельствуют слова *alchemy, alembic, carat, electric, talisman*, они, в конечном счете, древнегреческого происхождения, заимствованные из арабского языка. К прямым заимствованиям из арабского языка относятся *albatros, altar, hegira, hoo-kah, iman, islam, khalif, koran, mohair, moslem, mufti. Nadir, simmon, sofa* и др. О различных путях заимствования арабских слов свидетельствует возникновение отдельных дублетов арабского происхождения. Так, арабское слово в значении «напиток» было введено в английский язык непосредственно из арабского в двойной форме *sherbet* и *shrub*. Заимствованное из арабского языка испанским, а затем французским языком то же слово *sifr* (*cipher*) через испанский и французский достигает английский в форме *cipher*. Через нижнелатинский и итальянский оно попадает в английский язык в форме *zero*.

Существительное и прилагательное *rice* часто используются в древнеанглийском языке. В других германских диалектах обнаружены соответствующие слова (др. верх. нем. *rihti*, в готском *reiks* «мощный») [5]. Следы кельтского влияния встречаются не только в древнеанглийском, но и в других языках германской группы, так как кельты жили не только на Британских островах, но и на Европейском континенте. К числу этих слов относятся англ. *rice* «власть», «властный», «могущественный»; *risein* «управлять» (ср. немецкое *Reich*), (урду) *rais* — «знатный, благородный» [6]. В Среднюю Азию принесли это слово арабы. Любой начальник — раис [7]. *Rice* является составной частью некоторых собственных имен, таких как *Frederick* и *Roderick*, а также слова *bishoprick*. В португальском и испанском языках также присутствует это слово.

Английский язык приобрел небольшое количество тюркских заимствований. Тюркские языки — языки близкородственных народов, таких как азербайджанцы, балкарцы, башкиры, гагаузы, казахи, караимы, каракалпаки, карачаевцы, кумыки, татары, турки, туркмены, узбеки, чувашаи и др. Всего тюркских народов свыше 40. Общая численность тюрков около 150 миллионов. Англичане и турки разнятся не только географически, но и культурно. Рядом не живут, роль и авторитет даже самого известного тюркского языка — турецкого несравнимы с ролью и авторитетом английского.

Но так было не всегда. В разные времена и в разных местах Евразийского континента тюркские народы создали множество разных государств, в том числе и такие могущественные, как Гуннская империя, Тюркский каганат, Золотая Орда, Империя Тимура.

И, естественно, языки тюркских народов оставили множество следов в самых различных языках, в том числе и в английском. По данным исследователей, в английском языке существует около четырехсот тюркизмов, 55 % которых составляют этнографические реалии, 26 % относятся к общественно-политической лексике, 19 % являются природными реалиями [8]. Среди них наиболее известны такие слова, как *badian, beech, irbis, jougara, mammoth, sable, taiga, turkey* и др. В этой же группе 18 названий минералов. Наиболее освоенные общественно-политические реалии: *bashi — bazouk, begum, effendi, chiaus, cossack, ganch, horde, janissary, khan, lackey, mameluke, pasha, saber, uhlan*. Среди этнографических реалий также есть слова, ставшие неотъемлемой частью английской лексики: *caviar, coach, kiosk, kumiss, macrame, shabrack, shagreen, vampire* и др. [9;18].

Тюркские слова английским языком заимствовались как при прямых контактах, так и через языки-посредники. Слова тюркского происхождения начали проникать в язык англосаксов в конце IV века, когда они были покорены гуннами-тюрками. В 376 г. вся Центральная Европа оказалась под властью гуннов и только в 449 г., незадолго до смерти короля гуннов Атиллы, первые группы англосаксов и ютов начали переселяться на Британские острова. Этот процесс переселения длился около 150 лет.

Таким образом, прямое влияние тюркской лексики на древнеанглийский язык в условиях доминирования тюрков над германскими племенами длилось, по меньшей мере, 73 года. Учитывая превосходство тюрков того времени над германскими племенами как в культурном отношении, так и в воинском деле, делаем вывод, что в древнеанглийский язык должно было войти много тюркизмов, особенно военной, коневодческой терминологии, а также слов, обозначающих понятия, связанные со структурой государства.

Некоторые исследователи относят к тюркизмам гуннского периода такие слова, как *beech, body, girl, beer, book, king* [9;23].

В процессе развития английского языка большинство древнеанглийских слов, в том числе тюркского происхождения, заимствованные в гуннский период, были вытеснены словами либо из других германских языков, либо из старофранцузского. Так, например, древнеанглийское слово тюркского происхождения *tapor* было вытеснено общегерманским *axe*. Еще один путь возможного проникнове-

ния тюркизмов в древнеанглийский, а также в среднеанглийский язык — викингский. Викинги с IX по XII век долго и активно контактировали с болгарами, печенегами, кипчаками и другими тюркскими племенами и, наверняка, заимствовали от них какие-то понятия. Викинги — участники морских походов скандинавов в конце IX– середине XI веков (на Руси были известны под названием варягов, в Западной Европе — норманнов), морские кочевники, воины и торговцы — начавшие свою экспансию еще с V века, особенно ценили гуннские мечи. А в эпоху скандинавского владычества над Англией (IX–XII вв.) язык викингов оказал сильное влияние на английский язык [10].

В XI–XIII веках тюркизмы проникали в английский язык через старофранцузский язык, на котором говорила правящая верхушка Англии. Прямые контакты англичан с тюрками начались во времена крестовых походов, в которых принимали участие и английские феодалы со своими воинами. С 1096 по 1270 гг. было предпринято восемь крестовых походов в Палестину для «освобождения гроба господня».

Основным противником, с кем пришлось столкнуться крестоносцам, были тюрки, или, как их называли на Западе, сарацины. Интересно, что одним из названий гречихи в английском языке является *Saracen corn* — «сарацинский злак», что прямо указывает на место и время заимствования этой культуры. Европейцы распространили название тюркского племени «*Saracen*» (синонима *кипчак*) на всех мусульман, в том числе и на арабов Сирии, Палестины и Египта, вследствие чего большинство этимологических словарей слово *Saracen* относят к арабизмам. Сарацины — у античных писателей — название арабского населения Северо-Западной Аравии; в средневековой Европе это название распространилось на всех арабов и некоторые другие народы Ближнего Востока [11; 228]. Это пример характерной для европейских лингвистов ошибки при выявлении этимологии того или иного ориентализма, когда тюркский фактор в арабском и персидском языках почти не учитывался. Например, если какое-то английское слово, скажем, *kourbash* или *kismet*, имелось и в тюркском и в арабском языках, то европейские этимологи автоматически причисляли это слово к арабским заимствованиям в английском языке. Между тем в арабском и персидском языках есть значительные пласты тюркской лексики.

Еще один пример неверной этимологии — заимствование эпохи крестовых походов *sabot*. Считается, что *sabot* и его производные *saboteur*, *sabotage* были заимствованы из французского языка, куда слово *sabot* через турецкий попало из арабского языка. Этимомом *sabot* указывается арабское *sabbat* — «сандалия». На самом же деле и в арабский, и в старофранцузский языки это слово попало путем заимствования из языка тюрков — сарацинов, проживавших на Ближнем Востоке [9; 41].

Известно, что тюркское слово *чабат* (*чабата*, *цабат*, *сабат*, *шабат*) произошло от глагола *чабу* — «резать, рубить» и первоначально означало «обувь, вырезанную из цельного куска древесины». Затем оно стало обозначать разные виды деревянной обуви, в том числе плетеной. С выходом большинства видов деревянной обуви из употребления это слово в разных тюркских языках стало обозначать различные виды обуви. В современном татарском языке слово *чабат*, *чабата* означает «лапоть», т.е. обувь, сплетенная из лыка. В старофранцузский язык это слово было заимствовано в первоначальном значении — «башмаки на деревянной подошве, или выдолбленные из дерева; летние женские сандалии без задников на высокой подошве» — *sabot* [11; 224].

В английском языке, кроме *sabot*, *saboteur*, *sabotage*, есть еще несколько тюркизмов — производных от глагола *чабу*. Это такие слова, как *chabouk* (*chabuk*, *chawbuk*) — «бич, длинный хлыст»; *chibouk* — «чубук, трубка»; *saber* (*sabre*) — «сабля»; *sjambok* — «плетка, бич из кожи носорога».

Производные от глагола «чабу» проникали в английский язык через французский, немецкий, африкаанс, малайский и индийские языки. Во всех этих тюркизмах сохранилась в какой-то мере семантика глагола *чабу* — «резать, рубить, хлестать» [9; 55].

Одним из путей проникновения тюркизмов в английский язык стало заимствование английским языком индийских слов, среди которых были и слова тюркского происхождения. В XVI веке были основаны первые английские фактории в Индии, но основная масса вошедших в английский язык индийских слов приходится на XIX век, когда Индия стала колонией Британской империи. Из различных индийских языков в английский язык попало около 900 слов, 40 из которых в свою очередь являются словами тюркского происхождения, например: *beebee*, *begum*, *burka*, *cotwal*, *kajawah*, *khanum*, *soorme*, *topchee*, *Urdu*.

Через русский язык в английский попало свыше 60 тюркизмов: *astrakhan*, *ataman*, *hurrah*, *kefir*, *koumiss*, *mammoth*, *irbis*, *shashlik* и др.

Через польский язык в английский попали слова *hetman*, *horde*, *uhlan*.

Из венгерского при посредничестве немецкого и французского языков в английский язык пришли такие тюркизмы, как *coach*, *haiduk*, *kivasz*, *vampire*.

Одним из самых употребляемых тюркизмов в английском языке является *coach* — «большая крытая телега» в основном значении. Большинство этимологических словарей указывают первоисточником слова *coach* название деревни в Венгрии — *Kocs*, где якобы была сделана первая большая крытая телега. Но еще в древнерусском языке было известно тюркское заимствование *кочь*, обозначавшее «большую крытую телегу для кочевания», которую позже начали называть кибиткой [9;73].

Слова переходили в английский язык через разные языки, например, немецкий: *shabrack*, *trabant*; испанский: *bocasin*, *lackey*; латинский: *janissary*, *sable*; итальянский: *bergamot*, *kiosk*. Наибольшее количество тюркизмов перешло в английский язык из французского, например: *badian*, *caique*, *caviar*, *odalisque*, *sabot*, *turkuose*. В случаях, когда тюркизмы переходили в английский язык через несколько языков, чаще всего последним языком был французский [9;43].

С 1579 года между Турцией и Англией установились дружественные отношения. В Турцию направились большое количество английских торговцев. Там были созданы английские торговые колонии и построены англиканские церкви. Англичане, оказавшиеся в Турции, подробно описывали в письмах, дневниках и отчетах нравы, быт, обычаи, материальную культуру, общественно-политическое устройство Турции.

Английские писатели активно употребляли в своих произведениях на восточную тематику тюркские слова. Особенно много тюркизмов употребляли Кристофер Марло, Шекспир, Байрон, Скотт.

Большинство тюркизмов, вошедших в английский язык до XIX века, уже вышло из употребления. Оставшиеся употребляются в основном при описании флоры, фауны, быта, обычаев, общественно-политической жизни и административно-территориального устройства тюркского региона.

Однако есть немало тюркских заимствований, относящихся к общеупотребительной частотной лексике. Некоторые тюркизмы, например, *bosh*, *caviare*, *coach*, *horde*, *jackal*, *kiosk*, развивают новые значения, не присущие их этимонам.

Тюркские собственные имена таких грозных завоевателей, как *Attila*, прозванный *the Scourge of God* (*Бич Божий*), *Gengis Khan*, *Baber*, *Tamerlane*, стали именами нарицательными. То же произошло и с этнонимами *hun*, *saracen*, *Tartar*, *Turk*. Строптивного, упрямого ребенка англичане могут назвать *young Tartar* — «татарчонок». «Встретиться с более сильным противником» звучит по-английски *to catch a Tartar*, т.е. «нарваться на татарина» [9;7].

Методом сплошной выборки из словаря иностранных слов [11] было выявлено 27 тюркских заимствований, которые проникли в английский язык и относятся главным образом к особенностям жизни и быта. Из 5000 слов и словосочетаний тюркские заимствования составляют 0,54 %. Эти заимствования ассимилированы слабо английским языком и выражают понятия, характерные для тюркских народов.

Argamak — аргмак (старинное название верховых лошадей восточной породы).

Aryk — арык (в Азии и на Кавказе оросительная канава, часто расположенная вдоль дороги).

Balyk — рыба (соленая или вяленая спинная часть красной рыбы).

Barkhan — бархан (скопление сыпучего песка, создаваемое ветром в пустынях и не закрепленное растительностью).

Beshmet — бешмет (верхняя мужская одежда, распространенная у ряда народов Северного Кавказа и Средней Азии).

Dolma — долма (фарш, голубцы из рубленого мяса, обычно баранины, завернутого в виноградные листья).

Esaul — есаул (в старину казачье звание и должность).

Fig — инжир (фиговое дерево семейства тутовых и его плоды, называемые также фигами, культивируются во многих странах).

Kizyak — кизяк (прессованный навоз, используемый как топливо).

Koumiss — кумыс (кисломолочный напиток из кобыльего молока).

Kurgan — курган (древний могильный холм).

Kujruk — курдюк (подкожные жировые отложения в виде больших наростов на задней части туловища курдючных овец).

Horde — орда (ставка правителя государства).

Sazan — сазан (рыба семейства карповых).

Saiga — сайгак (парнокопытное животное из группы антилоп).

Saxaul — саксаул (род деревьев или кустарников семейства маревых, растущих в солончаковых и песчаных пустынях Средней Азии).

Seral — сераль (в странах Востока дворец, его внутренние покои; гарем).

Sultan — султан (1. титул монарха в некоторых мусульманских странах; 2. украшение в виде перьев или конских волос на головных уборах; 3. соцветие многих злаков, похожее на сложный колос).

Muslin — муслин (мягкая тонкая хлопчатобумажная или шелковая ткань).

Khan — хан (титул феодального правителя).

Turban — чалма (головной убор восточных народов в виде полотнища легкой, часто шелковой ткани, обернутого вокруг головы прямо поверх волос, иногда с украшениями).

Cheburek — чебурек (восточное кушанье, пирожок довольно большого размера, плоский из слоеного теста, жаренный в масле, с мясной, обычно бараньей, начинкой).

Shashlik — шашлык (блюдо из мяса, чаще всего баранины, иногда с овощами, зажаренного на вертелах над огнем).

Yurta — юрта (переносное, конусообразной формы жилище народов Центральной и Средней Азии и Сибири; состоит из деревянного остова, покрытого войлоком).

Janizary — янычары (привилегированная пехота в султанской Турции до 1826 г., выполнявшая полицейские и карательные функции; каратели, палачи).

Yarlyk — ярлык (1. ханская грамота в монголо-татарских ханствах; 2. наклейка на товаре с названием товара, стоимостью, местом производства; 3. шаблонная, стандартная, обычно неодобрительная краткая характеристика, оценка кого-, чего-либо).

Yataghan — ятаган (рубяще-колющее оружие с лезвием на вогнутой стороне клинка у народов Ближнего и Среднего Востока).

В ходе исследования было выявлено 15 арабских заимствований, пришедших в английский через испанский язык, и 27 тюркских заимствований.

Таким образом, рассмотрев проблему заимствований, можно заключить, что арабские и тюркские заимствования внесли свой вклад в лексику английского языка. Они не были усвоены английским языком и проникли в английский язык в основном опосредованным способом, т.е. посредством других языков.

Характерной чертой слов, заимствованных непосредственно из языка, является сохранение ими в большинстве случаев своих первичных значений.

Слово претерпевает фонетические и морфологические изменения в процессе ассимиляции и его заимствования в другой язык. Не отрицая факта некоторого засорения английской лексики словами, заимствованными из классических языков, мы считаем, что английский язык в целом не пострадал от большого притока иноязычных элементов. Наоборот, можно говорить о несомненном обогащении словарного состава английского языка.

Список литературы

- 1 *Arnold I.V.* The English Word. — Moscow: Higher school, 1986. — P. 228.
- 2 *Леви-Провансаль Эварист.* Арабская культура в Испании. — М.: Наука, 1967. — С. 69.
- 3 *Hoad T.F.* The concise Oxford dictionary of English. — Oxford, 1993. — 552 p.
- 4 *Арсеньева М.Г.* Введение в германскую филологию. — М.: Гис, 2003. — С. 167.
- 5 *Serjeantson M.A.* History of Foreign Words in English. — London, 1937. — P. 55.
- 6 *Makhdoom Sabri.* Home dictionary Urdu to English. — Lahore, 2001. — P. 285.
- 7 *Сулэйменов О.* Эссе, публицистика. Стихи, поэмы. Аз и Я. — Алма-Ата: Жалын, 1989. — С. 581.
- 8 *Багинская И.Н.* К проблеме ассимиляции заимствований. — М.: Эдиториал, 2001. — С. 141.
- 9 *Хамидуллин Р.Ф.* Тюркизмы в английском языке. — Казань: Свет, 2002. — 217 с.
- 10 *Кеслер Я.М.* О языковом древе познания. — М.: Лира, 1999. — С. 69.
- 11 *Гришина Е.А.* Иллюстрированный словарь иностранных слов. — М.: Астрель, 2008. — 319 с.

Ш.С.Жақыпова

Ағылшын тіліндегі араб және түркі кірме сөздері

Мақала ағылшын тілі лексикологиясындағы маңызды мәселелердің бірі — оның тарихы бойы сөздік қорын байытқан кірме сөздерге арналды. Ағылшын тіліне араб және түркі тілдерінен енген сөздердің ролі мен маңыздылығына назар аударылды. Зерттеу барысында кірме сөздердің пайда болу себептері және ену жолдары, олардың ассимиляциясы, ежелгі кірме сөздердің лексикасының кірме сөздермен арақатынасы, қазіргі ағылшын тілінде кірме сөздердің атқаратын қызметі және тарихи даму байланысы ашылып көрсетілді. Сөздіктен таңдау әдісімен тұрмыс-тіршілікке қатысы бар ағылшын тіліне араб және түркі тілдерінен енген сөздер анықталды.

Sh.S.Zhakupova

The Arabic and Turkic borrowings in the English language

This article is devoted to one of actual problems of a lexicology of English — to loans enriching its vocabulary structure. The main attention is paid to problems of a role and value of the Arabic and Turkic loans in English. The reasons and ways of emergence of loans, their assimilation, a question of a ratio of loans with primordial lexicon, functioning in modern English and communication with historical development are highlighted in the given work. The Arabic and Turkic loans which penetrated into English and referred mainly to the peculiarities of life and the way of life are revealed by means of continuous sampling from the dictionaries of foreign words.

ҰСТАЗ ТУРАЛЫ ЕСТЕЛІК ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧИТЕЛЕ

Памяти казахстанского ученого-тюрколога Алтая Сарсеновича Аманжолова

Работа по выявлению и изучению древнетюркских рунических надписей на территории Казахстана, несомненно, будет продолжена. Залогом успехов в этом должно стать формирование высококвалифицированных научных кадров, создание в Казахстане солидной научной школы по древнетюркской тематике, искоренение невежества и дилетантизма в науке.

А.С. Аманжолов

В рутинных заботах повседневно с болью воспринимаешь уход своих Учителей в разных концах мира. Алтай Сарсенович не был моим Учителем в обычном понимании этого слова. Мне, к сожалению, не пришлось быть студенткой КазГУ (ныне КазНУ, Алматы), посещающей его курсы, и встреча наша в Астане была недолгой. Но его фундаментальный труд «История и теория древнетюркского письма» (2003) стала для меня одной из основополагающих книг, формирующих мое мировоззрение. Будучи по образованию русистом и переводчиком (англ.), а по этнической принадлежности казашкой, родившейся в России, на протяжении своей научной деятельности я изучаю доступные мне труды по тюркологии, чтобы понять истоки и корни моих предков, моего этноса, моего народа, его культуры, достижений в науке.

Особая заслуга Алтая Сарсеновича для меня заключается в обосновании им собственной позиции в двухсотлетнем изучении возникновения первой алфавитной письменности у древних тюркоязычных племен, в серьезной критике конъюнктурных установок официальной советской науки относительно «старописьменности» и «младописьменности» тюркских языков. Тюркские рунические письмена и их генезис в его осмыслении и изложении способствуют исчезновению белых пятен археологии, истории, лингвистики, этнологии.

Способность Алтая Сарсеновича изучать пути и времена возникновения первой алфавитной письменности у древних тюрков уникальна. Кропотливый труд, настойчивость в реализации своих идей и чрезвычайная внимательность к другим мнениям, любым наблюдениям, выводам, фактам, находя им место в своей теории, — принцип работы Алтая Сарсеновича. Очевидно, эти свойства его личности подвели к выводу о том, что «тюркоязычные народности и их языки имеют весьма древнюю письменную традицию, восходящую, по крайней мере, к рубежу нашей эры». И попытка официальной науки в ее западнцентристском изводе лишить важных страниц истории тюркских народов, а именно наличия алфавитного, или буквенно-звукового, письма — величайшего достижения как тюркских культур, так и в целом — мировой культуры, оказалась, мягко говоря, неудачной. Вместе с тем, ученый предостерегает последующих исследователей от «поспешных выводов» как «в определении родоплеменной принадлежности отдельных недатированных памятников древнетюркской письменности», так и в желании «сближать древние языки (диалекты) тюркских племен и племенных союзов с современными общенародными и национальными тюркскими языками».

Алтай Сарсенович однозначно пишет об ограниченности узкого подхода в осмыслении проблем тюркского языкознания: «Языковые особенности древнетюркских памятников в известной мере отражают давно пройденный этап всех живых тюркских языков, поэтому трудно согласиться с одноким попытками отнести некоторые рунические памятники к истории исключительно одного какого-либо современного языка» (2003).

Очевидно, что многие вопросы истории развития тюркских языков, и в частности — казахского языка и культуры, будут корректироваться в соответствии с результатами исследования А.С. Аманжолова. Мне бы хотелось остановиться на некоторых из них:

«Наличие у древних тюрков древнегреческого алфавита, характерного для середины I тысячелетия до н.э., и тюркского рунического алфавита, возникшего, судя по всему, не позже середины I тысячелетия до н.э., недвусмысленно указывает на поразительное совпадение исторических судеб этих близкородственных алфавитов в долине Или и свидетельствует о древнейшей письменной традиции тюркоязычных племен.

<...> Ранние типы письма (пиктография, идеография), засвидетельствованные на территории Казахстана, отражают этапы развития прототюркской цивилизации при неперемной организующей роли языка и письменности.

<...> Палеографический анализ древнетюркских рун, в свою очередь, приводит к выводу о весьма ранней дате сложения тюркского рунического алфавита в Южной Сибири и Семиречье — не позже середины I тысячелетия до н.э. Этот алфавит обнаруживает близкую генетическую связь, во-первых, с ранними типами древнегреческого алфавита (особенно с малоазийскими и италийскими) и, во-вторых, с северносемитско-финикийским (в том числе с ранним арамейским) и южносемитским алфавитами. Вместе с тем тюркский рунический алфавит выступает как очень богатая и вполне самостоятельно сложившаяся графическая система. Тесная генетическая связь тюркских рунических знаков с ранними семитскими, древнегреческими, италийскими и малоазийскими буквами объясняется тем, что тюркский рунический алфавит прошел долгий путь развития и, по-видимому, восходит к древнейшему общему источнику алфавитных письменностей.

<...> Для решения проблемы происхождения тюркского рунического алфавита важное значение приобретает гипотеза о древнейшей генетической общности тюркских языков с индоевропейскими» [1].

Продуктивность основных идей в общей концепции А.С. Аманжолова начала осознаваться научным сообществом с 50-х годов прошлого века, о чем красноречиво свидетельствуют отзывы Л.Н.Гумилева, Вл. Насилова, В.В. Шеврошкина, С.А. Соколова, А.Х. Маргулана, Т.М. Гарипова, Г. Сайтбатталова, М.М. Копыленко и других.

Прикладное значение исследований Алтая Сарсеновича Аманжолова несомненно, и это будет еще отмечаться в работах как ряда ведущих ученых, специалистов-тюркологов, так и его учеников.

Формирование высококвалифицированных научных кадров тюркологов, создание в Казахстане солидной научной школы по древнетюркской тематике, искоренение невежества в отношении истории тюркских языков — о чем мечтал Алтай Сарсенович — начали свой самостоятельный отсчет в двадцатилетней истории суверенного Казахстана.

Хотелось бы надеяться, что трудам Алтая Сарсеновича Аманжолова уготован высокий уровень преемственности в лице учеников, последователей, молодых тюркологов не только Казахстана, но и других стран мира.

Список литературы

- 1 Аманжолов А.С. История и теория древнетюркского письма / А.С. Аманжолов. — Алматы: Мектеп, 2003. — С. 307–308.

У.Бахтикиреева,
д-р филол. наук, проф.,
Российский университет дружбы народов,
Москва, РФ

Филологии — жить

Приветственное слово на открытии конференции

Кафедра классической и русской филологии Карагандинского государственного университета им. Е.А.Букетова приветствует участников Республиканской научно-теоретической конференции «Филология и современное гуманитарное знание». Особенность ее в том, что, несмотря на снижающийся общий интерес к филологии и гуманитарному знанию, и у старшего, и у молодого поколения не исчезает потребность в научном творчестве.

Когда я впервые прочитала об увядании современной филологии, то была удручена и испытала физическое недомогание. А сегодня, как и все мы, я учусь жить в этих условиях. Профессиональная жизнь в тисках тотального отказа от чтения приобрела свои особенности. Чтение в традициях русской культуры — это чтение художественной литературы. Вот без нее новое поколение научилось жить. И нам необходимо учиться учить новое поколение чтению. И не только художественной литературы. Ибо новое поколение живет, поглощая визуальную и слуховую информацию. Почему бы не принимать это содержание жизни нынешних людей как достойную замену чтению?

Однако филология убедительно учит не альтернативному отношению к миру (или – или), а широте восприятия мира: и то и другое. Сегодня с нами молодые филологи-исследователи, которые естественно живут и в мире чтения, и в визуальном и слуховом мире. И это придает нашей конференции особый эмоциональный ореол. Это рождает в нас — старшем поколении, прошедшем через другую школу, особое чувство, которое я бы назвала *радость-надежда*. Не иссушается филологический мир, не иссякает интерес к филологии. Потому что пребывание в филологии — это всегда пребывание в мире Слова, о котором мы знаем, что в нем, в Слове, в свернутом виде заключена вселенная со всей ее бесконечностью. В этой вселенной Словом создаются новые миры, которые творят художники. Но рядом с мирами Джона Донна и Пушкина, Джейн Остен и Достоевского рождаются и существуют миры поменьше и совсем маленькие — это миры читателей и тех, кто владеет речью, т.е. каждого из нас говорящего, это миры тех, которые Словом осваивают и объясняют другие миры. По сути — это мы с вами.

Мы надеемся и верим, что филология не угаснет. Потому что она, как никакая другая область знания, связана с памятью. Жизненные ценности, составляющие основу филологии, всегда будут противостоять жизненным принципам, лежащим в основе глобализации. Глобализация стирает в человеке «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам». Филология лелеет прошлое, чтит его, склоняется над ним, вглядываясь и вдумываясь в слова и словесные картины. Она воскрешает (реконструирует) прошлое. Но это не значит, что филология ратует только за прошлое и за привязанность к родным местам. Человечество разное. И всегда будут и генетические домоседы, и те, кому важно мир увидеть — странствователи, как их называл К.Н. Батюшков. Филология формирует и сохраняет культурную идентичность. Она самим существованием литературы формирует код общения и узнавания, общее наше ядро. Без него мы дискретные, разъединенные, одинокие сущности. Потому любите филологию, живите в ней. Учитесь свою любовь передавать другим. Ибо в любви всегда есть жертва, без которой любовь превращается в похоть.

Желаю всем нам праздника, не праздности, а труда. Такие встречи, как сегодняшняя конференция, не предполагают открытий, а основываются на преодолении робости, страха, лени, на возможности по-своему посмотреть на многоликий мир Слова. Это возможность поделиться по-своему увиденным и почувствовать себя в состоянии со-творчества с Творцом, давшим нам Слово.

На конференции, которая проходит по секциям «Современные парадигмы художественности», «Русский язык в синхронии и диахронии», «Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики», «Процессы интеграции и методология современных гуманитарных наук», выступают докладчики из вузов Караганды, Астаны, Алматы, Шымкента, Кызылорды, среди них как преподаватели, так и магистранты и студенты. Такое соучастие будет, как мы считаем, интересным и полезным и учителю, и ученику.

Удачи всем!

25 октября 2012 г.

Т.Т.Савченко, д-р филол. наук, проф.

Секция 1 Көркемдіктің қазіргі парадигмалары Современные парадигмы художественности

УДК 82.1:281.93(19)

Т.Т.Савченко

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова (E-mail: jul_art@mail.ru)

Своеобразие «я» в лирической книге Н.Заболоцкого «Столбцы»

В статье проанализирован субъект речи «я», который в лирической книге выполняет жанрообразующую функцию. В «Столбцах» Н.Заболоцкого «я» меняет свой статус, эпизодически появляясь в семи стихотворениях. «Я» существенно отличается от традиционного субъекта речи: это не лирический герой, а один из персонажей, отличающийся от автора. Исследование позволяет корректировать прежнюю трактовку «я» в «Столбцах».

Ключевые слова: субъектный строй, лирический герой, субъект речи, персонаж, лирическая книга.

Традиционное для лирики высказывание от лица «я» появляется в «Столбцах» очень редко. На 22 стихотворения объемом 1099 стихотворных строк персонаж с именем «я» эпизодически возникает в семи стихотворениях («Белая ночь», «Черкешенка», «Лето», «Пир», «Ивановы», «Обводный канал», «Бродячие музыканты»). Это персонаж, представленный скупой и ограниченно: *Я шел подальше; И я стою; И весело было не мне одному; О штык ... и я с тобой, я вижу, я стою, я вынул маленький кистик; сохнет молодость моя.* «Я» в книге — это персонаж. Сегодня мы уточняем место и статус «я» в «Столбцах». Образ «я», намеченный контрапунктом в стихотворениях анализируемой книги, не может быть квалифицирован как лирический герой в том толковании этой категории, в каком она утвердилась в теории и практике XX века. Образ поэта в первой книге Н.Заболоцкого значительно сложнее, чем тот образ, который предстает в форме «я». Сегодня со всей определенностью можно утверждать, что в «Столбцах» нет лирического героя как единой личности со своей биографией и судьбой. Субъекта «я» можно назвать одним из персонажей книги, у которого появляются единомышленники, выступающие в форме «мы». Такое проявление единомыслия есть в стихотворениях «Футбол», «Черкешенка», «Ивановы», «Свадьба». Наполнение «мы» оказывается многообразным. Так, в «Футболе» «мы» несет в себе семантику обобщения безличного множества людей. Какую же смысловую линию завершает венчающее все стихотворение «мы»?

«Футбол», в отличие от «Красной Баварии» и «Белой ночи», включает в себе иносказание. Форвард — нападающий — это всегда инициативный, опережающий всех. На нем ответственность быть и стратегом, и тактиком. Он всегда быстрее всех. А потому и сопротивление ему, столкновения его с другими непременно, обязательные. Сила этих столкновений так велика, что она ломает, губит форварда. И этим обусловлено не радостное заключительное высказывание «мы живем», а констатирующе обреченное, интонационно завершающееся точкой. Без форварда жизнь приобрела вялое течение и обыденность:

*Над землею
заря упала глубока,
танцуют девочки с зарею
у голубого ручейка;
все так же вянут на покое
в лиловом домике обои,
старееет мама с каждым днем....
Спи, бедный форвард!
Мы живем [1; 344].*

Стих «Спи, бедный форвард!» предстает в важном семантическом значении: смотри, какая спокойная жизнь. Она течет по своим естественным законам: девочки танцуют, обои ветшают (вянут), мама стареет. Жизнь идет. Мы живем. А ты рвался в бой, первым нападал. И что? Ты в могиле, а мы живем.

В этом стихотворении нашла отражение обывательская философия жизни, которая может быть сведена к следующему: зачем рваться в бой? Что ты хочешь от этого получить? Живи спокойно. Иначе вынесут тебя ногами вперед («задом наперед»). Объективное повествование призвано выразить авторскую мысль. Но автор — носитель обывательской позиции? Вот здесь-то и спрятана истинная позиция автора. Он предстает перед читателем ироничным, уводящим истинный смысл в подтекст. Возникает мысль об амбивалентной авторской позиции. Финальная строфа «Футбола» выламывается из стиля, заданного предыдущим текстом. В первых четырех строфах глаголов, обозначающих преимущественно движение, 22 (*ликует, летит, стучается, танцует* (дважды), *хватают, поят, свалились, расправил, слетает, бьет, падает, вертится* (дважды), *дымится, открывает, пали, вытер, приходит, вставляет, открылся*, деепричастие *бренча*). В заключительной строфе глаголы обозначают чаще процесс увядания, старения (*сохнет, спи, вянут, стареет*). А главное — содержание предшествующего текста таит в себе некую неясность, логическую несостоятельность. Читатели не однажды отмечали эту смысловую (содержательную) затемненность. Поэт Яков Хелемский вспоминает: «Многократно перечитывая стихотворение «Футбол», увлекшее меня, я все никак не мог уяснить, что же произошло с бедным форвардом — то ли он смертельно травмирован во время матча, то ли его ночью мучают кошмары?» [2]. Разделяет такое понимание «Футбола» И.Е.Лоцилов: «Мы никогда не поймем, что же произошло с бедным форвардом» [3].

Заключительная пятая строфа начинается с изображения надгробия с рисунком и надписью:

*Над ним два медные копы
упрямый шар веревкой вяжут,
с плиты загробная вода
стекает в ямки вырезные
и сохнет в горле виноград.*

Завершилась одна жизнь. Продолжается жизнь многих оставшихся, которые объединены местоименной формой «мы». За этим «мы» бесконечное неиндивидуализированное множество, даже не единомышленников, а любых единиц, составляющих множество.

Значимо связано с «Футболом», занимающим третью позицию в 1 части книги, стихотворение «Черкешенка», находящееся на той же третьей позиции во 2 части. Заглавия перекликаются по принципу схождения — расхождения. Заглавие второго стихотворения вызывает ассоциации с произведением А.Пушкина. Известно, что одна из южных поэм — «Кавказский пленник» — имела вариант заглавия — «Черкешенка». В письме к В.П.Горчакову осенью 1822 года поэт писал: «Конечно, поэму приличнее было бы назвать «Черкешенкой» — я об этом не подумал» [4;55]. Поэт особо выделял эту героиню. В черновике письма Н.И.Гнедичу от 29 апреля 1822 года поэт пишет: «Черкешенка моя мне мила, любовь ее трогает душу» [4; 384]. В поэме А.Пушкина предстает Кавказ, его природа, изображение национальной жизни: «Черкесы, их обычаи и нравы занимают большую и лучшую часть моей повести» [4; 55]. В стихотворении Н.Заболоцкого редкие приметы быта обозначены лаконично, как располагает к этому лирика. Но переключки с Пушкиным очевидны:

*В час ранней, утренней пролады,
Вперял он любопытный взор
На отдаленные громады
Седых, румяных, синих гор. ...
И в их кругу колосс двуглавый,
В венце блистая лебяном,
Эльбрус огромный, величавый,
Белел на небе голубом [5; 97].*

*Когда заря прозрачной глыбой
Придавит воздух над землей,
С горы, на колокол похожей,
Летят двускатные орлы;
а там за ними, наверху,
вершиной пышною качая,
старик Эльбрус ... [1; 346–347]*

Гибель черкешенки и у А.Пушкина, и у Н.Заболоцкого изображена чрезвычайно лаконично:

*Вдруг волны тихо зашумели,
И слышен отдаленный стон... [5]*

*и трупом падает она,
смыкая руки в треугольник. /.../
и спит она ... [1]*

Посмотрим на переключки с «Футболом». Тема смерти объединяет эти два стихотворения в некое семантическое единство. И в том, и в другом стихотворении смерть героев оказывается странной, таинственной, необусловленной ни внешними, ни внутренними обстоятельствами. В таком толковании смерти проступают черты философии Н.Заболоцкого. Смерть всегда неожиданна, таинственна. Она нередко прерывает земной путь в момент творческого расцвета: форвард гибнет в момент яркой, красивой, вдохновенной игры: «Ликует форвард на пожар,/ свинтив железные колена,/ но уж из горла бьет фонтан, / он падает, кричит: измена!»; Черкешенка умирает в момент страстного пения: «Терек мечется в груди, / ревет в разорванные губы». Смерть — это сон. В «Футболе» мысль о том, что смерть — сон, повторяется четырежды: Здесь форвард спит / без головы; / Спи, форвард, задом наперед! / Спи, бедный форвард/ ... Спи, бедный форвард! В «Черкешенке» эта мысль высказана однажды: «Они на трупик известковый / венец построили свинцовый, / и спит она ... прости ей Бог!».

Своеобразно организована субъектная структура «Черкешенки». Стихотворение состоит из четырех строф (12+12+8+8) и пяти предложений: одна строфа — одно предложение, лишь третья строфа распадается на два предложения. Это замечание важно для понимания субъекта речи первой строфы. Восприятие первой строфы таково, что, погружаясь в ее содержание от начала к концу строфы, читатель слышит голос повествователя, который разворачивает картину пейзажа, воспринятую объективно со стороны. Повествователь, кажется, местоименно не обозначен, не назван:

*Когда заря прозрачной глыбой
придавит воздух над землей,
с горы, на колокол похожей,
летят двускатные орлы;
идут граненые деревья
в свое волшебное кочевье;
верхушка тлеет, как свеча,
пустыми кольцами бренча;
а там за ними, наверху,
вершиной пышною качая,
старик Эльбрус рахат-лукум
готовит **нам** и чашку чая [1; 346].*

Появление в последнем стихе субъекта речи, выступающего в местоименной форме «нам», изменяет читательское восприятие высказывающегося. Им оказывается не повествователь, а многоголосый «мы» (нам). Кажется, и вторая и третья строфы принадлежат тому же субъекту речи:

*И выплывает вдруг Кавказ
пятисосцовою громадой,
как будто праздничный баркас,
в провал парадный Ленинграда,
а там — черкешенка поет...*

*Нева Арагвою течет,
а звездам — слава и почет... [1; 347].*

Однако никаких речевых признаков, подтверждающих принадлежность высказывания субъекту речи, выступающему в форме «мы», во второй и третьей строфах нет. Двоение, неясность, неопределенность свойственны не только субъектной стороне этого стихотворения. Они присутствуют и в образе «я», вдруг появившемся в последней строфе:

*И я стою — от света белый,
я в море черное гляжу,
и мир двоится **передо мною**
на два огромных сапога —
один шагает по Эльбрусу,
другой по-фински говорит,
и оба вместе убегают,
время по морю — на восток [1; 347].*

Изображенное в этой строфе не просто загадочное, а фантастическое. Многое должно соединиться в «я», чтобы быть белым («И я стою — от света белый»). Это и белая одежда, и свет не солнца, а, вероятно, утренний рассвет, когда еще не поднялось солнце. Обратимся к началу стихотворения: «Когда заря прозрачной глыбой / придавит воздух над землей». «Я в море черное гляжу» — герой глядит не в Черное море, а, вероятно, в Балтийское. Какая гигантская картина открывается взгляду «я»: два огромных сапога, шагающих в невообразимом размахе — один сапог на Эльбрусе, другой — на Скандинавском полуострове. А дальше они соединяются и «убегают... на восток».

Внешне субъект речи «я» статичный и одномерный: я стою и гляжу. И.Лошилов определяет это «я» как «лично-всеобщее» [3]. Картина, воспринятая этим «я», многомерная. Но ее трудно вообразить. Содержание ее может быть опредмечено не словесным искусством, а живописным. Зрительную предметность стихам Н.Заболоцкого могут дать полотна Марка Шагала, Петра Филонова, творчество которых поэт знал и любил [6]. Высказывающийся местоименно не проявлен, но его присутствие угадывается. Как это обнаруживается? Стихотворение «Красная Бавария» начинается традиционным для эпоса повествовательным высказыванием. Оно воплощает безучастный взгляд со стороны на нечто, совершившееся в грамматически прошедшем времени, в замкнутом пространстве. В первой строфе повествователь сосредоточен на картине метафорически названного пивного бара — бутылочный рай. Эта картина — окно, отраженное в бокале пива. Это движущаяся картина: окно в бокале под электричеством плавает, блестит, садится. Каждый последующий стих изображает новые стадии изменения картины. Эти изменения бесконечны. Повествователь прерывает изображение изменяющейся картины и в бессилии суметь запечатлеть эти изменения останавливается:

*В глуши бутылочного рая,
где пальмы высохли давно, —
под электричеством играя,
в бокале плавало окно;
оно на лопастях блестело,
потом садилось, тяжелело;
над ним пивной дымок вился...*

Но это описать нельзя (Выделено нами. — С.Т.) [1; 340].

В последнем стихе Н.Заболоцкий выразил бессилие поэтического языка перед жизненной сложностью и жизненным разнообразием. Популярная для русской поэзии тема, берущая начало в творчестве В.Жуковского (Что наш язык земной пред дивною природой — «Невыразимое»), Ф.Тютчева (Как сердцу высказать себя — «Silentium»), нашла выразительное продолжение у Н.Заболоцкого.

Присутствие высказывающегося в последнем стихе строфы дает слом заданному ракурсу изображения. В этом высказывании своеобразно заявлено участливое присутствие того, кто этот мир воспринимает. Необычность высказывания в том, что оно безличное. Но это единственное в стихотворении обозначение присутствия высказывающегося повествователя. Дальше он растворяется в тексте. Как и эпическому повествователю, так и повествователю этого лирического текста открыто и доступно только внешнее действие и поведение.

В «Белой ночи» доминирует та же повествовательная форма высказывания. В начале стихотворения обнажено присутствие не обозначенного субъекта речи в своеобразной форме: графически оформленная прямая речь некоего высказывающегося, приглашающего некоего адресата речи взглянуть на странный мир:

*Гляди: не бал, не маскарад,
здесь ночи ходят невпопад,
здесь от вина неузнаваем,
летает хохот попугаем... [1; 342]*

Т.е. гляди, это не торжественный праздник и не игра с переодеваниями. Это праздное бытие оборотней, лишившихся человеческого облика. Естественный целостный мир замещен дискретными элементами: неестественное веселье, стенающая любовь, не то сирены, не то девки зовут «прижаться к губам», огненные фейерверки, густой дым в свете белой ночи — все это оказывается в одном ряду. С точки зрения общего не порядка зримо изображены ночи: «ночи ходят невпопад». Ночь заблудилась, ее нормальная темнота заместилась белым светом. Природа сбилась с ритма. Исчез и целый человек. Он присутствует физиологической своей стороной: «летает хохот попугаем». Это выразительное изображение хохочущих пьяных людей. Так рождается некое единство другого мира — мира, лишённого гармонии и красоты. Н.Заболоцкий изображает движущуюся панораму: первая строфа запечатлела то, что происходит сейчас и **здесь**, четвертая, пятая строфы изображают мир **подальше, там**.

Неожиданно высказывание безличного персонажа прерывается высказыванием другого персонажа, выступающего в форме «я»: «Я шел подальше». Дальше предстает картина, воспринятая этим «я». «Я» появляется в графическом центре стихотворения. Вторая часть его — это мир, воспринятый персонажем, имеющим имя «я». Однако с появлением «я» ни угол зрения (или точка зрения), ни метафорика, ни эмоциональный тон, ни стиховая конструкция не меняются. Характер изображения мира остается тем же, что позволяет говорить о своеобразном раздвоении образа автора на безличного персонажа и субъекта речи, выступающего в местоименной форме «я».

Пейзаж, воспринятый «я», может быть определен как сюрреалистический: *Ночь легла / вдоль по траве, как мел бела: / торчком кусты над нею встали / в ножнах из разноцветной стали, / и кукували соловьи / верхом на веточке.* «А там» — дальше от «я» антропоморфный остров Елагин: *он в этот раз накрыл двоих* — неясное действие острова. Но это действие в ряду сумасшествия, так как за этим действием картина неразумной игры парходика и лодок, игры на грани возможной катастрофы. Парходик и лодки бегут в опасной близости. И *подальше* тоже сумасшедший бред. Все, что открывается безличному повествователю и персонажу «я», — это «сумасшедший бред», от которого белая ночь, обнажившая такую жизнь, рвется вон и «просится на небеса». От этого, сходящего с ума земного мира ночь «просится на небеса».

Герой, представший в форме «я», чужой, сторонний этому миру.

«Я», присутствующее в нескольких стихотворениях «Столбцов», имеет нетрадиционный статус. Это, прежде всего, персонаж, который включен в этот мир не в функции лирического героя, а в функции одного из многих персонажей. Стихотворение «Лето» на это прямо указывает: Пунцовое лето висело в длину, / и весело было **не мне одному** ... / **Казалось нам**....

В высшей степени необычным оказывается высказывание в стихотворении «Пир», в котором высказывание от лица «я» в первом строфоиде переходит в высказывание от лица «мы» во втором строфоиде и вновь возвращается в высказывание от «я» в третьем и четвертом строфоидах. Такая структура организации высказывания берет начало в оде XVIII века. В отличие от других стихотворений этой книги, где тоже используется форма высказывания от лица «мы», в «Пире» «мы» вбирает в себя не бесконечное множество людей, как в предыдущих стихотворениях, а то близкое сообщество, которое занято общим «делом»: *ночь нам пива ставит бочку ..., мы пьем...* (дважды). Далее «я» отделяется от «мы» и сливается с олицетворенным штыком, уничтожающим предателей: *О, штык, пронзающий Иуду, / коли еще — и я с тобой! / Я вижу — ты летишь в тумане, / ... я вижу — ты плывешь морями ...*. В последнем строфоиде «я» вновь, как и в первом, становится самостоятельным единичным персонажем: *«За море стелются отряды, / вон — я стою, на мне — шинель ... / Я вынул маленький кисетик...»*. Здесь возникает совершенно особый ракурс восприятия «я»: «я» то индивидуально, самостоятельно, то поглощается «мы». В этом стихотворении, с одной стороны, «я» традиционное: я слышу, вижу, что-то совершаю, «штык» и «отряды» в тумане, за морем, и «я» с ними. Но далее возникает картина, в которой «я» говорит обо мне же, но увиденном как бы со стороны другим: *вон — я стою, на мне — шинель / с глазами белыми солдата / младенец нескольких недель.* Это необычная форма изображения. Необычное в том, что «я» вижу себя как другого в настоящее время: *вон — я стою.*

Такая форма эмпирически возможна в зеркальном восприятии или при разглядывании фотографического автопортретного изображения. Она получила распространение во второй половине XX века при описании переживаний души, отделившейся от тела. В художественной литературе известное стихотворение М.Лермонтова «Сон» изображает смерть «я», увиденную со стороны: *В полдневный зной в долине Дагестана / С свинцом в груди лежал недвижим я, / Глубокая в груди дымилась рана, / По капле кровь сочилась моя.* Но в этом изображении предстает прошедшее время. Кажется, что Н.Заболоцкий демонстрирует редчайший опыт изображения раздвоения: я есть я, но я еще и вглядываюсь в себя, удаленного от себя — *вон — я*. Об этом А.Македонов пишет: «Заболоцкий соскальзывает в остраненную речь, звучащую абсолютно невпопад: она придает романтическому пафосу оттенок иронии, издевки над самим собой. Получается нечто самопародирующее, и стихотворение рассыпается на элементы, действительно, несовместимые, антихудожественные сочетания» [7]. Сегодня с таким толкованием стихотворения согласиться нельзя.

А дальше предстает традиционное изображение: субъект речи и объект изображения совпадают: *Я вынул маленький кисетик, / пустую трубку без огня, и пули бегают как дети, / с тоскою глядя на меня...* Тема винтовок, заявленная в начале стихотворения, логически завершается темой пули, бегущих около «я». Винтовка не только защищает, но она чревата смертью того, кто с ней.

Многие смыслы заключены в этом стихотворении. «Пир» выступает в стихотворении в конкретном и метафорическом значении. «Ночь нам пива ставит бочку» — «мы пьем», дважды повторяющееся. Под действием «пива» изменяется восприятие мира, который приобретает искаженные черты: знамена не на древке, а «подняты баграми», «винтовки» издают «хохот заячий», штык пронзает стакан. Причем штык действует не сам по себе, а он в чьих-то руках. И вот уже в следующем строфоиде «штык» движется, действует самостоятельно. Создается некая сюрреалистическая картина. «Штык» пронзает не только Иуду — предателя. Вероятно, следует думать, что слепое безразличие штык обретает в руках опьяненного сознания. В бездумных руках он, штык, не различает зло и добро, темное и светлое. Он не только Иуду пронзает, но и Бога, мир, ангелов:

*Где раньше бог клубился чадный
и мир шумел — ему свеча;
где стаи ангелов печатных
летели в небе, волоча
пустые крылья шалопаев, —
там ты несешься, искупая
пустые вымыслы вещей —
ты, светозарный как Кащей! [1; 355]*

Возникает вопрос: с позиции кого Бог, ангелы, мир — «пустые вымыслы вещей»? Думается, что с позиции опьяненного сознания тех, в чьих руках остается штык. Но это не авторская позиция.

В функции одного из персонажей, наряду с другими, а не лирического героя, как нам кажется, появляется «я» в стихотворении «Обводный канал»: *В моем окне — на весь квартал / Обводный царствует канал* и в «Бродячих музыкантах»: *где спит Тамара боевая, / где сохнет молодость моя.*

Анализ субъектной структуры «Столбцов» показывает, что эта сторона книги оказывается ярко новаторской, непохожей на все, что было создано до Н.Заболоцкого. Организованные по тому же принципу, по которому организовано высказывание у Заболоцкого, есть произведения в наследии Ин.Анненского, который воспринимается как предшественник Н.Заболоцкого. Обратимся к стихотворению «Маки»:

*Веселый день горит... Среди сомлевших трав
Все маки пятнами — как жадное бессилье,
Как губы, полные соблазна и отрав,
Как алых бабочек развернутые крылья.*

*Весенний день горит... Но сад и пуст и глух.
Давно покончил он с соблазнами и пиром, —
И маки сохлые, как головы старух,
Осенены с небес сияющим потиром [8].*

В стихотворении обращает на себя внимание особенный взгляд на мир. Это словесное и эмоциональное восприятие тленности живой природы, постепенное внешнее, очевидное разложение красоты, распад живого: «среди сомлевших трав все маки пятнами». Это внешнее проявление увядания. А далее воплощена дисгармония внешнего и внутреннего: «губы, как алых бабочек развернутые крылья», таят внутри скрытые «соблазн и отраву». Здесь тонкое и глубокое постижение особенного живого мира, его противоречий. Это констатация изображения, в котором нет прямой авторской оценки. Поэтом вскрыта объективная сущность жизни. Она не открывается, а вскрывается. Это, как нам кажется, является важным свойством художественного творчества, свойством его оригинальности. Этим оригинальным свойством обладает творческий дар Н.Заболоцкого.

Автор в «Столбцах» порывает со многими традициями лирической поэзии. В его стихах отсутствует то, что получило в литературоведении определение «личное начало». Именно это свойство приобрела русская поэзия, начиная со второй половины XVIII века (А.Сумароков, М.Ломоносов, М.Муравьев, Г.Державин). На утверждении личного начала осуществлено развитие русской лирики в XIX веке. В классической русской лирике центральное место отведено образу и личности автора. Утверждение его самоценности и самодостаточности характерно для поэтических миров ведущих русских поэтов. Выработались свои формы выражения авторского сознания у поэтов и в лирике в целом. Среди этих форм субъективный мир, лирический герой, идейно-эмоциональный комплекс.

В XX веке личное начало стало нивелироваться. В поэзии О.Мандельштама, Н.Гумилева преобладающей становилась повествовательная, а не личная форма высказывания. В концептуалистской поэзии конца века личное начало окончательно исчезло. У Н.Заболоцкого появление личной формы высказывания оказалось очень редким, а ее содержание существенно изменилось. Повествовательная форма высказывания включает немотивированный переход к высказыванию от лица «я». «Я» предстает во внешнем проявлении одномоментного действия и оказывается не субъектом высказывания, а объектом изображения.

Список литературы

- 1 *Заболоцкий Н.* Собр. соч.: В 3 т. — Т. 1. — М., 1983. — 654 с.
- 2 *Воспоминания о Н.Заболоцком.* — Изд. 2-е, доп. — М.: Сов. писатель, 1984. — С. 352.
- 3 *Лоцилов И.Е.* Феномен Николая Заболоцкого. — Helsinki, 1997.
- 4 *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 10 т. — Т. 9. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — 495 с.
- 5 *Пушкин А.С.* Собр. соч.: В 10 т. — Т. 3. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — С. 112.
- 6 *Альфонов В.* Слова и краски. — М.-Л.: Сов. писатель, 1966. — С. 177–230.
- 7 *Македонов А.* Николай Заболоцкий: Жизнь. Творчество. Метаморфозы. — Л.: Сов. писатель, 1987. — С. 101.
- 8 *Анненский Ин.* Стихотворения и трагедии. — Л.: Сов. писатель, 1990. — 640 с. — С. 86, 87.

Т.Т.Савченко

Н.Заболоцкийдің «Столбцы» («Бағаналар») лирикалық кітабындағы өзіндік «мен»

Мақалада лирикалық кітаптағы жанр қалыптастырушы қызметін атқаратын «мен» сөйлеу субъектісі талданды. Н.Заболоцкийдің «Столбцы» («Бағаналарындағы») «мені» жеті өлеңде эпизодты түрде пайда болып, өзінің дәрежесін өзгертіп отырады. «Мен» дәстүрлі сөйлеу субъектісінен аса өзгеше: бұл лирикалық кейіпкер емес, ол автордан ерекшеленетін персонаждардың бірі. Зерттеу «Столбцы» («Бағаналардағы») «меннің» бұрынғы талқылануына түзету енгізуге мүмкіндік береді.

T. T. Savchenko

Originality of «I» in N.Zabolotsky's lyrical book «Columns»

The article analyzes subject of speech «self», which performs the genre formation function in lyric book. In «Columns» by Zabolotsky N. «self» changes its status, occasionally appearing in seven verses. «Self» significantly different from the traditional subject of speech: this is not a lyrical character, but one of characters that is different from the author. The study allows to adjust the former interpretation of «self» in the «Columns».

Г.З.Горбунова

*Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова (E-mail: zoticvera@mail.ru)***Симулякр в художественной литературе: к проблеме типологии**

Статья посвящена малоизученной области научного знания, касающейся функционирования симулятивных образов в художественной литературе. Автором предложена классификация симулякров, реализованных в произведениях различной эстетической природы. К анализу привлекаются произведения классической мировой и современной литературы. Типологические ряды выстраиваются с учетом осмысления феномена в древней и классической философии, взглядов ученых «Парижской школы» социальной философии.

Ключевые слова: симулякр, гиперреальность, идентичность, референция, постмодернизм.

Платон симулякром назвал отражение существующих ноуменальных идей, «копию копии». Термин фиксировал собой несовершенство рационального познания мира, ограниченность возможностей человека в постижении истинной природы вещей. В целом же сомнения в достоверности наших представлений о мире обнаруживаем во многих источниках. «Ложь возникает только вследствие суждения и мнения... Ложь и ошибка всегда лежат в прибавлениях, делаемых мыслью», — писал Эпикур [1]. «Не знаю, что не знаю... Кто из нас знает... и он не знает» (Кена Упанишада) [2]. Или: «Живет лишенный речи, ибо мы видим немых. Живет лишенный глаза, ибо мы видим слепых. Живет лишенный уха, ибо мы видим глухих. Живет лишенный разума, ибо мы видим глупых» (Каушитаки Упанишада) [3]. Библия также свидетельствует, что человеку, как бы он ни стремился, не приблизиться к пониманию мира, потому что он совершенно иной природы, нежели догадки о нем несовершенного разума: «Мои мысли — не ваши мысли, не ваши пути — пути Мои, говорит Господь. Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших» (Ис.55:8,9).

В классической философии обличение мира видимости восходит к Канту, Гегелю, Ницше. Последний, оспаривая идею Платона об Абсолюте, находящемся за пределами так называемой «пещеры», выразил сомнение в том, что человек вообще может иметь «истинные и конечные» мысли, поскольку за каждой пещерой может обнаружиться еще более глубокая пещера: «Всякое мнение есть засада; всякое слово маска» [4]. Ср.: «Мысль изреченная есть ложь» (Тютчев).

На платоновской идее недостоверности видимого и истинности ноуменального строилась доктрина символизма. Феномен этого стиля художественно-философского мышления, сложившегося в теоретических трудах и творческих опытах, предопределился не только необходимостью трансформации традиционных форм художественной интеграции, но, главное, острым ощущением ущербности логического пути познания. В.Брюсов в «Ключах тайн» постулировал это следующим образом: «Все наше сознание обманывает нас, перенося свои свойства на внешние предметы. Мы живем среди вечной, исконной лжи» [5].

Проблему идентичности в системе отсчета актуализировала постмодернистская философия, и прежде всего ученые «Парижской школы» социальной философии. В оборот постмодернизма термин «симулякр», как известно, введен Ж.Батаем, затем феномен становится объектом осмысления в трудах Ж.Делеза, Ж.Бодрийяра, П.Клоссовски и других теоретиков постмодернизма. Ж.Батай объясняет симулякр «открытостью существования», так как «замкнутые существования», составляющие понятийный язык, основаны на недостоверных идентичностях: «Мы хотим открыть жалкие истины, соотносящие нашу манеру поведения и действия с тем, как ведут себя и действуют нам подобные. Это постоянное усилие ясно и четко обозначить наше место в мире было бы, по всей вероятности, тщетным, если мы не были бы прежде всего связаны чувством всеобщей субъективности, непроницаемой для самой себя, для которой мир отчетливых вещей тоже непроницаем» [6].

Вслед Ж.Батаю Ж.Делез утверждает, что симулякр как образ, лишенный подобия, порождает мир «блуждающих дистрибуций и коронованных анархий»: «...если бы мы обладали необходимым навыком восприятия, то уже с самого начала знали бы, что светские знаки в силу их пустоты обнаруживают что-то ненадежное. Затвердев и сделавшись неподвижными, они скрывают свои изъяны — сам светский мир в любой момент есть повреждение и деформация. ...Умы сообщаются между собой всегда на основе договора, а разум порождает только возможность» [7;43,123]. Принципиально но-

вым и лишенным непосредственного гносеологического модуса является квалификация симулякра в работах Ж.Бодрийяра. Сосредоточивший основное внимание на средствах массовой коммуникации в эпоху технического воспроизводства, Ж.Бодрийяр приходит к выводу, что симулякры не только взяли верх над реальностью, но и, опережая, формируют ее.

Хотя постмодернистская философия и литература радикализировали интерпретацию симулякра в контексте общего отказа от идеи референции, фундаментальные свойства симулякра, его принципиальную несоотносимость с какой бы то ни было реальностью находим задолго в мировой, в том числе русской литературе. Неслучайным в связи с этим является все более активизирующийся интерес литературоведческой науки к симулякрам [8]. Поскольку имеет место неоднозначность взглядов на симулякр [9], объясняемая его неоднородной природой, сложно выстроить некие типологические ряды в силу не только амбивалентной сущности явления, но и многообразия форм воплощения в эстетическом слове. Целостной и общепринятой теории симулякра в художественной литературе, насколько нам известно, не существует, так как изучение феномена ведется в различных направлениях, актуализирующих тот или иной аспект сложного и многогранного явления.

Цель нашей работы — выделение групп симулякров, воплощенных в художественном слове различной эстетической природы и характеризующихся некоей типологической общностью. В основу типологии симулякра, несомненно, должны быть положены принципы его дифференциации в постмодернистской философии, отражающие гносеологические истоки, вместе с тем невозможно рассматривать явление в художественном тексте вне собственно эстетического фактора, вне различных форм его реализации.

Смыслопорождение как самоорганизацию вытесненного в симулякр опыта обнаруживаем во многих произведениях. Так, примером семантического фокуса, вокруг которого происходит интеграция симулятивных смыслов, является реакция Татьяны на появление в доме Лариных Онегина: *Ты чуть вошел, я миг узнала, Вся обомлела, запылала И в мыслях молвила: вот он.* Он — это симулякр, причем, симулякр в данном контексте определяется в качестве «точной копии, оригинал которой никогда не существовал» (Джеймисон). Пушкин уже в эпиграфе к роману («Проникнутый тщеславием, он обладал сверх того еще особенной гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием в своих как добрых, так и дурных поступках, — следствие чувства превосходства, быть может мнимого») предупреждает читателя о недостоверной природе психологического облика героя. *Уж не пародия ли он?* задастся справедливым вопросом Татьяна после посещения онегинского именина, увидев в кабинете своего кумира портрет Байрона и *столбик с куклою чугунной, под шляпой, с пасмурным челом, с руками, сжатыми крестом.*

Показательный пример подобного рода симулятивных умозаключений представляет также рассказ Достоевского «Скверный анекдот», в котором писатель гротескно разоблачает заявления генерала Пралинского о своей способности общаться с представителями демократических низов. Фамилия главного героя наверняка произведена Достоевским от слова «пралине», что означает десертный ингредиент из молотого миндаля, обжаренного в сахаре. Безобразная история — скверный анекдот на свадьбе подчиненного — только подтверждает предсказание «ретрограда», тайного советника Никифорова, что Пралинский не выдержит принятой на себя роли. Заметим, Никифоров не совсем прав: убеждения в демократической природе своего социального поведения не являлись маской, а были симулякром — следствием ложных представлений генерала о собственной психологической сущности.

Коннотативные смыслы, не имеющие оснований и оформляющиеся на основе недостоверной кооперации ассоциаций, выступают в данных примерах как знаки, приобретающие автономный смысл. Этот тип симулякров можно назвать симулякрами представлений. По существу они являются иллюзиями, т.е. искаженным восприятием, интерпретацией, выдающей желаемое за действительное (*illusio* в переводе с латинского «обманывать»). Мировая литература изобилует такого рода симулякрами. И хотя сам термин, как правило, употребляется только в отношении современной беллетристики, нам представляется вполне допустимым использовать его в анализе произведений классической литературы.

Второй тип симулякров, выделяемый также по принципу их происхождения, — симулякры, изначально с определенной целью конструируемые и не имеющие непосредственным источником несовершенство рационального начала в человеке. Случай такого конструирования ложного образа находим в романе Фаулза «Любовница французского лейтенанта». Занятый поисками окаменелостей, Чарльз Смитсон долго не может осознать, что истинными духовными окаменелостями давно уже являются и Эрнестина, и ее тетушка, да и он сам, движимый догматическими представлениями о Саре.

Знаменательным в этом отношении является заявление доктора Дрогана о том, что об окружающих людях мы знаем меньше, чем об окаменелостях. Автосимулякр Сары Вудраф выступает как некое гносеологическое метапространство, побуждающее эксплицитно выражать негативное отношение к ней, это провокационное предложение познать окружающим, и прежде всего Чарльзу Смитсону, истину в форме не истины, то есть сомнительной истины, и тем самым дать возможность пройти своего рода обряд духовного преображения — обретения своей подлинной личности, насколько это, разумеется, возможно.

Наиболее распространенным типом конструируемых симулякров являются симулякры воображения (грезы, мечты, фантазии). Ограничимся лишь одним примером — фарсом-трагедией Ионеско «Стулья». Пожилые супруги, находящиеся в самом низу социальной лестницы, соблазняются мыслью о том, что они являются подлинными хозяевами жизни, и начинают строить иллюзорный мир, в котором им якобы отведены завидные места. Старик-привратник, не ставший «главным императором», «главным маршалом», удовлетворившись лишь званием «маршала лестничных маршей», со своей женой, которую называет Семирамидой, становится мнимым главой пышного приема. В гиперреальности (в пьесе множество невидимых персонажей: президенты, делегаты, священники, полковники) старик намерен сообщить миру о своей великой миссии. Симулякры воображения, компенсируя уязвленное самолюбие, заполняют миражами пустоту и ничтожество бытия:

Старушка (*почти успокоившемуся старику*). *Тишиши, успокойся, не расстраивайся, не убивайся... вспомни, сколько у тебя талантов, вытри глазки, а то скоро придут гости, увидят тебя зареванным... Ничего не загублено, ничего не закопано, ты им все скажешь, все им объяснишь, у тебя же Весть... ты всегда говорил, что передашь ее... борись, живи ради своей Миссии...*

Старик. *Я вестник, это правда, я борюсь, у меня Миссия, за душой у меня что-то есть. Это моя Весть человечеству...человечеству...*

Старушка. *Человечеству, душенька, от тебя весть.*

Старик. *Это правда, вот это правда [10].*

Жанрообразующее значение конструируемый с определенной целью симулякр приобретает в романе-антиутопии. В этом случае производство симулякров является социальной психотехникой, направленной на превращение граждан государства в послушных марионеток. В романах Замятина «Мы», Оруэлла «1984», Хаксли «О дивный новый мир», Толстой «Кысь» убогая жизнь героев, полная материальной нужды, пропагандируется как совершенная форма существования. Заметим, что коммунистическую идею Ж.Деррида назвал одной из величайших иллюзий-симулякров. Подделка порождает ирреальность, заполняя социокультурное пространство симулякрами, таким образом, властью сознательно формируется гиперреальность, с действительной реальностью не только не совпадающая, но и принципиально не соотносимая с ней и вместе с тем побуждающая граждан к благоговейному энтузиазму и благодарственному воспеванию симулятивного образа жизни: *Судя по дошедшим до нас описаниям, нечто подобное испытывали древние во время своих «богослужений». Но они служили своему нелепому, неведомому Богу — мы служим лепому и точнейшим образом ведомому; их Бог не дал им ничего, кроме вечных, мучительных исканий: их Бог не выдумал ничего умнее, как неизвестно почему принести себя в жертву — мы же приносим жертву нашему Богу, Единому Государству, — спокойную, обдуманную, разумную жертву. Да, это была торжественная литургия Единому Государству...* («Мы») [11].

Агрессивное навязывание идеи превосходства предлагаемых государством форм существования лишает возможности критически оценивать действительность, подавляет сознание, приводит к утрате идентичности. Герои теряют свое человеческое лицо, свое человеческое естество, превратившись в символические автоматы, социальная реальность оказывается предельно дегуманизированной. В романе Хаксли, если член социума начинает входить в недопустимое государством состояние, он принимает наркотик сому, который вновь возвращает его к радостному самоощущению, таким образом, общество постоянно поддерживается в состоянии иллюзий (*Сомы грамм — и нету драм*). Возможность самоопределения купируется уже на эмбриональной стадии, поскольку люди создаются искусственно. В антиутопии Хаксли обнаруживаем самый зловещий тип симулякра, подменившего по существу и самого человека, и его жизнь в целом.

Ж.Бодрийяр свидетельствовал, что мир все более становится симулятивным, т.е. гиперреальным. Симулякры неотделимы от культурных продуктов: «Все сущее продолжает функционировать, тогда как смысл существования давно исчез. Оно продолжает функционировать при полном безразличии к собственному содержанию. И парадокс в том, что такое функционирование несколько не страдает от

этого, а напротив, становится все более совершенным... Мы наблюдаем сегодня, как каждая вещь посредством рекламы, средств массовой информации и изображений приобретает свой символ. Даже самое банальное и непристойное — и то рядится в эстетику, облачается в культуру» [12]. Андрей Великанов, автор книги «Симулякр ли я дрожащий или право имею» [13], следующим образом характеризует симулятивную природу современного общества: «...если у Платона симулякры были ошибками системы, браком при производстве вещей, то теперь в симулятивной природе они становятся формами, по образу которых творятся вещи. Суррогаты эйдосов производят вещественное и тут же лишают его реальности, присваивая «истинную» реальность себе» [14].

Так, средства массовой коммуникации манипулируют коллективным сознанием, формуют его по необходимому подобию, предлагая подделки культурных объектов. Современная звукозаписывающая аппаратура позволяет исполнять музыкальные произведения под так называемую «фанеру», классика становится малоузнаваемой в результате ее «осовременивания», недобросовестная реклама и яркие этикетки навязывают покупателю недоброкачественную продукцию, мода предлагает так называемые гламурные образцы, заменяющие собой практичную, удобную одежду и обувь. Публикуются тексты, которые никому, кроме авторов, не нужны. Множащиеся симулякры искажают и подменяют собой реальное бытие. Теряются границы между высоким искусством и бульварными подделками под него. «Уже ничего нет в качестве объекта», — сетует Ж.Батай [15]. Показателен в этом отношении эпизод с Моцартом в романе Г.Гессе «Степной волк»: *И правда, к моему неописуемому удивлению и ужасу, дьявольская жестяная воронка выплюнула ту смесь бронхиальной мокроты и жеваной резины, которую называют музыкой владельцы граммофонов и абоненты радио... А ведь вы слышите не только изнасилованного радиоприемником Генделя, который и в этом мерзвейшем виде еще божествен, — вы слышите и видите, уважаемый, заодно и превосходный символ жизни вообще. Слушая радио, вы слышите и видите борьбу между идеей и ее проявлением...* [16].

Образцы проектирования гиперреальной социальной действительности обнаруживаем в романах Д.Барнса «Англия, Англия» и Ч.Поланика «Невидимки». В центре романа Д.Барнса долларовой магнат Джек Питман, который «продублировал» Англию, поместив копии ее достопримечательностей в одном месте для удобств многочисленных туристов. Остров со второй Англией приносит огромные доходы, копия подменила оригинал, и в сознании тысяч, посещающих остров, истинной Англией является именно подделка. Фабрикуется по необходимым моделям и история страны, которая должна выглядеть привлекательной и, главное, быть успешно продаваемой. Поверхностное восприятие не позволяет многим, в том числе и организаторам «второй Англии», отделить настоящее и ложное, оригинал и мастерски сделанную копию.

Симулякры, широко используемые в коммуникативных процессах современного общества, — в центре романа Ч.Поланика. Их мощным источником становится реклама. Люди, как этикетки, яркие, многочисленные девицы с неестественно красивыми «ненатурально зелеными глазами» и ярко красными вырисованными губами являются по сути подделками самих себя. Безымянная героиня романа — бывшая преуспевающая модель, вся жизнь которой превращается в длинную череду масок: *До некоторых пор вся моя взрослая жизнь сводилась к тому, что за невероятную уйму денег в час мне, разнаряженной и причесанной, следовало стоять на огромном куске бумаги и выполнять требования какого-нибудь фотографа, нанятого той или иной известной компанией. Он говорил, какие чувства и эмоции я должна изображать:*

«Покажи мне страсть, детка! — кричит фотограф.

Вспышка.

Покажи мне злобу!

Вспышка.

Покажи мне отрешенность, внутреннее опустошение экзистенциалиста.

Вспышка.

Покажи мне неистовую интеллектуальность как способ выживания в этом мире.

Вспышка» [17; 9–10].

Необходимые маски каледойскопически сменяются уже вне мира рекламы и становятся симулякрами, скрывающими истинные чувства.

Фотограф в моей голове говорит:

Покажи мне умиротворение.

Вспышка.

Покажи мне освобождение.

Вспышка...

Покажи мне тоску по дому.

Вспышка.

Покажи мне воспоминания о счастливом детстве.

Вспышка» [17; 105, 112].

Лица и даже тела героев-симулякров подменены многочисленными пластическими операциями. Обилие вполне доступных лекарств и наркотиков позволяет забыться, убежать от социальных ужасов. Бегство осуществляется и от самих себя: *Бренди подносит пудреницу к моему лицу и располагает его так, чтобы я могла заглянуть вовнутрь. Я в изумлении обнаруживаю, что вместо пудры в ней — маленькие белые капсулы. А вместо зеркала — фотография улыбающейся Бренди Александр. Она выглядит сногшибательно [17; 61].* Нет родного языка, его заменили многочисленные слоганы — *Отправь в свой рот настоящую вкуснятину... Мороженое Тутера — ты завизжишь от удовольствия [17; 86–87].* Сознание становится клиповым, множество имен, под которыми героини путешествуют по миру, смена пола ничего в сущности не меняют. Лицо героини в результате несчастного случая оказывается обезображенным, и потому она вынуждена скрывать его под черной вуалью, понимая, что не она одна в мире является невидимым уродом, что чудовища могут скрываться под куда более привлекательными обличьями: *Никто не показывает людям, кто он такой на самом деле... Просто для того, чтобы узнать о человеке правду, надо максимально к нему приблизиться, а это практически невозможно... Покажи мне хоть что-нибудь в этом треклятом мире, что выглядит таким, какое оно есть в реальности! [17; 110, 106, 274].* «Invisible Monsters» — так в оригинале звучит название романа.

Сознательное производство симулякров в области политтехнологий обнаруживаем в романе В.Пелевина «Generation П». Дух Че Гевары, вызванный главным героем, объясняет ему механизмы, движущие современный социум. Это прежде всего телевидение, лишаящее зомбированный Homo Zapiens (заппинг — быстрое переключение с канала на канал) возможности критического отношения к чему бы то ни было. Разработаны политтехнологии, направленные на создание необходимых имиджей публичных деятелей различных рангов. Если раньше существование политической партии являлось результатом воли граждан, то теперь партия лишь инструмент реализации амбиций претендентов на государственные посты. Интересы граждан только декларируются в предвыборный период, но затем не имеют никакого отношения к деятельности политика. Вместо отцов Отечества — симулякры с мандатами доверия.

В ряде произведений, представляющих радикальные формы художественной интеграции, обнаруживаем тип симулякра, порожденный постмодернистской поэтикой, основанной на историко-эстетической игре, игнорирующей всякое подобие. Это симулякры исторических лиц в таких произведениях, как «Бескорыстный убийца», «Жертвы долга», «Носороги» Э.Ионеско, «Чапаев и Пустота» В.Пелевина, «Мужская зона» Л.Петрушевской, «Звезда пленительная русской поэзии» Д.Пригова, «Дети Пушкина» Вик. Ерофеева. Основой создания образов служит деконструкция имиджей реальных исторических лиц, часто культовых фигур — Беранже, Шуберта, Пушкина, Ленина, Гитлера, Бетховена, Эйнштейна, Чапаева. Деконструкция осуществляется, как правило, в направлении профанации и абсурдизации, разрушения привычных представлений об объектах, бытующих в массовом сознании. У Петрушевской деконструкция распространяется также на классический текст Шекспира:

Л е н и н. Уж полночь близится, а все луна проходит

Свой вечный путь,

как смена караула

у мавзолея Ленина меня.

Н а д с м о т р щ и к. Луна заходит. Утро.

Ленин уходит, как часовой, печатая шаг под звон курантов.

Б е т х о в е н. Ромео, никогда мне не было так хорошо, ни с родителями, ни с братом, ни с папой.

Эй н ш т е й н (смуцен). *Чего там! Моя мамочка тоже мной довольна, недавно родила мне сестренку с двумя рожками и хвостом. Папа ее хорошенько заспиртовал, на Новый год будет настойка.*

На д с м о т р щ и к. *Ленин, так луна не заходит!*

Ленин, семеня, изображает танец маленьких лебедей.

Гитлер. *Сейчас сыграем свадьбу, у Джульетты родится дочь с рогами!* [18].

В сюжетах подобных произведений действия героев не детерминированы, в языке реализуется невозможное — некая история возможностей. Введение в художественное пространство минимальных биографических элементов, основанных на реальных фактах, а также имена героев побуждают читателя соотносить образы с конкретными историческими лицами, но последовательно осуществляемая деструкция разрушает установку на миметическую вероятность изображаемого. Подобные произведения — художественная реализация постмодернистской философии, мыслящей мир как пространство, в котором, по мысли Ж.Делеза, «идентичность образца и подобие копии будут заблуждением».

Мысль о недостоверности социального бытия, невозможности познания истины предопределила особый тип симулякра, который может интерпретироваться как симулякр онтологический. В данном случае реализуется высказанная Бодрийяром мысль о том, что объективной реальности вообще не существует, все реальности символические, т.е. созданные для воспроизводства мифов, не позволяющих социальной группе распасться. В этом отношении знаменателен финал романа Набокова «Приглашение на казнь», где в сцене казни Цинцинната обнажается мнимая природа земной атрибутики: *Мало что оставалось от площади. Помост давно рухнул в облаке красноватой пыли. Последней промчалась в черной шали женщина, неся на руках маленького палача, как личинку. Свалившиеся деревья лежали плашмя, без всякого рельефа, а еще оставшиеся стоять, тоже плоские, с боковой тенью по стволу для иллюзии круглоты, едва держались ветвями за рвущиеся сетки неба. Все расплзлось. Все падало. Винтовой вихрь забирал и крутил пыль, тряпки, крашенные щепки, мелкие обломки позлащенного гипса, картонные кирпичи, афиши; летела сухая мгла; и Цинциннат пошел среди пыли, и падавших вещей, и трепетавших полотен, направляясь в ту сторону, где, судя по голосам, стояли существа, подобные ему* [19]. Потусторонность, таким образом, становится обратной стороной всеобщего мирового симулякра.

Пребывание героев в потусторонности или на пороге потусторонности катализирует разрушение привычных симулятивных представлений. «Истина, — утверждает Ж.Делез, — зависит от встречи с чем-то, что вынудит нас думать и исказить правду» [7; 410]. Особое место в ряду подобных трансгрессивных ситуаций занимают тяжелые болезни, предсмертные состояния, сны, выполняющие в художественном пространстве функцию познания истины [20]. *Я нужен России... Нет, видно, не нужен*, — произносит на смертном одре тургеневский Базаров. Сон-смерть становится своеобразным испытанием для визионера в рассказе Достоевского «Сон смешного человека», в результате духовной инициации меняются мировоззренческие позиции персонажа. После пробуждения переоценивает трагизм реальности с нравственных позиций Раскольников. На смертном ложе подвергает переоценке прежние убеждения Болконский: очнувшись от сновидения, метафорически приравниваемого к смерти, князь Андрей смиренно ждет окончательного угасания последних жизненных сил своего материального тела. Трансгрессивные ситуации, разрушая привычные симулякры, обнажают в предметах и явлениях новые качества, не учтенные субъектом или не обнаруженные до определенного времени.

Таким образом, симулякр как сложный и многоаспектный феномен находит различные формы реализации в художественном слове. Симулякр представлений, широко бытующий в классической художественной литературе, есть воплощение ограниченности рациональной природы человека и вынужденности оперировать ложными представлениями для выстраивания социальных отношений. Сознательное конструирование симулякров предоставляет возможность выдавать символическую реальность за материальную вещественность. Постмодернистская литература радикализировала интерпретацию симулякра в контексте общего отказа от идеи референции.

Список литературы

- 1 Из письма к Геродоту // История греческой литературы. — Т. 3. — М.: АН СССР, 1960. — С. 360.
- 2 *Кена Упанишада*. Гл.2 // <http://www.theosophy.ru/lib/upan-ken.htm>.
- 3 *Каушитаки Упанишада*. Гл. 3 // <http://www.theosophy.ru/lib/upan-kau.htm>

- 4 Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // http://lib.ru/NICSHE/dobro_i_zlo.txt
- 5 Брюсов В.Я. Ключи тайн // Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7 т. — Т. 6. — М.: Худож. лит., 1975. — С. 92.
- 6 Батай Ж. Литература и зло // <http://www.fidel-kastro.ru/bataille/zlo.htm#6>
- 7 Делез Ж. Марсель Пруст и знаки. — СПб.: Алетейя, 1999. — 190 с.
- 8 Панова О. Рембо и симулякр // Новое литературное обозрение. — 2005. — № 1. — С. 200–210; Бычкова О.А. Проблема симулякра в произведениях русского постмодернизма на материале произведений А.Битова, Т.Голстой, В.Пелевина: Дис. ... канд. филол. наук. — Чебоксары, 2008. — 201 с.; Радько Е.В. Роман В.Набокова «Приглашение на казнь»: Поэтика мнимости: Дис. ... канд. филол. наук. — М., 2006. — 214 с.; Фролова Е.Е. Художественно-семантические свойства симулякра в романе Малькольма Брэдбери «Профессор Криминале»: Дис. ... канд. филол. наук. — Нижний Новгород, 2005. — 187 с.
- 9 Постмодернизм. Энциклопедия / Под ред. А.А.Грицанова, М.А.Можейко. — Минск.: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. — С. 727. Новейший философский словарь // <http://www.kulturolog.ru/slovar/aa-griczanov-novejshij-filosofskij-slovar/simulyakr/>
- 10 Ионеско Э. Лысая певичка. — М.: Известия, 1990. — С. 50.
- 11 Замятин Е. Избранные произведения. — М.: Сов. писатель, 1989. — С. 574.
- 12 Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. — М.: Добросвет, 2000. — С. 12, 26.
- 13 Великанов В. Симулякр ли я дрожащий или право имею. — М.: Новое литературное обозрение, 2007. — 272 с.
- 14 Симулякры — это вице-эйдосы // http://exlibris.ng.ru/person/2008-04-10/2_velikanov.html (интервью с В.Великановым)
- 15 Батай Ж. Проклятая доля. — М.: Гнозис, 2003. — С. 174.
- 16 Гессе Г. Избранное. — М.: Худож. лит., 1977. — С. 387, 388.
- 17 Поланик Ч. Невидимки. — М.: ЛЮКС, 2005. — 300 с.
- 18 Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. — М.: Флинта, Наука, 2002. — С. 570.
- 19 Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. — Т. 4. — М.: Правда, 1990. — С. 130.
- 20 Ремизов писал: «О себе и о другом узнаешь из сна такое, о чем и не подозревал. И никакой разговор, никакое приглядывание и вглядывание не откроют того, что так и просто обнаруживает сон» // См.: Ремизов А. Избранные произведения. — М.: Панорама, 1995. — С. 324–325.

Г.З.Горбунова

Көркем әдебиеттегі симулякр: типология мәселелері

Мақала көркем әдебиеттегі симулятивті бейнелер қызметін қарастыратын тың ғылыми білім саласына арналған. Автор әр түрлі эстетикалық шығармаларда жүзеге асырылған симулякрлардың классификациясын ұсынған. Классикалық әлемдік және қазіргі әдебиет шығармалары талдауға алынады. Типологиялық қатарлар көне және классикалық философия феноменін, әлеуметтік философияның «Париж мектебі» ғалымдарының көзқарастарын ұғыну нәтижесінде топтастырылған.

G.Z.Gorbunova

Simulacrum in fiction: on the problem of typology

The article is dedicated to under investigated scientific knowledge related to functioning of fictitious characters in fiction. The author offers classification of simulacra, realized in writings of various aesthetic nature. The analysis is focused on writings of classical world and modern literature. Typological rows are being drawn up with regard to apprehension of phenomenon in ancient and classical philosophy, views of the scholars of social philosophy of the School of Paris.

О.А.Иост

Павлодарский государственный университет им. С.Торайгырова (E-mail: olga_jost@mail.ru)

К проблеме имагологичности киноповести В.М.Шукшина «Калина красная»

В статье предлагается духовный ракурс имагологического подхода, с позиций которого и рассматривается киноповесть В.М.Шукшина. На примере судьбы главного персонажа Егора Прокудина рассмотрено создание образа «чужого» и «своего».

Ключевые слова: имагология, образы «своего» и «чужого», духовность, сюжетная ситуация, система образов-персонажей, система интертекстуальных включений, поэтика имен, метафизический смысл, евангельский контекст.

Актуальный сегодня в гуманитарном знании имагологический подход к объекту изучения предоставляет реальную возможность довольно плодотворных изысканий и в литературоведении. Тем более, что зачастую принято считать: имагология «как учение об образах» возникла как составная часть сравнительно-исторического метода в литературоведении [1]. При всей четкой определенности самого термина (от фр. *imagologie* — изучение образа; лат. *imago* — образ; причем в имагологии предметом выступает образ «чужого») наполнение названного научного подхода предельно разнообразно. Культурологический, исторический, лингвистический, социологический, психологический, этнографический аспекты имагологии — при всей их единой основе изучения образа «чужого» — обращаются к разным составляющим этого образа — культурным, генетическим, языковым, этническим, общественным, индивидуально-личностным.

Справедливо отмечает один из активных современных последователей имагологических изысканий А.Р.Ощепков: «Статус имагологии в современном гуманитарном знании не вполне определен. Одни исследователи рассматривают имагологию как теоретическую или историко-литературную дисциплину в рамках литературоведения, как «учение об образах» (Н.Е.Яценко, 1999) или исследование устойчивых образов (имиджей) чужого, другого (по этнической, культурной и языковой принадлежности), объективированных в литературных текстах (Миры образов — образы мира, 2003), другие — как раздел исторической науки, исследующий те представления о другом народе или стране, которые складываются в общественном сознании той или иной страны на определенном историческом этапе (С.А.Мезин, 2002), третьи — как ответвление культурологии или социологии, исследующих представления участников культурного диалога друг о друге (И.Нойманн, 2004), четвертые — как технологию создания имиджей (Г.Г.Почепцов, 2000)» [2; 54–55].

Кроме того, выделяют, например, потестарную имагологию — «направление исторических исследований, которое занимается образами власти... Потестарная имагология имеет непосредственное отношение к изучению религиозных традиций» [3]. Или культурную иконографию (гр. *eikon* — образ), цель которой — «изучить сложный механизм формирования имиджей, образов «чужого» под воздействием политических, исторических, социокультурных и прочих факторов» [2; 57].

Итак, имагология как «активно развивающаяся дисциплина, связанная с потребностью понимания особенностей «чужих» и необходимостью изучения механизмов формирования их «образов» [4], в общем и целом предполагает различные основания для выявления образов «чужих» и «своих». Думается, здесь возможны не только имеющие национальную подоплеку языковые, культурные, этнические и т.п. факторы, по которым определяется образ «чужого». Важны, на наш взгляд, в первую очередь, метафизические основания, когда «чужим» становится иной образ духовности.

Сегодня, в начале третьего тысячелетия, когда в результате крайнего духовного оскудения, прежде всего на уровне конкретной личности, реально встал вопрос о *сохранении* человечества как целокупности народов, специфически различных по этнографическим, языковым, культурным, конфессиональным основам, предельно обострился интерес именно к духовному началу жизни. Принципиальным моментом является на сей день факт реального осознания многими духовной подоплеку происходящего с миром и человеком, а следовательно, и понимания того, что именно в *духовной* сфере находится и реальная перспектива должного решения встающих перед человечеством проблем — в первую очередь, в ракурсе *высокой* духовности, напрямую связанной с религиозностью. Так, вполне

справедливо утверждение Шейха Абсаттара хаджи Дербисали, Верховного муфтия Казахстана, председателя Совета муфтиев Центральной Азии, главы Духовного Управления Мусульман Казахстана, академика Академии наук высшей школы Казахстана, доктора филологических наук, профессора, ученого-востоковеда, реализующего имагологический подход в науке: «Культура, литература, искусство, традиции и менталитет казахстанцев «выросли» из Ислама... Религия для нас — это первоисточник духовного наследия и одновременно гарант жизни, мира и независимости... Президент Казахстана Н.А.Назарбаев сказал: «Мы — тюрки, религия наша — Ислам». Сквозь призму этой исторической данности следует рассматривать и наше духовное наследие» [5].

Говоря об имагологии именно в ракурсе духовности, следует отметить, что в этом смысле имагологичность выступает характеристическим свойством русской литературы, духовной по сути своей. Если признать, что коренная глубинная специфика всякого народа определяется его духовностью (религиозностью), то ясно: основой русского народа и его культуры является православие. Трудно в этом плане спорить с известным философом Н.А.Бердяевым, который утверждает: «Миссия России быть носительницей и хранительницей истинного христианства, православия... «Русские» определяются православием. Православие оказалось русской верой» [6]. Действительно, начиная с одного из первых произведений древнерусской словесности — «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона — на протяжении всей истории своего развития русская словесность создавала и отражала образ русского народа, идентифицирующего себя именно на духовных основаниях и, соответственно, выстраивающего образы «чужих» и «своих».

Для историка русской литературы предельно значимо, что имагология, все больше развивающаяся с начала XXI века как направление исторической науки [7], активно обращается в том числе и к проблемам конструирования и восприятия в мире образа России. Опыт представителей классической русской словесности представляется в этом плане сугубо важным, так как в круге их первоочередных интересов всегда была и до сих пор остается так называемая «русская идея» — комплекс представлений об историческом и метафизическом предназначении русского народа.

Все сказанное выше определяет значимость В.М.Шукшина, который является прямым продолжателем лучших традиций русской классической словесности в обращении к метафизическим проблемам человеческого бытия на материале, очень близком нам по времени, а потому — и предельно актуальном.

Объектом нашего анализа является киноповесть «Калина красная», основанная на сценарии 1972 года, напечатанная в четвертом номере журнала «Наш современник» за 1973 год, по которой снят в 1974 году всенародно любимый фильм, справедливо признающийся творческим и духовным завещанием великого русского художника и мыслителя XX столетия.

Попытаемся определить основные составляющие имагологичности «Калины красной», т.е. специфики создания образа «чужого» и «своего», выражающейся в духовном ракурсе его содержания и способах художественной реализации. Имагологичность, связанная прежде всего с главным персонажем Егором Прокудиным, проявляется на многих уровнях структуры текста киноповести. Это и сюжетная ситуация, это и система интертекстуальных включений, это и поэтика имени, это и система персонажей. Остановимся на ключевых моментах.

Так, сюжетная ситуация киноповести с наибольшей потенцией выражает коллизию человека, который решает для себя вопрос: кто для него — «чужой» и кто — «свой». Шукшин раскрывает историю русской души, запутавшейся в сетях греха, но могущей, пройдя через искупление, вырваться на свободу. Основная нравственно-философская и этико-религиозная проблематика повести — преступления и наказания, борьбы добра и зла, поиска истинного смысла жизни. Причем в первой же фразе текста: («История эта началась в *исправительно-трудовой* колонии северного города Н., в местах *прекрасных и строгих*» [8; 419] (*выделено нами.* — И.О.) содержится и предсказание возможного благополучного (в духовном плане) исхода истории — исправление прекрасной, некогда чистой души, но падшей в результате победы над ней и в ней самой темных сил; исправление — в мучительном процессе труда над собой. В последующем повествовании постепенно раскрывается и предстает во всей полноте «история души человеческой» Егора Прокудина. Вышедший в очередной раз на свободу рецидивист, в процессе поиска «своих» и отторжения от «чужих», находит собственный путь, приводящий его к физической гибели, но душевному и духовному возрождению. При этом Шукшин замечательно изображает метаморфозы внутреннего состояния Егора как раз через постепенное переосмысление им системы «свой» — «чужой». Прокудин, сначала ошущая, а потом и осознавая свою чужеродность воровской среде, ищет и находит по-настоящему родной для него мир Любви Байка-

ловой, которая и помогает ему вырваться из тисков предшествующей жизни, возвратиться к себе, первоначально чистому. Любовь помогает Егору укрепиться в этом благодатном состоянии и, преодолев искушения, отстоять до конца обретенный истинный смысл собственной жизни.

Соответственно, в имагологичности киноповести принципиально важна система художественных образов-персонажей, которая выстраивается по принципу антитезы «свой» — «чужой». Центральным персонажем, закономерно, выступает Егор Прокудин, который как раз и определяется в данной системе координат, кардинально меняющейся для него в процессе повествования. Появление Егора в повести происходит во время исполнения им в составе хора «бывших рецидивистов», «у кого завтра оканчивается срок заключения», поющего по традиции «задумчивую песню «Вечерний звон» [8; 419]. Песня несет в себе евангельскую реминисценцию, которая легко считывается, она — о «блудном сыне», и она является средством выражения внутренней сути персонажа: Егор — человек, который ищет свой путь, тоскует по отчужденному дому, стремится к свету и любви. Блудный сын евангельской притчи, ушедший из дома, выступивший против отцовской воли, найдя в себе силы принести покаяние, смог вернуться к отцу. Аналогичен путь Егора, который чувствует свою близость к данному евангельскому персонажу.

В начале повести Егор, с одной стороны, — «свой» для мира уголовников — по своей настоящей принадлежности к ним; с другой — «чужой» им — и по своему давнему прошлому, и по своему желанию вырваться из этого мира. Выйдя из колонии на волю, Егор оказывается в ситуации важнейшего выбора пути дальнейшего собственного существования, которое при условии неизменности его неизбежно приведет к гибели. Очередное интертекстуальное включение — чтение Егором есенинского стихотворения «... в снежную выбель / Заметалась звенящая жуть. / Здравствуй ты, моя черная выбель, / ... Это песня звериных прав!.. /» [8; 424]. Как видим, Егор не только ощущает свою принадлежность «зверю», но и понимает всю губительную перспективу ее. Прокудин — человек, глубоко противоречивый, в котором есть «идеал Мадонны, и идеал Содомы». Что же он выберет — ключевой вопрос, ответ на который и определит его существование.

Принципиально важно с имагологических позиций, что сразу за этим идет в киноповести сцена, когда Егор встречает «своих подружек»: «Егор вышел из машины. Вокруг был сплошной березовый лес. И такой это был чистый белый мир на черной еще земле, такое свечение!.. Егор прислонился к березке, огляделся кругом.

— Ну, ты глянь, что делается! — сказал он с тихим восторгом. Повернулся к березке, погладил ее ладонью. — Здорово! Ишь ты какая... Невеста какая. Жениха ждешь? Скоро уж, скоро. — Егор быстро вернулся к машине. *Все теперь было понятно*» [8; 425] (*выделено нами.* — И.О.). Так посредством выбора, который делается сердцем, предуказан автором метафизический исход этой страшной борьбы за душу Егора Прокудина между тьмой и светом — свечение чистого белого мира, который в конце концов установится в душе персонажа.

Но итог этот нелегко, поистине кровью и потом, дается. И далее автор показывает тягчайший мучительный процесс вызволения человека из тисков зла. Именно в момент, когда стало «все понятно» (скорее, автору и читателю, так как Егор ничего пока не осознает, а действует интуитивно), появилось непреодолимое желание вернуться к темному миру преступного прошлого как результат мощной атаки тьмы, не желающей выпускать человека. И Прокудин отправляется «на хату», описание которой четко указывает не просто на социальную загнанность и убогую нравственность «малины», но на ее метафизическую суть: «Комната была драная, гадкая. Синенькие какие-то обои, захватанные и тоже драные, совсем уж некстати напоминали цветом своим весеннее небо, и от этого вовсе нехорошо было в этом вонючем сокрытом мирке, тяжело. Про такие обиталища говорят, обижая зверей, — логово» [8; 425–426].

При всей социальной точной характеристике «сокрытого мирка» преступности и резко отрицательной оценке его, здесь все значимо именно в метафизическом плане: и «гадкая» комната (гад ассоциируется со змием-искусителем); и «захватанные» обои (параллель с захватом человека в плен); и антитеза небу; и «вонючий» мирок (ассоциация с ужасным запахом серы — атрибута сатанинской силы); и «логово», означающее место обитания зверя — не только волка (если продолжить линию цитируемого Егором стихотворения), но и, учитывая библейский контекст (в частности, «видение зверя с двумя рогами, число которого 666» в Откровении Иоанна Богослова (Апокалипсисе) [Откр. Гл. 13], откуда возникло выражение «логово врага»), врага рода человеческого, антихриста. Так Шукшин «кодирует» содержание своего произведения, прямо выходящего на уровень метафизической истории мира («Тут диавол с Богом борется, и поле битвы — сердца людей» [9]), включающей и

апокалиптический план. От знания ее исхода — и столь ожесточенная духовная брань. Фраза «Напряжение чувствовалось во всем» [8; 426] — и об этом тоже, хотя, конечно, напряжению «малины» есть и вполне приземленное объяснение: ожидание результата очередного преступления («Ларек наши берут» [8; 427]).

Описание напряжения «малины» не случайно дано до появления там Егора: логово зверя-антихриста (образ которого «и говорил и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя» [Откр. 13, 15]) ожидает его, готовое пожрать — при неподчинении «звериным» правилам. Здесь уже реально явлен истинный характер истории персонажа, вступившего на путь духовной брани с силами тьмы, вписанного в контекст мировой священной истории, и, следовательно, объяснен смысл его трагического физического конца.

Принципиально значимым является то, что именно здесь звучит песня (очередной пример интертекстуальности в киноповести), которая легла в заглавие произведения, сконцентрировав его глубинное содержание. Трижды возникающая в тексте (символика числа три имеет, как известно, в первую очередь христианский ореол смысла), песня звучит в ключевые моменты повествования. Впервые — буквально предвывая появление главного персонажа на воровской «малине», когда Люсьен «негромко, красиво пела, хриповато, но очень душевно» [8; 426]. Функционирование песни, по аналогии с предшествующими интертекстуальными включениями, разнообразно. Она, во-первых, содержит в свернутом виде дальнейшее развитие внешнего сюжета («а он ушел к другой»): Прокудин действительно уйдет от «малинных» подружек к «заочнице» Любе, история отношений с которой — далее в центре повествования; во-вторых, является средством характеристики сложного противоречивого характера главного персонажа («Характер — ой какой»); кроме того, на уровне глубинного подтекста указывает на готовность Егора Прокудина изменить свою жизнь: как и вызревшая ягода («Калина красная, калина вызрела»), Егор действительно если и не созрел, то во многом потенциально внутренне уже подготовлен для перехода к «другой» — честной и чистой жизни.

Предельно важны в этом смысле следующие детали появления Прокудина в «логове»: «И вдруг за дверь грянул марш. Егор пинком открыл ее и вошел под марш. На него зашикали и повскакивали с мест.

Егор выключил магнитофон, удивленно огляделся.

К нему подходили, здоровались... Но старались не шуметь» [8; 427], свидетельствующие о демонстративном нарушении нормы существования «малины» пришедшим. Так автор противопоставляет своего персонажа «малине», которая на самом деле чужда ему, несмотря на то, что он вроде бы возвращается «домой». Егор-то и шел туда как домой, и марш-то его — это попытка обрадовать своим появлением и передать свое чувство радости от встречи. Но встретил иное.

Еще одна важная деталь: как только Егор переступил порог «хаты», он теряет настоящее имя, которое заменяется на кличку (писатель акцентирует на этом внимание), и с этого момента персонаж в воровской среде выступает как Горе (автор же неизменно называет его и дальше Егором). Истинная суть человека вытеснена в преступном мире звериными повадками. Поэтому вполне закономерно, что Егор не находит того, чего ждет — душевного тепла, радостного отклика от встречи: «Но что они?

– А чего вы такие все? [8; 427].

Искренне рада его приходу только Люсьен, реакция которой компенсирует неловкость общего приема и несколько поддерживает «счастливого» Егора, настроенного на праздник, но быстро перешедшего к сдержанности, проявляющейся в отношении к Губошлепу. Последний возглавляет «малину», всем своим поведением подчеркивая свое первенство, в том числе и рассказом об «одном осеннем вечере», из которого, несмотря на прерванность звонком (в результате чего автор не дает детализированной истории вхождения Прокудина в воровскую среду, акцентируя лишь роль Губошлепа), тем не менее ясно, что именно Губошлеп вовлек Егора в этот преступный мир и дал ему кличку Горе. Но он же «звериным» чутьем ощущает и то, что подопечный — не полностью в его власти. Губошлеп, «спокойный и чрезвычайно наглый, глаза очень наглые» [8; 427], чувствует в Егоре не столько соперника в любви (хотя скрытая ревность к Люсьен присутствует и здесь, и в конце повести), но, в первую очередь, всем нутром ощущает инородность, чуждость, неподчиненность «звериным правам» Егора, готового в любой момент к бунту против «крестного отца», а также и против всей «малины-логова».

В полной мере это демонстрирует пляска Егора, за которой «таилось что-то неизжитое, незабытое» [8; 429]. И главное здесь — состояние души, которая от осознания собственной греховности

«плачет» и стремится вырваться на свободу, вернуться к настоящему, забытому — несмотря ни на что — отчужденному дому. Душа и воля в сознании персонажа и автора — неразрывны: «Вот какой минуты ждала моя многострадальная душа, — сказал Егор вполне серьезно. Такой, верно, ждалась ему желанная воля» [8; 429]. И еще одно понятие глубоко связано с душой — покой.

Душа и покой — ключевые понятия разговора Егора и Люсьен, которые близки друг другу именно в стремлении к душевному покою. Губошлеп теперь чувствует глубинную опасность существованию всего своего «логова», ибо обитатели его «молодые люди смотрели, с какой-то тревогой смотрели, жадно, как будто тут заколачивалась в гроб некая отвратительная часть и их жизни тоже — можно потом выйти на белый свет, а там — весна» [8; 429]. Конфликт между Губошлепом, который «весь ушел в свои глаза. Глаза горели злобой», и Егором, который «остервенело» продолжал твердить о плачущей душе, неизбежно приводит к открытому столкновению, конечно, имеющему предысторию: «Я тебе, наверно, последний раз говорю... *Не тронь меня за болячку*» [8; 430] (*выделено нами.* — И.О.), что свидетельствует об изначальной чуждости («иности») Егора, сдуру попавшего когда-то в инородную среду, вылившемуся затем в прямую кровавую вражду, закончившуюся трагически, вновь вполне объяснен, в первую очередь, именно духовно.

Губошлеп мстит Егору не только за «измену» воровскому кодексу, за его выбор трудовой жизни, но, главным образом, за внутреннюю силу, которую и демонстрирует этот выбор; духовную силу добра, чести, совести, которые, как оказалось, никогда не умирали в душе главного персонажа. Учитывая евангельский контекст повести, в рамках которого история Егора Прокудина есть история «блудного сына», поведение Губошлепа ассоциируется со старшим сыном притчи, позавидовавшим младшему, который «был мертв и ожил, пропадал и нашелся» [Лк. XV, 32] и потому с великой радостью принят отцом. Егор нашел в себе силы ожить духовно (т.е. вернуться к Отцу) — в противовес Губошлепу, в адрес кого Люсьен произносит: «Иди ты к дьяволу» [8; 428] и который находится в конце киноповести в полной власти врага рода человеческого («Видно стало — проглянуло в глазах, — что мстительная немощность его *взбесилась*» [8; 488] (*выделено нами.* — И.О.), чью волю он и исполняет, физически убивая Егора.

Именно нахождение Егора в «логове», в котором он не только не обрел радости возвращения к родному дому, но и окончательно убедился в глубинной чуждости ему, приводит к мысли о бегстве из него. Метафизическое бегство Егора к действительно родным корням («Я, кажется, действительно займусь сельским хозяйством» [8; 430]) просвечивает сквозь физическое бегство Гора из воровской «малины». Вновь принципиально важная деталь — во время побега, уводя погоню за собой, Егор оказывается на кладбище, где его охватывает «радость воли, радость жизни» [8; 432]. Опять в повести сквозь физику просвечивает метафизика: земное пребывание не исчерпывает жизнь человека, которого ожидает воскрешение (надпись на памятнике «Спи спокойно до светлого утра» [8; 433]).

Духовному воскрешению Егора непосредственно способствует «Любушка-голубушка», к которой он отправляется после нескольких неудавшихся попыток «приткнуться» к кому-нибудь из старых подружек, с возрастающим остервенением желая использовать ее в своих корыстных целях. Крик Егора «в тишину, в ночь» уже свидетельствует о том, что такое желание на самом деле противно его душе. И потому, когда он приехал в село Ясное (наименование которого вновь, конечно, нарочито, и при осознании всех разных значений слова, собранных воедино, создает нужный смысловой объем: именно здесь с помощью «светлой незамутненной» души Любы и всей ее семьи с «ничем не омраченным, спокойным» традиционным укладом жизни «хорошо понимаемый» в его глубинном «логичном, стройном, четком» стремлении вернуться к отчужденному дому Егор «ярко просияет», воскреснув душой), где «на взгорке стояла и ждала Люба. Егор сразу увидел и узнал ее... В сердце толкнуло — она!» [8; 434]. Конечно, узнал не только по фотографии, высланной ему «заочницей» в колонию по переписке, но узнал сердцем. «И пошел к ней». Пошел к Любви, к свободе, к настоящей жизни, к истине родной душе. «Ё-моё, — говорил он себе негромко, изумленный, — да она просто красавица! Просто зоренька ясная» [8; 434]. Люба действительно родная, в том числе и по происхождению, из родного крестьянского корня: «пожал с чувством крепкую крестьянскую руку». Представившись Георгием. Впервые в тексте звучит полное имя персонажа.

Здесь уместно остановиться на поэтике имени. Горе-Жоржик-Егор-Георгий являют разные ипостаси личности Прокудина. Воровская кличка Горе несет в себе, в том числе, и трагическое ощущение персонажем краха собственной жизни. Сам Егор называет свою кличку в первом разговоре с Любой («Кличка моя знаешь какая? Горе. Мой псевдоним» [8; 437]), свидетельствуя тем самым о прочной связи его с преступным миром, в котором извращаются истинные имена (Горе — перевертыш

имени Егор), суть человека. Упоминание Прокудиным собственной клички подчеркивает неизбежное желание персонажа вырваться из псевдомира, чтобы вернуться к нормальному миру, к истинному себе — человеку, который несет в себе образ Божий. Причем здесь принципиально значимо, что, единственный раз сам себя называя кличкой, Прокудин делает это именно в разговоре с Любой. Метафизически это означает, что вновь обрести статус человека в настоящем его смысле возможно с помощью любви, которая есть основа жизни.

Другое имя Прокудина, значительно чаще, по сравнению с кличкой, звучащее в повести, — Жоржик (с его вариантами Жора, Джордж). Имея разные нюансы, данный вариант имени несет в тексте главным образом иронический смысл — горькое отношение в первую очередь самого Прокудина к себе как потерявшему родной исконный русский корень и выветрившемуся в жалкое подобие модного иностранного образца. В этом смысле важно и имя Люсьен, подчеркнуто иностранное звучание которого свидетельствует не только об оторванности его носительницы — представительницы воровского мирка — от родной среды, от собственного русского народа, но и о духовном противостоянии им.

Употребление данного эквивалента имени главного персонажа происходит в принципиально важные моменты развития сюжета, указывая на вехи духовной эволюции персонажа. Впервые имя Жоржик употреблено при знакомстве Прокудина с Петром, который «ровным голосом» адаптирует полное имя персонажа к обычной жизни — Жора, на что Егор, обидившись на холодный прием, ершисто противоречит — Джордж, придавая как бы большую весомость себе и одновременно издеваясь над самим же собой, когда, «пытаясь освоиться среди этих людей», вел себя неестественно — «улыбался и заглядывал в сумрачные глаза Петра» [8; 444]. Именно Петр после того, как Егор обварил его, иронически обращается к нему с уменьшительно-ласкательным Жоржик, что свидетельствует о понимании им ситуации и о прощении Егора. Еще раз так назовет Петр Прокудина перед разборкой Егора с мужем Любы, что подчеркивает иронию его по отношению к опасению сестры, что того могут избить. «Кого избьют? — спокойно басил Петро. — Жоржика? Его избить трудно» [8; 477–478]. Употребляет имя Жоржик и отец Любы, когда, видя сборы Егора, чуя за ними что-то предельно важное, забеспокоится: «Чего он такое затеял, этот Жоржик?» [8; 473]. Егор действительно затеял важное — поездку к матери, ставшей кульминацией процесса душевного и духовного воскрешения Егора, когда он окончательно и бесповоротно решает стать «похожим на человека», после чего возврат к прежней жизни, к Жоржику, уже невозможен. Последний раз имя Жоржик звучит в устах самого Егора, когда он «Первую борозду в своей жизни проложил» [8; 479], т.е. действительно вернулся в «отчий дом» — к собственным родным истокам. С неким удивлением — от неверия, что он смог вырваться из «логова» прежней жизни, персонаж — русский человек, расставаясь с иностранным эквивалентом своего имени, навсегда прощается с греховным мрачным страшным прошлым.

Наиболее часто употребляемое в повести обиходное имя главного персонажа — Егор — указывает на обычность, обыденность, распространенность русского человека, нравственно и духовно заплутавшего в жизни. Именно это имя употребляет на протяжении всего текста автор. Оно тоже имеет варианты: уменьшительно-ласкательно (Егорушка) называют Прокудина женщины — Люсьен в сцене прихода его в «логово» и Люба, неоднократно обращающаяся так к нему, в том числе и в самом конце, перед смертью Егора. Есть еще один вариант данного имени (Егорша), который звучит только в устах по-настоящему любящей Любы, так нежно-ласково назвавшей Егора дважды — после его возвращения к ней из «бардельеро», когда оба ощущают зреющее и крепнущее чувство их настоящего глубинного родства.

Все приведенные выше варианты являются эквивалентами имени Георгий, которое звучит в повести реже всех остальных и которым Прокудин представляется в самые важные серьезные моменты своей жизни, в частности, в момент знакомства с Любой, приведшего в итоге к возрождению души главного персонажа. Еще раз подчеркнем, Егор не смог бы этого сделать без помощи Любви и всей ее семьи, описание дома которых также значимо в раскрытии глубинного содержания повести, говоря о патриархальном устройстве жизни, к которому возвращается «блудный сын»: «Дом у Байкаловых большой, крестовый. В одной половине жила Люба со стариками, через стенку — брат с семьей.

Дом стоял на высоком берегу реки, за рекой открывались необозримые дали» [8; 439]. Место расположения дома, как видим, символизирует тот самый высокий уровень духовности «отчего дома», к которому стремится Егор. Кроме того, неограниченность пространства отчего дома здесь противопоставлена «сокрытому миру» логова, также выступая средством выявления метафизического смысла киноповести.

Образ жизни обитателей дома также разительно отличается от «малины», в том числе и встреча пришедшего в него впервые человека. При всей опаске «рестанта», старики принимают его, как и положено в гостеприимном русском доме: «Однако и приветить ведь надо?.. Надо. Все будем людски делать, а там уж поглядим: может и жизни свои покладем... через дочь родную. Ну, Любка, Любка...» [8; 439]. В последних словах явна евангельская реминисценция: «Нет выше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» [Ин. 15, 13]. Так Шукшин выстраивает метафизическую подоплеку описанного с большой долей мягкого юмора поведения Байкаловых, которые бесхитростно остро реагируют на провокационное поведение Егора, испытывающего сложный комплекс чувств «блудного сына», в итоге принимают его как родного.

Роль Любы в этом, конечно, ключевая. При всей конкретике социально-бытовой и психологической атмосферы сцен вхождения Егора в семью Байкаловых, Шукшин и здесь указывает на глубокий подтекст. Слова Любы: «Не пугайте вы меня, Христа ради. Я сама боюсь. Что, вы думаете, просто мне?» [8; 446], продолжая названный выше евангельский контекст, свидетельствуют не только о предельной трудности выполнения, но и о твердости намерения Любы исполнить заветы Христа. И она убеждает близких: «А вот кажется мне, что он хороший человек. Я как-то по глазам вижу... Вот хоть убейте вы меня — мне его жалко. Может, я и...» [8; 446]. Здесь фраза прерывается, но в ней уже есть возможность того чувства, о котором Люба скажет позже: «И я уж и не знаю: то ли я его люблю, то ли мне его жалко. А вот болит душа — и все» [8; 454].

В функционировании имени Георгий принципиально важна сцена «бардельеро», участники которой обращаются к главному персонажу исключительно по имени Георгий. Душа персонажа, которая «стронулась» после встречи с Любовью, не может сразу вырваться из оков греховности и потому еще раз — теперь уже в последний — поддалась темной силе. Праздник, которого так хочется Егору, закономерно превращается в сборище («Народ для разврата собрался» [8; 458]), ничего, кроме опустошения, душе не приносящее. А его душа в это время уже открыта — навстречу Любы (нарочитое обращение Егора перед своим отъездом к Любе именно полным ее именем подчеркивает его метафизический смысл). В данной сцене — переломный момент в состоянии персонажа, который делает окончательный свой духовный выбор. И происходит это в преддверии великого христианского праздника («Троица скоро, чего же, — сказал кто-то за столом» [8; 459]). Прокудин, пронзительно осознав возможность не успеть изменить образ собственного бытия, бесповоротно отказывается от прежней воровской жизни: «Всё! Идите, воруйте сами...». И хотя «разврат» продолжается, но он уже не может принести Егору удовлетворения. Прокудин пытается организовать из «развратников» хор для исполнения песни «Вечерний звон», предельно близкой внутреннему состоянию Егора, «блудного сына»: «Я от того и завыл, что вроде слышу, как на колокольне бьют. Тоска меня берет по родине... И я запел потихоньку. А Вы свое «бом-м, бом-м». Вы и знать не знаете, как я здесь тоскую, — это не ваше дело.

Вроде в тюрьме человек сидит — тоскует, — подсказал Михайлыч. — Или в плену где-нибудь. — В плену какие церкви? — возразили на это» [8; 462]. В подтексте разговора — речь о духовном пленении тоскующего по «отчому дому» человека, который может вырваться только с помощью Божьей. А помощь эта — в Любы, а не в «разврате». Именно поэтому и не удастся Егору «наладить» хор. Теперь он уже чувствует полную свою чуждость миру разврата. Именно поэтому он принимает решение срочно вернуться в Ясное, а в ответ на вопрос «А зачем в Ясное-то?», отвечает «У меня там друг» [8; 462] — Люба, готовая ради него «положить жизнь». Егор оценил то, что Люба предоставила ему свободу в разговоре перед отъездом. С Ясным теперь ассоциируется в его душе «воля», освобождение из плена: «Душа у меня ... наскипидаренная какая-то... Как волно почует, так места себе не могу найти» [8; 463]. «И вот Егор «летел светлой лунной ночью по доброму большаку — в село, к Любе» [8; 464] — в ответ на ее любовь, готовый к семейной жизни («Ну, как там... насчет семейной жизни? — спросил он таксиста»). «Блудный сын» встал на праведный путь, с которого уже не сойдет.

Подчеркнуто выделяется в этом смысле сцена ночного возвращения персонажа в дом Любы, когда он, подехав на такси «к большому темному дому... вдруг оробел», и, не посмея сразу войти к Любе, вызывает Петра. Здесь следует отметить употребление — единственное в тексте — сразу двух вариантов имени, когда в ответ на вопрос «Кто там?», Прокудин отвечает: «Я, Петро. Георгий, Жоржик...» [8; 464]. Определяя себя таким образом, Егор свидетельствует о том, что реализовать верно сделанный выбор предельно сложно. Напряженность внутреннего состояния Егора подчеркивает реакция Петра: «Ты чего? — удивился Петро» [8; 464]. Но то, что Прокудин сначала все-таки называет себя Георгием, а потом с горечью — Жоржик, демонстрирует крепость его желания вырваться из

прошлого мира, начав новую жизнь. Здесь — реальное начало изменения им собственной жизни. Далее Егор распивает в бане с Петром дорогой коньяк, заедая шоколадом, — как последний жест Жоржика, как знак прощания с прежней жизнью, чей мрак сменяется на проблеск света, который затем усиливается, переходя в рассвет: «Ночь истекала. А луна все сияла. Вся деревня была залита бледным, зеленовато-мертвым светом. И тихо-тихо... Такая тишина бывает только *перед рассветом*» [8; 465] <выделено нами. — И.О.>. Егор, преодолевая силы зла, подобно «блудному сыну» (который, «был мертв и ожил»), находится накануне окончательного возвращения к «отчему дому».

А новая встреча с Любой произошла уже «рано утром», которое было, конечно же, «ясное» [8; 466]. В их разговоре на ферме, куда Любу и провожал Егор, он, рассказывая детское воспоминание о гибели коровы, как пишет Шукшин, «проговорился»: действительно, теперь реально продемонстрирована изначально нормальная природа человека, присущая Егору, которая отличала его от хозяина «малины-логова» и которая, несмотря на все попытки темной силы вытравить ее, осталась в глубине души и вот теперь вновь проявилась. Но Егор воспринимает это как проявление слабости, от чего и «был недоволен» [8; 466]. Зато Люба по достоинству оценила эту «слабость», назвав Прокудина, засмотревшегося «в ясные глаза женщины», нежно-ласково «Егорша». Так писатель исподволь, но неуклонно выписывает зреющее и крепнущее чувство настоящего глубинного родства людей.

И в этом плане закономерно, что Прокудин решается, наконец, на поездку к матери, в реальный «отчий дом», описание которого опять при всей бытовой точности метафизически значимо: «Просторная изба. Русская печь, лавки, сосновый пол, мытый, скобленный и снова мытый. Простой стол с крашеной столешницей. В красном углу — Николай Угодник» [8; 474]. Егор надевает темные очки, чтобы мать не узнала его. И ключевой вопрос матери «Чего же, сынок, глаза-то прикрыл?» вскрывает его стыд, боль, доходящие по мере разговора Куделихи с Любой до нестерпимого напряжения — окаменения, не из-за черствости, но, напротив, по причине оживания души: «Откровенно болела душа, мучительно ныла, точно жгли ее там медленным огнем» [8; 476]. Конечно, это кульминация процесса душевного и духовного воскрешения Егора (после признания Любе: «Мать это, Люба. Моя мать» [8; 476] и ее требования вернуться к матери крикнувшего: «Рано! Дай хоть волосы отрастут... Хоть на человека похожим стану»), после которого нет уже возврата назад. В Егоре уже воскрес человек как образ и подобие Божие. (В фильме об этом свидетельствует крупный план православного храма). И теперь он всеми силами будет отстаивать этот образ: «Ничего, Любаша!.. Все будет в порядке! Голову свою покладу» [8; 477].

Шукшин знает, о чем говорит его персонаж. Силы тьмы не оставляют просто так человека, вырвавшегося из их тисков, и мстят ему, используя разные возможности. Первой такой попыткой является угроза бывшего мужа Любы, устроившего «разборки» с Егором из ревности. При всей реальной опасности ситуации, она никак не могла закончиться смертью персонажа. Ибо развитие сюжета киноповести, подчиняющееся метафизическим законам бытия мира и человека, требовало доведения до логического конца истории Егора Прокудина, которая предполагает, в том числе и «проверку» человека на прочность. Одно дело держать данное слово, когда нечего терять, и совсем другое — когда обрел, наконец, искомое всю жизнь — и любовь, и дом, и родину.

Но вот именно в это время, когда «Первую борозду в своей жизни проложил Егор» [8; 479], т.е. действительно вернулся в «отчий дом», делом уже, он предчувствует — покоя от вражьей силы не будет: «И теперь, когда от пашни веяло таким покоем, когда голову грело солнышко и можно остановить свой постоянный бег по земле, Егор не понимал, как это будет — что он остановится, обретет покой. Разве это можно? Жило в душе предчувствие, что это будет, наверно, короткая пора» [8; 480].

И вот тут во второй раз в киноповести звучит песня «Калина красная» — уже в устах самого Егора — в принципиально важный момент, в минуту глубоких переживаний и раздумий о смысле собственного бытия: об утерянной чистоте детства, о возвращении к отчему миру в настоящем, об обретении покоя в будущем. Песня в данном случае демонстрирует бесповоротность выбора Егора, возвращения к родной «почве», и значимо, что последней строкой приводимого здесь текста является «Характер — ой, какой»: духовный выбор Егора неизменим. И вот эта-то крепость характера, эта-то устремленность Егора к истинной свободе, к честной жизни, к любви, к семье не прощается темными силами. «Вечером ужинали все вместе: старики, Люба и Егор. В репродукторе пели хорошие песни... Вдруг дверь отворилась, и появился нежданный гость» [8; 480], конечно, представитель «малины-логова». Нежданным был лишь этот конкретный посланник, но появление представителя мира тьмы (неважно, Васи ли, Шуры ли) Егор ожидал.

И потому ответ его четкий: «Так и передай. Понял? — жестко, зло говорил Егор. — Запомни и передай.

— Я передам. Но ты же знаешь его...

— Я знаю. Он меня тоже знает» [8; 482], а после попытки «купить» его «заготовленными деньгами», Егор «с силой ударил ими по лицу Шуру — раз, и другой, и третий». Закончилась сцена встречи — после появления Любы — следующим: «Запомнил, — сказал Шура. Посмотрел на Егора последним — злым и обещающим — взглядом. И пошел к машине» [8; 482]. Егор теперь не просто чужой преступному миру, он непримирим по отношению к нему. Прокудин окончательно «завязывает» с криминальным греховным прошлым, резко не приняв предложение приехавшего к нему посланца воровского мира, четко осознавая реакцию последнего и, соответственно, реальную опасность. Данную опасность для жизни Егора чувствует и Люба, вначале пытаясь успокоить которую, Прокудин запел первые две строки песни «Калина красная» (так в третий раз звучит она в повести), чем автор акцентирует именно духовный смысл: зрелость Егора, который, кстати, пытается научить песне Любу, «не слушая ее» опасений. Метафизическое содержание подчеркивается обращением Любы: «Христом Богом прошу, скажи, они ничего с тобой не сделают?» [8; 484]. Закономерно теперь — в обращении к Егору — звучит имя Христа, что четко характеризует новое духовное состояние главного персонажа. Люба, конечно, боится за жизнь любимого. Вновь в тексте возникает евангельская реминисценция: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне» [Мф. X, 28]. Рецидивист Горе убивал свою душу (отчего она и плакала), твердый же духовный выбор Егора дает надежду именно на вечную жизнь души, значимость которой по сравнению с жизнью тела неизмерима.

Сам автор так комментирует историю своего персонажа: «... неважно, умирает ли он физически. Другой крах страшнее — нравственный, духовный» [10]. Метафизически Егор сделал правильный выбор, даже если цена его — смерть физическая. Потому читаем: «Все будет хорошо, — четко, раздельно сказал Егор. — Клянусь, чем хочешь... всем дорогим» [8; 484–485], еще раз подтверждая крепость своей позиции.

Имагологически значимо, что вечный духовный мир просвечивает сквозь обновляющийся земной мир в конце повести — перед самой развязкой сюжета, когда Егор увидел Губошлепа, приехавшего для «разборки»: «Земля собрала всю свою весеннюю силу, все соки живые — готовилась опять продлить жизнь. И далекая синяя полоска леса, и облако, белое, кудрявое, над этой полоской, и солнце в вышине — все была жизнь, и перла она через край, и не заботилась ни о чем, и никого не страшилась» [8; 485].

Егор, идя навстречу Губошлепу, также не страшится его. «Блудный сын», вернувшийся в «отчий дом», готов встать на защиту его, готов отдать жизнь «за други своя» (потому отправляет помощницу и убеждается в безопасности трактористов). Но главное, он, восстановивший в себе статус человека как образа и подобия Отца небесного, должен пройти путь Христа: у каждого своя голгофа. Без распятия на кресте нет воскресения.

Киноповесть В.М.Шукшина «Калина красная», таким образом, это история метафизического выбора персонажа, пострадавшего в своей греховности, неприкаянности; преодолевшего духовно-нравственный крах собственной личности; вырвавшегося из тисков злой темной силы, которая, не простив ему ухода, уничтожила его физически, не смогла убить его души. Егор оказался победителем, как и его небесный покровитель Георгий Победоносец — святой покровитель града Москвы, столицы России, повергнувший змия как олицетворение злой силы. В победе над злом — в себе самом и в окружающем мире — Шукшин видит исконную суть русского человека. И с этим связана перспектива физической и метафизической истории человечества и мира.

В соотношении конца повести с Апокалипсисом («И сказал сидящий на престоле...: совершилось! Я есмь Альфа и Омега, начало и конец; жаждущему дам даром от источников воды живой; побеждающий наследует всё, и буду ему Богом, и он будет Мне сыном. Боязливых же и неверных, и скверных, и убийц, и любодеев, и чародеев, и идолослужителей, и всех лжецов — участь в озере, горящем огнем и серою» [Откр. 21, 5–8]) окончательно высвечивается метафизическая история Георгия Прокудина — некогда «блудного», но по итогу — верного сына Божия.

В этом же контексте явлен и духовный финал Губошлепа: повесть заканчивается физическим уничтожением предводителя «звериного логова» со товарищами, в котором прочитывается метафизический конец антихриста: после попущенной Творцом строго ограниченной по сроку власти над

миром он неизбежно будет повержен, уже окончательно — вторым пришествием Христа во всей сияющей Его славе и силе.

Система координат «свой» — «чужой» в киноповести, таким образом, выстраивается следующим образом: «свои» — Егор Прокудин, Любовь Байкалова со своими родителями и братом, готовые отдать «душу за други своя», носящие в себе Христа и исполняющие заповеди Его; «чужие» — Гу-бошлеп со товарищами, принадлежащие противной сатанинской силе, над которой в итоге одержана метафизическая победа.

Итак, анализ имагологического содержания киноповести «Калина красная» приводит к подтверждению того, что В.М.Шукшин «творил именно *sub specie aeternitatis* — под знаком вечности» [11], поднимая и решая важнейшие проблемы бытия человеческого в лучших традициях русской словесности, связанных с тенденцией высокой духовности именно в религиозном плане ее осмысления.

Список литературы

- 1 Яценко Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. — СПб.: Лань, 1999. — С. 323.
- 2 Ощепков А.Р. Имагология в курсе «Теория культуры» // Высшее образование для XXI века: VII Междунар. науч. конф. — Вып. 2. — М., 2010. — С. 53–59.
- 3 Бойцов М.А. Потестарная имагология Средневековья как область междисциплинарных исследований // [ЭР]. Путь доступа: <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/bojcov.htm>.
- 4 Ложкина А.С. Роль периодической печати СССР в формировании образа Японии (исторический опыт 1930-х гг.) // Уральский исторический вестник. — 2009. — № 1. — С. 23.
- 5 Абсаттар хаджы Дербисали. Мечети и медресе Казахстана (история и современность) // Простор. — 2006. — № 9–10. — С. 115.
- 6 Бердяев Н. Русская идея // Вопросы философии. — 1990. — № 1. — С. 81.
- 7 Гавриков А.А. Имагология в отечественном востоковедении // [ЭР]. Путь доступа: <http://ckitalets2000irkutsk.narod.ru/imagologiya.htm>.
- 8 Шукшин В.М. Калина красная // Шукшин В.М. Избранные произведения: В 2 т. — Т. 1. — М.: Мол. гвардия, 1976. — С. 419–492.
- 9 Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. — Т. XIV. — Л.: Наука, 1972–1990. — С. 100.
- 10 Кожухова Г.П. Самое дорогое открытие. Беседа с В.М.Шукшиным 22 мая 1974 года // [ЭР]. Путь доступа: shukshin.virtbox.ru/povesti/kalinakrasnaya.
- 11 Казин А.Л. Житие великого грешника («Калина красная») // Философия искусства в русской и европейской духовной традиции // [ЭР]. Путь доступа: <http://www.portal-slovo.ru>.

О.А.Иост

В.М.Шукшиннің «Кызыл бүрген» киноповесіндегі имагологиялық мәселесі

Мақалада В.М.Шукшиннің киноповесі карастырылып, имагологиялық тәсілдің рухани жағдайы ұсынылған. Ең үздік орыс шығармалары дәстүрлерінің жалғастырушысы ретінде, оның ішінде «бөтен» және «өзімдікі» бейнесін сомдау кезіндегі басты кейіпкер Егор Прокудиннің тағдыры мысал ретінде келтірілген.

О.А.Иост

The problem of an imagology of V.M.Shukshin's movie-essay «Snowball Berry Red» (Kalina Krasnaya)

The article is devoted to a spiritual aspect of the imagology approach. The movie-essay is considered according to this imagology approach. V.M.Shukshin is the successor of the best traditions of Russian literature, especially in creation of the images of «an alien» and «own» on an example of the destiny of the main character Egor Prokudin.

У.К.Абишева

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы (E-mail: Abisheva_O@mail.ru)

Новые тенденции в романе начала XX века (на примере романа Б.К.Зайцева «Дальний край»)

В статье исследованы художественные особенности романа Б.Зайцева «Дальний край». Роману присуща деэпизация, выразившаяся в том, что основное внимание художника сосредоточено не на исторических событиях, социальных катаклизмах эпохи, а на внутренней жизни, чувствах главного героя. Под влиянием модернизма в реализме начала XX века повышается интерес к собственно личностному существованию, субъективному, частному, формирующему сложный мир личности. Неореалистическая проза этого периода утверждает личность как центр, основу всего, уйдя от социальных вопросов, углубляясь во внутренний мир человека.

Ключевые слова: художественные особенности, неореализм, модернизм, роман, деэпизация, внутренний психологизм, мир личности.

Роман «Дальний край» (1913) Б.Зайцева вызвал много откликов в дореволюционной критике. Первая волна критических отзывов на роман, появившаяся на страницах журналов после его опубликования, содержала достаточно разноречивые оценки. Хотя авторы статей не анализировали его подробно, ограничиваясь общими оценками, отзывы отражают попытки первоначального идейно-философского и художественно-эстетического разбора произведения. Действие в нем, как известно, проходит на фоне трагических событий русской истории, революции 1905 года, но внимание художника сосредоточено на внутреннем мире своих персонажей, на их размышлениях, эмоциях, увлечениях. Это, в первую очередь, и послужило причиной нападков на писателя критиков самого разного толка, от марксистов до либералов, упрекавших писателя в том, что ему не под силу объективно выразить действительность, реальную ситуацию революционного движения 1900-х годов в России.

Одним из первых на новое произведение откликнулся В.Кранихфельд, опубликовавший статью в журнале «Северные записки» за 1913 г., затем с небольшими дополнениями перепечатанную в «Современном мире» за тот же год. Сопоставляя новый (и к тому же первый) роман художника с малой прозой предыдущих лет, критик признавал, что «в рассказах он (Б.Зайцев. — А.У.) подкупает современного читателя нежной лирикой своей женственности, мистически настроенной души и задушевной интимностью рисунка» [1;140]. Роману, отмеченному характерными чертами ранней прозы, критик дал отрицательную оценку, упрекая автора в недостаточно глубоком изображении современной исторической действительности. По мнению критика, слабость произведения заключалась в том, что герои даны «на чрезмерно грандиозном фоне революционных событий, пригодном более для эпопеи, чем для тонких психологических арабесок души <...>. «Если бы Зайцев достаточно разработал фон, эта соразмерность была бы скрыта», — писал он [1;140].

Если «Северные записки» дали сдержанную оценку романа, то критик «Заветов» В.Львов-Рогачевский, стоявший на позициях социал-демократической критики, объявил роман неудачей автора, не понявшего сущности революции 1905 года. Немаловажную роль в его оценке сыграли размышления об идейной направленности романа. Слабой стороной романа, по мнению автора, был уход «к иной действительности», от «бурной эпохи к тихим религиозным настроениям» (*курсив автора. — А.У.*): «Он (Б.Зайцев. — А.У.), так же, как и другие культурные работники модернизма, попытался изобразить русскую революцию; так же, как они, забыл упомянуть главного героя приснопамятной эпохи — рабочего, но он сделал больше: он до неузнаваемости изменил лицо эпохи. Покурил ладаном, спел свое «Свете тихий», утихомирил буйных героев, заставил, кого умереть, кого постареть и успокоиться, против Маркса выдвинул Владимира Соловьева, против мятежной борьбы — служение и кротость, и от революции ничего не осталось» [2; 76–77]. Сюжет представлялся критику вялым и чрезмерно «забытовленным», отнюдь не цементирующим идейно-образный материал романа, образы казались во многом вторичными, характеры, начиная с главного героя, — бледными, невыразительными. По мнению В.Львова-Рогачевского, «художник, занятый исключительно внутренним миром героя, изображая революцию, *«прошел мимо революции»*. Его личное настроение совер-

шенно не совпало с тем общественным подъемом, о котором он говорит в своем романе» (*курсив автора*. — А.У.) [2;76].

В противоположность приведенным выше откликам обширная статья Н.Коробки, вышедшая в «Вестнике Европы», была весьма благожелательной. В отдельных элементах реалистического романа Зайцева критик увидел влияние модернизма. Размышляя об «особом реализме» Б.Зайцева, автор назвал произведения художника неореалистическими. Этот синтез, по мнению исследователя, определил основные черты его поэтики. Но даже в этой статье, содержащей в целом высокую оценку романа, обнаруживающей глубокое знание критиком ранее написанного Зайцевым, звучал упрек автору в ограниченном охвате жизни, и давалась оценка романа как произведения далекого от современности, от русской жизни 1900-х годов и ее истории. Критик также отметил неудачно выбранный фон всего произведения — русскую революцию 1905 года. В.Голиков в своем годовом обзоре литературы ограничился лишь указанием на то, что «Великую книгу Пана он (*Зайцев*. — А.У.) перестал читать, как в первых лучших своих романах. Мы его видим теперь с Библией, Евангелием и Толстым в руках. Пантеист стал христианским морализатором» [3]. Иванов-Разумник, анализируя произведение, подошел к нему с мерками романа XIX века, увидел в «Дальнем крае» не роман, а «отдельные картины, отдельные эпизоды, любовно освещаемые «тонкими лучиками зайцевского дарования» [4]. По мнению критика, характеры в романе даны не в движении, а в статике.

Чем же было обусловлено это начальное почти единодушное неприятие романа современной писателю критикой? В его интерпретации и оценке совпали мнения совершенно разных по своей идейно-художественной ориентации критиков. Расходясь в деталях, почти все критики упрекали автора в недостаточно точном и глубоком изображении современной исторической действительности (прежде всего событий революции 1905 года). Это, в первую очередь, и послужило причиной нападок. Например, характерно резкое замечание В.Кранихфельда о том, что Б.Зайцев в своем романе «вздумал окончательно посрамить революцию, уже и без того низведенную им до степени кутерьмы» [5]. Очевидно, что подобная оценка романа была недостаточно обоснованной. Критика начала XX в. ограничивала рассмотрение романа только как эпического полотна о революции 1905 года, тем самым лишая себя возможности проанализировать его объективно. Представляется, что такой подход к роману Б.Зайцева был ограниченным, так как не выявлял специфики художественного мировосприятия автора. Идейные и эстетические пристрастия критиков предопределяли неадекватность их трактовок авторским интенциям, даже полярное их расхождение. Поэтому специфические черты художественного мышления автора в критике начала XX в. оказались нераскрытыми, она не увидела качественного отличия произведения от классического романа XIX в.

Замечания о романе современных исследователей являются более глубокими. Т.Прокопов пишет о лиризме как особом качестве прозы Б.Зайцева [6]. В.Т.Захарова связывает особенности романного мышления Б.Зайцева с лирико-импрессионистическим типом художественного сознания, обусловившим ракурс изображаемого и композиционные особенности романа [7].

С нашей точки зрения, Б.Зайцев в «Дальнем крае» преодолевает эпические романские традиции XIX в., не отказываясь, однако, от них совсем. В раннем романе писателя нашли отражение некоторые важные моменты художественного мышления, когда новое соотношение между личностью и историей определило собой тенденцию в развитии романа XX в., выразившуюся прежде всего в том, что основное внимание художника в произведении сосредоточено не на исторических событиях, социальных катаклизмах эпохи, а на внутренней жизни, чувствах главного героя.

Исследователи романа, размышляя об эволюции жанра в XX в., по-новому рассматривают соотношение в нем человека и мира: «Новое соотношение между личностью и историей — вот что определяет тенденцию в развитии романа. Изменение его «ценностного центра» заставляет по-новому взглянуть на проблему «эпос и роман», — пишет С.Донченко. В романе XX в., с точки зрения исследователя, «происходит расковывание человеческой личности, расширение сферы ее духовной деятельности, и это находит отражение в литературе. В центре внимания оказывается человеческая индивидуальность» [8]. Эти же черты, сопоставляя литературу XX века с предшествующим периодом, отмечает Н.Лейтес: «Реализм XIX в. был направлен прежде всего на познание социальной природы человека, углубление в психологию личности как социально обусловленной особи было одной из ведущих линий развития его развития. В реализме XX века большую роль играет постижение изменяющегося мира, осмысление взаимодействия личности с человеческим космосом. Человек осознается в более разветвленной и сложной системе связей» [9].

Роман был опубликован в 1913 г., когда в литературе было значимо влияние модернизма, воздействие которого на реализм выразилось в значительных жанровых модификациях. Так, в «Дальнем крае» ощутима тенденция деэпизации романа XX в. [10]. Под влиянием модернизма в реализме начала XX в. повышается интерес к собственно личностному существованию. «Дальний край» отмечен интересом к личному, субъективному, частному, формирующему сложный мир личности. Неореалистическая проза этого периода утверждает личность как центр, основу всего, уйдя от социальных вопросов, углубляясь во внутренний мир человека. Пристальное внимание к микропроцессам в жизни и психике людей расширило ее психологические параметры, оказалось плодотворным для литературы XX в. в целом. Новые тенденции в романе начала XX в. были обусловлены развитием прозы конца XIX в., творчеством Гаршина, Короленко, Чехова, привнесших в реализм начала XX в. внимание к собственно личностному существованию, когда особое значение приобрело собственное мироощущение писателя. Художник в своих произведениях отходит от исторического, социального аспектов человеческого существования. Внутренний мир человека является особой центральной сферой, объектом художественного отображения, внешний мир при этом также «присутствует», но несколько по-иному, он не доминирует, «смещен» на задний план. Этот мир не содержит детального описания исторической обстановки или общественной среды.

Как и в творчестве модернистов, мир человека в неореалистической прозе предстает как его внутренний мир, являясь проекцией внешнего мира. В центре романа Зайцева находится герой, в большей или меньшей степени соприродный самому автору. Главный персонаж романа Петр Лапин несет многие черты его облика. Отсюда вытекает органичный художественному миру «Дальнего края» автобиографизм. Лирическая тональность, эмоциональная окраска, присутствие элементов эпического, в основном в «подчиненном» варианте, — это все стилевые черты раннего романа Зайцева. «История души» героя как важное свойство лирической прозы совмещена, сочетается с историей его жизни. Возникает форма некоего нового стилизованного качества — лирико-автобиографического повествования, в котором ощутимо усиление роли лирического начала. Фабульная сторона романа значительно редуцирована. Повествователь в своем интересе к событиям духовного порядка почти игнорирует возможность пластического, конкретного изображения окружающего мира. Таким образом, сюжет «Дальнего края» воплощается в форму эмоционально окрашенных размышлений, в которых жизнь представлена в патетике напряженных поисков смысла истории, любви и творчества.

Усилению личностного начала способствовало то, что сферой исследования писателя становятся интеллектуально-чувственные переживания героев. Художественные описания содержат тонкий психологический анализ. Внутренний мир героя вызывает главный интерес художника, является ядром художественного образа. Эта тенденция романа начала XX в. будет ярко выражена впоследствии в «Жизни Клима Самгина» М. Горького, позднее — в «Жизни Арсеньева» И. Бунина и «Докторе Живаго» Б. Пастернака, где авторы также сосредоточивают внимание не столько на значительных исторических событиях, сколько на внутреннем мире своего персонажа. Названные произведения свидетельствуют, что жанр романа в прозе XX в. стремится расширить свои возможности, ведет поиски новых форм, отвечающих более точному художественному анализу и воспроизведению современности [11].

В облике Петра Лапина отразились духовные черты передовой русской интеллигенции. Герой Зайцева размышляет о жизни, ищет опору в незыблемых вечных ценностях: любви, дружбе, христианских идеалах, внимание автора приковано к интенсивным внутренним переживаниям, к духовным поискам героя. Отсюда и возникли обвинения в адрес писателя в некоторой камерности мировосприятия, сосредоточенности на индивидуальном, своеобразном «минимализме» круга поднимаемых проблем.

Эти качества в творчестве художника присутствовали и раньше. Так, К. Мочульский, характеризуя раннюю прозу писателя, отмечал: «У Б. Зайцева лирический строй души проявлен еще выразительнее: он преодолевает и форму (проза, бытовой рассказ) и фабулу. Трагедия до конца переплавлена в лирику». <...> Лирические рассказы Зайцева построены на этом — едва ли сознательном — контрасте между «вихрем» ненавистной жизни и неподвижным светом души. Единая тема — романтически-мечтательная, некровно-зыбкая — развивается вопреки сюжету [12]. Вся композиция романа подчинена логике внутреннего движения характера, отражает прежде всего духовный рост героя. Действие в романе разворачивается на узком, «неэпическом» пространстве, в то время как фон эпичен, насыщен историческими событиями. Но Б. Зайцева не заботит широкий событийный фон, он не ставит задачей описать детально историческую эпоху.

Художник показывает нравственно-психологическое формирование героя, процесс его самопознания и постижения мира. В романе значим мотив неповторимости, уникальности человеческой жизни. Основные его темы — молодость, водоворот светлых чувств зарождающейся любви, счастья, все, чем полны молодые души. Герои романа размышляют о народе и истории, личности и искусстве, жизни, любви, ищут ответы на волнующие их вопросы. Деятельность студенческих кружков, политические дебаты в университете, литературные дискуссии о Некрасове, Уайльде, Бальмонте, МХАТе, лекции о «новом искусстве», богемный образ жизни в художественных кругах воплощают насыщенную атмосферу времени. Возросшая чувствительность и тонкость мироощущения, глубокое проникновение в индивидуальное сознание компенсировали в значительной степени «пренебрежение» социальным бытием человека. Передавая сложность, разнородность, многоликость форм современного бытия, роман Б.Зайцева подчеркивает не меньшую значимость внутреннего мира человека.

Художник показал героев в те дни, когда человеческое счастье переполняет сердце, он описывает счастливое, радостное творческое возбуждение, являющееся стихией молодости. Герой Б.Зайцева стремится понять, что соединяет людей между собой. Он понимает, что чувственность неотделима от чувства, но без гармонизации духа и плоти не может быть полного счастья. Когда чувственность, страсть в отношениях между мужчиной и женщиной основываются только на физиологическом влечении, то не происходит слияния душ, что приводит к горьким разочарованиям, даже трагедии. Все очень быстро меняется, союзы слабеют и распадаются на глазах героев. Только Пете Лапину с Лизой дается нераздельное ощущение мира. Также он понимает, что человеку, стремящемуся к цельности, к полноте существования, необходимы точки опоры в мире, и находит их в творчестве, дружбе, любви, христианском вероучении. Зайцев показывает Лизу, возлюбленную героя, в счастливом, радостном возбуждении, бывшем ее стихией, подчеркивает ее страстность. Все в ней — свет, он пробивается во всем облике героини, глазах, волосах, коже, общем облике. Лиза всегда находится в веренице дел и забот. Ее молодая душа всегда готова на самопожертвование, она трогательно заботится о близких, друзьях, больной Клавдии и ее ребенке.

Автором с любовью показана Москва начала XX века: старомосковские улицы и бульвары, Молчановка, Собачья площадь, Никитская, Тверской бульвар, Манежный, Газетный, Кузнецкий, Филипповский переулки. В романе Зайцева вычлняются ключевые, часто встречающиеся на страницах романа образы соборов, храмов.

Роман «Дальний край» отличается многофокусностью, калейдоскопичностью «оптики». В нем не одна точка зрения, он содержит конгломерат позиций, с равной степенью позволяющих обозреть романное пространство. Вглядываясь в происходящее вокруг, Петр Лапин понимает, что энергия революционного разрушения, выделившаяся в результате несправедливости и неподвижности существования мира, обращена против человека и творческой личности как таковой. Иная точка зрения на происходящее у Степана, считающего обновление мира делом жизни, своим призванием, фанатично преданного идее революционного преобразования мира. Параллель сюжетных линий Петра Лапина и Степана важна для понимания главной идеи романа. Сопряжение этих двух «центров» романа очевидно, они сочетают в себе внутреннее единство и в то же время содержат абсолютную противоположность.

Как и Петр, Степан, пытающийся разрешить для себя важные вопросы, размышляет о жизни, предназначении человека. Его волнует неблагополучие мира. В начале пути он еще не совсем отчетливо видит смысл и свое предназначение. Затем его все больше увлекает идея активной классовой борьбы, революционного террора. Степан мечтает о большом жизненном деле. Он участвует в работе революционных кружков, в студенческих волнениях, демонстрации, затем связывает свою деятельность с работой террористической организации. Невероятный энергетизм Степана привлекает к нему людей, но его психологическая драма, болезненная страстность природы проявляются в чувстве тягостной несоединимости с любящими его женщинами. Так, он не смог дать счастья Клавдии, а затем хрупкой, юной Верочке, которая всей душой потянулась к нему. Степан обречен в своей попытке вырваться из круга одиночества. О Клавдии, искренне любившей Степана, после коротких счастливых минут рядом с любимым автор замечает: «У нее было смутное желание — замереть так, остановиться, ничего больше не знать и не видеть — все равно, лучшего не узнаешь» [13]. В этой фразе — предощущение героиней своей несчастливой женской судьбы. О Степане Н.Коробка верно заметил: «В нем нет непосредственного чутья жизни. Быть может, потому он так упорно любит Лизавету, в которой этого чутья много. Несмотря на кажущуюся цельность, в Степане несомненно есть двойствен-

ность» [14]. Действительно, Степан ощущает свое одиночество снова и снова. Духовное возрождение героя начинается в Италии. Его прежнее сочувствие к народу, к угнетенным освещается небесным светом любви к Евангелию, к Христу. Степан не отказывается от своих взглядов, но после долгого тяжелого духовного кризиса, наступившего после тяжелой драмы на площади, он приходит к отрицанию террора.

В раннем произведении Зайцева проявился новый тип романа XX века, нашли отражение внутрижанровые тенденции, обусловленные влиянием модернизма. В нем значимо настоятельное стремление к погружению в сферу внутреннего бытия. В характеристике человека определяющей для автора является эмоциональная сфера.

Художник концентрирует внимание на нравственно-психологических проблемах, отходит от человека социального, обращая свое внимание на многомерность его экзистенциальных проявлений. Новые качества романа «Дальний край» обусловлены своеобразным синтезом в нем черт модернистского романа (символистского) и реалистической тенденции. Способом расширения границ реализма явились художественные приемы символизма (суггестивность, символизация). Эти черты определили общее направление развития неореалистической прозы, стремившейся к обновлению поэтики.

Список литературы

- 1 *Кранихфельд В.* Новый роман Бориса Зайцева // Северные записки. — 1913. — № 7. — С. 140–146.
- 2 *Львов-Рогачевский В.* Новая русская проза. — М., 1919. — С. 76–80.
- 3 *Голиков В.Г.* Литература за год // Вестник знания. — 1915. — № 1. — С. 44.
- 4 *Р.В.Иванов-Разумник.* Литература и общественность. Дальний край. (О романе и рассказах Б.Зайцева) // Заветы. — 1913. — № 6. — С. 10.
- 5 *Кранихфельд В.* Литературные отклики // Современный мир. — 1913. — № 11. — С. 227.
- 6 *Прокопов Т.* Лиризм Б.К. Зайцева как эстетический феномен // Проблемы изучения жизни и творчества Б.К.Зайцева. II Междунар. Зайцевские чтения. — Калуга, 2000. — С. 3.
- 7 *Захарова В.Т.* Лейтмотив в поэтике Б.Зайцева (роман «Дальний край») // Грехневские чтения. — Н.Новгород, 2001. — С. 23–30.
- 8 *Донченко С.* Современный болгарский роман // Вопросы литературы. — 1980. — № 12. — С. 33.
- 9 *Лейтес Н.* Углубление психологизма в романе социалистических стран // Роль прогрессивных литературных традиций в развитии и взаимообогащении социалистических культур. — М., 1986. — С. 15.
- 10 *Анастасьев Н.* Диалог. Советская литература и художественный опыт XX века // Вопросы литературы. — Вып. 3. — М., 1983. — С. 72.
- 11 *Мальцев Ю.* Иван Бунин: 1870–1953. Frankfurt / Main; М., 1994; *Колобаева Л.А.* Феноменологический роман в русской литературе XX века // Вопросы литературы. — 1998. — № 3. — С. 132–144.
- 12 *Мочульский К.В.* Борис Зайцев. Улица св. Николая. Рассказы 1918–1921 // Мочульский К. Кризис воображения. Статьи. Эссе. Портреты. — Томск, 1999. — С. 351.
- 13 *Зайцев Б.* Дальний край // Зайцев Б.К. Собр. соч.: В 5 т. (6–7 т. доп.). — Т. 2. — М., 2001. — С. 407.
- 14 *Коробка Н.* Зайцев. Критический этюд // Вестн. Европы. — 1914. — № 9 (2) — С. 312.

У.К.Әбішева

XX ғасырдың басы романындағы жаңа үрдістер (Б.К.Зайцевтың «Алыс аймақ» романы мысалында)

Мақалада Б.Зайцевтың «Алыс аймақ» романының көркем өзгешеліктері зерттелді. Романда дэпизация үрдістері сезіледі. Суретшінің негізгі көңілі тарихи оқиғадан және заманның әлеуметінен басты кейіпкердің ішкі өміріне ауысады. XX ғасыр басында модернизмнің реализмге әсері негізінде адамның ішкі дүниесіне қызығушылық арта түседі. Осы кезеңдегі неореализмнің прозасы тұлғаны өнердің негізі, орталығы ретінде бекітеді.

New tendencies in the novel of the beginning of the XX century (B.K.Zaytsev's novel «Far-away country»)

Belles features of the novel of B.Zaytsev «Far-away country» (1913) are investigated in the present article. The deepization is inherent to the novel as it has drawn the main attention not to historical events and social cataclysms of the epoch but to the internal life and feelings of the protagonist. Realism of the beginning of the XX century under the impact of modernism influences on the increase of the interest to personal, subjective and private existence forming the complicated world of personality. The neo-realist prose of this period confirms personality as the center, a basis of everything leaving social issues, get involved in the inner world of the person.

УДК 82.0

Т.Т.Савченко, К.В.Безкоровайная

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букедова (E-mail: jul_art@mail.ru)

Текст и контекст стихотворения И.Бродского «В деревне Бог живет не по углам...»

Стихотворение «В деревне Бог живет не по углам...», являющее яркий пример творчествообразующих поисков раннего Бродского, исследовано с точки зрения его материально зафиксированной стороны — текста, а также внетекстовых связей — контекста. Анализ контекста более целесообразен для глубокого понимания специфической манеры Богопознания И.Бродского, так как отграниченная структура текста не дает полного представления о содержании стихотворения.

Ключевые слова: текст, контекст, интертекст, лирический субъект, христианство, идиома, отграниченность.

Интерпретация текста как основополагающего понятия гуманитарного знания входит в число наиболее актуальных проблем филологических исследований. Мы исходим из определения понятия «текст» в его структурном и культурологическом аспектах, при этом уделяя большое внимание внетекстовым связям.

Понятие «текст» в его художественной ипостаси есть «материально зафиксированная сторона литературного произведения» [1; 43]. Анализируя текст стихотворения «В деревне Бог живет не по углам...», мы исходим из структурно-семантического подхода Ю.Лотмана, который в его основу кладет принцип взаимообусловленности трех составляющих: выраженность, отграниченность, структурность.

Важную роль в понимании содержания понятия «художественный текст» играет культурологическая концепция М.Бахтина. Этим ученым текст рассматривается как «первичная данность (реальность) и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины» [2; 282]. Характеризуя текст как высказывание, которое имеет «субъекта, автора», ученый сосредоточивает внимание на том, что обозначил «истинно творческий текст», являющий собой «свободное откровение личности: смысл текста в том, что имеет отношение к истине, правде, добру, красоте, истории» [3].

Иную интерпретацию понятия «текст» предлагает Ю.Лотман, считая его первоосновой гуманитарного логоса. Рассматривая культуру как «механизм роста информации» [4; 134], как «совокупность текстов или сложно построенный текст», он утверждает, что текст по своей природе обладает авторитетностью, что он истинен по сути, что возможность быть ложным для него исключается: «Ложный текст — это такое же противоречие в терминах, как ложная молитва, клятва, лживый закон. Это не текст, а разрушение текста» [4; 136].

Под выраженностью текста Ю.Лотман понимает его зафиксированность в знаках естественного языка, и в известном смысле противопоставляет ее внетекстовым структурам. Тексту присуща внут-

решения организация, превращающая его на синтагматическом уровне в единое целое. Это объясняется его структурностью. «Поэтому для того, чтобы некоторую совокупность фраз естественного языка признать художественным текстом, следует убедиться, что они образуют некую структуру вторичного типа на уровне художественной организации» [1; 46]. В поле умозрения ученого особое место занимает мысль о неразрывности текста художественного произведения с его *контекстом*. Это принадлежность текста к разным жанрам, стилям, эпохам, авторам. Он констатирует, что для читателя, который хотел бы иметь дело с художественным текстом, вырванным из всей совокупности внетекстовых связей, произведение потеряло бы свое значение: «Вся совокупность исторически сложившихся художественных кодов, делающая текст значимым, относится к сфере внетекстовых связей» [1; 47].

Учитывая интерпретацию Ю.Лотмана и М.Бахтина семантико-структурной специфики понятия «текст», можно сказать, что текст как феномен культуры — это сложное структурное целое, способное функционировать за пределами времени и места его возникновения, а потому тщательно продуманное его создателем. Истинное понимание художественного текста невозможно без привлечения сведений о характере историко-культурного и литературного процессов, сказавшихся на создании этого текста, и знаний о прочих внетекстовых обстоятельствах, породивших его самобытность и идейно-смысловую парадигму.

Таким образом, целью нашего исследования становится описание совокупности материально выраженных словесных единиц, подразумеваемых под понятием «текст» стихотворения «В деревне Бог живет не по углам...», в его взаимосвязи с установившимся в произведении уровнем абстракции. То есть, исходя из семантики наличествующих элементов словесной ткани стихотворения, показать, насколько внешняя словесная оболочка может стать проводником идей Бродского и насколько необходимо обращение к контексту для более глубокого постижения содержания произведения. Нашей задачей становится анализ религиозного мирозерцания раннего Бродского с учетом биографических сведений, этико-культурного опыта раннего Бродского, имплицитно репрезентированных в структуре стихотворения. Существенным для решения поставленной задачи становится присутствие авторского «я» в стихотворении. Привлечение всей совокупности текстовых и внетекстовых связей позволит более полно и глубоко постичь идейно-смысловую сторону стихотворения, то есть приблизиться к глубине его содержания.

Определяя доминантные мотивы ранних стихотворений Бродского, нельзя не обратить внимание на многократное упоминание поэтом имени Творца Небесного. Слово «Бог» в его первых текстах встречается довольно часто. Уже в «Пилигримах» (1958) автор, разочаровываясь в постижимости тайн мироздания, отрицает жизненную необходимость человека в вере в Бога:

*...И, значит, не будет толка
от веры в себя да в Бога.*

Нередко имя Господа употребляется молодым стихотворцем всуе — это обороты типа «Слава Богу» («Июльское интермеццо», 1961), «Бог знает чем» (поэма «Шествие», 1961), «Боже правый» («Письмо к А.Д.», 1962).

В «Большой элегии Джону Донну» (1963) автор, взяв на себя речевые функции души английского поэта-проповедника, рисует картину, в которой дает своеобразное представление о местонахождении Бога в пространстве:

*Господь оттуда — только свет в окне
туманной ночью в самом дальнем доме.*

Как видно, ранний Бродский без почестей и похвал, индифферентно упоминает Отца Небесного. Причина — не в агностицизме или безбожии начинающего сочинителя, а в желании рассудочно постичь суть Божественного начала, мысля критически, осознать тайную природу Божественной сущности. Иосиф Бродский с детства воспитывался в атмосфере суровой антирелигиозной пропаганды, исключавшей всякое понятие загробной жизни, поэтому ко всем умозаключениям и выводам, связанным с религиозным мирозерцанием, он, прокладывая нелегкий путь, во взрослые годы приходит самостоятельно. Многие подтверждает утверждение Льва Лосева, что Иосиф Бродский как поэт и человек сформировался очень рано [5; 149].

Известно, что Ветхий и Новый Заветы будущий нобелевский лауреат освоил только в 24 года: «Что касается меня — в возрасте 24-х лет или 23-х лет, уже не помню точно, я впервые прочитал Ветхий и Новый Заветы [5; 115]. В своих религиозных поисках Бродский, все-таки, отдает предпочтение *иудео-христианству* и считает, что в этом выражении одно немислимо без другого. Значительную роль в окончательном разрешении проблемы веры сыграло и еврейское происхождение поэта. Хотя ортодоксальным верующим Бродский так и не станет. В одном из поздних эссе «Путешествие в Стамбул» (1985) он напишет: «Политеизм — это система духовного существования, в которой любая форма человеческой деятельности, от рыбной ловли до созерцания звездного неба, освящена специфическими божествами... Политеизм синонимичен демократии. Абсолютная власть, автократия, синонимична, увы, единобожию» [5; 21–22].

Своеобразным оказывается отношение великого поэта к языку: «Язык — это начало начал. Если Бог для меня существует, то это именно язык» [6].

Выбранное стихотворение вызывает исследовательский интерес с точки зрения воплотившейся в нем специфической манеры Богопознания раннего Бродского. Тема религии в Советском Союзе находилась под строгим запретом. Поэтому экстраординарным становится факт опубликования стихотворения «В деревне Бог живет не по углам...» на родине стихотворца в ленинградском литературном альманахе «День поэзии» (1967). В тексте стихотворения много элементов, труднодоступных для поверхностного понимания, требующих историко-культурологической дешифровки и обращения к биографии поэта. Примечательно и то, что смыслообразующие составляющие стихотворения находятся в состоянии эклектической заданности. К анализу и раскрытию этих несоответствий будет сведена главная задача нашей работы.

Стихотворение «В деревне Бог живет не по углам...» датируется автором 6 июня 1965 года, однако есть основание полагать, что оно было написано на год ранее. В своем анализе мы будем пользоваться редакцией стихотворения из пятитомного собрания сочинений И.Бродского, составленного Г.Ф.Комаровым [7], который придерживается авторской датировки стихотворения. Это стихотворение создается Бродским в период Норенской ссылки. Сам Бродский, несмотря на все лишения, перенесенные там, позже будет вспоминать об этой вехе автобиографии как о самой плодотворной для его творчества: «Один из лучших периодов в моей жизни. Бывали и не хуже, но лучше — пожалуй, не было». Этому этапу предшествует знакомство Бродского с Библией и начало его религиозных поисков. Во время написания стихотворения он находился на вершине Богоискательства, поэтому в стихотворении единый антропоморфный образ *Бога* вбирает в себя три ипостаси: Православный Бог, Ветхозаветный иудейский Яхве и древнеязыческий бог Чур.

Итак, обратимся к анализу текста стихотворения. Что может дать для понимания его смысла словесная ткань? Какие словесные изобразительные знаки делают содержание стихотворения противоречивым? Найдем ответы, не выходя за пределы структуры текста стихотворения. Если брать текст в его сугубо самообусловленном, оторванном от контекста, значении, то он сможет дать для постижения содержания следующее. Во-первых, явное противоречие сопоставительно-отрицательной конструкции первого предложения, в котором возводится в абсолют повсеместное проникновение Божественной сущности в деревенский домоуклад: *В деревне Бог живет не по углам..., / как думают насмешники, а всюду*; с эксплицитно нелогичным выводом последнего предложения, где, как может показаться, лирический субъект самоидентифицируется с атеистом:

*Возможность же все это наблюдать,
к осеннему прислушиваясь свисту,
единственная, в общем, благодать,
доступная в деревне атеисту.*

В связи с этим возникает вопрос, каких верований и религиозных представлений придерживается автор: христианских, древнеязыческих (намек на это появится далее в тексте) или атеистических? К сожалению, структура текста и его отграниченность не дают ответы на эти вопросы. Во-вторых, в структуре текста явно присутствие лирического образа. Импульс для развития ему дает обобщающее слово «всюду», поясняющее и вбирающее в себя совокупность картин и действий последующего текста. Динамичный переход поэтической мысли от одной картины к другой создается за счет обилия глаголов, которые можно представить в виде цепочки: *освящает-делит-варит-приплясывает-подмигивает-ставит-выдает-устраивает*. Эти глаголы третьего лица с общим значением «дейст-

вие» репрезентируют активное участие *Бога* в организации устройства деревенской жизни. Однако, определив интегральную сему глаголов, мы не можем описать истинное значение, вкладываемое в них автором. Почему Бог (слово «Бог» в стихотворении пишется с заглавной буквы) *делит, приплясывает, подмигивает* — совершает не характерные действия для христианского Творца Мироздания? Этот вопрос остается открытым. В-третьих, в тексте содержатся целые конструкции и обороты, не поддающиеся пониманию из-за смысловой герметичности, но улавливаемые даже при беглом прочтении идиома. Это выражения: «В деревне Бог живет не по углам...», «Двери делит пополам», «Варит по субботам чечевицу», «Выдает девицу за лесничего».

Из сказанного следует, что попытка постижения содержания стихотворения через анализ совокупности его материально выраженных словесных знаков, то есть текст, терпит провал. Такой анализ не дает ответы на поставленные вопросы, а скорее, порождает новые.

Стихотворение не поддается анализу содержания, не выходящему за границы текста, в виду сложности и многогранности поэтического видения Бродского. Даже при его поверхностном прочтении осознается глубокое познание автором уклада крестьянской жизни в деревенской глубинке. В стихотворении предстает своеобразная манера восприятия этой действительности через реминисценции из библейской мифологии и аллюзии на древнеязыческие и христианские обряды. Поэтому для того, чтобы дешифровать все значения и глубинные смыслы стихотворения, мало одного структурного анализа «материально зафиксированной стороны произведения». Для того, чтобы вникнуть в его содержание, необходимо полно владеть контекстом.

Стихотворение не предваряется ни заглавием, ни эпиграфом. Первый стих «В деревне Бог живет не по углам...» есть отрицание общепринятого мнения о деревенском домоустройстве. В русской избе красный угол, в который помещались все иконы, устраивался в дальнем углу, с таким расчётом, чтобы икона была первым, на что обращал внимание человек, входящий в дом. Поэтому христианин, входя или выходя из дома, прежде всего оказывал почести Царю Небесному, а уж потом — хозяину дома. Подразумеваемая под «углами» располагавшиеся в них иконы, Бродский судил о всепроникновенности Православного Господа-Бога в сферы деревенской жизни. Убедиться в этом мы можем, разгадав смысл следующего предложения:

*Он освящает кровлю и посуду
И честно двери делит пополам*

Естественно, функция освящения, пусть и антропоморфизированная — речь идет о предметах обихода, которые могут освящать священнослужители, но не сам Бог, может принадлежать из всех обликов *Бога* в стихотворении только Православному Богу. Фраза «*И честно двери делит пополам*» также укладывается в православный контекст. На Северной Руси, куда был сослан поэт, вход в избу представляла собой небольшая по размерам квадратная дверь с высоким порогом, держащаяся на одной пяте. Такая архитектура позволяла в холодное время года сохранять больше тепла в жилище. Значит не о каком прямом смысле отрывка «*И честно двери делит пополам*» не может быть и речи — двустворчатых дверей в крестьянских избах не было. Эта сентенция отправляет читателя к православному обряду символического очищения дверей в день Богоявления (Крещения). В этот день существовал обычай рисования на двери углем креста в знак об умершем в этой избе человеке. Как кажется, устоявшийся веками обычай не исчез в глухой северной деревушке с приходом советской власти, и скорее всего, именно этот крест в поэтическом восприятии Бродского и олицетворяет деление дверей пополам.

В другом обличье предстает *Бог* в последующих стихах:

*В деревне он — в избытке. В чугуне
он варит по субботам чечевицу.*

Эти строки продиктованы автору его иудео-христианскими взглядами. Отсюда святая иудейская суббота (шаббат) и чечевица в чугуне как аллюзия на ветхозаветную легенду об утерянном праве первородства. *Бог* предстает здесь в хозяйствующем облике Яхве.

В образе Бога, который «ставит изгороди» и «устраивает недолет объездчику», просвечиваются очертания древнеязыческого божества славянского пантеона — Чура — бога родового очага. Этому богу приписывалось оберегать земельные границы племенных владений.

Такое неоднородное сочетание в образе *Бога* черт Православного Всевышнего, иудейского Иеговы и Праславянского Чура дает право говорить об эклектичности мирозерцания раннего Бродского. На эту мысль также наталкивает заключение стихотворения, в котором он, как может показаться, причисляет себя к атеистам. К такому выводу приходит И.Винокурова: «В раннем шутовском стихотворении «В деревне Бог живет не по углам...» Бродский рекомендует себя атеистом» [8]. Есть основание не согласиться с этим высказыванием. Бродский, в чьем раннем творчестве почти каждое второе стихотворение, так или иначе, связано с Богом, просто не может «рекомендовать себя» атеистом. Автор, скорее, является наблюдателем, включенным в процесс повествования, как бы обособляясь, он констатирует, что возможность все это наблюдать есть единственное удовольствие в деревне для атеиста. О присутствии лирического субъекта в тексте свидетельствует форма личного местоимения *мне*, находящаяся в сравнительном обороте восьмого стиха: *подмигивает мне, как очевидно*.

Таким образом, анализ текста и внетекстовых связей позволяет дешифровать темные места стихотворения и более глубоко постичь идейно-смысловую сферу стихотворения.

Список литературы

- 1 Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. — СПб.: Искусство-СПБ, 1998. — 383 с.
- 2 Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М., 1979. — С. 282.
- 3 Хализев В.Е. Теория литературы: Учебник / В.Е.Хализев. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Высш. шк., 2002. — С. 277.
- 4 Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. — Т. 1. — Таллинн, 1993. — 847 с.
- 5 Иосиф Бродский. Размером подлинника / Сост. Г.Ф.Комаров. — Таллинн, 1990. — 246 с.
- 6 Иосиф Бродский. Большая книга интервью / Сост. В.Полухина. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Захаров, 2000. — С. 96.
- 7 Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского. — Т. II. — 2-е изд. — СПб.: Пушкинский фонд, 1998. — С. 129.
- 8 Иосиф Бродский: творчество, личность, судьба. Иосиф Бродский и русская поэтическая традиция. Итоги трех конференций // Звезда. — 1998. — С. 126.

Т.Т.Савченко, К.В.Безкоровайная

И.Бродскийдің «В деревне Бог живет не по углам...» өлеңінің мәтіні мен контексті

Мақалада материалдық бекітілген мәтін мен мәтіннен тыс контекст байланыстары зерттелді. «В деревне Бог живет не по углам...» атты өлеңі — Бродскийдің ерте шығармашылық іздестірулерінің жарқын мысалы. Ақынның ерекше Құдайға сену көзқарасын мәтін мен контекстіні талдау барысында ғана, бұл туындының мазмұнын толық және адекватты түсінуіне жақындатады.

T.T.Savchenko, K.V.Bezkorovainaya

The text and context of I.Brodskiy's poem «In the village God does not live in corners...»

Text and context in the poem written by I.Brodsky «In the village, God doesn't live in corners» In this article there is the study of the text as a fixed side based on material, and also extra — textual connections as a context. The poem is a striking example of the creative searches of the I.Brodsky. Understanding of the specific manner of the knowledge of God is comprehended in the text analysis combined with analysis of the context, which brings more complete and adequate understanding of the context in his work.

Секция 2 **Орыс тілінің синхрониясы мен диахрониясы** **Русский язык в синхронии и диахронии**

УДК 811.161.1

Н.И.Гайнуллина

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы (E-mail: 3763458@mail.ru)

Историческая детерминированность языковых изменений на стыке XX–XXI веков

В статье впервые предложено обоснование современного состояния русского языка с новых позиций диахронии в синхронии языка, которое позволяет более объективно и адекватно оценить происходящие активные процессы и изменения в русском языке на стыке XX–XXI веков и их закономерную природу.

Ключевые слова: состояние языка, языковая ситуация, синхронный срез, диахроническая ось истории русского языка, фактор времени в языке, норма переходного периода.

Языкознание последних двух-трех десятилетий, начиная с середины 80-х годов прошлого столетия, не теряет интереса к проблемам состояния русского языка. Более того, этот интерес обострился в связи с распадом геофизического пространства с русским языком общения на отдельные территориальные относительно самостоятельные государственные субъекты, представленные бывшими советскими республиками. Тем не менее, на этих территориях, в том числе и в Республике Казахстан, русский язык продолжает выполнять различные функции — от функции основного средства коммуникации у русских и русскоязычных его носителей до функции языка официально употребляемого и языка межнационального общения у носителей иных языков, что соответственно определяется законами о языках в конкретном суверенном государстве. При этом наука о русском языке и на исконной территории его бытования в России, и в других регионах бывшего единого советского государства, и даже за рубежом (далее зарубежье) продолжает уделять пристальное внимание к различным изменениям, которые русский язык претерпел и продолжает претерпевать в новых исторических условиях его функционирования. Эти изменения и их закономерность до конца еще не исследованы. Они обнаруживают отдельные лакуны, которые должны быть осмыслены и описаны с учетом достижений предшествующих этапов научного знания. Именно поэтому они требуют новых поисков и осмысления подобных процессов, ибо в них отражается не только современность, но и прошлое языка, а также перспективы возможных трансформаций, которые лингвисты гипотетически пытаются предугадать, исходя из происходящих в нем процессов на разных уровнях его существования.

Учитывая постоянную динамику в любом языке, в том числе и русском, ученые естественно и правомерно связывают ее и в наши дни с экстралингвистическими, социокультурными по своей природе обстоятельствами, в которых он оказался и которые значительно активизировали в нем все процессы, потенциально заложенные в языковой системе. Не случайным поэтому представляется повышенное внимание исследователей к такому аспекту осмысления языка, которое было названо общеупотребительной лексемой *с о с т о я н и е*, употребляемой в языковедческих работах с оттенком терминологичности и подчеркивающей специфический взгляд на данную проблему.

Внимательный анализ лингвистической литературы последних десятилетий, представленной монографическими работами авторского и коллективного исполнения [1–4], многочисленными статьями и тезисами докладов на солидных конференциях разных (в основном международного) уровней, а также уже появившимися обобщающими учебными пособиями [5–7], в которых предложены, безусловно, удачные опыты описания активных процессов в русском языке в аспекте совре-

менного социолингвистического взгляда на языковую ситуацию новейшего времени, показывает, что интерпретация такого состояния русского языка и в России, и на всем постсоветском пространстве вообще, как правило, связывается лишь с синхронным взглядом на указанную проблему. Не отрицая подобного подхода к объяснению состояния современного русского языка, отмечаемого на стыке XX–XXI веков и, одновременно, II-го и III-го тысячелетий, мы хотели бы обратить внимание еще на одну, пока что остающуюся в тени сторону этой многоаспектной, неоднозначно представляемой и решаемой проблемы русского языкознания. А она, на наш взгляд, связана с диахроническим ее представлением и толкованием с позиций диахронии в синхронии языка.

С учетом указанного аспекта, как ни покажется это парадоксальным, более глубоко понять данное состояние современного русского языка помогает *синхронно-диахроническая* интерпретация в целом поставленной в русистике проблемы, исторический, ретроспективно-синхронный взгляд на происходящие в русском языке наших дней изменения и активные процессы. Чтобы быть доказательным в выдвинутой гипотезе относительно состояния русского языка наших дней, необходимо вспомнить, что русское языкознание, и в частности, диахроническая русистика, уже давно обратили внимание на такой удивительный факт, как относительно четко представленные в развитии русского языка судьбоносные вехи, значительная часть которых приходится на *стыки столетий*. История языка как бы изнутри отзывается на хронологические разломы с периодичностью в столетие или два (реже — больше, но, как правило, именно на стыке столетий). Об этом, в частности, свидетельствует анализ известных диахронной русистике периодизаций истории русского литературного языка, над которыми бились ученые, начиная с XIX в. Именно она помогает ощутимо проследить указанную закономерность на его историческом, письменно зафиксированном этапе.

Попробуем ретроспективно представить эти вехи с позиции диахронии в синхронии языка и их наиболее существенные особенности, отражающие смену эпох и синхронных срезов, начиная с исторического периода конца X в., и помогающие интерпретировать современное *состояние* русского языка, чтобы подтвердить эту закономерность. Для этого необходимо вспомнить, что на *стыке X–XI вв.* в связи с принятием христианства и крещением Руси у восточных славян возникает письменность, которая в первые же столетия ее применения начинает накапливать первичный опыт литературного выражения благодаря созданию оригинальных памятников древнерусской эпохи. Именно возникновение письменной фиксации как экстралингвистический фактор в связи с возникновением письменности довольно быстро меняет *языковую ситуацию* в Киевской Руси в целом, которая до сих пор вызывает дискуссии у историков русского языка. В частности, она касается его генетической основы и соотношения южнославянских (старославянских по происхождению) и древнерусских, исконных в генезисе черт, в силу сложившихся культурно-исторических обстоятельств, оказавшихся отраженными в лингвистической организации текстов этого отрезка истории. Данный период интересен и научно значим потому, что именно в это время зарождается *литературная*, книжная по своей природе форма русского языка, которая и стала ареной дальнейших дискуссий, споров и неоднозначных решений относительно ее природы, состава и *состояния* на разных синхронных срезах диахронической оси его истории и во многом определила *современное* его *состояние* через более чем тысячелетие его сложения и функционирования.

Стык XIV–XV вв. также оказался судьбоносным для русского литературного языка, поскольку как раз в это время происходит дифференциация, разделение древнерусского языка на три ветви близкородственных языков — великорусскую, белорусскую, малорусскую, что не могло не сказаться как на дальнейшей судьбе самого русского (великорусского, старорусского) языка, так и на языковой ситуации в Московской Руси. В этот период, как известно, происходит существенный разрыв между книжно-письменным и разговорным языком, поскольку в последнем отмечаются перманентно накопленные и ставшие к концу XIV — началу XV вв. существенными изменения в его структуре на всех уровнях, особенно в грамматике (унификация системы склонений, исчезновение из активного употребления звательного падежа, изменения в системе времен, сокращение парадигмы числа, изменения в составе местоимений и др.). Безусловно, это была своеобразная революция в русском языке, которая дала толчок для дальнейшего совершенствования литературной формы выражения и потенциального развития стилистического полифонизма в дальнейшей его истории.

Такая тенденция существенно усиливается в *национальный период* и, опять же, как это ни покажется странным, с завидной периодичностью наиболее зримо проявляется на последующих этапах именно на хронологически обозначенных отрезках, связанных со стыком веков и эпох. При этом примечательно и закономерно другое: огромную значимость в такие периоды приобретает появляю-

щаяся на арене истории формирующейся русской нации необычная, исторически значимая личность, непосредственно определяющая дальнейшие судьбы русского литературного языка.

Так, наиболее осязаемые изменения такого рода отмечаются в русском языке в *начальный период* его становления как национального, что соответственно изменило языковую ситуацию на *стыке XVII–XVIII вв.*, в так называемую Петровскую эпоху, когда, по выражению А.С.Пушкина, Петр I «Россию поднял на дыбы». Лучше, чем этими словами русского гения, невозможно охарактеризовать новаторство его преобразований и, несомненно, революционный их характер, который соответственно произвел такую же революцию и в языке, и в языковом сознании его носителей, и в языковой ситуации на разломе веков. Это дает нам зримое представление о новом, исторически детерминированном *состоянии* русского языка, характеризующемся «значительными внутренними перестройками, перегруппировками, сменами, отражающими активно протекающий процесс складывания русского литературного языка нового времени и норм в области лексической семантики и словоупотребления» [8]. Подобное состояние русского литературного языка к концу XVII – началу XVIII вв. традиционно (достаточно обратиться к любому учебнику по истории русского литературного языка) называют в науке то «хаосом», то «смешением» и «неразберихой» в выборе языковых единиц, массово отразившимися в лингвистической организации текстов данного периода, с чем трудно согласиться с учетом синхронно-диахронической их интерпретации. Дело в том, что на такую организацию текста, как правило, смотрят с позиции *нормы* употребления языковых единиц. Причем над понятием «норма» в таких случаях довлеет ее современное понимание как устоявшегося, кодифицированного и потому легитимно закрепленного и регламентированного для всех носителей языка явления, которое, на наш взгляд, не всегда учитывает диахронический подход в ее интерпретации применительно к конкретному историческому отрезку истории русского языка. Думается, именно по этой причине резкие изменения на функциональном уровне языка воспринимаются как хаос и неразбериха в силу смешения уходящего и нарождающегося, нового и старого, общепринятого и индивидуального, генетически «своего» и «чужого», заимствованного, особенно резко эксплицирующиеся на первых этапах таких перемен. Однако интерпретация текстов любого синхронного среза (в прошлом или настоящем) с позиций диахронии в синхронии языка снимает такие оценки, поскольку смешение языковых элементов разных уровней языка и разной их генетической и функционально-стилистической природы в пределах дискурсной продукции необходимо воспринимать как естественный процесс развития языка, создающий свою своеобразную норму, только *норму переходного периода*, какой была, например, и сама Петровская эпоха (см. об этом в наших работах разных лет: [9–11]). С этих позиций интерпретация и самого понятия «состояние языка» применительно к переходным периодам истории его носителей приобретает более объективированный характер, поскольку каждый такой резкий переход от одного состояния общества к другому, периодически наблюдаемый в жизни носителей языка и находящийся в последнем естественное отражение и воплощение, должен оцениваться как связующее звено в цепи многих других звеньев в историческом процессе его развития. Именно в такие периоды естественно возникает своеобразная норма выбора и использования языковых единиц, которую мы назвали *нормой переходного периода* и которая обычно носит временный характер, являясь основой для рождения новой нормы, легитимно закрепляемой обществом и действующей до следующего подобного «взрыва», идущего, как правило, извне. Краткий анализ дальнейших судеб русского литературного языка подтверждает названную особенность его истории.

В частности, *стык XVIII–XIX вв.* оказался еще одной вехой в подобной череде хронологически детерминированных этапов на диахронической оси истории русского литературного языка. Он был ознаменован явлением на исторической арене развития русского литературного языка гения Пушкина, своим творчеством продемонстрировавшего синтез накопленных богатств книжного и разговорного генезиса, которые долгое время оставались функционально разобщенными либо закрепленными за разными жанрами письменной продукции. Это создавало значительные сложности в использовании литературной формы языка в национальный период его развития и порождало споры о судьбах языка как в конкретный период его применения, так и на перспективу. Такие споры и дискуссии будоражили общественное мнение и создавали критическую по своей сути ситуацию в той части общества, которая была наиболее обеспокоена судьбами языка, оказавшегося в центре социально и культурно значимых проблем и потому важных для носителей языка в целом. Такой дискуссией, как известно, стала так называемая борьба «шишковистов» и «карамзинистов», или «архаистов» и «новаторов», толчком к которой послужила опубликованная в 1803 г. известная сейчас любому филологу полемическая статья А.С.Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка». И хотя в

ней содержалось немало интереснейших для любого лингвиста наблюдений об этимологии, путях и способах образования слов, их различиях в употреблении и смысловых нюансах, в целом она была воспринята как тормоз к прогрессивному развитию русского литературного языка и призыв к старине, а не обновлению (особенно там, где речь шла о заимствованиях), потому и вызвала определенное замешательство и неприятие у современников, обеспокоенных, по их мнению, призывом к старине и славянщизне. Зато значимость ее видится в том, что она пробудила новые мысли и подходы к языку и его использованию. Вот почему полемику между «архаистами» и «новаторами» можно рассматривать как своеобразный революционный по своей сути взрыв в функциональной сфере языка, в пределах которого рождались прогрессивные идеи о новых путях развития русского литературного языка. Это была борьба не просто за нечто старое или новое в языке — это была борьба за новую норму, а следовательно, и за стилистику текста, которая бы совместила лучшее как из книжных традиций, так и из области богатств, накопленных в живой разговорной речи. А это уже программа! Программа, символично появившаяся на стыке веков! И такой синтез разных в генетическом и стилистическом отношении языковых стихий и их использования в пределах текста показал в своем поэтическом и прозаическом творчестве гениальный А.С.Пушкин, указав тем самым пути дальнейшего развития русского литературного языка, именно с этого времени получившего в науке статус *современного*. Своими произведениями он явил новый облик русского литературного языка как реакцию на запросы времени и общества. Но во всем этом удивительно другое: такое состояние языка и представлений о его дальнейших путях развития вновь оказалось связанным с хронологическим разломом, стыком веков, обозначивших целую эпоху в исторических судьбах русского литературного языка, ибо гений А.С.Пушкина, как в свое время указал В.В.Виноградов, в литературном и культурно-языковом контексте 10–20-х годов XIX столетия в спорах «архаистов» и «новаторов» не позволил ему полностью солидаризироваться и отождествить себя ни с одним из этих направлений (см. [12]).

Как показали наши наблюдения, на последующих этапах истории русского языка периоды «узловых взрывов» (выражение В.В.Колесова), порождавших переходное состояние в русском языке, сокращались примерно до столетия. Но при этом с завидной периодичностью они подтверждали закономерность их возникновения на диахронической оси развития, выпадая на стыки веков, отзвываясь на социальные изменения (а лучше сказать потрясения) в форме смены культурно-исторических парадигм как в жизни общества, так и в языке. Естественно поэтому с позиций диахронии в синхронии языка характерным представляется *стык XIX–XX вв.* Данный рубеж историки языка определяют как «один из самых сложных этапов в развитии русского литературного языка, характеризующийся дальнейшей дифференциацией стилей литературного языка и его жанровых разновидностей, тенденцией к ломке устоявшихся стереотипов, утратой художественной литературы права на монополизацию норм литературной речи, усилением роли публицистических жанров, политической литературы, проникновением в литературный узус некодифицированных подсистем русского языка — просторечия, профессиональных и социальных жаргонов» [13; 6]. В этой цитате из работы известного исследователя русского языка XIX–XX вв. мы хотели бы обратить внимание на такие оценки указанного рубежа столетий, приведенные как констатация представлений об этом отрезке времени, как «дифференциация стилей», «тенденция к ломке устоявшихся стереотипов», «проникновение в литературный узус некодифицированных подсистем русского языка» в виде просторечия и жаргонов. Собственно, все эти признаки *состояния* литературного языка в основном характерны и для предыдущих его состояний на приведенных выше рубежах веков. Именно их реализация (в большей или меньшей степени) в текстовой продукции на разломе и стыке веков создает в отдельные (не всегда длительные) отрезки истории своеобразное видение такого состояния русского языка как отступление от нормы, воспринимаемое в качестве хаоса или, по меньшей мере, необычности в форме смешения и неупорядоченности, которые существенно отличают его от эволюционных, относительно спокойно протекающих процессов в предшествующие периоды. Так было и в петровское время, и на стыке XVIII–XIX вв. Так это было и на стыке XIX–XX вв., когда середина XIX в. даже современникам вообще представлялась своеобразным «провалом» в истории, тем более резко подчеркивавшим, как писал известный философ-идеалист и философ языка того времени Г.Г.Шпет, «новый взлет культурно-исторической волны к концу замечательного века» (цит. по: [13; 387]). Как правило, именно ключевые, исторически мотивированные своим появлением на длительном пути развития литературной формы русского языка такие категории, как *славянизмы* с их исторически детерминированной книжной стилистической коннотацией, *просторечие*, актуализировавшееся примерно с середины XVII в., и *заимствования*, в их столкновении в пределах текста стали основными маркерами необычности

стилистики текстов. Именно они попадали в поле зрения носителей русского языка прошлого, спонтанно чувствовавших подобные революционные изменения, обострившиеся на рубеже столетий. Современная же историческая наука лишь с высоты времени пытается дать им научную оценку, нередко просто констатируя ее применительно к *отдельным* отрезкам истории языка. Однако выстроенные в единый ряд указанные выше рубежи столетий являют нам интересную закономерность в их повторяемости и регулярности возникновения, в том числе и стык XIX–XX вв., обнаруживший все многообразие проблем, выдвинутых историй. Не случайно в этот период на арене истории русского языка и русской культуры появляется гений Л.Н.Толстого, демонстрирующий поиски новых приемов использования языковых средств в литературном языке последних десятилетий XIX в. на фоне представлений о норме использования накопленных богатств русского языка другими писателями этого же времени (Ф.Сологуб, А.Ремизов, Е.Замятин и др. представители зарождавшегося символизма и иных течений в литературе). Все эти поиски обновления литературного языка на стыке веков, на наш взгляд, следует рассматривать как переходное его состояние, в существенной степени усиленное таким экстралингвистическим фактором, как Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. Смена культурно-исторических парадигм, произошедшая под ее влиянием, стала источником новизны в языке советского времени и подчеркнула сложность данного отрезка истории русского языка, ибо в нем оставалось либо создавалось много неясного: «слагающегося, но не сложившегося, вымирающего, но не вымершего, входящего вновь, но не утвердившегося» [14]. Это и определяет то, что мы называем «нормой переходного периода».

О том, что происходило с этим состоянием русского языка, говорит бурное развитие лингвистической мысли с начала XX в. и до его конца, когда вновь на диахронической оси его истории происходит новый «узальный взрыв», вызванный экстралингвистическими обстоятельствами, в которых язык развивался. Этот новейший период истории русского языка, как мы видим сейчас, также приходится на *рубеж XX–XXI столетий*. Именно он, этот рубеж, вызвал бурное обсуждение *состояния* языка, начиная с середины 80-х годов прошлого столетия и особенно в 90-е годы — начале XXI в. Чтобы понять масштабы такого обсуждения, достаточно вспомнить публикации того времени, а также череду конференций разного уровня и статуса, которые прошли в указанный период. Причем названия таких конференций весьма красноречиво говорят не только об изменившемся состоянии русского языка, но и об обеспокоенности этим состоянием и общества в целом, и научного сообщества. Объем статьи не позволяет привести полный перечень такой литературы (в принципе, известной каждому, кто занимается вопросами синхронного состояния русского языка). Поэтому ограничимся, с нашей точки зрения, наиболее существенными и значимыми работами ученых, внесших важный вклад в осмысление и интерпретацию того, что происходит с русским языком современности [15]. Все без исключения указанные и не названные здесь источники подчеркивают резкую смену общественно-политической и культурно-исторической обстановки на территориях распространения русского языка (Россия и постсоветское пространство, образовавшееся в результате распада некогда единого государства — СССР). Однако важным представляется то, что точкой отсчета в оценке *состояния* русского языка называется середина 80-х годов XX столетия, когда началась так называемая перестройка в обществе, вызвавшая резкие изменения в языке. К началу 90-х годов уже стало ясно, что конец XX в. знаменуется революционными сдвигами в языке, которые необходимо осмыслить. И такую научную оценку происходящего в русском языке этого времени дали в процессе так называемой «почтовой дискуссии» 1991 г., организованной Ю.Н.Карауловым, видные ученые современности Ю.Д.Апресян, В.Г.Гак, А.С.Герд, А.В.Бондарко, В.В.Колесов, Е.Н.Ширяев и другие. Отмечая эти изменения в языке 80–90-х гг. XX в. (сниженность литературных форм выражения и агрессию в использовании языковых единиц в результате широкого вовлечения в речевую практику просторечия, вульгаризмов, жаргонизмов, уголовного арго и т.п.; широкую волну неологизации за счет словотворчества, в том числе и индивидуально-авторского; заметные изменения в сочетаемости лексических единиц и структуре предложений и т.д.), участники дискуссии, тем не менее, пришли к единодушному мнению, что сам язык в его строении и системе не изменился, — изменились приемы использования его единиц в речи, то есть изменилась культура речи. Разумеется, это привело к значительному обновлению русского языка на всех уровнях, в первую очередь на лексическом. Ю.Н.Караулов назвал *три источника* такого обновления: «во-первых, наше прошлое, т.е. возвращение хорошо забытого старого; во-вторых, внутренние ресурсы самого языка, его словообразовательные, семантические и синтаксические потенциалы и, в-третьих, новейшие англоязычные заимствования» [16], которые в массе хлынули в этот период в русский язык. Как видим, со сменой культурно-исторических пара-

дигм на стыке XX–XXI вв. вновь на арену выходят практически всё те же три исторически детерминированные категории, которые и в прошлые переходные этапы истории языка оказывались эксплицированными временем. Именно они вновь создают восприятие беспорядка, смешения и даже хаоса в составе этих значительных языковых изменений, будоражащих общество и вызывающих противоречивые оценки и самого языка, вплоть до крайних мнений о том, что язык не просто портится, но и погибает.

Как видим, с позиций диахронии в синхронии языка на всех перечисленных и значимых для исторического взгляда на состоянии русского языка хронологических стыках веков возникает такое состояние переходности на диахронической оси его истории, которое, как правило, связывается, с одной стороны, с разрушением *сложившейся* в предшествующие периоды нормы, а с другой — с борьбой за *новую* норму. Однако прежде чем подобный спор исторически разрешился, язык попадал в промежуточную полосу соединения, наложения, смешения старого и нового, создававших свою специфическую узуальную норму — норму переходного периода. И такое состояние языка почему-то чаще всего оказывалось эксплицированным на стыках столетий в условиях революционных (т.е. кардинальных по своей сути) перемен, вызванных экстралингвистическими факторами в развитии общества. Разумеется, мы отдаем себе отчет в том, что абсолютизировать хронологические разломы истории, связывая их с революционными изменениями в языке, — дело неблагодарное и, возможно, даже кому-то покажется сомнительным, так как такие границы относительно условны и «далеко не изоморфны тем или иным процессам» [13; 11]. Тем не менее, как показал приведенный выше краткий комментарий применительно к интерпретации понятия «состояние языка» с позиций его диахронии в синхронии, взаимосвязь и взаимообусловленность изменения *состояния* языка и хронологических границ, обозначенных стыками веков (и даже тысячелетий), — факт неоспоримый. Именно на стыке веков, подчиняясь каким-то невидимым и непостижимым законам смены эпох в его развитии, как правило, носящих революционный характер и проявляющихся в виде своеобразных взрывов, мотивированных и внешними, экстралингвистическими факторами, и внутриязыковыми процессами перманентно накапливаемых изменений при переходе одной диахронии в новую синхронию, в языке в *n*-ный момент таких кумулятивных процессов наступает «взрыв», на время создающий переходную полосу в его историческом движении, в пределах которой и возникает своеобразная *своя* норма — норма переходного периода. Она-то и определяет «лицо» состояния языка в подобные моменты его истории. И не учитывать это, думается, невозможно, ибо понимание такой закономерности, возможно, позволит прогнозировать судьбы языка в его перспективе.

Список литературы

- 1 Дуличенко А.Д. Русский язык конца XX столетия. — München: Verlag Otto Sagner, 1994.
- 2 Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. — СПб.: Златоуст, 1999.
- 3 Русский язык конца XX столетия (1985–1995). — М.: Studia philologica, 2000.
- 4 Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Отв. ред. Л.П.Крысин. — М.: Языки славянских культур, 2008.
- 5 Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учеб. пособие. — М.: Логос, 2003.
- 6 Сулименко Н.Е. Современный русский язык. Слово в курсе лексикологии: Учеб. пособие. — М.: Наука, Флинта, 2006.
- 7 Актуальные проблемы современной русистики / Под ред. Н.М.Шанского. — М.: Просвещение, 1991.
- 8 Кутина Л.Л. Динамика семантической системы языка и возможные аспекты показа ее в лексикографии / Проблемы исторической лексикографии. — Л.: Наука, 1977. — С. 28.
- 9 Гайнуллина Н.И. Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Алматы, 1996. — С. 12.
- 10 Гайнуллина Н.И. Языковая ситуация как категория диахронии // Русский язык в Кыргызстане: Материалы Междунар. науч. конф., 28–29 октября 2002 г. — Бишкек, 2003. — С. 30–34.
- 11 Гайнуллина Н.И. О смешанном характере русского языка и норме переходного периода // Вестн. КазНУ. Сер. филол. — № 2 (74). — Алматы, 2004. — С. 4–7.
- 12 Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. 3-е изд. — М.: Высш. шк., 1982. — С. 271, 272.
- 13 Грановская Л.М. Русский литературный язык в конце XIX и XX вв.: Очерки. — М.: Эллис, 2005.
- 14 Чернышев В.И. Избранные труды. — Т. 1. — М.: Просвещение, 1970. — С. 449.
- 15 Русский язык в его функционировании. — М., 1993. — С. 1–4.

Н.И.Гайнуллина

XX–XXI ғғ. тоғысындағы тілдік өзгерістердің тарихи себебі

Мақалада алғашқы рет XX–XXI ғасырлар тоғысында болып жатқан белсенді құбылыстар мен өзгерістер және олардың табиғи заңдылығын объективті және шынайы бағалауға мүмкіндік беретін тілдің синхрониядағы диахрониясының жаңа позициясы тұрғысынан қазіргі орыс тілінің сипаты берілді.

N.I.Gaiynullina

Historical determinancy of language changes at the turn of the XX–XXI centuries

This article for the first time offers the grounds of the modern status of the Russian language based on the diachrony in the synchrony of the language which allows to value the current processes and developments in the Russian language taking place at the turn of the XX-th century more impartially and adequate and to understand their reasonable nature.

УДК 81; 659,3

Г.П.Байгарина

*Казахстанский филиал МГУ им. М.В.Ломоносова, Астана (E-mail: oirat60@mail.ru)***Современный медийный дискурс: метаязыковое комментирование**

В статье рассмотрена метаязыковая рефлексия как проявление личностного начала в языке. Определен круг языковых явлений, подвергающихся метаязыковому комментированию, и функции, в которых выступают рефлексивы в медиатекстах рубежа первых двух десятилетий XXI века. Рефлексивы, являющиеся характерным свойством современного медийного дискурса, рассмотрены как средства устранения смысловой неопределенности медиатекстов и выражения мировоззренческих установок говорящего.

Ключевые слова: медийный дискурс, комментирование, языковая рефлексия, метаязыковой маркер, комментарий.

Сегодня деятельность средств массовой информации рассматривают не только как информационную, но и как когнитивно-дискурсивную, т.е. как «средство разъяснения и популяризации, передачи особым образом обработанной, препарированной и представленной информации особому — массовому — адресату с целью воздействия на него» [1;128]. В СМИ воздействующая функция языка трансформируется в новую функцию, становление которой связывают именно со средствами массовой информации. Эта функция проявляется в том, что «посредством информирования осуществляется управление коллективным адресатом, т.е. контролирование и регулирование поведения огромных масс людей» [1;155]. СМИ моделируют у массового адресата соответствующую картину мира.

В системе медийного дискурса особое место занимает публицистический текст. Не случайно в последнее десятилетие лингвисты рассматривают публицистический текст «в новой системе стилистических координат», говорят о «перерастании публицистического стиля в язык СМИ» [2]. В лингвистике публицистический текст рассматривается «как целенаправленное социальное действие», он

«включается в идеологическую коммуникативную ситуацию и является составной частью публицистического дискурса, понимаемого как воздействующий (персуазивный) тип дискурса» [3]. Его отличает отчетливо выраженная авторская интенция, поэтому он характеризуется яркой модусной семантикой. Модус предстает как система способов обнаружения позиции говорящего в языке. Позиция субъекта речи обнаруживает себя и в метаязыковых высказываниях, которые расцениваются как проявление языковой рефлексии.

Под языковой рефлексией понимают тип языкового поведения, предполагающий осмысленное использование языка, т.е. наблюдение, анализ его различных фактов, оценку их, соотношение своих оценок с другими, нормой, узусом [4]. Рефлексия говорящего проявляется в разнообразной лингвистической информации о слове, в выражении оценки со стороны субъекта речи.

Языковая рефлексия может пониматься и очень широко: как осмысление всего, что имеет отношение к употреблению языка и даже в целом — к языковой ситуации. И все-таки лингвистов больше интересуют не общие высказывания о каком-либо языке, а высказывания по поводу конкретных языковых выражений, творимых в рамках так называемой «стихийной лингвистики» [5]. Именно такого рода рефлексии в рамках «обыденной лингвистики» обнаруживаем в отклике на смерть Игоря Кваши известной актрисы Лии Ахеджаковой: «...настолько жизнь ожесточилась, перестала быть сентиментальной, стала ...не могу вспомнить эпитет... ну этот, от слова «выгода»... Вот: жизнь стала прагматичной (Новая газета, №35, 13.09.2012).

Само явление языковой рефлексии можно отнести к числу активно обсуждаемых в последние десятилетия, что не случайно. По мнению исследователей, коренные изменения в политической и экономической жизни, нашедшие отражение в публичной речи, обостряют языковую рефлексии. Исследовательский интерес к метаязыковой рефлексии обусловлен тем, что рефлексивы выступают как источник информации об изменениях в русской языковой картине мира [6]. Кроме того, определенный корпус метаязыковых высказываний позволяет создать лингвоментальный срез эпохи в различные периоды развития общества [7].

Есть все основания отнести метаязыковое комментирование к характерным свойствам современного медийного дискурса. Языковую рефлексии можно связать и с таким явлением, как смысловая неопределенность, которую считают специфическим свойством «информационно-коммуникативного поля»: лингвисты говорят об устранении конкретной информации и «воцарении неопределенности», отмечают наличие не просто умолчания, а красноречивого умалчивания как манипулятивного сокрытия информации, в неопределенности видят основу «ухода от ответственности за информацию». Неопределенность считают отражением характера современной эпохи. Содержанием категории неопределенности являются такие значения, как неизвестность, приблизительность, неясность, неточность, а иногда и просто неинформативность сообщения о фактах и событиях, т.е. все то, что требует уточнения, комментирования, интерпретации. Следующий текстовый фрагмент: *Наши сегодняшний форум призван дать мощный импульс глубокому освоению мирового опыта духовной практики гармонии окружающего мира, культуры и нравственности человека* (Казахстанская правда, №360, 19.10. 2012) является типичным примером расплывчатости формулировок медийного текста, который мог бы сопровождаться метаязыковым комментарием.

Определяемые в качестве основных для механизма действия СМИ функции информирования и воздействия объясняют причину конфликта двух тенденций, наблюдаемых в медийном дискурсе: стремление к понятийной точности, определенности и тенденцию к смысловой неопределенности. Рефлексивы и направлены на снятие коммуникативных неудач, обусловленных неопределенностью. В электронных СМИ, прежде всего, наглядно представлен тот тип языкового поведения, который предполагает осмысленное использование языка: мы становимся свидетелями языковой рефлексии коммуникантов, вызванной необходимостью выбрать из имеющихся вариантов более точное слово, которое бы адекватно называло то или иное понятие, например: *Не хочу сказать слово «показушный», но... лучше «пафосный». Этим отличается вахтанговская школа* (Т/к «Совершенно секретно», 15.10.2012).

В центре нашего внимания явление метаязыковой рефлексии, вербализованное в текстах медийного дискурса: актуальным по-прежнему представляется анализ того круга языковых явлений, которые подвергаются метаязыковому комментированию, а также характеристика функций рефлексивов в медиатекстах рубежа первых двух десятилетий XXI века. В работе употребляется термин «рефлексив» как ключевое понятие металингвистики.

В медийных текстах отмечаем широкое использование рефлексивов в функции, которую, по меткому выражению И.Т. Вепревой, можно назвать реакцией носителей языка «на словесное обновление современной эпохи» [8]. Такой реакцией может явиться синонимическая замена незнакомого слова, например: *А знаменитое его весьма недвусмысленное высказывание в адрес высокопоставленного поклонника IT-технологий «Давайте работу e-gov (то есть электронного правительства) оценивать по e-баллам* (Новая газета, №10, 2012). Использование рефлексивов здесь объясняется стремлением дать пояснение незнакомым языковым единицам, не вошедшим в широкую речевую практику. Тем самым с помощью рефлексивов восполняются информационные лакуны адресата. В русскоязычных казахстанских медиатекстах могут поясняться не освоенные русским языком слова казахского языка: *От себя заметим, что, помимо чиновников, на суды в Казахстане влияет такая национальная фишка, как «туысқандық» (родство) и приближённость к любой элите* (Общественная позиция, №421, 2010). В других случаях автор прибегает к более развернутому толкованию незнакомого слова, например, как в следующих контекстах: *У хеттов народное собрание обозначают два слова. Одно слово — это «тулия», буквально толковище. Другое слово — «панкос», обозначает объединение воинов, потом парламент...* (Новая газета, 20.09.2012). *Долетел по лугам утренней зари до херим (русское забор, кремль). Богатыри в хериме-кремле увидели, что у него орлиный взгляд...и дали ему «хуурек» (буквально лопата)* (Новая газета, 04.10.2012). Весь сюжет исполнен в жанре мокьюментари (то есть псевдодокументалистики) (Новая газета, №36, 20.09.2012). В приведенных примерах в качестве рефлексива выступает русский синоним, поясняющий значение соответствующего агнонима. Рефлексив может представлять собой указание на основание для иноязычной номинации, например: *В Южной Корее феномен получил название «Чхонгечхон», по месту сбора протестующих* (Новая газета, №36, 20.09.2012).

Использование рефлексивов в связи с употреблением не освоенных русским языком заимствованных слов может расцениваться как стремление говорящего представить сообщаемую информацию более определенной. И в то же время метаязыковой комментарий может содержать отношение автора к заимствованиям, которые становятся модными в силу придания большой значимости обозначаемому ими событию. При этом в состав рефлексива может быть заключена неприкрытая ирония, не скрывающая отношение автора как к самому комментируемому слову, так и к событию, им обозначаемому: *В малаховской студии ожидалось грандиозное событие — вот-вот в прямом эфире будут названы те российские города-счастливчики, в которых пройдет мундиаль — 2018.* (Так любовно, по-русски на испанский манер теперь принято называть грядущий чемпионат мира по футболу (Новая газета, №39, 04. 10.2012).

Отметим случаи языковой рефлексии, причиной которой явилось стремление автора напомнить широкой аудитории о событиях, имевших место в прошлом и известных, возможно, только в определенных профессиональных кругах: *Все началось с разоблаченной группировки контрабандистов (так называемое «хоргосское дело»), действовавшей на казахстанско-китайской границе в апреле 2011-го* (Новая газета, №36, 20.09.2012). Рефлексив может служить уточнением значения некоторых профессиональных слов: *Мне приходилось слышать эту песню в исполнении контр-тенора (их еще называют кастратами)* (ОРТ, «Достояние республики», 28.09.2012).

Языковая рефлексия в основном осуществляется применительно к словам автора: говорящий дает толкование тому слову или выражению, которое он сам использовал, однако в составе рефлексива может присутствовать и указание на то, что не автор, а описываемый объект речи сам себя так именует, например: *В Рунете сейчас все больше народу причисляет себя к так называемым Grammar nazi, то есть к тем, кто готов «сортировать» людей по уровню грамматической полноценности. Участники движения... аттестуют они сами себя как «национал-лингвистов, лингвофашистов, грамотей-опричников...»* (Новая газета, №36, 20.09.2012). Здесь наличествуют два метаязыковых маркера, так называемых и аттестуют, оба отсылают к лексикону описываемого объекта. Кроме того, так называемый относится к специализированным маркерам чуждости: тем самым автор обозначает свою позицию по отношению к так называемым Grammar nazi.

Метаязыковым комментированием сопровождаются и авторские неологизмы, и явления, которые созданы в целях языковой игры: *...его заигрывания с блогерами еще на первых порах неловкого «охомячивания» президента («сетевыми хомячками» называют особенно активных в комментировании блогеров и стремительно самоорганизующееся интернет-сообщество вкупе)* (Новая газета, №10, 2012). Здесь же дается оценка «сетевых хомячков»: *Он еще в декабре будто принял решение, поставив на преданный ему пролетариат и вынося за скобки всяких там интеллигентов и сетевых*

хомячков — болтунов и бездельников. В этом случае можно говорить об аксиологических рефлексивах: в них слиты воедино интерпретационный и аксиологический компоненты, причем оценочный компонент превалирует. Негативное мнение-оценка наличествует как в значении самих оценочных рефлексивов болтунов и бездельников, так и выражено с помощью специального маркера чуждости *всяких там* — это специализированный показатель умаления значимости. В нашем примере высказывание метаязыкового характера, на письме заключенное в скобки, содержит выражение «сетевые хомячки». Кавычки являются показателями «чужого слова», что подчеркивается метаязыковым маркером — *называют*. Рефлексив интерпретирует слово «охомячивание», которое, если воспользоваться словами Анны А.Зализняк, создано говорящим *ad hoc* в данном речевом (письменном) акте, как представляется, в целях языковой игры [9]. По нашим наблюдениям, совмещение интерпретационной и аксиологической функций рефлексивов является типичным для их употребления в современных публицистических медиатекстах, особенно общественно-политического характера. См.: *Ведь кто бы ни пришел к власти..., ничего не изменится в жизни За-мкадья, как презрительно называют всю Россию без Москвы некоторые утонченные обитатели столицы* (Новая газета, №10, 2012). В качестве метаязыкового маркера рефлексива выступает как — *называют*, оценочная же его составляющая эксплицитно выражена с помощью аксиологического слова — *презрительно*.

Отмечаем метаязыковые комментарии и применительно к жаргонным словам, характерным только для определенного социума: *Новость ...моментально облетела СМИ и блогосферу и казалась поначалу абсолютным «фейком», то есть стебом, приколом, и (простите орнитологи) форменной уткой* (Новая газета, № 36, 20.09.2012). *«Откинуться на Лазурку» — еще одна обиходная фраза олигархов и чиновников...* (Новая газета, №38, 27.09.2012). Как видим, метаязыковому комментированию здесь подвергнуты стилистически маркированные слова. Метаязыковой комментарий может составить содержательную основу медийного текста, каким, например, предстает газетный материал о ходе слушаний по делу Р.Абрамовича и Б.Березовского: *Слово «крыша» произносилось без перевода. Просто «круша». Вот как объяснял суду Абрамович: «Вас защищают, а вы платите за эту защиту. Это может называться «лоббированием», в России называется не иначе как крыша. ...Свой ликбез проводил суду и Березовский, объясняя, что такое в российском контексте «кинуть»... . Это называется «кинуть»* (Новая газета, №35, 13.09.2012).

Именно в языке СМИ получают распространение номинации, которые являются отражением некоторых текущих событий, особенно общественно-политического характера. Например, в связи с майскими событиями на Болотной площади в СМИ стало мелькать выражение «рассерженные горожане»: *Но и рассерженные горожане должны иметь голову* (ОРТ, 11.05.2012). Реакцией на это новообразование и, соответственно, на понятие, стоящее за ним, явился следующий метаязыковой комментарий: *6 мая, во время разрешенного шествия по Болотной площади, протестующие граждане продемонстрировали, что могут на самом деле превратиться в «рассерженных горожан» (это неточное, явно преувеличенное определение придумал когда-то Владислав Сурков)* (lenta.ru/articles/2012). Однозначное отношение автора рефлексива к прокомментированному словосочетанию подчеркивается употреблением частнооценочных слов *неточное, явно преувеличенное*.

Рассмотренные случаи по объекту метаязыкового комментирования представляют собой «акты интерпретации фактов речи». Причем метаязыковой комментарий осуществляется как через толкование лексического значения слова, так и посредством оценки номинации.

Отметим еще один тип рефлексивов, когда интерпретации может подвергаться денотат, стоящий за фактом речи. Как известно, в последние годы в медийном дискурсе частотным было слово «тандем». И в настоящее время оно употребительно, однако в большинстве случаев ему сопутствует комментарий. На наш взгляд, это комментирование связано не со словом, а с тем, какой интерпретации подвергается денотат: *Отчасти это было связано с самой конструкцией тандема (то есть разделение абсолютной власти* (Новая газета, №36, 20.09.2012). *В странное положение поставлены и тот и другой член дуумвирата. (Впрочем, в любой тандем «защита» управленческая двусмысленность)* (Новая газета, №38, 28.09. 2012). Или: *Сетевая толпа — это уже не та толпа, про которую обычно говорят «стадо». Это умная, творчески заряженная толпа* (Новая газета, №36, 20.09.2012).

Мнение-оценка, являющаяся содержанием рефлексива, может быть актуализирована специальными рефлексивными маркерами, такими как *откровенно говоря, сказать откровеннее, по-русски сказать: А по-русски сказать, они оборзели. Мы, откровенно говоря, не подозревали, что это будет делаться с таким нахрапом и с такой наглостью..., что делает саму постановку острых проблем все более трудной, а сказать откровеннее — практически невозможной*. Метаязыковое комментиро-

вание здесь не связано с оценкой собственно языковой стороны высказывания, оно затрагивает скрытый его смысл. На поверхности же «градуальная коррекция, связанная с оценкой номинации как неадекватной обозначаемому по степени признака: говорящий считает, что номинация не в полной мере отражает степень серьезности, значительности, негативности обозначаемого явления [10]. В приведенных рефлексивных контекстах присутствуют не нейтральные, а экспрессивные операторы оценки, которые максимально воздействуют на аудиторию. В связи с этим подчеркивается, что медийные тексты общественно-политического характера демонстрируют, как сознательно активизируются определенные свойства языка с целью его использования для воздействия на массовое и индивидуальное сознание и поведение. Это воздействие может осуществляться посредством «идеологической интерпретации событий». В связи с этим лингвисты вводят понятие идеологической модальности, которая строится «на противопоставлении нейтральных и маркированных в политико-идеологическом смысле компонентов текста» [11]. В создании соответствующего «идеологического фона» участвуют и рефлексивы. В рефлексивных контекстах отмечаем взаимодействие модального и иллокутивного компонентов: оценочно-интерпретирующая деятельность субъекта речи реализуется в различных способах толкования того или иного события. Не вызывает сомнения тот факт, что информация, распространяемая на широкую аудиторию, должна быть объективной и достоверной. Однако распространение информации предполагает ее интерпретацию, комментарий, оценку, в результате информация оказывается «помещенной» в нужный для автора идеологический контекст. Для массового адресата интерпретация подаваемой информации чаще оказывается более значимой, чем фактологическое ее содержание. Рефлексивы, с одной стороны, способствуют прояснению информации, а с другой — они участвуют в реализации одной из основных функций массовой коммуникации — интерпретационной, предполагающей различные способы интерпретации того или иного события. Иными словами, они участвуют в выражении идеологической модальности. Такого рода рефлексивы, выражающие мировоззренческие установки говорящего, обнаруживаем при уточнении не только недавно вошедших в русский язык слов, но и слов общеупотребительных, например: *Вообще неуклонно возрастающий градус нетерпения пугает. «Нетерпение» — слово из народовольческих времен. Именно нетерпение стало спусковым механизмом индивидуального террора, а заодно и всей дальнейшей российской истории* (Новая газета, №6, 2012). В приведенном примере метаязыковому комментированию подвергнута не только сама языковая единица, но и явление, стоящее за ней, кроме того, с помощью рефлексива выражено отношение к этому явлению. Аналогичное использование рефлексива наблюдаем и в следующем примере: *Красный (регион) — это не значит коммунистический. Красный — это значит пассивный* (Эхо Москвы, 15.10.2012).

Абстрактность, широта и сложность значения общественно-политической лексики может быть причиной неадекватного восприятия заложенного в ней смысла, поэтому понятна необходимость в комментировании подобных слов: *...что касается толкования слова «пропаганда», то в ходе принятия новой статьи...его можно уточнить...* (Новая газета, №15, 2012). Еще в большей степени это относится к словам, которые в связи с новыми политическими реалиями пополнили состав ключевых слов медийного дискурса XXI века. Их обозначают термином «ключевые слова текущего момента»: *мировой экономический кризис, политическая и экономическая стабильность, благосостояние граждан, модернизация, инновационные технологии, борьба с коррупцией*. Эта лексика амбивалентна по своей семантике, соотносится с референтом, по-разному трактуемым. Здесь представлены слова, соотносимые с абстрактным референтом, или с широким кругом референтов, то есть обладающие референциальной неопределенностью. Все это приводит к широкому разбросу в интерпретациях и, следовательно, нуждается в комментарии, то есть в прояснении авторской позиции. Использование ключевых слов в медиатекстах различной идеологической направленности выявляет вариативность их содержательного наполнения, что проявляется в коннотативных характеристиках одних и тех же лексем и в их синтагматических связях. Лингвисты говорят в этом случае об идеологической полисемии, которая является следствием возникновения групповых коннотаций, «выражающих интерпретацию политической реальности с позиций той или иной социальной группы» [12]. «Идеологические» коннотации сопряжены с оценочными: на шкале ценностей «свой — чужой» «свой» оценивается позитивно, а «чужой» — негативно. Все ключевые слова медийного дискурса входят в оппозицию по коннотативной маркированности, что подтверждается анализом слов-идеологем, отражающих ценностные доминанты группового субъекта. Так, в официальном медийном дискурсе слово *стабильность* интерпретируется как *«Это наше главное завоевание, это наше Все»*. В оппозиционном дискурсе представлены другие синтагматические связи этого слова: *стабильность коррупции, стабильность*

бедности; всепоглощающая стабильность. Дискурс борьбы придает нейтральным словам «обвинительные» коннотации. Такого рода языковые механизмы апеллируют к чувствам и настроению определенных социальных групп, являясь действенным инструментом для манипулирования. Однако в обоих типах дискурса это мнение-оценка не собственно слова *стабильность*, а стоящего за ним денотата.

В лингвистической литературе, посвященной феномену метаязыковой рефлексии, определен круг формальных показателей рефлексивов. В анализируемых медиатекстах метаязыковой комментарий может и не содержать однозначных формальных маркеров, например: *Никакой тебе «ходорковщины» — финансирование оппозиционных партий или общественной организации «Открытая Россия». Никаких политических амбиций* (Новая газета, №38, 27.09.2012). *Свобода — это в том числе и ограничения, хотя бы внутренние. Но я еще раз подчеркну, свобода — это и ответственность* (АиФ, №42, 17.10.2012). Однако в большинстве своем рефлексивы распознаются по метаязыковым маркерам, в функции которых выступают глаголы речи и сама лексема «слово»: *На Руси власть вообще любит называть русофобией всякое недоброе слово в свой адрес...* (Новая газета, №38, 27.09.2012). Такие метаязыковые показатели, как *грубо говоря, мягко говоря, откровенно говоря, сказать откровеннее, короче говоря, как говорится* выступают в роли дискурсивных слов. Как известно, значение дискурсивных слов привязано к ситуативным и контекстуальным факторам. Они выполняют различные функции, среди которых композиционно-строевая — одна из самых распространенных: дискурсивные слова являются строевыми компонентами текста, они организуют дискурс. Они могут оформлять начало и конец высказывания — инициальная и финальная позиция речевого шага: *короче говоря. Короче говоря, словом* — служат выражением обобщения, вывода, итога предыдущей информации и тем самым способствуют когезии текста. Для нас важно подчеркнуть и рефлексивную роль дискурсивов.

Таким образом, языковая рефлексия, являющаяся проявлением личностного начала в языке, может быть отнесена к характерным свойствам медийного дискурса. Рефлексивы в медиатекстах, заполняя информационные лакуны, способствуют взаимодействию коммуникантов (авторов медийных текстов и массовой аудитории), свидетельствуют об изменениях в словарном составе русского языка современной эпохи. Кроме того, они служат средством выражения мировоззренческих установок автора, участвуют в создании нужной для автора картины мира, выступая одним из средств манипулирования общественным сознанием. В целом же рефлексивы служат устранению смысловой неопределенности медийного дискурса.

Список литературы

- 1 Кудрякова Е.С., Цурикова Л.В. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. — Ч. 2. — 2004. — С. 126–160.
- 2 Лейчик В.М. Перерастание публицистического стиля в язык СМИ // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: Материалы II Междунар. науч. конф. — М., 2008. — С. 298–301.
- 3 Клушина Н.И. Коммуникативная стилистика публицистического текста // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке. — 2011. — № 2. — С. 144–154.
- 4 Шмелёва Т.В. Языковая рефлексия // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. — Вып. I (VIII). — 1999. — № 2. — С. 108–110.
- 5 Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Стихийная лингвистика (folk linguistics) // Русский язык сегодня. — Вып. 1. — 2000. — № 3. — С. 12, 13.
- 6 Венрева И.Т. Рефлексивы как источник информации об изменениях в русской языковой картине мира // Русский язык сегодня. — Вып. 1. — 2000. — № 1. — С. 26–35.
- 7 Венрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005 // [ЭР]. Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/34899/>.
- 8 Венрева И.Т. О языковой рефлексии на словесное обновление современной эпохи // Русский язык сегодня. Активные языковые процессы конца XX века. — № 1. — 2003. — С. 416–425.
- 9 Зализняк А.А. Семантика кавычек // Тр. Междунар. семинара «Диалог — 2007 по компьютерной лингвистике и ее приложениям // [ЭР]. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/>
- 10 Шейгал Е.И. Рефлексивы в политической коммуникации / Теоретическая и прикладная лингвистика. Аспекты метаязыковой деятельности. — Вып. 3. — 2002. // [ЭР]. Режим доступа: http://tpl1999.narod.ru/aspekti_yazika_i_kommunikatsii/index.html
- 11 Добросклонская Т.Г. Лингвистические способы выражения идеологической модальности в медиатекстах // Вестн. Московск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2009. — № 2. — С. 86.
- 12 Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. — М.: Гнозис, 2004. — С. 51.

Г.П.Байғарина

Заманауи медиалық дискурс: метатілдік түсініктеме

Мақалада метатілдік рефлексияның құбылысы тілдің жеке бастапқы сатысында пайда болады. ХХІ ғасырдың алғашқы екі 10 жылдығында шетелдік рефлексивті медиамәтінде дамушы метатілдік пікірлесу мен қызметінен тілдің пайда болу шеңбері анықталды. Заманауи біріккен пікірталастың рефлексивті сипаты медиамәтінде анықталмаған мағыналық қалпына келтірілген құралы ретінде және сөйлеушілердің әлемдік көзқарасын тудыру құралы ретінде қарастырылды.

G.P.Baiygarina

Modern media discourse: metalinguistic commentation

The article investigates the phenomenon of the metalinguistic reflexion as a manifestation of the personal start in the language. The range of linguistic phenomena exposed to metalinguistic commentation is defined, as well as the functions in which reflexives are presented in media texts of the first decades of the XXI century. Reflexives being the typical quality of the contemporary media discourse are considered to be the means of the removal of semantic uncertainty in media texts and as a way of expression of the speaker's world outlook orientation.

УДК 81. ' 367.3

Ж.К.Киынова

*Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы (E-mail: zhkiynova@mail.ru)***Старославянская фразеология в русском языке:
синхрония в диахронии языка**

В статье на материале Фразеологического словаря старославянского языка воссоздана антропоцентрическая картина средневекового человека и его морально-нравственных ценностей. Автором статьи приведены примеры, свидетельствующие об отражении православной ментальности в старославянской фразеологии. Проанализированы фразеосочетания, выступающие в таких бинарных оппозициях, как *добро – зло, грех – добродетель, богатство – бедность, вера – власть*. Особое внимание уделено фразеологизмам, включающим соматизмы, так как именно в их семантике отражается концептуализация мира через познание самого себя и своего тела.

Ключевые слова: фразеология, православная ментальность, старославянская фразеология, библеизмы.

В последнее время, в связи с переосмыслением духовно-нравственных ценностей и актуализацией религиозных истоков, значительно возрос интерес и к старославянскому (церковнославянскому) языку как к культурно-историческому феномену, в котором находит отражение духовная и историко-культурная память народа. Русское религиозное сознание всегда отождествлялось с этим языком, сохраняющим свою идентичность и священное содержание как на протяжении многих веков, так и в условиях современной социальной реальности. «Время показало, что церковнославянские священные формы — это и есть самые верные, единственно возможные, раз и навсегда данные славянскому миру способы определения и выражения меры святости (священной силы) текстов духовного содержания. Исключительно точно выражая смысловое содержание, церковнославянские формы на протяжении многих веков констатируют нам священную реальность прошлого, сакрализуют в том числе и русские лексемы в книжном церковном употреблении, дарят нам возможность ощутить онтологическую сопричастность слова и дела, действенную (очистительную и спасительную) силу священных и молитвенных текстов. Эти формы самой своей неизменностью во времени свидетельствуют о вечности заложенных в нем высших смыслов» [1].

Православная ментальность, тесно связанная с христианской добродетелью, нравственностью и ценностным осмыслением мира, находит свое непосредственное отражение в старославянской лексике, усвоение которой в условиях сохранения культурно-исторической, религиозной, этнической непрерывности в русской культуре сопровождалось и своеобразным заимствованием элементов концептуальной схемы этого сакрального языка. Так, интересный материал в исследовании православно-культурного сознания дают фразеологические единицы, заимствованные из старославянского языка — языка культа и культуры. Несомненно, старославянский, позже, церковнославянский язык, на протяжении многих веков использовавшийся на Руси как в культовой, так и в литературной функциях, формировал, определял и укоренял в русском обществе особый, специфический тип культуры — культуры духовной, свидетельствующей о святости сознания русского человека. Культурные и религиозные потребности православных славян обслуживались церковнославянским языком, поэтому традиционно языковые единицы библейского происхождения обозначались как «церковнославянизмы», или «старославянизмы». Употребление библейского слова проецирует идеи святости, сакральности на все, что имеет отношение к Библии и религиозному культу. Фразеологические сочетания, восходящие к тексту Библии, называются библеизмами. Они первоначально входили в литературный язык в церковнославянской форме, которая и сохранилась во многих фразеологизмах. Ср.: *довлеет днєви злоба его, разверзлись хляби небесные, притча во языцех, ничтоже сумнящєся* и др. Многие из них требуют этимологического комментирования, например, притча — поговорка; *язык* — народ; *языцех* — устаревшая форма предложного падежа. Архаизация слов, как правило, приводит к различного рода семантическим трансформациям. Так, фразеологизм *злачное место* в современном языке приобрел негативный оттенок, поскольку означает «место, где предаются кутежу и разврату», в то время как в тексте Псалтыри, а также в молитвах оно имело значение «изобилующий знаками, богатый растительностью, сытый». Выражение *на сон грядущий* имел форму *на сон грядущим* (буквально — отходящим ко сну) и был связан с названием молитвенника, предназначенным для чтения перед сном. Устойчивое сочетание *ложь во спасение* («ложь ради блага, спокойствия кого-либо»), широко употребляющееся в современном языке, возникло в результате неверного толкования церковнославянского текста Псалтыри: «Ложь конь во спасение, во множестве же силы своя не спасетя», т.е. «Ненадежен конь для спасения, не избавит великою силою своею», где *ложь* — не существительное, а краткое прилагательное мужского рода со значением «ненадежный, неверный». Из приведенных примеров следует, что многие слова сохранились в русском языке только в составе фразеологизмов, утратив при этом формы словоизменения, этимологические связи и собственное значение.

Современные лингвистические исследования ориентированы на постижение языка как антропологического феномена, что предполагает рассматривать язык как элемент культуры, тесно связанный с разнообразными формами сознательной деятельности человека в проекции на культурно-национальное мировоззрение, языковые стереотипы и реконструкции языкового сознания и ментальности народа. Осознание и осмысление человеком мира происходит через трансляцию культурнозначимых смыслов в естественный язык, что происходит посредством фразеологизмов — языковых знаков, способных хранить и передавать эти культурные смыслы. Согласно В.Н.Телия, фразеологический знак корреспондирует с различными пластами культуры — архетипическими оппозициями; кодами культуры; мифологическими представлениями, такими, в частности, как анимизм, фетишизм, табу; с библейскими представлениями об устройстве мира; с фольклором, литературой, ритуалом и др. Эти пласты в той или иной форме хранятся в сознании человека: они понимаются как когнитивная база, или «структурированная совокупность знаний и национально маркированных и детерминированных представлений» [2; 97].

Во фразеологическом словаре старославянского языка [3], составленном на основе памятников письменности X–XI вв., представлены устойчивые словесные комплексы, характеризующие мир смыслов и ценностей, в котором жила и развивалась средневековая культура. Фразеосочетания описывают такие нравственно-религиозные ценности в бинарных оппозициях, как *добро* и *зло*, *грех* и *добродетель*, *богатство* и *бедность*, *вера* и *власть* и др. «Можно без преувеличения сказать, что вся духовная сфера средневекового человека была сакрализована, вся она была подчинена главному регулятивному принципу Средневековья — сопричастности Богу. Именно Бог как высшая ценность человеческого бытия являлся точкой отсчета духовного и ценностного осмысления мира, связывая воедино природу, общество, человека, бытие и небытие» [4]. Вся лексика старославянского языка ориентирована на человека, поэтому средневековая культура — это не только теоцентрическая культура, но и антропоцентрическая, культура души человека.

Составители Фразеологического словаря старославянского языка подчеркивают, что задуманный ими словарь относится к категории *антропоцентрических* и ориентирует на углубленную семантизацию выявленного фразеологического корпуса, а также — учет культурологического фона описываемых единиц. Такой подход к составлению словаря следует признать оправданным. Во-первых, антропоцентричность — это категориальное свойство фразеологии любого языка, во-вторых, антропоцентрический принцип описания позволил воссоздать фразеологическую картину старославянского мира, что особенно важно в историко-этимологическом и культурологическом изучении языка древних славян [3; 8]. В данном словаре, составленном на основе древнейших памятников славянской письменности, датируемых X–XI вв., содержатся источниковедческие, генетические и культурологические сведения, что позволяет увидеть и понять мир смыслов и мир ценностей, в котором жила и развивалась православная культура. Во многих фразеологизмах, приведенных в словаре, отражено своеобразие православной ментальности, проявляющейся в таких добродетелях, как вера, надежда, любовь, мудрость, мужество, справедливость и воздержание. При этом все нравственно-религиозные добродетели сосредоточены вокруг образа Бога, о чем свидетельствуют фразеологизмы: *Бога хвалити, Богом слоуговати, Богомъ наоучень, Богу оугодити, Богъ въчьнь, Богъ въсьдръжителъ, Богъ милостивъ, Богъ съпасителъ (нашь), Богъ въ плъти, Богъ творць, Богъ подасть, Богъ помощникъ, Богъ гнѣвъ* [2; 60, 61]. Бог в лексике старославянского языка интерпретируется как «личность». Так, Т.И. Вендина наличие этого «личностного» образа Бога в старославянском языке объясняет тем, что «христианство по своей сути антропоморфично. Его учение о Боге — это учение о творце мира и человека. Поэтому Бог в представлениях средневекового человека — это всеобъятная личность, Богочеловек. И эта человеческая природа Бога сыграла важную роль в духовной эволюции средневекового гуманизма... Бог в сознании средневекового человека являлся как бы зеркальным отражением его души, чаяний его сердца, самое главное из которых — обретение спасения» [4].

Вся православная ментальность зиждется на добродетелях нравственно-религиозного характера, что явилась «своеобразной философией жизни человека, смысл которой в его движении к Богу» [4; 212]. Поэтому, на наш взгляд, в старославянской фразеологии широко представлены такие ключевые понятия добродетели, как *добро* и *благо*. Например, *добро творити/сътворити, добръ (и) дѣтель, добро (к) сѣма сѣгати; благага въра, блага земнага, благо врѣма, благовѣрно жити, благодарение въздгати, благославень плодъ чрѣва, благо (и) нравъ, благ (и) чловѣкъ, благжж чжсть избрати* [3; 55, 66].

Несмотря на то, что славянизм *благо* является синонимом к русскому слову *добро*, они расходятся не только в значениях, но и в употреблении. В Словаре древнерусского языка *благо* определяется следующим образом: «добро, всякое деяние», а *добро* имеет два значения: 1. «все то, что благо, хорошо, благопристойно, честно, полезно, противопоставлено злу»; 2. «имущество, состоящее из платьев и других вещей». Эти слова являются синонимами лишь в первом значении; второе конкретное значение слова *добро* не имеет соответствия у слова *благо*. *Благо* преимущественно употребительно в «высоких» контекстах, в отношении деяний Бога или царя: *За сим желаемъ вашей милости отъ господъ бога всякаго блага* («Письма и бумаги Петра Великого»); *Мужъ пагубный грешитъ отъ предприятия злаго, Царь праведный грешитъ ему являя благо* [3]. Слово *благо* употребляется для выражения общественных интересов, обычно в сочетаниях *общественное благо*: *Добродетелью я называю навъкъ дѣствий, полезныхъ общественному благу* (Радищев). *Добро* не связано с определенным источником данного качества. Различаются эти слова и сочетаемостью — *благо* сочетается с глаголом *творити*, а *добро* — с глаголами *делати* или *чинити*: *Творимъ мы благо: люди нрава есть инога* («Трутень»). Только со славянизмом *благо* возможно устойчивое сочетание *за благо рассудити* в значении «находить наилучшим». В современном языке они не отмечаются как синонимы, в отличие от других дублетов, выражающих одно и то же понятие. *Добро* всегда употребляется в сочетании со словами *тело*, *жизнь*, обозначая качество предмета; наоборот, *благо* — это *дух*, *бог*, нечто неземное, обозначающее качество духа и вообще суть явлений: «Нельзя сказать, что эта пара — простое противопоставление русского слова *добръ* (обозначает все язычески-земное) церковнославянскому *благъ* (связано со всем божественно-небесным), поскольку и в церковнославянском было слово *добръ*, и для русского языка характерно слово *благо* — в другом, русском его произношении (*болого*, *бологъ*) Все это позволяет говорить о том, что религиозное сознание определяет значимость сакрального текста, маркируя слова, в семантике которых присутствует «идеальный» компонент значения в противоположность «материальному», «вещественному».

Добро и зло, которые остаются вечной «оппозицией» в религиозно-философском осмыслении, соотносятся в православной ментальности с грехом и добродетелью — центральными понятиями христианского вероучения. Грех в христианском толковании — это «всякое, как свободное и сознательное, так и не свободное и бессознательное, отступление делом, словом и даже помышлением от заповедей Божиих и нарушение закона Божия» [5; 430]. Материал, представленный во Фразеологическом словаре старославянского языка, иллюстрирует то, что понятие греха осмыслялось как в религиозном, так и социальном аспектах. Например, *грѣх адама / грѣх загладити; грѣх дигаоль / грѣх оуности; грѣх покагати са / грѣх отъмывати; грѣховънии мракъ / грѣшьнии рабъ* [3; 110]. Человек в христианском вероучении — центр мироздания, поэтому тезис об антропоцентричности языка не нуждается в особых доказательствах, ведь подавляющая часть лексики ориентирована на отражение психофизической, духовной, креативной и прочих сфер человека в языке. «Восприятие мира, находящее отражение в языке и задающееся языком, антропоцентрично. В центре Вселенной находится человек. Именно человеческое тело задает параметры изначального измерения пространства и, соответственно, времени и базовые архетипические оппозиции «далеко — близко», «свой — чужой» и др. Тело в целом и отдельные его части могут рассматриваться как первичная основа концептуализации мира (как внешнего для человека, так и внутреннего). Рефлексия над собственным телом, его границами, строением служит источником как восприятия и описания пространства (вспомним такие меры длины, как *пядь, локоть, foot* и др.), так и универсальных метафор, давно стершихся и не воспринимаемых как троп (*нос корабля, атаковать в лоб, ушко замка* и др.)» [6]. Мир, освоенный человеком и конструируемый им вокруг себя, строится с учетом особенностей человеческого тела, поэтому слова, обозначающие части тела человека, характеризуются высокими фразеобразовательными потенциалами. При этом активность соматизмов в процессе фразеобразования объясняется общим антропоморфизмом фразеологических единиц. В лексике старославянского языка фразеологизмы, включающие соматизмы, представлены широко, так как образно воспринимая и, тем самым, познавая окружающий мир, человек ощущает его, прежде всего, своим телом, поэтому в словах-соматизмах отражается концептуализация мира через познание самого себя и своего тела. Например, *възбити пръси, възвести очи (на небо, выспрь, горѣ), въходити въ срьдьца, въходити въ оуста, въ чръвъ зачати, десница бо-жига, десница отъча* [3; 82–83, 116]. Многие слова в современном русском языке сохранились только в составе фразеологизмов. В современном языке слово *перст* обладает фразеологической связностью, которая соотносится с определенным кругом ситуаций и, как следствие, наделяет *перст* устойчивой оценочностью: *один как перст, указующий перст, перст судьбы*. Эта оценочность влечет к замене *перста* на *палец* в нейтральных, лишенных возвышенности фразеологизмах.

Фразеологизм *беречь как зеницу ока* вызывает представление о древнейшей архетипической форме осознания мира, в котором противопоставлено «свет — тьма», соотносимое по аналогии со зрячим и слепым. *Зеница* и *око* указывают на одну из наивысших ценностей в бытовой, социальной и духовной жизни человека — зрение: *Лучше ноги потерять, чем глаза; Не верь речам, а верь своим очам; Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать* и др. О зрачке как о самом дорогом сказано следующее: *Ты зенок мой, королек — зрачок, Око мое ненаглядное*, что позволяет говорить о том, что во фразеологизме *как зеницу ока* концептуализируется смысл самого дорогого, жизненно важного.

Вѣдати некогда было вполне нейтральным словом с семантикой «знать, понимать»: *Вѣдаите, дѣти, занеже многажды рѣчи и мятежь былъ промежи двѣма владыками, Рязанскимъ и Сараискимъ. Ведаите, дети, занеже многажды речи и мятежь былъ промежи двема владыками, Рязанскимъ и Сараискимъ*. В настоящее время *ведать* соотносится с особой разновидностью знаний и не употребляется в «обыденных» контекстах с «негативным» субъектом, ср.: *Бог ведает ..., бог вестъ что и Черт (его) знает, черт знает что*. Глагол *ведать* также не употребляется в случаях, когда нужно выразить неосведомленность, ср.: *кто его знает, как знать*, в составе таких фразем используется глагол *знать*. В Новом объяснительном словаре синонимов русского языка [7] Ю.Д.Апресян выявляет несколько оппозиций в синонимических отношениях ЗНАТЬ и ВЕДАТЬ и сводит основные различия между ними к стилистическим. Глагол *знать*, будучи более общим по значению синонимом, имеет более широкий, чем *ведать*, круг употреблений. Синоним *ведать* в современном языке употребляется главным образом в отрицательных или — реже — некоторых модальных (особенно побудительных) контекстах. Во всех употреблениях он остается стилистически окрашенным: это — элемент высокого или торжественного стиля, поэтического языка, гневной полемики и других приподнятых форм речи. Ср.: *Как перейти на иноходь с галоп / так быстро и дыхание не сбить / Ни веда-*

ешь ни ты, ни Каллиона (И.Бродский «Новые стансы к Августе»); *Может быть, этот теоретик не ведал какой дьявольский огонь разжигал он в чужих умах? Ведал* (Известия, 10.06.1993); *Да ведают потомки православных / Земли родной минувшую судьбу* (А.С.Пушкин «Борис Годунов»). Лишь в более или менее устойчивых выражениях типа *Знать не знаю, ведаю не ведаю; Сами не ведаем, что творим* и т.п. этот синоним допустим в обиходной речи.

Н.Д.Арутюнова, выявляя своеобразие системы русских ментальных глаголов в выражении пропозиционального знания (знания информации) и опытного знания, или знания по знакомству, обращается к фактам истории языка. «В старославянском языке глагол **вѣдѣти** был аналогом современного *знать*, но сохранял также значение глагола «видеть». По отношению же к человеку употреблялся глагол *знати*, который имел также значение «сознавать». При этом его частотность в несколько раз уступала частотности глагола **вѣдѣти**. В рукописях X–XII вв. зарегистрировано 800 употреблений **вѣдѣти** и только 100 — *знати* [Старославянский словарь, 1994]. В современном русском языке картина существенно меняется: показатель частотности глагола *знать* — 2192 (на 100 000 словоупотреблений), а глагола *ведаю* — 14, из которых на научную литературу и публицистику приходится только — 2 [Частотный словарь, 1997]. Былая популярность глагола *ведаю* не прошла, однако, бесследно для русского языка. Она отозвалась в нем обширным деривативным гнездом, ср.: *ведь, весть, вестник, вестовой, совесть, невежда, сведущий, несведущий, веющий, сведение, с ведома, не (ведомо), заведомо, уведомить, ведомость, ведомство, заведовать, осведомлять, осведомить, осведомитель, разведывать, выведывать, разведчик, ведьма, ведун, невеста, проведать, наведаться, поведать, повесть, исповедаться, исповедь, проповедь, заповедь, известие, заведовать* и др., также сложные слова с компонентами *-вед* и *-ведение* (*языковед, языковедение*). Деривативное гнездо глагола *знать* не столь обширно» [8; 23]. Семантика приведенных слов освещает некоторые пути эволюции значения пропозиционального знания. Они ведут к разного рода эпистемической деятельности: социальной и религиозной (*проповедовать, исповедовать*), бюрократической (*ведомство* и др.), тайной (*ведьма* и *разведчик*), коммуникативной (*поведать, известить*) и др.

Между тем современное соотношение *ведаю* и *знать* в ценностной градации прямо противоположно исходному: «Производные от корня *вѣд-* тяготеют по значению к производным от *вид-*, т.е. «получать знание через органы чувств, прежде всего, через зрение», синонимом к *ведаю* оказывается *слышать, слышати*. Напротив, производные от корня *зна-* передают «чистое знание». Знание, выраженное посредством корня *зна-*, относится к высшей сфере, к «мудрости», поэтому *знахарь* означает «знающий человек», «лекарь», «добрый колдун». Напротив, *знание* — *ведение*, от корня *вѣд-*, относится к земной, бытовой сфере. В Новгородских берестяных грамотах, содержание которых — быт и повседневная жизнь, почти никогда не употребляется *знать*, только *ведаю*. В отличие от *знахарь, ведунь, ведьма* — «злые колдуны». Приведем в подтверждение этого тезиса пример из «Переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским»: *Много отпущено всяких людей: спрося их, уведай; Ежи вси ведают, в какове чести и богатстве родители твои жили и како убо отец твой, князь Михайло, в какове жалованье и богатстве и чести был. Се вси ведают* (*ведение* в этих случаях описывает внешнее, доступное всем знание); из «Житие боярыни Морозовой»: *Научена же бысть добродетелному житию и правым догматом священномучеником Аввакумом протопопом. Егда же токмо уведе* («узнала» = «услышала»), *о православии возревновали зело и развращенного всего отвратися* (С. 110). *Елена же с прочими сестрами крыхуся страха ради. И не могуца уведети о святой Феодоре целую неделю, и тужаху зело...*

На наш взгляд, концептуальная пара *правда* и *истина* свидетельствует об определенной связи между наличием в языковом мышлении тех или иных концептов и языковым мировидением (мировосприятием). Так, выделяя два представления об истине — религиозное и эпистемическое (модальное), Н.Д.Арутюнова прослеживает соотношение в русском языковом сознании понятий *правды* и *истины*. При этом «*правда* — это истина в зеркале жизни...» [8; 26]. Именно поэтому говорят о *правде* жизни и жизненной правде, но не об *истине* жизни. «Ситуация истины в житейском контексте отлична от положения правды. Истина становится в нем максимальной сентенцией, резюмирующей жизненный опыт... Правда подразумевает только конкретные высказывания... истина — только общие» [8; 29, 30]. Правда касается только одушевленного мира и она социоцентрична, ср.: можно *узнать правду о войне*, но не *правду об атомах и молекулах*. Правда о землетрясении повествует о человеческих бедах, а *истина* — о геофизических причинах неуравновешенности природы. «*Истина имеет одного Владельца (Бога) ... правда — многих*» [Там же]. Такая дифференциация близких по смыс-

ду слов по признаку «сакральное» / «профанное», «идеальное» / «материальное», «духовное» / «физическое» определяется культурной традицией носителей языка. Слово формирует социальный и сакральный опыт человека, дает возможность постигать и объяснять окружающий мир, поскольку культура оказывает влияние не только на восприятие вещей, но и на их интерпретацию и осмысление. При этом во взаимодействии сакрального и светского значений большая активность наблюдалась у светского, вследствие чего оно вовлекало сакральное в свое пространство, обогащаясь новыми словами и смыслами. И в этом проявляется системная память культуры, так как любая культура не существует без сакральных смыслов.

В древнерусском языке прослеживается развитие ментального поля Истины за счет втягивания в него новых слов. Истина в древнерусском языке осмысливается уже как вера, ср.: вѣра: 1. «истина»; 2. верование, поклонение истинам, догматам» [9]. Смысловые приращения этого понятия социализируют его, несмотря на то, что именно Правда, а не Истина становится нормативно-оценочной категорией, определяющей нравственность человека, духовным эквивалентом которой становится совесть. Ср.: *В нем правды нет*, т.е. «нет совести». Поэтому «правда одухотворена человеческим чувством, характеризуется свободой воли, в отличие от predetermined истины, слишком объективной, чтобы человеческая воля могла ею управлять» [8; 127].

Соотнесенность истины с Божественным освещает жизненный путь человека «светом истины». Истина, возделываемая разумом, приобщает его к истинному знанию, ср.: *свѣтъ*, перен. *свет истины*; *бѣсѣвътъ истинны иже просвѣтитають всѣкого чловѣка* [10]. Идея божественной природы света в современном языке существенно редуцирована, об этом свидетельствуют изменения в семантике слова под углом зрения картины мира и истории культурных представлений носителей языка. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И.Срезневского слову *свѣтъ* и производным от него отводится несколько страниц словарного формата [11]. Подавляющее большинство производных — *свѣтъловати* — «освещать, просвещать»; *свѣтълитиса* — «светиться, сиять»; *свѣтълотворити* — «наполнять светом духовным»; *свѣтълогадрыни* — «светом, указывающим путь» — в современном языке утрачены, как утрачена сама идея божественной природы света, ведь *свет* и *свят* относятся к одному и тому же праславянскому корню **svet-*. В Полном церковнославянском словаре Гр. Дьяченко читаем следующее: «...самая стихия света есть божество, нетерпящее ничего темного, нечистого, в позднейшем смысле — греховного. Понятия светлого, благого божества и святости неразлучны... Так, от санскр. *div* — светить, блистать, играть лучами образовалось греч. *Ζεῦς* (род. *Διός*), лат. *Deus* — Бог, *divus* — божественный, святой...» [12]. Анализ семантического ареала концепта «свет» в динамике ее языковой концептуализации показывает преемственность культурных представлений носителей языка через трансляцию культурных смыслов.

Таким образом, в старославянской фразеологии наиболее ярко отражена православная ментальность, которая зиждется на нравственно-религиозных добродетелях, отражающих духовный мир и мир ценностей человека. Концептуализация мира через призму языка — это процесс, динамика, поэтому «историческая память» языка требует учитывать культурно-историческую мотивацию особенностей семантики и употребления языковых единиц в синхронии. Постичь механизм этого процесса возможно лишь, исследуя глубинную семантику слова путем его концептуального анализа, «следов культурной практики», корней того коллективного бессознательного, которое лежит в основе архетипа языка любой культуры.

Список литературы

- 1 Буров А.А. Кирилло-Методиевская традиция и формирование русской языковой картины мира // Церковнославянский язык в духовном аспекте: Материалы Всерос. науч. конф. — Т. 1. — Ставрополь, 2007. — С. 7–15.
- 2 Телия В.Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация. — Вып. 30. — М.: Гнозис, 2005. — С. 30–43.
- 3 Фразеологический словарь старославянского языка: более 4000 единиц. — М.; Магнитогорск: ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2006. — 340 с.
- 4 Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. — М.: Индрик, 2002. — С. 274.
- 5 Христианство: Энциклопедический словарь. — М.: Прогресс, 1993. — С. 159.
- 6 Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: Материалы к словарю. — М.: Гнозис, 2007. — С. 72.
- 7 Апресян Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов. — М.: Языки русской культуры, 1995. — 464 с.

- 8 Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 895 с.
 9 Словарь русского языка XI–XVII вв. / РАН СССР. — Вып. 1–28. — М.: Наука, 1972–2009. — С. 79.
 10 Словарь старославянского языка: В 4 т. — СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2006. — С. 271.
 11 Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. — Т. I–III. — СПб., 1893 — 1913. — С. 295–302.
 12 Дьяченко Гр. Полный церковно-славянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) // Репринт 1890. — М.: Рус. яз., 1993. — С. 582.

Ж.К.Қиынова

Орыс тіліндегі көнеславян фразеологиясы: тілдің диахрониясындағы синхрония

Мақалада Көне славян тілінің фразеологиялық сөздігі материалдарының негізінде орта ғасыр адамының антропоцентристік бейнесі және оның моральді-адамгершілік құндылықтары қарастырылды. Автор көне славян тіліндегі православ христиандардың менталитетін айғақтайтын мысалдар келтірді. *Жақсылық – жамандық, кунә – мейірімділік, байлық – кедейлік, сенім – билік* сияқты бір-біріне қарама-қарсы оппозициялардан тұратын фразеологиялық тіркестер талданды. Құрамында соматизм компоненті бар фразеологизмдерге ерекше назар аударылып, олардың семантикасында өзін-өзі және өзінің денесін тану арқылы әлемнің концептуалды бейнесі қамтылып көрсетілді.

Zh.K.Kiyнова

Old Slavic phraseology: synchrony in a language's diachrony

An anthropocentric picture of the medieval person and his moral values are recreated on the material of the phraseological dictionary of old Slavic language. The author of the article gives examples indicating the reflection of orthodox mentality in the old Slavic phraseology. Phraseological combinations appearing in such binary oppositions, as good and evil, sin and virtue, wealth and poverty, belief and power are analyzed in the given article. The special attention is paid to the phraseological units including somatisms as the conceptualization of the world through perceiving one's self and body is reflected in their semantics.

УДК 808.2.3

В.Д.Нарожная

Южно-Казахстанский государственный педагогический институт, Шымкент (E-mail: vdn_ru@mail.ru)

Лексические и фонетические архаизмы в составе русских фразеологизмов

В статье предложен анализ русских фразеологических выражений, которые содержат различные устаревшие элементы, лексические историзмы и архаизмы, которые не только формируют структуру фразеологизма, но и являются средством выразительности. Систематизация данных фразеологизмов в этом отношении позволяет полнее представить общую картину языка и помогает осознать многослойный характер современной языковой системы, воссоздать прежний словарный состав русского языка.

Ключевые слова: архаизм, фразеологизм, соматизм, антропоцентризм, библеизм.

В современном русском литературном языке насчитывается около тысячи фразеологизмов, содержащих в своих компонентах лексические архаизмы и историзмы, например: *бить челом, беречь как зеницу ока, подпускать турусы на колесах, гол как сокол* и др.

В этой группе фразеологизмов, в отдельных их компонентах, сохранились слова, вытесненные из употребления в свободных словосочетаниях другими синонимичными словами, или слова, которые исчезли из употребления в языке, так как прекратили существование те предметы и явления действительности, которые они прежде обозначали.

Компоненты фразеологизмов, содержащие лексические архаизмы и историзмы, оказываются в изоляции от современной лексической системы и сообщают особую выразительность всей фразеологической единице. Лексические архаизмы «в компонентном составе фразеологической единицы выступают в качестве детерминирующих элементов, притягивающих к себе другие, не содержащие архаизмов. Иначе говоря, устаревшие слова как бы цементируют структуру всего фразеологического оборота» [1; 5].

Наличие лексических архаизмов в структуре сравнительно большого количества фразеологизмов современного русского языка связано с устойчивостью и идиоматичностью последних, что обуславливает их длительное существование в языке. Во фразеологических единицах архаизмы получают свою особую новую жизнь и до известной степени воспринимаются как «живые» архаизмы, так как продолжают свое существование, а не исчезают бесследно. Следовательно, «одним из определяющих показателей лексического архаизма является утрата связей данной лексемы с однокоренными производными словами активного словарного запаса языка и ее вытеснение синонимичными лексемами» [1; 11]. Так, например, слово *перст*, вытесненное синонимичным ему словом *палец*, уже не ассоциируется со словом *наперсток*, которое продолжает свое существование в современной лексической системе языка. Лексема *перст* сохранилась лишь во фразеологизмах *перст указующий*, *вложит персты в языы*, *один как перст* и др.

Лексические архаизмы, вышедшие из употребления и не имеющие синонимов в современном русском языке: *баклуши*, *турусы*, *сокол*, *балясы*, *просак* и др. (*бить баклуши*, *турусы на колесах*, *гол как сокол*, *балясы точить*, *попасть впросак*), встречаются и в наше время [2].

К лексическим архаизмам относятся также и такие слова, которые «продолжают бытовать в современном словарном составе языка, но имеют, помимо основных, еще и устаревшие значения» [1; 9]: *брань* — ‘ругань’, ‘битва, сражение’; *жир* — ‘маслянистое вещество’, ‘богатство’; *собака* — ‘домашнее животное’, ‘репей’. Старославянский по своему происхождению фразеологический оборот *во время оно* (‘некогда’, ‘когда-то очень давно’) в качестве одного из компонентов включает устаревшее указательное местоимение *оно* — ‘то’. В современном языке фразеологизм *под сурдинку*, включающий устаревшее слово *сурдинка* (‘то же, что сурдина; приспособление, применяемое для приглушения звучания музыкальных инструментов’), означает ‘тихо, приглушенно’, ‘тайком, втихомолку’.

Фразеологизмы, которые включают в свой состав лексические архаизмы, могут быть связаны с понятием о человеческом организме. В качестве устаревших компонентов в них выступают слова:

а) древнерусские (из общеславянского языка): *плоть* — ‘тело’, *стать* — ‘телосложение, фигура’, *чело* — ‘лоб’, *лик* — ‘лицо’, *уста* — ‘губы’, *око* — ‘глаз’, *пята* — ‘пятка’, *стопа* — ‘нога, шаг’, *лоно* — ‘грудь’, *карачки* — ‘голень’, *живот* — ‘жизнь’, *душа* — ‘ямочка на шее под кадыком’, *погибель* — ‘сгиб тела’;

б) старославянские: *перст* — ‘палец’, *зеница* — ‘зрачок’, *вежды* — ‘веки’, *чресла* — ‘поясница’, *чрево* — ‘живот’.

Эти существительные теперь уже не употребляются в свободных словосочетаниях, а входят в состав фразеологических оборотов:

- *ангел во плоти* (кроткий сердцем);
- *с какой стати* (зачем, почему, по какой причине);
- *душа нараспашку* (чистосердечный, бесхитростный, прямодушный человек);
- *бить челом* (кланяться, просить о чем-то, жаловаться, благодарить);
- *в мгновение ока* (быстро, вмиг);
- *один как перст* (в полном одиночестве);
- *с головы до пят* (целиком, полностью);
- *из уст в уста* (от одного человека к другому);
- *идти по стопам* (следовать за кем-либо в чем-либо);
- *беречь (хранить) как зеницу ока* (с особой заботой, бережностью относиться к чему-либо, охранять, сохранять что-либо);
- *на лоне природы* (вне города, в лесу, в поле) и др.

Изменения в составе фразеологических оборотов прямо и непосредственно связаны как с тем, что происходит в лексической системе языка в целом, так и с тем, в каком направлении осуществляется говорящими дальнейшая обработка фразеологизмов. «Возникновение в устойчивом сочетании слов лексических единиц, вне его более нигде не существующих, связано с выходом соответствующих слов из активного употребления. То или иное слово при возникновении фразеологического оборота является свободным по своему употреблению и принадлежит к активной лексике, употребляясь как во фразеологизме, так и вне его. Позднее же сфера его функционирования сужается и зачастую ограничивается одним-единственным фразеологизмом. Этим объясняется возникновение во фразеологизмах только им свойственных лексических вкраплений, потенциальных слов [3].

В качестве примеров можно привести следующие фразеологизмы русского языка:

- *с гулькин нос* (очень мало): *гулькин* — притяжательное прилагательное от существительного *гулька* < *гуля* — ‘голубь’;
- *забубенная головушка* (отчаянный, способный на все человек): *забубенная* — имя прилагательное, образованное от существительного *забубены* < *забобоны* — ‘вздор’;
- *писать мыслете* (идти нетвердым шагом, шатаясь, заплетающейся походкой): *мыслете* — старое название буквы *М*;
- *стоять фертом* (важничать): *ферт* — старое название буквы;
- *аки тать в ноци*: *тать* — ‘вор’, ‘бандит’, ‘разбойник’ и др.

Так же, как и лексике, фразеологии свойственно явление омонимии, при котором между разными значениями фразеологизмов, состоящих из одних и тех же слов, нет никакой связи.

Во фразеологизмах *это еще на воде писано* (*написано*), *вся кровь бросилась в лицо*, *огород городить*, *душа нараспашку*, *сыр-бор разгорелся*, *нелегкая дернула*, *на худой конец* слова свободного употребления *вилы*, *краска*, *огород*, *душа*, *бор*, *нелегкая*, *худой* являются омонимами. Во фразеологизме

- *вилами на воде писано* (неизвестно, будет так или нет, осуществится ли, удастся ли) слово *вилы* имеет значение ‘круг’;
- *краска бросилась в лицо* (кто-либо покраснел от стыда, смущения, досады): *краска* — ‘кровь’;
- *огород городить* (затевать какое-либо дело): *огород* — ‘ограда’, *городить* — ‘строить’;
- *душа нараспашку* (чистосердечный, прямодушный, откровенный человек): *душа* — ‘ямочка на шее под кадыком’ [4];
- *сыр-бор разгорелся от чего, из-за чего* (по какой причине, почему началось что-либо, происходит что-либо): *бор* — ‘сосна’, *сыр* — краткое прилагательное от слова *сырой*;
- *нелегкая дернула* (неизвестно зачем, по какой надобности нужно было мне (тебе и т.п.) (сделать что-либо): *нелегкая* — ‘дьявол’, ‘черт’;
- *на худой конец* (в самом крайнем, в самом худшем случае): др.-русск. *худъ* — ‘плохой; невзрачный; непрочный; слабый; малый; скудный’.

Современные слова *кол*, *нос*, *жир*, *мир* имеют и другое, уже исчезнувшее значение, которое закрепилось только в устойчивых словосочетаниях. В выражениях *хоть кол на голове теши* (о чьем-либо упрямстве, непонимании [5; 475]), *вбивать осиновый кол в могилу* (окончательно избавиться от кого-либо [5; 56]) существительное *кол* имеет значение ‘заостренная палка’, а в таких выражениях, как *ни кола ни двора*, *ни кола ни угла* (совсем ничего нет [5; 201]) *кол* — ‘полоса пахотной земли шириной в две сажени’.

Такие же омонимичные отношения характерны для фразеологизмов *держат нос по ветру* (применяться к обстоятельствам, беспринципно меняя свои убеждения [5; 136]), *комар носа не подточит* (не к чему придраться [5; 202]), *зарубить на носу* (запомнить крепко-накрепко, навсегда; иметь что-либо в виду [5; 170]), *остаться с носом* (остаться без того, на что рассчитывал, без самого необходимого [5; 299]). В первых двух фразеологизмах *нос* — корма корабля, в следующем *нос* — это отглагольное существительное: *носить* > *нос*. Следовательно, *зарубить на носу* — сделать отметку (зарубку) на том, что носишь с собой (дощечка, палочка). *Остаться с носом* — остаться с тем, что принес с собой (с приносом), не выиграв дела, не добившись никакого результата, не получив того, на что очень рассчитывал.

В устойчивом словосочетании *иметь сердце* (излить злобу) слово *сердце* имеет устаревшее значение ‘гнев’, ‘злоба’. С таким же значением это существительное употребляется и во фразеологизме *сорвать сердце*. Иное значение имеет слово *сердце* в выражениях *от сердца отлегло* (стало легче),

положа руку на сердце (откровенно), *близко принять к сердцу* (отнестись к чему-либо с большой заинтересованностью). Архаичное для современного русского литературного языка значение 'гнев', 'злоба' у слова *сердце* является вторичным.

В группе фразеологизмов *одним миром мазаны* (о людях с одинаковыми недостатками [6; 304]), *всем миром* (всем вместе), *на миру и смерть красна* (не страшно умереть на людях; легче что-либо перенести со всеми вместе), *не от мира сего* (о человеке, не приспособленном к жизни), *по миру пустить* (о бедности, нищете), *ушел в иной мир* (умереть), *сильные мира сего* (люди, занимающие высокое положение в обществе) [6; 303] существительные *миро* и *мир* совпадают в падежных формах. Устаревшее слово *миро* означает 'благовонное вещество в церковных обрядах', а *мир* — многозначное слово в русском языке и в рассматриваемых фразеологизмах означает:

- совокупность всех форм материи в земном и космическом пространстве;
- отдельная часть вселенной;
- земной шар и люди, населяющие его;
- светская жизнь в противоположность монастырской жизни;
- сельская община с ее членами [6; 303].

Анализ рассматриваемого корпуса устойчивых сочетаний русского языка позволил нам составить семантическую классификацию фразеологизмов, включающих в свой состав устаревшие единицы лексико-фразеологического поля, имеющие значение 'части тела', а также элементы, связанные с наименованиями растительного и животного мира, с явлениями окружающей среды, с наименованием одежды, обуви, орудий труда и производства, с наименованиями древних русских и греческих букв, с русской метрологией и денежными единицами, с обозначением обрядов, поступков и чувств людей.

Устойчивые сочетания, включающие в свой состав лексические архаизмы, связанные с наименованием отдельных частей человеческого организма, представляют собой значительную группу в русской фразеологии. Основными компонентами в таких сочетаниях выступают как древнерусские слова (*плоть* — 'тело', *стать* — 'телосложение', 'фигура', *чело* — 'лоб', *лик* — 'лицо', *уста* — 'губы', *око* — 'глаз', *пята* — 'пятка', *стопа* — 'нога, шаг', *лоно* — 'грудь', *карачки* < *корокъ* — 'голень', *живот* — 'жизнь', *душа* — 'ямочка на шее под кадыком', *погибель* — 'сгиб тела' [6]), так и старославянские (*перст* — 'палец', *зеница* — 'зрачок', *вежды* — 'веки', *чресла* — 'поясница, бедра', *чрево* — 'живот' [6]).

Эти существительные «теперь уже не употребляются в свободных словосочетаниях, кроме редких случаев, обусловленных стилистическими особенностями языка художественных произведений» [1; 60], а входят в состав фразеологических оборотов:

- *перепоясывать свои чресла*: готовиться идти в далекое странствие;
- *чреватю последствиями*: причинить какой-либо вред кому-либо;
- *не на живот, а на смерть*: не щадя своей жизни;
- *класть живот*: погибать, умирать;
- *под стать*: подходящий, достойный кого-либо или чего-либо;
- *с какой стати*: почему, зачем, по какой причине;
- *надевать личину*: скрывать свою подлинную сущность, свое лицо;
- *гнуть в три погибели*: жестоко эксплуатировать и т.д.

Многие из перечисленных компонентов-соматизмов входят в состав не одного, а двух и более фразеологизмов:

- *око*: *в мгновение ока* (быстро, вмиг), *пуще зеницы ока* (бдительно, заботливо, тщательно беречь), *смежить очи* (погрузиться в сон), *всевидящее око* (о человеке, которому все известно), *как зеницей ока дорожить* (что-либо ценить, чем-либо дорожить), *око за око, зуб за зуб* (о необходимости отомстить, отплатить за что-либо);
- *перст*: *один как перст* (в полном одиночестве), *вложить персты в язвы* (сделать что-либо большое, очень неприятное);
- *пята*: *по пятам* (идти не отставая, неотступно), *с головы до пят* (целиком, полностью);
- *уста*: *вкладывать в уста* (заставлять кого-либо говорить те или иные мысли, слова), *из уст* (узнавать от кого-либо), *из первых уст* (узнать, услышать непосредственно от очевидцев, от участников), *из вторых (третьих) уст* (узнать через посредников, не от очевидцев), *из уст в*

уста (от одного человека к другому), *отверзать уста* (сказать что-либо), *не сходить с уст* (беспрестанно произноситься, упоминаться в разговоре);

– *плоть*: *плоть и кровь* (родной ребенок, порождение, детище кого-либо, чего-либо), *плоть от плоти* (кровное родство, идейное порождение, детище кого-либо или чего-либо), *облекать в плоть и кровь* (воплощать, выражать в определенной, конкретной, живой форме), *облекаться в плоть и кровь* (приобретать живую, конкретную форму);

– *стопа*: *идти по стопам* (следовать за кем-либо в чем-либо), *падать (припадать) к стопам* (умолять, просить кого-либо о чем-либо), *повергать к стопам* (полностью подчинять чьей-либо воле, власти; преподносить что-либо, выражая свою покорность), *направлять свои стопы* (направляться, идти куда-либо).

Одни древние названия растений и животных уже исчезли из русского языка или были вытеснены другими словами, например: *собака* — ‘репей’, *купина* — ‘куст’, *былье* — ‘трава’, *акрида* — ‘род саранчи’, *арестанты* — ‘мелкая сушеная рыбешка’, *кур* — ‘петух’, *долгие* — ‘запряженные лошади, которых раньше использовали для перевозок на дальние, долгие расстояния’. Другие же названия имеют в современном русском языке однокорневые варианты, но уже тоже устаревшие или получившие стилистическую окраску: *телец* — ‘теленки’, *змей* — ‘змеи’, *козлица* — ‘коза’, *теляти* — ‘теленки’, *агнец* — ‘ягненок’.

В современном русском языке все перечисленные слова в качестве архаических компонентов входят в состав фразеологических оборотов:

– *вешать собак*, *вешать собак на шею* (несправедливо обвинять, наговаривать, клеветать на кого-либо), *неопалимая купина* (что-либо нерушимое, непреходящее), *быльем поросло* (давно, навсегда забыто), *питаться акридами и (диким) медом* (недоедать, не имея достаточно пищи), *сорок бочек арестантов* (наговорить очень много и не по существу), *попасть как кур во щи* (неожиданно попасть в беду, неприятность), *на долгих* (добираться на одних и тех же лошадях).

Устаревшие формы имен существительных входят в состав фразеологизмов *до зеленого змия*, *нашему теляти да волка поймати*, *отделять овец от козлиц*, *золотой телец*, *бедный агнец* и некоторые другие.

Среди группы фразеологизмов, которые характеризуют состояние или явления природы, архаичные элементы в своем составе имеют следующие: *у черта на куличках* (очень далеко, в большом отдалении, в глухих местах), *ни зги не видно* (совсем ничего не видно), *земная твердь* (земля, суша), *разверзлись хляби небесные* (пошел очень сильный, проливной дождь) и др.

Этимологический анализ архаизмов в данных фразеологических оборотах раскрывает их семантику, которая сводится к следующему:

– *кулига* — древнерусское образование от существительного *кулижки* — ‘лесистое, глухое, болотное место’;

– *зга* — собственно русское образование от существительного *сътъга*, в котором после падения редуцированного -Ъ произошло упрощение группы согласных (стг >сг) а затем ассимиляция по звонкости (глухой [с] под влиянием [г] перешел в [з]). *Зга* — это ‘дорога’ (ср. *стежка* — ‘тропинка’);

– *твердь* — старославянское образование с помощью темы -Ъ от *тврѣдый* > *тврѣдый*. *Твердь* — ‘небо’;

– *хлябь* — общеславянское образование с помощью темы -Ъ от глагола *хлябати* — ‘качаться, шататься’. Существительное *хлябь* имело значение ‘водная глубина, бездна’.

Одежда людей в прошлом, как и обувь, была строго регламентирована: каждый должен был одеваться в соответствии со своим положением в обществе. В XVIII веке дворяне носили сапоги, а крестьяне — лапти. Так как «основная часть современной русской фразеологии формировалась именно в XVIII веке» [1; 126], то лапти и сапоги значительно обогатили ее:

– *лапти плести* (неумело бестолково делать что-либо, путать);

– *переобуть кого-то в лапти* (обмануть, одурачить);

– *в лапоть звонить* (бездельничать, быть без дела);

– *не лапоть сплести* (серьезное дело, которое не просто выполнить);

– *лаптем щи хлебать* (жить, прозябать в нищете, невежестве; быть отсталым, некультурным);

– *лапти откинуть* (умереть);

- (что-то) в сапожках ходит (что-то очень дорого стоит);
- два сапога пара (о сходных людях, характеризующихся чем-то плохим).

К этой же группе фразеологизмов можно отнести и следующие:

- служить по кафтану (служить по оплате);
- давать по шапке, получать по шапке (выгонять, увольнять, снимать с должности);
- шапками закидать (хвастливое уверение: легко и быстро победить, одолеть врага, неприятеля);
- снимать шапку, ломать шапку (кланяться, раскланиваться перед кем-либо; унижаться, заискивать).

Имеет отношение к одежде фразеологический оборот *ходить козырем*. Знатные и чиновные люди в Древней Руси прикрепляли себе сзади у ворота кафтана особый козырь, вышитый золотом, серебром или жемчугом. «Расшитый козырь торчал столь внушительно и придавал такую гордую осанку, что и до сих пор *ходить козырем* означает ‘высоко держать голову, важно выступать’ [7; 149].

Русская фразеология тесно связана с многообразием человеческой деятельности, отдельные предметы которой либо утратили свое значение в настоящее время, либо исчезли из жизни народа совсем. Например, мы часто слышим *на ловца и зверь бежит* (ловец — ‘охотник’), *какого рожна, на рожон лезть, переть против рожна* (рожон — ‘заостренный кол, рогатина, с которыми охотились на медведя’); *тянуть канитель* (канитель — ‘золотая или серебряная нить’, употребляющаяся в золотошвейном деле. Изготовление такой нити — дело кропотливое и трудное), *во весь мах* (мах — ‘один полный оборот мельничного колеса’), *не лыком шит, лыка не вяжет, горе лыковое* (лыко — ‘липовая кора’), *ни кола ни двора* (кол — ‘полоса пахотной земли шириной в две сажени’), *разводить турусы* (турусы — ‘осадные башни, подкатываемые на колесах к стенам’); *не мытьем, так катаньем* (катанье — существительное, образованное от глагола *катать*. Термин возник в среде валенщиков-шерстобитов, которые мыли, парили, валяли и катали шерсть, идущую на изготовление валенок) и т.д.

В качестве компонентов многих фразеологических оборотов выступают древние названия букв русской азбуки: *аз, буки, глагол, мыслете, ять, твёрдо, ижица, ферт*: *не смыслить ни аза, начинать с азов, от аза до ижицы, твердить азы, сидеть на азах, азы да буки, играть азы; все это буки; и иже с ним; знать на ять; прописать ижицу, дошли до ижицы; не миновать глаголя; выделявать ногами мыслете; твердо слово; ходить фертом, стоять фертом*.

Компонентами фразеологических оборотов русского языка могут быть наименования букв греческого алфавита, что объясняется давними культурными связями носителей этих языков. Например, во фразеологических сращениях *альфа и омега* (сущность, основа, самое главное, начало и конец), *ни на йоту* (нисколько, ничуть, ни на самую малость), *ни йоты* (совсем ничего) содержатся наименования первой и последней букв (*альфа и омега*) и девятой буквы греческого алфавита (*йота*).

Национально-культурная специфика русской картины мира может передаваться фразеологическими оборотами, включающими в свой состав единицы веса, длины, расстояния, денежные системы: *от горшка два вершка, семи пядей во лбу, ни пяди не уступать, семь верст до небес и все лесом, за семь верст киселя хлебать, мерить версты, коломенская верста, мал золотник, да дорог* и др.

Тюркское по происхождению слово *аршин* породило в русском языке целый ряд фразеологизмов: *мерить на свой аршин, словно аршин проглотил, на три аршина сквозь землю видеть, мерить всех на один аршин, аршинный товар, аршин не солжет, смерить на аршин, семь аршин говядины и три фунта лент*.

Не раз менялись на Руси денежные единицы, многие из них исчезли, а отдельные наименования вошли в состав фразеологических оборотов:

- нет ни полушки за душой (очень бедный);
- полушки не стоит (не имеет никакой ценности);
- гроша ломаного не стоит (не имеет ценности);
- пропасть ни за грош (бессмысленно пропасть);
- ни на грош (нисколько, ничуть, ни на самую малость);
- грош цена в базарный день (имеет малую ценность или не представляет никакой ценности, никуда не годится, ничего не стоит);
- ни в медный грош не ставить (совсем не считаться с чем-то или с кем-то);
- ставить ребром последний грош (тратить на что-либо последние деньги);

- не было гроша, да вдруг алтын (о неожиданном приобретении чего-то неожиданного);
- перебиваться с гроша на копейку (жить очень бедно, терпеть нужду, лишения).

Слова *полушка* и *грош* получили в русском языке значение чего-то очень малого. *Полушка* — древнерусское производное с суффиксом *-ька* от существительного *полуха*, которое является суффиксальным образованием (*-уха*) от уже исчезнувшего существительного *поль*. Древнерусские *полуха* и *поль* имели значение ‘половина’.

Грош — польское заимствование, «отмечающееся в памятниках письменности с XIV века» [1; 101] и восходящее к латинскому *grossus denarius* — ‘тяжелая монета’. Польский *грош* стал обозначением самой мелкой монеты, а с XIX века он равнялся монете в полкопейки.

Алтын — три копейки. По своему происхождению это тюркское слово, пришедшее в русский из татарского, где имело значение ‘золото’. С течением времени *алтын* стал обозначать самую мелкую денежную единицу, и *грош*, *полушка* и *алтын* стали синонимами, а затем вошли в состав фразеологизмов-синонимов:

- ни гроша за душой, ни полушки за душой, ни алтына за душой;
- ни на грош, ни на полушку;
- ни гроша денег, ни полушки денег;
- гроша ломаного не стоит, ни на ломану полушку.

Во фразеологических оборотах сохранились также древние названия денежных единиц *лепта* и *талант* (древнегреческие заимствования, где *лепта* — ‘тонкий, мелкий’, *талант* — ‘монета большого достоинства’): *лепта вдовицы* (скромное пожертвование, сделанное от чистого сердца), *ни на лепту* (нисколько, ничуть, ни на самую малость), *вносить свою лепту* (принимать посильное участие в чем-либо), *зарыть талант в землю* (безвозвратно погубить свои способности, не использовать их, не дать им развиваться).

Обычай и обряды играют важную роль в жизни народа. Они связывают поколения, обеспечивают преемственность культуры, способствуют сохранению национальной самобытности. Поскольку обычай предписывал правила поведения, он должен был иметь хорошую «запоминающуюся форму» [7; 174]. Такой формой стали пословицы. Довольно часто у них возникало переносное значение, а «отколовшийся» от той или иной пословицы фрагмент становился устойчивым сочетанием, т.е. фразеологизмом.

Связь фразеологизма с обычаем или обрядом не всегда лежит на поверхности. Например, значение фразеологизма *на лбу (на лице) написано* связано с обычаем, когда во времена царствования Алексея Михайловича бунтовщикам ставили клеймо на лбу или щеке. В наше время это выражение имеет значение ‘заметно по внешнему виду, по выражению лица’.

Фразеологизм *скалить зубы* означает ‘смеяться’, ‘хохотать’, ‘насмехаться’. Глагол *скалить* соотносится с существительным *скала*, которое в древности имело значение ‘щель’.

С обычаями, обрядами и бытом русского народа связаны следующие фразеологизмы:

- *типун тебе на язык* — ‘недоброе пожелание кому-либо, кто говорит не то, что следует’ (*типун* — болезненный нарост на кончике языка у птицы);
- *смотреть букой* — ‘иметь угрюмый, недобрый вид’ (*бука* — ‘привидение’);
- *на свой салтык* — ‘делать что-либо на свой лад, образец, на свой манер’ (*салтык* — тюркское образование от *salt* — ‘обычай’);
- *чин чином* — ‘так, как нужно, как полагается, как следует’ (*чин* — ‘порядок’);
- *сгореть до тла* — ‘сгореть до основания, полностью’ (*тло* — ‘основание’).

В этой группе устойчивых словосочетаний много архаичных элементов старославянского происхождения: *паче чаяния*, *бразды правления*, *во сто крат*, *до последнего издыхания*, *вступить на стезю*, *воздать сторицей*, *исчадие ада*, *знамение времени* и многие другие.

В именных компонентах фразеологических оборотов современного литературного языка сохранилось достаточно большое количество архаичных отвлеченных существительных (как древнерусского, так и старославянского происхождения): *лихо* — ‘горе’, *худо* — ‘беда’, *мочь* — ‘сила’, *мор* — ‘повальная болезнь, эпидемия’, *призор* — ‘присмотр’, *чета* — ‘пара’, *хвала* — ‘одобрение, прославление’, *схима* — ‘строгий монашеский обет в ожидании смерти’, *помин* — ‘особый обычай отмечать память об усопших’, *преткновение* — ‘помеха, затруднение’, *зазрение* — ‘осуждение’, *отпущение* — ‘прощение’, *одр* — ‘ложе больного’. Они встречаются в следующих фразеологизмах: *кричать что*

есть мочи, легок на помине, без зазрения совести, козел отпущения, на смертном одре, геенна огненная, не поминать лихом, взять измором и т.д.

Таким образом, фразеологические обороты с лексическими архаизмами характеризуют национальное своеобразие и богатство современного русского языка. Они оказываются в изоляции от современной лексической системы языка, а потому приобретают особую «экзотичность» и сообщают особую выразительность всей фразеологической единице.

Среди рассматриваемого корпуса сочетаний можно выделить фразеологические единицы с лексико-фонетическими архаизмами:

- *(явиться) яко* (как) *тать в нощи* — скрытно, незаметно;
- *(вкушать) от древа добра и зла* — начинать познавать что-либо;
- *(попасть) из огня в полымя* (попасть из одной беды или опасности в другую);
- *покинуть земную юдоль* — умереть, скончаться;
- *земная юдоль* — жизненный путь с его заботами и печалью;
- *опочить в бозе* — скончаться, умереть;
- *все в руке божией* — независимо от нас, независимо от наших желаний;
- *притча во языцех* — о ком-либо или о чем-либо всем надоевшем;
- *темна вода во облацех* — о чем-нибудь неясном и туманном.

Существительные в этих фразеологизмах сохраняют не только старославянский (*нощь, древо, юдоль*) и древнерусский (*полымя*) звуковой состав, но и старинный характер чередования согласных в основах слов ([к] // [ц], [з] // [з]), отмечается и ударение.

После введения на Руси христианства в древнерусском языке в результате влияния на него старославянского языка закрепилось довольно большое количество фразеологических оборотов, представляющих собой цитаты из книг Священного писания. «Многие из этих фразеологических старославянизмов в силу близости словарного запаса и грамматического строя двух языков прочно вошли в русскую систему, так что не чувствуется их заимствованный характер» [8], например:

- *плоть и кровь* (родной ребенок, о кровном родстве; об идейном родстве);
- *злачное место* (место для развлечения, кутежа).

Примерами фразеологизмов библейского происхождения могут быть следующие устойчивые сочетания слов:

- *всякой твари по паре* (Библейское сказание о Ноевом ковчеге);
- *питаться акридами* (Евангельская легенда об Иоанне Крестителе).

Больше всего сохранилось элементов старославянского языка во фразеологических оборотах, в которых имена существительные обозначают названия частей человеческого организма: *как зеницей ока дорожить; всевидящее око; притча во языцех; класть живот; не на живот, а на смерть; чревата последствиями; перепоясывать свои чресла; падать к стопам; идти по стопам; кровь и плоть; плоть от плоти; отверзть уста; из первых уст; влагать в уста; вложить персты в язвы; один как перст; опустить очи долу; око за око; зуб за зуб; недреманное око; в мгновение ока; пуце зеницы ока; смежить очи* и др.

Старославянские элементы входят также в состав фразеологических оборотов, где они обозначают отвлеченные понятия: *хлеб насущный, геенна огненная, воздать сторицей, камень преткновения, денно и ночью, злачное место, знамение времени, исчадие ада, до последнего издыхания, во сто крат, бразды правления*.

Фразеологические обороты современного русского литературного языка, содержащие в своей структуре различные архаичные элементы, образуют весьма значительный пласт в русском языке. Систематизация данных фразеологизмов в этом отношении позволяет полнее представить общую картину языка и помогает не только осознать многослойный характер современной языковой системы, но и воссоздать прежний словарный состав русского языка, опираясь на его исторические факты и исходя из его современного состояния.

Список литературы

- 1 Попов Р.Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. — М.: Высш. шк., 1976. — 200 с.

- 2 Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. — М.: Рус. яз., 1987. — С. 121.
- 3 Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. — М.: Просвещение, 1985. — С. 112.
- 4 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — Т. 1–4. — М.: Рус. яз., 1989–1991. — С. 505.
- 5 Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И.Молоткова. — 2-е изд., стереотип. — М.: Сов. энцикл., 1968. — 543 с.
- 6 Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю.Шведовой. — 18-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1986. — 797 с.
- 7 Гвоздарев Ю.А. Рассказы о русской фразеологии. — М.: Просвещение, 1988. — 192 с.
- 8 Винокур Г.О. О славянизмах в современном русском литературном языке // Избранные работы по русскому языку. — М.: Учпедгиз, 1959. — С. 26.

В.Д.Нарожная

Орыс фразеологизмдерінің құрамындағы лексикалық және фонетикалық архаизмдер

Мақала өзінің құрамында түрлі көне элементтері бар, қазіргі орыс тілінде маңызды орын алатын фразеологиялық тіркестерді талдауға арналған. Бұл фразеологизмдерді жүйелеу тілдің жалпы көрінісін беріп қана қоймайды, сонымен бірге ежелгі орыс тілі сөздік құрамын, оның тарихи фактілеріне сүйеніп, қалпына келтіруге мүмкіндік туғызады.

V.D.Narozhnaya

Lexical and phonetic archaisms as a part of Russian phraseological units

The article is devoted to the analysis of the Russian phraseological units, which contain different archaic elements in their structure forming a considerable layer in the Russian language. Systematization of the phraseological units will not only provide the general language image, but also makes it possible to reconstruct the former Russian language word stock relying on its historical facts.

УДК 81'373:811.512'161.1

С.К.Сансызбаева

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы (E-mail: sk_sansyz@mail.ru)

Узуальные коннотативные особенности казахско-русских зооморфизмов

В статье рассмотрены особенности стереотипного функционирования названий животных (зооморфизмов) казахского и русского языков. В качестве примера приведены узуальные значения распространённых зооморфизмов казахского и русского языков.

Ключевые слова: зооморфизм, зооморфная метафора, узуальная коннотация, языковая картина мира.

В современной лингвистической науке под узусом понимается «массовая и регулярная воспроизводимость данной единицы языка, отработанная и закреплённая в общественном употреблении» [1]. Узус, обладая свойствами национальной детерминированности, подвергается действию социолингвистических, культурных и других факторов.

Узуальными особенностями зооморфных метафор казахского и русского языков можно считать приобретение ими стереотипного характера, что зачастую отражается в паремиологическом фонде языков. В качестве стереотипных употреблений, имеющих аналогию в двух языках, можно назвать следующие, функционирующие в составе паремиологических единиц:

а) употребляющиеся в значении «преувеличение»: *Делать из мухи слона — Түймедейді түйедей етіп* (из пуговицы верблюда делать);

б) характеризующие нужду: *На безрыбье и рак — рыба — Балық жоқта бақа да — балық* («когда рыбы нет, и лягушка — рыба»);

в) обозначающие пользу, выгоду: *Лучше синица в руках, чем журавль в небе — Аспандағы сұңқардан қолыңдағы тұрымтай артық* (Кобчик в руках лучше сокола в небе), *Өлі арыстаннан тірі тышқан артық* (Лучше живая мышь, чем мертвый лев), *Таңдағы тауықтан сол күнгі жұмыртқа артық* (Лучше яйцо сегодня, чем курица завтра);

г) характеризующие отношения людей: *Жить как кошка с собакой — Ит пен мысықтай тұру*;

д) характеризующие особенности человеческого характера: *заячья душа — қоян жүрек, львиное сердце — арыстан жүрек, вешать собак — аузынан ақ ит кіріп, қара ит шығу* и др.

Общеизвестным фактом является существование тотема волка в сознании тюркских народов. Так, тюркские племена считали своим «хранителем» и «защитником» волка (*көк бөрі*). Названия *көк бөрі*, *көкжал бөрі* не были связаны с темно-серым окрасом животного, а выражали его принадлежность к синему небу, к высшим небесным силам, присваивая свойства «храбрый», «священный», «сильный». Изображение волка на флагах тюркских племен было обязательным атрибутом.

Этим и другими факторами обусловлено символическое значение данного животного в жизни тюркоязычных народов. В казахском языке можно встретить образные выражения, паремиологические единицы, нашедшие отражение в языке в результате мифологического восприятия и древних поверий казахского народа. Так, выражение *тәңірдің серісі*, пословица *Иттің иесі бар, тәңірдің серісі бар* обозначало принадлежность тотема к высшим силам, а выражения *тік құлақ, қара құлақ, ұлыма, серек құлақ, көкжал, ит-құс* и другие являются признаками табуирования названия животного. Древние предки казахов, в отличие от их современных потомков, употребляли в пищу мясо животного, убитого волком, поскольку считалось, что оно убито священным для тюрков животным. У казахов было много поверий, связанных с волком. Так, если путнику встречался волк, это считалось хорошей приметой, если в семье после рождения умирали дети, на шею новорожденного ребенка вешали амулет из волчьего клыка. Это должно было способствовать долголетию ребенка, защищало его от сглаза. Сильного противника казахи называют «нағыз көкжалдың өзі», что означает «отважный», «смелый».

В славянской мифологической символике волки, наряду с собаками, объединяются с нечистыми животными, не употребляемыми в пищу, характерным признаком которых является слепота или слепорожденность. Согласно славянским легендам, черт слепил волка из глины или вытесал из дерева, но не смог его оживить. Оживленный Богом, волк бросается на черта и хватает его за ногу. Определяющим в символике волка является признак «чужой», он соотносится с миром мертвых, предков, «ходячих» покойников и др. Волк противостоит человеку как нечистая сила: его отгоняют крестом, он боится колокольного звона, ему нельзя давать ничего освященного. Волк воспринимается древними предками русских как «инородец» (ср. стаю волков называли «ордой», в заговорах волков называли «евреями»).

Универсальным для казахского и русского мифологического образа волка является то, что волк считался посредником между людьми и силами другого мира. Также считалось, что задирая скотину, волк действует не по своей, а по Божьей воле (ср.: *что у волка в зубах, то Егорий дал*). Похищение волком скота воспринимается нередко как жертва и сулит хозяину удачу. Так же, как в казахском, в русском языке существовало табу, связанное с названием животного, которое заменялось эвфемизмами «серый», «зверь», «кузьма», «бирюк», «лыкус» и др. Глаз, сердце, зубы, когти, шерсть волка часто служили амулетами и обладали лечебными средствами у славян. Волчий зуб давали грызть ребенку, у которого прорезываются зубы. Волчий хвост носили при себе, чтобы избежать недомоганий и болезней. Нередко берегом считалось произношение и упоминание имени волка. Так, о появившемся на свет теленке (жеребенке, поросенке) говорили: «Это не теленок, а волчонок». При этом были поверья и приметы негативного содержания: вой волков предвещал беду, голод, вой волков под домом — войну, осенью — дожди, зимой — метель. Волк, забежавший в деревню, был верным признаком неурожая, множество волков сулили войну.

Таким образом, можно говорить об огромной социальной, культовой и ритуальной значимости образа волка с древнейших времен для тюркских и славянских народов.

Тем не менее, несмотря на тотем волка у тюркских народов, существует общепринятая, универсальная для казахского и русского народов узуальная коннотативная семантика данного зооморфизма. Название животного *волк/қасқыр* в русском и казахском языках зачастую является описанием жадного, злого, вероломного человека. Подтверждением тому является паремиологическое отражение зооморфизма в русском языке: *Сколько волка не корми — он все в лес смотрит*, соответствующее казахскому *Асыранды қасқыр да далаға қарап ұлиды* (Прирученный волк все равно воеет в сторону степи), *Волк в овечьей шкуре*, *Волком быть*, *Смотреть волком* и др. В казахском языке выделяются следующие: *Бөрінің аузы жесе де қан, жемесе де қан* (Украл волк или нет, а пасть у него всегда в крови), *Қасқыр қасқырлығын қоймайды* (Волк не перестанет быть волком), *Қасқырды сұрлығы үшін емес, ұрлығы үшін ұрады* (Волка бьют не за то, что он сер, а за то, что он овцу съел), *Қасқыр қарызын терісімен төлейді* (Волк собственной шкурой расплачивается за долги), *Қасқыр мен ұры мінездес: екеуі де түнді аңиды* (Вор, как и волк, любит ночь), характеризующие постоянство признаков «жадность», «ненасытность». Отсюда следует, что общая коннотативная семантика зооморфизма *волк* является тождественной для русского и казахского языков.

Под коннотацией мы, вслед за В.Н.Телией, понимаем компонент, «который дополняет денотативное и грамматическое их содержание на основе сведений, соотносимых с прагматическими факторами разного рода: с ассоциативно-фоновым (эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим и т.п.) знанием говорящих на данном языке о свойствах или проявлениях обозначаемой реалии либо ситуации, с рационально-оценочным или эмоционально-оценочным (эмотивным) отношением говорящего к обозначаемому, со стилистическими регистрами, характеризующими условия речи, ее формы и т.п.» [2].

Зооморфные номинации, употребляющиеся для метафорической характеристики человека в русском и казахском языках, обладают следующими общими особенностями:

- повышенная степень оценочности (в отличие от зооморфизмов, используемых для характеристики конкретных предметов, не всегда имеющих оценочные коннотации; ср., например: *конь* в значении «животное» — *конь* — «гимнастический снаряд» в русском языке и *арыстан* (*лев*) — «дикое животное» — *арыстан* — «название астрологического знака»);
- зооморфизмы, проецируемые на человека, обладают ярко выраженным эмоционально-экспрессивным характером (ср., например: *зверь* в русском и *аң* в казахском — экспрессивная номинация человека, обладающего крайней жестокостью, силой);
- антропоориентированные зооморфизмы выступают в качестве средства образной характеристики, а не названия обозначаемого (ср., например, в русском и казахском языках: *медведь / аю* — «о косолапом, неуклюжем человеке», *цапля / тырна* — «о высоком, длинноногом человеке»);
- рассматриваемые зооморфные образы, как правило, выражают оценку какого-либо параметра внешности, поведения человека, соотносительного с главным параметром восприятия образа животного (ср.: *лебедь / аққу* — «о стройной, красивой женщине (девушке)», *жираф / керік* — «о высоком человеке»);
- зооморфизмы, характеризующие человека, могут выражать как общеоценочные, так и частнооценочные смыслы, основанные на этнокультурных стереотипах языкового сознания (см., например, *собака* — зооморфизм, имеющий общеоценочную — как положительную, так и отрицательную — характеристическую функцию по отношению к человеку; ср. перен. бранное *Собака паршивая!* и одобрительное *Умен, собака!* в русском языке; каз. *Иттің баласы!* (*Собачий сын!*) может употребляться как в качестве бранного выражения, так и в функции одобрительно-иронического восклицания в адрес человека, вызывающего симпатию. Частнооценочными смыслами зооморфизма *собака* являются «злой», «преданный» и др.).

Важным свойством зооморфной метафоры является то, что образ животного, выбираемый в качестве основания для сравнения, опирается на национальные стереотипы сознания.

В казахском национальном языковом сознании образ лошади, представленный синонимическим рядом *жылқы, ат, тұлпар*, ассоциируется с такими качествами человека, как быстрота, грация, изящество, хорошая порода. У казахов существовала традиция преподносить в дар молодоженам, особо почитаемым родственникам лошадь. Также имела место возрастная градация, в которой есть определение возраста мальчика, выраженное фразеологизмом *Ат жалын тартып міну* (букв. взбираться на лошадь, ухватившись за его гриву) в значении «повзрослеть, возмужать». По мнению академика А.Кайдара, «фразеологизм относится к числу устойчивых выражений, определяющих возраст и

возрастную характеристику молодого человека. В данном случае периоду, когда ребенок может самостоятельно, без помощи других, ухватившись за гриву коня (жеребенка двух-трех лет), взобраться на него, соответствует возрасту от семи до двенадцати лет. Раньше среди казахов в этом возрасте подросток считался вполне самостоятельным наездником. Например: *Алыс елдің қонақтары бірсәрі болса, Тобықтының өзінен де ат жалын тартып мінген еркектен бірде-біреу қалмағандай*. — Не говоря о множестве гостей их соседних аулов, из самого же рода Тобыкты сюда прибыли все мужчины (т.е. кто смог самостоятельно сесть на коня) [3].

Для носителя русского языка лошадь — трудовое животное, ассоциирующееся с большим, тяжелым трудом в поле и на подворье, перевозкой тяжелого груза. Следует отметить, что в основе таких устойчивых сравнений с образом лошади, как *работать как лошадь*, *пахать как лошадь*, *ломовая лошадь* и другие лежит факт из быта русского народа — запрягать лошадь или несколько лошадей (ср.: *тройка лошадей*) в упряжку, перевозить на лошадях людей, груз и др. По этой причине образ лошади в русском национальном сознании ассоциируется с трудолюбивым, выносливым, покорно выполняющим тяжелую работу человеком. У казахов, напротив, отсутствовала традиция запрягать лошадь в упряжку, лошадь, как правило, считалась предметом достатка и гордости хозяина, поэтому ее берегли, за ней ухаживали, кроме того, лошадь являлась участницей национальных скачек (байги, кокпар и др.), где оценивались не только ее сила, скорость и выносливость, но и внешний вид. Об этом свидетельствует паремиологическое высказывание: *Ат өнері білінбес бәйгеге түсіп жарыспай*, что буквально означает «Не узнаешь красоту лошади, пока не начнется байга (скачки)», *ат құлағында ойнау* — «владеть высоким искусством наездника», «лихо джигитовать».

Таким образом, в русском языке лошадь — символ тяжелой, трудовой деятельности, а в казахском — символ свободы, красоты и грации. Этот факт нашел отражение в геральдике суверенного Казахстана: на гербе нашей республики изображена лошадь с крыльями, которые служат дополнением символа свободы (ср.: *ат — адамның қанаты*). В плане содержания данный зооморфизм реализован в следующих образных сравнениях: *аттай шабу*, *тұлпардай ұшу* — «передвигаться быстро, грациозно как лошадь» и др.

Зооморфические глаголы так же, как и зооморфизмы, являются единицами вторичной номинации, в процессе которой в слове создаются экспрессивные и эмоционально-оценочные оттенки. Большинство глаголов русского языка, производных от названий животных, в узуальном употреблении имеют негативную оценку характеризуемого объекта. Например: *выдроглазить* (уст.), *тетериться* (уст.), *крыситься* (уст.), *пташничать* (уст.), *обезьянничать*, *петушиться*, *собачиться*, *присобачить*, *козлогласить*, *попугайничать*, *звереть*, *зверствовать*, *воронить*, *кабанеть*, *лисить*, *бычиться*, *змеиться*, *баранеть*, *оскотиниться*, *раздраконить*, *стадиться*, *табуниться*, *шакалить*, *прищучить*, *еришиться*, *ишачить*, *ослить*, *свинячить* и др. В казахском языке с отрицательной коннотацией выступают зооглаголы *қораздану*, *арыстаншылау*, *кірекестену*, *қорқаулану*, *маймылдану*, *сыршылау*, *қаздаңдау*, *борсылдау*, *иттену*, *итырықтау* и др.

Зооморфические глаголы могут образовать две группы: 1-ая группа — глаголы действия и состояния, 2-ая группа — глаголы говорения, звучания и речи. К первой группе в русском языке относятся глаголы: *бычиться*, *воронить*, *гадить*, *голубить*, *ежить*, *ерошиться*, *еришиться*, *жабеть*, *жеребачиться*, *жучить*, *звереть*, *ишачить*, *козлить*, *короветь*, *кабанеть*, *копытить*, *лисить*, *моржеваться*, *мышковать*, *паутинить*, *петушиться*, *пресмыкаться*, *раздраконить*, *советь*, *свинячить*, *оскотинить*, *муравьиться* и др.: в казахском — *қораздану*, *арыстаншылау*, *кірекестену*, *қорқаулану*, *маймылдану*, *сыршылау*, *қаздаңдау*, *борсылдау*, *иттену*, *итырықтау* и др. Ко второй группе относятся зооморфические глаголы русского языка — *куковать*, *кукареть*, *мурлыкать*, *блеять*, *лаять*, *ржать*, *хрюкать*, *кудахтать*, *мычать*, *крякать*, *чирикать*, *сверчать*, *свиристеть* и др.; казахского языка — *маңырау*, *мяулау*, *ұру*, *қақылдау*, *саңқылдау*, *шытбыттау* и др.

Узуальная коннотация зооглаголов имеет стилистическую окраску, которая служит своего рода стимулом для эмотивности. Большое количество зооморфических глаголов выражает отрицательные коннотативные значения, которые отмечаются в словарях пометами *пренебрежительное*, *просторечное*, *грубо-просторечное*, *неодобрительное*, *бранное* и др. С этим фактом связано более частотное употребление данных языковых единиц в разговорном и публицистическом стилях по сравнению с художественным. Некоторые зооморфизмы, от которых образуются зооглаголы, могут сочетать в себе положительные и отрицательные коннотативные признаки. Таковы, к примеру, киноморфизмы *собака* в русском и *ит* в казахском языках. Несмотря на то, что зооморфические глаголы, производные от названий этих животных, имеют, в основном, коннотативные признаки

одной направленности, нередко наблюдается определенная противоположность в эмоциональной оценочности, ср.: *насобачиться* — «научиться ловко что-либо делать, приобрести опыт в чем-либо» — имеет положительную оценочность, тогда как *присобачить* — «сделать кое-как, недобросовестно, прикрепить, приделать что-либо кое-как» — употребляется в пейоративном значении и *рассобачиться* — «распутиться» — также выражает негативную оценочность.

Казахские зооглаголы, образованные от названия животного *ит*, также изобилуют противоречивыми коннотативными признаками, ср.: *иттену* — «заслужить неуважение, недоверие своим поведением» — оценивается отрицательно; такую же негативную оценочность имеет зооглагол *иттесу* — «враждовать с кем-либо», однако глаголы *итырықтау* и *итшілеу* употребляются если не в положительной оценочной функции, то имеют нейтральную эмоциональную окрашенность, так, киноморфический глагол *итырықтау* означает «устать», *итшілеу* — «испытывать невзгоды и лишения»; в семантике последних также содержится элемент жалости.

Помимо отрицательной коннотации нами зафиксированы и некоторые положительные значения глаголов, производных от названий животных. Нужно отметить, что такие единицы встречаются крайне редко. Так, в русском языке глагол *голубить* выступает в значении «ласкать, нежить, лелеять», *приголубливать* означает «ласкать, миловать, нежить», *голубиться* — «ласкаться, миловаться».

В казахском языке глагол *голубить* не имеет аналогии, однако в лексикографических источниках представлен ряд других глаголов, имеющих положительную коннотацию. Так, глагол *жанаттану*, производный от названия животного *жанат* (*енот*), выступает в значении «расцвести, похорошеть»; глагол *құндыздалу* имеет похожее значение, которое можно дополнить признаками «заблестеть, ослепить красотой», что совершенно несовместимо со значением русского слова *выдра* (ср.: *выдроглазить* — «глядеть нагло, нахально»).

Зооморфические глаголы часто могут выступать в речи в роли синонимов существующих глаголов, они имеют в качестве основного только одно переносное значение и самостоятельного смыслового ряда образовать не могут (например, глагол *лисить* соотносится с глаголом *хитрить*, *тулкілену* — с глаголом *қулану*).

Русские глаголы, производные от названий животных, чаще всего являются характеристикой поведения человека, его поступков. Так, глагол *жеребячиться* выражает значение «легкомысленно, без удержу резвиться, шалить» (на основе сходства с поведением детеныша лошади), *свинячить* означает «вести себя свиньей, делая что-либо, оставляя после себя грязь, беспорядок, загрязнять где-нибудь, пачкать»; устаревшая форма глагола *навлиниться* имеет значение «принимать надменный, спесивый вид, гордиться, чваниться»; глагол *воронить*, употребляющийся чаще в форме совершенного вида *проворонить*, выступает в значении «быть рассеянным, невнимательным, нерасторопным; упустить что-либо»; *ершиться* означает «проявлять неуживчивость, горячиться, спорить»; глагол *зверствовать* имеет значение «поступать крайне жестоко, свирепствовать», *звереть* значит «приходить в ярость, становиться зверем». Если слово *ишак* в русском языке, несмотря на отрицательную коннотацию, имеет какой-то признак трудоспособности (ср.: *ишачить* — «выполнять трудную, неблагодарную работу»), то со словом *осел* в сознании носителей русского языка возникают ассоциации, связанные с признаками «тупость, глупость», отсюда *ослить* — «глупо, неудачно острить».

Казахские глаголы, производные от названий животных, могут характеризовать как поведение человека (ср.: такие глаголы как *арыстаншылау* — «стремиться к чему-нибудь недоступному»; *жолбарыссыну* — «храбриться, придавать себе смелое, наглое выражение лица»; *кірекестену*, производный от названия животного *кірекей* (*медведица*) означает «выставлять себя напоказ, пытаясь казаться грозной»), так и внешние данные: походку, состояние. Например, глагол *сыршылау* выступает в значении «с трудом подниматься с места, передвигаться», *қаздаңдау* означает «ходить быстро перебирая ногами, вприпрыжку», глагол *борсылдау* имеет значение «дышать громко, быстро уставать».

Различные зооморфические глаголы могут иметь общую объединяющую сему: рус. *попугай* и *обезьяна* становятся синонимами, реализуясь в глаголах *попугайничать* — «повторять чужие слова, мысли», *обезьяничать* — «подражать другому, не имея собственного мнения», где общая сема связана с реализацией понятия «подражание». В казахском языке в качестве примера можно привести зооглаголы *арыстаншылау* в значении «пытаться добиться чего-то большего, нереального», буквально — «иметь большие «львиные» планы» и *қоразыну*, употребляющийся в значении «вести

себя подобно петуху». Общей, объединяющей семьей является так же, как и в примере с русскими зооглаголами, сема, реализованная в понятии «подражание».

Большое количество зооморфических зооглаголов, как показывает анализ фактического материала, коррелирует и соотносится со сравнительными оборотами, ср.: *работать как ишак — ишачить, повторять как попугай — попугайничать, прикидываться лисой — лисить, подражать как обезьяна — обезьяничать, важничать как павлин — павлиниться, извиваться как змея — змеиться* и др. Аналогичные примеры из казахского языка: *жанаттай жайнау — жанаттану, маймылдай бұраңдау — маймылдану, итше салтақтау — итшілеу, қорқауша аш көздену — қорқаулану, қораздай көкірек керу — қораздану, сиырдай қозғалу — сиыршылау* и др. [4].

На основе проведенного анализа напрашивается вывод: чем обобщеннее значение (содержание) слова, тем шире сфера его употребления и наоборот: слова с узким (в том числе и специальным) значением существенно ограничены в употреблении. Так, зооморфические глаголы русского языка *ишачить, лисить, окрыситься, раскорветь* и другие в отличие от нейтральных глаголов *работать, хитрить, злиться, располнеть* маркируются как разговорные и просторечные. Следовательно, необходимо добавить, что не только узость значения ограничивает сферу употребления словарного элемента, но и его эмоционально-экспрессивная окрашенность.

Зооморфические глаголы составляют значительный пласт в лексике описываемых языков — в большей степени они преобладают в русском языке и в меньшей степени — в казахском. Что касается лексикографического описания данных языковых единиц, следует отметить, что они также представлены в доминирующем большинстве словарями русского языка, в казахских словарях они описаны поверхностно, в словарях синонимов казахского языка зооглаголы практически отсутствуют, что значительно затрудняет описание их синонимических рядов.

Зооморфные образы представляют собой системно-организованные фрагменты вторичной номинации в языковых картинах мира разных народов. Эта системная организация проявляется в наличии синонимических и оппозитивных рядов зооморфизмов, сопоставительных по характеру выражаемых символических значений, описывающих свойства человека через образ животного. Выделяются тематически связанные системы зооморфных номинаций, обладающих разной акцентировкой одного и того же символического смысла. В разных языках представлена своя оценочная иерархия зооморфных метафор, характеризующих человека, организованная по принципу центрально-периферийной соотносительности взаимно дополняющих друг друга основных и второстепенных символических смыслов.

Контрастивно-семантический анализ зооморфных метафор в казахском и русском языках позволяет судить как об узуальных, стереотипных, так и о специфических аспектах образной характеристики человека, выделяемых на основе прототипических представлений о животном (птице, насекомом и т.п.), соотносенных с соответствующей номинацией. Соотношение оценочной параметризации зооморфных метафор с положительной и отрицательной коннотацией обнаруживает некоторые универсалии. При общей тенденции к преобладанию в разных языках отрицательно-оценочных номинаций над положительными, можно отметить некоторую когнитивную специализацию соответствующих групп зооморфных метафор.

Подытоживая сказанное выше, хочется отметить, что казахские и русские зооморфизмы относятся к широкому разряду языковых единиц с производно-номинативным значением и являются составной частью экспрессивного фонда сопоставляемых языков. Узуальное коннотативное значение казахско-русских зооморфизмов создает в языковом сознании стереотипные ассоциации, связанные с тем или иным образом животного в культурной и национальной картине.

Список литературы

- 1 Русский язык. Энциклопедия / Гл.ред. Ю.Н.Караулов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: БРЭ; Дрофа, 1998. — С. 575.
- 2 Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М.: Языки русской культуры, 1996. — С. 107.
- 3 Кайдар А. Тысяча метких и образных выражений: Казахско-русский фразеологический словарь с этнолингвистическими пояснениями. — Астана: ТОО «Білге», 2003. — С. 37.
- 4 Қазақ мақал-мәтелдері. Казахские пословицы и поговорки /Сост. и пер. М. Аккозин. — Алматы: Мектеп, 2000. — 212 с.

С.К.Сансызбаева

Қазақ-орыс зооморфизмдерінің тұрақты қолданылатын коннотативті ерекшеліктері

Мақалада қазақ және орыс тіліндегі жануарлар атауларының (зооморфизмдердің) таптауырынды қолданылуындағы ерекшеліктері қарастырылды. Қазақ және орыс тілдеріндегі кенінен таралған зооморфизмдердің тұрақты қолданылатын мағыналары мысал ретінде қарастырылған.

S.K.Sansysbaeva

Usual connotative peculiarities of zoomorphisms in Russian and Kazakh languages

The report examines peculiarities of the stereotypical functioning of the zoomorphisms in Kazakh and Russian languages. Usual meanings of the wide-spread zoomorphisms of the Kazakh and Russian languages are given as an example.

УДК 81'1

Ф.К.Исенова, К.Сатибекова

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова (E-mail: fatima_9@mail.ru)

Окказиональность в аспекте соотношения категорий языка и речи

Статья посвящена одному из актуальных вопросов русистики — описанию словообразовательной системы современного русского языка. Рассмотрены типологические свойства окказионального слова, причины его создания, особенности функционирования в тексте, а также проблема освоения окказионализмов в литературном языке. Предложен анализ основных теоретических работ по окказиональному словообразованию, в частности, по проблеме разграничения таких понятий, как «неологизм» и «окказионализм».

Ключевые слова: окказионализм, словообразовательная модель, словообразовательный тип, неологизм, потенциальность, индивидуально-авторское слово, узуальность, художественный текст.

Словообразовательная типология окказионализмов, их стилистическое своеобразие, а также функционирование в пределах пространства художественного текста представляет несомненный интерес для исследователей языка как с практической, так и с теоретической точки зрения. Как известно, в самом общем виде можно себе представить образ такого слова как необычный, неожиданный (или, наоборот, потенциально заложенный в системе языка) языковой факт, основным свойством которого становится уникальность или на уровне формы (словообразовательной модели), или на уровне содержания (зачастую это появление вместе с формой совершенно иного, отличного от существующего в литературном языке значения).

Окказионализмы ориентированы не на правила, общие для всех носителей языка, а на способности человека использовать возможности, заложенные в системе самого языка. Естественно, что созданные таким образом слова всегда обращали на себя внимание непривычностью и необычностью своей формы, и проблема описания таких слов существовала давно. Несмотря на многочисленные в настоящее время работы, посвященные проблемам образования новых слов в языке, среди ученых нет единого понимания сущности нового слова, единых критериев определения рассматриваемого языкового явления.

Лексическая система наименее жёсткая из всех подсистем русского языка. Лексика прямо или опосредованно отражает действительность, реагирует на изменения в материальной, общественной и

культурной жизни народа, постоянно пополняется новыми словами и выражениями для обозначения появившихся предметов, процессов, понятий. Новообразования с незапамятных времён обращали на себя внимание своей необычностью. Уже в Древней Греции поднималась проблема новых слов. В диалоге основателя Афинской школы Платона «Кратил, или О правильности имён» отражены все известные в античные времена взгляды на природу языка и языковое творчество. На обсуждение выносятся два вопроса:

- 1) о связи имени и именуемого;
- 2) о связи имени и вещи.

В плане решения вопроса о новых словах интересны выводы из диалога, к которым Платон подводит своих читателей от имени Сократа, выступающего в роли третейского судьи в споре между Кратилом (сторонником «отприродности» имён) и Гермогеном (сторонником идеи «установления»):

- 1) изображаемому совсем нет надобности воспроизводить все стороны того, что оно отображает;
- 2) новые слова являются вторичными по отношению к известным;
- 3) слова могут быть созданы не всяким человеком, а лишь неким «творцом имён», который значительно реже других мастеров встречается среди людей [1].

Взгляды античных философов на природу языка и языковое творчество послужили отправной точкой для многочисленных исследований, связанных с проблемой возникновения в языке новых слов. Однако собственно лингвистическому исследованию новые слова стали подвергаться значительно позже, с возникновением интереса к функциональной стороне языка и разграничением понятий «язык» и «речь». Фердинанд де Соссюр в «Курсе общей лингвистики» говорит о разграничении «языка» и «речи» в связи с проблемой создания новых слов: «...новообразование, которое является завершением аналогии, первоначально принадлежит исключительно сфере речи; оно — случайное творчество отдельного лица. Именно в этой сфере и вне языка следует искать зарождение данного явления... В языке удерживается лишь незначительная часть новообразований, возникающих в речи; но те, какие остаются, всё же достаточно многочисленны, чтобы с течением времени в своей совокупности придать словарю и грамматике совершенно иной облик» [2].

В русистике данная проблема обозначилась вместе с публикацией работ Г.О.Винокура «Маяковский — новатор языка» [3] и В.В.Виноградова «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» [4]. С этого времени в советской лингвистической литературе отмечается повышенный интерес к подобному рода фактам и явлениям. И это вполне понятно, так как все новые слова, грамматические формы, синтаксические конструкции, семантические сдвиги в слове появляются сначала в речи отдельных людей, а потом уже, «в зависимости от того, насколько их создание соответствует нуждам и потребностям языкового коллектива, могут быть приняты или отвергнуты языком».

Наиболее активно новые слова исследуются в советском (и постсоветском) языкознании начиная с 60-х годов XX века, о чем свидетельствуют монографии, диссертационные исследования, многочисленные статьи, в которых новообразования рассматриваются в различных аспектах: *словообразовательном, лексикологическом, социолингвистическом, нормативном, стилистическом, ономаσιологическом* (работы О.А.Александровой, М.А.Бакиной, О.А.Габинской, Г.Е.Гончаренко, Е.А.Земской, В.П.Изотова, М.Ц.Калниязова, В.В.Лопатина, А.Г.Лыкова, М.С.Зайченковой, Н.З.Котеловой, Р.Ю.Намитокковой, Л.П.Крысина, В.В.Панюшкина, И.С.Улуханова, Э.И.Ханпиры, Н.М.Шанского, Л.В.Эглит и других). Интересно отметить, что и в казахстанском языкознании также актуальным остается проблема исследования окказионального слова.

По поводу словообразовательных потенциалов языковой системы Г.О.Винокур заметил: «В каждом языке, наряду с употребляющимися в повседневной практике словами, существуют, кроме того, своего рода «потенциальные слова», т.е. слова, которых фактически нет, но которые могли бы быть, если бы того захотела историческая случайность... То, что живёт в языке подспудной жизнью, чего нет в текущей речи, но дано нам как намёк системой языка, прорывается наружу в ... явлениях языкового новаторства, превращающего потенциальное в актуальное» [3].

Таким образом, по мнению ученого, именно потенциальность (прогнозируемость появления новой формы), заложенная в системе языка, становится источником для создания окказионального слова, и становится это возможным благодаря творческой деятельности художника слова, креативности его художественного сознания, позволяющего увидеть семантические и структурные перспективы словообразовательной формы.

С точки зрения условий вхождения нового слова в лексический фонд языка, вновь созданные слова входят как *неологизмы* (новое слово, обозначающее новое понятие в языке) и те слова, которые

в первую очередь становятся фактом художественного текста, т.е. собственно окказиональные слова, а в силу установления конкретного авторства такого слова, они получают название *индивидуально-авторские*. Следует отметить, что последние на словообразовательном уровне дифференцируются на потенциальные и окказиональные слова. Подавляющее большинство неологизмов относится к первой группе; так, появившиеся в начале века неологизмы *колхоз, комсомол, пятилетка* и многие другие характеризуются узуальностью (А.Г.Лыков).

К группе индивидуально-авторских слов принадлежит, например, созданное В.В.Маяковским слово *прозаседавшиеся*. Перешагнув границы индивидуально-авторского употребления, став достоянием языка, эти слова в настоящее время присоединились к активной лексике. Языком также давно освоены введенные М.В.Ломоносовым термины *созвездие, полнолуние, притяжение*; употребленные впервые Н.М.Карамзиным слова *промышленность, будущность* и др.

С точки зрения того, как именно нарушаются при окказиональном словообразовании законы действия словообразовательного типа, можно различать два вида окказионализмов: 1) произведенные с нарушением законов системной продуктивности словообразовательных типов; 2) произведенные по образцу типов непродуктивных и малопродуктивных в ту или иную эпоху, т.е. с нарушением законов продуктивности. Окказиональные слова непредсказуемы. Их появление в языке невозможно запрограммировать, предвидеть. Вместе с тем различные преобразования в обществе оказывают огромное воздействие на языковую систему, особенно на его словарный запас, поэтому лексический состав языка находится в постоянном, непрерывном движении, реагируя на внешние условия. Следует отметить, что окказиональное словопроизводство всегда рассматривалось как один из самых интенсивно развивающихся процессов в русском языке.

Язык живёт и развивается, являясь важнейшим средством человеческого общения только потому, что находится в состоянии почти непрерывного обновления, которое осуществляется путём целого ряда «инноваций», впервые возникающих, конечно, в индивидуальной (во-первых, в устной, главным образом собственно разговорной, и, во-вторых, — в письменной, в первую очередь литературно-художественной) речи. Инновации отдельных лиц могут «покоробить» привычно-эстетическое чувство многих, но если эти инновации пришлись по вкусу основной массе говорящих, они внедряются в языковую систему. Непринятые коллективом инновации (сочинённые слова, причудливые образные выражения) остаются достоянием речи в узком смысле слова. В том же случае, когда предметом исследования становится своеобразие структурно-семантической организации поэтического текста, а именно с точки зрения выявления поэтических окказионализмов, и их взаимодействие со всем комплексом направленных на читателя средств художественной выразительности (художественных тропов, например), то на передний план выдвигается как раз вопрос о сущности художественного текста. И признание речевой природы художественного текста и — как следствие — своеобразие авторской картины мира писателя или поэта, с одной стороны; и реализации системных свойств языковой структуры — с другой, позволяют нам рассматривать вопросы окказиональности поэтического текста в одном ряду с такими важными вопросами научного описания художественного текста, как проблема художественной выразительности в самом широком контексте лингвистики и литературоведения.

Создание окказионализмов в поэтическом тексте можно объяснить рядом причин: необходимостью точно выразить мысль; стремлением кратко выразить мысль; потребностью подчеркнуть свое отношение к предмету речи, дать ему свою оценку; потребностью избежать тавтологии; необходимостью сохранить ритм стиха, обеспечить рифму. Именно поэтому рассмотрение случаев использования окказионализмов в поэтических текстах помогает по-новому взглянуть на вопросы индивидуальности авторской картины мира, т.е., рассматривая её в достаточно традиционном ключе, в частности, определение словообразовательных моделей окказионализмов, их количественный анализ, грамматический анализ не должны становиться результатом выводов о своеобразии отдельного текста (фрагмента), а представлять собой реальную возможность воссоздания полной картины мира автора, его восприятия мира, себя как личности, окружающей действительности.

Таким образом, разграничение вновь появившихся слов на неологизмы и окказионализмы, или индивидуально-авторские слова, становится более прозрачным с учетом разграничения понятий «язык» и «речь», а до этого все разряды новых слов назывались в основном неологизмами. Окказиональные слова отличаются тем, что при их образовании нарушаются законы построения соответствующих общеязыковых единиц, нормы языка. Окказиональные факты — это факты речи, а не факты языка. Окказиональные слова отличаются от неологизмов тем, что сохраняют свою новизну, свежесть, независимо от реального времени их создания. Окказиональные явления обычно бывают ин-

дивидуальными новшествами, принадлежащими отдельным лицам, часто писателям, поэтам. Поэтому окказионализмы разного рода иногда называют индивидуальными, подчеркивая их необщепринятость и отнесенность к известному создателю. Речевая природа окказионального слова и реализация заложенной в нем потенции языковой структуры и формы приводят нас к рассмотрению взаимодействия всех элементов художественного текста с точки зрения реализации выразительности, неповторимости и своеобразия не только в использовании отдельных языковых фактов, но и в целом как отражение особенной, отличной от других картины мира поэта.

Список литературы

- 1 *Платон*. Диалоги / Сост. А.Ф.Лосев. Пер. с древнегреч. — М.: Мысль, 1986. — 607 с.
- 2 *Соссюр де Ф.* Труды по языкознанию / Пер. с фр. — М.: Прогресс, 1977. — 696 с.
- 3 *Винокур Г.О.* Маяковский — новатор языка // О языке художественной литературы: Учеб. пособие для филол. спец. вузов / Сост. Винокур Т.Г.; Предисл. В.П.Григорьева. — М.: Высш. шк., 1991. — 448 с.
- 4 *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высш. шк., 1972. — 613 с.

Ф.К.Исенова, К.Сатибекова

Тіл және сөйлеу категориялар ара-қатынасы тұрғысынан қарастырылған окказионалдык

Мақала орыс филологиясының маңызды мәселелерінің бірі болып саналатын қазіргі орыс тіліндегі сөзжасам жүйесін сипаттауға арналды. Окказионалды сөздің типологиялық қасиеті, оның пайда болу себебі, мәтінде атқаратын қызметінің ерекшеліктері, сонымен қатар әдеби тілде окказионалды сөздерді менгеру мәселесі қарастырылды. Сондай-ақ окказионалды сөзжасам бойынша негізгі теориялық жұмыстардың, оның ішінде «неологизм» және «окказионализм» сияқты түсініктердің аражігі мәселесінің талдауы ұсынылды.

F.K.Isenova, K.Satibekova

Occasionality in terms of a correlation of the categories of language and speech

The present article is devoted to one of the topical issues of the Russian philology — to the description of word-formation system of the modern Russian language. Typological properties of a nonce word, reasons of its creation, peculiarities of the functioning in the text, and a problem of absorption of nonce words in the literary language are considered in the article. Also it offers the analysis of the basic theoretical works on nonce word-formation, in particular, a problem of differentiation of such concepts, as «neologism» and «occasional word».

С.М.Треблер

*Казахстанский филиал МГУ им. М.В.Ломоносова, Астана (E-mail: gendel@gmail.com)***Языковая ситуация эпохи в отражении художественным текстом**

Язык изменяется во времени, это эволюционное качество заложено в нем имманентно. В статье рассмотрено отражение языковой ситуации Петровской эпохи в преломлении современным художественным текстом. Основной характеристикой языка Петровской эпохи является его генетическая разнородность. Выявлено, как в тексте романа «Девятный Спас» А.Брусникина в разных пропорциях смешиваются три лексические стихии — славянизмы, просторечие и заимствования, а также архаичные славянские и новые разговорные грамматические формы, синтаксические конструкции, из которых исторически сложился к этому времени русский литературный язык.

Ключевые слова: языковая ситуация, Петровская эпоха, просторечие, заимствование, церковнославянизмы.

Язык, время и общество — извечная проблема исследователей. Язык как чуткий прибор регистрирует социальные процессы, он — индикатор социальных изменений. Язык живет и меняется вместе с обществом, которому служит, подчиняется ему и одновременно воздействует на него. Свидетельством таких перемен стали трансформации в языке современной русской литературы.

Дискурс современной русской литературы многолик, что определяется многообразием тем и персонажей, которых не могло быть в официальной литературе доперестроечного периода. Особенности современного российского общества проявляются в стремлении уйти, если для этого есть малейшая возможность, от всего того, что было вчера, проститься с эпохой, язык которой именовался зарубежными русистами *langue de bois* — «деревянным», «дубовым» языком. Эта тенденция с особой очевидностью проявляется в языке средств массовой информации и русской литературе рубежа XX и XXI века и имеет двунаправленный характер. С одной стороны, мы наблюдаем сближение с разговорной речью, просторечием, жаргоном, элементы эпатажа, шока, игру слов, смешение разных культурных традиций, а с другой — в современных художественных текстах налицо стилизация языка более ранних эпох с прекрасным знанием исторических реалий.

Развитие любого национального языка знает эпохи либерализации и консервации, при смене которых и достигается обновление. Одной из определяющих особенностей стилистики русского художественного слова последнего времени является речевой эксперимент как «сдвиг», эстетически маркированное отклонение от нормы. Объектом его могут быть единицы всех языковых уровней: фонологического, лексического, словообразовательного, морфологического, синтаксического. Уровень текста как целостной вербальной организации и транстекстовая (межтекстовая, интертекстовая) вербальная репрезентация символа также становятся экспериментальной площадкой, а читатели современной художественной прозы выступают свидетелями весьма интересных языковых новшеств.

Сегодняшняя русская литература позволяет приблизиться к той языковой стихии, которая является отражением эпохи, описываемой в тексте художественного произведения. В этом отношении несомненный исследовательский интерес вызывают художественные тексты, представляющие собой стилизацию определенного историко-культурного периода.

В фокусе нашего внимания находится текст одного из последних романов Б. Акунина, выступающего под литературным псевдонимом А. Брусникин, «Девятный Спас». Наша цель — наблюдение над тем, какие речевые средства избраны автором для отражения языковой ситуации Петровской эпохи, как образ мира, запечатленный в языке, отражается в художественном произведении.

Этот роман — историко-приключенческая сага из Петровской эпохи, в которой автор дерзновенно оспаривает правильность и ценность для России крутых реформ Петра I. Главные герои — тщательно придуманная троица друзей, призванная олицетворять «исконную», былинную Русь: дворянский сын Митьша, крестьянский сын Илейка и попovich Алешка. Как-то раз мальчишки забрели в лес, чтобы проследить за деревенской ведьмой, и попали в такой переплет, что это на всей их жизни сказалось. Тайны, погони, сокровища, политические интриги, заговоры, дуэли и одна на всех несчастная любовь. Сам «Петруха, черт табашный» в романе не появляется. Однако он незримо присутствует на каждой странице. Все описываемые мерзости творятся с его ведома и поущения. Петровская

«перестройка», изменившая и преобразовавшая Россию, привела к тому, что в результате и вследствие нее каждый пятый россиянин в землю лег. Автор осторожно подводит читателя к выводу: постепенное преобразование страны Алексеем Михайловичем и царевной Софьей было взорвано Петром, вздернувшим Россию «на дыбы» (Пушкин).

Открываем первую страницу книги, и полностью, с головой, погружаемся, как в омут, в смутные времена сразу после Стрелецкого бунта, когда Софья ещё цеплялась за власть, стремительно ускользающую от неё к Петру. Такому полному погружению весьма способствуют не только колоритные детали, рисующие картину далёкого прошлого: быта и нравов, но и, в большей степени, язык книги, изобилующий старинными словечками ровно настолько, чтобы погрузить читателя в тот исторический период. То есть понятно, что тогда на Руси говорили совсем не так, как мы (услышь ту речь, мы бы многое не поняли!), но используемые автором слова приближают нас к ощущению, что всё, описанное таким языком в книге, происходило на самом деле, и при этом читатель воспринимает текст не напрягаясь.

В современной лингвистике текст определяется как языковой компонент акта коммуникации. Коммуникативный акт, в свою очередь, рассматривается как сложное отношение между лингвистическими, социолингвистическими и нелингвистическими составляющими. Текст есть та среда, в которой реализуются функции языковых средств разных уровней — лексического, грамматического, стилистического. Под средой существования текста понимается коммуникативная ситуация, в которой реализуется текст. Как же можно охарактеризовать языковую ситуацию Петровского времени?

Как известно, наряду со строительством новой России, новой русской культуры, была выдвинута и задача создания нового литературного языка. Создание нового литературного языка выступает важным составляющим в процессе европеизации русской культуры. Новый литературный язык строился как антипод старому — церковнославянскому языку. Но как строить этот литературный язык, каким он должен быть? Ответы на эти вопросы могли быть самыми разными, поэтому первые опыты создания литературного языка носят экспериментальный характер [1–3].

Тексты произведений, созданных в эти годы, обычно характеризуются как стилистически неорганизованные, хаотические, смешанные, пестрые, неупорядоченные. В них в разных пропорциях смешиваются, и именно смешиваются, а не синтезируются, три лексические стихии — славянизмы, просторечие и заимствования, а также архаичные славянские и новые разговорные грамматические формы, синтаксические конструкции [4;150;2;288]. Именно это причудливое смешение тех основных речевых элементов, из которых исторически сложился к этому времени русский литературный язык, наблюдается в художественном тексте романа «Девятный Спас»:

Дворянчик-то с поповичем, наоборот, росли при отцах, но без матерние [3;8].

Митьшина мать скончалась родами, Алешкина была хвора и тугосися, сама выкормить своего заморыша не могла [3;8].

Однако сегодня, потрясенный увиденным, священник заговорил иначе. Готовясь от introduction, то есть вступления, перейти к narration, сиречь главной части рассказа, отец Викентий вздохнул, перекрестился, веско сказал: — Воистину не без великого есть народом от того супротивства мнения. Понеже опасны, как бы от сего не вышло великого худа. Аз же паки на милость Божью едино благонадежен есмь... [3;9].

В приведенных контекстах видим, с одной стороны, слова, выражения и грамматические формы традиционного, церковнокнижного происхождения; с другой — слова и словоформы просторечного, даже диалектного характера, т.е. налицо необыкновенно широкая амплитуда колебания от самых архаических славянизмов до бытового просторечия. К этому добавляется и мощный иноязычный элемент, что приводит к еще большей пестроте языка анализируемого текста; иноязычные элементы речи слабо освоены русским языком, что проявляется в их графической подаче и в семантическом комментировании.

Обычно указывается, что в Петровскую эпоху имеет место отказ от церковнославянского языка в качестве литературного и становление в этом качестве русского языка. Но, как отмечает В.М.Живов, в качестве исходных берутся генетические, а не функциональные параметры, а они плохо подходят для описания преобразования языка. Оказывается, что, с одной стороны, церковнославянизмы ограничиваются в своем употреблении, а с другой — церковнославянские «элементы» получают широкое распространение, так как «общенародный российский диалект» не всегда был в состоянии при переводах передать «красоту и высоту», к примеру, латинского оригинала, и только церковнославянский мог соответствовать достоинству культового языка. Это обстоятельство позволило

в свое время В. В. Виноградову утверждать, что литературный стиль Петровской эпохи, несмотря на свой смешанный состав, не переставал быть и называться «славенским» [5].

В тексте романа представлены две основные речевые структуры: авторская речь и прямая речь. В авторской речи большой объем занимает номинативно-изобразительная речь, направленная на конкретно-чувственную презентацию внешней действительности:

В конце семнадцатого века страна, именовавшаяся Московским царством, владела почти такой же огромной территорией, как сегодняшняя Россия, однако была в двадцать раз малолюднее... Подданные этой обширной державы скудно ели, жили в невежестве и рано умирали... [3;5].

Большое внимание к мелким деталям и подробностям, которые не играют особой роли в развитии сюжета, объясняется стремлением автора сделать повествование максимально объективным, создать иллюзию реальности описываемых событий:

Здание их государства, не больно ладное, но сшитое крепко, из вековых бревен, было лишено всякого удобства, пугало иноземцев суровостью некрашеных стен и безразличием к внешней красивости, а... углы и связи надежно держались на беззвездных скрепах, крыша почернела, да не прогнулась, и сиял над ней золотой купол, и сидела на перекладине креста белая птица Алконост [3;6].

Языковая политика Петра Первого — это отражение его культурной политики. Новый русский литературный язык, формирующийся в течение XVIII века, был призван обслуживать непрерывно возрастающие потребности государства, развивающихся науки и техники, культуры и искусства. Так, новое административное устройство, преобразование Московского государства в Российскую империю, вызвало к жизни наименование новых чинов и званий, вошедших в «Табель о рангах» 24 января 1722 года. Вырабатываются речевые черты чиновничьей субординации — формулы обращения нижестоящих чинов к вышестоящим. Развитие военного, и особенно военно-морского дела, породило множество соответствующих руководств и наставлений, воинских и морских уставов, насыщенных специальной терминологией, заново формируется военно-морская, артиллерийская, фортификационная терминология и другие отрасли специальной лексики. П. Житецкий правильно оценивал отношение Петра I к языку: «Была ли угодна славяно-русская речь Петру Великому? Как великороссиянин по крови, он употреблял в личной переписке своей великорусское наречие... Как страстный защитник европейских порядков жизни, он поощрял и в общественной, и в литературной практике широкое употребление иностранных слов. Наконец, как организатор русской государственной жизни, как творец государства Российского в европейском смысле, Пётр Великий сознавал нужду в таком языке, который служил бы для всех народов, вошедших в состав его обширного государственного единства» [6].

Художественный текст романа «Девятный Спас» в полной мере отражает лингвистическую гетерогенность Петровской эпохи. Язык романа стилизуется под «простой» русский, где грамматической основой становится «простая» речь, в то время как словарь не может не носить смешанный характер.

Несомненно, что прямая речь, составляющая диалог персонажей, является основной речевой структурой текста романа, проявляющей яркие отличия литературного языка Петровского времени от предшествующей традиции. Именно в речи героев мы наблюдаем, как слова разговорного стиля, просторечной лексики, фразеологизмы, характерные для разговорного стиля, в рамках одной и той же синтаксической конструкции объединяются с языковыми единицами, несущими черты литературной книжности. Ср.:

...Ну да бодливой корове, сам знаешь, рогов не дадено. Когда ж от великих горестей претяжкие рога из чела моего произросли, бодливости не осталось....Здесь уже, в деревне, имея много досуга и обретя несуетную душу, разобрал я пророчество [3;19];

— Учиться бы Алешке, — с дрожанием в голосе, робко промолвил отец Викентий. — На Москве ныне есть преславная школа, рекомая Греко-Еллинской академией... Плата только немалая. Сорок рублей в год, да обувь-одеть, да на перья-бумагу. С моего поповского корма не осилить [3;22].

К концу XVII века старая административная система не соответствовала социально-экономическому строю страны: монархия с Боярской думой, рыхлым аппаратом приказов и воевод не могла разрешить сложные внутри- и внешнеполитические задачи. Необходимо было укрепить государственный строй путём преобразования высшего, центрального и местного аппарата и армии, превращения главы государства — самодержавного царя и носителя абсолютной (неограниченной) власти. Пётр в I четверти XVIII века осуществил ряд коренных административных преобразований, в результате реформ в области управления система бюрократических государственных учреждений в России стала соответствовать европейской: Сенат, Синод, Кабинет и коллегии в центре, губернаторы, провинциальные воеводы, комиссары и другие — на местах. Старая приказная система заменилась новой — колле-

гиальной, преимущество которой состояло в том, что был введен единый строго ведомственный принцип разделения сфер управления, что, по сравнению с приказом, обеспечивало более полную централизацию государственного аппарата [6;44]. Организация нового, по европейскому образцу, разветвленного чиновно-бюрократического государственного аппарата настоятельно требовала соответствующего речевого оформления, прежний приказный язык, «бедный лексически, однотонный по содержанию, лишенный, кроме моментов официального холопства, всякой другой эмоциональности, не пользующийся никакой репутацией изысканности» [7;82], не мог соответствовать новым требованиям. При активном формировании в этот период общественно-административной терминологии нового типа решающую роль в ней стал играть «мощный иноязычный элемент» — резко возросшие количественно западноевропейские заимствования. О Петровском времени принято говорить как о времени интенсивного «западноевропейского влияния», в частности, и на русский язык. Главным показателем «влияния» являются многочисленные лексические заимствования, называющие множество новых предметов, явлений, понятий, связанных с активными преобразованиями, затронувшими все области общественной жизни России. Один из дореволюционных исследователей так в образной форме изобразил «нашествие» иностранных слов: «Хотя прежние дьяки, окольные, воеводы влачат еще кое-как свое существование в Москве и других старых городах, но рядом с ними теперь в новой столице являются и новые люди, которым присваиваются и новые чины, взятые с иностранного. Так, появляются теперь *администратор, актуариус, аудитор, бухгалтер, герольдмейстер, губернатор, инспектор, камергер, канцлер, ландгевдинг, маклер, министр, полицеймейстер, президент, префект, ратман* и другие более или менее важные особы, во главе которых стоит сам *император*. Все эти *персоны* в своих *ампте, архиве, гофгерихте, губернии, канцелярии, коллегии, комиссии, конторе, ратуше, сенате, синоде* и в других административных учреждениях, которые заменили недавние думы и приказы, *адресуют, аккредитуют, апробируют, арестуют, баллотировывают, конфискуют, корреспондируют, претендуют, секундируют, трактуют, экзавторуют, штрафуют* и т.д., *инкогнито, в конвертах, пакетах, разные акты, акциденции, амнистии, апелляции, аренды, векселя, облигации, ордеры, проекты, рапорты, тарифы* и т.п.» [8].

Заимствования новой административной терминологии находят отражение и на страницах романа «Девятый Спас»: именуемый *стольником* царевны Софьи в начале повествования Автоном Зеркалов далее уже носит имя *гехаймрата*. Значение титула и должности «гехаймрат» в немецком языке — «тайный советник».

Для удовлетворения потребностей все более европеизирующегося дворянства создаются разнообразные руководства, регламентировавшие бытовой уклад высших общественных классов. Например, «Приклады, како пишутся комплименты разные на немецком языке, т.е. писания от потентатов к потентатам поздравительные и сожалительные, и иные; такожде между сродников и приятелей». Это был переведенный с немецкого языка сборник писем разнообразного содержания, которые предлагались в качестве образцов для подражания («приклады» — примеры, образцы; «потентаты» — господа, букв. властители). «Приклады» способствовали распространению новых, «европейских» языковых традиций в обращении и переписке. С начала XVIII века в России распространяется обращение «на Вы», в письмах постепенно прививаются обращения типа «милостивый государь», «господин мой», «любезнейший родственник», «дражайший приятель» и т.п., подписи типа «ваш покорный слуга», «остаюсь ко услужению готовый» и т.п. Появляются в обиходе выражения вроде «имею честь удостоить», «извольте уведомить», «окажите любезность» и т.п. Распространению новых форм и норм «житейского обхождения», общения, в том числе и языкового, способствовала и такая знаменитая книга, как «Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению» (1719). В такого рода произведениях, внедрявших «светский политес» в среду дворянства, постоянно встречались и неологизмы, и заимствования из европейских языков, перемежавшиеся с традиционными церковнославянизмами и архаизмами.

Подчеркнутый интерес к «галантереям романическим» и к европейским навыкам «житейского обхождения» отражается в их языке. Галантереи — это книги, «в которых о амурах, то есть о любви женской, и храбрых делах для оной учиненных баснями описано», а «шевальеры эрранты, или заблудшие кавалеры, называются все те, которые, езда по всему свету, без всякого рассуждения, в чужие дела вмешиваются и храбрость свою показывают» [7; 56, 57]. Здесь, как в кривом зеркале, отразилось запоздалое увлечение средневековыми западноевропейскими романами, традиции которых внедряются в переводные повести Петровской эпохи и в оригинальные произведения, создающимися

анонимными авторами по этим переводным образцам. Герои и героини романа «Девятный Спас», несомненно, были знакомы с упомянутыми «галантерейными» произведениями:

Из деревенщины в изящную столичную демуазель Василиса обратилась быстро... Изготовили ей платьев с фижмами, ...куафёр научил укладывать косу поверху... С неделю мучилась, обучаясь у танцмейстера воздушной походке... Иноязычное речение тоже превзошла быстро, не хуже прочих: из немецкого могла сказать без запинки пятнадцать выражений, из французского — целых тридцать. Бонжур, шер шевалье. Кель плезир. Оревуар. Роб манифик. Куафюр сюперб. Чего больше-то? [3;309].

Ну и с тех пор почти каждый день стала получать от воздыхателя знаки амурного внимания. К примеру, доставили свернутою трубкой гравюру: «Гишпанский рыцарь Сид, безумствующий от неуголенной страсти». На картинке кавалер наг, власы и бороду на себе отчаянно рвет, а прекрасная дева ему делает индифференцию — отвернулась, нюхает цветок [3;315].

Для правильного понимания путей развития русского литературного языка в Петровское время важно не упускать из вида то обстоятельство, что влияние чужого языка — не только внешний фактор, но и нечто, что связано с внутренним, имманентным развитием языка-реципиента. Русский язык, как полагают, избирает при заимствовании именно то, что требуется его структуре и языковому существованию, т.е. выступает в процессе заимствования «активной» стороной.

Определяя главными сферами распространения западноевропейских заимствований официальную дипломатическую и административную переписку и практику, научно-техническую литературу и военно-морское дело, следует иметь в виду, что и другие области общественной жизни и быта активно усваивали заимствования. Например, в быту широко распространились такие слова, как *кавалер, камзол, карета, квартира, лакей, магазин*. Эти слова, естественно, рассыпаны во множестве на страницах текста романа «Девятный Спас», и для читателей было бы откровением узнать, что появились они впервые именно в Петровское время.

Итак, перед нами прекрасная стилизация, вполне уместная, без ненужных излишеств, в духе произведений новой светской литературы Петровской эпохи. Автор «Девятого Спаса» — полагаем, Григорий Чхартишвили, блестяще образованный филолог — в художественный текст романа вплел и причудливо смешал те разнородные речевые элементы, которые были свойственны русскому языку этого времени. Через сосуществующие противоборствующие элементы церковнославянского языка, просторечной и даже диалектной стихии, а также иноязычные заимствования в тексте оказалась прописана историческая эпоха. Эпоха, характеризующаяся в лингвистическом отношении тем, что старые системные связи языковых единиц были разорваны, а новые еще не установились. Справедливо писал В. В. Виноградов об этой эпохе: «...потребность стилистической дифференциации и нормализации языковых форм в новой системе русского литературного языка становится все более осязаемой и неотложной» [7;82].

Список литературы

- 1 Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. — М.: Изд-во Москов. ун-та, 1985. — 215 с.
- 2 Мецкерский Н.А. История русского литературного языка. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. — 279 с.
- 3 Камчатнов А.М. История русского литературного языка. XI – первая половина XIX века. — М.: АCADEMA, 2005. — 681 с.
- 4 Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 591 с.
- 5 Брусникин А. Девятный Спас. — М.: Астрель, 2008. — С. 88, 89.
- 6 Кувшинова Н.М. Германизмы в русском языке начала XVIII века как отражение исторической эпохи // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. «Филология». — Т. 20 (59). — 2007. — №3. — С. 45, 46.
- 7 Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка. — М.: Высш. шк., 1982. — 529 с.
- 8 Горшков А.И. Русский язык. Очерки русской культуры XVIII века. — Ч. 3. — М.: Изд-во МГУ, 1988. — С. 277, 278.

С.М.Треблер

Көркем мәтін бейнесіндегі дәуірдің тілдік жағдайы

Тіл уақыт өте келе өзгереді, бұл эволюциялық сапа онда имманент түрінде қаланған. Мақалада Петр дәуірінің тілдік жағдайының көрінісі қазіргі көркем мәтінде қарастырылды. Бұл дәуірдегі тілдің негізгі сипаты оның генетикалық әркелкілігінде көрінеді. А.Брусникинның «Девятный Спас» романында үш лексикалық топ — славянизмдер, қарапайым тіл, кірме сөздер, сонымен қатар көнерген славян және жаңа ауызекі тілді грамматикалық формалар, синтаксистік құрылымдар әр түрлі мөлшерде араласып, байланысқаны анықталды, осылардан сол уақытқа дейін орыс әдеби тілі қалыптасқан.

S.M.Trebler

Language situation of an era reflected in the literary text

Language is changing in time. This evolutionary characteristic is engendered inherently in it. This article deals with the reflection of the linguistic situation of Petrine age in correlation with modern literary text. The main characteristic of the language of Petrine age is its genetic diversity. It is discovered that in the text of the novel «The ninth Spas» by A.Brusnikin three various lexical layers are united in different proportions; words derived from Church Slavonic, vernacular and borrowings as well as archaic Slavonic and new conversational grammar forms, syntactic constructions from which the Russian literary language has been historically formed by now.

Секция 3 Лингвистика мен лингводидактиканың өзекті мәселелері Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики

УДК 81'1

Л.В.Екшембеева

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы (E-mail: lvek@inbox.ru)

Картирование в учебном процессе

В статье описаны технологии денотативного, ассоциативного и когнитивного картирования, применение которых обеспечивает качественное усвоение знания в процессе обучения.

Ключевые слова: картирование, денотативное картирование, интеллект-карты, когнитивное картирование, алгоритмизация, концептуальное пространство.

У жителей Новой Гвинеи есть пословица: «Знание — не больше чем слухи, пока оно не окажется у нас в крови». Конечно же, речь идет о необходимости усвоить знание, сделать его личностным.

Единицей представления знания является текст. Сам по себе текст как система языковых знаков не имеет значения вне концептуальных систем того, кто его создает, и того, кто его воспринимает. Чтобы текст стал единицей индивидуального знания обучающегося, был понят и интерпретирован, необходимо определить его информационный потенциал, осуществить аналитическую работу по усвоению его содержания.

Усвоение знания оказывается возможным благодаря активизации когнитивных способностей обучаемого. Ученые экспериментально доказали, что в памяти остается как личностное знание: 10 % прочитанного; 20 % услышанного; 30 % увиденного; 50 % увиденного и услышанного; 80 % того, что он говорит сам; 90 % того, до чего сам дошел в деятельности [1].

Именно поэтому деятельностный и компетентностный подходы в обучении заявлены на сегодняшний день как программные.

Одним из эффективных средств по организации деятельности, направленной на усвоение нового знания, является картирование. Под картированием понимается вид символической презентации, описывающей отношения между компонентами системы знаний. В зависимости от того, с какой целью и какая система отношений описывается картой, различают разные методики картирования. Картирование позволяет активизировать интеллектуальные процессы субъекта, акцентировать внимание как на содержании знания, так и на процессах его усвоения. Продуктом картирования является собственное представление содержания текста в виде формальной концептуальной модели.

Концептуальная модель, будучи абстрактной моделью предметной области, состоит из перечня понятий, используемых для описания этой области, их свойств и характеристик, а также отношений между ними. Применение технологии концептуального моделирования, созданной в рамках разработок по искусственному интеллекту, эффективно при усвоении нового знания, заключенного в учебный научный текст.

Дж. Лакофф [2], со ссылкой на Фоконье отмечает, что теория когнитивных моделей включает: (а) ментальные пространства и (б) когнитивные модели, структурирующие эти пространства. Ментальное пространство представляет собой среду концептуализации и мышления. Они по своей сути концептуальны, т.е. состоят из ментальных сущностей. Каждая когнитивная модель обладает онтологией и структурой. Онтология представлена множеством элементов, используемых в модели. Структура определяется свойствами элементов и существующими между ними отношениями. Концептуальная природа ментальных пространств и определяет возможность их структурирования в виде когнитивных моделей.

Научный текст как средство репрезентации ментального пространства определенной предметной области потенциально может быть формализован средствами концептуального моделирования. Концепты как сущности ментального пространства и система отношений, в которые эти сущности могут вступать, выражаются средствами языка. Именно поэтому сама проблема когнитивного моделирования формулируется как поиск корреляции «между лингвистическими структурами текста и структурами представлений его автора» [3].

Основной механизм когнитивного моделирования текста — перенос структуры из физического пространства текста в концептуальное пространство через структурирование образных схем. Разновидностью таких образных схем и являются карты. Процедуры картирования текста направлены на выявление структуры его концептуального пространства, что способствует прочтению глубинного уровня содержания.

Поскольку картирование есть процесс создания карты, отражающей определенную систему отношений, он всегда целенаправлен и имеет свои методики. Наиболее популярными являются методики создания денотатных карт, интеллект-карт и когнитивных карт.

Денотативное картирование

Денотативное картирование применяется для исследования денотативного пространства текста. Проблема изучения денотативного пространства текста связана с одной из фундаментальных проблем языкознания — проблемой отображения в тексте как сложном языковом знаке мира действительности.

Исходя из понятия денотата как множества объектов действительности, Л.Г.Бабенко и Ю.В.Казарин [4; 153] определяют денотативное пространство текста как воплощенное в тексте индивидуально-авторское знание о мире, представленное в интерпретированном отображении глобальной ситуации. Ситуация состоит из макроситуаций и микроситуаций, связанных определенными отношениями и в совокупности раскрывающих тему.

Глобальная ситуация имеет характер события и связана с раскрытием главной темы в целостном тексте, макроситуации описывают конкретный текстовый эпизод в рамках текстового фрагмента, а микроситуации репрезентируются отдельным высказыванием или цепочкой высказываний.

На поверхностном уровне текста денотативному пространству соответствует семантическая макроструктура, состоящая из макропропозиций, которые репрезентируют авторское знание о глобальной ситуации, описываемой в тексте. Они связаны между собой и в совокупности формируют макроструктуру текста, участвуя в развитии главной темы произведения. В тексте имеются специальные сигналы — типовые маркеры смены темы, соответственно есть и маркеры появления новой пропозиции, репрезентирующей новую макроситуацию либо освещающей в новом ключе и аспекте уже изображенную ранее ситуацию. Семантическую базу текста составляют отношения, связывающие макроструктуры внутри целого текста. Специфика денотативного пространства текста заключается в том, что оно имеет конкретную референциальную форму, обнаруживающуюся в системе конкретных персонажей, и актуализировано во времени и пространстве.

Выявление структуры денотативного пространства представляет собой преодоление противоречия между линейной связью текста и его целостным содержанием. Начинать анализ денотативного пространства текста следует с определения его глобальной ситуации, которая соответствует основной теме и обычно репрезентируется в заглавии, представляя собой в свернутом и обобщенном виде все денотативное пространство текста.

В.П.Белянин [5] отмечает, что в научном тексте денотативной основой являются предмет, явление или процесс внешнего мира, которые могут быть достаточно описаны и не только автором данного текста.

Понятие «денотативное пространство текста» соотносимо с предметно-денотативным (по терминологии И.А.Зимней) или предметно-логическим (по нашей терминологии) уровнем содержания текста. Для исследования этого уровня содержания текста И.А.Зимняя предлагает денотатную карту [6].

В своей работе она отмечает, что рассмотрение текста как продукта речевой деятельности основывается на трактовке денотатов как объектов предметной действительности, реально существующих вне индивидуального сознания и представленных в то же время в нем в виде понятий, категорий, концептов. Они организованы в индивидуальном сознании в виде некоторой денотативной схемы. Денотативные схемы отражают окружающую нас действительность как иерархически организованные системы предметов и явлений в определенных областях знаний. При формировании предметного

содержания текста совокупность и последовательность явлений, фактов, положений, аргументов, которые заданы темой, соотносятся с денотативной схемой автора, которая и может быть представлена в виде денотатных карт.

Предметная структура текста в денотатной карте традиционно представлена в форме графowego представления в виде дерева, где вершинам соответствуют денотаты, представленные в тексте, а ребрам — предметные отношения, выраженные в тексте. Соотношение денотативных графов исходного и воспроизводимого текстов позволяет проверить степень понимания и усвоения предметного содержания текста.

Денотатная карта может помочь понять и усвоить предметное содержание текста, либо организовать информацию о какой-то сфере действительности в иерархической соотнесенности базовых понятий знания или самих предметов действительности.

Алгоритм разработки денотатной карты как средства презентации учебного текста довольно прост.

Алгоритм разработки денотатной карты

1. Определите центральное понятие текста.
2. Выявите систему понятий, формирующих его содержание.
3. Определите их соотнесенность и иерархию.
4. Интерпретируйте основное содержание текста по карте.

Предметно-логическое содержание проблемы «Картирование как средство моделирования учебной информации» может быть структурировано денотатной картой.

Картирование как средство моделирования учебной информации

Рисунок 1. Процедура картирования

Информация выстраивается в системе иерархических отношений, устанавливаемых между понятиями *картирование, процесс, цель, методики, виды карт* (рис. 1). Центральным понятием является *картирование*. При интерпретации карты порождается текстовая рамка:

«Картирование есть целенаправленный процесс, организация которого возможна по различным методикам: интеллектуального, денотативного и когнитивного типов картирования. Результатом картирования является тот или иной вид карты, представляющей информацию в системе определенных параметров».

Процесс интеллект-картирования направлен на создание, анализ, интерпретацию и верификацию ментальных карт.

Ментальные карты — эффективный инструмент структурирования и анализа информации. В основе концепции ментальных карт лежат представления о принципах работы человеческого мозга: ассоциативное (нелинейное мышление), визуализация мысленных образов, целостное восприятие (гештальт). В ментальных картах реализуются ассоциативность и иерархичность мышления — от общего к частному. При подготовке ментальных карт активно используют цвет, шрифт, рисунки, аббревиатуры. Разновидностями ментальных карт считаются концепт-карты (Дж.Новак), интеллект-карты (Т.Бьюзен), ассоциативные карты, карты знаний, карты ума, карты представлений и др. [7].

Одной из областей продуктивного применения ментальных карт является обучение. Карты повышают эффективность процесса изучения учебного материала, степень его запоминания. На их основе разрабатываются презентации, осуществляется генерация нового знания.

Методика разработки интеллект-карт (или ассоциативных карт) связана с именами братьев Тони и Барри Бьюзен [8] и представляет собой способ многомерного представления системных отношений информации через выявление ассоциативных связей центрального объекта. Они назвали его интегрированным, радиантным способом усвоения информации. Радиантным, потому что усвоение материала осуществляется через ассоциативные мыслительные процессы, отправной точкой приложения которых является центральный объект. Интеллект-карта позволяет охватывать и структурировать огромный массив информации и управлять ментальной энергией обучаемого. Трехмерность интеллект-карты достигается использованием, помимо слов, цвета, образов, пространственных характеристик.

Ментальные карты рисуются на листах бумаги, при этом используются цветные карандаши и фломастеры. Построение карты начинается с центрального образа: в центре листа размещается центральный образ. Это может быть рисунок или геометрическая фигура. Он должен быть подписан. Подпись — это название исследуемой темы, концепта, идеи, проекта.

К центральному образу крепятся ветви главных идей. Их может быть сколько угодно. Обычно от двух до десяти. К главным ветвям добавляют ветви подчиненных идей, ассоциативно связанные с главными идеями и детализирующие их. К подчиненным идеям добавляют идеи более низкого уровня с еще большей детализацией и т.д. Линии идей обычно имеют на карте разную толщину, обязательно подписываются и снабжаются рисунками. При составлении интеллект-карты рекомендуют использовать разные шрифты, цвет, размер.

Составление интеллект-карты сводится к следующим основным процедурам:

– выбирается базовая идея как объект внимания / изучения и выражается в центральном образе / слове. Этот образ рассматривается как базовая концепция / тема, в которую как элементы её структуры входят концепции более низкого уровня.

Так, например, обучение языку как неродному выстраивается в соответствии с коммуникативным принципом обучения. Именно коммуникативность обучения и будет базовой идеей и центральным понятием нашей интеллект-карты;

– базовая идея реализуется в системе тем, которые разбиты на категории. Выбор категорий осуществляется на основе ассоциаций к слову *коммуникативность*. Основные темы, связанные с объектом внимания / изучения, расходятся от центрального образа в виде ветвей, которые и обозначают данные категории.

Так, систему ассоциаций на стимул «коммуникативность (обучения)» составляют понятия: *общение, ситуация, речь, тема, мысль, языковые средства, цель, способ, интерактив, использование, технологии*. Из всех ассоциаций отбираем первые 10 и разбиваем на группы. Основанием для разбивки является их логико-семантическая сущность. Данная группа понятий разбивается на три категории: *речь, использование, технология*. В виде ветвей, исходящих от центрального образа, обозначаем их на карте как ассоциации первого уровня. Для обеспечения трехмерности восприятия добавляем цвет или рисунок на каждую веточку;

– понятия-ветви порождают систему собственных ассоциаций, которые в виде ветвей второго уровня отходят от них и также обозначаются ключевыми словами или образами, цветом и рисунком. От ветви «речь» отходят ветви второго уровня — *речевой акт, высказывание, текст*. От ветви «использование» — *общение, ситуация, тема*. От ветви «технологии» — *информационные, коммуникационные*.

Ключевые образы каждой ветви вновь рассматриваются как стимул, и расписывается следующий уровень понятий-ассоциаций: *речевой акт — сообщение, вопрос, просьба, совет, предложение,*

согласие и т.д.; высказывание — *мысль, языковые средства*; текст — *описание, повествование, рассуждение*; общение — *говорящий, слушающий, цель*; ситуация — *знакомство, покупка, приглашение, у врача, в ресторане* и т.д.; тема — *город, время года, любовь* и т.д.; информационные — *компьютерные программы, электронные учебники, корпусные методики* и т.д.; коммуникационные — *интерактивные, инновационные*;

– ассоциации на стимулы понятий ветвей третьего уровня формируют ветви четвертого уровня и т.д.

Таким образом, графическое изображение всех описанных выше соотношений презентует значительный объем информации и создает контекст рассмотрения указанной проблемы — коммуникативность в обучении. На основании контекста может быть создан текст «Коммуникативность в обучении» или описан один из его фрагментов.

Интеллект-карта может быть структурной основой для описания ментального пространства конкретной предметной области знания либо стать схемой усвоения содержания авторского текста с целью выявления системы знаний, содержащихся в нем.

Особое место в системе ментальных карт занимают когнитивные карты. Через разработку и анализ когнитивной карты текста выявляются и интерпретируются исследуемые в нем проблемы.

Картирование как когнитивная процедура разрабатывалось Р.Аксельродом, М.Бонхэмом, М.Шапиро и другими. Оно вошло в практику исследований международных отношений, теории коммуникации, психологии, политологии, экономики, социологии. В лингвистике и в образовательном процессе когнитивное картирование начинает занимать активные позиции как способ анализа и презентации профессионально важной научной информации, а также как инструмент моделирования процессов усвоения нового знания [9].

Р.Солсо [10] представляет картирование как вид символической репрезентации, предположительно описывающей когнитивные отношения между физическим и концептуальным миром. Когнитивное картирование он понимает как общую пространственную ориентировку, а когнитивную карту — как внутреннюю репрезентацию стимульной ситуации.

Опыт практического использования когнитивной карты представлен в работе Д.Херадштейта и У.Нарвесена «Психологические ограничения на принятие решений». Они определяют когнитивную карту как «способ репрезентации мыслительных структур, ориентированный на конкретную проблему и позволяющий моделировать процесс мышления политика при обдумывании им действия, которое способствует идентификации будущих событий» [11].

Г.Почепцов в работе «Теория и практика коммуникации» [12] отмечает, что современные исследователи понимают под когнитивной картой графическую репрезентацию базовых понятий, изображенных графически в виде узлов, связанных между собой стрелками, и считают подобный когнитивный стиль определенным «гипотетическим конструктом», который может объяснить переход от стимула к реакции, описывая то, как индивид концептуально организует модель реальности.

П.Б.Паршин [4; 198] считает, что когнитивная карта делинеаризирует текст, представляя его в виде «картинки», однако при этом отражается только одна из возможных текстовых макроструктур — структура каузального рассуждения.

Во всех работах когнитивное картирование представляется как процедура репрезентации причинных утверждений, которые используются автором, решающим конкретную научную проблему. Когнитивная карта как инструмент моделирования информации научного авторского текста используется для восстановления процесса мыслительной деятельности автора во время работы над проблемой. Нами разработан алгоритм создания когнитивной карты в лингвистике и лингводидактике.

Алгоритм когнитивного картирования

1. Установите систему понятий, составляющих основу информации, которую необходимо усвоить, обозначьте их как узлы карты.
2. Определите, как они связаны между собой причинно-следственными отношениями. Доминирование причинных отношений обозначьте входящей стрелкой, следственных — выходящей.
3. Обработайте карту статистически: посчитайте, сколько входящих и выходящих стрелок связано с каждым понятием. Наибольшее количество стрелок при понятии свидетельствует об его центральности.
4. Определите соотнесенность понятий с центром и периферией.
5. Объедините понятия в каузальные цепочки, центральные и периферийные.
6. На основе цепочек сформулируйте каузальные утверждения.

7. Обозначьте контур основного содержания текста.
8. Интерпретируйте его.
9. Сформулируйте вывод по содержанию текста.

При становлении когнитивного подхода принятым было формальное представление когнитивной карты в виде знакового графа, т.е. ориентированного графа, вершинам которого сопоставлены понятия, а ребрам — отношения между ними. В последнее время все чаще (особенно при исследовании динамических ситуаций) когнитивная карта представляется в виде взвешенного графа, в котором вершинам сопоставляются факторы, а ребрам — их вес в той или иной шкале.

Основными элементами репрезентации в процедурах когнитивного картирования являются понятия, объединенные в цепочки на основе причинно-следственных отношений, которые графически представлены стрелками входящими, символизирующими доминирование причинных отношений, и выходящими, указывающими на следственные отношения (рис. 2).

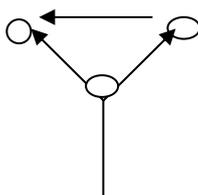

Рисунок 2. Знаковый граф

В лингвистике на основе когнитивных карт можно осуществлять анализ отдельного текста (статический анализ) и анализ ряда работ по исследованию определенной проблемы (динамический анализ). Статический анализ осуществляется на основе изучения структуры взаимовлияний когнитивной карты. Схемы причинно-следственных отношений, установленные между базовыми понятиями (концептуальными категориями текста), позволяют реконструировать содержание текста в виде каузальных цепочек, которые формируют фрейм содержания данного текста. Интерпретация и иллюстрация составляющих фрейма эксплицируют основное содержание текста. Дальнейший анализ когнитивной карты позволяет выявить контекстные лакуны, которые определяют параметры моделируемого ментального пространства текста и устанавливают пограничные связи с другими ментальными пространствами.

Динамический анализ лежит в основе генерации знания и возможных сценариев его развития. Его использование продуктивно при изучении ряда работ, посвященных одной и той же проблеме, либо в практике самостоятельного научного исследования. Вся проблемная область рассматривается как динамическая ситуация. Результаты исследования разных авторов рассматриваются как воздействующие факторы, формирующие содержание проблемной области. Они и становятся вершинами графа карты, а ребрами — система отношений между ними. Если развитие одного фактора определяет развитие (проявление) другого фактора, то между ними устанавливается положительная связь. Если развитие одного фактора вызывает торможение (нивелирование) другого, то говорят об отрицательной связи между ними.

Таким образом, когнитивное моделирование позволяет увидеть динамику развития проблемы в разных работах, выявить наиболее значимые факторы, от которых зависит её решение. Для этой цели и разрабатываются сценарии и стратегии развития данной проблемы в рамках ментального пространства. Структурной основой такого сценария является когнитивная карта (алгоритм создания такой карты был предложен выше).

Таким образом, эффективным средством усвоения знания являются процедуры картирования. Они позволяют выявить структурные элементы знания, природу их взаимосвязанности и установить характер их влияния друг на друга в процессе развертывания учебного текста.

Список литературы

- 1 Черных И.А. Теории интеграции: техника интерактивного обучения. — Алматы: Типогр. ОО «Добровольное общество инвалидов войны в Афганистане», 2004. — С. 8.
- 2 Lakoff G. On Generative semantics // Semantics. — Cambr. Univ. Press., 1971. — P. 305–359.
- 3 Паршин П.Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции // Системные исследования. Ежегодник. — 1986. — М., 1987. — С. 198.

- 4 *Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В.* Филологический анализ текста. — М.: Акад. проспект, 2004. — 397 с.
- 5 *Белянин В.П.* Психолингвистические аспекты художественного текста. — М.: Изд-во МГУ, 1988. — С. 50.
- 6 *Зимняя И.А.* Лингвopsихология речевой деятельности. Серия: Психологи отечества. — М.-Воронеж, 2001. — С. 170.
- 7 *Карты ума // MindManager / Авт.-сост. В.И.Копыл.* — Минск: Харвест, 2007. — 64 с.
- 8 *Бьюзен Т. и Б.* Супермышление. — Минск: Попурри, 2008. — 304 с.
- 9 *Екшембеева Л.В.* Когнитивное картирование лингвистического знания. — Алматы: Қазақ ун-ті баспасы, 2009. — 133 с.
- 10 *Солсо Р.* Когнитивная психология. — М.: Тривола, 1996. — 465 с.
- 11 *Херадштейт Д., Нарвесен У.* Психологические ограничения на принятие решения (обсуждение когнитивных подходов: операционный код и когнитивная карта) // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М.: Прогресс, 1987. — С. 381–407.
- 12 *Почепцов Г.* Теория и практика коммуникации // [ЭР]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Pochep/04.php

Л.В.Екшембеева

Оқу үдерісіндегі картаға түсіру

Мақалада колданысы оқыту үдерісінде алған білімді сапалы менгеруді қамтамасыз ететін денотативті, ассоциативті және когнитивті картаға түсіру технологиялары сипатталды.

L.V.Ekshembееva

Mapping in teaching process

The article describes technologies of the denotative, associative and cognitive mapping, practice of which provides qualified knowledge acquisition in the process of teaching.

УДК 81–26

Л.Ю.Мирзоева

Университет им. Сулеймана Демиреля, Алматы (E-mail: mirzoeva@list.ru)

Эмотивное согласование как показатель многоуровневости оценочной системы

Статья посвящена одному из наиболее сложных явлений в сфере лингвистической оценки, в частности, эмоциональной координации. По сравнению с грамматической координацией, связанной со взаимозависимостью предмета (объект) и признака, эмоциональная координация основана на подобию положительного или отрицательного оценочного значения. Разные подходы к эмоциональной координации также рассмотрены с опорой на современные теории и предыдущие исследования, сделанные российскими учеными в XIX столетии. Главная идея состоит в том, что эмоциональную координацию нужно рассматривать как один из самых важных прагматических факторов, формирующих эмоциональную ориентацию целого текста.

Ключевые слова: эмоциональное согласование, лингвистическая оценка, эмоциональная координация, аксиологическая ориентация, норма, прагматический фактор, эмоциональная ориентация текста.

Термин «эмоциональное согласование» (в дальнейшем преобразованный в «эмотивное») был введен в лингвистику А.А.Потебней, который квалифицировал это явление как «согласование в представлении», затрагивающее как форму, так и значение: «... настроение, выразившееся в ласкательной форме имени вещи, распространяется в той или другой форме на ее качества, качества ее действия и другие представления» [1]. В рамках более общего процесса эволюции категории оценки представля-

ется необходимым проследить трансформацию эмотивного согласования: от локализованного оценочного приема, каким оно представляется в корпусе текстов XVII в., до средства, формирующего единство оценочного знака в пределах сложного целого или текста на последующих «срезах». Приведенному выше замечанию А.А.Потебни, в котором оценка рассматривается как основа, или, скорее, даже как мотив, основание для грамматического уподобления, предшествовала характеристика явления, представленная в «Пространной русской грамматике» Н.И.Греча: «... правило требует, чтоб к уменьшительному существительному присоединяемо было и прилагательное уменьшительное, например: *добренький старичок, маленькая девочка, полненькое личико, красненькие башмачки*» [2; 201]. Однако и при столь отчетливо выраженной ориентации на формальную сторону явления невозможно было не отметить лежащее в основе подобного сочетания единство оценочного знака: «Сии уменьшительные прилагательные не означают недостатка или уменьшения качества, а употребляются только для смягчения речи, как и уменьшительные существительные приветственные» [2; 201].

В противовес чисто грамматическому истолкованию данного явления И.Мандельштам отмечал: «... не вполне можно согласиться с Потебней, который усматривает некоторое сходство между согласованием (существительного и прилагательного) в роде и согласованием в степени уменьшительности между прилагательным и существительным, а несогласованность уподобляет несогласуемости последних. Тогда только возможна была бы параллель, если бы уменьшительные прилагательные превратились бы в обычную формулу, в общее место, или если бы не было случаев, когда уменьшение выражается в названии признака, а не в самом имени: *конь вороненький*» [3; 340]. В то же время И.Мандельштам подчеркивал, что согласование, имеющее место в данном случае, иного порядка, нежели формально-грамматическая связь между атрибутивом и определяемым словом: «Не согласование формальное перед нами, если песня говорит *дочечка Марусенька, сынонька Ивашенька*, а выражение чувства — в зависимости от связи с целым, от потребности проявления чувства» [3; 340]. А.А.Шахматов также акцентирует внимание на специфичности эмотивного согласования, связывая это явление с синтаксической природой средств выражения оценки: «...как отмечено А.А.Потебней, уменьшительные и ласкательные суффиксы имен могут влиять на форму согласующихся с ними прилагательных, которые принимают соответствующие уменьшительные или ласкательные формы: *маленький кусочек, добренькая старушка...*; таким образом эти суффиксы становятся сами синтаксическими факторами, что указывает и на их синтаксическую природу» [4]. Приводимые же далее примеры (*мы имеем в виду «Синтаксис русского языка А.А.Шахматова. — М.Л.»*) демонстрируют расширенное понимание эмоционального согласования, во многом предопределившее современное; это не просто формальная корреляция определяемого и определения, а единство оценочного знака в пределах текстового отрезка: «Мне на *спорщицу-женицу* купить *добрую плетицу*, нахлестать ее *спиницу*», «Ты и не напаялишь его на свои *окаянные плечица*», «Винница-то что *выдули*». Акцентируем внимание на том, что в приведенных выше случаях налицо пейоративная тональность фрагмента в целом, вне зависимости от количественного значения, которое (как это видно из последнего контекста в особенности) практически выведено на периферию в процессе восприятия: реципиент отчетливо воспринимает индуцируемую данной формой негативную оценку и не склонен принимать в расчет какое-либо понятие о величине.

В работе И.А.Карабань ставится вопрос о правомерности сопоставления эмотивного и формального согласования: «Правомерно ли отождествлять согласование прилагательного в роде, числе и падеже с так называемым эмоциональным согласованием? Грамматические формы рода, числа и падежа прилагательных не имеют самостоятельного значения, они полностью зависят от форм существительных. Формы, в которых выступают прилагательные, указывают только на связь, на отнесенность прилагательного к определенному существительному, т.е. они являются синтаксическими показателями. Этого же нельзя сказать по отношению к эмоционально-оценочным формам прилагательных. Мнение, что эмоционально-оценочные формы прилагательных являются показателями синтаксической связи с именами существительными, также не является обоснованным. Прилагательные при существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами далеко не всегда выступают в эмоционально-оценочной форме» [5; 212]. Первичной в данном случае считается корреляция оценочных значений, а не согласование форм: «Если существительное дано нам в эмоциональной форме, если оно само выражает определенное чувство, то прилагательные при нем и характером своего лексического значения, и эмоциональным оттенком также участвуют в выявлении и передаче эмоционального состояния, возникшего у говорящего из того или другого отношения к предмету или лицу. При эмоциональной согласованности прилагательного с существительным обнаруживается большая яр-

кость, большая сила эмоционального тона, сопровождающего высказывание» [5; 212]. Эта же мысль проводится исследователем и далее: «Довольно часто прилагательные на *-еньк-* сочетаются с уменьшительно-ласкательными и ласкательными именами существительными, что говорит о функциональной близости форм одной и другой части речи. В этом случае мы встречаемся с явлением так называемого эмоционального согласования. Факты показывают, что суффикс *-еньк-* (*-оньк-*) присоединяется к основе прилагательного не в результате его формального приспособления к существительному. Общность форм у прилагательного и существительного обнаруживается и обуславливается главным образом характером проявления чувств у говорящего...» [5; 225].

В работе В.В.Виноградова «Русский язык» говорится о первичности согласования по форме: «...формы субъективной оценки заразительны: уменьшительно-ласкательная форма существительного нередко ассимилирует себе формы определяющего прилагательного, требует от них эмоционального согласования с собою (например, *маленький домик, седенький старичок* и т.п.)» Но, утверждая приоритет формального согласования, В.В.Виноградов делает замечание о производимом данным явлением экспрессивном эффекте: «Относясь к имени существительному в уменьшительно-ласкательной форме, прилагательные на *-енький, -онький* выражают своеобразное экспрессивное согласование с ним (ср.: *голубое платье — голубенькое платьице, веселый день — веселенький денек*). В таком словосочетании эти формы лишь обостряют и усиливают эмоциональную окраску определяемого предмета» [6].

Аналогичный подход к данному явлению имеет место и в работах А.Н.Кожина, где формальное согласование рассматривается как основа для формирования единства оценочного знака; в качестве первичного яруса, по его мнению, выступает согласованность форм, на которую надстраивается вторичный ярус — «смысловая соотнесенность»: «Уменьшительно-ласкательные существительные обладают синтаксической общностью; они требуют эмоционального согласования (*тоненький голосок, голосочек, новенькая рубашечка, голубенькая тесемочка* и др.); определенная степень качества отесняет определенную сторону обозначаемого, находящего свое закрепление в уменьшительно-ласкательном имени. Модификация предметно-качественной определенности обозначаемого идет по линии синтаксической общности определяющего и определяемого: *тонкий лед, тоненький ледок, красный флаг, красенький флажок*. Смысловая соотнесенность форм прилагательного выступает как отраженное проявление формообразовательной определенности уменьшительно-ласкательного существительного» [7].

В настоящее время в ряде исследований подчеркивается субъективность данного языкового явления, что также свидетельствует о его аксиологической природе (будь то оценка количественная, как в работе С.В.Александрович, или оценка любого иного типа) и антропоцентричном характере: «видимость градации — явление субъективное. Это подтверждается многочисленными примерами из художественных текстов, как *громдная бутыль, колоссальная голова, исполинский самовар*, а с другой стороны — *крохотная, малюсенькая хатка*. Например: *Челяк озабоченно искал в сенах и вернулся оттуда с громдной ведерной бутылью настойки темно-вишневого цвета, из которой наполнял маленький графинчик, и опять уносил колоссальную бутылку куда-то в чулан; Катя подошла к малюсенькой хатке и прильнула к закрытому ставней окну*. Какой бы ни была малюсенькой, крохотной хатка, она все же по своим объективным размерам превышает исполинский самовар и колоссальную бутылку. Мерительное значение всех этих прилагательных носит субъективный характер... У качественных прилагательных 1) *хороший, удивительный, поразительный, изумительный*, 2) *хороший, замечательный, превосходный, восхитительный, великолепный, идеальный*, 3) *плохой, страшный, ужасный, жуткий, чудовищный* со значением эмоциональной оценки мерительные градо-семные различия носят всегда субъективный характер: кому-то *превосходный* покажется по своей градуальности выше *удивительного*, кому-то наоборот; кому-то *ужасный* покажется выше *чудовищного* по своей мерительной градуальности, а кому-то *чудовищный* покажется более крепким определением. Объективные же их смысловые различия связаны не с мерой проявления признака, а с характером выражения эмоциональной оценки через сопоставление и сравнение» [8].

Интенсификация оценки, являющаяся закономерным следствием эмотивного согласования, отмечена также в статье С.С.Плямоватой: «При взаимодействии оценочного существительного с квалифицирующим его согласованным определением возможны такие частные случаи:

1) и определяемое, и определение выражены уменьшительно-оценочными производными, т.е. эмоционально согласованы между собой (*узенький дворик*);

2) уменьшительно-оценочное производное служит лишь определяемым, определением же является слово, оценочное по своему значению, но не имеющее оценочного суффикса;

3) уменьшительно-оценочное производное служит только определением, а определяемым является слово без оценочного суффикса. В первом из этих трех частных случаев эмоционального согласования создается более яркая экспрессия словосочетания, сгущение того эмоционального оттенка, который заключает в себе оценочное существительное (особенно если эти оттенки в определяемом и определении одинаковы)» [9; 33]. Необходимо отметить своего рода терминологическое упорядочение, проведенное в данной работе; вполне логично согласование форм субъективной оценки обозначить как эмотивное, а не экспрессивное: экспрессивным, по нашему мнению, будет эффект, являющийся следствием данного явления. Хотя в цитируемой работе формально-грамматический аспект также квалифицируется как основа эмотивного согласования, здесь намечена тенденция расширения самого понятия: «Существительное рассматриваемого класса как член предложения может вступать в эмоциональное взаимодействие с синтаксически связанными с ним словами: а) с квалифицирующим согласованным определением; б) с зависимыми предложно-падежными формами; в) с однородными членами. В пределах синтаксического целого указанное существительное может распространять оттенки своей эмоциональной выразительности и на слова, с ним не связанные» [9; 33]. Последнее замечание особенно важно, так как при подобном рассмотрении возможно сопряжение эмотивного согласования и выполняемой оценочными средствами функции формирования целостности текста не только в аспекте формально-грамматическом, но в особенности — в плане эмотивном.

Данную точку зрения развивает В.И.Шаховский, утверждая, что «на уровне предложений и текста имеет место эмоционально-экспрессивное согласование, что, видимо, позволяет говорить о нем как об одной из закономерностей эмотивной прагматики» [10]. В более поздней работе В.И.Шаховский указывает также на возможность «нагнетания» эмотивов, а также связывает этот фактор с экстраполяцией эмотивной оценки ситуации на личную сферу субъекта оценки [11]. «Будучи облигаторным свойством человека — носителя языка, эмоциональность рассматривается как важное качество процесса речевой деятельности и коммуникации, регулирующее основные процессы смыслопорождения и формирования прагматики высказываний» [12; 41].

В связи с тем, что в современной русистике данный вид согласования вызывает интерес с точки зрения его эмотивного характера и оценочного потенциала, возникает закономерный вопрос о его представленности в диахронии языка, т.е. о том, всегда ли оно существовало в языке, и если имело место, то какие формы оно приобретало в речевой практике на предшествующих этапах развития русского литературного языка. Этот фактор определил возможность рассмотрения эмотивного согласования в диахроническом аспекте с целью выявления варьирования его оценочного потенциала на разных хронологических отрезках. Отметим также, что анализ случаев эмотивного согласования — это низший уровень исследования, связанного с вопросами развития языкового кода, языковыми приращениями, появляющимися за счет реализации эмотивного потенциала языковых единиц в разных условиях общения. Значимость изучения данного явления, которое может служить своеобразным переходом от локализованных сегментов, к которым можно отнести слова с оценочной семантикой, обусловлена еще и тем, что такой подход дает основания для рассмотрения эмотивности в качестве важного средства интерпретации смысла текста [12].

Необходимо акцентировать внимание и на сложной оценочной природе эмотивного согласования: во-первых, на способности отразить ту или иную оценку, во-вторых, на возможности генерирования вторичной оценки, своеобразной «надстройки» (В.И.Шаховский и В.В.Жура отмечают, в частности, что «эмоция является не только результатом определенного вида оценки, но и сама может служить основанием оценки») [11; 40], и, в-третьих, на интенсивности оценки, выражаемой при помощи эмотивного согласования. Историчность этой особенности в системе категории оценки проявляется в том, что как в XVII в., так и позже мы находим достаточно фактов, подтверждающих ее. Скорее всего она связана с двойственностью эмотивного согласования, которая отражается также в том, что даже формализованные диминутивные образования амбивалентны по своей природе, т.е. они способны выражать, наряду с мелиоративным значением ласкательности, значения уничижения, пренебрежения, а также сложную, диалектически сочетающую в себе позитивное и негативное начала, интенцию самоуничижения, самоумаления. Сравним фрагменты, извлеченные из текстов, относящихся к XVII–XIX вв.: *Что собачка в соломке лежу: коли накормят, коли нет. Мышей много было, я их скуфьею бил, — и батожка не дадут, дурачки!* (Житие протопопа Аввакума). *Приежжайте ко мне, дорогой соседушко, ей-богу. Откроем вместе что-нибудь, литературой займемся и вы меня*

поганенького вычислениям различным поучите; Извините и простите меня *старого старикашку и нелепую душу человеческую...* (А.П.Чехов. «Письмо к ученому соседу»). Привели меня к нему *смирненького, седенького, ничтожненького* и посадили за стол (А.П.Чехов. «Торжество победителя»).

Эмотивное согласование в качестве аксиологических ориентаций в системе СВО продолжает свое эволюционное развитие на различных этапах истории русского языка. Мотивирующим фактором этой эволюции выступает присущая человеку как носителю языка познавательная деятельность, а «...процессы вербализации эмоций высвечивают важные моменты устройства и механизмы функционирования человеческого мышления» [12]. В качестве одной из структур, где достигнута вербализация эмоций, которая в то же время отражает формально-грамматическую специфику репрезентации оценочного и эмотивного факторов в высказывании и тексте, может рассматриваться эмотивное (эмоциональное, оценочное) согласование, представленное на различных синтаксических уровнях: от отдельно взятого слова до синтаксического целого и текста. Именно «положения эмотиологов об эмоциональном содержании концепта и эмоциональной природе внутренней формы знака, являющиеся сегодня базовыми в теоретической лингвистике, дали толчок для использования эмотивности в качестве важного средства интерпретации смысла текста» [12]. Проследить реализацию этих положений в диахроническом аспекте позволяет, в частности, обращение к структурам, которые в той или иной степени связаны с эмотивным согласованием: во-первых, налицо реализация авторских аксиологических интенций; во-вторых, на наш взгляд, в контекстах подобного рода органично сочетаются характеристики языковой личности и целостного языкового коллектива как в плане продуцирования аксиологически ориентированных высказываний, так и в плане их декодирования в процессе восприятия. «Изучение эмотивности языка в динамике (языковой эмотивный код — развитие языкового кода — эмотивные приращения — эмотивный потенциал языка) позволяет акцентировать внимание на новых возможностях реализации его скрытых ресурсов, выявить перспективы развития языковых моделей... Положение эмотиологов об эмоциональном содержании концепта и эмоциональной природе внутренней формы знака, являющиеся сегодня базовыми в теоретической лингвистике, дали толчок для использования эмотивности в качестве важного средства интерпретации смысла текста» [13; 60]. Следует указать и на то, что в онтогенезе языковая личность усваивает не только нормы и правила употребления языковых единиц, но и оценочную систему в целом, так как «в конечном счете моя субъективность — не более чем всеобщность стереотипов» [14], что, безусловно, справедливо по отношению к оценочности в языке, поскольку основанием аксиологически ориентированного отношения к действительности служит общая для социума оценочная шкала.

Выше уже затрагивался вопрос о том, что эмотивное согласование может коррелироваться с нормой (в частности, с превышением нормы в количественном отношении): *Пошла я в кухню сказать Прасковье, чтобы она поставила самовар, гляжу — а у ней на столе хорошенькие молоденькие репочки и морковочки, точно изгрушечки. Я съела одну морковочку, ну, и репку* (А.П.Чехов. «Страдальцы»). По нашему мнению, здесь налицо трансформация эмоционально согласованного отрезка в прагматически связанное оценочное утверждение, где количественное превышение нормы создает предпосылки для иронического восприятия субъекта речи.

Как частный случай эмотивного согласования и, следовательно, как один из значимых способов представления оценки в речевом потоке можно рассматривать семантическую разноплановость лексических единиц. Широк диапазон функций, связанных с этими явлениями: от реализации авторских интенций в эмотивной сфере и выражения широкого спектра оценок до функции индикатора функционально-стилистической принадлежности текста и своеобразного сигнала, подготавливающего верное декодирование текстового фрагмента или целого текста реципиентом.

Исследование эмотивного согласования в аспектах диахроническом и аксиологическом одновременно позволяет взглянуть по-новому на проблемы «динамики языкового кода, развития и реализации его скрытых возможностей, на вопросы эмоциональной специфики речи в разных условиях общения, механизмов распознавания чужих эмоций, согласования эмоций разного качества, стимуляции положительных и нейтрализации отрицательных эмоций в актах межличностного, институционального и межкультурного общения» [15]. Так, именно эмотивное согласование в литературном языке XVIII века предстает в качестве имманентной характеристики текста, актуализирующей его оценочный потенциал. Возможность адекватно воспринимать личностные, эмоциональные доминанты чужих текстов как отражения иной, удаленной во времени концептосферы русской национальной культуры связана с корректным восприятием существующего в исторически конкретный момент на

диахронической оси оценочного кода, органичной частью которого выступает эмотивное согласование как один из способов выражения оценки (СВО) на текстовом уровне.

Эволюция эмотивного согласования в процессе поступательного развития системы СВО идет в XIX в. по линии расширения контекста, формируемого лексическими единицами с единым знаком оценки, и по линии усложнения функций данного явления. Во многих исследованиях 90-х годов утверждается, что «язык одинаков для всех и различен для каждого прежде всего в сфере его эмотивности, где диапазон варьирования и импровизации семантики языковых единиц в сфере их личностных эмотивных смыслов наиболее широк и многообразен» [13; 59]. Данные положения полностью соотносятся с эмотивным согласованием как одним из ведущих оценочных средств в русском литературном языке XIX в., когда развитие данного лингвистического явления вывело его на новый уровень актуализации, выразившийся и в единстве оценочного знака, и в спаянности эмотивного и рационального, подчеркивая дальнейшее усложнение и развитие категории оценки во времени.

Во всех случаях, приведенных здесь, согласование по оценочному знаку является средством формирования экспрессивного потенциала текста. Очевидно также, что имеет место трансформация эмотивно согласованного фрагмента в прагматически связанное оценочное утверждение. Эмотивное согласование показательно также тем, что в литературном языке XIX в., как в языке стилистически нормированном, оно служит также показателем не только аксиологического, но и функционально-стилистического единства.

Приведенный материал позволяет говорить о продуктивности более широкого подхода к такому экспрессивному явлению, каким является эмотивное согласование. По нашему мнению, следует развивать заложенное в лингвистической традиции представление о том, что оценочные смыслы оказывают воздействие на грамматические явления, и согласование как явление синтаксиса может быть производным, вторичным явлением по отношению к согласованию оценочной семантики лексических единиц. Эмотивное согласование, в отличие от формально-грамматического, может реализовываться не только на уровне словосочетания, но и на более локальном, в пределах слова, и на более масштабном, в рамках целостного высказывания либо текстового фрагмента. В последнем случае оно может рассматриваться и как фактор, формирующий целостность текста на уровне грамматических показателей, и как явление, детерминирующее общую прагматическую направленность текста или высказывания.

Список литературы

- 1 *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. — Т. 3. — М.: Просвещение, 1968. — С. 92.
- 2 *Греч Н.И.* Пространная русская грамматика. — Т. I. — Ч. 2. — СПб.: Тип. Императ. СПб. воспитательного дома, 1830. — 579 с.
- 3 *Мандельштам И.* Об уменьшительных суффиксах в русском языке со стороны их значения (к истории поэтического стиля) // Журнал Министерства народного просвещения. — 1903. — № 7. — С. 34–66, 317–335.
- 4 *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1941. — С. 453.
- 5 *Карабань И.А.* Эмоционально-оценочные прилагательные с суффиксом *-еньк-* (*-оньк-*) (на материале белорусского и русского языков) // Труды по языкознанию БГУ им. В.И.Ленина. — Вып. 1. — № 45. — Минск, 1958. — С. 202–226.
- 6 *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. — 3-е изд., испр. — М.: Высш. шк., 1986. — С. 203.
- 7 *Кожин А.Н.* Уменьшительно-ласкательные имена существительные // Уч. записки МОПИ им. Н.К.Крупской // Русский язык. — Т. 228. — Вып. 15. — М., 1969. — С. 10.
- 8 *Александрович Л.В.* Сопоставительно-сравнительные отношения языковых единиц в синонимических микрополях лексической системы русского языка: Автореф. ... канд. филол. наук. — Майкоп: Изд-во АГУ, 2008. — С. 20.
- 9 *Плямоватая С.С.* Взаимодействие с контекстом и экспрессивная роль уменьшительно-оценочных имен существительных // Филологические науки. — 1961. — № 1.
- 10 *Шаховский В.И.* Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи // Вопросы языкознания. — 1984. — № 6. — С. 102.
- 11 *Шаховский В.И., Жура В.В.* Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности // Вопросы языкознания. — 2002. — № 5. — С. 38–51.
- 12 *Шаховский В.И.* Лингвистика эмоций: основные проблемы, результаты и перспективы [ЭР]. Режим доступа: http://tverlingua.bv.ru/archive/010/2_10.htm.
- 13 *Шаховский В.И.* Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации // Филологические науки. — 2002. — № 4.
- 14 *Барт Р.* S/Z: Бальзаковский текст: опыт прочтения / Пер. Г.Косикова и В.П.Мурат. Общая редакция, вступ. ст. Г.К.Косикова. — 2-е изд. испр. — М.: Ad Marginem, 1994. — С. 37.
- 15 *Кутина Л.Л.* Словарь русского языка XVIII века. — Л.: Наука, 1984. — 141 с.

Л.Ю.Мирзоева

Эмотивтік қиысу көпдеңгейлі бағалауыштық жүйенің көрсеткіші ретінде

Мақалада грамматикалық байланысқа қарағанда, бағалауыштық таңбаның бірлігіне негізделген эмотивтік байланыстағы тілдік бағалаудың мәселелері көтерілді. Сонымен қатар эмотивтік байланыс тек қана анықтауыш пен анықталып отырған сөздің байланысуының қарапайым (классикалық) жағдайын ғана емес, форма бірлігі, мағына бірлігі ретіндегі микромәтін немесе бүтін бір мәтін деңгейіндегі бағалауыштық таңбаның бірлігін қамти алатынын ескеру маңызды. Эмотивтік байланыстың дамуы да осы контекстегі рөлінің кенеюімен, атқаратын қызметінің артуымен тікелей байланысты болып отыр.

L. Yu. Mirzoeva

Emotional coordination as an indicator of multiple-level system of the evaluation system

The article is devoted to one of the most complicated phenomena in the sphere of linguistic evaluation, such as emotional coordination. In comparison with grammatical coordination, related to the interdependence of the subject (object) and the attribute, the emotional coordination is based on the similarity of positive or negative evaluative meaning. Different approaches to emotional coordination are also considered here including contemporary theories and previous researches made by Russian scholars in XIX century. The main idea is that the emotional coordination should be treated as one of the most important pragmatic factors forming the emotional orientation of the whole text.

УДК 81.23

Н.В.Дмитрюк

Южно-Казахстанский государственный педагогический институт, Шымкент (E-mail: nvdmitr@yandex.ru)

Ментально маркированные концепты языкового сознания этноса: методология исследования

В статье определена новая объектная область исследования современной казахстанской этнопсихолингвистики — изучение языкового сознания титульного этноса Казахстана; рассмотрены вопросы методологии выявления ментально маркированной концептосферы его культуры; обоснованы валидность и перспективность таких исследований с применением ассоциативных методов.

Ключевые слова: маркированный концепт, языковое сознание, ассоциативный эксперимент.

Язык не только говор, речь: язык есть образ всего внутреннего человека: его ума, того, что называют сердцем, он выразитель воспитания, всех сил умственных и нравственных. Да, язык есть весь человек в глубоком, до самого дна его природы, смысле.

И.А.Гончаров

Национально-специфическая концептосфера духовных и ментальных ценностей составляет стержень любой культуры, на котором строится и держится этническая идентичность и отдельно взятого народа, и его конкретного представителя, что особенно отчетливо проявляется в сопоставительном аспекте в условиях глобализации и интеграции полиэтнических государств, каким является современный суверенный Казахстан.

В этой связи всестороннее исследование концептов казахской национальной культуры и построение на их основе этноспецифической концептосферы становится актуальным и перспективным направлением в современной гуманитарной науке, поскольку казахская идентичность как основной стратегический ресурс, консолидирующий все многонациональное казахстанское общество под знамя единства всего народа Казахстана, способна стать основой формирования национальной идеи мирного содружества как гаранта устойчивого развития Казахстана.

Закономерным и перспективным объектом исследования последних лет становится повсеместное возрождение национальных традиций, базовых элементов культуры, переоценка духовных и ментальных ценностей в постсоветский и современный периоды построения суверенного государства. Стремление к сохранению самобытности и уникальности своего языка и культуры определено диалектическими закономерностями развития общества и свидетельствует об его витальности и жизнеспособности. Любой этнос интуитивно или осознанно стремится сохранить тот стержень, ту языковую и культурную доминанту, которая и *объединяет* его представителей, и одновременно *отделяет* от инокультурного окружения.

Поскольку язык народа представляет собой, по образному выражению В.Гумбольдта, «промежуточный мир», находящийся между народом и окружающим его объективным миром, между реалиями и сознанием человека, то исследовать культуру, ментальность, национальный характер этноса, его историю и психологию возможно и необходимо через язык народа. Только «овнешненное» в языке сознание, «внутренний мир» этноса позволяют выявить степень существования, функционирования и распространения тех или иных когнитивных смыслов в языке и культуре народа, что дает достоверное представление о специфике и динамике изменения его языкового сознания.

Философско-психическая основа реконструкции концептосферы ментальных и духовных ценностей этноса закладывает прочный фундамент для широкого круга лингвистических, культурологических, морально-этических изысканий.

Исследование языкового сознания (ЯС) представителей разных этносов широко практикуется в последние десятилетия на Западе и в России, но в Казахстане проблемами языкового сознания титульного этноса еще никто специально не занимался (некоторые работы Э.Д.Сулейменовой [1, 2], Н.Ж.Шаймерденовой [3–5], А.Е.Карлинского [6], Г.Г.Гиздатова [7], Н.В.Дмитрюк [8–12 и др.], Ж.Джамбаевой [13] и других носят характер либо пионерских, либо пилотажных прогностических исследований).

Психолингвистические исследования последних десятилетий доказали, что моделировать языковое сознание и вербальную память человека, выявлять национально-культурную специфику восприятия и понимания окружающего мира способны ассоциативные реакции, получаемые в ходе разного рода лингвистических ассоциативных экспериментов (свободных и направленных, прямых и обратных, комплексных и фрагментарных и т.п.).

Поскольку в последнее десятилетие в российской, а следом за ней и в казахстанской лингвистической науке обнаружился «повальный» интерес к ассоциативным экспериментам, сопровождающийся зачастую некорректной интерпретацией их результатов, проведением таких экспериментов с нарушением методики и обработки результатов полученных данных (что, безусловно, искажает и «смазывает» объективную картину в исследовании языкового сознания), имеет смысл прояснить некоторые положения экспериментальных исследований вообще и ассоциативных экспериментов, в частности [10–14 и др].

Эксперимент в науке традиционно считается самым объективным исследовательским методом. Однако в психолингвистике он имеет свою специфику, которая значительно снижает эффективность его использования, если не соблюдать условия его проведения, требования к последовательности этапов, контингенту испытуемых и их количеству, некорректную (ненаучную) трактовку его результатов и т.п. (см. об ассоциативных экспериментах и словарях работы Е.И.Горошко, в частности [14]).

В последние годы особый интерес представляют научные разработки в области обыденного языкового сознания среднестатистического носителя языковой культуры, которые играют все большую роль в исследовании структуры языкового сознания, а наиболее распространенным и разработанным методом при этом является *свободный ассоциативный эксперимент* (САЭ). Действительно, на сегодняшний день метод свободного ассоциативного эксперимента (который поначалу был заимствован лингвистами из психиатрических методик К.Юнга) является одним из наиболее простых, доступных и действенных способов исследования языкового сознания. При всей индивидуальности процесса

ассоциирования при большом количестве анкетированных выявляется некоторая обязательная общность реагирования на одинаковые слова-стимулы, предложенные респондентам.

Суть САЭ состоит в том, что большому количеству респондентов (от 500 до 1000 и более) предлагается ответить на заданные слова-стимулы (S) первыми, пришедшими в голову ассоциациями — ассоциативными реакциями (R). В ходе таких экспериментов носители разных языков отвечают на единый набор эквивалентных стимулов (на родном языке) первой, возникшей в сознании вербальной ассоциацией — ответной реакцией. Это так называемый прямой ассоциативный эксперимент, т.е. путь от стимула к реакции: S→R. Весь спектр полученных таким образом ассоциативных реакций на определенное слово-стимул представляет собой *ассоциативное поле* (АП), или, как принято теперь говорить, *ассоциативно-вербальную сеть*, ABC (в терминологии Ю.Н.Караулова [15]).

Наиболее часто встречающиеся, а значит, самые типичные ассоциации образуют так называемый *центр* АП, это условно от 5 до 10 первых по частоте ассоциаций; а менее частотные реакции, встретившиеся 1–3 раза из 1000, называют *периферией* АП.

Общность ассоциаций, их типичность и высокочастотность позволяют говорить о существующей общности *коллективного, массового* сознания этноса (хотя, безусловно, наряду и с учетом наличия индивидуальных, единичных ассоциаций у отдельных представителей исследуемых языков). Наличие этих общих ассоциативных связей между словами данного языка обеспечивает адекватность понимания в процессе общения. Иначе, если бы у всех носителей языка одно и то же слово ассоциировалось с совершенно разными представлениями, общение между людьми было бы затруднено. Поэтому наличие общих реакций на одинаковые слова-стимулы вытекает из социальной природы языка.

Ассоциативное поле (АП) у одних слов может быть широким, многочисленным, у других слов — узким, стереотипизированным. Это зависит и от круга сочетаемости слова-стимула (*навзрыд* — *плакать*, *рыдать*, *ребенок*, *больно* и немного других подобных слов с узким спектром сочетаемости), и от степени стереотипности мышления информанта и народа в целом.

Так, оказалось, что мышление американцев заметно более стереотипное, типизированное, чем, скажем, у русских, а у казахов оно еще более конкретное и индивидуализированное, по сравнению с русскими. Например, на слово TABLE (СТОЛ) из 1000 американцев, по данным D.Kiss (1972), 814 человек ответили ассоциацией *chair* (*стул*), а всего разных ответов в этом АП оказалось 56. В Словаре русских ассоциаций, по данным словаря А.А.Леонтьева (1977), на слово СТОЛ самой типичной тоже оказалась реакция *стул*, но этим словом отреагировали только 116 человек из 1000, а всего разных ответов в русском АП стимула СТОЛ набралось 94, т.е. спектр разнообразных ассоциаций русских заметно шире, чем у американцев, ответы русских более разнообразны, менее стереотипны. Для сравнения: из 1000 информантов-казахов, по данным нашего ассоциативного словаря, на стимул СТОЛ 157 человек ответили ассоциацией *ағаш* (деревянный), 135 — *үлкен* (большой), 105 — *тегіс* (гладкий), а всего разных ответов в этом АП у казахов оказалось 120; как видим, их ответы еще более разнообразны и индивидуальны [8].

Существующие в мировой практике словари ассоциативных норм моделируют вербальную память и языковое сознание «усредненного» носителя языка и этнической культуры, поскольку ассоциативные вербальные реакции на слово-стимул указывают на неосознаваемые содержания, связанные с этим словом и хранящиеся в сознании (или в «подсознании») носителя языка; обладают достаточной репрезентативностью, что позволяет делать выводы о сознании всех представителей конкретного национального языка и культуры; в них отражается наивная языковая картина мира этноса и представлены черты национального характера; сопоставление материалов ассоциативных словарей дает уникальные сведения о национально-культурной специфике восприятия окружающего мира представителями разных этносов.

Материалы, представленные в ассоциативных словарях, позволяют по-новому увидеть процессы владения и овладения языком, речевого воздействия, мотивации и поведения, определить характер ценностных ориентаций в мире. Анализируя ABC словаря ассоциаций, можно выявить базовые элементы, входящие в «образ мира» современного носителя языка, можно обнаружить «культурную» специфику словарных единиц, те фоновые значения, которыми «обрастает» слово в процессе функционирования. Любой ассоциативный словарь — это мощный инструмент социологического и социально-психологического исследования, позволяющий судить о ментальном климате, характерном для участников эксперимента — современных носителей исследуемой языковой культуры.

Наша работа «Ментально маркированные концепты казахской культуры, социальная идентичность и толерантность» в течение ряда лет осуществляется в рамках Государственной бюджетной

программы научных исследований, а в текущем году — в соответствии с приоритетом «Интеллектуальный потенциал страны» на основе грантового финансирования Комитетом науки МОН РК. (Договор № 1472).

Целью работы является исследование форм существования и функционирования языкового сознания титульного этноса Казахстана и форм его трансформации в постсоветский период; выявление ментально маркированных концептов казахской культуры и определение иерархии этнокультурных ценностей этноса, отраженных в языковом сознании и в концептосфере культурных ценностей казахского этноса.

Содержанием предлагаемого исследования является создание Казахско-русского ассоциативного словаря (КРАС) и выявление на его основе казахской концептосферы, а также сравнительно-сопоставительный анализ ядра и периферии языкового сознания двух контактирующих этносов — казахского и русского. Сопоставления материалов казахского и русского корпуса ассоциативных экспериментов призваны обнаружить и интерпретировать этнокультурные стереотипы и специфику языкового сознания представителей двух сопоставляемых этносов. При этом интересным представляется рассмотреть феномен казахской и русской ментальности в аспекте этнокультурной адаптации в иноязычной среде.

В русле заявленных в Проекте целей исследования нами на первом этапе работы была поставлена задача разработки и апробации эффективной методики исследования ЯС носителей казахского языка и культуры на основе свободного ассоциативного эксперимента. Вопрос о выборе списка слов-стимулов решился в пользу составленного в Секторе психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания РАН (г. Москва) и широко апробированного в исследовательской практике перечня 112 слов [16; 217], в основе которого лежит список стимулов американских ученых-психиатров Г.Кент и А.Розанова. Этот список был переведен на казахский язык и представлен в виде анкеты для проведения массовых ассоциативных экспериментов. Использование данного списка слов удобно для дальнейших широких межъязыковых, а следовательно, и межкультурных [17] сопоставлений; на его основе проведены ассоциативные эксперименты и получены данные более чем на двадцати языках.

Приведем полный список заданных в нашей анкете стимулов, переведенных на казахский язык.

Аға / дядя; старший брат/, адам /человек/, айқалау /кричать/, ақ /белый/, ақмақ /дурак/, ақша /деньги/, ақылды /умный/, ақылсыз /глупый/, ана /мать/, ауру /больной; болезнь/, ауыз /рот/, ауыл /деревня/, әдемі /красивый/, әділдік /справедливость/, әже /бабушка/, әйел / женщина/, әлсіз /слабый/, әңгіме /разговор/, бай /богатый/, бақыт /счастье/, бала /мальчик/, бас /голова/, басы /начало/, бет /лицо/, бос /свободный/, бірге /вместе/, дауыс /голос/, дос /друг/, еркек /мужчина/, еске алу /вспоминать/, ескі /старый/, есік /двери/, ескерткіш /памятник/, жақсы /хорошо, хороший/, жақсылық /добро/, жаман /плохо, плохой/, жамандық /зло/, жан /душа/, жаңа /новый/, жарық /свет, освещение/, жас /молодой/, жасыл /зеленый/, жау /враг/, жек көру /ненавидеть/, жел /ветер/, жер /земля/, жоғалту /терять/, жол /дорога/, жұбайы /жена/, жұмыс /работа/, жүру /ходить/, кездесу /встреча/, кеш /вечер/, көз /глаза/, көмектесу /помогать/, көп /много/, күйеу /муж/, күн /день/, күш /сила/, кішкентай /маленький/, қала /город/, қалау /хотеть/, қара /черный/, қол /рука, руки/, қонақ /гость/, көңілді /веселый/, қуаныш /радость/, Құдай /Бог/, қыз бала /девочка/, қыз /дочь/, қызыл /красный/, махаббат /любовь/, мәңгілік /вечность/, мәшине /машина/, нан /хлеб/, ойлану /думать/, орман /лес/, от /огонь/, отан /родина/, отбасы /семья/, өзен /река/, өлім /смерть/, өмір /жизнь/, өмір сүру /жить/, өтірік /обман/, сараң /жадный/, саусақ /палец/, сәби /ребенок/, соғыс /война/, сөз /слово/, сөйлеу /говорить/, су /вода/, таза /чистый/, тамақ жеу /есть, кушать/, таңертең /утро/, тау /гора/, тез /быстро/, туған /родной/, түн /ночь/, уақыт /время/, уәде беру /обещать/, үлкен /большой/, ұят /стыд/, үй /дом/, үлгеру /успеть/, үміттену /надеяться/, үстел /стол/, халық /народ/, іздеу /искать/, іні /младший брат/, іс /дело/, ішу /пить/.

Перевод стимулов для анкеты осуществлялся специалистами казахского языка, прошел апробацию в небольшой казахоязычной аудитории, был окончательно скорректирован, и готовые анкеты были запущены в пилотажный эксперимент, участниками которого стали 56 студентов и преподавателей специальности «Казахский язык и литература» Южно-Казахстанского государственного педагогического института (Шымкент).

После систематизации и анализа полученных ответов на заданные стимулы были обнаружены некоторые особенности восприятия и ассоциативного реагирования информантов-казахов на заданные слова-стимулы. Так, даже при беглом просмотре анкет обнаружилось, что, несмотря на условие эксперимента отвечать одним словом — ассоциативной реакцией, множество анкет наших

информантов были сплошь исписаны либо несколькими ассоциациями на один стимул, либо словосочетаниями и предложениями.

При этом следует отметить большое количество ответов паремиологического характера, и это будет содержанием отдельной статьи: ассоциативный ряд, характеризующий языковое сознание казахов, как оказывается, в большой степени представляет собой образную пословично-паремиологическую языковую картину мира. Возможно, это связано с широко распространенной традицией айтысов в казахской культуре, высокоразвитой культурой песенных импровизаций акынов и т.п. Во всяком случае, в материалах Русского ассоциативного словаря (РАС) такого рода ответы встречаются гораздо реже.

Объем журнальной статьи не позволяет представить сопоставительный анализ полученных нами предварительных результатов пилотажного САЭ с аналогичными материалами «Казахско-русского ассоциативного словаря» Н.В.Дмитрюк советского периода (1970-е гг.). Тем не менее, уже можно отметить, что по сравнению с материалами 30-летней давности наименьшим изменениям подверглись восприятие и оценка таких концептуальных понятий, как, например, *дом, семья, мать, друг, родина* и др.; в то время, как заметные отличия характеризуют трактовки таких понятий, как, например, *религия, партия, деньги, работа* и др.

Задачей наших ближайших исследований станет выявление области *совпадений* ассоциативных реакций (этнические константы, область неизменного в коллективном сознании этноса на определенном отрезке времени), а также области *изменений* (трансформация и преобразование языкового сознания казахов в постсоветский, пореформенный и современный периоды).

Отмеченные нами элементы смещения аксиологических составляющих языкового сознания казахского этноса, проявившиеся в выборе ценностных приоритетов, характерологических показателей оценки тех или иных явлений окружающего мира, требуют дальнейших исследований этнокультурной концептосферы казахского этноса, которую мы стремимся выявить и описать с помощью ассоциативных методов.

Для реализации этой цели предполагается решение следующих конструктивных, последовательно поставленных задач.

Во-первых, необходимо провести массовой свободный ассоциативный эксперимент методом анкетирования по общепринятому в международной практике списку слов-стимулов (100–150 лексем) с 1000 респондентами-казахами от 17 до 35 лет (именно это поколение представляет интеллектуальный потенциал страны). Во-вторых, по результатам ассоциативного эксперимента составить словарь ассоциативных норм казахского языка с учетом ранговой частотности ассоциаций-реакций; с выявленными наиболее частотными ассоциациями провести обратный ассоциативный эксперимент и структурировать в аналогичные словарные статьи его результаты. В-третьих, на основе материалов «прямого» и «обратного» ассоциативных экспериментов выявить ядро языкового сознания (ЯЯС) казахов (по аналогии с такими же исследованиями, где было выявлено ядро языкового сознания русских [Леонтьев 1977], ядро языкового сознания англичан [G.Kiss, 1952], ядро языкового сознания испанцев [Караулов, 2000] и др.). В-четвертых, сопоставить полученные результаты с аналогичными материалами «Казахско-русского ассоциативного словаря» Н.В.Дмитрюк [Дмитрюк, 1998], созданного в 1970-е годы, и выявить область совпадений (этнические константы, область неизменного в коллективном сознании) и область изменений (трансформацию языкового сознания казахов в постсоветский и пореформенный периоды, смещение аксиологических составляющих в выборе ценностных приоритетов, характерологических показателей и проч.).

Что касается научной значимости такого рода исследований языкового сознания казахского этноса, то следует отметить, что процесс самопознания, самоидентификации, определение своих приоритетов и концептуальных ценностей всегда был важной составляющей любого социума. В современном мире глобальных потрясений, геополитических изменений, кризисных состояний психологического климата в обществе происходят постоянные трансформации, переоценки разного рода морально-этических, национально-культурных и социально значимых приоритетов. Систематизация результатов предлагаемых экспериментальных исследований призвана дать объективную картину этносоциальной ситуации в полиэтничном обществе Казахстана, что позволит объективировать в наборе концептов общечеловеческие универсалии в отражении окружающего мира и в то же время увидеть специфическое в национальном семантическом пространстве казахского языка.

Особую научную значимость в контексте национальной идеи возрождения культуры, единства и сотрудничества приобретают исследования ментальности казахского этноса, выявления ядра его языко-

вого сознания, определенным образом структурирующей когнитивную базу носителей любого национально-культурного менталитета, в данном случае — казахского.

Кроме того, весьма значимым в определении реальной концептосферы этноса является исследование не только ядра языкового сознания казахского и русского этносов, но и того, что оказывается на периферии этнических констант, что явно или неявно «расшатывает» устои сформировавшихся социумов или привносится другими культурами и цивилизацией, — то, от чего трудно отказаться. И если первое (ядро ЯС, культура, этнические концепты-константы) характеризует этнос изнутри, передается от поколения к поколению, представляет собой, по К.Юнгу, «коллективное бессознательное» и этому нельзя «научить», то второе (результаты, блага цивилизации) представляет «внешние» признаки, вполне подвергается коррекции и трансформации, представляет собой «коллективное сознание / сознательное» и ему можно «обучить» [16].

Необходимость межъязыковых сопоставлений экспериментальных (в данном случае, ассоциативных) данных обуславливается еще и тем, что только при таком условии можно надеяться на объективность выводов и избежать поспешных обобщений.

Ожидаемым итогом заявленной в Проекте исследовательско-экспериментальной работы должно стать определение формы выражения национальной идеи в этнокультурной концептосфере казахского этноса.

Список литературы

- 1 Сулейменова Э.Д. Архетип «гадкого утенка» и языковая идентичность // Язык и идентичность: Сборник материалов Междунар. науч.-теор. конф. «Язык и идентичность». Ахановские чтения. — Алматы, 2006. — С. 15–25.
- 2 Сулейменова Э.Д. Этнолингвистическая ситуация в Казахстане: настоящее и будущее: Аналит. докл. — Алматы-Астана: Мектеп, 2009. — 305 с.
- 3 Шаймерденова Н.Ж., Карабулатова И.С., Ниязова Г.М., Авакова Р.А. Этнолингвистика Евразийского континуума: теория и практика: Учеб. пособие. — М.: РУДН, 2009. — 376 с.
- 4 Шаймерденова Н.Ж., Султанова К.Р., Сламбекова А.Т. Язык и культура в ретроспективе памятников письменности. — Астана: Мектеп, 2010. — 272 с.
- 5 Шаймерденова Н.Ж., Карабулатова И.С., Ниязова Г.М. Этноязыковой контекст: осмысление и воплощение // Нурсултан Назарбаев: идея мира и общественного согласия. — Астана: Ақарман-медиа, 2010. — С. 102–126.
- 6 Карлинский А.Е. Основы теории взаимодействия языков. — Алма-Ата: Ғылым, 1990. — 182 с.
- 7 Гиздатов Г.Г. Когнитивные модели в речевой деятельности. — Алматы: Ғылым, 1997. — 176 с.
- 8 Дмитрюк Н.В. Казахско-русский ассоциативный словарь. — Шымкент-М.: Изд-во Ин-та языкознания РАН, 1998. — 246 с. / <http://dmitryuk-nv.livejournal.com>
- 9 Дмитрюк Н.В. Формы существования и функционирования языкового сознания в негомогенной лингвокультурной среде: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М.: ИЯ РАН, 2000. — 62 с.
- 10 Дмитрюк Н.В. Ассоциативный эксперимент как средство исследования языкового сознания // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики. — Ч. 2. — Челябинск: Изд. ЮУрГУ, 2007. — С. 28–29.
- 11 Дмитрюк Н.В. Значение и назначение ассоциативных словарей в исследовании языкового сознания // ММНК «Языковая этнокоммуникация в современном Казахстане: инновационные технологии исследования» (к 70-летию проф. Д.А.Молдалиевой). — Шымкент-М., 2008. — С. 27–30.
- 12 Дмитрюк Н.В. Языковое сознание этноса в призмe ассоциативного словаря // ММНК «Язык и инновации» КазНУ. Ахановские чтения. — Алматы, 2012. — С. 252–255.
- 13 Джамбаева Ж. Аксиологические стереотипы языкового сознания казахстанцев: Автореф. ... д-ра филол. наук. — Кокшетау, 2010. — 48 с.
- 14 Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. — Харьков-М.: Ра-Каравела, 2001. — 320 с.
- 15 Русский ассоциативный словарь // Под ред. Ю.Н.Карауловой, Ю.А.Сорокина, Е.Ф.Тарасова, Н.В.Уфимцевой. — Т. 1. — М.: Помовский и партнеры, 1994. — 665 с.
- 16 Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян. — М.: ИЯ РАН, 2000.
- 17 Залевская А.А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике. — Калинин: Изд-во КГУ, 1980. — 88 с.

Н.В.Дмитрюк

Этностың тілдік санасының менталды таңбаланған концептілері: зерттеу әдіснамасы

Мақалада бүгінгі күнгі Қазақстан этнопсихолінгвистикасын жаңа зерттеу нысанасы — титулды этносының тілдік санасын анықтау ұсынылған; оның мәдениетінің менталды таңбаланған концептосферасын зерттеу әдіснамасы мәселелері қарастырылды; ассоциативті әдіс қолданылатын мұндай зерттеулердің валидтілігі мен болашағы негізделді.

N.V.Dmitryuk

Mentally marked concepts of language consciousness of ethnos: methodology of research

The article determines a new research object field in the modern Kazakhstani ethnic and psycholinguistics — study of the Kazakhstani titular ethnic group's language consciousness; the methodology for revealing mentally marked sphere of concepts of its culture is considered; validity and prospects of such studies using associative techniques is grounded.

УДК 81–112.2*232

Ж.А.Нуршаихова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы (E-mail: zhanara26n@mail.ru)

Структурный синтаксис в прагматике

В статье описана попытка реализации метода символического описания предложения в целях преподавания русского языка как иностранного. Основываясь на грамматических связях предметных и глагольных слов с атрибутивными, автором разработан алгоритм построения предложения определенного типа.

Ключевые слова: прагматика, стемма, алгоритм, грамматическая категория, субъект, атрибут, предикат, стемматический анализ.

Авторское алгоритмизированное построение модели русского предложения, транспонируемое в прагматику, основано на подходе, базирующемся на лингвистических теориях Н.Хомского [1], в плане трансформационной порождающей грамматики, и Л.Теньера [2] — с его оригинальным видением структурного синтаксиса. Нами сконструирована виртуальная унифицированная структура русского предложения [3], разработаны алгоритмы семантического и синтаксического анализа этой структуры, кроме того, мы рассматриваем алгоритмы моделирования предложения в двух уровнях: внешнем и внутреннем. К внешнему уровню мы относим построение унифицированной структуры предложения от глубинной к поверхностной, по Хомскому. А к внутреннему уровню мы относим структурное соотношение элементов модели как содержание самой структуры унифицированного предложения — по Теньеру.

Говоря о функциональности элементов, объединенных в структурное единство (предложение), о семантическом плане отражения мыслью действительности и о синтаксическом плане выражения языковыми средствами абстрактной мысли, нельзя не остановиться на понятии «категория».

Существующие категории делятся на категории мыслительные и грамматические. В плане содержания мы можем говорить о первых из них, а в плане выражения — о вторых. Посредством мыслительных категорий человеческое мышление осознает действительность. Посредством грамматических категорий язык отражает мысль. То есть категории мысли располагаются в плане содержания,

семантики, и, поскольку в основе мышления лежат одни и те же психологические и логические операции, они свойственны всем людям независимо от языка, на котором они говорят, они свойственны «языку мысли», «внутреннему языку» человека [4].

Категории языка располагаются в плане оформления и разнятся между собой в зависимости от языковой принадлежности. Скажем, в русском языке преобладает различие категорий одушевленности / неодушевленности, категорий мужского, женского и среднего рода, что не свойственно казахскому и английскому языкам. В рамках глагола в русском языке доминирует категория вида, а в казахском и английском (несмотря на то, что эти языки относятся к разным языковым группам) преобладает категория времени.

Каждый язык, для того чтобы оставаться жизнеспособным, должен удерживаться в рамках того или иного числа грамматических категорий. Что же касается их состава, то здесь язык вправе отбирать те категории, которые ему больше подходят, в зависимости от сложности культуры, которую он выражает. Именно этим объясняется разнообразие грамматических категорий, встречающихся в разных языках.

То есть для выражения той или иной мысли (для составления предложения) нам необходимо выполнить некоторые языковые функции для чего в качестве инструментов мы используем различные грамматические категории в зависимости от того, на каком языке мы хотим выразить нашу мысль.

Категории статичны и инертны. Функции, напротив, динамичны и активны.

Пример: *Сабина поливает цветы.*

Статичность категорий показывают слова «Сабина» и «цветы», которые относятся к грамматической категории существительного, и слово «поливать», относящееся к грамматической категории глагола. Если ограничиться изучением грамматических категорий, то мы можем лишь констатировать факт существования некой Сабины (имени существительного, имени собственного, единственного числа, женского рода), неких цветов (имени существительного, имени нарицательного, множественного числа) и некоторого действия *поливать* (глагола несовершенного вида). Мы не обнаруживаем того, что объединяет эти три изолированных элемента в единое предложение.

Если же опереться на понятие функции, то увидим, что слово *Сабина* выполняет функцию субъекта, *цветы* — объекта, а слово *поливает* служит сказуемым, т.е. центром глагольного узла *поливает цветы*. Теперь все становится на свои места, устанавливаются синтаксические связи, обнаруживается функциональность грамматических категорий и предложение обретает смысл. Приведенный пример свидетельствует о том, что изучение грамматических категорий и изучение их функций является прерогативой синтаксиса.

Тот раздел, который занимается изучением категорий, называют статическим синтаксисом, а раздел, который исследует функции, — динамическим синтаксисом. В связи с тем, что в своей работе мы занимаемся структурным синтаксисом, т.е. функциональным синтаксисом, мы рассматриваем грамматические категории лишь в связи с их функционированием.

В соответствии с разделением синтаксиса на статический и динамический мы различаем статический и динамический порядок элементов языка, опираясь на предложенные Л.Теньером определения [2].

Статический порядок — это логический и классификационный взгляд на элементы языка, имеющийся в сознании носителей языка безотносительно к функционированию этих элементов в предложении. Примером такого порядка служат грамматические парадигмы склонения и спряжения.

Динамический порядок характеризует способ организации статических элементов в нашем сознании, позволяющий этим элементам функционировать в составе предложения. Этот порядок соответствует внутренней форме языка, именно он управляет установлением синтаксических связей и построением синтаксической структуры предложения.

Выяснив, что такое категории, функции, мы подходим к вопросу, каким образом будем классифицировать слова, т.е. инструменты, при помощи которых собираемся составлять предложение.

Для начала обозначим, что мы представляем под полнозначными словами. Цитируя академическую грамматику, пишем: «В современном русском языке существует десять частей речи:

- 1) имя существительное;
- 2) местоимение-существительное;
- 3) имя прилагательное;
- 4) имя числительное;

- 5) наречие;
- 6) глагол;
- 7) предлог;
- 8) союз;
- 9) частицы;
- 10) междометие.

Первые шесть частей речи — это знаменательные (полнозначные или самостоятельные) слова, т.е. слова лексически самостоятельные, называющие предметы и признаки или указывающие на них, и способные функционировать в качестве членов предложения» [5]. Полнозначные слова непосредственно выражают мысль.

Опираясь на академическую грамматику, также выделяем две группы знаменательных (полнозначных слов): основные части речи (существительное, прилагательное, глагол, наречие) и неосновные части речи (местоимение-существительное, числительное).

К основным частям речи относятся грамматические классы слов, характеризующие совокупностью следующих признаков: 1) наличием обобщенного значения, абстрагированного от лексических и морфологических значений всех слов данного класса; 2) комплексом определенных морфологических категорий; 3) общей системой парадигм и 4) общностью основных синтаксических функций.

К неосновным частям речи относятся местоимения-существительные и числительные [5].

Однако со стороны значения основные части речи характеризуются академической грамматикой следующими противопоставлениями: 1) существительное как называющее предмет (субстанцию) противопоставлено всем другим частям речи — прилагательному, наречию и глаголу как называющим признак предмета или другого признака; 2) внутри частей речи, называющих признак, прилагательное и наречие, называющие непроцессуальный признак, противопоставлены глаголу, называющему процессуальный признак; 3) части речи, называющие признак, противопоставляются также друг другу в зависимости от того, называют ли они признак только предмета (глагол, прилагательное) или признак как предмета, так и другого признака (наречие).

Итак, существительные, прилагательные, глаголы и наречия составляют четыре класса знаменательных слов, лежащих в самом основании языка. Но хотелось бы в данном случае провести границу между традиционным пониманием глагола и нашим унифицированным к нему отношением.

Все усложненные определения являются преградой в обучении языку. В приведенной выше цитате даны традиционные определения частей речи академической грамматикой, из чего мы видим, что существительное называет предмет, далее — прилагательное называет признак предмета, дальше труднее: глагол называет процессуальный признак предмета, а наречие — признак признака. Не сказать, чтобы эти определения имели большую объяснительную силу.

Мы, желая унифицировать любой подход к языку, осмелимся подойти к нему с логических позиций, классифицируя полнозначные слова по их категориальному содержанию и выделяя два основания для классификации. Первое основание — делим полнозначные слова на предметы и процессы, и второе основание — делим их на имеющие или не имеющие при себе атрибутивных (определятельных) слов. (Геньер делит их на абстрактные и конкретные понятия, мы, чтобы не путать с традиционными терминами «конкретные и абстрактные существительные», отказались от такого деления).

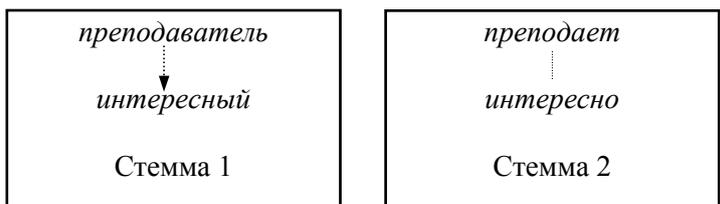
1. Полнозначные слова, называющие предмет, являются существительными. Полнозначные слова, обозначающие процессы, называются глаголами.

2. Исходя из деления знаменательных слов на имеющие или не имеющие при себе атрибутики (атрибутивных, определятельных слов), получаем два новых разряда полнозначных слов: один — в области предметов, а второй — в области процессов.

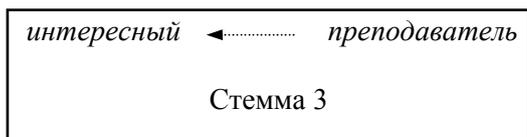
Отсюда полнозначные слова, приносящие абстрактную атрибутику предметам, называются прилагательными, а полнозначные слова, выражающие абстрактные атрибуты процессов, называются наречиями, и, как мы знаем, по своей природе прилагательные сближаются с существительными, а наречия с глаголами. Наречие привязано к глаголу так же, как прилагательное привязано к существительному, разница только в силе этой «привязанности», в виде синтаксической связи, поскольку при согласовании связь получается более тесная, чем во втором случае — при примыкании, когда наречие только приставляется к глаголу без каких-либо формальных изменений.

Например, *интересный преподаватель* трансформируем в *он интересно преподает*.

Получаем две стеммы:

Наши стеммы универсальны тем, что мы можем их расположить как горизонтально, так и вертикально. В этом случае суть не в словорасположении, а в разновидности стрелок и их направлении. По стрелкам мы можем определить не только то, какое слово подчиняет, а какое слово подчиняется, но и сам вид синтаксической связи:

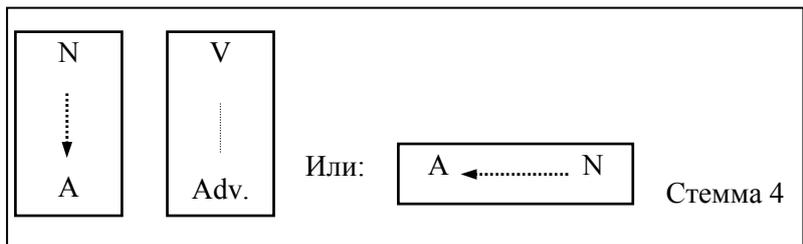
Каждый из классов однозначных слов мы представляем в своих стеммах некоторыми символами, которые отражают его глубинную природу и при этом позволяют абстрагироваться от его случайных черт. В своей работе мы используем следующие символы:

- N и O = существительное (N — в значении подлежащего; O — в косвенном падеже);
- A = прилагательное;
- V = глагол;
- Adv. = наречие.

Эти буквы и буквосочетание заимствованы из английского языка, где они обозначают: **N** — существительное (*Noun* — существительное на английском языке), им мы условились называть существительное или местоимение-существительное в Именительном падеже; **O** — существительное в косвенном падеже (*Object* — объект, предмет, не являющийся субъектом, дополнение), эта буква используется в модели с цифровыми обозначениями для демонстрации падежного номера существительного: **O_{2,3,4,5,6}**; **A** — прилагательное (от английского *Adjective* — прилагательное) или согласующиеся с существительными части речи — местоимения и порядковые числительные. Этот знак в моделях также используем с цифровыми обозначениями для наглядной презентации падежа: **A_{2,3,4,5,6}**. Просто буква **A** без цифр означает согласованную с подлежащим часть речи (прилагательное, притяжательное или другое согласуемое с существительным местоимение, порядковое числительное); **V** — глагол (от английского *Verb* — глагол) используется для обозначения сказуемого в модели; **Adv.** — наречие (в английском языке — *Adverb*, то же что *наречие*), т.е. примыкаемые к глаголу слова.

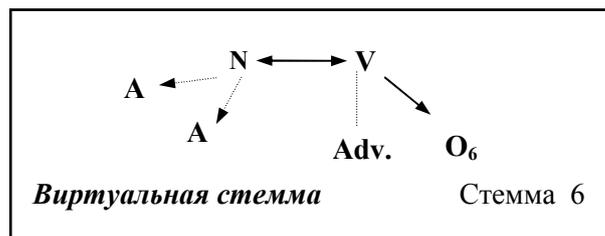
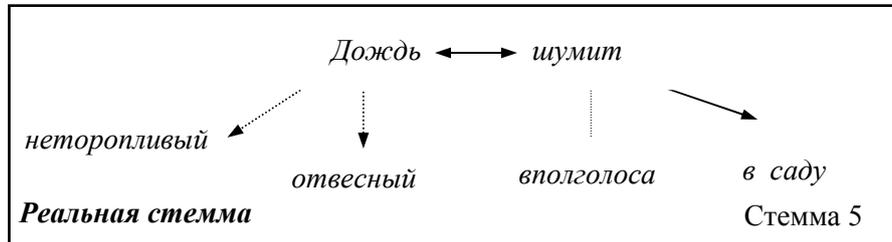
Русская академическая грамматика использовала символ N для любого имени, для имени существительного — **N_N**, для спрягаемой формы глагола — **Vf**, для инфинитива — **Inf.**, для предикатива — **Praed.**, для наречия — **Adverb**, для Именительного падежа — **N₁**, для косвенных падежей: **N₂** (Р.п., также Gen.), **N₃** (Д.п.), **N₄**, или Acc. (В.п.), **N₅** (Т.п.), **N₆** (П.п.), для любого косвенного падежа — **N_{2...6}**, для прилагательного — **Adj.**, для междометия — **Interj.**, для местоимения **Pron.**, для распространителя структурной схемы предложения (детерминанта) — **D**, для отрицания — **Neg.**, для ед.ч. — **s**, для мн.ч. — **pl.** [5].

Если вернуться к нашим обозначениям, то, заменив слова названными символами, мы имеем стеммы следующего вида:

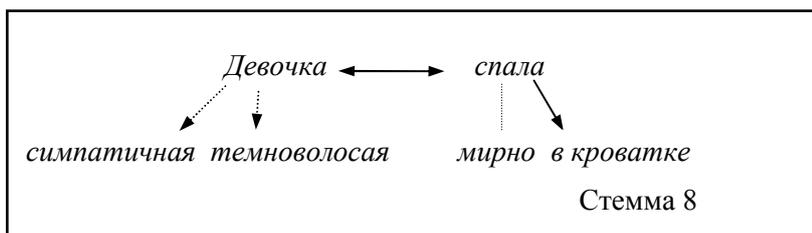
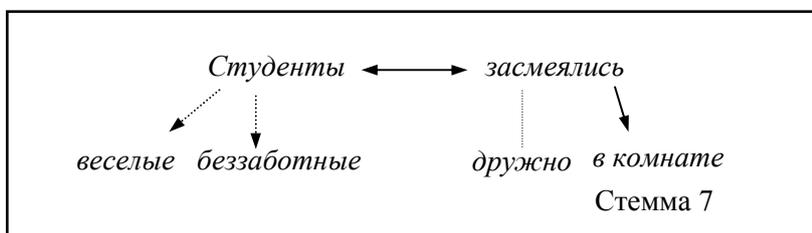
Таким образом, если в стемме заменить конкретные слова из предложения символами тех классов, к которым они принадлежат, мы получим вместо стеммы, построенной из слов, стемму — из символов. Первую мы будем называть реальной стеммой, а вторую — виртуальной [2].

Например, предложению *В саду шумит вполголоса неторопливый отвесный дождь* (К.Пауст.) соответствует реальная стемма 5 и виртуальная стемма 6.

По приведенным нами примерам нетрудно заметить, что виртуальная стемма 6, реализующая в модельном варианте предложение *В саду шумит вполголоса неторопливый отвесный дождь*, — абсолютно подходит для таких предложений, как:

В комнате дружно засмеялись беззаботные веселые студенты.
В кроватке мирно спала симпатичная темноволосая девочка.

Таким образом, вместо бесконечного множества конкретных предложений мы можем рассматривать ограниченное число типовых предложений, описываемых более общими схемами.

То есть эти примеры наглядно показывают, что виртуальная стемма игнорирует семантику; в ней отражается только структура предложения. Предложения, рассмотренные выше, очевидным образом имеют совершенно разный смысл, но построены по одной и той же структурной схеме. И приведенные примеры доказывают виртуальность стеммы 6 в противовес реальным стеммам 5, 7, 8. То есть мы видим, что реальная стемма отображает реальное предложение со всеми его морфологическими тонкостями, тогда как виртуальное предложение, символически представляя факты грамматики и преодолевая чисто внешние свойства предложения, позволяет зафиксировать глубинную структуру Хомского [1].

Нами экспериментально и апробационно проверено на кафедре языковой подготовки иностранцев КазНУ им. аль-Фараби, что введение структурного метода и вытекающего из него стемматического анализа предложения благотворно сказывается на преподавании языков, в частности, русского и казахского как иностранных.

Поэтому указанный метод символического представления предложений стал для нас решающим в видении структурного синтаксиса, предоставившего нам возможность рассмотреть за множеством второстепенных внешних черт реального предложения его виртуальную структурную основу, которая имеет большое значение для усвоения языка. Структурный метод позволяет легко выделить основные структурные типы предложения, которым необходимо обучать, из бесконечного множества их однообразных конкретных воплощений, для наилучшего понимания глубинной сущности изучаемого языка.

Список литературы

- 1 *Хомский Н.* Аспекты теории синтаксиса. — М.: Изд-во МГУ, 1972. — 260 с.
- 2 *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. — М.: Прогресс, 1988. — 250 с.
- 3 *Нуршаихова Ж.* Русский язык и алгоритмы. Монография. — Алматы: Изд-во КазНУ, 1999. — 190 с.
- 4 *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. — Вып. 1–12. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 780 с.
- 5 *Русская грамматика.* — Ч. 1. — М.: Наука, 1980. — 783 с.

Ж.А.Нұршайыхова

Прагматикадағы құрылымдық синтаксис

Мақалада автордың прагматикаға енген орыс сөйлемдері моделінің алгоритмделген құрылымы жайлы айтылды. Сөйлемді зерделеудің құрылымы синтаксистің тақырыбы болып табылады. Орыс тілді шет тіл ретінде оқытудағы сөйлемді символдық әдіспен қарастырудың жүзеге асуы сипатталған. Грамматикалық байланыстардың негізінде заттық және етістік сөздердің атрибутивтік сөздермен байланысы көрсетілген. Автор белгілі бір сөйлем үлгісі алгоритмін құрастырған.

Zh.A.Nurshaihova

Structural syntax in pragmatics

The subject of the structural syntax is the study of utterance. This paper describes an attempt to implement the method of the symbolic description of utterances for teaching the Russian as a foreign language. Based on the grammatical relations of subject and verb words with attributive the author develops an algorithm of the construction of the utterance of certain type.

Э.В.Мельникова

Казахстанский филиал МГУ им. М.В.Ломоносова, Астана (E-mail: basilya@gmail.com)

Эстетическая роль коммуникативных средств в звучащем художественном произведении (на примере образа Лизы в т/с «Цветы от Лизы»)

Статья посвящена некоторым особенностям функционирования коммуникативных средств русского языка в звучащем художественном тексте в аспекте семантического устройства коммуникативного уровня русского языка, значения которого базируются на позиции говорящего, позиции слушающего и осознаваемой и оцениваемой ими ситуации. В результате сравнения звучащего художественного текста и письменного (оригинального и переводного текста) определяется эстетическая роль русских коммуникативных средств.

Ключевые слова: звучащий текст, сегментные фонетические средства, суперсегментные фонетические средства, интонационно-звуковые средства, интонационная конструкция, личность героини.

В.В.Виноградов писал о том, что «семантика произносимой речи в значительной степени обусловлена факторами, лежащими вне словесного ряда» [1]. В звучащей речи сопутствующие значения и представления, обусловленные не только восприятием мимико-произносительных приемов рассказчика, но также известными эмоциональными отражениями от его образа, от обстановки и других внешних условий, существенно влияют на общую экспрессивно-смысловую окрашенность речи. Эти экспрессивные формы могут быть использованы как факторы резкого художественного преобразования смысловой структуры слов и выражений.

Об эстетическом аспекте звучащего текста первой заговорила Е.А.Брызгунова. В ее работах значительное внимание уделялось фонетическим, сегментным и суперсегментным средствам языка и их взаимодействию с лексико-грамматическим составом предложений. С появлением работ Е.А.Брызгуновой «теория диалогической речи... впервые получила направленность не столько на письменную, сколько именно на устную форму языка» [2]. Е.А.Брызгунова пошла по пути комплексного подхода к проблемам звучащей, в том числе и разговорной, речи: «В диалогической речи, построенной на непосредственном обмене репликами, активизируется взаимодействие синтаксиса, лексики, интонации и смысловых связей в контексте» [3; 59]. По мнению ученого, звучащее предложение представляет собой единство смыслового и эмоционального содержания: «Смысловое содержание включает субъектные, предикатные, временные, пространственные, причинно-следственные, условные и т.п. отношения, а также различия по цели высказывания: повествовательность, вопросительность, волеизъявление. Эмоциональное содержание включает выражение чувств: радости, гнева, испуга, разочарования, презрения, настороженности, удивления и т.п.» [3]. «Средством выражения эмоций выступает не какая-либо одна артикуляционная особенность, а сочетание двух-трех артикуляционных характеристик звука с определенным типом интонационной конструкции (ИК) в среднем, верхнем или нижнем регистрах» [3; 28, 29]. Говоря об обязательном взаимодействии синтаксиса, лексики, интонации и связей в контексте, исследователь выделяет такие средства выражения эмоционально-стилистических различий, как различная степень выраженности нейтральной ИК и эмоциональные реализации ИК, «которые, в отличие от нейтральных, имеют какую-либо особенность строения, направленную на выражение эмоций» (например, особенности движения тона и/или тембра) [3; 24].

В процессе звучания художественного текста происходит взаимодействие двух взаимосвязанных систем: интонационно-звуковых средств и лексико-синтаксических: «для создания своего исполнительского варианта литературного произведения актеры могут привлекать средства не только интонационно-звукового, но и лексико-синтаксического уровня, производя редактирование текста, сопровождаемое как значительными изменениями со стороны объема и порядка (при подготовке литературных композиций произведений крупной формы), так и небольшими купюрами, появление которых продиктовано особенностями интерпретации» [4].

В широком понимании эстетическими функциями обладают те языковые единицы, которые способны оказывать эстетическое воздействие на человека как адресат речи, т.е. причастны к формированию чувственно-ценностного отношения человека к миру. Сущность эстетических функций языковых средств состоит в том, что они способны вызывать в человеке положительные эмоции (радость,

удивление, восторг и т.п.), детерминировать если и не всегда чувство удовольствия, то, по крайней мере, чувство некоей одухотворенности, обусловленное такими качествами этих единиц, как новизна, образность, пластичность, способность адекватно, воплощать творческие интенции говорящего или пишущего [5].

Эстетику языковых единиц можно рассматривать в контексте исследований семантики коммуникативного уровня. Методом исследования является семантический анализ коммуникативного уровня русского языка, разработанный М.Г.Безяевой. Специфика коммуникативного уровня, принципиально отличающая его от номинативного, заключается в характере его значений и особенностях их развертывания. Семантика коммуникативного уровня языка базируется на трех основных составляющих: позиции говорящего, позиции слушающего, а также оцениваемой и квалифицируемой ими ситуации. Под позицией говорящего и позицией слушающего понимаются «физические, ментальные, коммуникативные действия участников общения как некая обобщенная данность», под ситуацией — «некие обстоятельства, которые воспринимаются говорящим, осознаются и оцениваются им в том или ином аспекте, на который реагирует язык при формировании значения конструкции» [6; 20]. Основной единицей системы коммуникативного уровня языка является коммуникативный тип целеустановки. Под целеустановкой понимается «языковой тип воздействия говорящего на слушающего, говорящего на говорящего, говорящего на ситуацию, либо фиксация типа воздействия слушающего или ситуации на говорящего (вопрос, требование, просьба, предостережение, возражение, подтверждение, угроза, удивление, возмущение, упрек, сочувствие и т.д.)» [7].

Выявление в языке фундаментальной оппозиции номинативному уровню коммуникативного, в задачи которого входит отражение соотношения позиции говорящего, слушающего и оцениваемой и квалифицируемой ими ситуации, открывает новые возможности для определения эстетической функции средств этого уровня. Под эстетической функцией коммуникативных средств мы понимаем их роль при создании образов звучащих художественных произведений. Коммуникативный уровень языка дает возможность по-разному представлять характер, данный в письменном тексте-основе, отражать развитие образа, определенным образом варьировать типы отношений персонажей произведения.

Эстетическая нагрузка конструкций и отдельных средств коммуникативного уровня языка, их составляющих в диалогах художественных звучащих произведений позволяет наглядно продемонстрировать особенности их семантики: именно эти средства складывают образы персонажей и типы отношений героев. «Речь актера отличается не только использованием интонационных средств, отсутствующих в текстах пьес, но и активизацией средств разных уровней языка, выполняющих задачу формирования коммуникативного значения. Это и особая активность, а главное точность, использования частиц, междометий, замена использования конструкций, актуализирующих тот или иной оттенок значения по сравнению с письменным текстом автора». «Даже при плохой драматургической основе актер, особенно хороший актер, тонко, в лучшем смысле слова «интуитивно», чувствующий природу звучащей речи, максимально использует все возможности системы звучащего языка, дабы добиться максимальной выразительности своего, «индивидуального» высказывания» [6; 26].

В качестве материала исследования нами был выбран телесериал «Цветы для Лизы» (2010, кинокомпания «Русское»), являющийся вольной звучащей интерпретацией пьесы Б.Шоу «Пигмалион». Объектом исследования стали языковые особенности главной героини Лизы.

По представлению А.Аникст, одна из главных тем пьесы «Пигмалион» — это социально обусловленные варианты английского языка. «Состоятельные слои общества, так называемые «образованные» люди по своей речи отличаются от бедных слоев общества и в фонетике, и в лексике, и в грамматике» [8].

Социальная дифференциация языка естественна и неминуема в его историческом развитии: социолекты формируются говорящими неосознанно и являются основным средством распознавания членов одной и той же социальной группы как самими членами этой группы, так и членами других социальных групп. Согласно мнению А.Д.Швейцера, «язык ... способствует цементированию, идентификации и дифференциации ... социальных групп» [9].

Носители городского просторечия в сознании людей, говорящих на литературном языке, воспринимаются как необразованные, а их речь считается «некрасивой, неграмотной». Именно поэтому у Элизы Дулиттл возникает проблема с трудоустройством — ее произношение выдает ее происхождение из низшего рабочего класса, и ее не хотят принимать на работу в магазин, главные посетители в котором — люди из высшего общества.

Остановимся на способах изображения Элизы в пьесе Б.Шоу. Отметим, что у нас нет задачи сравнить оригинальный английский текст с текстом переводов.

«Пигмалион» Б.Шоу [10]	Пер. П.В.Мелковой [11]	Пер. Е.Д.Калашниковой [12]
THE FLOWER GIRL. Nah then, Freddy: look wh' y' gowin, deah. FREDDY. Sorry [he rushes off]. THE FLOWER GIRL [picking up her scattered flowers and replacing them in the basket] Theres menners f' yer! Te-oo banches o voylets trod into the mad. THE MOTHER. How do you know that my son's name is Freddy, pray? THE FLOWER GIRL. Ow, eez ye-ooa san, is e? Wal, fewd dan y' de-ooty bawmz a mather should, eed now bettern to spawl a pore gel's flahrzn than ran awy athaht pyin. Will ye-oo py me f'them?	ЦВЕТОЧНИЦА. Ты что очумел, Фредди? Не видишь, куда прешь! ФРЕДДИ. Виноват... (Убегает.) ЦВЕТОЧНИЦА (подбирая рассыпанные цветы и укладывая их в корзинку). А еще называется образованный! Все мои фиалочки копытами перемаял. МАТЬ. Простите, откуда вы знаете, что моего сына зовут Фредди? ЦВЕТОЧНИЦА. Ага, так это ваш сынок? Хороша мамаша! Воспитала бы сына как положено, так он бы побоялся цветы у бедной девушки изгадить, а потом смяться и денег не заплатить. Вот вы теперь и гоните монету!	ЦВЕТОЧНИЦА. Куда прешь, Фредди! Возьми глаза в руки! ФРЕДДИ. Простите. (Убегает.) ЦВЕТОЧНИЦА (подбирает цветы и укладывает их в корзинку). А еще образованный! Все фиалочки в грязь затоптал. МАТЬ. Позвольте, откуда вы знаете, что моего сына зовут Фредди? ЦВЕТОЧНИЦА. А, так это ваш сын? Нечего сказать, хорошо вы его воспитали... Разве это дело? Раскидал у бедной девушки все цветы и смылся, как миленький! Теперь вот платите, мамаша!

Б.Шоу, выбрав метод орфографической транскрипции, с наибольшей точностью передает особенности лондонского просторечия, отражая грамматические и фонетические нарушения. Интересно, что для передачи речевых особенностей персонажа переводчики практически не используют аналогичный транскрипционный метод (у Мелковой — «фиалочки»), заменяя его обильным употреблением просторечных и жаргонных слов и выражений (*мамаша, прешь, смысла, копытами, очумел, изгадить*), а также нарушение норм русского литературного языка для передачи речи необразованного человека, например, «возьми глаза в руки» — контаминация фразеологизмов *возьми себя в руки* и *разуй глаза*.

Сравним использованные переводчиками средства со средствами, используемыми актрисой Г.Тархановой (исполнительницы роли Лизы в т/с) для создания образа неграмотной девушки:

Пер. П.В.Мелковой	Пер. Е.Д.Калашниковой	Т/с «Цветы от Лизы»
ЭЛИЗА. Куда девалась ее новая соломенная шляпа, что должна была достаться мне? Стибрили! Я думаю, кто шляпу стибрил, тот и тетку пришил!	ЭЛИЗА. Где ее шляпа соломенная, новая, которая мне должна была достаться? Сперли! Я думаю, кто шляпу спер, тот и тетку укокошил.	2³ Лиза: Я чего думаю-то, / 3 кто машинку стибрил, / тот ба- 2 бульку-то и пришил.

Как уже было отмечено выше, в письменных текстах переводов для передачи речевых особенностей кокни используются в большом количестве жаргонные слова и выражения (здесь: *стибрил, пришил, спер, укокошил*). Приведенная выше таблица свидетельствует о том, что данный метод не чужд и звучащей реализации (в данном случае интерпретации) художественного текста (*стибрил, пришил*). Однако данное художественное решение оказывается дополненным влиянием работы коммуникативных средств русского языка. То значение, которое переводчикам пьесы приходится передавать с помощью ремарки «нагромождающая улики» (П.В.Мелкова) или «нагромождающая все новые улики» (Е.Д.Калашникова), в звучащем тексте передается с помощью ИК-2 с параметром ориентированности: героиня, видя вокруг себя ошарашенных слушателей, снабжает их все новыми и новыми подробностями, ориентируясь на их заинтересованность. А частица *-то* со значением несоответствия реализованной ситуации представлению говорящего о норме и затронутости сферы личных интересов говорящего оказывается коммуникативным синонимом высказываний в письменных текстах о предмете, который должен был достаться героине. Номинативный уровень звучащего текста (жар-

гонная и просторечная лексика, использованная актрисой Г.Тархановой) безусловно показывает нам образ неграмотной девушки, а средства коммуникативного уровня (интонация, частица) дополняют этот образ чертами мелочности, нечуткости, что, конечно, позволяет сформировать более сильное эстетическое впечатление: Лиза не только не развита в образовательном плане, но и ее человеческие качества оставляют желать лучшего.

Рассмотрим еще один эпизод встречи Лизы с ее будущим учителем Левитиным («аналог» Хиггинса в т/с).

Левитин: Glassiadis Cani sius, / три штуки, желательно пурпурных оттенков, / в качестве зелени несколько веточек храмисподиуса австралийского, / болотный подвид, / ну и для окантовки, я думаю, / Sistamula Vulgaris не жалея, / такой скромный букетик получится, / уместный к случаю.

Лиза: Простите, / а по-русски, / что вам для окантовки?

Левитин: Лютики обыкновенные хотелось бы.

Лиза: О, / так вы умеете по-русски, / ну

Левитин: Как профессор филологии поставлю себе четверку по знанию русского языка.

Лиза: Ух, / я думала вы профессор ботанических наук. // Ну а [ч'] о вы расселись-то? / Пожальуйста, / проходите, выбирайте любую корзиночку! / Вульгарисы, / болотные, / австралийские, / я вам все заверну, / посчитаю без очереди быстренько, / обслужу, / улыбнусь, / ножкой шаркну, / как в красивом кино.

Левитин: Не надо.

Лиза: Ну [ч'] о не надо-то.

Коммуникативному минимализму письменных текстов (небольшое количество случаев употребления коммуникативных средств) оказывается противопоставлен коммуникативный максимализм звучащего текста, имеющий своей целью создание сильнейшего эстетического впечатления: героиня груба, безграмотна, не умеет обращаться с клиентами, с людьми, окружающими ее. Профессор Левитин обильно снабжает свою речь терминами (русскими и латинскими), демонстрируя знания не только в области языка, но и в области ботаники, использует ИК-4, придающую оттенок официальности и дистанцированности. Непонимающая Лиза с помощью о (несоответствие предположения и знания) с параметром степени небенефактивности, привносимым ИК-5, ну (нарушение нормы ожидания) пытается привести ситуацию в норму, чего никак не должна делать сотрудница элитного цветочного салона, корпоративный слоган которого «клиент всегда прав». Правила «салонного» этикета в данном диалоге нарушаются Лизой еще не раз: расхождение позиций, маркируемое ИК-7, оказывается дополненным стилистической ошибкой (родовые и видовые понятия в ряду однородных членов предложения:

«Вульгарисы, болотные, австралийские»), что в совокупности с ух (предельно отрицательная оценка объекта, с которым у Лизы происходит разговор) со значением степени небенефактивности (ИК-5) с последующим употреблением ИК-4 (искаженно отраженное ИК-4 профессора со значением дистанцированности), что придает речи Лизы издевательский оттенок, демонстрирует ее неуважение к собеседнику, отсутствие у нее желания ориентироваться на его потребности. Простореч-

ное начальное «ну [ч'] о» и упоминание несуществующих «ботанических наук» довершают образ несносной девчонки, которая отчаянно нуждается в уроке, не только культурном, но и жизненном.

Таким образом, мы видим, что в письменном тексте особенность языковой личности героини формируется в первую очередь за счет лексико-грамматических средств (использование структур, маркированных неуместным регистром, активизация неожиданных пластов лексики и т.п.).

В звучащей версии предпочтение отдается собственно коммуникативным единицам и делается упор на взаимодействие коммуникативных средств друг с другом и с номинативными средствами. В диалоге звучащего художественного произведения работают не только синтаксические единицы, но

вся система коммуникативных средств: каждая интонация, каждое междометие и каждая структура оказываются значимыми, нагружаются эстетически, формируют образ. Средства коммуникативного уровня русского языка, формируя соотношение позиций говорящего, слушающего и ситуации, несут в звучащем диалоге эстетическую нагрузку: органично передают признаки времени, отражая разговорные и поведенческие стереотипы и особенности определенного исторического периода. Они раскрывают неповторимость образа, позволяют подать его в развитии, характеризуют взаимоотношения персонажей произведения, и шире — являются средствами адаптации сценария оригинала к тем типам взаимоотношений говорящего, слушающего, ситуации, которые знакомы телезрителю.

Список литературы

- 1 *Виноградов В.В.* О теории художественной речи. — М.: Высш. шк., 1971. — С. 120.
- 2 *Логонова И.М.* Концепция Е.А.Брызгуновой. Традиции и новаторство // *Аспекты изучения звучащей речи: Сб. науч. ст. к юбилею Е.А.Брызгуновой // Вопросы русского языкознания.* — Вып. XI. — 2004. — С. 24.
- 3 *Брызгунова Е.А.* Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. — М.: Изд-во Москов. ун-та, 1984. — 209 с.
- 4 *Прохватилова О.А.* Возможности интерпретации художественного текста интонационно-звуковыми средствами (на материале исполнения прозы А.П.Чехова): Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1991. — 226 с.
- 5 *Хайрутдинова Г.А.* Проблема эстетики языковых единиц. Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. — Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2004. — С. 256–260.
- 6 *Безьева М.Г.* Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. — М.: Изд-во Москов. ун-та, 2002. — 752 с.
- 7 *Безьева М.Г.* Принципы формирования значений русских коммуникативных конструкций // *Русский язык: исторические судьбы и современность. Междунар. конгресс.* — М.: Изд-во Москов. ун-та, 2004. — 680 с.
- 8 *Аникст А.* Теория драмы на западе в первой половине XIX века. — М.: Наука, 1980. — С. 28.
- 9 *Швейцер А.Д.* Современная социолингвистика: теория, проблемы, методы. — М.: Наука, 1976. — С. 31.
- 10 *Shaw B.* Two Plays Pygmalion. Heartbreak House. — Р. на Д.: Феникс, 2001. — 224 с.
- 11 *Шоу Б.* Пигмалион. [ЭР]. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/98507>.
- 12 *Шоу Б.* Пигмалион. [ЭР]. Режим доступа: <http://lingua.russianplanet.ru/library/bshow/pigmalion.htm>.

Э.В.Мельникова

Ауызша тілдік көркем шығармадағы коммуникативтік құралдардың эстетикалық рөлі («Цветы от Лизы» телехикаясындағы кейіпкер Лизаның мысалында)

Мақала ауызша тілдің коммуникативтік құралдардың жұмыс істеудегі кейбір ерекшеліктеріне арналған. Тыңдайтын адамның позициясы, сөйлейтін адамның позициясы, олардың ситуацияны бағалау және зердесіне жету жолдары анықталды. Ауызша, жазба мәтіндерінің салыстыруының қорытындысында коммуникативтік құралдарының эстетикалық рөлі тұрақтанады.

E. V. Melnikova

Aesthetic role of communicative means in a sounding literary work (on the basis of Lisa's image in s/o «Цветы от Лизы — Flowers from Lisa»)

This article is devoted to some peculiarities of functioning of the communicative means of the Russian language in sounding literary text in terms of semantic organization of the communicative level of the Russian, the meanings of which are based on the position of the speaker and listener and the situation perceived and evaluated by them. As a result of the comparison of the sounding literary and the written texts (the original and translated text) the aesthetic role of the Russian communicative means is determined.

Г.Ш.Оразгалиева

Карагандинский университет «Болашақ» (E-mail: orazgaliyeva_gulfarida@mail.ru)

Культурная коннотация цветообозначений у разных народов

В статье рассмотрены значения цвета в жизни разных народов. Развитие цветообозначений оказывается тесно связанным с самим восприятием мира. В последнее время проявляется большой интерес к цветообозначению. Исследователи рассматривают медицинские, физиологические, эмоционально-психологические аспекты цвета, цветообозначения в геральдике и т.д.

Ключевые слова: цвет, настроение, эмоции, символы, духовность, достаток, успешность.

Цвет имеет огромное значение в жизни современного человека. Зачастую от него напрямую зависит настроение, эмоции и даже физическое самочувствие людей. Понятно, почему столь популярны исследования в области цвета у психологов. Однако, рассматривая те или иные аспекты, специалисты зачастую игнорируют глубинный исторический и культурный опыт человека, которому свойственно постоянное стремление называть предметы и явления, которые его окружают.

Цветовая картина мира не является исключением. Языковая картина мира — исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отражённая в языке совокупность представлений о мире, определённый способ восприятия и устройства мира, концептуализации действительности. Каждому естественному языку соответствует уникальная языковая картина мира. Поэтому у лингвистов цветоименование — одна из самых популярных лексических групп.

В ощущениях, передаваемых цветом, скрыты природные ассоциации, компонент образного мышления, спонтанно возникающая связь между отдельными ощущениями, восприятиями, представлениями, идеями на основе ассонанса — частичного совпадения, сходства каких-то сторон, качеств, форм различных, не связанных в обыденной жизни предметов, которые в нашем сознании заложены почти на генетическом уровне, влияние культурных национальных традиций человека, а также цветовые ассоциации личных переживаний и впечатлений. Общие природные цветовые ассоциации практически одинаковы или во многом похожи у людей самых разных национальностей.

Как известно, смена цветов в природе — явление, связанное с угасанием либо приобретением новых цветовых оттенков. В цветовой круг нашего восприятия входят четыре цвета, между которыми располагаются все переходные оттенки. Кроме того, исследователи детально рассматривают медицинские, физиологические, эмоциональные аспекты цвета [1].

Ученые-физиологи установили, что кожа — отдаленный орган зрения, так как в ней имеются рецепторы, воспринимающие цвет.

Так, *красный* цвет угнетает, повышает давление; *желтый* оказывает очень мягкое воздействие, как от теплой ванны, помогает; *зеленый* располагает к любви, символизирует жизнь, создает гармонию; *голубой* связан с миром, вселенной, духовным состоянием, настраивает на романтический лад.

В слове отражается движение времени, изменение «вещного» мира, развитие идей. Зрительные восприятия столь существенны, так заметны в развитии языка, в развитии семантики отдельных слов, что составляют особую область в науке о языке. Развитие цветообозначений оказывается тесно связанным с самим восприятием окружающего мира.

Интерес к цветообозначениям в последнее время обусловлен самой жизнью. Формирование цветообозначений связано с разными предметами и явлениями: цвет лица, кожи, волос, неба, земли, растений, т.е. того, что не было окрашено самим человеком. Ассоциативные связи цветовых определений способствовали развитию символики. Эти же связи определяли и конкретно-предметные значения (*каурый, вороной — конь*).

Сила конкретных представлений препятствует образованию «пустой» абстракции, абсолютизации цветового значения.

Как нам известно, каждый из цветов спектра имеет определенную длину волны — от самой короткой (*фиолетовый* цвет) до самой длинной (*красный* цвет).

Белый

Белый символизирует чистоту, целомудрие (фр. *Fleurs d'orange* — белые цветы померанцева дерева — принадлежность свадебного убора невесты, символизирующая её невинность; флёрдоранж), мир, девственность (платье невесты, фата), свет, мудрость, невинность и правду; во время военных действий белый флаг означает сдачу или перемирие, в более широком смысле — мир и добрую волю. Белые животные в ряде культур (лошади в Греции и Риме, слоны в Юго-Восточной Азии) считались священными. Белые одеяния носили кельтские жрецы — друиды. В Китае белый символизирует траур, опасность. В Европе — символ молодости. Он любим мексиканцами.

В христианстве и исламе погребальная одежда (*саван* и *ақырет*) бывает белого цвета.

Белый голубь символизирует мир [1].

В русском и казахском языках *белый* и *ақ* символизирует контрреволюцию (*белая армия* — *ақ армия*, *белая гвардия* — *ақ гвардия*, *белые войска* — *ақ әскер*), имеет значение «аристократический, относящийся к знати» (*белая кость* — *ақ сүйек*), «тот, кто не работает, у кого не запачканы руки» (*белоручка* — *ақ саусақ*); «резко выделяющийся» (*белая ворона* — *ақ қарға*) [2;71–72].

В деловом мире *белыми воротничками* называют служащих учреждений, работников офисов, клерков, для которых обязателен дресс-код: классический костюм с белым воротником и галстуком.

Белый цвет действует утомляюще; большие пространства, окружённые исключительно белым цветом, вызывают ощущение усталости.

Чёрный

Чёрный обозначает ночь, смерть, раскаяние, грех, тишину и пустоту. В китайской философии это «инь». В христианстве он символизирует скорбь, горе и оплакивание. В средневековом искусстве обозначал раскаяние. Часто использовался в качестве смерти, например, на пиратском флаге «Весёлый Роджер». В католической церкви используется в мессах по усопшим. В Японии чёрный обозначает радость, также символизирует зло.

В печатных изданиях фамилию умершего заключают в чёрную рамку. В предвоенные годы в СССР люди боялись «воронка», чёрной машины, забиравшей арестованных в тюрьму.

У русских чёрный носит усилительный, эмоциональный характер и выражает наивысшую степень тоски, беды и т.д. (*чёрная тоска*, *чёрная скука*, *чёрная беда*), означает «неглавный, непарадный, предназначенный для повседневных нужд» (*чёрный двор*, *чёрный ход*), а также «государственный, нечастновладельческий» (*чёрные земли*). Символизирует чародейство, колдовство (*чёрная книга*, *чёрная магия*).

В русской традиции чёрный означает «преступный, злостный, подлый» (*чёрное дело*, *чёрная совесть*, *чёрная неблагодарность*), «предосудительный, плохой» (*чёрные списки*, *чёрная книга*), «незаконный, нелегальный» (*чёрный рынок*, *чёрная биржа*).

В русском и казахском языках чёрный означает «курной, покрытый копотью, сажей» (*чёрная изба* — *қара үй*, *чёрный котел* — *қара қазан*), имеет отрицательное символическое содержание «мрачный, тяжёлый, безотрадный» (*чёрные думы*, *чёрные мысли* — *қара ниет*, *чёрная судьба* — *қайғылы тағдыр*, *чёрная тоска* — *қара уайым*, *чёрный день* — *қаралы күн*, *чёрный год*).

Қара в казахском языке образует следующие специфические значения:

- «очень сильный, в высшей степени» (о ветре, морозе) *қара қыс* — самое холодное время зимы; *қара күз* — поздняя осень; *қара суық* — сильный мороз; *қара жел* — пронизывающий ветер; *қара боран*, *қара соғақ* — вихрь, ураган, смерч);
- «большой, крупный, обильный» (*қара мал*) о крупном, рогатом скоте; *қара құс* (коршун), *қара тер* — сильный (обильный) пот;
- «уважаемый, почитаемый» (*қара шаңырақ*) — отчий дом предков и прямых потомков, уважаемый, почитаемый дом;
- «единственный, самый близкий и дорогой» (*көзімнің ағы мен қарасындай*);
- «простой, необразованный, неграмотный» (*чёрный народ* («чёрнь») — *қара халық*, *қара бұқара*, *қара қазақ*, *қара жұрт*, «нищий, босяк» (*қаракедей*), «незнатного происхождения» (*қара сүйек*);
- «проза» (*қара сөз*);
- «казахи, вообще все азиаты» (*қара көздер*);
- «жестокий, суровый, немилосердный» (*қара көңіл*, *қара жүрек*);

- «осрамлённый» (*қара бет*);
- «проклятие, пожелание зла» (*Қара басқыр! Саған бір қара көрінер* — «пусть тебя постигнет беда»);
- «обучение грамоте, письму» (*қара/ хат тану*);
- «безвкусная, постная пища» (*қара сорпа, қара көже, қара ет, қара нан, қара құрт, қара айран*) [2; 73–75].

Чёрное кольцо на олимпийском флаге символизирует Африку.

Красный

Красный — теплый и раздражающий, стимулирует мозг, символ опасности и запрета. Любим людьми влюбчивыми, эмоциональными. Его не любят в Ирландии. В Китае — цвет праздника, удачи. Китайцы красный цвет считают символом долголетия и именно из красной ткани шьют свадебные платья для невест. Древние римляне считали, что красный цвет — это символ силы, мощи, власти. В древней Японии цвет играл роль точного информационного посыла. В известном театре Кабуки цвет играет роль текста, например, сиреневая повязка на голове героя говорит о его смертельной ране. Большое количество определенного цвета в костюме героя подчеркивает черты его характера — добродетель или коварство; в Индии — цвет жизни. Теплый, веселый, действует возбуждающе, вызывает желание действовать, прилагать усилия. Красный цвет связан с активным мужским началом, цвет жизни, огня войны, энергии, агрессии, опасности, импульса, эмоций, страсти, любви, радости, праздничности, жизненной силы, здоровья, физической силы и молодости [2; 75–76].

Красный — наиболее агрессивный цвет, символизирует кровь, гнев, огонь, чувства, раны, войну, кровопролитие, угрозу, революцию, силу, мужество, смерть, здоровье. В римской мифологии — цвет бога войны Марса, в древнем Вавилоне — цвет бога смерти Неграла. В Египте красный лотос был символом крови, пролитой Осирисом. В Индии это цвет сословия воинов (кшатриев) [1]. Красный флаг широко использовался национальными и революционными движениями (фригийский колпак, знамя Парижской коммуны, флаг Революций в России 1905 и, 1917 гг. и др. — *красная звезда, красный бант, красное знамя, кумачовый флаг*). Красный стал цветом международного социализма (*Красная армия*, каз. *Қызыл әскер*) и левого крыла в политике в целом.

Для европейцев и американцев красный означает опасность: запрещающий сигнал светофора и «красная карточка».

Красное кольцо на олимпийском флаге символизирует Америку.

В советское время красную повязку на руке носили дежурные в учебных заведениях, учреждениях, на предприятиях, дружинники (ДНД). Раньше красной ширмой (занавеской) отгораживали больного корью, или коревой краснухой.

Пожарная машина всегда бывает красного цвета.

Красный диплом (тёмно-вишнёвого цвета) — это диплом об окончании среднего специального или высшего учебного заведения с отличием, т.е. одни отличные оценки у выпускника.

Красный также обозначает стыд. Улицу, где находятся публичные дома, называют «улицей красных фонарей», вообще такое заведение называют «жёлтый дом с красными фонарями».

В рекламе *красный цвет* коробки свидетельствует, что сигареты крепкие; *голубой и белый* — лёгкие; *зелёный* — сигареты с ментолом; *золотистый* ассоциируется с высоким качеством сигарет, обилие золота — высокая цена.

В русском языке реализуются в основном такие символические значения фразеологических единиц с компонентом цвета «красный». Например:

- *проходит красной нитью* (основная мысль, главная идея);
- *красная строка* — начать с нового абзаца;
- *красный день календаря* — выходной день или праздник;
- *пустить красного петуха* — поджечь, устроить пожар.

Итак, значения фразеологизмов и пословиц с этим компонентом имеют в основном положительный оттенок.

Одно из значений красного цвета связано, с одной стороны, с чисто физиологической реакцией организма (из-за стыда или смущения), а с другой — с психологическим признаком, ассоциирующимся с чем-либо недостойным, неприличным, безнравственным, позорящим. Выражения с таким значением встречаются как в русском, так и в английском языках. Например:

- to get/have a red face — *покраснеть от смущения*;
- to give some one a red face — *возгнать кого-либо в краску, смутить кого-либо*;
- red in the face — *покрасневший, смущенный*;
- to blush/gored (букв. вспыхнуть докрасна) — *покраснеть/зардеться от смущения*;
- to be come red in face — *побагроветь от стыда, смущения, гнева и т.п.*

В английском языке также встречаются как положительные, так и отрицательные значения прилагательного «красный» во фразеологизмах и пословицах. Красный цвет присутствует в следующих фразеологических сочетаниях как символ опасности:

- to see the red light (букв. видеть красный свет) — *предчувствовать приближение опасности, беды и т.п.*;
 - a red-light district (букв. район красного фонаря) — *опасный район*;
- отрицательных эмоций:
- red lamp/ light (slang) (букв. красный фонарь/свет) — *публичный дом*;
 - like a red rag (to a bull) (букв. красная тряпка) — *нечто, приводящее в бешенство* (как быка красный цвет) [3].

Смысловое значение второстепенных цветов

Оранжевый

Оранжевый — жизнерадостный, весёлый, импульсивный, ускоряет пульс, вызывает радость, усиливает активность, не увеличивает кровяное давление, создаёт чувство благополучия. Он очень любим голландцами. Оранжевый, как и красный, — тёплый цвет, но лишённый агрессивности красного. Он часто используется в оформлении интерьеров различных помещений.

Оранжевый — официальный цвет тибетского буддизма и голландского протестантизма.

Кроме того, в конце 90-х годов XX века одной из русских анархических групп была предпринята попытка сделать оранжевый цветом движения анархистов, наравне с чёрным. Попытка не удалась. Также нам памятна недавняя «оранжевая революция» на Украине.

Несложно заметить, оранжевый цвет выбирается движениями протеста (в широком смысле — протеста как религиозного, так и социального). Движения протеста всегда возникают и действуют в рамках определённого культурно-исторического контекста, в котором действует собственная, канонизированная (религиозная или светская) цветовая символика, все основные цвета в которой уже имеют смысловое значение. Встаёт вопрос о выборе цвета движения из второстепенных цветов, а из них оранжевый — наиболее яркий [1].

Голубой

Голубой — антисептический, эффективен при невралгических болях, при воспалениях. Для китайцев — один из траурных цветов. В Индии — символ правдивости. Он любим в Египте, в мусульманском мире. Голубой действует успокаивающе и расслабляющее.

Голубое кольцо на олимпийском флаге символизирует Европу.

В Европе этот цвет символизирует новорождённых мальчиков.

Как пишет Д.Тресиддер, ассоциация между голубой кровью и аристократией происходит от часто применяемой французскими аристократами в средние века клятвы «кровью Бога», где эвфемизмом «Бога» было слово «голубой», что со временем привело к сленговому выражению *unsang blue* («голубая кровь»). В русском и английском языках есть фразеологизмы с этим значением: *голубая кровь* — *blue blood* — «аристократическое происхождение» [1].

С голубым цветом в русском языке связаны значения «радостный, приятный, нежный, ясный, безбидный» (*голубые дни, голубое утро*), «желанный», «романтический» (*голубые мысли, голубые мечты = розовые мечты*).

Прилагательное *голубой* в памятниках древнерусской письменности раннего периода употребляется только в качестве названия конской масти. История прилагательного *голубой* как цветообозначения заключается в том, что оно из специального узкого обозначения масти становится одним из очень употребительных цветообозначений с почти неограниченной сферой употребления.

Көк в древнетюркском языке имело предметное значение «небо» и, по всей вероятности, это значение было первичным, что подтверждается употреблением слова *көк* в значении «Бог», «божество» [2; 77–78].

Голубым (бирюзовым) цветом окрашены купола мавзолеев хана Алаша, Жошы хана, Бестам хана и множества других древних могил — в этом мы видим следы поклонения небу. Купола мечетей также имеют голубой, бирюзовый цвет.

Более поздней становится идиоматическая связь с меланхолией, возможно, берущая начало в вечерних грустных песнях африканских рабов в Северной Америке («blues»). В английском языке есть много фразеологизмов со значением плохого настроения, тоски, грусти, в состав которых входит компонент цвета «blue», например:

- The blues — *меланхолия, хандра*;
- To give somebody blue (букв. вводить кого-либо в голубое) — *наводит тоску на кого-либо*;
- dark/navy blue (букв. темно-голубой) — *испуганный, унылый, подавленный*;
- get/have the blues (букв. иметь/получить голубое — *хандрить, стать грустным, подавленным*);
- to be in the blues (букв. быть в голубом) — *хандрить, быть в плохом настроении, в подавленном состоянии*;
- blue study (букв. голубое изучение) — *мрачное раздумье*;
- blue devils (букв. голубые дьяволы) — *уныние* [3].

В ряде стран он обозначает мужчин-гомосексуалистов.

Розовый

Розовый — цвет чувственности, очень женственный, эффе́ктивен при меланхолии. Все его оттенки любят как блондинки, так и брюнетки. Этот цвет символизирует новорождённых девочке. У американцев он вместе с бледно-голубым ассоциируется с косметикой. У русских этот цвет соотносится с радостным, приятным (*розовые мечты*), радостным, счастливым временем (*розовые дни, розовое утро, розовое детство*), с безоблачностью, нереальностью, наивностью (*розовые очки, в розовом цвете*).

Он обозначает также женщин-лесбиянок или вообще гомосексуалистов (эта традиция идёт со времён Второй мировой войны: нацисты Германии обязывали гомосексуалистов оккупированных стран носить повязки с розовыми треугольниками).

Коричневый

Коричневый, точно так же, как и *красный, желтый, зеленый, голубой, синий*, выступает в качестве опорного слова, вокруг которого группируется ряд слов, обозначающих оттенки коричневого цвета: *бежевый, бронзовый, бурый, карий, каштановый, кофейный, оливковый, ржавый, терракотовый*.

Если *коричневый* в русском языке реализует отрицательную окраску, то *қоңыр* в казахском предназначен для характеристики мягких тонов, теплоты, доброты, обаяния.

Казахи используют *қоңыр*, когда хотят подчеркнуть особую мягкость и приятность описываемого. Здесь нет бьющих в глаза красок, броских тонов. Вот почему они окрашивают в коричневый цвет спасительный в жару ветерок (*қоңыр жел*), мягкую теплую ночь (*қоңыржай кеш*), приятную и радостную осень (*қоңыр күз*). Приятный звук домбры или кобызы (*қоңыр күй, қоңыр саз*), мягкий тембр голоса певца (*қоңыр дауыс*), лирические песни (*қоңыр ән*) — все это непременно окрашивается казахами в коричневый цвет. Этот цвет — сама камерность, нечто интимное, когда человек остается наедине со своими сокровенными мыслями и желаниями [2; 81].

Коричневый цвет символизирует нацистское движение.

Фиолетовый

Фиолетовый действует на сердце, лёгкие, кровеносные сосуды. Этот цвет любят люди, в жизни которых наблюдается период неустойчивости. В Индии символизирует печаль и утешение, в Бразилии — печаль. Фиолетовый — это «ломаный» цвет, полученный от смешения пурпурного и синего. Когда-то, как и чёрный, считался цветом печали и траура, сейчас все его оттенки очень распространены и популярны. Фиолетовый цвет особенно любят женщины с богатым и необычным внутренним миром. Он идёт и к нежным светлым оттенкам кожи, и к смуглым. В равной мере привлекает и отталкивает, полон жизни, но в некоторых случаях вызывает грусть.

Пурпурный

Пурпур, редко применяемый цвет в геральдике, символизирует высшую власть, изображается лиловым и лилово-красным, тёмно-синим и другими оттенками синего. Это связано с тем, что натуральную пурпурную краску добывали из двух разных видов раковин в Средиземном море. Один давал тёмный, фиолетовый оттенок, а другой, так называемый тирский пурпур — огненно-красный. Из-за баснословной дороговизны пурпурные одежды были доступны только правителям и высшим государственным лицам (королевская мантия с горностаем, одежда Папы Римского). В Римской империи и Византии символизировал власть, а также благочестие, умеренность, щедрость [1].

Серый

Серый означает «ничем не примечательный, бесцветный» (*серая жизнь, серые будни, серая масса*), «малокультурный, необразованный» (*серый человек, серая публика, серые люди, серый народ*).

В казахском языке *сұр* имеет значение «недружелюбный, враждебный» (*сұр жылан*) [2; 81].

Цвета в геральдике

В геральдике используется семь цветов. Первоначально было только четыре цвета: красный, синий, чёрный и белый, но затем появились дополнительные цвета: зелёный, жёлтый и пурпурный. Жёлтый и белый, сначала независимые от золота и серебра цвета, позднее стали заменять эти два металла, и как самостоятельные уже не использовались.

Можно предположить, что только самые первые гербы несли произвольно взятые изображения, не наделённые каким-то особым смыслом. В эпоху Средневековья, проникнутую духом мистицизма, когда даже в элементарных вещах старались разглядеть скрытый смысл, некое божественное откровение, цветам, как и другим геральдическим элементам, начали придавать конкретное символическое значение. Существует множество разнообразных толкований, предлагаемых разными источниками. Наиболее распространён следующий вариант толкования:

Золото (король металлов) символизирует знатность, могущество и богатство, а также христианские добродетели: веру, справедливость, милосердие и смирение.

Серебро — благородство, откровенность, а также чистоту, невинность и правдивость.

Красный цвет означает храбрость, мужество, любовь, а также кровь, пролитую в борьбе.

Лазурь (голубой) — великодушие, честность, верность и безупречность, или просто небо.

Зелень символизирует надежду, изобилие, свободу и радость, но может и просто означать луговую траву.

Пурпур — власть и производные от неё благочестие, умеренность, щедрость.

Чёрный — символ осторожности, мудрости, постоянства в испытаниях, а также печали и траура.

Но символическое толкование геральдических цветов уместно только тогда, когда заранее известно, что составитель герба вложил смысл в его расцветку. В противном случае есть опасность зайти очень далеко, пытаясь обнаружить скрытый смысл там, где его нет. Можно быть уверенными, что в большинстве гербов цвет выбирался не в соответствии с его символическим значением, а в соответствии с элементарными принципами составления композиции [1].

Государственный флаг Республики Казахстан

Автор главного Государственного символа Республики Казахстан — Государственного флага — Шакен Ниязбеков не случайно выбрал небесно-голубой цвет. На языке вексикологов этот цвет считается носителем таких понятий, как честность, безупречность и верность.

Слово *көк* («голубой») — одно из главных лингвистических понятий не только казахского языка, но и всей тюркской группы, имеет древнее происхождение. Оно сохранило своё первобытное тотемное значение, связанное с культом неба как местом обитания Тәңірі (Бога).

Небесно-голубые флаги (*көк асаба*) в разные времена поднимали Тюркский каганат, Хазарский каганат, Великий Сельджукский каганат, государство Тамерлана, некоторые ханы и батыры Казахского ханства. На флаге Казахской ССР небольшая лазоревая полоска олицетворяла самобытность республики.

В одноцветности флага РК проявляется идея государственной целостности. На языке геральдики цвет флага говорит о том, что Казахстан расположен на востоке земного шара (в древнетюркском

языке слово *көк* «голубой» означало «восток, восточный»), он представитель восточной культуры, корни которой уходят в великую самобытную цивилизацию.

Образ солнца, как считают геральдисты, олицетворяет богатство и изобилие. Солнце — важный ориентир в миропонимании кочевников. Такие понятия, как пространство и время, вошли в жизнь степной цивилизации через наблюдения за солнцем.

С *образом орла* в национальном мировоззрении казахов ассоциируются свобода, чистота помыслов, непокорность, чувство достоинства, мужество, высокие идеалы, широта души.

Вертикальный казахский орнамент *қошкар мүйіз* («бараньи рога») у древка — одна из форм специфического художественного восприятия мира в строгом соответствии с эстетическими вкусами народа. Этот орнамент, представляющий собой гармонию очень сложных, зачастую отвлеченных форм, линий и ритмов, известен еще со времён сакской культуры.

Небесно-голубой цвет флага, ярко-золотистые изображения солнца, парящего орла и национальный орнамент свидетельствуют о высокой эстетичности, гармонии выбранных цветов [4].

Имена и цвета

В газете «Мир TV» (2006, 5 янв.) отмечается: «Именам соответствуют шесть цветов: три основных — *синий, желтый и красный*; три составных — *зеленый, фиолетовый и оранжевый*. Например, имя Мария — это *небесно-голубой цвет*, Михаил — *красный*, Ян — *желтый*, и это не случайно. *Голубой цвет*, традиционно, символизирует душу, *фиолетовый* — тело, *зеленый* — ум, разум, *желтый* — рассудок, *красный* — страсти, *оранжевый* — чувства. Разумеется, речь идет о ведущей тенденции, и не следует полагать, что например, Мария — это сплошная духовность или, если Агнесса — это *зеленое имя*, то зеленый цвет является для Агнесс любимым. На уровне цвета имя может быть сложным (если ему соответствует составной цвет, полученный в результате сложения основных цветов). Таковые имена Магдалена — *фиолетовое имя*, образованное путем сложения голубого и красного цветов; Филипп — *зеленое* (голубой + желтый); Тереза — *оранжевый* (желтый + красный)» [5].

Цветопсихология

Считается, что любимый цвет и аромат — это цвет и аромат вашей души.

Красный — самый яркий (хроматический) цвет, жизнеутверждающий, вселяющий уверенность в своих силах. У многих народов издавна ассоциируется с богатством, роскошью. Люди, выбирающие красный цвет в своей одежде, обычно оптимистичны, у них чаще присутствует хорошее настроение. Гранатовый цвет (тёмный розово-красный) — цвет эмоциональной насыщенности, мощи, сдерживаемой страсти. Он эротичен, пробуждает инстинкты.

Зелёный — это женский цвет. Он защищает и расслабляет. Цвет природной мудрости, вечной жизни и надежды. Бледно-изумрудный (бирюзово-зелёный), который на востоке называют «лунным» — цвет восприимчивости и интуиции, отстранённости и изолированности, внутренней эмоциональности, идеальной женственности.

Жёлтый — самый открытый, юный, весёлый и лёгкий цвет. Устремлённый к новому и современному. Он общительный и беспокойный, быстрый и энергичный, разрушающий ограничения, вырывающийся из любой формы. Ярко-жёлтый (оранжево-желтый) — расковывает, настраивает на контакт, раскрытие, взаимодействие, интенсивный поиск и живость.

Синий — самый трансцендентный, духовный цвет созерцания космической дали, устремляет в глубину, бесконечность, создает дистанцию, даёт внутреннюю уверенность, интерес к мировоззренческим вопросам. Синий — самый любимый людьми (по статистике), что говорит о его «авторитетности», среди других цветов. Светло-голубой даёт ощущение безграничной перспективы, расширяет пространство и раскрывает подсознание через обострённую восприимчивость, создаёт впечатление ясности, приветливости, дружелюбности, настраивает на парящие мечты, жажду сверхъестественного и беззаботность.

Розовый — самый нежный цвет. Выражая незыблемую вечную женственность, рисует нам образ любящей и нежной натуры, глубоко психологичной, тонко чувствующей. Этот цвет символизирует мягкую сексуальность. Традиционно, розовый причисляют к чисто женским цветам.

Белый, как цвет, долгое время был символом чистоты. Сегодня этот цвет — символ престижа и комфорта. У тех, кто выбирает белый цвет, — прекрасный уравновешенный характер, они оптимистичны и чаще всего настроены положительно.

Чёрный — ни в коем случае не мрачная аура. Он придаёт достоинство и является цветом, который внушает уважение. Он может быть динамичным, делая человека способным с многозначительным видом управлять окружающим миром [6].

Цвета в одежде

Цвет ткани играет большую роль для стилистов, дизайнеров одежды, модельеров:

- *коричневый, серый* — уверенность, спокойствие;
- *зеленый* — монотонность;
- *красный* — агрессия, опасность;
- *оранжевый* — праздник;
- *желтый* — внимание и память;
- *розовый* — нежность и забота;
- *синий, голубой* — дистанция и рационализм;
- *фиолетовый* — сосредоточенность;
- *белый* — открытость;
- *черный* — деловой, официальный;
- *черный, белый, красный* — высокий статус.

Список литературы

- 1 <http://www.rek36.ru/oboznachenie-tsvetov.html>
- 2 *Танабаева А.М., Оразгалиева Ф.Ш.* Лексика и фразеология как источник этнокультурной информации: Учеб. пособие. — Караганда: Изд-во КарГУ, 2001. — 115 с.
- 3 *Кунин В.В.* Англо-русский фразеологический словарь. — М.: Живой язык, 1997.
- 4 Что в образе вашем, священные символы? // Казахстанская правда. — 2001. — № 67. — С. 4.
- 5 Цвет и имя // Мир TV. — 2006. — 5 янв.
- 6 Будь здоров! // Республиканский медицинский вестн. для всей семьи. — 2001. — № 3 (12). — С. 13.

Г.Ш.Оразгалиева

Әр халықтардың түс атауларының мәдени коннотациясы

Мақалада әр халықтардың өміріндегі түстердің мағынасы қаралды. Түс атаулары табиғи органы танып-білу, қабылдаумен тығыз байланысты екені дәлелденген. Кейінгі кезде түсті белгілеуге көп назар аударылуда. Зерттеушілер түстердің медициналық, физиологиялық, эмоциялық, психологиялық аспектілерін анықтап, геральдикадағы түс атауларын жан-жақты қарастырады.

G.Sh.Orazgalieva

The cultural connotation of colour namings of different people

The paper focuses on the meaning of colours in the life of different people. The development of colour namings is closely connected with the perception of the surrounding world itself. The colour namings are of great interest in recent times. Researchers consider medical, physiological, emotional and psychological aspects of the colour, colour namings in the heraldry and etc.

И.В.Кильдюшова, Т.В.Курманова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы (E-mail: lev-ira62@male.ru)

Из опыта организации самостоятельной работы иностранных студентов

В статье рассмотрено значение самостоятельной работы как особой формы учебной деятельности иностранных студентов. Особое внимание уделено домашнему чтению как одной из форм самостоятельной работы студентов-иностранцев продвинутого этапа обучения. Отметим, что одним из путей повышения эффективности учебного процесса и улучшения качества обучения является межпредметная координация таких дисциплин, как «Русский язык» и «История и культура Казахстана». Доказано, что при тщательно продуманной методике проведения самостоятельной работы ускоряются темпы формирования у иностранных учащихся умений и навыков практического характера при овладении русским языком.

Ключевые слова: самостоятельная работа иностранных студентов, межпредметная координация, методика преподавания.

Многие авторы рассматривают самостоятельную работу как средство вовлечения учащихся в самостоятельную познавательную деятельность, средство ее логической и психологической организации. По мнению И.А.Зимней, самостоятельная работа «может быть определена как целенаправленная, внутренне мотивированная, структурированная самим субъектом в совокупности выполняемых действий и корректируемая им по процессу и результату деятельность. Ее выполнение требует достаточно высокого уровня самосознания, рефлексивности, самодисциплины, личной ответственности, доставляет ученику удовлетворение как процесс самосовершенствования и самопознания» [1; 255]

Самостоятельная работа иностранных студентов является важнейшим фактором при повышении качества языковой и общеобразовательной подготовки, так как развивает творческие способности студентов, формирует осознанное, ответственное отношение к познавательной деятельности. Системность, активность и осознанность признаются основными принципами саморегуляции деятельности. Деятельностная саморегуляция включает в себя такие компоненты, как осознание цели, условий, программы действий, самооценка и самокоррекция.

Как подчеркивает И.А.Зимняя, «сама предметная саморегуляция человека связана с его личностной саморегуляцией, предполагающей высокий уровень самосознания, адекватность самооценки, рефлексивность мышления, самостоятельность, организованность, целенаправленность личности, сформированность ее волевых качеств» [1; 254].

Грамотно сформированная система саморегуляции становится психологической основой самостоятельности. Самостоятельность определяется как комплексное свойство психики, позволяющее действовать инициативно, творчески, автономно. Это свойство формируется в процессе самостоятельной познавательной деятельности.

Подготовка к самостоятельной работе как особой форме учебной деятельности начинается уже в первые месяцы обучения иностранных студентов русскому языку.

В рамках учебной программы обозначены основные направления деятельности преподавателя по формированию у учащихся навыков самостоятельной работы (обучать рациональному планированию деятельности, осознанному использованию приемов по овладению видами речевой деятельности, работе с учебниками, учебными пособиями, словарями и т.д.).

Говоря об организации самостоятельной работы на аудиторных занятиях, следует подчеркнуть, что процесс самообучения дополняет процесс обучения, а не заменяет его. Для самостоятельного выполнения преподаватель предлагает учащимся такие задания, как составить (или пересказать) текст с опорой на слова, словосочетания; составить рассказ по картинке; описать что-либо; написать изложение. Таким образом, это могут быть как устные монологические и диалогические высказывания, так и письменные. Управляя самостоятельной учебной деятельностью студентов в аудиторное и внеаудиторное время, преподаватель планирует, организует и контролирует эту деятельность. Возможна реализация контроля через взаимодействие студента с преподавателем, со студентом-партнером, с учебными материалами, содержащими ключи и инструкции, с ТСО. Необходимо, чтобы контроль стиму-

лировал студентов к активной самостоятельной деятельности, к формированию адекватной самооценки и способности к саморегуляции.

Умение оценивать промежуточные и конечные результаты своих действий является показательным и существенным проявлением предметной саморегуляции. При этом важно, чтобы субъективные критерии оценки собственных результатов не очень отличались от общепринятых критериев оценки. Логическим продолжением адекватной самооценки является умение корректировать свои действия, т.е. осознание того, как можно изменить эти действия, чтобы результат соответствовал предъявленным требованиям.

Выбор заданий для самостоятельного выполнения по всем видам речевой деятельности, безусловно, зависит от уровня подготовленности студентов. Особую значимость приобретают здесь принципы поэтапности и преемственности подачи материала.

Остановимся подробнее на одном из распространенных видов СРС — домашнем чтении.

Домашнее чтение как форма самостоятельной работы иностранных студентов при изучении русского языка призвано решать одну из основных задач преподавателя — привить определенную культуру самостоятельной работы и, рационально направляя ее, сформировать у учащихся разнообразные речевые умения при овладении языковым материалом. Оно должно сыграть определяющую роль в формировании навыка «собственно чтения», которое подразумевает выработку у учащихся психофизиологических механизмов чтения как деятельности, как процесса. Систематическое и планомерное занятие домашним чтением является для иностранных студентов важным информативным источником и средством увеличения лексического запаса и развития навыков устной речи. Говоря об обучении иноязычному чтению как определенному способу общения, ученые-методисты обоснованно говорят о развитии у учащихся читательских потребностей, т.е. потребности чтения литературы на иностранном языке во внеурочное время. Самостоятельное чтение посильных для студентов-иностранцев текстов на русском языке должно стать неотъемлемым компонентом процесса обучения, особенно на продвинутом этапе. Домашнее чтение позволяет учащимся приобщиться к чтению на иностранном языке как к реальной речевой деятельности. Обучаемые не только овладевают новыми способами и средствами выражения мысли, но и могут приобщиться к новой для них культуре в самом широком ее представлении, что помогает им увидеть и понять окружающий мир во всем его разнообразии, глубже осознать себя как представителя иной социокультурной общности.

Опыт работы со студентами-иностранцами второго года обучения говорит о том, что на данном этапе уже подготовлена база для эффективной и продуктивной работы с тестами для домашнего чтения. В результате постепенного накопления и осмысления грамматических явлений учащиеся уже получили общее представление о структуре русского языка, осознали его системность. Студенты способны самостоятельно конструировать речевые высказывания, осознанно владея грамматическим строем языка.

С другой стороны, при совершенствовании умений во всех видах речевой деятельности на материале домашнего чтения перед преподавателем и студентами стоят следующие цели обучения:

- развитие практических навыков и умений распознавания языковых структур и их использование в речи;
- развитие и совершенствование навыка ведения беседы по предложенной теме с активным и осознанным использованием изученного грамматического материала;
- развитие и совершенствование навыка самостоятельной работы с грамматическим и лексическим материалом;
- закрепление навыков устной речи в письменной форме.

Для реализации данных целей обучения при работе с текстами для домашнего чтения определяющим является выбор текста и грамотно построенная работа над ним. В качестве таких текстов могут использоваться как научно-популярные, публицистические, страноведческие, так и небольшие по объему литературные произведения русских и зарубежных авторов. Произведения описательного характера мало подходят для этого вида работы. У студентов пользуются успехом тексты с яркой сюжетной историей, воздействующие на них эмоционально. Общеизвестно, что высокая эмоциональная активность при восприятии материала — залог эффективного его усвоения. Также при отборе текстового материала нужно учитывать индивидуальные способности студентов, их национально-культурные особенности. Ситуации, описанные в тексте, должны максимально отвечать

потребностям речевого общения иностранных студентов на данном этапе обучения. Сочетание всех этих факторов повышают мотивационную ценность занятий по домашнему чтению.

Данный вид работы носит регулярный характер (по мнению авторов, 1 раз в 3 недели) и является полноценной частью учебной деятельности, поэтому логично, что тексты по своей лексической и грамматической наполняемости соответствуют и углубляют основной учебный материал. Так, если речь идет о 1-ом семестре 2-го года обучения, когда происходит корректировка основных навыков и умений, актуально и уместно будет в заданиях, сопровождающих текст, отработать и закрепить лексические грамматические и синтаксические темы. Сюда мы относим употребление всех форм и видов глагола, выражение одновременности и последовательности действий, глагольное управление, значение глагольных приставок, сочетаемость лексических единиц и их многозначность.

Аргументируя выбор данных тем, заметим, что текст для домашнего чтения — прекрасный полигон для анализа использования видов глагола, глагольного управления и остальных тем, так как представляет собой образец связной монологической и диалогической речи. В результате такого анализа учащиеся должны осмыслить семантические варианты несовершенного вида (процесс, действие, повторяемость действия и общефактическое значение) и результативное значение совершенного вида. Анализ функционирования видов не должен быть формальным (т.е. назвать только вид глагола). Он должен сопровождаться вопросами преподавателя и ответами студента, почему и в какой именно функции выступает вид в каждом конкретном случае и насколько это обоснованно ситуативно.

Опыт такого анализа подготовит студента к речевой практике, к умению варьировать, выбирать и правильно использовать нужный вид для выражения собственной мысли. Богатый материал для наблюдений и выводов о том, насколько учащиеся овладели категорией вида, дадут устные и письменные пересказы текстов, творческие устные и письменные работы (что тоже относится к самостоятельной деятельности студентов).

На всех этапах обучения у иностранных учащихся вызывают большие затруднения глаголы движения. При выборе текста для домашнего чтения необходимо учитывать (или специально подбирать), какие глаголы движения студентам встретятся в тексте. Для студентов 1-го года обучения подходят глаголы однонаправленные и неоднаправленные, бесприставочные и с приставками *по-, при-, у-, во-, вы-*. На более продвинутом этапе круг данных глаголов расширяется за счет глаголов с приставками *пере-, от (о)-, об (о)-, до-*. В процессе выбора текста преподаватель сталкивается с определенными трудностями, например, присутствие в данном тексте незнакомой студентам грамматики. Возникает вопрос: стоит ли давать грамматику на опережение? Однозначно ответить нельзя. Все зависит от этапа обучения и степени подготовленности студентов. Конечно, не к месту будет, например, знакомство с причастными и деепричастными формами, которые только познакомились с видами глагола. Все очень индивидуально и специфично. Что касается новой лексики, то она всегда присутствует в текстах для домашнего чтения в разумных пределах.

На этапе подготовительного обучения студентов основным правилам работы с текстом, преподаватель дает рекомендации по оформлению новых лексических единиц, так, например, фиксировать существительные, прилагательные, местоимения в форме именительного падежа, глаголы в форме инфинитива, устанавливая при этом связи рассматриваемого глагола (помогать кому? что делать?; лечить кого? что? как?) и контекст его употребления.

Таким образом, текст для домашнего чтения, сопровождая основной учебный материал, обогащает, развивает его, а сам процесс усвоения знаний становится более эффективным.

Приведем пример практической работы с текстом «Случай в трамвае» А.Гайдара [2].

Текст студенты читают дома. Они выписывают новые существительные, прилагательные в форме именительного падежа, глаголы в форме инфинитива. Преподаватель читает текст «вслух». Установка для студентов — прослушать произношение новых слов, определить место ударения в них, понять общее содержание текста (для тех, кто не читал дома) и усвоить значение новых лексических единиц в данном контексте. На доске преподаватель пишет новые слова и словосочетания: *вагон; шинель, мужчина в военной шинели; старушка (старуха, старик) с мешком; кепка; юноша, одетый (как? во что?) (одеваться — одеться, одежда); деньги (на что?) на билет; карман; вор (воришка, воровка, воровать — своровать = красть — украсть (что? у кого? где?))* и т.д. Поскольку в тексте присутствуют различные значения родительного падежа, необходимо сделать на этом акцент и проанализировать значения этих форм.

Далее надо найти в тексте предложения с новыми глаголами, дать видовую пару и вопросы управления. На доске написать глаголы-маркеры в логической последовательности, которые впоследствии пригодятся для пересказа текста. Один из студентов читает текст «вслух». Затем студенты составляют вопросы к нему и задают их друг другу (контроль понимания информации). Один из студентов (или по очереди) пересказывает текст, трансформируя прямую речь (ее в тексте достаточно много) в косвенную. Если в группе 5–6 человек прекрасно удается инсценировка рассказа. Если группа слабая или малочисленная, можно прочитать текст по ролям. Логическим завершением работы будет письменный пересказ текста от лица одного из персонажей (в соответствии с ролью студента) с изложением его точки зрения на ситуацию.

Одним из путей повышения эффективности учебного процесса, следовательно, и улучшения качества обучения иностранных учащихся является координация обучения русскому языку и общеобразовательным дисциплинам. Межпредметная координация предполагает взаимосогласованный комплекс компонентов содержания обучения, отражающий цели, средства и способы обучения речи.

На занятиях по общеобразовательным дисциплинам преподавателям необходимо:

- учитывать знание русского языка иностранными студентами на каждом этапе обучения;
- использовать только те формы организации занятия, т.е. приемы введения, закрепления и контроля учебного материала, которые соответствуют уровню сформированности у иностранных студентов навыков и умений в определенном виде речевой деятельности;
- соблюдать поэтапную дозировку объема предъявляемой информации, текстового материала и домашнего задания;
- соблюдать на занятиях обоснованное соотношение видов речевой деятельности, выбирая при подаче учебного материала методически целесообразный вид.

В плане организации самостоятельной работы студентов преподавателя-предметника и преподавателя-русиста объединяют общие задачи:

- обучить работе с учебником — с речевыми образцами, таблицами, схемами, упражнениями, текстами, рисунками, фотографиями, картографическими пособиями, аудио- и видеоматериалами;
- научить выполнять домашнее задание, соблюдая нужную последовательность;
- научить студентов рационально планировать самостоятельную работу во внеаудиторное время;
- формировать навыки и умения самостоятельного изучающего и ознакомительного чтения адаптированных (на начальном этапе) и мало адаптированных (на продвинутом этапе) текстов;
- научить общим приемам работы с текстом;
- ознакомить с приемами краткой и рациональной записи (выписки, планы, тезисы, конспекты, рефераты и проч.);
- познакомить с общими приемами поиска дополнительной информации в различных источниках;
- научить пользоваться словарем и справочной литературой;
- научить студентов рационально использовать время.

Распределение времени на самостоятельную работу в аудиторные и внеаудиторные часы по концентрации обучения неодинаково. По мере формирования деятельности саморегуляции студентов увеличивается объем самостоятельной внеаудиторной работы.

На занятиях по истории Казахстана одним из главных видов самостоятельной работы является работа с текстом. Обучение приемам самостоятельной работы начинается на аудиторных занятиях, когда преподаватель учит студентов анализировать цель и условия работы, объясняет состав и последовательность необходимых действий. Для этого можно использовать определенные алгоритмы управления (систему учебных действий, обеспечивающих достижение языковой или речевой цели). Эти алгоритмы могут быть представлены в виде памяток, направленных на осознание обучающимися способов и последовательности действий, что обеспечивает овладение приемами самостоятельного труда. Приведем в качестве примера памятку, которую можно предложить студентам на начальном или среднепродвинутом этапах обучения:

1. Помните, что ваша цель — понять основное содержание текста.
2. Когда читаете текст, старайтесь понять значение новых слов без словаря.
3. В процессе чтения найдите для себя ответы на вопросы: *кто? где? когда? почему?*

4. Прочитайте текст еще раз. Отметьте отрывки, которые раскрывают основное содержание текста.
5. Мысленно восстановите последовательность основных событий.
6. Обдумайте собственное отношение к прочитанному и выразите его кратко в письменной или устной форме.

Предлагая памятку, преподаватель обращает внимание на необходимость осознания цели, условий выполнения работы, дает логическую схему поиска смысла читаемого, показывает приемы выделения основной информации, учит находить ключевые слова-опоры, важные для определения смысловых частей текста и т.д. Работа с памятками способствует развитию самостоятельности студентов, проводя их через разные виды самостоятельной деятельности от копирующей, воспроизводящей к творческой.

Итак, организация самостоятельной работы — это отбор средств, форм и методов, стимулирующих познавательную активность иностранных учащихся. При тщательно продуманной методике проведения самостоятельной работы ускоряются темпы формирования у иностранных студентов умений и навыков практического характера при освоении нового для них языка.

Список литературы

- 1 *Зимняя И.А.* Педагогическая психология. — 2-е изд., доп., испр. и перераб. — М.: Логос, 2000. — 384 с.
- 2 *Айтпаева А.С.* Тексты для чтения, изложения и самостоятельной работы: Учеб. пособие для студентов-иностранцев, изучающих русский язык на начальном и среднем этапах обучения. — Алматы: Қазақ ун-ті баспасы, 2004. — С. 44.

И.В.Кильдюшова, Т.В.Курманова

Шетелдік студенттердің өзіндік жұмысын өткізу тәжірибесінен

Мақалада шетелдік студенттердің оқу әрекетінің ерекше бір формасы — өздік жұмысының маңызы туралы айтылды. Авторлар шетелдік студенттердің өздік жұмысының бір түрі ретінде — орыс тілі сабағындағы үйде оқуға айрықша көңіл бөлді. Оқу үдерісінің тиімділігін және оқытудың сапасын арттыру жолдарының негізгісі — «Орыс тілі» және «Қазақстан тарихы мен мәдениеті» пәндерінің өзара байланысын қадағалау. Өздік жұмысты өткізуде мұқият сұрыпталған әдістеме бойынша шетелдік студенттердің практикалық дағдылары мен біліктілігін қалыптастыру тиімдірек болмақ.

I.V.Kildyushova, T.V.Kurmanova

Experience in organizing the independent work of foreign students

The article deals with the significance of independent work as a special form of educational activity of foreign students. Authors paid special attention to home reading as to one of the forms of independent work of foreign students at the advanced level. According to the authors one of the ways of increasing efficiency of the educational process and improving the quality of teaching is intersubject coordination of such subjects as «Russian language» and «History and culture of Kazakhstan». In case of carefully thought-out methodology for independent work, the pace of the formation of foreign students' abilities and skills of the practical nature in acquiring the Russian language is accelerated.

М.К.Рахимбекова

Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, Астана (E-mail: makbal_rahimbekova@mail.ru)

Лингвокультуроведческий потенциал фразеологизмов и паремий при усвоении русского языка как второго

В статье рассмотрен вопрос о лингвокультуроведческом потенциале фразеологизмов и паремий при усвоении русского языка как второго, о возможностях методически обоснованного использования этого материала, позволяющего реализовать принцип «диалога культур» в процессе овладения вторым языком.

Ключевые слова: усвоение второго языка, фразеологизмы, паремия, межкультурная компетенция, студенты-оралманы.

Повышение качества образования является одной из актуальных проблем современности, результативность решения которой имеет стратегическое значение для всех областей жизни общества. Решение этой проблемы связано с модернизацией содержания образования, оптимизацией способов и технологий организации образовательного процесса и, конечно, переосмыслением цели и результата образования. В общем контексте европейских тенденций глобализации Совет культурной кооперации среднего образования для Европы определил те основные, ключевые компетенции, которые в результате образования должны освоить молодые европейцы [1;16]. Эти изменения также не могли не повлиять на рассмотрение системы качества образования нашей страны, которая сейчас нацелена на формирование ключевых компетенций у обучающихся.

Переход к компетентностному подходу при разработке государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования является современным и необходимым, так как интегральная оценка качества подготовки выпускника может быть наиболее полно получена только при определении его компетентности в выбранной области профессиональной деятельности [1;37].

Данное понятие получило широкое распространение и разнообразные определения. «Компетенция», в переводе с латинского *competentia*, означает круг вопросов, в которых человек хорошо осведомлён, обладает познаниями и опытом. В Толковом словаре русского языка Д.Н.Ушакова дается следующее определение: «Компетенция — круг вопросов, явлений, в которых данное лицо обладает авторитетностью, познанием, опытом» [2]. В Глоссарии терминов рынка труда, разработки стандартов образовательных программ и учебных планов (Европейский фонд образования, 1990) указывается, что компетенция — «это способность делать что-либо хорошо или эффективно; соответствие требованиям, предъявляемым при устройстве на работу; способность выполнять особые трудовые функции». В.И.Байденко расширяет определение следующим образом: «Это способность делать что-либо хорошо, эффективно в широком формате с высокой степенью саморегулирования, саморефлексии, самооценки, быстрой, гибкой и адаптивной реакцией на динамику обстоятельств и среды».

Ученые выделяют следующие основные виды общих компетенций:

- инструментальные компетенции, которые включают когнитивные, методологические способности, технологические умения, компьютерные навыки, лингвистические умения;
- межличностные компетенции, т.е. индивидуальные способности, связанные с умением выражать чувства и отношения, критическим осмыслением и способностью к самокритике, а также социальные навыки, связанные с процессами социального взаимодействия и сотрудничества, умением работать в группах, принимать социальные и этнические обязательства, т.е. навыки межличностных отношений, способность принимать разнообразие и межкультурные различия, способность работать в международной среде, приверженность этическим ценностям и т.п.;
- системные компетенции, т.е. сочетание понимания, отношения и знания, позволяющее воспринимать, каким образом части целого соотносятся друг с другом и оценивать место каждого из компонентов в системе [1; 43].

В данной статье мы будем рассматривать вопрос о межкультурной компетенции, которая в системе общих компетенций относится к группе межличностных компетенций.

В условиях современного потока жизни, когда непрерывно развиваются процессы глобализации, всеобщей интеграции и информатизации общества, все более расширяются границы общения между людьми, странами и различными культурами. Успешная межкультурная коммуникация возможна лишь в случае преодоления не только языкового, но и культурно-ментального барьера между представителями различных культур. Эта проблема имеет особую значимость для такой многонациональной страны, как Казахстан, языковая ситуация в которой при всем полиэтническом многообразии определяется особенностями взаимодействия и взаимовлияния двух языков — государственного казахского и русского, ставших в результате длительного исторического контакта неотъемлемыми составляющими языкового пространства республики.

В настоящее время одной из основных целей преподавания второго (инострannого) языка и, в частности, русского языка признается формирование межкультурной компетенции. Формирование межкультурной компетенции предполагает речевое поведение, адекватное принятым в данном обществе нормам общения в зависимости от сферы, ситуации, темы и участников коммуникации, что требует овладения соответствующими национально-специфическими моделями речевого взаимодействия. Таким образом, межкультурная компетенция, наряду со знаниями страноведческого характера и знанием языка, включает определенные умения и опыт, без которых понимание человека, живущего в иной культуре, оказывается затруднительным. Более того, без понимания иной культуры рефлексия на собственную культуру и ее развитие оказывается невозможной.

Проблема формирования межкультурной компетенции принимает особую актуальность при изучении русского языка студентами-оралманами, поскольку, в отличие от казахстанских студентов, большинство из них не владеют русским языком и плохо осведомлены о культуре, обычаях этого народа. Среди студентов-оралманов, которые учатся в Евразийском национальном университете им. Л.Н.Гумилева, есть репатрианты из Узбекистана, Монголии, Китая, Афганистана и других стран. В университете на первом курсе студентов-оралманов обучают русскому языку отдельно от основной массы студентов, организовывая учебный процесс в специальных группах по соответствующей методике. В процессе усвоения русского языка по вузовским программам большую роль играют начальные знания студентов-оралманов, так как некоторые из них изучали русский язык в школе. Это, прежде всего, касается репатриантов из Монголии и Узбекистана, где продолжается изучение русского языка в специализированных школах. Студенты-оралманы из Китая испытывают значительные затруднения по сравнению с репатриантами из Монголии и Узбекистана, так как они в основной своей массе приступают к изучению русского языка только в стенах университета.

Одним из важнейших критериев формирования межкультурной компетенции является способность учащихся-инофонов выражать свои мысли, реализовывая коммуникативные намерения на изучаемом языке корректно, адекватно ситуации общения, причем, стараясь обогащать свою речь образными выражениями, используя в том числе поговорки и фразеологизмы. Работа над меткими и крылатыми выражениями воспитывает языковую пылливость учащихся-инофонов, способствует обогащению их словарного запаса, учит адекватному, правильному распознаванию коммуникативных намерений собеседника, носителя изучаемого языка. Ведь результатом межкультурного контакта могут явиться случаи предсказуемых недоразумений, обусловленных опытом коммуникативного поведения инофона в своей собственной культуре.

Учебный принцип активной коммуникации, являющийся ведущим в обучении иностранцев русскому языку, немаловажен без лингвокультуроведческого аспекта обучения. Лингвокультуроведение — направление, с одной стороны, включающее в себя обучение языку, а с другой — дающее определённые сведения о культуре через изучаемый язык. Цель получения лингвокультуроведческих знаний — обеспечение коммуникативной компетенции в актах межкультурной коммуникации. В центре внимания — человек как языковая личность, язык как система воплощения культурных ценностей, культура как наивысший уровень языка, речевое поведение, речевой этикет, текст как важнейшая единица культуры.

В процессе формирования межкультурной компетенции особое значение имеет изучение языковых единиц, наиболее ярко отражающих национальные особенности культуры русского народа — носителя языка, а также ознакомление с современной казахстанской действительностью и культурой народов, проживающих здесь. Таким образом, через русский язык и в процессе его изучения происходит ознакомительно-познавательный процесс, способствующий дальнейшему развитию языковой личности.

Лингвокультуроведческий материал стимулирует активизацию речевой и мыслительной деятельности учащихся, способствует обогащению словарного запаса, расширяет рамки речевых ситуаций. Лингвокультуроведческий аспект преподавания русского языка можно квалифицировать как межкурсовый, пронизывающий все системные уровни обучения русскому языку. Он последовательно осуществляется в практическом курсе русского языка. Усвоение разнообразной информации о нашей стране помогает адекватному восприятию окружающей действительности и адаптации студентов-оралманов в новой для них социокультурной среде.

Лингвокультуроведческая база знаний основана на фоновых знаниях носителей языка, на корпусе безэквивалентной лексики, паремиологическом и фразеологическом материале. При изучении паремий и фразеологизмов выделяются экстралингвистические факторы, отраженные в их составе и обладающие культуроведческой ценностью.

При изучении паремий и фразеологизмов надо помнить, что данный вопрос связан с осмыслением проблемы соизучения языка и культуры, ведь в процессе изучения русского языка инофоны сталкиваются не только с проблемами усвоения новой языковой системы, но и с незнакомой, чужеродной для них культурой, испытывая при этом значительные трудности. При таком подходе к обучению инофонов язык выступает как важная ее составляющая и форма выражения национального взгляда на мир. Данной проблеме посвящены труды как известных российских (В.Г.Верещагина, Е.М.Костомарова, С.Г.Тер-Минасовой, Ю.Е.Прохорова, Н.Н.Васильевой и т.д.), так и отечественных (А.Е.Агмановой, Ж.А.Нуршаиховой, Г.С.Суюновой, М.Р.Кондубаевой, Т.Н.Капесовой) и других лингвистов.

Как считает С.Г.Тер-Минасова, язык можно соотнести с реальным миром, а слова — с конкретными предметами и явлениями. Однако между миром и языком стоит мыслящий человек, носитель языка и культуры. Следовательно, представления о мире определенного народа отражаются в его языке. Также автор отмечает, что язык является «орудием культуры». Очевидно, что основную культурную нагрузку несет лексика: слова и словосочетания. Из них складывается языковая картина мира, определяющая восприятие мира носителями данного языка. Особенно наглядно и ярко этот аспект представлен устойчивыми выражениями, фразеологиями, идиомами, пословицами, поговорками — т.е. тем слоем языка, в котором непосредственно сосредоточена народная мудрость, или, вернее, результаты культурного опыта народа [3].

В.А.Маслова отмечает в своих трудах, что фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы [4]. С мнениями данных ученых невозможно не согласиться, ведь действительно, фразеологизмы являются неотъемлемой частью культуры народа, в них выражен многовековой опыт, накопленный поколениями носителей определенного языка.

Формирование фразеологического словаря на изучаемом языке параллельно обогащает лексический запас и фоновые знания инофона. Это в основном происходит за счет тех устойчивых единиц, которые совпадают в родном и изучаемом языках. Для понимания и уместного использования фразеологизмов необходимо обращаться к историко-этимологическому толкованию их значения. В рамках лингвокультуроведческого подхода национально-культурное своеобразие фразеологизмов выражается в упоминании тех или иных экстралингвистических реалий, характерных для данной культуры и принадлежащих к фоновым знаниям носителей языка.

Контрастивный подход к выявлению национально-культурного своеобразия фразеологизмов позволяет установить их национальный колорит, национально-культурные особенности фразеологических аналогов разных языков. Сопоставление фразеологических эквивалентов в данном случае происходит с целью выявления различий, которые и составляют национально-культурное своеобразие фразеологических эквивалентов сопоставляемых языков.

С учетом того факта, что культурно-исторический контекст развития фразеологии рассматриваемых языков различен, при раскрытии значения фразеологических единиц необходимо большое внимание уделять не только адекватности передачи смыслового содержания, но и их эмоциональным и стилистическим особенностям. Специфика фразеологических единиц русского и казахского языков проявляется на всех уровнях языковой системы: лексическом, стилистическом, морфологическом и синтаксическом.

В рассматриваемых языках встречаются лексически тождественные фразеологизмы, т.е. эквиваленты. Например: *душа болит // жаны ауру; положить глаз // көз салу; пес его знает // ит біле ме; открывать рот // аузын ашу* и др.

Для выражения *в поте лица* в казахском языке соответствует два фразеологизма *маңдай терін төгу* (букв. *льется пот со лба*) и *жанан терге түсу* (букв. *обильно проливать пот*). Данные выражения в обоих языках имеют один и тот же смысл «усердно трудиться, прилагая все силы». Этот же смысл присущ выражению *арқа еті арша, борбай еті борша болу*, что в переводе означает «мясу на спине и бедрах превратиться в клочья», оттого что трудился до изнеможения.

О мастере своего дела русскоязычный человек сказал бы, что *у него золотые руки*, т.е. по своему мастерству, редкости умелые руки сравниваются со столь же драгоценным металлом — золотом. А носитель казахского языка сказал бы *бармағынан бал тамған* («с пальца мед капает»). Также можно сказать *қолы-қолына жұқпайды* (т.е. «рука руки не касается») о человеке, который быстро и хорошо выполняет работу. О людях опытных, хорошо знающих свое дело, отзываются следующим образом: *тертый калач, он в этом деле собаку съел*, а казахоязычный человек скажет *қу мүйіз* (кісі), т.е. человек с высохшими рогами — очень опытный человек, которого трудно провести, обмануть. Есть и другие варианты описания мастерства в чем-либо: *ағаштан түйін түйеді*, т.е. «мастер на все руки». А если человек ленивый, то казахи скажут *шөптің басын да сындырмайды, екі қолы алдына сыймау*, что означает «не сломит даже кончик соломинки», «руки некуда приложить», данный тип человека описывается у русского народа как человек, который *пальцем о палец не ударит, бьет баклуши, лодыря гоняет*. Разное ассоциативное мышление и построения национально-ориентированных ассоциативных рядов отразились в русском языке в различных сферах деятельности человека, в том числе на уходящих в историческое прошлое ремеслах: *бить баклуши* значило разбивать на куски полено, т.е. делать бесполезную работу, бездельничать т.п.

Надо отметить, что в современных учебных пособиях по русскому языку для инофонов зачастую фразеологизмы не сопровождаются лингвокультуроведческим комментарием, что весьма негативно отражается на формировании лингвокультуроведческих знаний и в целом усвоении языка, поскольку невозможно овладеть языком без ознакомления с культурой, бытом носителей этого языка. Инофону очень сложно понять и уместно употреблять фразеологизмы без полного осознания его смысловой структуры.

Наличие большого массива фразеологизмов и паремий, сходных у разных народов, говорит об общности духовной жизни, единстве общечеловеческих ценностей и основополагающих начал, характерных для представителей различных этносов. При сопоставлении фразеологического материала русского и казахского языков можно обнаружить как абсолютную эквивалентность, т.е. полное совпадение по значению, образности и лексическому составу, так и частичную, т.е. совпадение по смыслу и частично по образности. Например, абсолютными эквивалентами являются выражения *лучше поздно, чем никогда* в русском языке и *ештен кеш жаксы* в казахском языке.

Сожаление человека о случившемся в русском языке передается с помощью устойчивого выражения *кусать себе локти* (досадовать, жалеть о непоправимом, упущенном). Ведь локоть также невозможно достать, как и исправить непоправимое. В казахском языке в таком случае говорят *бармағын тістеу* (прикусить, жевать свой большой палец).

В речи носителя русского языка мы можем встретить выражение *кричать во всю Ивановскую*, что означает очень громко кричать, храпеть и т.п., очень быстро, со всей силой делать что-либо. А связано это выражение с Московским Кремлем. Площадь в Кремле, на которой стоит колокольня Ивана Великого, называли Ивановской. На этой площади специальные люди — дьяки — оглашали указы, распоряжения и прочие документы, касавшиеся жителей Москвы и всего народа России. Чтобы всем хорошо было слышно, дьяк читал очень громко, кричал во всю Ивановскую. Частичным эквивалентом этого выражения в казахском языке является фразеологизм *басына көшіру* (көтеру), что означает «перевернуть на голову, громко кричать».

Вместе с тем стоит обратить внимание на фразеологизмы, которые совпадают в рассматриваемых языках только по смыслу. Например, в казахском языке есть фразеологизм *аяқ астынан* (букв. *из-под ног*), что в переводе означает *вдруг, внезапно*. По смыслу данному фразеологизму соответствует русское выражение *на голову свалиться, ни с того ни с сего* [5].

Своеобразие каждого языка отчетливо и естественно выражается в народной жизни. В паремиях имплицитные признаки мировидения становятся эксплицитными, поэтому они представляет собой очень важный материал для серьезного исследования мировидения. Исследователи паремий считают, что пословицы и поговорки дают нам представление об идеях и идеалах, которые движут людьми; они, как зеркало, отражают жизнь и нравственные устои общества и действуют в обществе в качестве регулирующих «жизненных правил» [6].

Как известно, пословица — это краткое, ритмически организованное, образное изречение народа, устойчивое в речевом общении. Пословицы посвящены разным темам, которые рассматривают все аспекты жизни. В. Даль выделил сто семьдесят девять тематических рубрик: пословицы о предметах веры (бог, грех, набожность, раскол и проч.), о судьбе (терпенье, надежды и др.), о счастье (удаче), о богатстве и бедности, скупости, о бережливости и мотовстве и проч. Тематика пословиц и поговорок столь же обширна, как жизнь народа.

Пословицы, по утверждению В. Даля, «свод народной премудрости и суемудрия — это стоны и вздохи, плач и рыдания, радость и веселье, горе и утешение в лицах; это цвет народного ума, самобытной стати; это житейская народная правда, своего рода судебник, никем не судимый» [7]. Речь, изобилующая народными поговорками, носит печать особой выразительности.

В иноязычной аудитории лучше использовать пословицы, которые ярко отражают национальную специфику данного этносоциума и характеризуются высокой частотностью употребления. Тематика их может быть самой разнообразной, но целесообразность связи их с общечеловеческими ценностями очевидна, например, пословицы о дружбе: *Вместе тесно, а врозь скучно, Друзья познаются в беде, Куда иголка, туда и нитка, Не в службу, а в дружбу, Не имей сто рублей, а имей сто друзей, Старый друг лучше новых двух*; о родном доме, Родине: *В гостях хорошо, а дома лучше, Всяк кулик своё болото хвалит, Дома (и) стены помогают*; о долге и ответственности: *Долг платежом красен, Взятся за муж, не говори, что не дюж, Дружба дружбой, а служба службой, Назвался груздем, полезай в кузов* и т.д.

Рассмотренные нами пословицы и поговорки русского языка позволяют судить об особенностях национального менталитета, о его проявлении через национальный характер. Русские люди предстают в них как трудолюбивые, ленивые, совестливые, добродушные, готовые помочь друг другу, терпеливые, гостеприимные, патриотичные.

Устойчивым выражениям с национально-культурной спецификой следует уделять специальное внимание в процессе усвоения русского языка как второго, поскольку сопоставительно-лингвокультуроведческий анализ фразеологических единиц и паремий русского и родного языков обучаемых, их лингвокультуроведческий комментарий облегчает процесс их усвоения. Фразеологические единицы, пословицы и поговорки при обучении инофонов используются, во-первых, в качестве языкового материала и, во-вторых, как средство знакомства с национальной культурой носителей языка.

В процессе усвоения русского языка инофонами необходимо показать коммуникативную значимость устойчивых выражений, уместное употребление которых делает речь образной и выразительной, способствует наиболее полной и адекватной реализации речевого намерения. Лингвокультуроведческий потенциал фразеологизмов и паремий достаточно высок, методически обоснованное использование этого материала позволяет осуществить «диалог культур» в процессе овладения вторым языком.

Аутентичные (разговорные, художественные, публицистические) тексты как естественная среда существования культурно-маркированных языковых единиц особенно полезны для актуализации полученных знаний. Они способствуют формированию языкового чутья обучаемых и навыков использования фразеологических единиц и паремий в собственной речи. Сопоставительно-лингвокультуроведческий комментарий фразеологизмов и паремий, встречающихся в текстах учебников и учебных пособий для иноязычных обучаемых, является необходимым условием их адекватного восприятия и усвоения.

Список литературы

- 1 Российский государственный гуманитарный университет. Компетентностный подход в образовании // Реферативный бюллетень. — М.: Изд-во РГГУ, 2005. — 46 с.
- 2 Компетенция. [ЭР]. Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov/article/ushakov/11-1/us_1142707.htm
- 3 Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. — М.: Слово/Slovo, 2000. — 624 с.
- 4 Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Изд. центр «Академия», 2001. — 208 с.
- 5 Кожухметова Х.К., Жайсакова Р.Е., Кожухметова Ш.О. Казахско-русский фразеологический словарь. — Алматы: Мектеп, 1988. — 224 с.
- 6 Цит. по Ермаковой В.А. Концептуализация оппозиции «свой — чужой» в паремической картине мира (на материале русского и английского языков): Дис. ... канд. филол. наук. — Караганда, 2010. — С. 27.
- 7 Даль В.И. Пословицы русского народа. — М.: Эксмо; Изд-во «ННН», 2003. — 616 с.

М.К.Рахимбекова

Орыс тілін екінші тіл ретінде меңгерудегі фразеологизмдер мен мақал-мәтелдердің лингвомәдениеттанушы әлеуеті

Мақалада орыс тілін екінші тіл ретінде меңгерудегі фразеологизмдер мен мақал-мәтелдердің лингвомәдениеттанушы әлеуеті қарастырылған. Сонымен қатар екінші тілді меңгеру процесіндегі «мәдениеттер диалогы» қағидасын жүзеге асырылуына ықпал ететін бұл материалдың әдістемелік қисынды қолдану мүмкіндіктері туралы сөз қозғалды.

M.K.Rahimbekova

Linguistic and cultural potential of phraseological units and proverbs and sayings in acquisition of the Russian as the second language

The article discusses the linguistic and cultural potential of phraseological units and proverbs in mastering Russian as a second language, the possibilities of methodically sound use of this material, which allows to implement a principle of the «dialogue of cultures» in the process of the second language acquisition.

УДК 371

А.Т.Шабленова

Средняя общеобразовательная школа № 83 им. Г.Мустафина, Караганда (E-mail: shablenova_a@mail.ru)

Ролевые игры при обучении английскому языку

В статье рассмотрена методика проведения урока английского языка в средней общеобразовательной школе для учащихся с разным уровнем развития. С этой целью исследовано значение ролевых игр и их применение на разных этапах проведения урока, определена эффективность использования игры в процессе обучения. Особое внимание обращено на методические задачи, которые могут быть решены с помощью ролевых игр на уроках английского языка. Кроме этого, предложены примеры применения ролевых игр на тематически разных уроках английского языка в средней школе.

Ключевые слова: ролевая игра, активные методы обучения, учебная мотивация, творческая активность учащихся, психология детей, естественная ситуация общения, этапы урока, развитие устной речи, лексические и грамматические навыки, аудирование.

Планируя уроки английского языка, необходимо стремиться не только к тому, чтобы ученики узнали и запомнили новые слова, но и создать все условия для развития индивидуальности каждого ребенка. Чтобы поддержать интерес детей к предмету, необходимо определить, что может увлечь их в процессе обучения. В этой связи важным в работе учителя становится поиск резервов повышения качества и эффективности обучения иностранному языку, использование инновационных методов и приемов работы. Все это будет способствовать решению главной задачи учителя — вызвать у учащихся устойчивый интерес к изучению иностранного языка и добиться умения свободного общения на нем.

Большую помощь учителю в решении данных задач оказывают ролевые игры. Их использование на уроках иностранного языка дает положительные результаты, повышает интерес ребят к уроку, позволяет сконцентрировать их внимание на главном — овладении речевыми навыками в естественной ситуации общения во время игры.

Об обучающих возможностях игр известно давно. Многие выдающиеся педагоги справедливо обращали внимание на эффективность использования игр в процессе обучения. В настоящее время проблема применения речевой игры в обучении иностранному языку широко освещается в отечественной и зарубежной методической литературе.

Игра — «особо организованное занятие, требующее напряжения эмоциональных и умственных сил» [1]. Природа игры, ее высокий воспитательный потенциал обусловлен возрастными и психологическими особенностями развития детей.

Игры помогают детям стать творческими личностями, учат их неформально относиться к любому делу. Игры приносят детям радость общения, увлеченности, возможности проявления своих способностей и талантов.

Творчество заложено в учениках самой природой. Они любят сочинять, выдумывать, фантазировать, изображать, перевоплощаться. Детское творчество быстро увядает, если к нему не проявляется интерес со стороны окружающих. Совместные творческие игры сближают ученика с учителем. В этом — один из важнейших принципов эффективного воспитания. Учащиеся, играя, все время стремятся идти вперед, к лучшим результатам.

Американский психолог Джордж Герберт Мид в своей книге «Разум, Я и Общество» (Mind, Self, and Society) [2] увидел в игре обобщенную модель формирования того, что психологи называют «самостоятельностью» человека — «собираанием» своего «я». Игра — это сфера самовыражения, самоопределения, самопроверки, самоосуществления человека.

Не случайно, в современной медицине и психологии сформировалась специальная отрасль — игротерапия. Игрою можно диагностировать, познать и изучить, игрою можно ободрить и одобрить ученика. С помощью игры можно корректировать, улучшать, развивать в детях важные личностные качества.

Игра всегда предполагает принятие решения — как поступить, что сказать, как выиграть. Желание решить эти вопросы убыстряет мыслительную деятельность играющих. Если же ребенок будет думать на иностранном языке, игра в этом случае предоставляет богатые обучающие возможности.

Конечно, дети серьезно не задумываются над этими возможностями. Для них игра прежде всего — увлекательное занятие, в котором все равны. Как точно отмечает Т.Г.Любимова в работе «Развиваем творческую активность», игра «посильна даже слабым ученикам» [3].

Чувство равенства, атмосфера увлеченности и радости, ощущение посильности заданий — все это дает возможность ребятам преодолеть стеснительность, мешающую свободно употреблять в речи слова чужого языка, и благотворно сказывается на результатах обучения. Незаметно усваивается языковой материал, а вместе с этим возникает чувство удовлетворения — «оказывается, я могу говорить наравне со всеми».

В свете сказанного мы рассматриваем игру как ситуативно-вариативное упражнение, где создается возможность для многократного повторения речевого образца в условиях, максимально приближенных к реально-речевому общению с присущими ему признаками: эмоциональностью, целенаправленностью речевого воздействия.

Ролевые игры способствуют выполнению следующих методических задач:

- создание психологической готовности детей к речевому общению;
- обеспечение естественной необходимости многократного повторения ими языкового материала;
- тренировка учащихся в выборе нужного речевого варианта.

В работе «Элементы преподавания новых языков» немецкий методист Ф.Лейзингер показывает большие коммуникативные и, следовательно, обучающие возможности ролевой игры для развития устной речи. Ролевая игра, по его мнению, наиболее точно воссоздает атмосферу общения. За ее участниками закрепляется определенный характер, они находятся в определенных отношениях в рамках какой-либо конкретной ситуации, что предполагает разнообразную речевую реакцию, включая эмоциональную [4]. У учащихся возникает потребность выразить радость или огорчение, восторг или негодование и они должны найти средства для выражения своих эмоций.

Одни и те же игры могут выполняться по-разному, принимать разные формы, но в основе всех их лежит импровизация. Конечно же, при этом нужно учитывать, что каждый возрастной период характеризуется своим типом ведущей деятельности.

Самое интересное развитие многих функций происходит у учащихся начальных классов, и поэтому потребность в игре в этом возрасте особенно сильна, а игра превращается в вид деятельности, управляющий развитием. В ней формируются личностные качества ребенка, его отношение к действительности, к людям.

В этом возрасте, в силу функциональной тенденции ребенок не может жить без активности, без игры. Приостановить игровую деятельность и насильно включить учащегося в другую деятельность — значит затормозить интенсивное развитие и всестороннее раскрытие его задатков.

В структуре ролевой игры мы выделяем следующие компоненты: роли, исходная ситуация, ролевые действия.

Как известно, движущей силой говорения является мотив. Создание мотива говорения — самый трудный компонент деятельности учителя при организации ролевой игры. Для того, чтобы проникнуть в сферу интересов учащихся, нужно создать личностный мотив к участию в ролевой игре и тем самым правильно составить задания к ролевым играм. Ролевые игры в группе детей имеют неисчерпаемые возможности воссоздания самых различных отношений, в которые вступают люди в реальной жизни.

Взяв за основу классификацию М.Ф.Стронина, предложенную им в книге «Обучающие игры на уроках английского языка» [5], мы выделяем следующие виды ролевых игр:

- игры для работы с алфавитом;
- фонетические игры;
- лексические игры;
- орфографические игры;
- грамматические игры;
- игры на аудирование;
- общезыковые игры.

Место игр на уроке и отводимое игре время зависят от ряда факторов: подготовки учащихся, изучаемого материала, целей и условий урока. Например, если игра используется в качестве тренировочного упражнения при первичном закреплении, то ей можно отвести 20–25 мин. урока. В дальнейшем та же игра может проводиться в целях повторения уже пройденного материала, т.е. одна и та же игра может быть использована на различных этапах урока.

Игры лучше всего использовать в середине или в конце урока, с тем, чтобы снять напряжение. Важно, чтобы работа с играми приносила положительные эмоции и пользу и, кроме того, служила действенным стимулом в ситуации, когда интерес или мотивация детей к изучению иностранного языка начинает ослабевать.

Во время игры учащихся не следует прерывать, ибо это нарушает атмосферу общения. И.П.Гладилина считает: «Очень часто в обществе люди предпочитают молчать, если знают, что их речь вызовет отрицательную реакцию со стороны собеседника. Подобно этому ученик, каждую ошибку которого исправляет учитель, не только теряет основную мысль высказывания, но и желание продолжить беседу» [6].

Исправления следует делать тихо, не прерывая речи учащихся, или делать это в конце урока.

В целом использование различных игр на уроке иностранного языка способствует овладению языком в занимательной форме, развивает память, внимание, сообразительность, поддерживает интерес к иностранному языку.

В то же время игры на уроках иностранного языка можно и нужно использовать также для снятия напряжения, монотонности, при отработке языкового материала, при активизации речевой деятельности.

Следует помнить, что при всей привлекательности и эффективности игр необходимо соблюдать чувство меры, иначе они утомят учащихся и потеряют свежесть эмоционального воздействия.

При планировании уроков и подборе к ним различных игр необходимо не только учитывать возрастные категории учащихся, но и уровень их развития и информированности, в некоторых случаях — опору на родной язык.

Использование игр на уроках иностранного языка помогает учителю глубже раскрыть личностный потенциал каждого ученика, его положительные личные качества (трудолюбие, активность, самостоятельность, инициативность, умение работать в команде и т.д.), сохранить и укрепить учебную мотивацию.

Важно помнить всем — учителям, воспитателям, родителям — что точно так же, как взрослому человеку для активной жизни необходима какая-либо деятельность, работа, учащемуся для успешной учебы необходима игра.

В качестве практических рекомендаций предлагаем примеры использования ролевых игр на тематически разных уроках английского языка в средней школе.

Игры для работы с алфавитом

Цели:

- контроль усвоения алфавита;
- формирование навыка дифференциации звукобуквенных соответствий.

5 карточек. Учитель показывает каждому из участников игры 5 карточек с буквами английского алфавита. Выигрывает тот, кто правильно и без пауз называет все 5 букв.

Где буква? Учитель пишет на доске несколько слов и предлагает ученикам найти среди них три, в которых буква ... читается как Выигрывает тот, кто быстрее это сделает.

Taking steps. Ученики становятся у дальней стены классной комнаты. Учитель показывает написанные на доске слова, учащиеся по очереди называют слова по буквам. Если ученик правильно называет по буквам слово, он делает шаг вперед. Тот ученик, который первым достигнет противоположной стены классной комнаты, считается победителем.

Word-building. Учитель записывает на доске длинное слово. Ученики должны составить (за определенный промежуток времени) слова из букв этого слова. Побеждает тот ученик, который составил наибольшее количество слов. Например, из слова *personal* учащиеся могут составить слова: *son, are, so, rose*.

Фонетические игры

Цели:

- тренировка учащихся в произнесении английских звуков;
- формирование навыка произношения связного высказывания или текста.

Кто правильнее прочитает? На доске записывается небольшое стихотворение или отрывок из него (считалка, скороговорка). Учитель читает и объясняет значение слов, предложений, обращает внимание на трудности произношения отдельных звуков. Текст несколько раз прочитывается учениками. После этого даются две-три минуты для заучивания наизусть. Текст на доске закрывается, и ученики должны прочитать его наизусть. От каждой команды выделяются два-три чтеца. За безошибочное чтение начисляются очки; за каждую ошибку снимается одно очко. Побеждает команда, набравшая больше очков.

Чья команда лучше споет песню «What is your name?»

Команда-победительница получает пять баллов. Пение на уроках иностранного языка позволяет включить в активную познавательную деятельность каждого ребенка, создает предпосылки для коллективной работы в атмосфере положительных эмоций.

Незнайка и мы. В класс пришел Незнайка. Он будет изучать английский язык. Теперь ребята не просто повторяют звуки, они стараются научить Незнайку правильному произношению. Незнайка показывает детям транскрипционные знаки, а ребята хором называют их. А чтобы проверить, как ребята запомнили эти звуки, Незнайка начинает делать ошибки. Если звук произнесен правильно, дети молчат, а если неправильно, они дружно хлопают в ладоши.

Who knows the symbols of the sounds better. Учитель произносит английские звуки, а ребята показывают соответствующие транскрипционные знаки. Можно видоизменить условия игры: учитель показывает транскрипционные знаки, а вызванные ученики произносят соответствующий звук или слово, содержащее данный звук.

Лексические игры

Цели:

- тренировать учащихся в употреблении лексики в ситуациях, приближенных к естественной обстановке;

- активизировать речемыслительную деятельность учащихся;
- развивать речевую реакцию учащихся.

Учитель и ученики. Во время устного вводного курса школьники знакомятся с большим количеством лексических единиц. И большую помощь в освоении этих слов оказывает игра в «Учитель и ученики». Ученик в роли учителя, показывая картинку с изображением определенного предмета, задает вопросы ученику, на которые тот отвечает. Затем играющие меняются местами. Как мы убедились на практике, в этой игре полезно, чтобы в паре работали слабо подготовленный с хорошо подготовленным.

В магазине. На прилавке магазина разложены различные предметы одежды или еды, которые можно купить. Учащиеся заходят в магазин, покупают то, что нужно.

P1: Good morning!

P2: Good morning!

P1: Have you a red blouse?

P2: Yes, I have. Here it is.

P1: Thank you very much.

P2: Not at all.

P1: Have you a warm scarf?

P2: Sorry, but I haven't.

P1: Good bye.

P2: Good bye.

Цветик-семицветик. Оборудование: ромашки со съёмными разноцветными лепестками.

Класс делится на три команды. Школьники друг за другом по цепочке называют цвет лепестка. Если ученик ошибся, все лепестки возвращаются на место и игра начинается сначала. P1: This is a blue leaf. P2: This is a red leaf., etc.

Самый интересный рассказ. Образуются две команды. Каждой дается задание составить рассказ на определенную тему («В зоопарке», «Поездка за город», «Спортивные игры» и т.д.). Выигрывает команда, составившая самый интересный рассказ и допустившая меньше ошибок.

Знаете ли вы животных? Представители от каждой команды по очереди произносят название животных: a fox, a dog, a monkey и т.д. Побеждает тот, кто последним назовет животное.

Собери картинку. Каждой команде дается конверт, в котором находятся 12 частей от картинки. Нужно быстро собрать картинку и дать ее описание с помощью структур: I see ... This is ... He has got.....She has got It is blue (grey, etc.)

Собери букет. Оборудование: живые или искусственные цветы или осенние листья.

Учитель: У каждого из вас есть любимый учитель. Давайте соберем букет для него. Только мы должны соблюдать одно условие: называть цвет каждого цветка или листочка правильно, иначе букет быстро завянет. Ученик: This is a red flower. This is a yellow flower etc.

Пантомима. Чтобы закрепить в речи лексику по теме «Утро школьника», можно провести игру «Пантомима». Ведущий выходит из класса, а группа ребят располагается у доски. Каждый жестами и мимикой изображает одно из действий по заданной теме. Затем учитель говорит ведущему: Guess what every pupil is doing? Примерные ответы ведущего: This boy is doing morning exercises. That girl is washing her face. That boy is sleeping, etc.

Орфографические игры

Цели:

- формирование навыков сочетания букв в слове;
- овладение навыками осознания места буквы в слове;
- проверка усвоения орфографии изученного лексического материала.

Буквы рассыпались. Учитель пишет крупными буквами на листе бумаги слово и, не показывая его, разрезает на буквы, говоря: «Было у меня слово. Оно рассыпалось на буквы». Затем показывает буквы и рассыпает их на столе: «Кто быстрее догадается, какое это было слово?» Выигрывает тот, кто первый правильно запишет слово. Выигравший придумывает свое слово, сообщает учителю или сам пишет и разрезает его и показывает всем рассыпанные буквы. Действие повторяется.

Дежурная буква. Ученикам раздаются карточки и предлагается написать как можно больше слов, в которых указанная буква стоит на определенном месте. Например, учитель говорит: «Сегодня у нас дежурная буква «О», она стоит на первом месте. Кто напишет больше слов, в которых буква «О» стоит на первом месте?»

Картинка. Каждый участник игры получает по картинке с изображением предметов, животных и т.д. Представители команд выходят к доске, разделенной на две части, и записывают слова, соответствующие предметам, изображенным на картинке. После того, как ученик написал слово, он должен прочитать его и показать свою картинку. Выигрывает команда, которая быстрее и с меньшим количеством ошибок запишет все слова.

Кто больше? Образуются две команды. Каждая команда должна записать на доске как можно больше слов по темам: а) названия спортивных игр; б) животные; в) цвета и т.д.

Грамматические игры

Цели:

- научить учащихся употреблению речевых образцов, содержащих определенные грамматические трудности;
- создать естественную ситуацию для употребления данного речевого образца.

Игра с картинкой. Для лучшего усвоения учащимися структур в Present Continuous можно использовать игру с картинкой. Школьникам предлагается угадать, что делает тот или иной персонаж, изображенный на картинке, которую они пока не видели. Ребята задают вопросы, например: P1: Is the girl sitting at the table? T: No, she is not. P2: Is the girl standi. Побеждает ученик, который угадал действие, изображенное на картинке. Он становится ведущим и берет другую картинку.

What do you like to do? Игра направлена на активизацию в речи общих вопросов. Один из учащихся загадывает, что он любит делать, остальные задают ему вопросы: Do you like to swim? Do you like to play football? До тех пор, пока не отгадают. Отгадавший становится ведущим.

Have you ... Игра тренирует учащихся в употреблении общих вопросов с глаголом *to have*. На столе учителя разложены игрушки. Ученикам предлагается посмотреть на них и запомнить (предварительно можно повторить с учащимися все названия по-английски). Затем ученики отворачиваются, а ведущий берет со стола какую-либо игрушку и прячет ее за спиной. Остальные игрушки закрываются газетой. Ученики задают вопросы ведущему: Have you a cat? Have you a dog? и так до тех пор, пока кто-либо из учеников не отгадает спрятанную игрушку. Он и занимает место ведущего.

Кругосветное путешествие. В пятом классе вводится структура «There is a book on the desk», которая в дальнейшем будет встречаться довольно часто. Для прочного закрепления ее можно использовать игру «Кругосветное путешествие». В нашей практике мы начинаем игру, например, так: There is a blackboard on the wall и т.д.

Игры на аудирование

Цели:

- научить учащихся понимать смысл однократного высказывания;
- научить учащихся выделять главное в потоке информации;
- развивать слуховую память учащихся.

Можно проводить игры на аудирование текста, не имея ни картинок, ни рисунков, ни заранее подготовленных вопросов, поскольку это игры на развитие аудитивной памяти. Учитель читает текст в нормальном темпе, играющие слушают. После прослушивания текста учитель предлагает записать слова, которые каждый участник игры запомнил. Затем учитель читает текст еще раз и дает задание — выписать группы слов и запомнившиеся фразы.

После этого участники игры восстанавливают текст по памяти, пользуясь своими записями. Побеждает тот, кто наиболее точно передаст содержание текста. Большой эффект в обучении аудированию имеют командные игры, в которых после прослушивания текста члены команды составляют и затем задают вопросы соперникам по содержанию текста. Побеждает та команда, которая более точно ответит на поставленные вопросы.

Особый интерес вызывают игры, в которых после прослушивания текста (желательно, с большим количеством персонажей) необходимо разыграть сценку по содержанию текста. «В этих играх учащиеся демонстрируют не только свои способности к аудированию, но и свои артистические способности» [7].

Тексты можно использовать из учебников, дополнительных книг по английскому языку, придуманные самим учителем или учениками. Главное, на наш взгляд, превратить элементарный текст в интересную, притягивающую ребенка игру.

Чье солнышко ярче? Капитаны команд выходят к доске, на которой нарисованы два кружка, и описывают животное по картинке. Каждое правильно сказанное предложение — это один лучик к кружку и один балл. Побеждает тот капитан, чье солнышко будет иметь больше лучиков, т.е. больше баллов.

Кто лучше знает цифры? Представители от каждой команды выходят к доске, на которой написаны цифры (не по порядку). Ведущий называет цифру, ученик ищет ее на доске и обводит цветным мелом. Побеждает тот, кто обведет больше цифр.

Загадки о животных. Учитель читает учащимся загадки, учащиеся должны их отгадывать. Например:

1. It is a domestic animal. It likes fish. (A cat)
2. It is a wild animal. It likes bananas. (A monkey)
3. It is very big and grey. (An elephant)
4. This animal likes grass. It is a domestic animal. It gives us milk. (A cow)

За каждый правильный ответ команда получает 1 очко.

Веселые художники. Ученик, закрыв глаза, рисует животное. Ведущий называет основные части тела:

Draw a head, please. Draw a body, please. Draw a tail, please.

Если рисунок получился, команда получает пять баллов.

Ведущий: I can't find my sister. She is ten. She is a schoolgirl. She is not tall / Her hair is dark. Her eyes are blue. She has a red coat and a white hat on.

Seasons. Учитель предлагает кому-то из учеников задумать какое-либо время года и описать его, не называя. Например:

It is cold. It is white. I ski. I skate. I throw snowballs.

Учащиеся пытаются отгадать: Is it spring? Is it winter?

Выигрывает тот, кто правильно назвал время года.

Игры-загадки. Учитель: У меня есть хорошие друзья. Это особенные друзья. Они пришли к нам из сказок. Вы их тоже знаете, а вот сможете ли угадать, о ком я рассказываю? — I have a friend. He is a small boy. He can read, write and count, but not well. He can run and jump and play. He cannot draw and he cannot swim /Незнайка/.

– I have a friend. He is a big fat boy. He cannot read and write, but he can run, sing, dance and play. He can fly! /Карлсон/.

– I have a friend. He is not a boy. He is not a girl. He is green. He can swim. He cannot jump and he cannot fly /Крокодил Гена/.

Общезыковые игры

Цели:

- формирование произносительных, лексических и грамматических навыков;
- тренировка употребления языковых явлений на подготовительном, предкоммуникативном этапе овладения иностранным языком.

Переведи слово. Каждому участнику игры дается английское слово для перевода на русский язык. Ответ должен быть моментальным.

Собери пословицу. Ведущий читает начало пословицы, команды должны закончить ее. При правильном ответе команда получает балл. A FRIEND IN NEED IS A FRIEND INDEED.

Основной задачей рассмотренных игр является управление учебно-познавательной деятельностью учащихся и формирование у них лексических навыков, а также организация интенсивной самостоятельной работы на учебных занятиях с целью овладения правилами употребления конкретных языковых единиц.

С помощью игры хорошо отрабатывается произношение, активизируется лексический и грамматический материал, развиваются навыки аудирования, устной речи.

«В игре развиваются творческие, мыслительные способности ребенка, который должен принять решение: как поступить, как сказать, как выиграть» [8].

Рольевые игры помогают сделать процесс обучения иностранному языку интересным и познавательным. Чувство равенства, атмосфера увлеченности дают возможность ребятам преодолеть стеснительность, скованность, снять языковой барьер, усталость.

Таким образом, рольевые игры, отражающие психологию детей и их естественную потребность в самовыражении, являются одним из активных и результативных методов обучения английскому языку.

Список литературы

- 1 Кашина Е.Г. Рольевые и лингвистические игры. — Самара: Изд-во СамГПУ, 1992. — С. 5.
- 2 Мид Дж. Г. Избранное. — М.: РАН ИНИОН, 2009. — С. 47.
- 3 Любимова Т.Г. Развиваем творческую активность. — Чебоксары: Клио, 1996. — С. 15.
- 4 Лейзингер Ф. Элементы преподавания новых языков // Вопросы методики обучения иностранным языкам за рубежом. — М.: Просвещение, 1978. — С. 164.
- 5 Стронин М.Ф. Обучающие игры на уроке английского языка. — М.: Просвещение, 1981. — С. 69.
- 6 Гладилина И.П. Некоторые приемы работы на уроках английского языка в начальной школе // Иностранные языки в школе. — 2003. — № 3. — С. 20.
- 7 Алесина Е.В. Учебные игры на уроках английского языка // Иностранные языки в школе. — 1987. — № 4. — С. 4.
- 8 Дворник М.В. Игра и игровая ситуация на начальной и средней ступенях обучения // Иностранные языки в школе. — 1980. — № 6. — С. 36.

А.Т.Шабленова

Ағылшын тілін оқыту барысындағы рөлдік ойындар

Мақалада жалпы білім беретін мектептерде оқытушы дамуының түрлі деңгейіндегі ағылшын тілі сабағын оқыту әдістемесі қарастырылды. Осы мақсатпен сабақтың түрлі кезеңіндегі рөлдік ойындардың маңызы мен қолданылуы зерделенді, оқыту үрдісіндегі ойындарды пайдаланудың тиімділігі көрсетілді. Ағылшын тілі сабақтарында ойындар арқылы әдістемелік міндеттерді шешу мәселесіне ерекше көңіл бөлінді. Бұдан басқа орта мектептегі түрлі тақырыптағы ағылшын тілі сабақтарында ойындарды қолдану тәсілі ұсынылды.

A.T.Shablenova

Role-playing games at studying to English language

The technique of carrying out a lesson of the English language at the secondary schools for pupils with different levels of development is described in the article. For that purpose the significance of role-playing games and their practice on various stages of the lesson is investigated, efficiency of using the game in the process of studying is defined. The special attention is paid to methodical objectives that can be solved by means of role-playing games at the lessons of the English language. Except this, examples of the use of role-playing games at different thematic lessons of the English at the secondary school are suggested in the article.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абдикадирова А.Ж.**, қазақ тілі мен әдебиеті кафедрасының магистранты, Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.
- Абишева У.К.**, профессор доктор филологических наук, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы.
- Әділова А.С.**, қазақ тіл білімі кафедрасының профессоры филология ғылымдарының докторы, Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.
- Байгарина Г.П.**, доцент кандидат филологических наук, Казахстанский филиал МГУ им. М.В.Ломоносова, Астана.
- Бахтикиреева У.**, доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, РФ.
- Безкоровайная К.В.**, студентка 4 курса, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Гайнуллина Н.И.**, профессор доктор филологических наук, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы.
- Горбунова Г.З.**, профессор кафедры классической и русской филологии кандидат филологических наук, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Дмитрюк Н.В.**, кандидат педагогических наук, Южно-Казахстанский государственный педагогический институт, Шымкент.
- Екшембеева Л.В.**, профессор доктор филологических наук, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы.
- Жакупова Ш.С.**, доцент кафедры иностранных языков кандидат филологических наук, Карагандинский государственный медицинский университет.
- Жарылғапов Ж.Ж.**, қазақ әдебиеті кафедрасының профессоры филология ғылымдарының докторы, Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.
- Жуынтаева З.Н.**, қазақ тіл білімі кафедрасының доценті филология ғылымдарының кандидаты, Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.
- Жұмағұл С.Б.**, қазақ әдебиеті кафедрасының профессоры филология ғылымдарының докторы, Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.
- Жүнісова Б.А.**, қазақ тілі мен әдебиеті кафедрасының оқытушысы, Қарағанды «Болашақ» университеті.
- Иост О.А.**, профессор кафедры русской филологии кандидат филологических наук, Павлодарский государственный университет им. С.Торайгырова.
- Исенова Ф.К.**, доцент кафедры классической и русской филологии кандидат филологических наук, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Каренов Р.С.**, экономика ғылымдарының докторы, профессор, Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.
- Кильдюшова И.В.**, старший преподаватель, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы.
- Киынова Ж.К.**, доцент, кандидат филологических наук, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы.

- Курманова Т.В.**, старший преподаватель, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы.
- Қожамбердина М.Т.**, қазақ тіл білімі кафедрасының магистранты, Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.
- Мельникова Э.В.**, преподаватель, Казахстанский филиал МГУ им. М.В.Ломоносова, Астана.
- Мирзахметов А.А.**, қазақ тілі мен әдебиеті кафедрасының магистранты, Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.
- Мирзоева Л.Ю.**, доктор филологических наук, Университет им. Сулеймана Демиреля, Алматы.
- Нарожная В.Д.**, доцент кафедры языкознания доктор филологических наук, Южно-Казахстанский государственный педагогический институт, Шымкент.
- Нуршаихова Ж.А.**, профессор доктор филологических наук, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы.
- Оразалиева Ф.Ш.**, доцент кандидат филологических наук, Карагандинский университет «Болашак».
- Рахимбекова М.**, магистрантка 2 курса, Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, Астана.
- Рахымжанова А.Б.**, қазақ тілі мен әдебиеті кафедрасының магистранты, Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.
- Савченко Т.Т.**, профессор кафедры классической русской филологии доктор филологических наук, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Сансызбаева С.К.**, доцент кандидат филологических наук, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы.
- Сармурзин Е.**, қазақ тілі мен әдебиеті кафедрасының магистранты, Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.
- Сатибекова К.**, магистрантка 2 курса кафедры классической и русской филологии, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Смағұлов Ж.Қ.**, қазақ әдебиеті кафедрасының профессоры филология ғылымдарының докторы, Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.
- Треблер С.М.**, доцент кандидат филологических наук, Казахстанский филиал МГУ им. М.В.Ломоносова, Астана.
- Тұрсынова М.А.**, қазақ тіл білімі кафедрасының доценті филология ғылымдарының кандидаты, Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.
- Хасенов Б.Р.**, қазақ тіл білімі кафедрасының магистранты, Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.
- Шабленова А.Т.**, учитель английского языка, Средняя общеобразовательная школа № 83 им. Г.Мустафина, Караганда.

**2012 жылғы «Қарағанды университетінің хабаршысында»
жарияланған мақалалардың көрсеткіші.
«Филология» сериясы**

№ б.

ЖАЛПЫ ЖӘНЕ ОРЫС ТІЛ БІЛІМІ

<i>Аймолдина А.А.</i> Қазіргі қазақстандық іскерлік қоғамда ағылшын тілінің қызмет көрсетуінің ерекшеліктері	3	32
<i>Ақынова Д.Б.</i> Қазақстанның білім кеңістігінде ағылшын тілінің қызмет көрсетуі	3	41
<i>Аманбаева Г.Ю., Пастарнак М.И.</i> Мәтіндер типологиясының психолингвистикалық параметрлері	3	4
<i>Антонова Е.М., Галяутдинова А.Н.</i> «Көк» концептісін семантикалық когнитивтік үлгілеу тәжірибесінен	3	26
<i>Жарқынбекова Ш.К., Ақжігітова А.Ш.</i> Тілдік жағдаяттардың негізгі даму тенденцияларының типологиясы	1	4
<i>Исина Г.И., Сикиотова А.</i> Ағылшын газет мәтіндерінде неологизмдердің жасалу тәсілдері.....	3	10
<i>Қақжанова Ф.А., Темірболатова А.К., Жарқынбай Т.В.</i> Ағылшын тіліндегі есімшенің мәселесі.	3	16
<i>Мирзоева Л.Ю.</i> Қазіргі лингвистикадағы бағалаудың категориялды ерекшеліктері мен олардың көрінісі	2	4
<i>Нефедова Л.А.</i> ИмPLICITті және эксплицитті мән мәртебесінің когнитивтік ерекшеліктері.....	3	20

ҚАЗАҚ ТІЛ БІЛІМІ

<i>Алтынбекова Ж.М.</i> Лексикондағы білім көріністері.....	1	27
<i>Әділова А.С., Хасенов Б. Д.</i> Исабеков шығармаларындағы «әйел» концептісінің вербалдануы...	3	49
<i>Ескеева М.Қ.</i> Қазіргі қыпшақ тобындағы тілдердің қыпшақтық белгілерінің қалыптасуы және этногенез мәселелері	2	47
<i>Жуынтаева З.Н., Қожамбердина М.Т.</i> Қазақ тіліндегі тұрлаулы мүшелердің түсірілуі.....	4	18
<i>Жүнісова Б.А.</i> М.О.Әуезовтің «Абай жолы» роман-эпопеясындағы көп мағыналы космонимдік атаулардың қолданылу ерекшеліктері	4	11
<i>Кенжеғалиев С.А., Иманбаева С.Б.</i> Т.Р.Қордабаевтың тіл біліміне қосқан үлесі	1	10
<i>Кенжеғалиев С.А., Нұржанова Қ.</i> Қарсылықты бағыныңқы сабақтас құрмалас сөйлемдердің жасалу жолдары	1	15
<i>Қазанбаева А.З.</i> Этнофразеологизмдердің тілдік сипаты	2	10
<i>Қанабекова М.Қ.</i> Көркем мәтіндегі тарихи стилизация құбылысы	2	18
<i>Мажитаева Ш., Абдразақова А.</i> Сан компонентті кейбір киелі ұғымдардың қалыптасу тарихынан	2	24
<i>Мусина Р.С., Мәретбаева М.Ә.</i> Көркем мәтін және баяндау формалары	2	30
<i>Пірімбетов Т.Т.</i> Туынды сөз (түрлері) — сөзжасам саласының өзекті мәселесі.....	2	36
<i>Сағатова Г.Қ.</i> Психолингвистикадағы уәждеме мәселесі.....	1	21
<i>Саметова Ф.Т.</i> Қазақ сөйлеу этикетінің ерекшеліктері	3	55
<i>Тұрсынова М.А.</i> Түркі тілдеріндегі ілік септігінің сипаты.....	2	42
<i>Тұрсынова М.А., Жуынтаева З.Н.</i> Қазақ тіліндегі <i>ата, ана, ұл, қыз</i> атауларының басқа түркі тілдеріндегі көрінісі.....	4	24
<i>Хасенов Б.Р., Әділова А.С.</i> Түр-түс атауларының шығуы туралы.....	4	5

ӘДЕБИЕТТАНУ ЖӘНЕ ФОЛЬКЛОРИКА

<i>Амангелдиева Г.С.</i> Әбіш Кекілбайұлының тарихи-рухани тақырыпты көтерудегі көркемдік күдіреті	1	32
<i>Асанов Қ.Д.</i> Айтыс жырларының әсерлілік ықпалы	3	78
<i>Әбдиманұлы Ө.</i> Мағжанның ақындық әлемі	2	63
<i>Бейсентай А.Б.</i> Мағжан шығармашылығындағы Абай дәстүрі	2	70
<i>Бралина С.Ж., Шильке В.В.</i> Фольклорлық сана теориясының мәселелері.....	1	37
<i>Волошина О.А.</i> Лингвистикалық ілім тарихындағы концептуалды метафораның рөлі	1	45
<i>Жанбозұлы К.</i> «Байбөрі баласы Бәмсі Байрақ туралы жырда» бейнеленген ежелгі қазақы салттар	3	95
<i>Жарылғанов Ж.Ж.</i> Ұлттық прозадағы неомифологизм ағымына тән үрдістер	2	76

<i>Жарылғанов Ж.Ж., Мирзахметов А.А.</i> Қазіргі қазақ прозасындағы романтизм	4	60
<i>Жарылғанов Ж.Ж., Рахымжанова А.Б.</i> Мифтің жазба әдебиетімен ара-қатынасы	4	73
<i>Жұмағали З., Жұмағалиева Г.</i> Халық ұлы туралы поэма.....	1	59
<i>Жұмағұл С.Б., Жетібаева Ә.Ж.</i> 2000 жылдардағы қазақ әдеби сынындағы полемикалық мақалалар.....	2	112
<i>Жұмағұл С.Б., Сармурзин Е.</i> XX ғасыр соңындағы алаштану ілімі (1988–1991 жылдардағы зерттеулер негізінде)	4	66
<i>Жұмағұлов А.Б.</i> XX ғасыр басындағы әдебиет тарихының зерттелуі	2	119
<i>Загинайко О.Ю. К.Д.Воробьев</i> әскери прозасында түр-түстің берілу тәсілдері.....	1	53
<i>Каренов Р.С.</i> Арқаның ақиығы Біржан салдың Жетісу бұлбұлы ақын Сарамен айтысы	2	93
<i>Каренов Р.С.</i> Арқаның ардақты ақынының қазақ поэзиясына қосқан үлесі (Мақсұт Байсейітовтың 85 жылдығына орай).....	1	65
<i>Каренов Р.С.</i> Есімі қазаққа мәлім болған, сөзі үш жүзге тәлім болған дүлдүл әнші-ақын Үкілі Ыбырай.....	4	38
<i>Каренов Р.С.</i> Өндірісті өлкенің жыршысы атанған Мақсұт ақын туралы ой-толғам (М.Байсейітовтың 85 жылдығына орай).....	1	88
<i>Каренов Р.С.</i> Сал-серілер поэзиясының қалыптасуы мен дамуына сүбелі үлес қосқан ерен тұлға.....	2	80
<i>Каренов Р.С.</i> Ыбырай Сандыбайұлының өнерпаздық өмір жолының зерттелуі, жиналуы жайлы ой-толғау.....	3	62
<i>Кішкенбаева Ж.Қ.</i> Көркем мәтіндегі «автор», «баяншы», «әңгімеші» ұғымдары.....	2	129
<i>Машкова С.Н.</i> О.Сүлейменовтің «Кактус» поэмасы: мәтін тарихына орай		
<i>Нұрғали Қ. Ә.Әлімжановтың «Ұстаздың оралуы» повесінің поэтикасы</i> (Н.Ровенскийдің сыни мақалалары беттері бойынша).....	1	104
<i>Нұрғали К.Н.</i> XX ғасыр қазақстандық прозасындағы жол мотиві.....	2	124
<i>Нұрғали Қ.</i> Орыс әдебиетіндегі әңгіме жанры	1	101
<i>Смағұлов Ж.Қ., Абдикадинова А.Ж.</i> А.Сейдімбек және күй аңыздарының жанрлық табиғаты.....	4	30
<i>Смағұлов Ж.Қ., Төрбекова Б.</i> Қазіргі қазақ прозасындағы романтикалық сарын.....	2	107
<i>Такиров С.У.</i> XX ғасырдың 40-жылдарындағы әдеби сындағы ізденістер	3	100
<i>Ысқақұлы С.</i> XX ғасырдың алғашқы жартысындағы қытай қазақ әдебиетіндегі әдеби үрдіс пен жаңашылдық	3	84

САЛҒАСТЫРМАЛЫ ТІЛ БІЛІМІ

<i>Аязбаева Б.К.</i> Аударма көркем мәтіндегі тілдік тұлға мәселесі жайлы.....	1	108
<i>Жақыпова Ш.С.</i> Ағылшын тіліндегі араб және түркі кірме сөздері.....	4	87
<i>Жақыпова Ш.С.</i> Лингвистикалық жүйелердің өзара ықпал етуі	4	80
<i>Қуанышева С.М.</i> Ағылшын тілінен фразеологиялық калькалау конвергенттік ықпал ретінде....	1	113

ЖУРНАЛИСТИКА МӘСЕЛЕЛЕРІ

<i>Амангелдиева Г.С.</i> Әбіш Кекілбаевтың танымдық публицистикасы.....	1	142

ТІЛ МЕН ӘДЕБИЕТТІ ОҚЫТУ ӘДІСТЕМЕСІ

<i>Айтбаева Б.М.</i> Қашықтықтан оқытуды жүзеге асырудың негізгі қағидаттары	1	119
<i>Айтбаева Б.М., Мұхтарова Т.</i> Жоғары оқу орындарында қазақ тілінің орыс топтарында берілуі	1	136
<i>Антонова Е.М.</i> Университеттік білім беру жүйесінде латын тілін оқыту мәселесі	3	107
<i>Ботабек А.Ә.</i> Қазақ тілі сабағында ақпараттық-коммуникативтік технологияларды қолдану тәсілдері.....	1	130
<i>Кервеннова М.М., Абенова К.М.</i> Білім беру жүйесінде заманауи технологияларды пайдалану — заман талабы	2	134
<i>Темірова А.А.</i> Көптілдік жағдайында орыс тілі мен әдебиетін оқытуға құзыреттілік тұрғыдан келу жұмысы	2	140

ШЕТЕЛДІК ҒАЛЫМДАР МІНБЕСІ

<i>Бахтикиреева У.М.</i> Қазақ филологиясы турасында: сырт көзқарас	3	115

ҰСТАЗ ТУРАЛЫ ЕСТЕЛІК

<i>Бахтиқиреева У.</i> Қазақстандық түркітанушы-ғалым Алтай Сәрсенұлы Аманжолов туралы естелік.....	4	94

«ФИЛОЛОГИЯ ЖӘНЕ ҚАЗІРГІ ГУМАНИТАРЛЫҚ БІЛІМ» РЕСПУБЛИКАЛЫҚ ҒЫЛЫМИ-ТЕОРИЯЛЫҚ КОНФЕРЕНЦИЯНЫҢ МАТЕРИАЛДАРЫ

<i>Савченко Т.Т.</i> Өміршең филология. Конференцияның ашылуындағы құттықтау сөз	4	96

1-секция

КӨРКЕМДІКТІҢ ҚАЗІРГІ ПАРАДИГМАЛАРЫ

<i>Әбішева У.К.</i> XX ғасырдың басы романындағы жаңа үрдістер (Б.К.Зайцевтың «Алыс аймақ» романы мысалында)	4	121
<i>Горбунова Г.З.</i> Көркем әдебиеттегі симулякр типология мәселелері.....	4	104
<i>Иост О.А.</i> В.М.Шукшиннің «Кызыл бүрген» киноповесіндегі имагологиялық мәселесі.....	4	111
<i>Савченко Т.Т.</i> Н.Заболоцкийдің «Столбцы» («Бағаналар») лирикалық кітабындағы өзіндік «мен».....	4	97
<i>Савченко Т.Т., Безкоровайная К.В.</i> И. Бродскийдің «В деревне Бог живет не по углам...» өлеңінің мәтіні мен контексті.....	4	126

2-секция

ОРЫС ТІЛІНІҢ СИНХРОНИЯСЫ МЕН ДИАХРОНИЯСЫ

<i>Байгарина Г.П.</i> Заманауи медиалық дискурс: метатілдік түсініктеме.....	4	137
<i>Гайнуллина Н.И.</i> XX–XXI ғғ. тоғысындағы тілдік өзгерістердің тарихи себебі.....	4	131
<i>Исенова Ф.К., Сатибекова К.</i> Тіл және сөйлеу категориялар ара-қатынасы тұрғысынан окказионалды қарастырылған	4	163
<i>Қиынова Ж.К.</i> Орыс тіліндегі көнеславян фразеологиясы: тілдің диахрониясындағы синхрония.....	4	143
<i>Нарожная В.Д.</i> Орыс фразеологизмдерінің құрамындағы лексикалық және фонетикалық архаизмдер	4	149
<i>Сансызбаева С.К.</i> Қазақ-орыс зооморфизмдерінің тұрақты қолданылатын коннотативтік ерекшеліктері.....	4	157
<i>Треблер С.М.</i> Көркем мәтін бейнесіндегі дәуірдің тілдік жағдайы.....	4	167

3-секция

ЛИНГВИСТИКА МЕН ЛИНГВОДИДАКТИКАНЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ

<i>Дмитрюк Н.В.</i> Этностың тілдік санасының менталды таңбаланған концептілері: зерттеу әдіснамасы	4	185
<i>Екшембеева Л.В.</i> Оқу үдерісіндегі картаға түсіру.....	4	173
<i>Кильдюшова И.В., Курманова Т.В.</i> Шетелдік студенттердің өзіндік жұмысын өткізу тәжірибесінен	4	210
<i>Мельникова Э.В.</i> Ауызша тілдік көркем шығармадағы коммуникативтік құралдардың эстетикалық рөлі («Цветы от Лизы» телехикаясындағы кейіпкер Лизаның мысалында)	4	197
<i>Мирзоева Л.Ю.</i> Эмотивтік қиысу көпдеңгейлі бағалауыштық жүйенің көрсеткіші ретінде.....	4	179
<i>Нұршайыхова Ж.А.</i> Прагматикадағы құрылымдық синтаксис.....	4	191
<i>Оразғалиева Ф.Ш.</i> Әр халықтардың түс атауларының мәдени коннотациясы.....	4	202
<i>Рахимбекова М.К.</i> Орыс тілін екінші тіл ретінде меңгерудегі фразеологизмдер мен мақал-мәтелдердің лингвомәдениеттанушы әлеуеті.....	4	215
<i>Шабленова А.Т.</i> Ағылшын тілін оқыту барысындағы рөлдік ойындар	4	220

**Указатель статей, опубликованных
в «Вестнике Карагандинского университета» в 2012 году.
Серия «Филология»**

№ с.

ОБЩЕЕ И РУССКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Kakzhanova F.A., Temirbulatova A.K., Zharkynbay T.B.</i> The Problem of Participle in English	3	16
<i>Аймолдина А.А.</i> Особенности функционирования английского языка в современном казахстанском деловом сообществе	3	32
<i>Акынова Д.Б.</i> Функционирование английского языка в образовательном пространстве Казахстана	3	41
<i>Аманбаева Г.Ю., Пастарнак М.И.</i> Психолингвистические параметры типологии текстов	3	4
<i>Антонова Е.М., Галяутдинова А.Н.</i> Опыт семантико-когнитивного моделирования концепта «синий»	3	26
<i>Жаркынбекова Ш.К., Акжигитова А.Ш.</i> Типология основных тенденций развития языковых ситуаций	1	4
<i>Исина Г.И., Сикитова А.</i> Способы образования неологизмов в английских газетных текстах	3	10
<i>Мирзоева Л.Ю.</i> Категориальные особенности оценки и их представление в современной лингвистике	2	4
<i>Нефедова Л.А.</i> Когнитивные особенности статуса имплицитного и эксплицитного смыслов	3	20

КАЗАХСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Адилова А.С., Хасенов Б.</i> Вербализация концепта «женщина» в произведениях Д.Исабекова	3	49
<i>Алтынбекова Ж.М.</i> Отражение знаний в лексиконе личности	1	27
<i>Ескеева М.К.</i> Проблемы этногенеза и вопросы формирования языковых кипчакских признаков в группе современных кипчакских языков	2	47
<i>Жунусова Б.А.</i> Особенности использования многозначных космонимных названий в романе-эпопее М.О.Ауезова «Путь Абая»	4	11
<i>Жуынтаева З.Н., Кожамбердина М.Т.</i> Пропуск главных членов предложения в казахском языке	4	18
<i>Казанбаева А.З.</i> Языковая характеристика этнофразеологизмов	2	10
<i>Канабекова М.К.</i> Явление исторической стилизации в художественном тексте	2	18
<i>Кенжегалиев С.А., Иманбаева С.Б.</i> Вклад Т.Р.Кордабаева в языкознание	1	10
<i>Кенжегалиев С.А., Нуржанова К.</i> Особенности образования сложных придаточных уступительных предложений	1	15
<i>Мажитаева Ш., Абдразакова А.</i> Из истории формирования некоторых сакральных понятий в устойчивых словосочетаниях с компонентами числительных	2	24
<i>Мусина Р.С., Маретбаева М.А.</i> Художественный текст и формы повествования	2	30
<i>Пиримбетов Т.Т.</i> Производное слово (виды) — основная проблема в области словообразования	2	36
<i>Сагатова Г.К.</i> Проблема мотивировки в психолингвистике	1	21
<i>Саметова Ф.Т.</i> Особенности казахского речевого этикета	3	55
<i>Турсынова М.А.</i> Родительный падеж в тюркских языках	2	42
<i>Турсынова М.А., Жуынтаева З.Н.</i> Казахские наименования <i>ата-дедушка, ана-мать, ұл-сын, қыз-дочь</i> в других тюркских языках	4	24
<i>Хасенов Б.Р., Адилова А.С.</i> Об этимологии цветообозначения	4	5

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Абдиманулы О.</i> Поэтический мир Магжана	2	63
<i>Амангелдиева Г.С.</i> Художественные приемы Абиша Кекильбаева, используемые в раскрытии историко-философской темы	1	32
<i>Асанов К.Д.</i> Эмоционально-экспрессивное воздействие айтыса	3	78
<i>Бейсентай А.Б.</i> Традиционные приемы стихосложения Абая в творчестве Магжана	2	70
<i>Бралина С.Ж., Шильке В.В.</i> Проблемы теории фольклорного сознания	1	37
<i>Волошина О.А.</i> Роль коцептуальной метафоры в истории лингвистических учений	1	45

<i>Жанбозулы К.</i> Древние казахские традиции, отраженные в «Жыре о Бамси Байраке, сыне Байбори».....	3	95
<i>Жарылганов Ж.Ж.</i> Особенности течения неомифологизма в национальной прозе.....	2	76
<i>Жарылганов Ж.Ж., Мирзахметов А.А.</i> Романтизм в современной казахской прозе.....	4	60
<i>Жарылганов Ж.Ж., Рахымжанова А.Б.</i> Соотношение мифа с письменной литературой.....	4	73
<i>Жумагали З., Жумагалиева Г.</i> Поэма о народном сыне.....	1	59
<i>Жумагул С.Б., Жетибаева А.Ж.</i> Полемические статьи в казахской литературной критике 2000 годов.....	2	112
<i>Жумагул С.Б., Сармурзин Е.</i> Алашоведение в конце XX века (на материалах исследований 1988–1991 годов.).....	4	66
<i>Жумагулов А.Б.</i> Исследования истории литературы начала XX века.....	2	119
<i>Загинайко О.Ю.</i> Колористика военной прозы К.Д.Воробьева.....	1	53
<i>Каренов Р.С.</i> Айтыс Биржана с Сарой как один из лучших образцов песенного состязания.....	2	93
<i>Каренов Р.С.</i> Вклад Максута Байсеитова в развитие отечественной поэзии XX столетия (к 85-летию поэта).....	1	65
<i>Каренов Р.С.</i> О жизни и творчестве Ибрая Сандыбайулы.....	3	62
<i>Каренов Р.С.</i> Слово о творчестве поэта Максута Байсеитова (к 85-летию поэта).....	1	88
<i>Каренов Р.С.</i> Творчество Биржан-сала Кожажулова — крупное явление в казахской музыке второй половины XIX столетия.....	2	80
<i>Каренов Р.С.</i> О творчестве и судьбе поэта, певца и композитора Ибрая Сандыбаева.....	4	38
<i>Кишкенбаева Ж.К.</i> Понятия «автор», «повествователь», «рассказчик» в художественном тексте....	2	129
<i>Машкова С.Н.</i> Поэма О.Сулейменова «Кактус»: к истории текста.....	2	55
<i>Нургали К.</i> Жанр рассказа в русской литературе.....	1	101
<i>Нургали К.</i> Поэтика повести «Возвращение учителя» А.Алимжанова (по страницам критических статей Н.Ровенского).....	1	104
<i>Нургали К.Н.</i> Мотив пути в казахстанской прозе XX века.....	2	124
<i>Смагулов Ж.К., Абдикадирова А.Ж.</i> Жанровые особенности легенд о кюях в исследованиях А.Сейдимбека.....	4	30
<i>Смагулов Ж.К., Торебекова Б.</i> Романтизм в современной казахской прозе.....	2	107
<i>Такиров С.У.</i> Основные направления литературной критики 40-х годов XX века.....	3	100
<i>Ыскакулы С.</i> Развитие казахской литературы в Китае в первой половине XX века: литературные тенденции и новаторство.....	3	84

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Аязбаева Б.К.</i> К вопросу о языковой личности в переводном художественном тексте.....	1	108
<i>Жакупова Ш.С.</i> Арабские и тюркские заимствования в английском языке.....	4	87
<i>Жакупова Ш.С.</i> Взаимовлияние языковых систем.....	4	80
<i>Куанышева С.М.</i> Фразеологическое калькирование с английского языка как результат конвергентного влияния.....	1	113

ПРОБЛЕМЫ ЖУРНАЛИСТИКИ

<i>Амангелдиева Г.С.</i> Познавательная публицистика Абиша Кекильбаева.....	1	142

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

<i>Айтбаева Б.М.</i> Основные принципы дистанционного обучения.....	1	119
<i>Айтбаева Б.М., Мухтарова Т.</i> Методика обучения казахскому языку в русских группах высшего учебного заведения.....	1	136
<i>Антонова Е.М.</i> К вопросу об изучении латинского языка в системе университетской подготовки.....	3	107
<i>Ботабек А.А.</i> Использование информационно-коммуникативных технологий в обучении казахскому языку.....	1	130
<i>Кервенова М.М., Абенова К.М.</i> Применение инновационных технологий в сфере образования — требование эпохи.....	2	134
<i>Темирова А.А.</i> Компетентностный подход в обучении русскому языку и литературе в условиях полиязычия.....	2	140

Трибуна зарубежных ученых

<i>Бахтикиреева У.М.</i> О казахской филологии: взгляд извне.....	3	115

Воспоминания об учителе

<i>Бахтикиреева У.</i> Памяти казахстанского ученого-тюрколога Алтая Сарсеновича Аманжолова	4	94

Материалы республиканской научно-теоретической конференции «Филология и современное гуманитарное знание»

<i>Савченко Т.Т.</i> Филологии — жить. Приветственное слово на открытии конференции.....	4	96

Секция 1**Современные парадигмы художественности**

<i>Абишева У.К.</i> Новые тенденции в романе начала XX века (на примере романа Б.К.Зайцева «Дальний край»).....	4	121
<i>Горбунова Г.З.</i> Симулякр в художественной литературе: к проблеме типологии.....	4	104
<i>Иост О.А.</i> К проблеме имагологичности киноповести В.М.Шукшина «Калина красная».....	4	111
<i>Савченко Т.Т.</i> Своеобразие «я» в лирической книге Н.Заболоцкого «Столбцы».....	4	97
<i>Савченко Т.Т., Безкоровайная К.В.</i> Текст и контекст стихотворения И.Бродского «В деревне Бог живет не по углам...».....	4	126

Секция 2**Русский язык в синхронии и диахронии**

<i>Байгарина Г.П.</i> Современный медийный дискурс: метаязыковое комментирование.....	4	137
<i>Гайнуллина Н.И.</i> Историческая детерминированность языковых изменений на стыке XX–XXI вв. .	4	131
<i>Исенова Ф.К., Сатибекова К.</i> Оказиональность в аспекте соотношения категорий языка и речи.....	4	163
<i>Кыинова Ж.К.</i> Старославянская фразеология: синхрония в диахронии языка.....	4	143
<i>Нарожная В.Д.</i> Лексические и фонетические архаизмы в составе русских фразеологизмов.....	4	149
<i>Сансызбаева С.К.</i> Узуальные коннотативные особенности казахско-русских зооморфизмов.....	4	157
<i>Треблер С.М.</i> Языковая ситуация эпохи в отражении художественным текстом.....	4	167

Секция 3**Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики**

<i>Дмитрюк Н.В.</i> Ментально маркированные концепты языкового сознания этноса: методология исследования.....	4	185
<i>Екшембеева Л.В.</i> Картирование в учебном процессе.....	4	173
<i>Кильдюшова И.В., Курманова Т.В.</i> Из опыта организации самостоятельной работы иностранных студентов.....	4	210
<i>Мельникова Э.В.</i> Эстетическая роль коммуникативных средств в звучащем художественном произведении (на примере образа Лизы в т/с «Цветы от Лизы»).....	4	197
<i>Мирзоева Л.Ю.</i> Эмотивное согласование как показатель многоуровневости оценочной системы.....	4	179
<i>Нуришаихова Ж.А.</i> Структурный синтаксис в прагматике.....	4	191
<i>Оразалиева Ф.Ш.</i> Культурная коннотация цветообозначения у разных народов.....	4	202
<i>Рахимбекова М.К.</i> Лингвокультуроведческий потенциал фразеологизмов при усвоении русского языка как второго.....	4	215
<i>Шабленова А.Т.</i> Рольевые игры при обучении английскому языку.....	4	220